63

В.В. ПОЛИКАРПОВ

ОТ ЦУСИМЫ К ФЕВРАЛЮ

ЦАРИЗМ И ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

МОСКВА «ИНДРИК» 2008

ББК 63.3(2)5
УДК 94(47)
П 50

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2008

Поликарпов В.В.

От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. — М.: «Индрик», 2008. — 552 с.

Книга содержит статьи о спорных вопросах отечественной истории начала XX века. В центре внимания — промышленная политика самодержавия при Николае II и освещение проблем экономического развития России в советской и новейшей исторической литературе; рабочее движение накануне и во время Февральской революции; проблема критики источников о «политическом масонстве».

Публикуются документальные материалы о ликвидации «нового направления» в начале 1970-х гг.

ISBN 978-5-85759-440-7

© В.В. Поликарпов, 2008
© Издательство «Индрик», 2008

Оглавление

От автора 7

ЦУСИМА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

«Новое направление» — в старом прочтении 11
Дискуссия не по графику 33
Государственная власть и монополии в начале XX века 47
Последняя дискуссия советских историков:
«Новое направление» 50–70-х годов 77
Документы из архива К.Н. Тарновского 118

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И КАЗЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Военная промышленность России в начале XX века 159
О количественных методах и источниках изучения
военной промышленности 194
О «коммерческом» управлении государственной промышленностью 218
Роль заводов горного ведомства на железном рынке 242
Власть и флот в 1905–1909 годах 264
О так называемой «программе Маниковского» 1916 года 291

ВЛАСТЬ — ПРОМЫШЛЕННОСТЬ — РАБОЧИЕ: БЕЗ ОБЩЕГО ЯЗЫКА

Царизм и пушечные короли Антанты: опыт сотрудничества 345
Стратегия процветания крупного бизнеса
(к истории Путиловского общества) 399

Путиловский завод в 1915–1917 годах 424
«Пути монаршего милосердия» 451
Русский рабочий вопрос весной 1916 года 464
22–23 февраля 1917 года в Петрограде 487

ФЕВРАЛЬ: СТРАШНАЯ МАСОНСКАЯ ТАЙНА

Из следственных дел Н.В. Некрасова 513
Рукопись, найденная на Петроградском фронте 522

Список сокращений 534

Именной указатель 536

От автора

На Чистых Прудах, в центре Москвы, здание, построенное в 1912 году, охраняет воин в рыцарских доспехах. Скоро век уже, как он, уверенно опираясь на тяжелый меч и обернувшись на запад, замер в настороженном ожидании.

Образ не без идеи. В канун мировой войны такой хотела выглядеть империя Николая II: Россия желает мира, но готова к войне. В действительности, едва оправившись после очередного поражения — в Маньчжурии и при Цусиме — она не располагала ни материальными ресурсами, ни временем, ни властной волей, чтобы избегнуть неминуемой катастрофы в новом военном состязании — с могущественными европейскими державами.

Историческая оценка успехов индустриального и вообще экономического развития старой России, возможностей либерального воздействия на курс царского правительства по отношению к общественной инициативе, частному предпринимательству и в «рабочем вопросе» — область постоянных разногласий, усугубляемых влиянием колебаний идеологической конъюнктуры на исследовательскую практику. Здесь для движения вперед нередко может быть полезнее не «ввести в научный оборот» неизвестные источники и факты, а, наоборот, постараться удалить из обращения необоснованные построения.

Принимая посильное участие в этой работе последних десятилетий, в сопровождавших ее спорах, автор видит необходимость с помощью настоящего издания пересмотреть и свои ранее напечатанные статьи, главным образом о состоянии военной индустрии в начале XX века и политике царизма в области промышленности. Следует учесть данные появившихся новых исследований, по возможности исправить собственные ошибки, обнаружившиеся после дополнительного изучения источников либо имеющие случайное происхождение. Без изменений воспроизводятся лишь статья-рецензия «"Новое направление" — в старом прочтении» и вводная статья к публикации документов «Из следственных дел Н.В. Некрасова», вызвавшие

в свое время противоречивые отклики и возражения: главных оппонентов, к сожалению, уже нет. Некоторые уточнения и разъяснения при этом все же сделались неизбежными; в обоих случаях они помещены в отдельный комментарий («Дискуссия не по графику», «Рукопись, найденная на Петроградском фронте»).

Основная часть статей публиковалась в «Вопросах истории», остальные — в других журналах и в сборниках; некоторые, развивающие одну тему, объединены; в ряде случаев изменены заголовки.

Хотя бы и взятые все вместе, эти статьи не могут претендовать на целостное освещение основной темы, но содержат материал для суждения о ее малоизученных сторонах. Оставаясь, в итоге, не более чем серией очерков, во многом имеющих дискуссионный характер, они в то же время связаны между собой единством предмета.

Связывает их также не академический, а чисто личный мотив — стремление автора заслужить внимание и одобрение любимого друга, учителя Нины Александровны Платоновой.

ЦУСИМА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

«Новое направление» — в старом прочтении

Судьба «нового направления» в изучении отечественной истории, формировавшегося в 50–60-е гг., представляет немалый интерес, поскольку в ней отразились более общие условия и тенденции идеологической жизни последних трех десятилетий. В трудах исследователей, к нему принадлежавших, заявило о себе постепенное осознание необходимости учитывать особенности развития дореволюционной России, обусловленные ее срединным положением между передовыми странами Запада и цивилизациями Востока. С точки зрения этого направления Россия относилась к странам «второго эшелона» капитализма со свойственными им сравнительной отсталостью и своим типом капиталистического развития (мозаичностью многоукладной экономики, повышенной ролью государства в экономических и иных отношениях и пр.). Отсюда вытекало и новое понимание сцепления классовых сил в революционном процессе, сближение его социалистических и демократических задач. Более полным становилось представление о демократическом потенциале Великого Октября, разнообразии социальных сил, выступавших в союзе с революционным пролетариатом, складывалось критическое отношение к догматическим установкам, касающимся роли крестьянства и других демократических слоев в революции.

В целом «новым направлением» вырабатывалось более объективное освещение условий, вызвавших три российские революции и в то же время породивших особые трудности социальных преобразований после победы Октября. Внимание к этим аспектам, однако, вступило в противоречие с традиционно-апологетическим истолкованием отечественной истории (прежде всего советского периода), с утверждавшимся псевдопатриотическим приукрашиванием монархически-имперского дореволюционного государства. По этим линиям в 70-е гг. и развернулась ожесточенная критическая кампания против нового подхода, объявленного антимарксистским, чуждым советской исторической науке.

Работа, о которой идет речь[1], представляет собой попытку историографически оправдать эту кампанию, причем делает это ее активнейший участник, дающий в определенном смысле аутентичное объяснение происходившего. В.И. Бовыкин занимает крайнее место на фланге того направления, которое принято именовать «оптимистическим» и которое, по оценке И.Ф. Гиндина, господствует в изучении отечественной истории с 30-х годов[2].

Книга содержит три основных компонента. Один — сжатое изложение того, как представляется ее автору современное понимание ряда аспектов темы (аграрный строй, промышленность, монополии, банки, финансовый капитал), что облегчает анализ остального содержания. Другой — своего рода свод тех рекомендательно-запретительных историографических обзоров, с какими Бовыкин выступал с 70-х гг., участвуя в кампании, направленной тогдашним идеологическим руководством (прежде всего С.П. Трапезниковым) против «нового направления». Наибольший интерес представляет третий компонент — полемика, вызванная уже условиями перестройки. Обороняясь от обвинений в сталинизме, автор ищет способов возвратить это обвинение своим критикам, активизировавшимся после 15 лет вынужденного молчания.

В работе зафиксирован определенный сдвиг. Не так давно, в 1981 г., Бовыкин с удовлетворением повторил в своем изложении суждение середины 40-х гг., что до 1938 г. «некоторые фундаментальные вопросы истории России начала XX в. оставались еще неясными» (в частности, существовало «разное понимание вопроса об уровне и характере капиталистического развития России» накануне революции), а с выходом «Краткого курса» истории ВКП(б) преодоление пагубного разномыслия «было окончательно закреплено», «ошибочные» мнения изжиты[3]. Теперь, после критики, которую вызвали эти положения[4], Бовыкин подошел к оценке роли «Краткого курса» иначе, признав правоту мнения по этому предмету К.Н. Тарновского (с. 146–147). В том же 1981 г., выступая против «нового направления», Бовыкин считал «ошибочным взглядом» мнение о «якобы имевшем место сосуществовании капитализма в промышленности и докапиталистических отношений в аграрном строе»[5]. Сейчас он

---

[1] БОВЫКИН В.И. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. 155 с. Далее страницы этого издания всюду указаны в тексте.

[2] Гиндин называл это направление «традиционным» — в отличие от «нового» (см.: Документы советско-итальянской конференции историков. М., 1970. С. 226–227).

[3] Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 15. Здесь воспроизведена мысль из введения к докторской диссертации А.Л. Сидорова (1943 г.) (НИОР РГБ. Ф. 632. К. 101. Д. 6. Л. 30).

[4] См.: КОЗЛОВ А.И. Обобщая бесценный опыт // Коммунист. 1987. № 16. С. 121; см. также: ГАНЕЛИН Р.Ш., ЕГОРОВ Ю.В., ЦАМУТАЛИ А.Н. История как выбор пути // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 2. С. 171–172.

[5] БОВЫКИН В.И., ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Социально-экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981. С. 32.

признает, вслед за В.И. Лениным, сосуществование «самых передовых форм промышленности и полусредневековых форм земледелия», «чудовищную отсталость деревни» (с. 16, 110–111).

Уступки критике лишили работу Бовыкина логической целостности, породив внутренние противоречия, и в то же время оказались недостаточными, чтобы это исследование способствовало освобождению историографии от застойных наслоений. Более того, все усилия автора приложены к тому, чтобы представить «новое направление» не насильственно свернутым, а погибшим естественной смертью, в результате якобы обычных чисто научных споров, дискуссий. К этому, однако, добавляется мысль, что, собственно, теперь-то и жалеть не о чем, так как «новое направление» являлось сталинистским и благодаря ликвидации его в начале 70-х гг. были сорваны замыслы псевдоноваторов «навязать советской исторической науке» модифицированную «старую схему, в основе которой лежали сталинские представления». По Бовыкину, дело заключалось не в пресечении, а в накопившемся за десятилетие после XX съезда КПСС иммунитете «против догматических построений, противоречащих результатам исторических исследований» (с. 149), и сами же представители этого направления под воздействием неотразимых сугубо научных «аргументов их критиков» «отошли от прежних своих позиций» (с. 107).

Занятная получилась картина. Трапезниковское руководство «историческим фронтом», оказывается, одной рукой вычеркивало всякие упоминания о решениях XX и XXII съездов КПСС, запрещало сам термин «период культа личности Сталина» и какую бы то ни было его критику, а другой — поручало Бовыкину организовывать академические диспуты, чтобы вынудить представителей «нового направления» отрешиться от закоренелого сталинизма.

Эту схему интересно сопоставить с фактами. «Перевоспитание» сторонников «нового направления», как известно, развернулось в полной мере тогда, когда — после длительной пристрелки, занявшей вторую половину 60-х гг., — в марте 1972 г. помощники Трапезникова С.С. Хромов и Ф.М. Ваганов организовали диспут в Отделении истории АН СССР, обеспечив принятие пространного проработочного постановления[6]. Но в те же дни в Свердловске был подписан к печати сборник «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности», который показывал, что «ересь» не удалось искоренить. Тогда Трапезников провел в марте 1973 г. совещание, на котором А.И. Данилов, А.Л. Нарочницкий, П.Н. Поспелов, Г.В. Шарапов, А.П. Косульников и другие его участники сделали все необходимые разоблачения, позволившие установить, «с чьего голоса» поет «новое направление». Поскольку там же, на совещании, выяснилось, что вместо самопризнания обвиняемые продолжают домогаться печатного опровержения возводимых на них обвинений, приняв за чистую монету пункт постановления об опубликовании материалов

[6] См.: Вопросы истории. 1972. № 8. С. 141–145. С точки зрения последующего развития событий, это постановление показалось чересчур либеральным, и на практике его пришлось нарушить, в частности, положив под сукно пункт об опубликовании материалов «дискуссии». 9 июня 1988 г. это постановление было отменено Отделением истории АН СССР, как противоречащее задачам перестройки в исторической науке (см.: там же. 1988. № 10. С. 175).

«дискуссии», было решено положить конец этому раз и навсегда. Бовыкин получил задание подготовить текст стенограммы совещания; отпечатанная в 1 тыс. экземпляров, она была разослана во множество адресов как директивный материал.

В том же ключе «научная дискуссия» продолжалась 15 лет; за это время в печать не пропускалось ни строчки в защиту «нового направления», проработка же его представителей велась с механической регулярностью; были пересмотрены издательские планы, сделаны крутые оргвыводы; у наиболее провинившихся пришлось с помощью ВАК проваливать уже защищенные диссертации. Тарновскому было обещано Трапезниковым обязать тогдашнего главного редактора журнала «Вопросы истории КПСС» Косульникова поместить статью — без всяких полемик, а лишь с точным изложением позиции автора. Напоминать об этом обещании Тарновский перестал через три года — когда ему стало ясно, что таким маневром Трапезников просто-напросто «закрыл вопрос».

Наиболее тяжелый участок в этой дискуссии достался Бовыкину. Под его начало был отдан самый «зараженный», даже после проведенного в 1974 г. «укрепления», сектор; ему же приходилось играть роль главного эксперта в комиссии по оргвыводам и пр. и пр. Жаль, что вся эта история затронута в книге Бовыкина лишь вскользь: это настолько существенный пробел, а автор настолько основательно знаком с организационными аспектами событий, что, можно сказать, его работа явилась в свет как бы без центральной главы, которая должна была бы вобрать в себя решающие «аргументы». Вместо делового изложения обстоятельств «дискуссии», которая свелась к утверждению на 15 лет монополии Бовыкина–Лаверычева на трактовку проблемы предпосылок всех российских революций, в книге об этих обстоятельствах говорится в форме догадок, гипотетических соображений (с. 107–109), автор как бы в изнеможении перед трудностью вопроса разводит руками («Не берусь судить...»). Но и в данном виде книга по-своему отражает логику борьбы с «новым направлением» и ее результаты.

Задача, которую ставит перед собой Бовыкин, внешне выглядит вроде бы описательной, в духе привычных «обобщающих» работ: «На основе многочисленных исследований, посвященных отдельным процессам капиталистического развития России, воссоздать общую картину и выяснить, что представляла собой наша страна в социально-экономическом отношении накануне 1917 г.» (с. 5). Формулировка задачи характерна. Применительно к данной конкретной проблематике научная непредвзятость предполагает, как известно, стремление вскрыть все формы экономического антагонизма, всю систему общественных конфликтов, подготовивших революцию. Можно ли воссоздать «общую картину», заранее исключив из нее все, что не может расцениваться как «процессы капиталистического развития»? Не подходит ли автор к своей задаче с заранее заготовленным решением? Вопросы возникают не случайно, ибо представителей направления, к которому принадлежит Бовыкин, объединяет неприятие изучения отсталых, архаических явлений в силу априорного убеждения, что капиталистический уклад «оказывал определяющее воздействие на все другие формы организации общественного производства... наполняя их буржуазным содержанием», так что все уклады, существовавшие в России конца XIX — начала XX в., представляли собой не что иное, как форму или оболочку господствовавших

в стране буржуазных отношений[7]. При таком понимании взаимодействия укладов вопрос об их существовании или отсутствии лишается смысла: все они, как их ни назови, — всего лишь «оболочки» одного-единственного уклада.

За этим стоит педантичное следование упрощенной формуле о «характерных чертах» буржуазной революции: в отличие от революции пролетарской она якобы всего лишь приводит политическую надстройку, власть «в соответствие с наличной буржуазной экономикой» («капиталистическим укладом»), выросшей и созревшей в недрах старого строя[8]. В действительности буржуазная революция решает все же более сложную задачу — усиливает рост капитализма, разрушая путы прежнего общества в сфере как надстройки, так и базиса, производственных отношений. Но в течение десятилетий, пока «классическая формула» сохраняла силу закона, каждый историк, если не хотел оказаться «разоблаченным» как «контрабандист троцкизма», должен был усвоить, что «буржуазная экономика» сложилась в России если не к 1861 г., то во всяком случае к 1905, не говоря уже о Феврале 1917 г.

Соответственно, задавшись вопросом, «как быть» с докапиталистическими структурами, Бовыкин полемизирует с Тарновским, не соглашаясь «вынести их за скобки» капиталистического уклада. Рассуждает он по-своему последовательно: раз дело сводится к поверхностной пестроте «оболочек» одного и того же, капиталистического, уклада, то нечего говорить о многоукладности в предреволюционной России: «Ленин никогда не пользовался понятием "многоукладность"» (с. 96–97). Здесь автор не учитывает разницу между понятием и термином[9] — ошибка, связанная также с неудачным прочтением ленинских текстов, рассчитанных на массовую аудиторию, где социально-философскую категорию «общественно-экономическая формация» Ленин нередко обозначал словом «уклад»[10], тогда как в более сложных текстах тем же словом обозначаются и конкретно-исторические структуры.

Доведя свои рассуждения до логического конца, Бовыкин упирается в нечто противоположное. Оказывается, что Ленин все-таки «обращал внимание» на пестроту общественно-экономической структуры России, «учил видеть» в этой пестроте то «главное, что определяло основные черты российского капитализма. Формула Ленина "самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!" выделяла важнейшие составные части общественно-экономической структуры страны» (с. 97). Так же и на с. 110–111 Бовыкин то заявляет об отрицательном отношении к идее многоукладности «со стороны советских историков», то пишет, что его единомышленники «отнюдь не

[7] КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 104; РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Пореформенное помещичье хозяйство и капитализм // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 70: ЕГО ЖЕ. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 20; БОВЫКИН В.И. Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 4.

[8] СТАЛИН И.В. Сочинения. М., 1948. Т. 8. С. 21.

[9] Об этой разнице см.: КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Методы исторического исследования. С. 194–195.

[10] См. например: ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 190; ср.: с. 100–102.

отрицали многоукладности российского народного хозяйства» (с. 105) и даже давали «советы» по использованию понятия «многоукладность» (с. 108), что «история подтвердила» мнение Ленина о существовании «в предреволюционной России докапиталистических укладов», в том числе полукрепостнического помещичьего хозяйства (с. 110–111), патриархального натурального хозяйства, остатков родового строя. Все это уживается опять-таки с указанием, что Ленин хотя и отмечал наличие различных укладов в экономике послеоктябрьской России, но «совершенно иной была ситуация в России до 1917 г.» (с. 97).

Если выбирать между двумя несоединимыми точками зрения Бовыкина, то истинной, по-видимому, будет та, которая совпадает и с выводом Н.М. Дружинина, на чей авторитет не раз в других случаях пытается опереться автор, обходя, однако, следующее его суждение: «Кардинальный вывод о многоукладности социально-экономической структуры капиталистической России, — писал Дружинин в 1972 г., — был на большом фактическом материале обоснован В.И. Лениным еще в конце XIX в... В России в силу своеобразия ее природных, демографических и исторических условий она [многоукладность] оказалась более живучей и более ярко выраженной, чем в Западной Европе, не исключая Пруссии начала XX века»[11].

Становление концепции многоукладности фактически было необходимым этапом в формировании научного подхода к исследованию предпосылок революции. Свойственный «новому направлению» сознательно применяемый системный подход заключался в том, чтобы изучить «взаимодействие отсталых и передовых черт в русской экономике», «определить значение и место этой взаимосвязи в победе социалистической революции»[12]. Развернутые в этом русле исследования большой группы историков продолжались полтора десятилетия, пока не были пресечены путем проработочных кампаний под флагом борьбы против «нового направления» и «нового прочтения» теоретических трудов Маркса, Энгельса, Ленина. В нынешних условиях продолжать эту дискредитацию столь же прямолинейно — непрактично. В книге сделана попытка решить ту же задачу, представляя идею многоукладности в качестве одного из новых, «иных» акцентов, появившихся в литературе не ранее как «с середины 60-х годов». Для этого приходится переписывать историографию, задним числом очищая ее от понятия «многоукладность», замалчивать и только что цитированное выступление и другие работы конца 50-х — начала 60-х гг.

Как отвечающий этой схеме пример позднего появления «нового акцента» Бовыкин приводит слова Волобуева о том, что «в конечном счете многоукладность экономики не только деформировала и осложняла развитие капитализма, но и порождала такую сумму социальных и экономических противоречий, которые могли найти разрешение лишь посредством коренного общественного переустройства» (с. 151). Но приведенная цитата из книги, изданной в 1987 г., — это всего лишь дословно

---

[11] ДРУЖИНИН Н.М. Избр. труды. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 348.

[12] Выступление П.В. Волобуева 24 октября 1957 г. по докладу А.Л. Сидорова о предпосылках Октября (СИДОРОВ А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 86–87).

воспроизведенный (вместе даже со стилистической неточностью) текст из двух статей Волобуева, относящихся к 1957–1958 годам[13].

Ныне вопрос о времени возникновения «нового направления» трактуется Бовыкиным иначе, чем в прежних его работах, где он утверждал, что те «ошибочные взгляды» возникли «еще с конца 50-х — начала 60-х годов»[14]. В трапезниковские времена достаточно было назвать такую дату, чтобы стали ясны политическое происхождение этих ошибок и бдительность автора. Теперь же он предпочитает записать десятилетие после XX съезда КПСС в свой актив и без лишних слов отодвигает дату рождения «нового направления» на середину или вторую половину 60-х гг. «Изменения, происшедшие в общественной жизни страны к середине 60-х годов, — пишет он, — оказались восприняты рядом историков как сигнал к отказу от того, что было сделано в предшествующее десятилетие. В этом и заключался смысл так называемого "нового направления"» (с. 149). Речь идет не о пустяковом хронологическом уточнении. Плюс заменяется на минус: оппонентам из «нового направления» отказано в родстве с эпохой разоблачения культа личности, они, наоборот, оказываются порождением поворота к неосталинизму в середине 60-х гг.

Обилие противоречивых утверждений — результат того, что автор за все 15 лет, пока групповыми усилиями нагнетались «методологические» претензии к «новому направлению» как к антимарксистскому, не испытывал потребности в том, чтобы совершенствовать свою аргументацию, и беспрепятственно нагромождал обвинения, не слишком заботясь об их научной обоснованности. Отсюда и неразборчивость в приемах полемики и соответствующая степень падения профессионализма, проявляющаяся в слабом знании литературы по теме. Помимо выступлений Волобуева 1957–1958 гг., обоснование концепции многоукладности и системы представлений «нового направления» дано также в 1962 г. в статье Тарновского «К итогам изучения монополистического капитализма в России». В ней сделан вывод о существовании в литературе «двух направлений», по-разному трактующих проблему государственно-монополистического капитализма. Полемика шла по таким вопросам, как несостоятельность утверждений о «подчинении» государственного аппарата самодержавия монополиями, степень влияния феодальных пережитков в экономическом и политическом строе, роль государства в экономическом развитии. Опираясь на накопленные к началу 60-х гг. научные данные об особенностях монополистического капитализма в России, Тарновский оценивал понятие многоукладности как исходное для анализа предреволюционной экономики[15].

---

[13] См.: ВОЛОБУЕВ П.В. Выбор путей общественного развития. М., 1987. С. 141; ср.: ЕГО ЖЕ. Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 38; ЕГО ЖЕ. Вопросы диалектики в работах В.И. Ленина о Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы философии. 1958. № 4. С. 34.

[14] Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2. С. 87; БОВЫКИН В.И., ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Указ. соч. С. 32; БОВЫКИН В.И. Формирование финансового капитала в России. С. 10–14; и др.

[15] Бовыкин полагает, что понятие многоукладности «впервые» введено было Тарновским в 1964 г. (с. 102).

Многоукладность при этом рассматривалась, во-первых, как сочетание капитализма (ведущего, определяющего уклада) с пережитками феодализма и патриархальщины, во-вторых, как сочетание «в пределах капиталистического уклада» мелких кустарных промыслов с крупной монополизированной индустрией. Отмечалась и связь многоукладности российской экономики с характером аграрных отношений и перспективой буржуазно-демократической и социалистической революций[16]. Оставляя в стороне упомянутые работы Волобуева и Тарновского и появившиеся в 1960–1962 гг. монографии А.Л. Сидорова, И.Ф. Гиндина, А.М. Анфимова и других, легче, конечно, уверять, что тогда ересь еще не зародилась или что применение понятий многоукладности к дореволюционной России «так и осталось немотивированным» (с. 104 и др.).

Но и те исследования, которые Бовыкин включил в поле своего зрения, использованы им некомпетентно. По его словам, пользуясь термином «многоукладность» с середины 60-х гг., оппоненты «в большинстве случаев» подразумевали «специфическое свойство российского капитализма, обусловливавшее его особую противоречивость» (с. 98). Ни Гиндин, ни Л.М. Иванов, названные Бовыкиным, не истолковывали многоукладность столь ограниченно, можно сказать, «одноукладно» — при таком понимании дело сводилось бы к признанию наличия разных экономических типов внутри самого капиталистического уклада. Они понимали ее шире — как сосуществование, взаимодействие капиталистических экономических типов с докапиталистическими. Так, у них речь идет о тех противоречиях «процесса складывания империализма», «которые были обусловлены остатками крепостничества». Что касается многоукладности, то в тех местах, которые излагает по-своему автор, говорится нечто противоположное его пересказу: «В деревне сохранялось в значительных размерах полунатуральное хозяйство. В начале XX в. ...интенсивно проявлялся, особенно после революции 1905–1907 гг., рост капиталистических отношений за счет докапиталистических. Однако этот процесс все же не получил полного завершения»; «развитие капитализма за счет докапиталистических укладов продолжалось до 1917 г., но многоукладность российской экономики оставалась непреодоленной»[17]. Не ясно ли, что если говорится о «росте капиталистических отношений», «развитии капитализма» за счет докапиталистических укладов с перспективой исчезновения последних, то докапиталистические отношения или уклады — вовсе не «специфическое свойство» самого капитализма?

Излагаемое Бовыкиным собственное «понимание» многоукладности далеко не являлось к середине 60-х гг. всеобщим. Представители «нового направления» писа-

---

[16] ТАРНОВСКИЙ К.Н. К итогам изучения монополистического капитализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 326–330; см. также: ЕГО ЖЕ. О социологическом изучении капиталистического способа производства // Вопросы истории. 1964. № 1.

[17] ГИНДИН И.Ф., ИВАНОВ Л.М. О неравномерности развития российского капитализма в начале XX века // Вопросы истории. 1965. № 9. С. 125–126; ГИНДИН И.Ф. Проблемы истории Февральской революции и ее социально-экономических предпосылок // История СССР. 1967. № 4. С. 33.

ли о многоукладности экономики, проявлявшейся в том, что в ней сочетались «капитализм как ведущий, определяющий уклад» с «пережитками феодализма и даже патриархальщины», тогда как «смешение понятий» (на которое указывал Тарновский) путем отождествления экономики в целом с капиталистическим укладом и, соответственно, свойств капитализма со свойствами экономики в целом — вызывало их возражения[18]. Чего стоит данное Бовыкиным обоснование своей версии возникновения термина «многоукладность», видно из того, что, пообещав опереться на «большинство случаев», на деле он ссылается на три страницы у трех авторов, и ни одна из этих ссылок не достоверна[19].

Все это понадобилось для того, чтобы сказать, что та трактовка многоукладности, которая возникла до середины 60-х гг., не вызывала «методологических» претензий, а вот «к концу 60-х годов» появились «иные акценты», другое толкование — результат конъюнктурных «веяний». «Обозначилось другое направление, — пишет Бовыкин, — рассматривать многоукладность как некую совокупность укладов, среди которых капитализм не был господствующим» (с. 98)[20]. Мысль Тарновского в пересказе Бовыкина искажена. На названных Бовыкиным страницах доклада Тарновского 1969 г. не говорилось, что «капитализм не был господствующим укладом». Наоборот, излагая «существо новой системы представлений», свойственной «новому направлению», Тарновский разделял мнение Волобуева о том, что в России установилось «господство крупного индустриального капитала». Сделанные Бовыкиным (за Тарновского) обобщения прямо противоположны утверждению последнего, что имеется в виду не просто «сумма общественных укладов», а «их взаимодействие в условиях сложившегося капиталистического империализма», причем крупный капитал «разрушал докапиталистические отношения»[21]. Произвольное обвинение «нового направления» в отрицании ведущей (определяющей, системообразующей и т. п.) роли капиталистического уклада послужило одним из главных

---

[18] ТАРНОВСКИЙ К.Н. К итогам изучения. С. 326–328.

[19] Даже третий из этих авторов, в основном разделяющий позицию Бовыкина, в месте, указанном последним, не говорил, что многоукладность — свойство капитализма. Рындзюнский называл два источника многоукладности: во-первых, она является следствием и проявлением капиталистического развития (т. е. вроде бы близко к тому, как пересказывает его слова Бовыкин), а во-вторых — «результатом сохранения пережитков прошлого» (как у Гиндина, Иванова, Тарновского). Но и в первом случае, по мнению Рындзюнского, капиталистическое развитие создает многоукладность, между прочим, тем, что «восстанавливает старые формы и консервирует их» (РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. М., 1966. С. 7–8).

[20] См. также: КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1973. № 2. С. 62–64.

[21] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов // Научная сессия, посвященная проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. Доклады. М., 1969. С. 10–11, 55–56; ЕГО ЖЕ. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России. С. 41–42.

«доказательств» методологических ошибок, отступничества от марксизма. Ныне эта задача облегчена автору тем, что Тарновский не сможет возразить, а прежние, во времена Трапезникова сделанные возражения остаются неопубликованными. Такое «преимущество» позволяет Бовыкину утверждать, будто Тарновский раньше думал как Бовыкин, а в 1969 г., поддавшись «моде», «веяниям», «снял указание на ведущую роль капиталистического уклада», низведя его на положение «лишь одного из укладов» (с. 102).

Манипулирование литературными источниками в книге Бовыкина легче всего было бы объяснить только субъективными пристрастиями или некомпетентностью автора. Но действуют и факторы, обусловленные игрой застойно-консервативных сил. В самом деле, до начала проработочных «дискуссий» общая оценка историографической ситуации в данной проблематике включала признание назревшей потребности расширить поле наблюдений, преодолеть крен в организации исследований, связанный с тем, что в изучении экономики России начала XX в. долгое время делался односторонний упор «на изучение зрелых форм капитализма» (выявление монополий типа трестов, обнаружение системы государственно-монополистического регулирования). Признавалось, что следует «идти дальше... настало время основательно заняться проблемой взаимодействия и переплетения», «"сращивания" "передового" капитализма с его примитивными формами и остатками докапиталистических укладов»[22].

Восстановление же традиционных в сталинское время представлений о предпосылках революций в России задало развитию исследований обратный ход — к апологетике сложившейся ситуации вместе со всей ее предысторией, приучая видеть широкое и свободное развитие капитализма там, где в действительности речь должна была идти о застое и гниении. Соответственно и в книге Бовыкина теоретический состав «преступления», совершенного «новым направлением», формулируется в обобщенном виде как принижение степени капиталистического развития России, с чем якобы и связан особый интерес к изучению «отсталых, неразвитых или пережиточных укладов в ущерб исследованию истории монополистического капитализма» (с. 109). Эта формула обвинения дословно или с незначительными вариациями повторяется, служа напоминанием, что проработка еще продолжается и ныне в назидание всем[23]. «По существу, они предприняли попытки, — предостерегал Бовыкин, — пересмотреть утвердившиеся в советской исторической науке представления о предпосылках Великого Октября», «поставить под сомнение объективную закономерность последовательной смены общественно-экономических формаций». При этом именно новый, объективный подход осуждался в выступлениях Бовыкина и В.Я. Лаверычева как основанный будто бы на однобоком «выпячивании феодально-крепостнических пережитков» во имя выводов, «необоснованно принижающих

[22] От редакции // История СССР. 1966. № 6. С. 136.

[23] БОВЫКИН В.И. Эпоха капитализма (середина XIX в. — 1917 г.) в современной советской историографии // Новое в исторической науке. М., 1984; ЕГО ЖЕ. Эпоха капитализма (1861–1917 гг.) в работах советских историков // Новое в советской исторической науке. М., 1988.

уровень капиталистического развития страны» и ведущих к «отрицанию международного значения ее революционного опыта»[24].

Таким образом, насажденная Трапезниковым «монополия на истину» тормозила изучение некапиталистических укладов, вела к искажению объективной связи и взаимозависимости исторических явлений, превращала нагнетаемое описание высших форм капитализма в крупномасштабную «игру в примеры», нацеленную на затушевывание того неоспоримого факта, что в России современная крупная промышленность была, по словам Энгельса, «привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации» и что даже в начале XX в. самые развитые формы капитализма «в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие»[25].

Таковы некоторые поправки к освещению Бовыкиным вопросов, касающихся происхождения «нового направления», теории многоукладности и взаимодействия укладов. Нельзя обойти еще два узловых вопроса. Это, во-первых, роль государства в экономике и, во-вторых, оценка аграрных отношений.

Видимостью объективности подкупает введенный автором элемент самокритики, когда затрагивается проблема роли самодержавия в экономическом развитии. Ныне Бовыкин отвергает гиндинскую концепцию «государственного капитализма в России как средства ускорения индустриального развития» (с. 53), но признает, что в 1959 г., выступая совместно с Гиндиным и Тарновским, считал, что главным направлением экономической политики царизма являлось «способствование капиталистическому развитию». Это, оказывается, была ошибка, и она стала ему ясна «в результате проведенных исследований» и была исправлена в 1967 г. в книге «Зарождение финансового капитала в России».

Но само это исправление требует новых уточнений. Бовыкин утверждает, будто в книге 1967 г. дал «иную [по сравнению с 1959 г.] характеристику экономической политики царизма» (с. 53). На самом же деле он рекомендовал именно те работы Гиндина, которые теперь, в 1988 г., осуждает. Звучало это так: «Природа и важнейшие проявления государственного вмешательства в экономику России почти исчерпывающим образом охарактеризованы в работах И.Ф. Гиндина». И от себя Бовыкин тогда писал в том же духе: самодержавие «осуществляло такие мероприятия, которые представляли собой прямое насаждение капитализма сверху» (форсирование железнодорожного строительства и развитие некоторых отраслей промышленности, материальная поддержка различных предприятий, даже инициатива в их создании); характерно, что и в земледелии развитие капитализма, по мнению Бовыкина, «требовало активного и всестороннего вмешательства политической надстройки в экономическую жизнь»[26]. Вот какими были «результаты проведенных исследований» в

[24] Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1974. № 6. С. 154–156.

[25] МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 39. С. 344; ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 350–351; т. 36. С. 7; см. также: т. 22. С. 136.

[26] БОВЫКИН В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 74–75.

то время, когда не возбранялся пересмотр одной из важнейших сталинских догм — отрицания роли дореволюционного государства в экономическом развитии[27].

Никакого ощутимого изменения точки зрения Бовыкина в 1967 г. по сравнению с 1959 г., тем более исправления ошибки, нет. Да и в новой книге повторяются те же мысли[28]. Когда же он встречает аналогичные суждения у Гиндина или Тарновского, то категорически отвергает любое упоминание о «насаждении» капитализма «сверху» и об «искусственном росте» крупной промышленности в России. Для спора, который он ведет с «новым направлением», этот вопрос немаловажен, ибо, по мнению Бовыкина, идея о «насаждении» капитализма (или промышленности) государством — одна из двух основ концепции этого направления (вторая — преобладание докапиталистических отношений в деревне).

Аргументы в этом споре Бовыкин черпает у Рындзюнского, который, по его мнению, «показал органичность процесса капиталистического развития в России». Фундаментальность данной опоры не безусловна[29]. Но именно у Рындзюнского Бовыкин заимствует для «нового направления» ярлык «рецидив народничества» — свой главный «теоретический» аргумент. «Рецидив» народнических взглядов Бовыкин и Рындзюнский усматривают в признании Гиндиным того, что «русский промышленный капитализм в значительной степени был насажден сверху». Между тем это часто повторяемое Бовыкиным (с. 4, 53–54[30]) обвинение появилось благодаря недоразумению, связанному с недостаточной осведомленностью Рындзюнского в воззрениях представителей различных идейных течений в России начала XX в. относительно тезиса о «насаждении».

Можно привести примеры, когда этот тезис высказывался не только народниками, но идеологами и дворянства, и бюрократии, и торгово-промышленных кругов, либеральных и марксистских течений. Может быть, достаточно будет сказать, что социал-демократ А.Ю. Финн-Енотаевский[31] писал, как «правительство старалось насадить капиталистическое производство», пролив на промышленную буржуазию «целый дождь различных привилегий, казенных заказов, субсидий, премий. Со-

---

[27] См. об этом: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Еще раз о «сращивании» и «подчинении» // Об особенностях империализма в России. М., 1963.

[28] Так, на с. 64–66 говорится, что самодержавие, приступив к «насаждению» сначала «лишь отдельных отраслей» индустрии (в «узкопрактических целях»), затем «перешло от непосредственного насаждения некоторых особо привилегированных отраслей к поощрению развития промышленности вообще».

[29] Нельзя не согласиться с И.Д. Ковальченко: «в ряде моментов» процесс перехода России к капитализму показан Рындзюнским упрощенно и противоречиво, а выводы являются необоснованными; источниковая база его исследования слаба (см.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 387–389).

[30] См. также: Новое в исторической науке. С. 53.

[31] По мнению Ленина, он стоял «в теоретическом отношении на общей правильной позиции», хотя ошибался вместе с большевиками в сторону переоценки «степени капиталистического развития» в земледелии (ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 268–269), но зато вел активную борьбу против народников.

здание национальной промышленности стало лозунгом правительства». «Задачей г. Витте, как и его предшественника, было: насаждать крупную индустрию... как средство к усилению status quo современной государственной власти», — писал он в работе, посвященной именно опровержению народников, и добавлял: «Это показал рельефно и г. Пешехонов»[32].

Со своей стороны Бовыкин как-то заявлял, что «теория» (в пренебрежительных кавычках, конечно), согласно которой самодержавие насаждало капитализм и способствовало «утверждению крупного промышленного производства», служила обоснованию «главного содержания чрезвычайно путаных и противоречивых» взглядов кадетских лидеров, что «вслед за кадетами» той же теории придерживались меньшевики, не говоря уже о Троцком, который и вовсе гиперболизировал эту идею и «рассматривал капиталистическую промышленность России лишь как результат ее насаждения царским правительством»[33].

Таким образом, тезис о «насаждении», не являясь специфически народническим, в действительности был как бы аксиомой для всех направлений общественной мысли, включая большевиков. Хорошо зная о необоснованности мнения Рындзюнского, Бовыкин продолжает произвольно обвинять Гиндина и Тарновского в отступлении от марксизма, не считаясь с собственными «результатами исследований», лишь бы дискредитировать «новое направление». Кстати сказать, ни Маркс, ни Энгельс не видели ничего немарксистского, народнического в утверждении, что в России «за счет крестьян государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые... способствуют более легкому и быстрому расхищению его (сельского хозяйства. — *В. П.*) плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита»[34].

Слабое знание литературы вопроса ведет к ошибкам, которых вполне можно было избежать. Бовыкин утверждает, что формула подчинения государственного аппарата капиталистических стран монополиями была предложена в 1952 г. И.В. Сталиным в «Экономических проблемах социализма в СССР» (с. 59). Между тем давно доказано, что она появилась раньше и стала догмой в ходе «дискуссии» о книге Е.С. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (М., 1947) в 1947–1949 гг. Вмешательство Сталина было лишь свидетельством «поддержки направления, представленного статьями И. Гладкова, И. Лаптева и И. Кузьминова» (критиков Варги), что означало «победу этого направления», которое оперировало все той же формулой «подчинения», опираясь на близкие по смыслу суждения Сталина 30-х годов[35].

---

[32] ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ А.Ю. Промышленный капитализм в России за последние десятилетия // Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1905. С. 403; ЕГО ЖЕ. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911. С. 479–480, 514.

[33] БОВЫКИН В.И. Введение // Рабочий класс в первой российской революции. С. 6–8.

[34] МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19. С. 409.

[35] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Еще раз о «сращивании» и «подчинении». С. 431.

Недооценка результатов изучения экономических функций государственного аппарата самодержавия наложила отпечаток на трактовку проблем монополизации и финансового капитала. Подводя свое изложение к выводам о «полном господстве» частных банков чуть ли не во всех отраслях промышленности и транспорта, об усилении их роли до такой степени, что оно переполошило «правительственные сферы», об их «важной роли в поддержании государственных финансов», Бовыкин удаляется от собственного замысла относительно создания «общей картины». Заключая свое изложение проблемы, он несколько неопределенно оговаривается, что «границы влияния российских банковских монополий нуждаются еще в уточнении» (с. 89). В издании же, адресованном более широкой аудитории, суть дела изложена им яснее: он пишет, что, ознакомившись с новейшими трудами Лаверычева, проникся убеждением в «полной необоснованности» критического отношения к формуле «подчинения», «получившего хождение в нашей литературе в 60-е годы»[36]. В 1961 г. Тарновский, прослеживая судьбу рассматриваемой формулы, отмечал, что допущение «подчинения» монополиями «отдельных звеньев» государственного аппарата — пройденный этап в осмыслении проблемы, и признавал, что и сам отдал дань этому пережитку старой догмы[37]. Теперь Бовыкин именно этот ее обломок предлагает учителям средней школы в качестве последнего слова науки.

Утверждая, что одним из устоев «нового направления» является тезис о господстве докапиталистических отношений в деревне, Бовыкин в то же время замалчивает основные работы «нового направления» по этой проблеме, преувеличивая при этом дискуссионность некоторых исследований. Так, например, Бовыкин утверждает, что Сидоров в 1960 г. высказал А.М. Анфимову «серьезные возражения», тогда как на самом деле Сидоров считал, что «вопрос об уровне капитализма в России еще не полностью выяснен», и соглашался с Анфимовым в главном. «Было бы ошибкой сказать, — заявил он, — что в сельском хозяйстве окончательно победил капитализм: это значило бы признать успехи столыпинской реформы, как и делали меньшевики»[38].

В освещении аграрных проблем в книге Бовыкина допущены неточности, показывающие слабое знакомство автора с этим предметом, даже с постоянно обсуждаемыми, острыми вопросами. Он, в частности, упрощенно трактует так называемые отработки «первого вида» — когда крестьянин работал на помещика «за плату, но со своим инвентарем». Эту разновидность отработок автор оценивает как систему «переходную, полуфеодальную-полукапиталистическую» (с. 39), что говорит о недоучете им разницы между отработками первого вида и вида второго, когда крестьянин работает с помощью орудий, принадлежащих помещику. Правомерно оценивать отработки первого вида как крепостническую кабалу: «Хозяйство ведется крепост-

---

[36] Новое в исторической науке. С. 64; Новое в советской исторической науке. С. 56.

[37] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 7. С. 49, 51.

[38] Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии. Май 1960 г. М., 1962. С. 347, 350.

ническое, — писал Ленин, — то есть помещики кабалят крестьян, как было и сто и триста и пятьсот лет тому назад, заставляя их крестьянской лошадью, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичью землю... Это не капитализм... Это по-старокитайски»[39]. Такая система, как известно, являлась прямым переживанием барщинного хозяйства. Бовыкина ввела в заблуждение обманчивая внешность явлений: за «элементы нового, капиталистического» он принимает «наем, заработную плату». Но этот аргумент может показаться состоятельным, только если не признавать, что крепостническую сущность отработок первого вида форма платы не изменяет. Все это открыто не «новым направлением».

Бовыкин уверяет, что за откровенно проработочными «критическими откликами на концепцию некапиталистического характера многоукладности» (?!) последовали и «убедительные доказательства» в виде «фундаментальных исследований» ее оппонентов; под влиянием «убедительных аргументов» незадачливые новаторы «отошли от прежних своих позиций» (с. 106–107). Какие же фундаментальные исследования и доказательства имеются в виду?

Странно выглядят эти доводы. Автор воспроизводит, например, утверждение Ковальченко, который приписывает Тарновскому такое представление, будто уклады «лишь сочетаются и переплетаются, а капитализм выступает лишь как один из секторов аграрного строя» (с. 104–105). Но как это сочетается и переплетается с признанием на той же странице, что в специальном докладе о взаимодействии укладов «Тарновский, обобщая... итоги изучения» этого взаимодействия, формулировал совершенно иные выводы, в которых разрушительное воздействие капитализма на докапиталистические уклады рассматривается как сам собою разумеющийся факт? Излагая в историографической статье 1971 г. (по поводу которой высказывается Ковальченко) общие итоги изучения проблемы «к середине 60-х годов», Тарновский не имел никаких оснований представить все спорные в тот момент вопросы решенными. Такая манера использования литературных источников не сходится с представлением о том, что в полемике требуется «корректное представление сути» оспариваемых взглядов[40]. Случилось это как раз в тот момент, когда Тарновский надолго был лишен возможности в печати ответить своим оппонентам. В данном случае Ковальченко подвел Бовыкина, который все это воспроизвел как истину (с. 104–105).

В опровержении точки зрения Анфимова, по мнению Бовыкина, сыграли роль труды и других историков. Так, она «не получила подтверждения» в исследованиях В.Г. Тюкавкина и Л.М. Горюшкина (с. 31). Но как могли исследования, посвященные истории сибирской деревни, подтвердить или опровергнуть выводы, касающиеся Европейской России, которой только и занимался Анфимов? Ссылка Бовыкина на книгу П.Н. Першина не более основательна. Першиным не только приняты выводы Анфимова о земельной аренде (замалчиваемые Бовыкиным), но и сделаны дополнительные обобщения. По мнению Першина, в начале XX в. капиталистическая земельная собственность в России «еще не сложилась», помещики, несмотря на отмену крепостного права, чувствовали себя «такими же господами положения, как

[39] См.: ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 186–187, 199–200; т. 17. С. 72–73; т. 23. С. 275.

[40] КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Методы исторического исследования. С. 205.

и раньше»; в 1861–1917 гг. сохранялись крепостные отношения крестьян с помещиками; как помещичье, так и надельное крестьянское землепользование отличались «средневековым характером»; в значительных районах Европейской России (Север, Северо-Восток) «господствовало еще натуральное хозяйство»[41]. Совпадения мнений Анфимова и Першина по вопросу о землевладении и землепользовании в совокупности означают, что последний не отвергал точку зрения о преобладании (не «повсеместном», конечно) докапиталистических отношений в аграрном строе.

Першин исходил при этом, в частности, из оценок Ленина. Исследователи, специально занимавшиеся анализом ленинских воззрений по аграрному вопросу, пришли к аналогичным выводам и констатировали, что завышенная оценка уровня капиталистического развития деревни, как правило, связана с игнорированием изменений в этих воззрениях, когда берутся выводы из книги «Развитие капитализма в России» и не принимаются во внимание труды, написанные с учетом опыта революции 1905–1907 гг. Тарновский также обращал внимание на то, что «система ленинских воззрений относительно особенностей развития аграрного капитализма в России, содержащаяся в работах, написанных им в 1907–1914 гг., существенным образом отличается от тезиса о победе или господстве капиталистических отношений в аграрном строе страны в конце XIX — начале XX века». Бовыкин цитирует (с. 30–32) эти выводы, не оспаривая и не подтверждая их. Может быть, они опровергнуты в тех трудах, которые он рекомендует?

Такую попытку сделал С.М. Дубровский. От анализа аргументов Анфимова он, однако, уклонился, хотя, несмотря на это, отрицал сам факт эволюции ленинских взглядов, не соглашаясь с мнением, что «Ленин будто бы изменил оценку развития капитализма в России» (речь шла об аграрном строе, а не о капитализме вообще). Но на этой же странице Дубровский нашел нужным разъяснить, что такое изменение все же произошло: «Ленин в период революции 1905–1907 гг. и после нее писал о переоценке развития капитализма»[42]. Ныне Бовыкин, фиксируя в своей книге лишь факт издания монографии Дубровского в 1963 г., никак этого противоречия в его суждениях не касается и ничего не добавляет от себя. Однако едва ли правомерно, не решив так или иначе этот принципиальный и острый вопрос, претендовать на «воссоздание общей картины» предпосылок революции.

Работа А.С. Нифонтова о зерновом производстве, по утверждению Бовыкина, содержит «убедительные доказательства несостоятельности тезиса о господстве докапиталистических отношений в аграрном строе» (с. 32). Такая оценка этой работы расходится с выводами, сделанными в ней. Распространяя данное Лениным в 1912 г. «определение сущности» аграрного вопроса на изучаемый им период, до рубежа XIX–XX вв., Нифонтов признавал, что капиталистические отношения были тогда,

---

[41] ПЕРШИН П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 1. С. 39, 43, 89–90, 95, 96, 101, 207.

[42] ДУБРОВСКИЙ С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 500. Это совпадает с прежним мнением Бовыкина (см.: БОВЫКИН В.И. В.И. Ленин о классовой структуре и политических партиях в России накануне и в годы первой русской революции // В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 117).

говоря словами Ленина, «придавлены еще у нас в громадных размерах отношениями крепостническими», что «в сути своей дело остается неизменным»[43] и капиталистическое развитие сельского хозяйства происходило «при сохранении феодального землевладения дворян»[44]. Степень убедительности развиваемых Нифонтовым соображений более конкретного характера представляется исследователям аграрных отношений иной, чем Бовыкину. Даже в новейшей работе (к которой Бовыкин претензий не высказывает) Анфимов опровергает оценку такого важного явления, как «осенние продажи» зерна крестьянами (по заниженным, невыгодным ценам, чтобы было чем уплатить подати в срок), истолковываемого Нифонтовым и Ковальченко как естественный результат развития товарности крестьянского производства. По Анфимову (в этом он согласен с Рындзюнским), наоборот, вынужденные торговые операции — следствие крепостнических пережитков; это явление тормозит «развитие товарных черт крестьянского хозяйства» и вызывает «принудительную товаризацию необходимого продукта»[45].

Учитывая принципиальную значимость обсуждаемого явления, Бовыкин должен был бы, давая «общую картину», ввести соответствующую поправку в оценку данных Нифонтова: странно ведь, действительно, не видеть в «осенних продажах» ничего, кроме «участия» крестьян «в хлебной торговле»[46]. В этой дискуссии затронут коренной важности вопрос о соотношении натурального, простого товарного и капиталистического производства, поныне разделяющий историков на все те же два направления. Соглашаясь в этом вопросе одновременно с Рындзюнским, Анфимовым и, следовательно, Тарновским, а с другой стороны, с Нифонтовым, Ковальченко и др., Бовыкин дает основание считать, что теоретическое существо спора для него безразлично либо осталось неясным, и «воссоздавать общую картину» он не оказался готовым.

О силе научных аргументов книги Рындзюнского «Утверждение капитализма в России» выше уже говорилось. Бовыкин сообщает, что этот труд не только разоблачает «рецидивы» народничества, но и помогает уразумению того, что уже к началу 80-х гг. XIX в. «феодализм, державшийся в России много столетий как господствовавшая система, уступил свое место капитализму»[47]. Вывод Рындзюнского автор подкрепляет ссылкой на авторитет Дружинина. По словам Бовыкина, основной вывод Рындзюнского «вполне согласуется с результатами исследования Дружинина «Русская деревня на переломе». Один из этих результатов и приведен Бовыкиным на той же странице (с. 33–34): «Начало 80-х гг. XIX в. было тем рубежом, когда решался вопрос, освободится ли русская деревня от вопиющих остатков крепостничест-

---

[43] ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 307–308.

[44] НИФОНТОВ А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 311–312.

[45] АНФИМОВ А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984. С. 4–6.

[46] НИФОНТОВ А.С. Указ. соч. С. 302–303.

[47] РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978. С. 284.

ва или процесс ее оскудения заглушит первые всходы новой — капиталистической формации»[48].

Не правда ли — вполне согласуется: феодализм к началу 80-х гг. «уступил место» капитализму (Рындзюнский) и — решается вопрос, уцелеют ли «первые всходы» (Дружинин); столь нежные первые всходы — «господствующая система» (Рындзюнский)? Не похоже ли это больше на драматическую коллизию? Но что поделаешь: авторитет Дружинина против «многоукладников» очень нужен. Коллизию можно попытаться прикрыть, воспользовавшись в тексте Дружинина обтекаемым, растяжимым выражением «приобщение», смысл которого зависит от акцентов. Пусть у него сказано с оговоркой, но сказано же — состоялось «приобщение к новой капиталистической формации», а остальное Бовыкин берет на себя. Уж он добьется полного совпадения[49].

«Уступки, вырванные у самодержавия в период второй революционной ситуации, при всей их ограниченности послужили рубежом между первым пореформенным двадцатилетием, этим тягчайшим периодом в жизни русской деревни, и периодом дальнейшего развития новой социально-экономической формации»[50], — писал Дружинин. Итак, рубеж между двумя периодами новой, одной и той же формации. А нужно, чтобы первый из этих периодов «стал переломным моментом в процессе утверждения капитализма» (Бовыкин). Чего недостает? Сущего пустяка: перед своим собственным выводом вставить — «Н.М. Дружинин показал, что...» (с. 34). Процитированную мысль Дружинина Бовыкин отделяет от предшествующего контекста: «Все эти вынужденные меры (понижение выкупных платежей, прекращение временнообязанного положения крестьян. — *В. П.*) не могли превратить полунищую русскую деревню в опору развивающегося капиталистического хозяйства. Не могли, — сказано у Дружинина, — устранить пережитков феодального строя и последующие меры начала 80-х годов»[51]. Такое подведение итогов «утверждения капитализма» в деревне могло бы разъяснить степень ее «приобщения» к новой формации. Мягко говоря, преувеличенное представление о степени «согласованности» взглядов Дружинина и Рындзюнского Бовыкин втолковывает и школьным учителям[52].

Примечательно, как по-разному понимают «перелом», вынесенный в название книги, сам Дружинин и его истолкователь. Дружинин раскрывает глубокий

---

[48] ДРУЖИНИН Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 188.

[49] Фактически речь идет о возврате к той точке зрения, которой Дружинин придерживался 40 лет назад: «1882 годом кончается период победы и утверждения капитализма... 1883 годом начинается период зрелого домонополистического капитализма в России» (ДРУЖИНИН Н.М. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 100; 1951. № 1. С. 82).

[50] ДРУЖИНИН Н.М. Русская деревня на переломе. С. 265.

[51] Там же.

[52] Новое в исторической науке. С. 46. Справедливость требует отметить, что не Бовыкин положил начало подобному истолкованию Дружинина: в этом он лишь следует за Ковальченко (см.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. С. 384).

прогрессирующий упадок пореформенной крестьянской деревни, когда медленное развитие производительных сил после отмены крепостного права не могло перевесить оскудения хозяйства. На протяжении 60–70-х гг. XIX в. крестьянская деревня выявила свою «полную беспомощность в попытках выйти на новую дорогу» из-за крепостнического характера самой реформы 1861 г. Оскудение деревни сопровождалось спазмами крепостнической реакции, и лишь угроза развертывания массовой борьбы заставила правительство в условиях революционной ситуации 1879–1881 гг. «несколько облегчить положение» крестьян. Главным результатом революционной ситуации Дружинин считал не эти уступки, а выяснившуюся безысходность положения: путь прогресса загроможден остатками старого строя, неустранимыми без революции. По его мнению, вторая революционная ситуация 1879–1881 гг. «шла в том же направлении, как и первая, но в более сложной и активной форме. Хотя крестьянской революции не произошло, но уже наметились ее минимальные требования: возвращение отрезков, отмена выкупных платежей, демократизация общественного строя. Перелом в жизни русской деревни стал предвестием аграрной революции, которая совершилась 25 лет спустя».

У Дружинина отмечен, следовательно, перелом к неизбежности революции; такой анализ итогов реформы противопоставлен «оптимистическим» взглядам тех современников, которые полагали, что реформы дали все необходимое для буржуазного прогресса без революции. Но «оптимистические прогнозы буржуазных публицистов не оправдались, — писал Дружинин. — Русская деревня не смогла пойти путем быстрого обновления и экономического расцвета; скованная остатками феодального строя, она пошла по пути постепенного упадка и раскрестьянивания»[53].

Такое понимание перелома как «предвестия аграрной революции» 1905–1907 гг. Бовыкина не устраивает, для него это, наоборот, уже состоявшийся «переломный момент в процессе утверждения капитализма» (с. 34), и соответствующая поправка, с его точки зрения, необходима: ведь утверждение капитализма в пореформенной России происходило, по его мнению, «эволюционным путем». Ведь и Ленин, если его «правильно понять», рассматривал аграрный строй России не как какую-то бочку с порохом, а как благочинное «единство противоположностей — победившего, но неразвитого, примитивного капитализма и далеко еще не изжитых, приспосабливающихся к капиталистическим условиям остатков феодализма»[54]. Нельзя же видеть в предреволюционной России одни конфликты укладов: как уже говорилось, во что бы то ни стало должно быть выявлено «утверждение капитализма», наличие «буржуазной экономики».

Доказать ложность «нового направления», как считает Бовыкин, помогает и коллективный труд о помещичьем хозяйстве, итоговое заключение которого он полностью разделяет: «Во внутреннем строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствующее положение занимала капиталистическая организация производства»; «буржуазное развитие этого хозяйства в целом достигло сравни-

[53] ДРУЖИНИН Н.М. Русская деревня на переломе. С. 272, 274.

[54] Новое в исторической науке. С. 39, 40.

тельно высокого уровня»[55] (с. 35). Это не мешает ему признавать то же помещичье землевладение главным препятствием, задерживавшим аграрно-капиталистическое развитие России (с. 46), или называть «полукрепостническое» помещичье хозяйство «докапиталистическим укладом», игравшим важную роль в процессе созревания «объективных условий для общенародной революции» (с. 111). Едва ли аргументы труда о помещичьем хозяйстве, выдвинутые против «нового направления», могут быть убедительны для кого-нибудь, если они не убедили в данном случае самого Бовыкина.

Особенно строг к исканиям представителей «нового направления» Бовыкин тогда, когда они самостоятельно рассуждают в русле ленинского хода мыслей. Он пытается изобразить их как людей, которые то и дело «исправлялись». Таким, в частности, Бовыкин изображает Тарновского.

Его удалось «исправить», поскольку, продолжая заниматься исследованиями, он — после критики со стороны Бовыкина, Лаверычева и др. — «отошел от прежних своих позиций» (с. 107). «Исправление» Тарновского иллюстрируется примером из двух его книг об «Искре», написанных в 1977 и 1983 гг. В 1977 г. Тарновский писал одно — что в России на рубеже веков «буржуазного общества в целом... еще не было», а в 1983 г. — другое: «обращал внимание своих читателей на ленинские положения о господстве капиталистических отношений в стране, показывал, как под влиянием Ленина родилась формулировка проекта программы РСДРП, гласившая, что в России "капитализм уже стал господствующим способом производства"» (с. 107–108).

Пример в определенном смысле действительно характерен. Ведь то, на что обращал внимание Тарновский в 1983 г., не только не противоречит его позиции, выраженной в книге 1977 г., но и полностью, дословно повторяет ее[56].

Бовыкин дает понять, что слова Тарновского «буржуазного общества в целом здесь еще не было» в работе 1977 г. противоречат точке зрения Ленина, партии, да и позднейшему утверждению самого автора, который якобы в 1983 г. сдал «прежние свои позиции». При этом умалчивается, что в книге 1983 г. Тарновский повторил все подвергнутые административной дискредитации в 70-х гг. основные идеи о типе, особенностях развития капитализма в России и, в частности, отметил, что здесь аграрно-капиталистический переворот «не завершился вовсе», что основные этапы складывания крупнокапиталистической системы производства «были резко смещены»[57]. Другое дело, что в обстановке административных гонений он не имел возможности изложить свое мнение развернуто.

Вот, однако, его слова в более полном, чем привел их Бовыкин, виде: «Россия на рубеже веков стояла у порога своей буржуазно-демократической революции. Бур-

[55] КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., ЛИТВАКОВ Б.М., СЕЛУНСКАЯ Н.Б. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1982. С. 223–224.

[56] ТАРНОВСКИЙ К.Н. 24 декабря 1900 [года]. М., 1977. С. 214; ср.: ЕГО ЖЕ. Революционная мысль, революционное дело. М., 1983. С. 158.

[57] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Революционная мысль... С. 154–155.

жуазного общества в целом здесь еще не было. Но его основные классы — крупная буржуазия и промышленный пролетариат — уже сложились, причем политическое пробуждение пролетариата произошло раньше буржуазии и предшествовало созданию антифеодальной коалиции»[58]. Тарновский, таким образом, не оставляет неясности насчет того, чего именно «еще не было»: не было полноценного, на 100% буржуазного общества, речь идет о незавершенности буржуазных преобразований. Насколько эта оценка сдержанна, осторожна, можно судить уже по тому, что Тарновский в данном случае, «отставая» от Бовыкина, находил уровень буржуазного развития, достигнутый страной, более высоким, чем Бовыкин, полагающий, что классовая структура общества была гораздо менее определенной[59].

Ленинская оценка степени развития буржуазных отношений в стране, сложившаяся в момент выработки первой партийной программы, видоизменялась в последующем с учетом опыта революции 1905–1907 гг. и периода реакции. Именно это и принимается во внимание в исследованиях «нового направления», когда идет спор с авторами, оценивающими уровень развития страны перед революцией излишне «оптимистически».

Таким образом, спор с Тарновским ведется на уровне домыслов (о сдвиге в его позициях, «снятии» им то одних, то других положений) с ложно указанными источниками, в лучшем случае в виде вырванных из контекста фраз. Но сам по себе предмет спора крайне важен, так как за ним стоит принципиальный вопрос о путях исследования проблемы. Все возражения Бовыкина подытоживаются в позитивной форме в его заключении: «Выявление сходных черт социально-экономического развития России и других капиталистических стран представляло собой главное направление ленинского сравнительно-исторического анализа» (с. 13). Позволим себе не согласиться с таким итогом размышлений автора, отразившимся, как уже говорилось, и в постановке им своей собственной задачи. Главным направлением ленинского анализа было все-таки не получение заранее заданного результата в виде обязательно «сходных черт», а всестороннее выяснение реального положения вещей.

Такой подход свидетельствует о том, что мысль автора не выходит за пределы, обусловленные кругом тех задач, которые решались до начала XX в. в полемике между марксизмом и народничеством, тех из них, которые в свое время худо-бедно решали еще «легальные марксисты», доказывая приложимость теории марксизма к условиям России.

Если бы Ленин избрал главным направлением своего анализа выявление «сходных черт» России только с капиталистическими странами, как полагает Бовыкин, то едва ли, обобщая опыт трех революций и пяти лет Советской власти, он пришел бы к выводу, что путь развития капитализма надлежит видеть «с точки зрения общего

[58] ТАРНОВСКИЙ К.Н. 24 декабря 1900 [года]. С. 254.

[59] По его словам, к началу XX в. «в российском обществе с его зачаточным развитием классовых антагонизмов» Ленин отмечал «незавершенность разложения старых феодальных классов-сословий и формирования новых классов буржуазного общества», «неразвитость буржуазных отношений» (БОВЫКИН В.И. В.И. Ленин о классовой структуре и политических партиях. С. 140, 141).

хода всемирной истории», а не только Западной Европы, чтобы было ясно, какие «некоторые своеобразия» являет Россия, поскольку она стоит «на границе стран цивилизованных» и стран, впервые окончательно «втягиваемых в цивилизацию», стран Востока, стран внеевропейских[60].

Несомненное достижение книги Бовыкина — с чувством написанные строки, где сказано о трудных временах, когда совершалась «догматизация истории, сопровождавшаяся расправами с теми историками, мнения которых оказались несозвучными господствующим взглядам или вновь данным указаниям свыше». И в те, сталинские времена, однако, научный процесс не прекращался, несмотря на «ломку жизненных судеб ученых». Со знанием дела выписан образ типичного для подобных условий «историка-конъюнктурщика». Чутко прислушиваясь к изменениям настроений в руководящих сферах, он всегда готов «взять на вооружение очередное высочайшее указание и забыть то, что он писал раньше, или, если это требовалось, совместить несовместимое» (с. 146–147).

Правда, в портрете, нарисованном Бовыкиным, недостает некоторых штрихов, делающих его более узнаваемым. Такой историк и ныне убежден, что подвергнуть сомнению что-либо «устоявшееся», «общепринятое» в науке — недопустимо. Наличие каких-либо расходящихся точек зрения, а тем более несогласия с его собственной позицией — бедствие, всякая иная точка зрения является в его глазах «необоснованной и заведомо ошибочной», а если между историками еще «ведутся споры», то, «разумеется (!), такое положение временное». Сама мысль, что вопрос о характере многоукладной системы в России науке «еще требуется уяснить», что роль капитализма во взаимодействии укладов «еще будто бы нуждается в выяснении», вызывает у такого историка приступ бдительности. В этом он заранее видит не только «опасность необоснованных выводов», но и «систему взглядов, чуждых советской исторической науке»[61]. Такого склада обществоведы долгое время находились в фаворе, блаженствуя в атмосфере застоя и обслуживая его идеологию. Новейшая их литературная продукция отмечена чертами распада.

Первая публикация: Вопросы истории. 1989. № 3.

[60] ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 379, 382; т. 27. С. 393–394.

[61] Новое в исторической науке. С. 37, 42–43, 52; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. С. 87–88.

Дискуссия не по графику

Статья «"Новое направление" — в старом прочтении» и появившийся год спустя ответ В.И. Бовыкина (Вопросы истории. 1990. № 6) вызвали со стороны ряда историков критические замечания с точки зрения формы полемики («сверхострая», «невыдержанная»). Действительно, в академической среде обычно избегают столь прямых объяснений. Но возможность спокойного спора была уничтожена характером нападок Бовыкина на скончавшегося 8 июля 1987 г. бывшего его товарища К.Н. Тарновского и на других представителей «нового направления», ушедших из жизни.

Да и сама академическая среда в тот момент находилась не в обычном состоянии.

Никто не знал, сколько осталось возможностей у независимой печати. Одним из главных событий 1988 г. оказалось известное мартовское выступление «Нины Андреевой»; этот беспрецедентный натиск «перестройка» отразила, но не вызывало сомнений, что решающие конфликты еще впереди. Между тем историческая академическая верхушка, пользуясь опорой в партийном аппарате, надеялась, что «перестройка» сведется к временному замешательству, которое удастся «пересидеть», и не только держалась вызывающе консервативно, но и принимала свои меры.

В Отделении истории АН СССР в то время центральной фигурой являлся обладавший большим бюрократическим весом И.Д. Ковальченко — не только многолетний главный редактор журнала «История СССР» (ныне «Отечественная история»), но и официальный «куратор» всей исторической периодики, а затем (с 1988 г.) также и академик-секретарь Отделения. По характеристике Д. Филда, «можно сказать, что он обладал властью. За рубежом историк не может мечтать о власти такого масштаба над судьбою учреждений, исследовательских направлений и отдельных историков». Эту власть он получил от «партийных "воевод"», которым доказал свою способность использовать монопольный доступ к ведомственному компьютеру для получения таких «научных» результатов, какие устраивали «воевод». В своей вотчине, на Историческом факультете МГУ, Ковальченко запустил «фабрику звезд»: его ка-

федра, как сказал Ю.С. Кукушкин, «стала выдавать одну докторскую диссертацию за другой», в конце концов «Ученый совет нашего факультета работал фактически на одну кафедру. Мы только успевали...»[1].

В качестве члена Исполкома Международной ассоциации экономической истории Ковальченко не только установил «умелый контроль» над компьютером, но и помогал «соответствующему Отделу ЦК КПСС» «очень зорко следить за всеми контактами советских ученых с иностранцами». Здесь «опять требовался контроль — можно сказать, требовался политический контроль» — о, конечно, только «в пользу науки». Затем, однако, началось непредвиденное. Мастер «непривлекательного компромисса» (по определению Д. Филда) достиг верхней ступени академической иерархии в момент, когда рушился «строгий контроль над исторической наукой со стороны Отдела науки ЦК КПСС» — «совершался большой перелом», и «над нами, — как обобщал ситуацию С.Л. Тихвинский, предыдущий академик-секретарь, — более не стояли надзиратели, которые в свое время портили кровь» честным исследователям[2].

Но к этому времени уже проявились последствия достигнутой монополизации. Заинтересованные в том, чтобы выглядеть респектабельно перед зарубежными коллегами, официальные представители советской экономической истории стали, однако, замечать, что их доклады на международных конгрессах «не вписываются в общее русло». Да им уже и стали открыто указывать на творческое бессилие. Как заметили Е.А. Осокина и Ю.П. Бокарев, на мировых конгрессах экономической истории Россию представляют Исторический факультет МГУ и академический Институт российской истории, но доклады этих историков не вызывают интереса, они не дают ничего принципиально нового. Мало того, «большинство российских исследований, которые подаются как исследования по экономической истории, строго говоря, таковыми не являются». Ближайшую причину «явного неуспеха» Осокина и Бокарев усматривают в «плохом составе российских участников». По наблюдению Осокиной, они плохо подготовлены профессионально: «Это историки, которые сотрудничают с математиками», но ни те ни другие не имеют экономического образования. Так что «положение с экономической историей в России... не внушает оптимизма».

Коренную причину слабости личного состава российских делегаций — замкнутость круга допущенных и посвященных — указал Бокарев. Руководители отдалены от специалистов за пределами этого круга, даже московские «рядовые специалисты» изолированы от информации о намечающихся конференциях и конгрессах, лишены возможности подать заявки на участие и т. д., зато «среди российских участников конгрессов немало таких, которые присутствуют чисто в ознакомительных целях, кто не имеет репутации специалистов в области экономической истории». «Я занимаюсь экономической историей 20 лет, — сказал Бокарев на заседании "круглого стола" по итогам Миланского конгресса (5 января 1995 г.), — и ни разу за это время не получал никакой информации от комиссий Отделения истории или руководства

[1] См.: Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 24–27, 21–22.

[2] Там же. С. 11. Конечно, академик-секретарь тоже наблюдал это не со стороны.

Института российской истории». «Нормально ли, — продолжал он, — что многие его ["круглого стола"], участники впервые здесь услышали, когда и где состоится очередной конгресс по экономической истории и что для подачи заявок на участие им отводится только месяц?»[3].

Ничего удивительного здесь нет. Представитель Немецкого исследовательского общества Д. Гайер после общения с Бовыкиным в Москве в 1974 г. (т. е. сразу после разгрома «нового направления» и установления монополии) докладывал коллегам, что если стремиться к развитию научного обмена с советскими историками, чтобы иметь возможность направлять молодых немецких специалистов в СССР, то следовало бы «установить и развить прямые контакты» с теми учеными СССР, которые пользуются там «репутацией политически благонадежных». Со своей стороны, представители московских учреждений, проявляя «живой интерес к получению приглашений на научные конгрессы, коллоквиумы и для чтения докладов и лекций», указали партнерам, что «такие приглашения следует направлять не лично тем или иным ученым, а в соответствующий институт... Отсюда явно следует, что советская сторона имеет в виду резервировать за собой право окончательного отбора командируемых», Академия намерена продолжать «дискриминацию в отношении ее собственных историков». Как вспоминал другой участник этого визита с целью установления контактов, Б. Бонвеч, у немцев сложилось представление о Бовыкине как «хозяине» в Институте: «Он председательствовал на всех встречах, которые для нас устраивали, когда мы слышали только его "указания", которые сотрудники Института тут же беспрекословно принимали как руководство к действию, а директор А.Л. Нарочницкий вообще ни разу не появился на горизонте». Общение с Бовыкиным протекало так, что вместо обсуждения научных вопросов немецким гостям приходилось лишь выслушивать готовые истины, которые зам. директора «снисходительно изрекал», «не особенно интересуясь мнением собеседника». После этого только в Ленинграде гости «почувствовали себя так, как будто вдохнули свежего воздуха»[4].

К сказанному можно лишь добавить, что неуспехи на международных конгрессах объяснялись все же не только организационным действием «научной» монополии, но и ее идеологией. Признавая, что «возможности наших ученых предложить для включения в программы конгрессов какие-нибудь свежие и интересные темы оказались сведены до минимума», Бовыкин, однако, не намеревался здесь что-то изменять, по привычке относя развал исследовательской работы на счет уничтоженного им двадцать пять лет назад противника: это из-за «нового направления» «стала свертываться разработка истории российского капитализма» и вообще «экономической истории нового времени». Бовыкин видел корень зла в том, что «под давлением

[3] Экономическая история. Обозрение. М., 1996. Вып. 1. С. 39–41, 52–54.

[4] Отечественная история. 2000. № 4. С. 132–134, 137–138. Но уже в начале 1975 г. воздух испортился и в Ленинграде: туда Нарочницкий прислал комиссию, самым активным членом которой был Бовыкин, обнаруживший у коллег в ЛОИИ «монархический уклон» (см.: ГАНЕЛИН Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб., 2006. С. 195–197).

так называемого "нового направления"» «упор делался... на рассмотрении различных проявлений его [российского капитализма] отсталости и "неполноценности"», тогда как надо было заниматься «механизмом его развития», «долгосрочными процессами экономического роста»[5].

После того как в 1987 г. в массовой печати («Московские новости», «Огонек», «Советская культура», «Наука и жизнь» и др.) открылся клапан, через который напомнили о себе выжившие активисты «нового направления», и с почетом возвратился к прерванной деятельности П.В. Волобуев, монополия на глазах утрачивала прежнюю устойчивость. Ковальченко и Бовыкин забеспокоились и решили ускорить проведение давно задуманной операции, смысл которой заключался в том, чтобы административный разгром, произведенный в начале 1970-х гг., закрепить — в духе наступившего времени — видимостью свободной, чисто научной полемики и таким образом задним числом оформить гибель «нового направления» как естественный и потому необратимый результат нормального академического диспута. Для полного правдоподобия обстановки намечался спектакль дискуссии на страницах «Истории СССР» с участием Волобуева, но с инициативной статьей Бовыкина и, соответственно, с итоговым заключением, гарантирующим нужный исход. В этом замысле, очевидно, учитывалась предстоявшая передача поста главного редактора «Истории СССР» от Ковальченко Бовыкину (Отделение истории приняло такое постановление 22 октября 1987 г.; утверждение его Президиумом АН сорвалось вследствие преждевременной огласки, вызвавшей скандал и протесты; в частности, проявили активность Н.И. Павленко и Ю.Н. Афанасьев).

Благоприятный, казалось, момент (колебание почвы под «перестройкой») и в то же время заминка с пересадкой в «Историю СССР», нарушившая стройность замысла, побудили Бовыкина к резкой активизации. В апреле 1988 г. он взял из подготовленной для 5-го номера «Истории СССР» инициативной дискуссионной статьи[6] наиболее острую часть материала против «нового направления» и вставил ее в книгу «Россия накануне великих свершений», уже сверстанную в ведомственном издательстве Академии наук СССР. Кто помнит жесткость режима в издательском деле тех лет, поймет, какое значение придавалось этому усовершенствованию труда Бовыкина. Перекроить линотипную корректуру, понаделать в разных местах вставок — это могло быть позволено только после серьезных согласований и во имя важных задач. Но ответственным редактором книги был И.Д. Ковальченко, да и сам Бовыкин еще не растерял свой административный вес, а в издательстве «Наука» был persona gratissima.

Непредвиденным последствием этого шага оказался перевод дискуссии на другие рельсы, что сделало ее неуправляемой. Когда неожиданно появилась в «Вопро-

---

[5] БОВЫКИН В.И. Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история. Обозрение. 1996. Вып. 1. С. 21–24; ЕГО ЖЕ. Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 23, 25.

[6] БОВЫКИН В.И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1988. № 5.

сах истории» статья-рецензия на книгу Бовыкина «Россия накануне великих свершений», не было предела недовольству в Бюро Отделения. Куратор исторической периодики потребовал, чтобы с этим вопиющим случаем разобралась редколлегия журнала (сам он входил в ее состав и читал рукопись перед рассмотрением ее редколлегией в январе 1989 г., но не нашел тогда нужным определенно возразить, полагая, очевидно, что нет необходимости: такая статья ни при каких условиях не пройдет). Вот сделанная мною 21 апреля 1989 г. конспективная запись выступления Ковальченко на заседании редколлегии:

[Речь Ковальченко]

К редакции «Вопросов истории» у Отделения истории имеются претензии. От группы авторов, написавших рецензию на книгу В.И. Бовыкина, в Отделение истории поступила жалоба, что нарушено данное им обещание напечатать эту рецензию[7] в том же номере, что и статью В.В. Поликарпова о той же книге. В этой статье полемика с Бовыкиным ведется некорректно... Надо, чтобы редакция не занималась больше своими какими-то комбинациями за спиной редколлегии и Отделения истории...

...Сообщаю, что этот вопрос поставлен в Отделении истории официально: почему вопреки решению редколлегии эта рецензия не напечатана одновременно со статьей Поликарпова. В его статье Бовыкину предъявлены многочисленные обвинения, причем в некорректной форме, в таких выражениях, каких в академическом издании быть не должно. Я составил целый список таких некорректных выражений, использованных в статье: «педантичное следование упрощенной формуле», «манипулирование литературными источниками», «некомпетентность» и др. Список у меня занял целую страницу. Это недопустимо в научной статье. «Некомпетентность»! А судьи кто? Такой вопрос встает неизбежно. Пусть автор ответит, пусть редакция ответит, как это могло получиться.

Не буду подробно анализировать то, что сказано в статье о Бовыкине, он сам за себя постоит. Но в ряде случаев есть вещи, задевающие лично меня, и об этом я хочу сказать.

Не могу согласиться с тем, что меня автор произвольно зачислил в одну компанию с теми, кто вел борьбу с «новым направлением» — вместе с Бовыкиным и др. Вообще так и остается неизвестным, что это за «новое направление». Автор искаженно, ложно истолковал мои сочинения. Берет случайные цитаты из работ, где рассматриваемые им вопросы не стоят в центре моего внимания, и умалчивает о тех моих книгах и статьях, где моя точка зрения изложена обстоятельно. Он просто не знает этих работ. Моя позиция зафиксирована была в статье в «Вопросах истории» в 1970 году[8]. Там я выступал

---

[7] Хвалебная рецензия за четырьмя подписями так и не была напечатана. С жалобой на редакцию авторы обратились не только в Отделение истории, но и в Идеологический отдел ЦК КПСС, откуда ее, естественно, «спустили» на рассмотрение обидчику — в редакцию «Вопросов истории». — *В. П.*

[8] В этой статье Ковальченко пытался свести воедино высказывания Ленина об эволюции деревни так, чтобы цитаты из сочинений, написанных до революции 1905 г., не противоречили позднейшим, пересмотренным оценкам. В результате получилось, что, с одной стороны, «раскол деревни, ее буржуазный строй и новая социальная структура стали совершившимся фактом с 80-х годов» XIX в.; «в деревне утвердились буржуазные отношения и ее мелкобуржуазный облик стал совершившимся фактом». С другой же стороны, полувековое действие буржуазно-консерватив-

как раз против преувеличенной оценки степени капиталистического развития деревни, равно, впрочем, как и против недооценки. Почему он ссылается не на эту специальную мою работу, а на другие, менее характерные? Почему в его статье цитируется (причем неправильно) коллективная монография 1982 г., с моим участием, о помещичьем хозяйстве, а не сказано, что есть уже книга и о крестьянском хозяйстве, только что выпущенная? Там, в новой книге, доказано, что крестьянское хозяйство было буржуазным. Он ее не знает. Некомпетентный автор. Почему в статье его цитируются только случайно взятые работы П.Г. Рындзюнского и Н.М. Дружинина, а не рассматривается обширная литература по данной теме? Автор ее просто не читал, не знает. Упрекает Бовыкина в некомпетентности, незнании какой-то статьи, а сам тоже не всю литературу взял. Он сам некомпетентный автор!

Цитирует мою книгу (с соавторами) о помещичьем хозяйстве, но неправильно. Он взял у меня не главный мой вывод! Главное у меня — это об органическом переплетении капиталистических и полукапиталистических отношений. (Следуют цитаты.)

Ложно изображено «новое направление»: его представители сами отказывались от тех ошибок, которые теперь повторяет Поликарпов. Решил защищать А.М. Анфимова, умалчивая, что Анфимов сам снял свой тезис о повсеместном преобладании докапиталистических отношений. (Следует цитата из книги Анфимова 1980 г.) Анфимов сам признал свою точку зрения, высказанную в статье 1959 г., ошибочной. За это-то и нужно бы Анфимова похвалить, так именно и должен поступать настоящий ученый. Не у всякого ученого хватает научного и гражданского — да, гражданского — мужества открыто заявить о своей ошибке[9]. Поликарпов же в своей статье об этом изменении взгляда Анфимова умалчивает.

ной тенденции «не завершилось ее победой» до самой мировой войны, эта полустолетняя борьба «обнаружила невозможность этой победы» (буржуазно-помещичьего пути эволюции). Также и «задача буржуазно-демократического аграрного переворота в России не только не была снята, но стала фактически единственно возможным путем решения аграрного вопроса»; то есть решение аграрного вопроса, буржуазная перестройка в деревне на том или другом пути эволюции все еще не стали «совершившимся фактом» (КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. В.И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. 1970. № 3. С. 39, 47, 48).

[9] В посмертно изданной полемической работе А.М. Анфимов, описав методы подавления «нового направления», заметил по поводу использованной Ковальченко покаянной цитаты: «...Надолго воцарился режим идеологической дисциплины. Автор этих строк качнулся в сторону главенствовавшего направления — признал в 1980 г. победившими капиталистические отношения в сельском хозяйстве России, чем и покрыл себя позором, прежде всего в собственных глазах. Точка зрения о полной готовности России для перехода к социализму стала аксиоматичной и монопольной... Можно считать, что известный проект Козьмы Пруткова "О введении единомыслия в России" осуществлен вторично, в послесталинском варианте, без кровавых расправ, но с немалым числом осужденных или изгнанных из страны инакомыслящих» (АНФИМОВ А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 232). Терзания Анфимова из-за вынужденного отречения понятны, но «позор» этого лежит, конечно, не на нем. Признание же «ошибок» «позволило ему издать две прекрасные книги о крестьянстве на рубеже XIX–XX вв., — писал П.Н. Зырянов. — Както язык не поворачивается осудить его за такой шаг. И не знаешь, кого при этом вспомнить. То ли Галилея, который топнул: "А все-таки она вертится!" То ли пушкинского Савельича: "Не упрямься! Плюнь, да поцелуй у злодея ручку!"» (ЗЫРЯНОВ П.Н. «Школа Сидорова». Воспоминания младшего современника // Acta Slavica Japonica. Sapporo, Japan. 1995. Т. 13. С. 270–271).

089069

Заведующему Идеологическим Отделом ЦК КПСС
Капто Александру Семеновичу

ПРИЕМ ПОЧТЫ
12 АПР 1989

Глубокоуважаемый Александр Семенович!

К сожалению, обстоятельства вынуждают нас обратиться к Вам с нашими проблемами. Известно, что рецензирование научной продукции является важной формой ведения дискуссии. В рецензии в сжатой, аггрегированной форме могут быть представлены важнейшие узловые проблемы, подлежащие обсуждению. Здесь фокусируются, совмещаются или противопоставляются разные точки зрения: автора, анализируемого исследования, рецензентов, сколько бы их не было. Именно поэтому редколлегия журнала "Вопросы истории" приняла 19 декабря 1988 г. решение опубликовать одновременно две поступившие в редакцию рецензии на книгу, посвященную чрезвычайно актуальной сегодня дискуссионной проблеме объективных предпосылок Октябрьской социалистической революции (В.И.Бовыкин. Россия накануне великих свершений. К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., "Наука", 1988).

Мы являемся авторами одной из альтернативных рецензий, рекомендованных к публикации. Мы - это [redacted] Все мы специалисты по социально-экономической истории СССР эпохи империализма, имеющие монографии, разделы в коллективных трудах, публикации в центральной печати по проблемам капиталистической эволюции аграрного, промыш-

Отклики на статью «"Новое направление" — в старом прочтении»: Жалоба в Идеологический отдел ЦК КПСС четырех авторов ненапечатанной рецензии и отзывы члена редколлегии «Вопросов истории» П.В. Волобуева на поступившие в редакцию протестующие письма В.И. Бовыкина и Е.И. Дружининой (опубликованные в 1990 г., № 6).

О книге В.И. Бовкина

Будучи сторонником плюрализма мнений в науке и исходя из этого, что знание есть истина, а истина рождается в споре, я тем не менее воздерживался спорить публично с книгой В.И. Бовкина о какой бы книге, от него нельзя ожидать, того, чего от нее ждет научная интеллигенция – тонкости, признания своих просчетов, но не же элементарной добросовестности. Редколлегия журнала сразу требовать. Возражает уже название книги: "катастрофическое "нового направления". Но ведь известно, что автор рецензии на книгу Бовкина В.В. Шелохаев к "новому направлению" не имеет отношения и его рецензия (точнее статья) этому никак нельзя квалифицировать как катастрофическое. Видимо, Бовкин решил попугать своих сторонников нового направления, за что сам не скупится автор книги на оскорбления по адресу В.В. Шелохаева. Их никак не подтвердить корректными (с. 1, 2, 5 и т.д.). Оказывается, что статья Шелохаева – "вопиющее" (с. 2). Бовкин, вероятно, перегрелся – время застал и принял критику Бог времени перенес на наши дни и на автора этих строк.

А главное, с книге В.И. Бовкина сильная докучает недоумение, что ее книга "Россия накануне великих свершений" вовсе не помешала безнадежным тоном оправдать задним числом свое участие в борьбе с "новым направлением", недаром этого направления в исторической науке как мертвую собаку с нашей территории. Одновременно автор книги

О тезисе члена-корреспондента АН СССР
Е. И. Дружининой

Я рекомендовал т. Е. И. Дружининой обсудить ее тезисы.

Во-1-х, не стоит возлагать в глазах научной общественности акад. К. М. Дружинина, заслуженного ученого нашей науки, как человека, неудовлетворительное с его стороны "новое направление" Тарле-Лукьянова и его сторонников, в т. ч. Бовыкина. Из тезисов следует, что он поверил лживому заявлению, будто "новое направление" встречено подавляющим и ведущим рядом капиталистического ученого и общественной экономике дореволюционной России (с. 3).

Во-2-х, терминология в тезисе ("лжеучение ученых о социально-экономических формациях", "учение о формациях" и т. д.) сейчас такие не только содержат стереотипами, но и присущему тому времени методологической критики.

В-3-х, нельзя начинать тезисы с одобрительных ссылок на выступление т. Бовыкина на советско-венгерской конференции, не оговорив всего в списке сделанного тов. Бовыкиным, в то-ем, чтобы никто не имел только ложных сведений (Бовыкин и др.).

В-4-х, название тезисов слишком широкое, речь идет о проблеме многоукладности, как основной части предпосылок революции.

И наконец. Думаю ясно, что т. Бовыкин должен все силы для реабилитации своего себя и своей недостойной роли с "новым направлением". Так нужно ли вступать в дело этого сектанта К. М. Дружинина?

22/III 1961 г. М. Волобуев

РОССИЙСКАЯ

Статья Поликарпова напечатана, вопреки предложениям ряда членов редколлегии, в частности, С.Л. Тихвинского, в неизменном виде, со всеми некорректными выпадами. (Это не так. Наиболее резкие формулировки были сглажены. — *В. П.*) Я высказывал критические замечания. Почему мне не нашли нужным показать, как изменилась статья, почему не учтены мнения членов редколлегии?

Стала очевидной необходимость в будущем гарантировать журнал от повторения таких произвольных действий редакции. Редакция вышла из-под контроля Отделения истории, органом которого является журнал...

Поликарпов не понимает, что такое «новое направление», этого и никто не знает. Я спрашивал у покойного К.Н. Тарновского, и он тоже не мог ничего конкретного сказать. То, что названо в статье — о срединном положении России между Востоком и Западом — это не новое, так писали еще Милюков и Плеханов. А у нас этот вопрос еще не ясен, идут споры, дебаты. О М.Я. Гефтере в статье автор умалчивает. Но как раз в его статье в свердловском сборнике сказано то, от чего уклоняется Поликарпов, что в России была не капиталистическая формация, а несколько укладов, характерно и название той статьи: «Многоукладность — характеристика целого»[10]. У Тарновского не было однозначной позиции в этом вопросе, а Гефтер прямо отрицал капиталистический характер формации.

[П.В. Волобуеву:] Если вы, Павел Васильевич, соглашаетесь, что Бовыкин некомпетентен, то Поликарпов тем более некомпетентен. И писать ответ в редакцию я не буду. С таким автором я не стану спорить. Подобные методы полемики — это старые методы, с ними нужно кончать. Автор статьи некомпетентен, спорить с ним излишне. Я готовлю работу о нравственности в науке, вот там, вероятно, и коснусь случившегося.

Времена, однако, слишком изменились, и команда «на колени!» не была услышана. В итоге дискуссия, объявленная журналом «История СССР», заглохла на статье Бовыкина[11]. «Мы открыли или попытались открыть дискуссию... — досадовал, выступая на "круглом столе" по другой теме, и.о. главного редактора И.Е. Зеленин. — К сожалению, до сих пор ни одного отклика на эту статью в журнал не поступило.

---

[10] Интересно, что, стремясь, видимо, не омрачать память об академике Ковальченко, некоторые из его почитателей стараются затушевать его роль в «дискуссии» Отдела науки с «новым направлением» и теперь утверждают, что «в отличие от английских и американских исследователей» он «и его последователи рассматривали дореволюционную российскую экономику как многоукладную, сочетавшую в себе феодально-крепостнические и капиталистические элементы... Именно данный подход позволял советским ученым в 1970–1980-е гг. давать более глубокую и объективную характеристику особенностей модернизации аграрного сектора России во второй половине XIX — начале XX в.» (ЛАНСКОЙ Г.Н. Проблема модернизации аграрного сектора России второй половины XIX — начала XX в. в зарубежной историографии и трудах академика И.Д. Ковальченко 1970–1980-х гг. // Проблемы источниковедения и историографии. С. 191). Здесь уже полностью стерта разница между позициями Ковальченко и представителей «нового направления».

[11] Неправильно поэтому сказать, что именно статья Бовыкина «стала основой для дискуссии о судьбе "нового направления"» (ЗАБОЛОТНЫЙ Е.Б., КАМЫНИН В.Д. Современная историография о феномене «новое направление» // Вопросы истории Урала. Екатеринбург, 2004. Вып. 18. С. 47).

Потенциальные оппоненты... ограничиваются устными высказываниями резко негативного, я бы сказал, проработочного характера в адрес Бовыкина». Зеленину тут напомнили о статье в «Вопросах истории». Он ответил: «Статья посвящена только книге В.И. Бовыкина. Упомянутая же статья [Бовыкина], предварившая выход книги (в действительности наоборот. — *В. П.*), даже не названа... И, видимо, не случайно. Автор по тем или иным причинам не захотел участвовать в открытой дискуссии по данной теме на страницах нашего журнала, не откликнулся на приглашение редакции. Но, видимо, все-таки с известными оговорками можно сказать, что полемика по объявленной журналом теме все же началась, но она какая-то странная, завуалированная, не затрагивает ни прямо, ни косвенно статью, которая рассчитана на дискуссию»[12].

И.Е. Зеленин напрасно недоумевал. Бессмысленно ведь вести дискуссию о «статье, которая повторяет книжку»[13], потому что появилась не раньше сентября или октября и в основном вошла в книгу, уже выпущенную в мае 1988 года[14].

На критику Бовыкин дал развернутый ответ[15]. То, что требовало в его ответе уточнений и исправлений, уже сделано в помещенной здесь статье «Последняя дискуссия советских историков» (1996 г.) и др. Лишь немногое необходимо добавить, поскольку остается без разъяснений ряд его жалоб на неверное цитирование: «передергивание», «фальсификация», «клевета».

1) Возражая против утверждения, что он усиленно эксплуатирует против «нового направления» политический ярлык «рецидив народничества», Бовыкин писал, что критик «извращает правду», потому что «ни на одной из указанных им трех страниц моей книги такого обвинения нет» (с. 167).

Первое такое использование ярлыка Бовыкиным в печати относится, видимо, к 1977 г. Упомянув «народнический миф о насаждении царским правительством и иностранным капиталом капиталистической промышленности в России», он поставил этот «миф» в связь с «встречающимся в советской исторической литературе мнением, будто система крупнокапиталистического производства возникла здесь принципиально отличным от Запада путем, минуя этап свободной конкуренции, в результате насаждения промышленности помещичьим государством, для которого "политика индустриализации" являлась-де главным направлением экономической политики вообще»[16]. И.Ф. Гиндин или К.Н. Тарновский поименно в данном случае не упомянуты, но никого другого в «советской исторической литературе» здесь назвать невозможно. Оставалось только решить, что это: уступка «соблазнительной простоте» объяснения, то есть недомыслие, или «умышленная фальсификация».

---

[12] История СССР. 1989. № 6. С. 50–51. Актуальные проблемы советского источниковедения. Беседа за круглым столом.

[13] Россия. 1917 год. Выбор исторического пути («Круглый стол» историков Октября, 22–23 октября 1988 г.). М., 1989. С. 85 (Выступление Е.Н. Городецкого).

[14] См.: Книжное обозрение. 15.VII.1988. Список сигнальных экземпляров.

[15] Вопросы истории. 1990. № 6. С. 164–178. Там же помещены письмо в его поддержку Е.И. Дружининой и возражения Волобуева.

[16] Коммунист. 1977. № 8. С. 74.

В книге 1988 г. уже во Введении (с. 4) приведен тот же «тезис народников», затем на с. 53–54 «ошибочность этого вывода» обсуждается в качестве «основы концепции государственного капитализма в России как средства ускорения индустриализации развития страны, с которой Гиндин выступил в последующих своих работах», и тут же воспроизводится сам ярлык, как его сформулировал Рындзюнский: «Рецидив устаревшего понимания процесса утверждения капитализма в России, близкого к народническим взглядам». Слова Рындзюнского (1978 г.), по заключению Бовыкина, «убедительно доказали ошибочность» концепции Гиндина. Изящную формулу «рецидив» «народнических взглядов», навеянную Рындзюнскому статьей Бовыкина в «Коммунисте», Бовыкин использовал и в 1984 г., в другой работе[17]. Он прав в том отношении, что, действительно, в книге «Россия накануне великих свершений» на с. 4 нет этой формулы в прямом применении к «новому направлению». Сделан лишь анонс — о том, насколько не по-ленински выглядят такого рода идеи, а сам ярлык просмакован в центральной главе той же книги.

2) «Извращением» и «передергиванием текста» назвал Бовыкин утверждение, что он поддержал возвращение к сталинской формуле о подчинении государственного аппарата воле монополий. То место в книге Бовыкина, о котором идет речь, к сожалению, настолько невнятно, что различить его смысл можно только учитывая историографический контекст и прослеживая звено за звеном извивающуюся на бумаге мысль. Из истории дискуссии по этой проблеме известно, что в 1960-х гг. одна спорящая сторона доказывала, что монополии поставили себе на службу царский государственный аппарат, а другая подчеркивала социальную разнородность государства и монополистического капитала и на этом основании ставила под сомнение возможность подобного подчинения. Стороны не убедили друг друга, но усиленно предлагались компромиссные формулы: «сращивание без подчинения» и «подчинение отдельных звеньев» государственного аппарата, а не в целом.

В 1988 г. Бовыкин заявил[18], что «получившее хождение в нашей литературе в 60-е гг. противопоставление процессов сращивания государства с монополиями и подчинения последними отдельных звеньев государственного аппарата» оказалось неверным — В.Я. Лаверычев раскрыл «полную необоснованность» такого противопоставления (необоснованность не положения о «подчинении», а «противопоставления» этого положения другому — о сращивании). По словам Бовыкина, появились «убедительные доказательства того, что вмешательство самодержавного государства в экономическую жизнь» «по мере роста влияния крупного капитала и монополий в России» «стало приобретать государственно-монополистические черты»[19].

Но это и есть возвращение к формуле «подчинения», пересмотреть которую или хотя бы придать ей компромиссное толкование (подчинены лишь «отдельные

[17] Новое в исторической науке. С. 53.

[18] Новое в советской исторической науке. С. 56.

[19] Доказательства Лаверычева подробно рассмотрены в помещенной ниже статье «Государственная власть и монополии».

звенья») пытались сторонники «нового направления»[20]. Государственно-монополистические черты вмешательства власти в экономику никто тогда не понимал иначе как именно отстаивание интересов монополий, потому что согласно «теории марксизма-ленинизма», зафиксированной на тот момент Программой КПСС (1961 г.), при государственно-монополистическом капитализме «образование и рост монополий приводят к непосредственному вмешательству государства в процесс капиталистического воспроизводства в интересах финансовой олигархии. В ее интересах буржуазное государство проводит разного рода регулирующие мероприятия... Монополии, сосредоточив в своих руках подавляющую часть общественного производства, господствуют над жизнью нации... Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии... Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий... Монополистический капитал, полностью захватив основные материальные средства, не делит ни с кем политическую власть»; буржуазные идеологи и реформисты «сеют иллюзии, будто капиталистическое государство противостоит монополиям», а на самом деле оно — «послушное орудие монополий»[21]. Именно в этом духе и выдержаны труды Лаверычева, Погребинского и других единомышленников Бовыкина.

При наличии партийных установок, подобных цитированным, в публичном споре позиция «нового направления» оказывалась заведомо невыгодной, требовала оговорок, компромиссных уступок.

3) Не согласился Бовыкин и с утверждением, что в 1973 г. ему было поручено подготовить для официального директивного распространения текст стенограммы совещания у С.П. Трапезникова, на котором была предана анафеме антисоветчина «нового направления». По его словам, рецензенту «было достаточно увидеть мою фамилию в составе редколлегии издания стенограммы», чтобы выдумать эти «россказни». Но здесь ничего выдумывать не приходится. Бовыкин и сам упомянул, что

[20] В дискуссии 1961 г. сторонник «подчинительной» схемы А.П. Погребинский раскрывал разногласие: «Я никогда не считал и не считаю возможным противопоставлять "подчинение" "сращиванию". В моей книге о государственно-монополистическом капитализме говорится и о сращивании и о подчинении. К.Н. Тарновский ставит вопрос так: подчинение или сращивание и утверждает, что от первой формулировки мы должны отказаться. Я же в своих работах считал, что сращивание отнюдь не исключает подчинения, а наоборот предполагает его... ленинская теория империализма предполагает использование и подчинение государства капиталистическим монополиям» (Об особенностях империализма в России. С. 130). По этой линии Погребинскому на той же дискуссии энергично возражали Тарновский, Гиндин и др. представители «нового направления»; Бовыкин же, наоборот, в рецензии на книгу Погребинского поддержал его точку зрения, сожалея лишь о том, что изображение Погребинским «подчинения», которое «не оставляет у читателя сомнений», не дополнено столь же «полно и убедительно» освещением вопроса о «сращивании» государственного аппарата с монополиями и о «созревании материальных предпосылок для социалистических преобразований» (История СССР. 1961. № 1. С. 181–182).

[21] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. М., 1962. Т. 3. С. 246, 252, 266.

являлся ответственным секретарем этой редколлегии, в состав которой, помимо него самого, входили пять академиков (Б.А. Рыбаков — председатель, Б.Г. Гафуров, Е.М. Жуков, А.Л. Нарочницкий, П.Н. Поспелов). Не бином Ньютона, кому из членов редколлегии выпало покорпеть над объемистым (примерно как «Россия накануне великих свершений») текстом — не Нарочницкому же или Поспелову. Но чтобы решить это уравнение, конечно, не было «достаточно увидеть», а потребовался еще несложный анализ состава редколлегии.

Государственная власть и монополии в начале XX века

В советской историографии освещение промышленного развития предреволюционной России направлялось на доказательство того, что страна созрела для социалистического обобществления производства. Признак такой зрелости усматривался в развитии монополий, банковских группировок, навязывавших царскому правительству свою политику. От тех, кто занимался историей кануна 1917 г., официально требовалось все новое и новое обоснование того, что русский капитализм достиг «весьма высокого общего уровня развития» и на основе прежде всего монополизации создал к Октябрю 1917 г. «оптимальное сочетание» «исключительно благоприятных условий» для перехода к социализму[1].

В обосновании всего этого ряд историков видел «политическое значение» своей исследовательской деятельности по раскрытию предпосылок Октября; как тогда назидательно утверждалось, «в исторической науке трудно назвать более злободневную проблему, чем эта»[2]. Суждения, что Россия того времени не располагала «объективными экономическими предпосылками для социализма», не созрела для социалистического переустройства, рассматривались как проявления «вражеской

[1] Поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы // Большевик. 1931. № 22. С. 2, 4; ЖАРКОВ М.Г., ЖИЛЬСКИЙ А.Г. Методические рекомендации. О контрпропагандистской направленности лекций и семинаров в курсе истории КПСС. Минск, 1986. С. 9; КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Методы исторического исследования. С. 145; БОВЫКИН В.И. Социально-экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // Коммунист. 1977. № 8. С. 73; ЕГО ЖЕ. Россия накануне великих свершений. С. 13.

[2] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1977. № 3. С. 64; БОВЫКИН В.И. Социально-экономические предпосылки. С. 71. Ср.: LAQUEUR W. The Fate of the Revolution. Interpretations of Soviet History. London, 1967. P. 142.

тактики» троцкистов, меньшевиков, всяческих «пособников буржуазии» и «противников ленинизма»[3].

Преступный характер подобных «вылазок» обретал буквальный смысл. 20 января 1931 г. А.Ю. Финн-Енотаевский признал себя «виновным во "вредительстве в теории", выразившемся в 1) Критике одного из начал ленинизма о роли финансового капитала...»[4]. 9 февраля на собрании в Институте экономики Ленинградского отделения Коммунистической академии коллеги более доходчиво раскрыли его вину: «Он тщательнейшим образом "доказывает", что Октябрьская революция неправомерна, так как в России еще не созрели-де производительные силы... Обнаруживая трогательное согласие с троцкистами и столпами "ленинградской оппозиции", Финн развивает теорию о *невозможности победы социализма* в одной стране, особенно если эта страна — Россия, опять-таки по причине отсталости производительных сил»[5]. 15 января 1932 г. и Н.Н. Ванаг в печати признал свою «политическую ошибку» в трактовке финансового капитала: «*Я дал почву для протаскивания троцкистских идей о колониальном характере царской России, об отсталости вообще и примитивности экономического развития России*», что является «лишь оборотной стороной контрреволюционного тезиса о невозможности строительства и победы социализма в нашей стране». Но это не избавило его от необходимости повторять на допросах в январе 1937 г., что в «Финансовом капитале» и других его работах «контрабанда шла по следующим основным направлениям: 1. Исключительное подчеркивание отсталости капиталистического развития России» с целью «протаскивания идеи невозможности построения социализма в СССР, отсутствия материальных и субъективных предпосылок...»[6].

Из навязанной идеологической схемы выводился тезис о государственно-монополистическом капитализме, истолковываемом как подчинение государственного аппарата воле монополий. Такой подход, подкрепленный утвердившейся с дореволюционных времен публицистической традицией «разоблачать» магнатов финансового капитала и бюрократов, определял методы отбора и оценки источников. Влияние официальной схемы сказалось и на представлениях некоторых зарубежных историков, с доверием отнесшихся к тенденциозным и неточным подборкам фактических данных в советской литературе.

С 1990-х гг. изучение экономического состояния предреволюционной России проходит через стадию историографического кризиса, причем некоторые участники старых споров сделали попытки по-новому истолковать происходившее в 1950–1970-х гг. и принялись доказывать противоположное тому, чему учили раньше. По словам В.И. Бовыкина, именно проблематика экономической истории начала XX в.,

---

[3] СУСЛОВ М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. М., 1982. Т. 3. С. 309–310.

[4] Центральный архив ФСБ РФ. Дело № Н-7824 ОГПУ по обвинению Союзного бюро ЦК РСДРП(м). Т. 20. Следственные материалы по обвинению Финна-Енотаевского А.Ю. Л. 56об.

[5] СЕРЕБРЯКОВ В. Предисловие // Против воинствующего меньшевизма (Финн-Енотаевщина). М.; Л., 1931. С. 7–8.

[6] Историк-марксист. 1932. № 4–5. С. 358; Центральный архив ФСБ РФ. Дело НКВД № Р-8186 по обвинению Ванага Николая Николаевича. Т. 1. Л. 211.

поскольку она была далека от проблем «развитого социализма», не только не страдала злободневностью, но и, наоборот, составляла счастливое исключение в том смысле, что «мало кого раньше интересовала» в партийно-политическом руководстве и потому представляла собой некую башню из слоновой кости; запершись в ней, академические ученые творили «пользуясь относительной свободой»[7]. Такие утверждения едва ли могут восприниматься всерьез. Сам же он позднее вновь признал, что в 1960–1980-е гг. (как, впрочем, и при Сталине) изучение экономической истории России, «экономических предпосылок Октябрьской революции» страдало от «давления партийных установок», которое сказывалось «тем сильнее, чем явственней были связи или аналогии между изучаемыми проблемами и вопросами текущей политики»[8]. Текущая политика требовала от Бовыкина и его коллег, во-первых, опровергать утверждения о «невозможности распространения» опыта российской революции 1917 г. «на более развитые (по сравнению с дореволюционной Россией) капиталистические страны», поскольку Россия «развивалась "по тем же законам, как и любая другая капиталистическая страна"»[9]. Во-вторых, интересам текущей политики отвечало «изучение тех процессов капиталистического развития, которые... означали формирование материальных основ для замены капиталистических производственных отношений социалистическими: обобществления производства, монополизации народного хозяйства, формирования государственно-монополистических органов регулирования экономической жизни»[10].

Но принцип текущей политики — конъюнктурность. Стоило в 1989 г. появиться новой установке, что страна к 1917 г. «не достигла того уровня экономического развития, который необходим» для перехода к социализму[11], как сработал старый рефлекс и тот же автор отмежевался от главного результата проведенных им исследований, даже возмутившись, что ему все еще «приписывают» точку зрения об «оптимальном сочетании» предпосылок. Бовыкин дал при этом понять, что сам он всегда был против «политизации исторического знания», выражающейся в «приоритете априорных схем и установок над изучением реальных фактов»[12].

Итак — панические, головоломные метания признанного вождя господствующего «традиционного» направления. Естественный для историографии выход из

---

[7] БОВЫКИН В.И. Экономическое развитие России и революционное движение // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 204; Вопросы истории. 1990. № 6. С. 175.

[8] БОВЫКИН В.И. Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 23–24.

[9] БРЕЖНЕВ Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970. Т. 2. С. 553. Цит. по: ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1977. № 3. С. 64.

[10] БОВЫКИН В.И. Эпоха капитализма (1861–1917 гг.) в работах советских историков // Новое в советской исторической науке. С. 51, 55.

[11] ГОРБАЧЕВ М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка // Правда. 26.XI.1989.

[12] БОВЫКИН В.И. Экономическое развитие России. С. 199, 200, 204; Вопросы истории. 1990. № 6. С. 177.

столь глубокого кризиса — объективная оценка основательности ранее проделанной работы с источниками, проверка фактических данных, введенных в научный оборот под влиянием политической конъюнктуры.

Уже сами термины «монополия», «монополисты» нередко употребляются не слишком строго: в большинстве случаев, как отмечал Т. фон Лауэ, речь, по существу, идет о том, «что́ в американском употреблении именуется крупным предпринимательством», а не о собственно монополиях[13]. По мере накопления фактического материала о диктате монополий сами исследователи все более ощущали сомнительность такого подхода, возникла необходимость проверки многих «интересных положений» («скороспелых выводов», «гипотез», по сдержанному выражению А.Л. Сидорова) и их конкретного обоснования, т. е. путем нового изучения источников[14].

Насколько труден был на рубеже 50–60-х гг. отход от утвердившейся схемы, позволяет судить изменение взгляда К.Н. Тарновского, первоначально находившегося, как и другие историки, под ее влиянием. В изданном в 1958 г. труде он рассматривал взаимоотношения правительственных органов с металлургическими монополиями с той точки зрения, которую позднее оценивал как компромиссную: вместо обобщений о подчинении монополиям государственного аппарата в целом Тарновский признавал за монополиями влияние на «ряд звеньев государственного аппарата», которые трактовал как «орудия», «исполнителей воли» финансовой олигархии; монополиям и принадлежало «решающее слово» в регулировании отрасли[15]. Критикой было тогда обоснованно замечено, что эти выводы противоречат объективно излагаемому в книге фактическому материалу, из которого явствует, что при самодержавии интересам монополистов противодействовала «политическая власть военно-феодальных кругов»[16].

Преодолеть это противоречие без нового обращения к анализу обширного круга источников не было возможности. Не раз в последующем указывая, что в книге 1958 г. «представляется вполне доказанной решающая роль» монополий в государственном регулировании металлургии[17], Тарновский сам же поставил под вопрос и

---

[13] Von LAUE Th. Problems of Industrialization // Russia under the Last Tsar. Minneapolis, 1969. P. 142. См. также: РАБИНОВИЧ Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в. Томск, 1975. С. 118; ср.: СОРОКИН А.К. Монопольная прибыль в России // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 54, 57–61.

[14] СИДОРОВ А.Л. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке // Вопросы истории. 1961. № 12. С. 53–54.

[15] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958. С. 255–256, 135.

[16] Характерно, что рецензент (П.В. Волобуев), отметивший неубедительность вывода о подчинении Металлургического комитета синдикатам, все же и сам уступал давлению господствовавшей схемы, утверждая, что «в конечном счете помещики были бессильны помешать» монополиям и т. п. (История СССР. 1960. № 6. С. 159–161).

[17] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны // Вопросы истории. 1961. № 7. С. 45; ЕГО ЖЕ.

даже недвусмысленно отрицал в целом принципиальную применимость «подчинительной» схемы к условиям России начала XX в. «Откомментированный в свое время в сотнях пропагандистских статей и брошюр», писал он, тезис о подчинении до сих пор считается основополагающим; отказ от этого тезиса Тарновский считал назревшей необходимостью. В свете столь решительного расчета с «теоретическими» достижениями сталинской эпохи книга 1958 г., самими своими противоречиями обеспечивавшая прорыв пресловутого единства общепринятых «правильных» взглядов, все же оказывалась, по оценке ее автора[18], историографическим фактом того периода, когда критический подход к старой схеме еще не сложился, о «правомерности применения» ее и возможности пересмотра тем более не задумывались и когда «в целом» вопрос о неполноценности, неприменимости формулы «подчинения» «еще не ставился»[19].

Для разрешения накапливавшихся противоречий нужен был пересмотр исходных фактов, к чему и приступил наиболее последовательный противник старой схемы — И.Ф. Гиндин. Он обратил внимание на тенденциозное освещение системы заказов и регулирования производства через органы Министерства путей сообщения, деятельности топливных и металлургических монополий, законодательства о монополиях и др. Гиндин пришел к заключению, что в 1909–1913 гг. внутри правительства проводилась по инициативе МПС «антисиндикатская линия», которая в 1914 г. возобладала[20]. Сторонники старой схемы не могли принять точку зрения Гиндина.

Признаком победы антисиндикатской линии в политике правительства Гиндин считал то, что в 1914 г. упразднением Комитета по распределению железнодорожных заказов (орган, на который возлагалась государственная поддержка соответствующих частных предприятий) Совет министров ущемил интересы объединений Продвагон и Продпаровоз[21]. Возражая, А.П. Погребинский доказывал, что Гиндин «слишком переоценил влияние правительственной политики и даже отдельных царских чиновников на экономическое развитие страны». Упразднение Комитета объяснялось, по мнению Погребинского, вовсе не антисиндикатским курсом пра-

Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50–60-х годов. М., 1990. С. 46; ср. с. 52.

[18] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма. С. 49, 51, 53.

[19] Это не всегда учитывается в литературе. См.: Новое в исторической науке. С. 64; ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Закономерность и предпосылки социалистической революции в России // Великий Октябрь и защита его завоеваний. Победа социалистической революции. М., 1987. [Кн. 1.] С. 17; SIEGELBAUM L.H. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–17. N. Y., 1983. P. 126–127.

[20] ГИНДИН И.Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 112–115. Характеристика антимонопольного курса сопровождалась у Гиндина оговорками, сводившими дело к борьбе чуть ли не с одним «Продуглем». Оценивая этот курс как тенденцию «второго плана», проводимую МПС почти на свой страх, Гиндин ограничил ее и хронологически, как если бы после начала войны борьба с монополиями прекратилась.

[21] Там же. С. 108–115.

вительства, а наоборот, тем, что Комитет уже стал «бесполезным» для монополий органом, так как частные заводы, занятые выгодными военными заказами, более «не нуждались» в работе на МПС и «всячески уклонялись» от нее[22].

При этом он умалчивал о крупных железнодорожных заказах, принятых в 1915 — начале 1917 г. некоторыми фирмами, с соответствующими миллионными авансами, о вложении теми же «магнатами» немалых средств в создание новых частных вагоно- и паровозостроительных, рельсопрокатных заводов (Днепровского общества, Харьковского, б. Парвиайнена в Юзовке, Копикуза, Сормово-Коломенского объединения в Кулебаках) и не объяснил, чем же были вызваны протесты заводчиков, раз Комитет им не требовался.

По словам Погребинского, монополии, протестуя, исходили из задач «не настоящего» времени, руководствовались «не насущными интересами, а силой традиции, стремлением на всякий случай сохранить» свои привилегии. Получается, Комитет монополиям вроде бы не очень был нужен. Но здесь же сказано и другое: они протестовали исходя из задач «будущего послевоенного периода, когда промышленность вновь вернется к условиям мирного времени»[23], — хотя заказы принимали и капиталы вкладывали безотлагательно.

Так нужен был Комитет или нет? Если верно, что объединения заводчиков отстаивали его сохранение, учитывая получаемые и ожидаемые заказы, то к чему весь спор с Гиндиным? Если же нужды в сохранении Комитета не ощущалось, то надо было бы как-то объяснить их протесты (продолжавшиеся и после его упразднения[24]). Эту противоречивость аргументации усугубил В.Я. Лаверычев, опиравшийся на построение Погребинского[25], сломав главный его устой — положение о незаинтересованности заводчиков в железнодорожных заказах.

Упомянув, что те же синдикаты «особенно настойчиво» добивались заказов на 1918–1922 гг. и что был выработан законопроект о казенном заказе на 8 тыс. паровозов и 200 тыс. вагонов, Лаверычев не сообщал о дальнейшей судьбе этого законопроекта, ограничившись неопределенной ссылкой на какое-то «известное пере-

---

[22] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Спорные вопросы изучения государственно-монополистического капитализма // Об особенностях империализма в России. С. 141–142. По объяснению Н.Ф. Чарновского, заводчики не «уклонялись» от новых заказов, а наоборот, испытывали затруднения, вызванные «полной неопределенностью перспектив в отношении заказов на подвижной состав со стороны МПС и при обнаруживавшейся по временам тенденции МПС перейти к собственному, казенному строительству паровозов и вагонов». В то же время особая выгодность военного производства побуждала их отодвигать сроки исполнения заказов МПС (Народное хозяйство в 1916 г. Пг., 1921. Вып. 4. С. 52).

[23] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Спорные вопросы... С. 141–142; ЕГО ЖЕ. Комитет по железнодорожным заказам и его ликвидация в 1914 г. // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 238, 242–243; ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 156.

[24] См.: КОРЕЛИН А.П. Монополии в паровозо- и вагоностроительной промышленности России // Вопросы истории капиталистической России. С. 167.

[25] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 156–157.

распределение сил» к 1917 г. и на то, что из-за разногласий между Продвагоном и частными железными дорогами «соглашение затянулось»[26]. Затяжка, однако, оказалась такова, что до заключения договоров с синдикатскими заводами дело вовсе не дошло, и именно потому, что, вопреки утверждению автора, монополиям не удалось «успешно опереться» на те «звенья госаппарата», каким принадлежало право решать. До Февраля заказ этот так и не достался объединениям, домогавшимся под него казенных ссуд и авансов на 103 млн руб.: «Гвоздь вопроса как раз и состоял в размере субсидии, а также цен на подвижной состав»[27]. Зато часть заказов получили заводы, не входившие в объединения[28], и зарубежные фирмы.

Тем не менее Лаверычев считал, что в годы войны производство подвижного состава «регулировалось вполне сложившимися монополистическими союзами, успешно опиравшимися на те или иные звенья государственного аппарата»[29]. Он обходил при этом молчанием соображения, высказанные А.П. Корелиным в пользу другой точки зрения: ни Продпаровоз, ни Продвагон с самого начала «не являлись по форме и характеру деятельности синдикатами классического типа», условия же войны расшатали их настолько, что от них фактически «осталась только форма»; в эти годы одна из важнейших функций синдикатов — распределение заказов — «становится чисто формальной, а доли и квоты предприятий фактически ликвидируются»[30].

Признак непоколебимости позиций монополий усматривается и в том, что Путиловский завод после наложения на него секвестра будто бы еще оставался в составе синдикатов, поскольку «даже в декабре 1916 г.» фигурировал в их документах о распределении заказов «на январь и февраль 1917 года»[31]. Но если принять этот довод, то не менее прочным надо признать положение монополий и в 1918 г. Ведь Продвагон, контракты с которым Путиловский завод, взятый в казенное управление, расторг (как и с Продпаровозом) в 1916 г., учитывал в своих планах Путиловский завод не только на январь и февраль 1917 г., но и на 1918 год[32].

16 ноября 1916 г. правительство передало в распоряжение МПС отнятые у прежних владельцев Выксунские заводы — вопреки противодействию ряда финансовых групп (в числе которых было «Московское военно-промышленное товарищество 1915 года» Рябушинских, А.И. Кузнецова, Н.А. Второва и др.[33], Сормово-Коломенская груп-

---

[26] Там же. С. 158–160.

[27] ВОЛОБУЕВ П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 221–222.

[28] КОРЕЛИН А.П. Монополии в паровозо- и вагоностроительной промышленности. С. 173–174; Приложения к СОГД IV/4. Вып. 5. № 322, 323; СУ. 1915. Ст. 866.

[29] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 159.

[30] КОРЕЛИН А.П. Монополии в паровозо- и вагоностроительной промышленности. С. 160, 168, 176.

[31] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 160.

[32] Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2135. Оп. 2. Д. 10. Л. 6–7.

[33] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М., 1963. С. 220.

па), претендовавших на это владение с его 100 тыс. дес. земли и леса. Руководители Сормово–Коломны рассчитывали, завладев Выксунским горным округом, организовать изготовление паровозов нового типа (тяжелых) по 300–600 шт. в год, поскольку «надлежаще» приспособить для этого типа паровозные отделы Сормовского и Коломенского заводов оказалось невозможным. После передачи Выксунских заводов в ведение МПС магнатам Сормово–Коломны «пришлось наметить к постройке гораздо менее удобный» вариант (при Кулебакском заводе)[34]. 16 ноября 1916 г. и 17 февраля 1917 г. Совет министров отпустил около 19 млн руб. на приобретение, оборудование Выксунских заводов и образование их оборотного капитала[35]. Случай этот характерен как размерами начинания, так и безуспешностью притязаний крупнейших финансовых групп[36]. Между тем из рук частных владельцев в распоряжение казны перешли также столь крупные по российским масштабам и авторитетные производители паровозов (и вагонов), как Путиловский завод, оборудование которого предполагалось расширить до выпуска 240–300 паровозов в год (вместо 70)[37], и Невский.

Казенное паровозостроение представлено Лаверычевым как всего лишь «законопроект о строительстве казенного завода в Воткинске». Законопроект, однако, уже прошел через Совет министров, который 6 декабря 1916 г. отпустил старому Воткинскому заводу 3,6 млн руб. на расширение оборудования; предполагалось, что к 1920 г. он доведет выпуск паровозов до 100 в год[38]. Лаверычев полагал, что принятое решение еще «не представляло реальной угрозы монополистам»[39]. Но ведь известно, что этот объект был не единственным в своем роде.

---

[34] РГАЭ. Ф. 1637. Оп. 13. Д. 68. Л. 37 и об.; ф. 4086. Оп. 21. Д. 79. Л. 284 и об.

[35] 17,2 млн руб. на 1916–1917 гг. и еще 1,5 млн на 1918 год (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 356. Л. 2–4. Представление МПС Временному правительству, 2.IX.1917).

[36] ДЯКИН В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации т.н. немецкого засилья // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 237. Попыткой облегчить свою задачу в финансовом отношении выглядит решение МПС привлечь к реорганизации Выксунских заводов частные капиталы. 27 февраля 1917 г. «Коммерческий телеграф» сообщил, что министерство «согласно акционировать» предприятие, оставляя за собой 55% акций, а 45% намереваясь распределить между Сормово–Коломной и Московским военно-промышленным товариществом. Товарищество, однако, наотрез отказалось сотрудничать с Обществами Коломенского и Сормовского заводов.

[37] РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 20. Л. 287об., 295–298. Производительность всех русских заводов отрасли в 1916 г. составляла примерно 1500 паровозов, тогда как фактический годовой выпуск одного американского завода Балдвина еще до войны достигал 1000 паровозов (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 569. Л. 2; ф. 1517. Оп. 1. Д. 62. Л. 79).

[38] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 569. Л. 2–5, 21; ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 4, 6, 10; РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 21. Д. 64. Л. 3–5, 47; Промышленность и торговля. 16.XII.1916, № 50. С. 520. Фактически серьезное переоборудование паровозного отдела началось с 1915 г. (МУСИХИН В.Е. Влияние первой мировой войны на реконструкцию и техническое перевооружение промышленности Вятской губернии // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1995. Т. 1. С. 104–105).

[39] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 157.

Одновременно, несмотря на выраженное синдикатами недовольство, приводился в исполнение составленный в 1907–1911 гг. и дополненный в начале 1917 г. план расширения 34 механических мастерских казенных дорог, рассчитанный на 80 с лишним млн рублей[40]. 23 декабря 1916 г. Совет министров отпустил 12,6 млн руб. на устройство казенного вагоностроительного завода, «находящегося в ближайшей связи с казенным металлургическим заводом» МПС[41]. (Это решение отвечало пожеланию Думы, принятому 18 июня 1916 г. — одновременно с отклонением законопроекта о Копикузе и согласием дать долгосрочные заказы на подвижной состав фирмам-аутсайдерам.) Вместе с тем 3 февраля 1917 г. было, по сути, отклонено предложение русско-французской группы дельцов о постройке вагоностроительного завода при условии заказа ему 50 тыс. вагонов[42]. Даже для изготовления костылей и болтов МПС начало строить собственный завод на Екатерининской дороге, для чего в декабре 1916 г. потребовалось купить заграничное оборудование[43].

Скептически, как «чиновничье прожектерство в деле казенного предпринимательства»[44] трактуются в литературе усилия МПС по созданию для своих расширявшихся производств собственной металлургической базы. Проект казенного завода в Керчи, конечно, мог поразить воображение: мощность его намечалась в четверть всего производимого на юге чугуна; ожидаемую резко повышенную послевоенную потребность МПС в металле новый завод покрывал, согласно проекту, также на четверть. Но скепсис и здесь вряд ли уместен (построенный позднее комбинат «Азовсталь» на соответствующей стадии тоже мог бы показаться плодом досужего прожектерства). В 1916 г. проект прошел через все необходимые согласования с Министерством финансов и в междуведомственных совещаниях. В бюджете МПС на 1917 г. предусматривалось первое ассигнование в 20 млн руб. (из общей проектной

---

[40] РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 121. Л. 2; ф. 1517. Оп. 1. Д. 62. Л. 80об.; Приложения к СОГД IV/2. СПб., 1914. Вып. 9. № 834; Новое время. 24.VIII.1916. По исчислениям управляющего делами Продвагона П.Г. Иванова, в 1918–1922 гг. казенные железнодорожные мастерские могли дать около четверти всего выпуска вагонов. В целом рост казенного производства, считал он, «представит серьезную угрозу» объединенным заводам (РГИА. Ф. 1517. Оп. 1. Д. 98. Л. 4). Некоторые из этих мастерских перестраивались и расширялись для производства паровозов. В июне 1916 г. правление Русско-Балтийского общества прорабатывало идею о сооружении машиностроительного завода для снабжения станками строящихся и переоборудуемых казенных железнодорожных мастерских (ОЖСМ 1913. С. 20; ГАРФ. Ф. 7737. Оп. 1. Д. 36. Л. 110–112).

[41] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 599. Л. 2, 4, 10, 21; Русская воля. 29.XII.1916.

[42] РГИА. Ф. 247. Оп. 1. Д. 3. Л. 48 и об.

[43] Там же. Ф. 273. Оп. 6. Д. 2560. Л. 205. Еще в 1900 г. свое обращение с заказом такого же рода за границу Рязанско-Уральская железная дорога обосновывала тем, что болторезные и гайкорезные станки от русских заводов можно получить только «устарелых конструкций и притом на 40–50% дороже заграничных» (ГИНДИН И.Ф. Государство и экономика // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 68). В 1905 г. такие станки и станки для выделки заклепок заказывал за границей также Ижевский оружейный завод (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70440. Л. 181об.).

[44] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 133.

стоимости завода в 71 млн[45]) на его постройку. 14 октября 1916 г. Совет министров провел окончательное обсуждение этого вызывавшего разногласия вопроса[46], и 25 октября, несмотря на недовольство монополий[47], проект завода был утвержден царем[48]. Путейскому ведомству была также гарантирована металлургическая база в виде соответствующих отделов упомянутого Выксунского завода и Путиловского, тоже изъятого в распоряжение казны (вместе с его новым уникальным прокатным станом, пригодным для нужд паровозостроения; попытки монополистов завладеть им были правительством пресечены[49]).

На прожектерство больше, может быть, походила попытка создать металлургический завод Кузнецкого каменноугольного и металлургического акционерного общества (Копикуз). В нем были заинтересованы две крупнейшие финансовые группировки, совместно вложившие в основание дела 6 млн рублей. Намереваясь построить завод, Общество использовало придворные связи В.Ф. Трепова — брата министра путей сообщения, чтобы добиться поддержки в виде казенных заказов на рельсы и беспроцентной ссуды. Выпуск чугуна этим заводом намечался «в два раза превышающий выплавку чугуна на всех уральских заводах». Главные заказы на рельсы Копикуз рассчитывал получить от МПС[50]. И вот законопроект о содействии правительства созданию этого предприятия был 12 июня 1916 г. со скандалом провален на соединенном заседании Финансовой и Бюджетной комиссий Думы.

По заключению комиссий, основанному на мнениях предшествовавшего междуведомственного совещания и Горного департамента[51], «весьма невыгодное для казны» предприятие Копикуза с первых же своих шагов оказалось бы в конфликте с законами и одновременно в зависимости «от банков, в пользу которых перейдет львиная доля его барышей». На шестой день правительство погасило спровоцированный им скандал, отозвав законопроект, а вместо него в экстренном порядке готовился проект казенного Керченского завода. Потеряв надежду на казенную поддержку (заказы на 10 лет, 20-миллионная беспроцентная ссуда на 14 лет), Копикуз

---

[45] Проектная стоимость вместе с приобретением и оборудованием для него Ткварчельских угольных копей — 100 млн руб. (Финансовое обозрение. 1.XII.1916. С. 11–12).

[46] А.А. Макаров, Н.Н. Покровский, В.Н. Шаховской, А.Д. Протопопов и П.П. Муравьев (помощник морского министра) высказали опасение, что создание такого завода «стеснит и задержит» развитие частной промышленности, а Б.В. Штюрмер, Н.П. Раев, Н.П. Гарин (помощник военного министра) и В.В. Кузьминский считали, что зависимость путейского ведомства от частных предприятий «не может быть терпима» и что новый завод, выступая конкурентом частным, вызовет снижение цен.

[47] SIEGELBAUM L.H. Op. cit. P. 129.

[48] БЕЛЯЕВ С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 346–347.

[49] РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 20. Л. 69об., 158–160, 286–287.

[50] РГАЭ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 47. Л. 20.

[51] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 246. Л. 7, 33.

объявил, что вопрос о постройке завода откладывается «до выяснения способа финансирования»[52].

Такого рода факты плохо вписываются в схему «подчинения» государства монополиям, и о них редко вспоминают в обобщающих трудах о государственно-монополистическом капитализме. Что же касается казенной черной металлургии в целом, то помимо заводов, обслуживавших пути сообщения, строился новый сталелитейный завод артиллерийского ведомства и расширялись морские и горные заводы.

Правительственное регулирование металлургии включало контроль за распределением ее продукции между потребителями. В этой связи ряд авторов сообщает, что обществу Продамет 18 августа 1916 г. удалось «добиться полного провала» попытки Металлургического комитета (орган Особого совещания по обороне) установить «в связи с массовыми жалобами заказчиков» контроль над запасами металла на складах частных фирм[53]. Неясно, в чем усматривается здесь провал, если данный вопрос уже был решен Особым совещанием министров, возглавлявшим и контролировавшим систему особых совещаний[54], после чего от Металлургического комитета каких-либо еще принципиальных решений не ожидалось, да авторы и не приводят никакого его «провального» постановления. 27 сентября, через две недели после издания закона, наделившего Министерство торговли и промышленности правом надзора за торговлей металлами, Главноуполномоченный по снабжению металлами циркулярно потребовал от своих уполномоченных на местах провести учет запасов на заводских складах и затем каждые две недели доставлять ему ведомость наличия металлов; отпускать их кому-либо без распоряжения Комитета запрещалось (циркуляр был подтвержден директивой от 27 октября)[55]. По свидетельству А.В. Панкина (в 1915–1918 гг. начальник Южного района организации ген. Ванкова и управляющий Югометой), отпуск каждого вагона металла требовал визы специально поставленных чиновников МПС во главе с А.Н. Митинским. «Эти люди, вполне обеспеченные двойным жалованьем (от МПС и от Югометы), с большим служебным статусом, были авторитетны и неподкупны». Контроль начинался с прокатного цеха: «Заводы могли пускать прокатные станы только по учету и нарядам Югометы». При такой

---

[52] Утро России. 12.VI.1916; СОГД IV/4. Пг., 1916. Ч. 3. Стб. 5651–5653; Приложения к СОГД IV/4. Пг., 1916. Вып. 5. № 341; ЛУКИН А.А. Кузнецкий бассейн и концессионная политика Кабинета // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1971. Вып. 4. С. 65–67; БАШКИРОВ В.Г. Военно-экономическая мобилизация металлургической промышленности Сибири в годы первой мировой войны // Экономическая политика царизма в Сибири. Иркутск, 1984. С. 82. В литературе и некоторых источниках заседание комиссий иногда ошибочно датируется июлем.

[53] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Синдикат «Продамет» в годы первой мировой войны (1914–1917) // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 26–27; ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 150.

[54] См.: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма. С. 131.

[55] ВЕНЕДИКТОВ А.В. Организация железной и угольной промышленности // Тяжелая индустрия в СССР. М.; Л., 1926. С. 60; Монополии в металлургической промышленности России. 1900–1917. Документы и материалы. М.; Л., 1963. С. 185–186.

системе «на рынок нельзя было выбросить значительных партий железа». Югомета руководила составлением производственного плана и формировала его «по наибольшим возможностям заводов», и в итоге «устранялась роль Продаметы как органа, распределяющего производство... Назначение твердых цен на металл, контроль выпуска заводов и частного рынка органами Югометы устраняли воздействие Продаметы на цены»; «влияние Продаметы упало»[56].

Переоценка взаимоотношений государства с монополиями, начатая Гиндиным и Тарновским, получила развитие в исследовании В.С. Дякина, который проследил в политике правительства «антимонополистическую линию», одержавшую верх в 1914 г., и истолковал этот факт с точки зрения борьбы между буржуазией и поместным дворянством за определение курса экономической политики в целом[57]. Дякин продолжил также пересмотр фактов, положенных в основу представлений о «подчинении». По-новому была раскрыта судьба законопроекта о борьбе против монополий. Попытка Министерства финансов удалить из его текста уголовное преследование трестов и синдикатов за взвинчивание цен воспринималась ранее как уступка давлению монополий. Оказалось же, что финансовое ведомство предпочитало юридическому ограничению деятельности частного капитала меры экономического, а главным образом административного воздействия[58].

Анализ в работе Дякина хозяйственной деятельности правительства (строительство новых и выкуп в казну ранее построенных железных дорог, ирригационные работы, борьба с топливным «голодом», сооружение сети элеваторов, законодательное регулирование отношений казны с частными поставщиками) дает основание констатировать общий враждебный «поворот в отношении бюрократических верхов к частному предпринимательству», который произошел не в 1914 г., как полагал Гиндин (и тем более не в 1915 г., как считала Р. Руза), а раньше, по крайней мере уже к 1913 году[59]. Что касается политики в отношении собственно синдикатов, то

---

[56] НИОР РГБ. Ф. 218. Карт. 304. Л. 47, 52, 55. ПАНКИН А.В. О моей деятельности в качестве управляющего Югометой. Стенограмма доклада на Историческом факультете МГУ. 14.II.1952.

[57] ДЯКИН В.С. Из истории экономической политики царизма в 1907–1914 гг. // Исторические записки. М., 1983. Т. 109. С. 25–26.

[58] Там же. С. 62, 51. В.С. Дякин вряд ли был прав, полагая, что предложенные Министерством финансов дополнительно экономические санкции против синдикатов были отвергнуты торгово-промышленным ведомством (там же. С. 52). Не отвергая их как неприемлемые по существу, Министерство торговли и промышленности возражало лишь против конкретного перечисления этих санкций в законе, чтобы не сковывать тем самым свободу действий правительства (ГАРФ. Ф. 102, 2-е д-во. 1914 г. Оп. 72. Д. 10. Ч. 14. Л. 4об.–5. С.И. Тимашев — Н.А. Маклакову, 11.V.1914).

[59] ДЯКИН В.С. Из истории экономической политики... С. 43; ROOSA R.A. Russian Industrialists during World War I // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton, 1983. P. 180–181. Об антисиндикатской линии правительства в 1890-е гг. см. ГИНДИН И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 7. § 9.

здесь сдвиг наметился в 1908–1909 годах. Такая перемена была обусловлена общим наступлением политической реакции, а также и тем, что деятельность синдикатов противоречила хозяйственным интересам государства.

Одним из направлений наступления царизма на позиции крупного капитала в 1914–1916 гг. было ужесточение акционерного законодательства, неразрывно связанное с официальной политикой правительственного антисемитизма.

27 марта 1914 г. Совет министров принял «впредь к руководству» «Правила об участии иностранцев и лиц иудейского исповедания в акционерных компаниях, учреждаемых явочным порядком, а равно приобретения этими компаниями недвижимостей и производства ими разного рода промыслов». Право акционерных обществ приобретать землю ограничивалось 200 десятинами. Чтобы получить земли больше, требовалось особое разрешение трех-четырех ведомств (торгово-промышленного, внутренних дел и земельного, иногда и военного), и тогда максимум не устанавливался, зато дополнительно суживались возможности для евреев. Компании, приобретавшие земли в местностях, закрытых для еврейского землевладения, то есть вне городов и местечек в черте оседлости, могли иметь евреев в составе своих правлений и кандидатами в члены правления лишь в меньшинстве, кроме того, они «не могут занимать должности директоров-распорядителей и заведующих или управляющих соответственным недвижимым имуществом предприятий». Если же компания создавалась для эксплуатации земли и ее недр (а не для сооружения прочих торгово-промышленных предприятий), то евреи в состав ее администрации не допускались. «Правила», содержавшие сводную формулировку этих ограничений[60] и не подлежавшие опубликованию, царь утвердил 18 апреля. Почувствовав ущемление своих интересов, деловой мир бурно протестовал, и 16 июля действие Правил было приостановлено.

Традиционная в литературе ссылка на отмену — «под нажимом предпринимателей и объективных требований экономического развития» — Правил 18 апреля 1914 г. служит для подтверждения того, что произошла «победа промышленников, имевшая гораздо бо́льшее значение, чем их поражение при введении этих правил», и как бы «символизировавшая новые отношения русских предпринимателей и царского правительства»: правительственная политика все более учитывала интересы буржуазии и оттого делала зигзаги[61].

В действительности была сделана лишь видимость уступки, так как практика редактирования уставов акционерных компаний с этого момента принципиально не

---

[60] Право. 4.V.1914. № 18. С. 1498–1499. Принципиальный смысл новых правил и подробное «историческое» обоснование реформы раскрывает журнал заседания Совета министров 3 января 1914 г., который и был утвержден Николаем II 18 апреля (ОЖСМ 1914. С. 15–26). Журнал заседания 27 марта 1914 г. до сих пор не выявлен; Л.Е. Шепелев полагает, что он и не был составлен, и показывает, что редактирование январского журнала продолжалось по крайней мере до конца марта (ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 209–210).

[61] ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Царизм и буржуазия. С. 214.

изменилась. Когда же потребовалось устранить «наблюдающиеся затруднения при образовании новых акционерных обществ или расширении существующих», был найден привычный выход. Чтобы избежать затяжной переписки между канцеляриями, пришлось учредить «постоянное междуведомственное совещание... для рассмотрения проектов уставов сих обществ, имеющее целью согласование до внесения в Совет министров замечаний по сим проектам». Теперь прежде рассмотрения Советом министров проект устава попадал в это совещание, и если компания домогалась права обзавестись недвижимостью «в местностях, закрытых для еврейского землевладения», то в устав вводился, как правило, частичный запрет «лицам иудейского вероисповедания» входить в состав правлений, занимать должность директора-распорядителя и т.д. Иначе говоря, разрешения свободно приобретать землю, хотя бы в пределах 200 дес., акционерные общества не получили, а ограничения по национальному и вероисповедному признакам остались в полной силе. Власть без особой огласки применяла в последующем и нормирование акционерного землевладения, и ограничения для участия евреев в управлении акционерными предприятиями[62].

Более того, продолжалась подготовка дальнейшего ужесточения режима акционерного землевладения. О том, что новый порядок приобретения земли не обещал быть либеральным, можно судить по официальным отзывам ведомств (министерств юстиции, внутренних дел, путей сообщения, земледелия, финансов) на законодательное предположение «Об изменении в законоположениях об акционерных обществах», выдвинутое 46 членами Государственной думы (4 марта 1916 г.), и на законопроект Министерства торговли и промышленности о «Нормальном уставе» акционерных обществ.

23 марта 1916 г. министр земледелия А.Н. Наумов сообщил Совету министров, что, в противоположность проекту 46 думцев, считает «обязательными те ограничения, которые установлены как мера предосторожности против вовлечения земельного фонда государства в круг спекулятивных сделок и против обхода действующих в сем отношении законов, имеющих в виду отдельных физических лиц» (речь шла на деле, конечно, не об «отдельных физических лицах», а о евреях). Наумов выступал за предоставление промышленности «свободы, необходимой в сем отношении», но с условием, чтобы эта свобода «не перешла пределов, диктуемых соображениями общегосударственной пользы»[63]. В отзыве же на проект Нормального устава Наумов указывал, что «находит возможным разрешить акционерным обществам приобретать земли не свыше 200 дес., а в случаях, когда следует увеличить это число, это должно быть сделано по соглашению министров земледелия, внутренних дел и торговли»[64].

Решительно забраковал проект 46-ти министр юстиции А.А. Хвостов: «Нахожу... в настоящем его виде вообще неприемлемым». Он ссылался на практику:

---

[62] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5182. Л. 1 и об. Шаховской — Поливанову, 10.IX.1915; Власть и реформы. СПб., 1996. С. 561–562.

[63] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 278. Л. 4 и об. Наумов — управляющему делами Совета министров И.Н. Лодыженскому, 23.III.1916.

[64] Финансовое обозрение. 10.VII.1916.

закон — это одно, он «вообще не нормирует предельного количества земли, коим может владеть отдельная акционерная компания». Но есть еще практика: «Однако практикою Совета министров, в особенности в последнее время, в связи с общею земельною политикою, признано необходимым установить... предельные нормы». Ограничения эти, напоминал Хвостов, «имеют в своей основе главным образом стремление воспрепятствовать отдельным иностранцам и евреям обходить действующие ограничительные законоположения». Примечательна в его рассуждениях глухая ссылка на те постановления Совета министров от 3 января и 27 марта 1914 г., которые легли в основу негласных «Правил» 18 апреля. В глазах Хвостова, никто этих постановлений не отменял: «Я не усматриваю оснований к отступлению от принятых Советом министров положений». На «вопрос о возможности и своевременности отмены ограничительных законоположений в отношении иностранцев и евреев вообще» Хвостов отвечал недвусмысленно: «Не нахожу возможным согласиться»[65].

По поводу проекта Нормального устава Хвостов заявил, что «нормальный устав не может быть применяем» к предприятиям свеклосахарным, пароходным, работающим на оборону «и т. п.». Кроме того, Совет министров «должен в общегосударственных интересах установить какие-либо нормы для приобретения земель в местностях, где это воспрещено иностранцам и евреям», а также вводить в уставы акционерных обществ «более строгие ограничения» участия иностранцев и евреев «в составе органов управления... в тех случаях, когда общество получает право приобретения недвижимостей» в указанных запретных местностях. И уж конечно нельзя было, с точки зрения Хвостова, предоставлять «всецело министру торговли» судить о допустимости каких бы то ни было отступлений от Нормального устава. Любое такое дело «каждый раз должно вноситься в Совет министров»[66].

Путейское ведомство подвергло проект, выработанный Министерством торговли и промышленности, критике за недостаточную строгость ограничений. Даже при установлении, как намечал проект, пределом для предприятий ряда отраслей — горнодобывающих, лесных и т. п. — 3000 дес. (правилами 18 апреля максимального предела в этом случае не устанавливалось), а для всех прочих 200 дес. акционерные компании все равно «получат возможность» в некоторых местностях «например, в местечках, где приобретение недвижимостей евреями не воспрещено», завладеть землей «в размерах выше установленного предела, что... представляется совершенно нежелательным» с точки зрения «интересов земледельческого населения» и вредно для землеустроительных мероприятий правительства. МПС настаивало, сверх того, на ряде дополнительных стеснений в процедуре утверждения уставов[67], а также на запрещении («в

---

[65] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 278. Л. 7, 8 и об. Хвостов — Лодыженскому, 18.IV.1916.

[66] Финансовое обозрение. 10.VII.1916.

[67] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 278. Л. 34об.–35об. Справка, 23.V.1916. Если Министерство торговли и промышленности добивалось права самостоятельно решать, какие из уставов может утвердить своей властью, а какие внести на предварительное рассмотрение в междуведомственное совещание, то в критическом заключении говорилось, что надо «придержаться первоначально высказанного по сему поводу ведомством путей сообщения взгляда о целесо-

соответствии с практикой утверждения уставов частных железнодорожных обществ») членам правлений «занимать какие-либо иные должности в обществах по найму, а равно вступать с означенными обществами в договорные отношения».

Перед заседанием Совета министров 24 мая 1916 г., где предстояло обсуждать проект 46 депутатов и Нормальный устав, предложенный Министерством торговли и промышленности, Министерство внутренних дел заявило (министром внутренних дел и председателем Совета министров в то время был Б.В. Штюрмер), что будет «настаивать прежде всего на необходимости возведения действующей ныне практики» в отношении акционерного землевладения «на степень закона» и считает нужным «сохранить концессионную систему... для всех вообще акционерных обществ во всех местностях Империи, если учреждаемое общество нуждается в земельной площади свыше 200 десятин». Мало того, МВД желало, чтобы с ним предварительно согласовывались решения «во всех случаях, когда приобретаемая обществом площадь превышает 50 десятин». При этом в самом же МВД видели, что вынесение на рассмотрение Совета министров «каждого дела по приобретению акционерными обществами хотя бы и незначительных участков земли... и притом по предварительном сношении с двумя ведомствами» (земельным и внутренних дел) отнюдь не ускорит процедуру утверждения уставов. Министерство торговли и промышленности не выдержало напора этих двух ведомств и изменило свою первоначальную позицию, отказавшись и от частичного перехода к явочному порядку утверждения акционерных обществ[68].

Министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской не согласился с предложением 46 депутатов «вообще» устранить из законодательства об акционерном землевладении все, что вызвано «существующими национальными и вероисповедными ограничениями». Он заявил, что находит такой либерализм «неприемлемым». Обобщая поступившие отзывы ведомств на проект Нормального устава, Шаховской привел к единому знаменателю мнения о нормах землевладения, и в результате оказались заново воспроизведенными, по сути, все те же «отмененные», «приостановленные» Правила 18 апреля 1914 г. — в усугубленном виде (отпало введение явочной системы, введен максимум 3000 дес. для упомянутой категории предприятий). «В соответствии с последне принятой практикой, — докладывал Шаховской Штюрмеру, — надлежало бы установить», что дозволяется «компаниям, приобретающим участки земли для лесного или сельского хозяйства», а также горнопромышленным приобретать «не свыше 3000 дес., для всех же остальных компаний — не свыше 200 десятин». Также и допущение иностранцев и евреев «к участию в администрации» таких компаний Шаховс-

образности направления на предварительное обсуждение междуведомственного совещания» «всех вообще» поступающих в Министерство торговли и промышленности проектов уставов, а в случае разногласий сомнительные уставы подлежали рассмотрению и в Совете министров, «хотя бы в них и не содержалось существенных отступлений от нормального устава». МПС особенно волновали уставы тех предприятий, которые намеревались «производить перевозки, иметь железнодорожный подвижной состав и суда, строить пути сообщения и т. д.».

[68] Там же. Л. 59–60об., 37 и об. Справки для господина министра [внутренних дел], подписанные директором Департамента общих дел МВД П.П. Стремоуховым, 23.V.1916.

кой предлагал регулировать «сообразно принятой практике». Иначе говоря, следовало официально установить «правило о том, что директоры правления таковых компаний в большинстве и кандидаты к ним в большинстве должны быть русскими подданными неиудейского вероисповедания, причем кандидат из иностранных подданных или лиц иудейского вероисповедания может замещать только директора из иностранных же подданных или лиц иудейского вероисповедания; засим директоры-распорядители и поверенные по делам горной промышленности, а также заведующие и управляющие недвижимыми имуществами компаний, расположенными в означенных выше местностях, должны быть русскими подданными неиудейского вероисповедания»[69]. Иначе говоря, в точности воспроизводились нормы правил 18 апреля, или, что то же самое, журнала 3 января 1914 года[70].

Ни одно из ведомств, приславших отзывы на законопроекты, не высказалось за отмену ограничений.

Против установления правительством новых ограничений (имелось в виду провести их без участия Думы, по 87-й статье Основных законов) выдвинула возражения группа крупнейших частных банков, обратившаяся с письмом в Министерство финансов 3 марта 1916 г. «Выяснить с точностью, какое влияние эти рекомендации оказали на дальнейшую судьбу акционерного законодательства, затруднительно, — указывает Шепелев. — Несомненно, однако, что они были авторитетны для правительства и принимались во внимание, по крайней мере Министерством финансов, при последующем обсуждении законопроекта Министерства торговли и промышленности»[71].

Но точку зрения Министерства финансов можно понять из письма Барка о законопроекте 46-ти. Ограничения вероисповедные (то есть направленные против евреев) и в отношении иностранцев Барк оправдывал «общими соображениями государственного характера» и, отмечая, что именно эти ограничения и положены в «главные основания пересмотра действующего законодательства», добавлял: «Со своей стороны Министерство финансов против такого порядка не возражало»[72]. Из

---

[69] Там же. Л. 28–33. Шаховской — Штюрмеру, 29.IV.1916; л. 46об., 50–58. Шаховской — Лодыженскому, 15.V.1916.

[70] В официальном разъяснении положение Совета министров 3 января 1914 г. изображалось как решение «сохранить на будущее время существующую ныне практику» (Торгово-промышленная газета. 3.V.1914), тогда как на деле Совет министров ужесточал фильтрацию состава правлений.

[71] ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Акционерные компании. Л., 1973. С. 322.

[72] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 278. Л. 41–44об. Барк — Лодыженскому, 3.V.1916. Подразумевалось, очевидно, заявление в этом смысле, сделанное Барком 13 марта 1914 г., сразу после назначения управляющим Министерством финансов (см.: ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Царизм и буржуазия. С. 207). Ведомственный орган, официально разъясняя — в смягченном виде — сущность решений, принятых Советом министров 3 января 1914 г., в редакционной статье «По поводу участия евреев в акционерных компаниях» указывал, что вводимые ограничения прав акционерных компаний и евреев-собственников вытекают из «общих начал нашего законодательства» (Торгово-промышленная газета. 3.V.1914).

этого ясно, что и для финансового ведомства «рекомендации» банков не оказались, вопреки предположению, «авторитетными».

На поведении министра финансов все же сказывалось то, что как раз во время прохождения через правительственные инстанции обоих законопроектов велись переговоры с официальными представителями США и американскими деловыми кругами о займе, а наряду с этим американская сторона настойчиво добивалась перезаключения торгового договора, утратившего силу по инициативе США после введенных русским правительством в 1911 г. ограничений на въезд в Россию предпринимателей еврейского происхождения. Обсуждение вопроса о торговом договоре неизбежно влекло за собой нежелательный конфликт с американцами, поскольку уступка в этой связи еврейскому капиталу оказалась бы заведомо неприемлемым для Николая II условием, и правительство всячески старалось этот вопрос замять[73].

В условиях войны правительство Николая II не решалось пойти напролом и, не считаясь с последствиями, бросить вызов могущественному партнеру, поставщику стратегических материалов и желательному кредитору изданием нового, столь раздражавшего финансовый мир антисемитского акта об акционерных компаниях. В день, когда Совет министров обсуждал оба законопроекта, Барк подал в Комитет финансов записку, в которой указывал, что «полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой, вследствие чего представляется настоятельно необходимым, хотя бы ценой известных жертв, завязать незамедлительно кредитные отношения с Америкой»[74]. На заседании 24 мая 1916 г. Совет министров решил, что проект Нормального устава должен быть доработан на основе высказанных ведомствами критических замечаний, а в целом дело следует отложить до «общего пересмотра акционерного законодательства» на началах явочной системы, то есть, в соответствии с намерениями Министерства торговли и промышленности, — до окончания войны[75]. Правительство предпочитало и в этом случае

---

[73] ГАНЕЛИН Р.Ш. Россия и США. Л., 1969. С. 116, 123, 125.

[74] Цит. по: СИДОРОВ А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 336.

[75] ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Акционерные компании. С. 322–323. Закон о Нормальном уставе так и не появился. В мемуарах Шаховской писал, что направленный им в мае 1916 г. в Совет министров законопроект о Нормальном уставе ставил целью ускорение процедуры утверждения уставов и что из проекта он, Шаховской, исключил «обычное ограничение для евреев, согласно которому они в некоторых случаях не могли быть председателями правлений и директорами-распорядителями». По его словам, в Совете министров этот проект был поставлен на голосование, и сам он оказался в меньшинстве. Однако царь согласился как раз с мнением меньшинства (ШАХОВСКОЙ В.Н. Sic transit gloria mundi. Париж, 1952. С. 178). Из этого можно было бы заключить, что состоялось утверждение предложенного министром проекта Нормального устава.

Здесь, очевидно, свидетельство мемуариста ненадежно. Едва ли мог он не считаться с тем, что во Франции, где он нашел прибежище и издал мемуары, недовольство Правилами 18 апреля 1914 г. было выражено и деловыми и правительственными кругами еще резче, чем предпринимательскими организациями в России. Возможно, Шаховской неточно вспомнил в данном случае другой свой спор о еврейском землевладении (также в Совете министров, на заседаниях 2 января, 11 марта и 29 апреля 1916 г.), увенчавшийся разрешением Николая II ак-

проводить одиозные меры без законодательного оформления. Но это мало походило на либерализацию курса.

Не больше оснований говорить об «отступлении» правительства и его непоследовательности в антимонопольной кампании дает «дело Продугля». Вопреки высказанным в литературе оценкам, оно лишь подтверждает сформулированную В.С. Дякиным истину о методах действий бюрократического аппарата: отказ от судебного преследования еще не означал примирения[76]. В 1914–1915 гг. синдикат постепенно свертывал свою деятельность (притом вовсе не «демонстративно»[77]), точно исполняя программу ликвидации, объявленную Министерством торговли и промышленности через ведомственную газету еще в марте 1914 года[78].

Основной клиент Продугля — казенные железные дороги — за это время перезаключил договоры непосредственно с поставщиками, входившими в Продуголь, минуя синдикат. Еще с 1913 г. ведение всех дел этих дорог с Продуглем, включая контроль за ходом поставок, возлагалось на администрацию казенных Южных дорог. Ей же были поручены и перезаключение контрактов и последующая практическая организация закупок и распределения угля между дорогами, тогда как частные заводы, обслуживавшиеся Продуглем, были предоставлены собственным усилиям[79]. Новый порядок действовал на протяжении всего 1916 года[80]. Продуголь перестал существовать[81].

ционерным компаниям приобретать — когда это требовалось по военным обстоятельствам, в связи с эвакуацией или необходимостью расширения военных производств — не более 50 дес., при этом каждый раз с согласия министров торговли и промышленности и внутренних дел (СУ. 14.V.1916. Ст. 1009; ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Акционерные компании. С. 320–321).

[76] Ср., однако: ГОЛИЦЫН Ю. Фондовый рынок дореволюционной России. М., 2003. С. 124. Автор опирается на устаревшую в этом вопросе работу Я.И. Лившина (1956 г.). Уже отмечалось, что серьезность преследования Продугля правительством обычно недооценивается советскими историками (SIEGELBAUM L.H. Op. cit. P. 222). Но и западные исследователи отдали не меньшую дань этому заблуждению (см., например: BONWETSCH B. Das ausländische Kapital in Rußland // Jhrb.f.GO. 22(1974). Heft 3. S. 420; HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Königstein, 1980. S. 36; EJUSD. Staatsintervention und Monopole im Zarenreich — ein Beispiel für Organisierten Kapitalismus? // Geschichte und Gesellschaft. 5 (1979). Heft 3. S. 348; RIEBER A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982. P. 370; LÖHR B. Die «Zukunft Russlands». Stuttgart, 1985. S. 188–189; GATRELL P. Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914. Cambridge U. P., 1994. P. 169).

[77] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 80.

[78] РЕЙХАРДТ В. К проблеме монополистического капитализма в России // Проблемы марксизма. 1931. № 5–6. С. 205–206.

[79] Материалы по истории СССР. М., 1959. Т. 6. С. 503, 505–508, 517, 518; РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 535. Л. 312, 416, 422, 512, 513, 549, 551.

[80] РГИА. Ф. 273. Оп. 7. Д. 1811. Л. 1, 19, 20, 26.

[81] Власть и реформы. С. 561. Слишком узким является объяснение «распада», «развала синдиката» только внутренними «центробежными тенденциями» и условиями конъюнктуры (СОРОКИН А.К. Монополизация российской угольной промышленности в 1900–1913 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 285–286).

На смену частичной монополии Продугля шла полная государственная монополия, предзнаменованная ростом реквизиций и созданием Особого совещания по топливу.

Лишен оснований общий вывод о деятельности Осотопа в том смысле, что она якобы «в целом в достаточной степени соответствовала интересам как монополистов нефтяной, так и угольной промышленности». По словам Лаверычева, группа представителей Продугля «задавала тон в Осотопе и его угольной секции»[82]. Этот вывод противоречит имеющимся в его книге сведениям о результатах попыток Продугля провести свою линию и, кроме того, не упомянутому автором обстоятельству — вынужденной самоликвидации Продугля, закончившейся к 1 января 1916 года[83].

Полное огосударствление торговли углем, замена ее распределением диктовались «всей обстановкой начиная с 1915 года»[84]. Принципиальное решение по этому вопросу состоялось осенью 1915 г., выбор же времени для практического исполнения Совет министров оставил на усмотрение Осотопу, который получил полномочия проводить также и постепенные частичные реквизиции. Лаверычев утверждал, однако, что сопротивление со стороны общероссийских предпринимательских организаций «оказалось столь упорным», что в конце концов «до реквизиции топлива дело не дошло»[85]. Между тем в том же отчете Осотопа, которым пользовался Лаверычев, разъяснено, что применение «реквизиционных нарядов» и «принудительных поставок» затруднялось до начала 1916 г. невозможностью обеспечить вывоз угля из мест добычи к потребителям. Как заявил 3 ноября 1915 г. С.В. Рухлов, «будет более осторожно применить ее только в том случае, если положение изменится, то есть если возрастет вывоз и сократится добыча»[86]. В дальнейшем же вывоз облегчился, так что отпали как раз те препятствия, ввиду которых МПС откладывало общую реквизицию.

С середины 1916 г. Осотоп «усиленно» применял реквизицию. К осени основной потребитель донецкого угля — железные дороги — удовлетворял свои потребности «главным образом» посредством внеочередных принудительных нарядов, коснувшихся «почти половины копей в Донецком бассейне» (реквизировалась треть всего вывозимого оттуда угля, по 25–30 млн пудов в месяц)[87]. Такая практика не устраивала углепромышленников особенно тем, что МПС, проведя реквизицию, не торопилось расплачиваться с ними; это было одной из причин того, что дела «донецких магнатов» пошатнулись «в конце 1916 и особенно в начале 1917 года»[88].

---

[82] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 182, 192, 197.

[83] См.: РЕЙХАРДТ В. Указ. соч. С. 205–206.

[84] ВОЛОБУЕВ П.В. Экономическая политика. С. 171–172.

[85] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 187, 192.

[86] Цит. по: там же. С. 192.

[87] Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу за первый год его существования. Пг., 1917. Т. 1. С. 22–23; Каменноугольная и антрацитовая промышленность Донецкого бассейна за последние четыре 1913–1916 года. [Харьков, 1917.] С. 14; ВЕНЕДИКТОВ А.В. Указ. соч. С. 43.

[88] ВОЛОБУЕВ П.В. Экономическая политика. С. 172.

«Преимущественный заказ» (то есть реквизиция) 200 млн пудов — двух-трехмесячный вывоз из Донбасса — для казенных дорог был по требованию МПС разверстан между углепромышленниками через их же Совет съездов горнопромышленников Юга России. Часть этого угля, отобранного МПС, ранее предназначалась для более выгодных частных заказчиков. Эту операцию Лаверычев рассматривал как признак «возрастания роли» Совета съездов, который представлен в качестве «центробежного фактора», якобы притормозившего правительственное регулирование угольной промышленности[89]. Действия Совета съездов выглядят в его изложении даже как извлечение дополнительных выгод и удобств.

Стремление изображать взаимоотношения самодержавия и частного капитала так, чтобы перевес оказывался на стороне последнего, порождало затруднение, сущность которого отчетливо изложил в статье о предвоенном топливном «голоде» Гефтер: царизм оставался, как и раньше, «диктатурой дворянства, надстройкой над крепостническим землевладением. Вместе с тем факты... свидетельствуют о том, что во всех сколько-нибудь крупных экономических вопросах и коллизиях, где интересы черносотенного помещика непосредственно сталкивались с интересами монополистической верхушки буржуазии, третьеиюньский режим брал сторону последней, "изменяя" своему классу»[90]. Обращаясь, однако, к совокупности фактов, которая проанализирована Гефтером, можно заметить, что указанное затруднение проистекает не от самих фактов, а от влечения исследователей к компромиссу с формулой «подчинения».

«Наиболее существенной» мерой против нефтяного голода Гефтер считал проекты казенной нефтедобычи, которую Горный департамент предполагал организовать на лучших, свежих участках бакинского месторождения и в размерах, сопоставимых с мощностью флагмана отрасли, предприятия фирмы Бр. Нобель. Стремясь помешать созданию казенных нефтепромыслов, промышленники добивались, чтобы правительство ограничилось участием в проектируемом смешанном (2/3 — доля частного капитала, 1/3 — казны) Паевом товариществе и воздержалось от устройства собственных, чисто казенных промыслов. Нефтяным королям, резюмировал Гефтер ход борьбы вокруг этих проектов, «беспокоиться было не о чем», они «при всех поворотах событий добивались своего». Но обращение к источникам показывает, что как ни «близок к осуществлению» был проект, выдвинутый монополистами, как ни «шла навстречу» частной инициативе в данном случае бюрократия, настал все же момент, когда «обстановка изменилась», и проект смешанного Паевого товарищества был отклонен. Осотоп отдал предпочтение казенной нефтедобыче; затем и правительство, несмотря на все протесты нефтяных королей, утвердило казенный проект, который и внесло в Думу в начале

[89] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 196, 81.

[90] ГЕФТЕР М.Я. Топливно-нефтяной голод в России и экономическая политика третьеиюньской монархии // Исторические записки. М., 1968. Т. 83. С. 103. Привычной нормой, как отмечает Ф. Карстенсен, является «обвинение российского государства в прислужничестве капиталистам» (CARSTENSEN F.V. American Enterprise in Foreign Markets. Chapel Hill; London, 1984. P. 233).

1917 года[91]. Иначе говоря, вплоть до своего падения правительство не шло ни на какие уступки и шаг за шагом продвигало антимонопольные проекты.

Правда, в литературе встречаются утверждения, что в феврале 1917 г. «правительство уступило и одобрило» проект Паевого товарищества или что в Осотопе ходатайство нефтяных монополий об организации Паевого товарищества «было поддержано Нефтяной секцией» 7 февраля 1917 года[92]. Основанием для такого вывода послужила докладная записка чиновника Горного департамента В.М. Юшкина директору департамента. Юшкин сообщал о разногласиях с нефтепромышленниками из-за условий возможного, по его мнению, участия казны в смешанном предприятии и «со своей стороны» советовал не отвергать проекта подобной организации. По его словам, действительно, на заседании 7 февраля вопрос о Паевом товариществе «вновь возник» по инициативе нефтепромышленников. Но о какой-либо «поддержке» этого проекта Нефтяной секцией в его записке нет ни слова. «В заседании Особого совещания [по топливу] 15 февраля, — сообщал далее Юшкин, — г. председатель Нефтяной секции имеет доложить, в числе других мер к поддержанию деятельности нефтяных промыслов, указание нефтепромышленников на желательность вновь обратиться к проекту организации Паевого товарищества»[93]. Но, согласно журналу заседания Нефтяной секции, данный вопрос секция решила не так, как было желательно организаторам Товарищества: председатель ее заявил, что «казенный проект о нефтяном хозяйстве уже закончен и пойдет в Думу (и пошел 8 февраля. — *В. П.*). Что же касается проекта промышленников о Паевом товариществе, то таковой считается еще не разработанным»[94]. О «поддержке» в журнале ничего не сказано.

Обращает на себя внимание то, что выявленные и опубликованные источники, противоречащие подчинительной версии, с трудом входят в научный оборот. Отметив, что перед войной правительство одобрило проекты казенной нефтедобычи, Лаверычев в то же время, опираясь на мнение Погребинского, полагал, что монополисты «достаточно успешно» противодействовали этому и «в конечном итоге» им «удавалось отстоять свои интересы»[95]. Погребинский в указанном Лаверычевым месте писал, что обсуждение в правительственных инстанциях проекта организации казенных нефтепромыслов было «безрезультатным», так как возражения Министерства финансов сыграли якобы «решающую роль»[96]. В действительности же, наоборот, Совет министров 21 октября 1916 г. одобрил проект казенного нефтедобывания, представленный Горным департаментом[97].

---

[91] МКНП. Л., 1973. С. 482–484.

[92] SIEGELBAUM L.H. Op. cit. P. 142; МКНП. С. 484. Комментарий.

[93] РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 1870. Л. 1–2.

[94] МКНП. С. 294–295.

[95] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 66, 184, 185.

[96] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 130. См. также: МИНЦ И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 123; HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Königstein, 1980. S. 36.

[97] Лишь при Временном правительстве, при новом директоре Горного департамента по-

Сборником, где опубликованы соответствующие документы[98], Лаверычев не воспользовался, хотя и цитировал некоторые из них по архиву. К тому же изложение данного вопроса в его книге[99] содержит неточные ссылки (то на дело, не относящееся к рассматриваемому вопросу[100], то на вообще не существующее[101]). Между тем материалы сборника[102] колеблют представление, будто Осотоп «в достаточной степени» содействовал интересам монополистов, которые имели в этом органе будто бы «достаточно прочные позиции, чтобы обеспечить свои интересы»[103].

На подкрепление идеи о господстве монополий над «отдельными звеньями» хозяйственных органов государства и о «достаточном» влиянии монополий на политику самодержавия мобилизован немалый материал. Делается это зачастую хорошо отработанными в 1940–1950-х гг., хотя и уязвимыми методами. «Тот факт, что дельцы усердно стремились влиять на государственную политику, — указывал Лаверычеву Дж. Маккей, — еще не означает, что они всегда имели в этом успех»[104]. Лаверычев, таким образом, не считался с методической проблемой, на которую и 20 годами раньше обращал внимание Тарновский, критикуя использование аналогичной методики Я.И. Лившиным: «надежды и чаяния» монополистического капитала подчинить себе «в конечном счете» государственный аппарат не равнозначны самому подчинению[105].

Без опоры на факты, по традиции «чиновничьим прожектерством» считаются такие крупные начинания правительства, не отвечавшие интересам монополий, как строительство дюжины-другой крупных военных заводов, а также предприятий для обслуживания железных дорог. С пренебрежением упомянув об этих начинаниях (но одновременно и расценивая их как выражавшие «общую линию экономической политики»), Лаверычев утверждал, что внешние проявления недовольства предпринимателей замыслами правительства, их протесты в печати были наигранными, на деле же ничто не мешало им «достаточно эффективно препятствовать казенному

зиция Нефтяной секции по этому вопросу и в самом деле изменилась (см.: Изв. Особого совещания по топливу. 1917. № 5. С. 95).

98 МКНП. С. 33, 62, 73, 74, 139–141, 145–153, 171–174, 294–295, 511 и др. В комментарии на с. 483 со ссылкой на материалы Государственной думы (РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 656) указано, что она отложила рассмотрение законопроекта о казенной нефтедобыче, но это недоразумение. Названное дело содержит материалы 1913 г. по совсем иному вопросу.

99 ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 181–186.

100 РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 923. «Дело об образовании губернских комиссий для оценки реквизируемого древесного топлива».

101 Номер 693 числится в описи архивного фонда, но никакому делу не присвоен.

102 МКНП. С. 82, 483 (№ 78), 485 (№ 89, 90), 486 (№ 93).

103 ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 197, 182.

104 Jhrb.f.GO. 1984. Bd. 32. Heft 3. S. 438 (рецензия Маккея на предшествующую книгу Лаверычева).

105 ТАРНОВСКИЙ К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 186.

предпринимательству... Магнатам финансового капитала, — продолжал он, — имевшим прочные связи в правительственных сферах, все же удавалось добиваться замедления этих нежелательных процессов»[106]. Аргументом при этом служила цитата из лицемерных сетований начальника артиллерийского ведомства генерала А.А. Маниковского. В действительности предпринимательские организации в бессилии наблюдали неудержимое развертывание казенного заводостроительства. Проявивший наибольшую напористость Совет съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, несмотря на настойчивые требования, не смог добиться даже созыва совещания по этому вопросу с собственным участием. Правительство же 8 сентября 1916 г. вынесло решение, что пожелания данной организации о свертывании строительства казенных заводов, отражавшие общее требование наиболее влиятельных предпринимательских кругов, «не отвечают точке зрения правительства, а потому не подлежат осуществлению»[107].

Факты, относящиеся к области военной промышленности, не согласуются с распространенным в литературе представлением об упрочении позиций банков (финансового капитала, монополий, буржуазии и т. п.), о возрастании их влияния на политику правительства. Почему, например, монополии вместо того, чтобы обеспечить своим судостроительным заводам выгодные заказы («успешно оперевшись», как писал Лаверычев, на подчиненные им звенья госаппарата), вдруг предпочли в 1916 г. смириться с отсутствием таковых, с «бесперспективностью» частного военного судостроения и якобы стремились избавиться от него, подбросив свои верфи казне, а самим переместить капиталы в «горное дело, металлургию и пр.»? Где же тут «достаточное» влияние и «подчинение»? В данном случае привычная схема «работает» не лучше, чем в случае с бегством Продпаровоза и Продвагона от железнодорожных заказов. Получается, что Путиловский завод был «брошен» целиком лишь для того, чтобы избавиться вместе с ним от его верфи.

После появления исследования Н.И. Торпан об обстоятельствах секвестра этого завода[108] продолжать утверждать, что группа Русско-Азиатского банка сама захотела от него избавиться, — значит упорствовать в противостоянии и документам, и фактам, и логике событий. Странно ведь выглядит иногда в литературе деятельность руководителей военно-промышленной группы Русско-Азиатского банка. С одной стороны, они якобы вынашивали план: избавиться от маловыгодных судостроительных предприятий, подбросить их казне, а самим заняться артиллерийскими и путейскими заказами. Отсюда-де и попытка собрать воедино три крупных завода — Путиловский, быв. Парвиайнен и Юзовский. Лаверычев описывал и практические шаги, предпринятые банком и сопряженные с миллионными вложениями. А параллельно та же группа действует вопреки указанному замыслу: разыгрывает хитроумную комбинацию и добивается секвестра Путиловского завода. Смысл этой «победы»

---

[106] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 133, 135.

[107] РГИА. Ф. 1276. Оп. 15. Д. 11. Л. 70–75; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 679. Л. 147.

[108] ТОРПАН Н.И. Финансово-монополистические группировки в военной промышленности России // Изв. АН Эст. ССР. Общественные науки. 1984. Т. 33. №№ 2 и 3.

финансовых воротил обобщен так: «Следовательно, секвестр Путиловского завода, являвшийся выгодной финансово-экономической операцией для контролировавших предприятие банковских кругов, развязал им руки и позволил форсировать перестройку корпорации... превратив теперь в базовое предприятие для осуществления своих претенциозных планов общество Парвиайнен»[109].

Верным может быть что-нибудь одно: или секвестр Путиловского завода входил в интересы монополистов (почему же тогда они намечали переместить этот завод на юг?), или секвестр помешал им провести реорганизацию в полном объеме и в таком случае не мог входить в их планы, противоречил их интересам. Несовместимость двух версий особенно видна, если обратиться к источнику, который изложил Лаверычев. По сообщению правления Путиловского общества, план действительно состоял в том, чтобы «приобрести заводы Юза и, соединив их с заводами Путиловским и Парвиайнена, перенести два последних в Донецкий бассейн на территорию заводов Юза». Организованные воедино, эти три предприятия «образовали бы завод, по мощности превышающий завод Крезо во Франции, приближающийся по размерам своим к заводам Круппа». Капитал же, потребный «как для покупки заводов Юза, так и для перенесения заводов Путиловского и Парвиайнена», думали получить путем дополнительных выпусков акций Путиловского завода, «который должен был стоять во главе» всей реорганизации. Неудивительно, что, по признанию его владельцев, проект этот в полном объеме «не осуществился вследствие последовавшего секвестра Путиловского завода»[110]. Тем не менее, как считал Лаверычев, воротилы одержали победу.

Автор и сам не тверд в следовании такому объяснению. По его словам, происшедшее с Путиловским заводом — не то осложняющий «зигзаг», «известное отклонение» в развитии процесса «укрепления позиций» банков, «расширения» ими своих военно-промышленных группировок, не то, наоборот, «не являлось каким-либо исключением», поскольку монополисты систематически проделывали трюки с секвестрами[111].

Отпал расчет руководителей той же финансовой группы и на другой источник средств для реорганизации — авансы под новые заказы на снаряды. Подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам Особого совещания по обороне 13 мая 1916 г. рассмотрела предложение группы Русско-Азиатского банка оборудовать с помощью французской фирмы Шнейдер и К° снарядный отдел при Юзовском заводе, если правительство даст заказ на 3,5 млн 6-дм и 48-лин. снарядов. Отклонив это предложение, комиссия предпочла устроить казенный снарядный завод[112]. Интересы монополий и на этот раз не были приняты во внимание.

---

[109] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 236–237.

[110] ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 4. Д. 63. Л. 88–89. Журнал совещания правительственного правления и правления по избранию акционеров Общества Путиловских заводов, 6.III.1917. Архивная копия. Цитируя этот источник, Лаверычев опустил противоречащие избранной им схеме детали.

[111] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 235, 236.

[112] РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 73. Л. 343об.–345; ф. 505. Оп. 3. Д. 44. Ч. 1. Л. 245–246, 509.

На строительство в 1916–1917 гг. снарядного завода в Юзовке владельцам его пришлось тратить деньги, получаемые за исполнение ранее заключенных контрактов с военным и морским ведомствами, и авансы по контракту с МПС от 27 июня 1917 года[113]. Для оборудования снарядного завода предполагалось купить, в частности, эвакуируемые из Риги технические средства завода «Саламандра» — филиала английской фирмы «Томас Фирт и сыновья», крупнейшего в России производителя инструментальной стали. Узнав об этом, Особое совещание по обороне запретило намеченную сделку и попыталось перекупить оборудование «Саламандры». Не сойдясь с владельцами в цене, оно реквизировало его; конфликт по платежам за отобранные станки продолжался еще и при Временном правительстве. Оборудование было распределено между четырьмя казенными заводами[114].

Путиловский завод служил ядром и еще одного военно-промышленного объединения. Финансовые группы Русско-Азиатского и Международного банков совместно исполняли заказ на поставку фугасных снарядов (гранат). Это объединение возглавил так называемый Гранатный комитет, официально представляемый Обществом Путиловских заводов. В литературе он рассматривается как одно из наиболее законченных проявлений государственно-монополистического капитализма в России[115]. Наложив секвестр на Путиловский завод, правительство вынудило участников соглашения по гранатам перезаключить (по пониженным ценам) контракты с казной, устранив посредничество Общества Путиловских заводов. Гранатный комитет перестал существовать. Используя специально изданный накануне закон о секвестре, правительство отобрало у этих заводов крупные денежные средства, а самому Путиловскому заводу навязало заведомо разорительную систему управления, рассчитывая затем выкупить его имущество по ликвидационной цене. Трудно вместе с В.Я. Лаверычевым усмотреть в этом обретение банками «своеобразного источника финансовых ресурсов»[116]. Такое восприятие события отражает влияние старой агитпроповской установки, согласно которой при государственно-монополистическом капитализме национализация отдельных предприятий «осуществляется отнюдь не против, а в интересах монополистов», сопровождается «щедрой компенсацией» и распространяется лишь на те отрасли, которые «просто убыточны»[117].

---

[113] РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 513. Л. 14, 54; д. 446. Л. 123.

[114] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 33. Л. 540–547об.; оп. 5. Д. 352. Л. 235; ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 474. Л. 14.

[115] БОВЫКИН В.И., ГИНДИН И.Ф., ТАРНОВСКИЙ К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР. 1959. № 3. С. 106–108; SIEGELBAUM L.H. Op. cit. P. 38–39.

[116] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 235–236, 162.

[117] КУЗЬМИНОВ И. О государственно-монополистическом капитализме // Большевик. 1948. № 5. С. 61; ЕГО ЖЕ. Кейнс — идеолог империалистической реакции и войны // Там же. 1951. № 19. С. 46; ЧЕСНОКОВ Д. О хозяйственно-организаторской деятельности социалистического государства // Там же. 1950. № 18. С. 10. В 1961 г. эта схема была гальванизирована путем включения ее в партийные пропагандистские документы (новую программу КПСС). Со-

Никакие протесты «магнатов капитала», в том числе и из-за рубежа, по дипломатическим каналам, не подействовали»[118]. «Интенсивно идущий процесс консолидации монополистов», о котором по поводу Гранатного комитета писал Лаверычев[119], был грубо нарушен. После секвестра Путиловского завода (нельзя в этом не согласиться с Лаверычевым) группа Русско-Азиатского банка лишилась своего «базового» предприятия, а вернее — после подобных шагов правительства в отношении еще и Русско-Балтийского, Невского, Владимирского порохового заводов, завода Поссель и общества быв. Беккер — эта группа разрушилась. Тем самым подтверждается отвергнутое сторонниками «подчинительной» версии[120] мнение Гиндина, что в некоторых случаях под давлением правительства монополии распадались.

И все же прежняя оценка секвестра Путиловского завода, сложившаяся под влиянием навязанных историкам в 1930-х — начале 1950-х гг. схем, имеет своих сторонников[121]. По утверждению Лаверычева, «объективно эта мера означала серьезную поддержку» монополий правительством. Вообще, как он считал, ссылаясь на саморекламное заявление представителей банков и мнение Бовыкина, в годы войны происходило «укрепление позиций» банков «и расширение» их военно-промышленных группировок[122].

Давление со стороны правительства испытала на себе и группа Международного банка, которая ощутила его уже в связи с передачей МПС Выксунских заводов и ликвидацией Гранатного комитета, а также тем, что были отклонены домогательства Копикуза. В борьбе за орудийные заказы эта группа также потерпела неудачу:

ответствующее истолкование секвестра Путиловского завода, закрепившееся в советской историографии с середины 50-х гг., воспроизводится и в современной зарубежной литературе.

[118] ТОРЦАН Н.И. Указ. соч.

[119] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 162.

[120] См.: ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Спорные вопросы... С. 142.

[121] Именно такое истолкование (огосударствление убытков) воспроизведено в работе Х. Хаумана (HAUMANN H. Politics and Economy in Russia between 1906 and 1917: State Monopoly Capitalism, Peripheral Capitalism or Structural Heterogeneity? // Russian and Eastern European History. Selected Papers. Berkeley, 1984. P. 156–157). А. Рибер, упомянув, что при первой попытке секвестра (ноябрь 1915 г.) восторжествовали противники этой меры, не доводит изложение до февральского (1916 г.) противоположного решения, а в качестве обобщения приводит слова, сказанные по случаю временного отказа от секвестра одним из вождей оппозиции А.И. Шингаревым: правительство «начинает терять государственную дорогу», уступая влиянию банков (RIEBER A. Op. cit. P. 375). Более точно этот вопрос освещает Н. Стоун (STONE N. The Eastern Front. 1914–1917. N. Y., 1975. P. 199–200), однако в целом он также придерживается представления, что Особое совещание по обороне было «орудием в руках крупных фирм и монополий» (p. 204–205).

[122] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 235–236, 162. Такое представление утвердилось в историографии к началу 1960-х гг. См.: БОВЫКИН В.И., ГИНДИН И.Ф., ТАРНОВСКИЙ К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России. С. 93; ГИНДИН И.Ф., ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. М., 1960. Т. 66. С. 40.

львиную долю их получил казенный Пермский завод; сорвалась и попытка создать за казенный счет частный оружейный завод (вместо этого правительство занялось устройством еще двух казенных). А с августа 1915 г. при прямом содействии правительства в Думе и печати развернулась кампания по опорочиванию общества (принадлежавшего той же финансовой группе), которое строило в Царицыне пушечный завод; 6 мая 1916 г. по докладу Морского министерства правительство приняло решение выкупить строившийся завод в казну[123]. Наконец, не добились монополии уступок и выставив требование о свертывании, ликвидации казенного хозяйства[124].

Таким образом, разрушительным действиям правительства подверглись обе основные банковские группировки в промышленности, и эти действия нельзя не поставить в связь с той широкой программой возможных санкций против предпринимательских объединений, которая, как показал В.С. Дякин, намечалась Министерством финансов в 1913 г. и предусматривала «в виде крайней меры, принудительный выкуп предприятий в казну»[125]. Увенчалась такая стратегия конфискационными по заложенному в них смыслу и иезуитскими по внешней безобидности законами о секвестре 12 января и 22 октября 1916 г. Все это дополнялось мерами, принятыми под предлогом борьбы против немецкого засилья (сложные манипуляции с группой электротехнических и энергетических предприятий, ликвидация контроля над медной промышленностью со стороны торгового дома Вогау), и происходило на фоне продиктованной Советом министров самоликвидации Продугля, постепенного разложения объединений Нобмазут, Ойл (Русская генеральная нефтяная корпорация в Лондоне), Кровля, Трубопродажа, Медь, Платина, Продпаровоз и Продвагон, а также стремительного роста казенной промышленности.

---

[123] РГВИА. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 15–16; ВОЛОБУЕВ П.В. Указ. соч. С. 277; ГОЛИКОВ А.Г. Российские монополии в зеркале прессы. М., 1991. С. 130–131. При этом указанной Волобуевым суммой в 46 млн руб. выражалась не окончательная оценка завода, принятая правительством при выкупе, а первоначальная, запрошенная владельцами, но в дальнейшем урезанная втрое. На «своеобразную форму финансирования капиталистов» казной и данный случай мало походит. Цитируемое автором мнение Морского министерства против выкупа относится не к 1916 г., а к августу 1917 г. и, таким образом, не характеризует экономическую политику царизма.

[124] Недостоверные сведения по этому вопросу, имеющие хождение в советской литературе, перешли и в западную и положены в основу заключений о якобы достигнутом перед войной «балансе» интересов монополий и государства (RIEBER A.J. Op. cit. P. 343). Интересно, что Рибер, казалось бы, принимая вывод «школы Сидорова» об отказе от формулы «подчинения» и замене ее формулой «сращивания», тут же истолковывает сращивание «подчинительно». По его мнению, в 1905–1917 гг. финансовые тузы пользовались в правительстве почти таким же влиянием, как у себя в банках, отчего эта группка банкиров не только обеспечивала свои ближайшие интересы (выгодные казенные заказы), но и определяла путь экономического развития страны (ibid. P. 365–366, 370, 373–374). Как формулирует это Р. Пайпс, банкиры «принимали большую часть решений, которыми обусловливалось экономическое развитие страны» (ПАЙПС Р. Три «почему» русской революции. М.; СПб., 1996. С. 24).

[125] См.: Кризис самодержавия. 1895–1917. Л., 1984. С. 440.

Непрерывное, упорное наращивание государственного промышленного производства, показанное на обширном материале предвоенного времени в монографии К.Ф. Шацилло[126], с еще большим напряжением продолжалось после 1914 г. При этом власть не останавливалась перед бесцеремонным ущемлением интересов банковско-промышленных группировок, ликвидацией важных центров монополизации.

Распространенное представление о том, что «банки безраздельно вершили судьбы военно-промышленных обществ»[127] и вообще, подмяв правительство, «по-своему определяли путь экономического развития страны»[128], а правящие верхи лишь «с опасением наблюдали за дальнейшей консолидацией различных группировок финансового капитала и за неуклонным возрастанием роли финансовой олигархии»[129], страдает односторонностью. Огромное, нередко решающее, значение для судеб частных предприятий, объединений имела готовность правительства поддерживать их заказами, льготами, ссудами[130], терпеть их существование.

Ряд авторов утверждал, что «еще более усилившееся подчинение государственного аппарата всесильной финансовой олигархии» обеспечивалось «всей деятельностью... ставленника банкиров» министра финансов Барка, ограждавшего «банковских воротил» «от всяких попыток ограничения их преступной спекулятивной деятельности»[131]. Барка, а заодно и министра торговли и промышленности Шаховского изображают в таких случаях противниками правительственных мер контроля в данной области. Даже законопроект 10 октября 1916 г. «О расширении правительственного надзора над банками коммерческого кредита», проведенный (с «необычайной быстротой»[132]) через Совет министров[133] Барком при энергичной поддержке

---

[126] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии.

[127] Там же. С. 213, 216.

[128] Такое представление не вяжется с признанием «доминирующей роли Государственного банка и государственного казначейства в финансовой жизни страны» (RIEBER A. Op. cit. P. 248).

[129] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 251–252.

[130] СМИРНОВА Ю.Б. Предпринимательство и монополистический капитализм в России в конце XIX — начале XX в. Ярославль, 1999. С. 11; МЕРЗЛЯКОВ Л.И. Россия в эпоху поздней империи: Современая отечественная общественная научная мысль о проблемах социально-экономического развития. Саратов, 2003. С. 73.

[131] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 206.

[132] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны // Вестник МГУ. 1956. № 1. С. 164.

[133] После этого решения, когда проект еще не стал законом, в конце 1916 г. началось обследование Петроградского международного, Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли, Соединенного, Московского купеческого, Азовско-Донского, Сибирского торгового банков. Отчеты чиновников Министерства финансов, проводивших ревизию вплоть до Февраля, «представляли собой, по существу, обвинительное заключение против банков» (ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1963. Т. 73. С. 168; ГИНДИН И.Ф. Московские банки в период империализма // Там же. 1956. Т. 58. С. 51, 94; ВЕКСЕЛЬМАН М.И. Российский монополистический и иност-

Шаховского, добивавшегося большей строгости закона, оказывается, был одобрен несмотря на то, что оба министра «высказывались против этого законопроекта», а принятое правительством постановление якобы «носило на деле декларативный характер»[134], хотя в использованных в подтверждение источниках и литературе позиция Барка и Шаховского предстает в противоположном свете.

В целом сила «тяготения к командной экономике»[135], общая тенденция возрастания государственного воздействия на экономику дореволюционной России еще не получили в историографии полновесного отображения и оценки, что сказывается и на трактовке истории концентрации и монополизации производства, кредитной системы, на состоянии социальной истории предпринимательства и бюрократии[136].

Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории (М., 1994); Вопросы истории. 1992. № 11–12; 2005. № 2.

ранный капитал в Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 52; Биржевые ведомости. 5.I.1917. Утренний вып.). Авторы некоторых работ, упоминая о внесении законопроекта под таким названием в Совет министров, умалчивают об утверждении его правительством и принятых мерах или даже отрицают этот факт, хотя, описывая «тревогу в правительственных сферах» по поводу роста банковского могущества, пользуются как раз результатами обследований, проведенных правительством (ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 204–206; БОВЫКИН В.И. Россия накануне великих свершений. С. 88–89).

[134] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Продовольственная политика. С. 164; ЕГО ЖЕ. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 249.

[135] SIEGELBAUM L.H. Russia's Future: A Study in the Gegemonic Aspirations of the Commercial-Industrial Class Before the October Revolution // Russian and Eastern European History. Berkeley, 1984. P. 127.

[136] СМИРНОВА Ю.Б. Указ. соч. С. 12; МЕРЗЛЯКОВ Л.И. Указ. соч. С. 141.

Последняя дискуссия советских историков: «Новое направление» 50–70-х годов

В историографии отсутствует приемлемое для всех истолкование того, что обычно называют «новым направлением». Полемика 1987–1990 гг. показала существование значительных разногласий в понимании как самого «нового направления», так и выдвинутых им научных проблем. В связи с этим представляется важным разъяснение, принадлежащее К.Н. Тарновскому. В 1966 г. по поводу посмертной публикации одной из работ А.Л. Сидорова он писал: в последние годы жизни Сидоров пришел к мысли, что «исследователи экономики России начала XX в., правильно сделав в свое время упор на изучение зрелых форм капитализма в России (наличие монополий типа концернов и трестов, система государственно-монополистического регулирования и т. п.), должны идти дальше — раскрывая взаимодействие "всех форм экономического антагонизма в России" [Ленин]... Настало время основательно заняться проблемой взаимодействия и переплетения военно-феодальной и капиталистической эксплуатации в России, а также "сращивания" "передового" капитализма с его примитивными формами и с остатками докапиталистических укладов. В этом, — продолжал Тарновский, — А.Л. Сидоров видел отличия российского империализма от империализма более развитых капиталистических стран, создающие возможность для более широкой постановки вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в России в революцию пролетарскую, а также о прямой заинтересованности широких непролетарских масс в ее победе»[1].

Эта формула хорошо передает внутреннюю противоречивость «нового направления», сочетание в нем старого и нового. Она начинается и оканчивается положениями (о «зрелых формах капитализма» и «прямой заинтересованности» народа в победе большевиков), позволяющими уловить ортодоксальный идеологический заряд, воздействовавший на «новое направление». В них выражено стремление увидеть принципиально новые данные, факты и выводы в свете официального догма-

[1] [ТАРНОВСКИЙ К.Н.] От редакции // История СССР. 1966. № 6. С. 136.

тизма, подчинявшего исследовательскую деятельность оправданию взятия власти большевиками и их политики «социальных преобразований». В середине 1960-х гг. у реформаторски настроенных историков-коммунистов еще сохранялась вера в демократическое обновление партийной политики, в необратимость перемен, начавшихся «развенчанием культа личности Сталина». Поиск путей «назад, к подлинному Ленину», убежденность в конечном торжестве справедливости (символизируемом прежде всего реабилитацией «героев Октября») естественно сочетались с кажущейся ныне, может быть, наивной апологией революции.

Поэтому признавалось за аксиому — требовавшую, однако, на каждом шагу подтверждения — положение о существовании в России к 1917 г. «объективных предпосылок» победы социализма. Оно лежало в основе некоторых важнейших концептуальных построений «нового направления» — наиболее консервативной части его представлений. В то же время такого рода построения были для него наименее специфическими. Признавать подобные аксиомы приходилось всем историкам СССР и всего «соцлагеря», и не только историкам. Неотъемлемой частью системы пропагандистских установок, влиявших как на исторические обобщения, так и на восприятие источников, являлись следующие постулаты:

1. Социалистический характер советского государства (ликвидирована частная собственность и эксплуатация); Октябрьская революция положила начало преобразованию капиталистической России в социалистическое общество.

2. Успех «социалистических» преобразований был подготовлен всем предшествовавшим капиталистическим развитием страны, а «трудности», сопряженные с ними, — следствие относительной отсталости («средне-слабое», по Ленину, развитие капитализма). «Зрелость» России для социалистической революции определялась (наряду с остротой классовых противоречий, способностью пролетариата возглавить революционное движение, существованием ленинской партии большевиков) наличием высокомонополизированных ведущих отраслей производства и кредита.

3. Этому соответствовало — как логически, теоретически обязательная предпосылка — дальнейшее историческое обоснование: капитализм пустил глубокие корни в России в XVIII в. и к началу XX в. уже достиг господствующего положения[2],

[2] См.: ПАЙПС Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 273. «Для всех нас положение о господстве капитализма, о ведущей роли капиталистического уклада в экономике страны было аксиомой», — свидетельствовал П.В. Волобуев (Вопросы истории. 1990. № 6. С. 183). Исходным пунктом в датировке становления капиталистического уклада серединой XVIII в. служило, как известно, применение математических методов исследования: от 1861 г. был по указанию Сталина отсчитан век назад (см.: ROSENFELDT N.E. Paradigms of Periodization // Russian and Eastern European History. Berkeley, 1984. P. 51). Сталин говорил: «Для того чтобы буржуазная система доказала свое превосходство над феодальной системой хозяйства, на это ушло что-то около ста лет или и того меньше» (СТАЛИН И.В. Соч. М., 1948. Т. 9. С. 137). В этом, надо полагать, и кроется ответ на загадку, не разгаданную А.М. Дубровским: почему обрывается концом XVIII в. повествование «Очерков истории СССР. Период феодализма» (ДУБРОВСКИЙ А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 641–642).

как и в других «передовых» крупнейших державах; развитие капитализма в России тем самым не могло не быть «бурным». (Эта идея была возведена в ортодоксальную норму еще в 1920-х гг.)

4. Любые попытки поставить под сомнение «зрелость» предреволюционной России для социалистических преобразований означают переход на позиции меньшевизма, троцкизма, буржуазной идеологии и разрыв с марксистско-ленинской («нашей») исторической наукой. Жесткость этого ограничения не смягчалась даже сосуществованием в пропаганде и другой официальной догмы, согласно которой Октябрьская революция, власть большевиков вывели Россию из вековой отсталости[3].

Столь тесные рамки были террористическими методами навязаны историкам еще во времена борьбы с «уклонами» в 1920-х — начале 1930-х гг.; старшее поколение представителей «нового направления» было и само вовлечено в эту борьбу (Сидоров, Гиндин, Галузо), младшее же приобщалось к научной работе в условиях безраздельного господства пропагандистской схемы. Историк, настраивавшийся на ее пересмотр, оказывался перед лицом жизненной необходимости приспособить свою теорию к соблюдению нормативных установок[4]. Но тем самым оригинальное идейное ядро «нового направления» было приковано к официальной схеме.

---

[3] Не учитывая такого пропагандистского цинизма, Б. Бонвеч в своей содержательной статье о «новом направлении» придает существенное значение исправлениям при переиздании книги С.П. Трапезникова. Во 2-м издании Бонвеч не обнаружил рассуждений о «вековой отсталости», из которой вывели Россию большевики. Видеть в этом редактировании признак какого-либо поворота в пропаганде не следует: указанный текст сохранился во 2-м издании, он лишь перемещен в другой раздел (см.: ТРАПЕЗНИКОВ С.П. На крутых поворотах истории. М., 1971. С. 189. Ср.: 2-е изд. М., 1972. С. 211; BONWETSCH B. Oktoberrevolution: Legitimationsprobleme der sowjetischen Geschichtswissenschaft // Politische Vierteljahresheft. 1976. Bd. 17. Heft 2. S. 166). Точно так же не свидетельствуют о повороте в пропаганде манипуляции с тезисом о полуколонии, противоречивое отношение к изображению положения страны до революции «в нарочито мрачных красках» (см. ДУБРОВСКИЙ А.М. Указ. соч. С. 240, 276–277). Использование логически несовместимых утверждений — обычное явление в пропаганде. Дубровский приводит характерный факт, показывающий отсутствие у аппарата пропаганды какой-то устойчивой заинтересованности в навязывании тезиса об отсталости («двойственность в позиции идеологической верхушки партии», как замечает он по аналогичному поводу): в мае 1944 г. инструктор Управления пропаганды, просматривая корректуру очередного номера «Исторического журнала», потребовал убрать из передовой статьи «цитату товарища Сталина об отсталости России», за которую (отсталость) ее всегда били. Редакция получила в Управлении ЦК разъяснение, что «сейчас о прошлой отсталости России нечего распространяться» (там же. С. 395, 533).

[4] В такой обстановке работали не только специалисты по русскому империализму. Медиевисты по-своему ощущали те же жесткие рамки. По словам Е.В. Гутновой, формационная пятичленка «грешила экономическим детерминизмом, недооценкой роли надстроечных явлений», но «боязнь отклониться от этой схемы приводила, даже при отсутствии явного вмешательства сверху, к таким негативным последствиям, как постоянная самоцензура историков, ограничения в тематике исследований, стремление опираться в своих выводах на цитаты из трудов классиков марксизма» (ГУТНОВА Е.В. Советская медиевистика с середины 30-х до конца 60-х гг. // История и историки. М., 1990. С. 166).

Любая новая идея, самые нестандартные факты могли быть введены в литературу (если могли) лишь как приобретение, открывающее дополнительные возможности подкрепить, «лишний раз подтвердить» тот или иной из постулатов, служивших историческим обоснованием легитимности существующего режима. Отсюда обилие надоедливых цитат, ссылок (иногда безадресных либо неточных) на «классиков марксизма-ленинизма». Тем самым решались превентивно-оборонительные задачи в отношении бдительных товарищей по цеху[5]. Сочувственно рассматривая положение, создавшееся в советской историографии, А. Мазур предлагал коллегам на Западе принимать в расчет то, что «ритуальные марксистские реверансы в сторону Маркса, Энгельса и Ленина в качестве источников надвечной исторической истины являются той ценой, какую приходится советскому историку заплатить, если он рассчитывает опубликовать результаты своего исследования. Эти реверансы можно при чтении пропустить, если они не вторгаются в истолкование, вытесняя показания источников»[6].

Именно так и поступали, по их признанию, западные специалисты по русской истории. Некоторые из них отмечали, что «новое направление», какая бы судьба ни постигла ныне его участников, «уже предложило плодотворное новое толкование марксистской традиции в историографии, и, несомненно, уроки на будущее извлечены»[7].

Революционная апологетика с середины 1930-х гг. совмещалась с идеологией «патриотической» великодержавности. Кампании против «объективистов» и «космополитов» в конце 1940-х — начале 1950-х гг. были дополнены «проработкой» академика Е.С. Варги. Последняя кампания особенно повлияла на направленность деятельности историков российского империализма, так как в ходе этой проработки приобрела пропагандистски отшлифованный вид «теория» государственно-монополистического капитализма. Стержнем ее служила идея о том, что активная роль в экономике может принадлежать лишь государству «диктатуры пролетариата», социалистическому, тогда как империалистическое государство (сюда относился и царизм) может быть лишь исполнителем воли монополий, которые «ворочают» всем (Ленин). Признание за «эксплуататорским» государством самостоятельной роли, хотя бы в качестве «организации буржуазии в целом», расценивалось как порочное проявление реформизма[8].

Проработка Варги развертывалась в те годы, когда будущие представители «нового направления» в большинстве сидели на студенческой скамье или собирали материалы для кандидатских диссертаций[9]. Исследования о монополизации российской про-

---

[5] См. подробнее: ДУБРОВСКИЙ А.М. Указ. соч. С. 688, 708, 710, 718.

[6] MAZOUR A.G. The Writing of History in the Soviet Union. Stanford (Calif.), 1971. P. XIII.

[7] SCANLAN J.P. From Historical Materialism to Historical Interactionism: A Philosophical Examination of Some Recent Developments / (Eds.) BARON S.H., HEER N.W. // Windows on the Russian Past. Essays on Soviet Historiography since Stalin. Columbus (Ohio), 1977. P. 4.

[8] См.: ВАРГА Е. Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны). М., 1953. С. 61.

[9] Научным наставником многих из них был А.Л. Сидоров. Как вспоминал А.М. Некрич, «силы самой черной реакции» собирались в МГУ и АОН; «эти силы возглавлялись проректором Московского университета профессором А.Л. Сидоровым». «Наиболее оголтелый ха-

мышленности, государственно-монополистическом капитализме, о взаимоотношениях между царским правительством и «финансовой олигархией» получили зеленую улицу; появилось в печати и в виде диссертаций немало работ, отвечавших идеологическим запросам[10]. Им была свойственна предустановленность конечных выводов (преувеличение влияния банковско-промышленных кругов на политику правительства, вообще весомости их в обществе), сказывавшаяся и на отборе источников и фактов, систематически «подтягиваемых» к схеме «подчинения» государства монополиям, которая приобрела официальное звучание после «дискуссии» о книге Варги и особенно после заявления на эту тему Сталина (1952 г.). В то же время ценным качеством многих работ было систематическое освоение — хотя, стоит еще раз подчеркнуть, тенденциозное — обширного материала источников, прежде всего архивных.

Свойственная и литературе в целом идея о достигнутом в начале XX в. высоком уровне монополизации и отрицание «слабости, недоразвитости капиталистического империализма в России» дополнялись выводом о том, что российский империализм «не имел принципиальных отличий от империализма более развитых экономически государств Западной Европы и Америки»[11]. Не только в условиях шовинистического разгула 1940-х — начала 1950-х гг., но и в последующем пропаганда заботилась о придании историческому облику Российской империи цивилизованно-европейского вида и привлекательных черт.

Как припоминал Бовыкин, опровержение непатриотических утверждений о полуколониальном статусе России приобрело политическую актуальность именно в связи с кампанией борьбы против «космополитизма»[12]. Прямых подтверждений этому в литературе того времени пока не выявлено, что и понятно: пока шла кампания против космополитизма, исключалась возможность выразить какое бы то ни было

рактер принимает борьба против "космополитов" на историческом факультете Московского университета. Заседание длится три дня (25, 26 и 28 марта 1949 г.). Главным оратором и здесь был А.Л. Сидоров». А одновременно «по другую сторону лестничной площадки происходило аналогичное заседание экономистов» — громили Варгу (НЕКРИЧ А.М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон, 1979. С. 44, 51, 56; СТИШОВ М.И. На историческом факультете МГУ // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 154–158).

[10] Нелишне отметить, что наряду с А.Л. Сидоровым у истоков «нового направления» стоял П.В. Волобуев — в то время молодой историк, являвшийся, однако, инструктором Отдела науки и культуры ЦК. Соответствующую роль Волобуев сыграл в подготовке решения Секретариата ЦК по перетряхиванию в 1957 г. редакции «Вопросов истории», вызывавшей раздражение сталинистов своей радикальностью. Сказался, писал Волобуев, «едва начавшийся у меня пересмотр сталинских догм» (Вопросы истории, 1990. № 6. С. 183). Участие в «новом направлении» человека со связями в центральном партийном аппарате (в 1970 г., после разделения Института истории, он стал директором Института истории СССР АН СССР) придало силы и живучести всей группировке.

[11] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России. С. 16.

[12] БОВЫКИН В.И. Из опыта архивных разысканий // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 44–45.

несогласие с директивным источником о «полуколонии» — «Кратким курсом», а к тому времени, когда опровержение стало возможным, кампания борьбы с космополитизмом сошла на нет, оставив, разумеется, свежие следы в подсознании современников. Шацилло (в 1955–1958 гг. — аспирант Бовыкина) также связывал войну против тезиса о «полуколонии» с «знаменитой борьбой» против «космополитов», за утверждение русского «приоритета»: «В эту борьбу очень хорошо укладывалось скрытое, но активное выступление против тезиса, что Россия была полуколонией. В этих условиях создавалась школа А.Л. Сидорова»[13].

Отвечая на обвинение, что в патриотическом раже противники «нового направления» преувеличивают уровень развития капитализма в России, В.И. Бовыкин в 1986 г. напомнил П.В. Волобуеву его собственную работу 30-летней давности, присовокупив: «Большего преувеличения уровня капитализма в России нет нигде». На это последовала реплика Волобуева: «Грешил, грешил в молодости!» — «Тогда не нужно обвинять других в лжепатриотизме», — заключил нравоучение Бовыкин[14]. В признании ошибочности своей прежней «переоценки уровня развития монополистического капитализма» Волобуев правомерно видел «не что иное, как нормальное явление в научной эволюции любого исследователя»[15].

С точки же зрения обоснования «закономерности» Октября и «зрелости» страны для социализма ценность проделанной тогда работы была очевидна, и эта засвидетельствованная благонамеренность[16] открывала известный простор для маневрирования на других направлениях. Однако малейшие попытки подойти к проблеме со сравнительно-историческими мерками обнаруживали зыбкость подобных построений. Характерно, что конкретные количественные сопоставления, проделан-

[13] Россия. 1917 год. Выбор исторического пути («Круглый стол»). С. 131. По предположению Дубровского, во второй половине 1930-х гг. в глазах Сталина мысль о полуколониальном положении России уже «теряла свою политическую актуальность в связи с приближением войны»: ему «не хотелось принижать дореволюционную Россию по сравнению со странами Запада, в том числе с Германией» (ДУБРОВСКИЙ А.М. Указ. соч. С. 297–298). Это предположение основывается на слишком неясно выраженных пометках вождя и плохо сочетается с утверждением о полуколониальном статусе России в «Кратком курсе», составлением которого Сталин был занят в то же самое время. Утверждение о полуколонии, действительно, противоречит основной линии «патриотической» пропаганды о великодержавном величии и могуществе России, о принадлежавшем русскому народу «с древнейших времен... почетном месте» в истории человечества (с. 587). Но ведь, «по сути дела, все эти высказывания имели не научный, а чисто пропагандистский характер» (с. 301), а пропаганда не видит для себя затруднений в логических противоречиях. Тезису о полуколонии придавалось значение мобилизующей идеи в противостоянии враждебному окружению.

[14] История и историки. М., 1990. С. 156.

[15] Вопросы истории. 1990. № 6. С. 183.

[16] Далеко от действительности утверждение, будто выводы о «большой роли крупных монополий» обязаны своим появлением «либерализации режима» после смерти Сталина, а затем они оказались якобы политически неприемлемыми и даже служили причиной гонений (см.: ФЕРРО М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 166. Ср. ROOSA R.A. Russian Industrialists in an Era of Revolution. N. Y.; London, 1997. P. 243).

ные еще в 1930 г. Н.Н. Ванагом и показавшие наглядно действительный — карликовый — масштаб российских финансовых гигантов, никто из позднейших его критиков (включая представителей «нового направления») не попытался оспорить, предпочитая снова и снова критиковать малосодержательные в научном отношении формулы о «полуколонии» и полемически заостренные оценки роли иностранных капиталов[17]. Вплоть до самого разгрома «нового направления» его последователи считали тенденциозные разработки в этой области «прочным достоянием науки». На деле они не только не несли в себе принципиальной новизны[18], но и противоречили как общему смыслу, так и конкретному содержанию действительных творческих достижений тех же историков.

Представляя российский империализм лишенным принципиальных отличий от западноевропейского и американского, «новое направление» само же практически и перечеркивало этот постулат, лишь слегка прикрывая отказ от него: вывод об отсутствии принципиальных отличий «не снимал, а, наоборот, — писал Тарновский, — делал необходимым специальное изучение вопроса об особенностях» российского империализма, причем такое изучение как раз выявило «некоторые специфические черты», порожденные «особенностями экономики в целом», вплоть до «принципиальных особенностей складывания системы крупнопромышленного производства в России», что явилось «методологическим итогом» работы в «новом направлении»[19]. Противоречивость разрешения вопроса о существовании принципиальных особенностей российского империализма снималась и другим искусственным способом — путем отсылки к авторитету Ленина.

* * *

В чем же состояла оригинальность научных идей «нового направления»[20], собственно, и дававшая повод говорить о нем как о явлении в историографии?

---

[17] Впрочем, и в полемике о «полуколонии», как отмечено в историографии, победа была одержана над «окарикатуренной версией идеи Ванага», а после исследований Р. Жиро и В.С. Дякина исчисления доли иностранных капиталов в промышленности приходится корректировать в пользу Ванага (см.: ENTEEN G., GORN T., KERN Ch. Soviet Historians and the Study of Russian Imperialism. University Park, Penn.; London. 1979. P. 30; BONWETSCH B. Die ausländische Kapital in Rußland: Bemerkungen zum Forschungsstand // Jhrb.f.GO. 22 (1974). Heft 3. S. 414–415; PEETERS W., WILSON J. L'industrie belge dans la Russie des tsars. Liège, 1999. P. 91–95).

[18] «Та стадия капитализма, которая носит название империализма, сложилась в России еще до [первой мировой] войны: монополистский капитализм уже играл в экономике России ведущую роль» (История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1. С. 12–13; ВИКТОРОВ И. Ошибки М.Н. Покровского в оценке Октябрьской революции // Историк-марксист. 1938. № 5(69). С. 173; БОВЫКИН В.И. Введение // Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 14–15).

[19] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов. С. 16–17.

[20] В неподписанной справке для Отдела науки ЦК КПСС персональный состав «нового направления» представлен как «группа историков, преимущественно работающих в Инсти-

По мнению М. Хильдермайера, поправки к сложившимся представлениям, предложенные «новым направлением», состояли в «выделении (обособлении) русского исторического процесса» на основе признания особенных его черт по сравнению с воображаемым всеобщим мировым развитием, а также определенного отставания по времени, по фазе развития[21]. Такая характеристика «ядра» представлений «нового направления» вызывает два возражения. С одной стороны, сами его участники, как ранее уже говорилось, высказывались по этим пунктам противоречиво, и если в целом они действительно проявляли повышенное внимание к своеобразию российского развития, то все же допускали и уступки старой схеме, вытекавшие из их собственных преувеличенных оценок результатов монополизации. С другой стороны, признание и своеобразия, и отставания — в столь общей форме, как пишет Хильдермайер, — было свойственно не только «новому направлению», но и гораздо более широкому кругу историков, не исключая и некоторых из тех, кто активно участвовал в его искоренении[22] или переменил фронт в решающий момент.

Тарновский в уже цитированной формуле конкретно показывает, на каком именно *новом направлении* сосредоточивались усилия одноименной группы историков. Раньше упор делался на изучение «зрелых форм» капитализма, в первую очередь монополий. Теперь «настало время основательно заняться проблемой взаимодействия и переплетения военно-феодальной и капиталистической эксплуатации... "сращивания" "передового" капитализма с его примитивными формами и остатками докапиталистических укладов».

Хотя в цитате речь идет о желательном и, ввиду сложившейся историографической ситуации середины 1960-х гг., своевременном («настало время...») повороте, идея эта выдвигалась и раньше. В 1957 г., при обсуждении доклада Сидорова на юбилейном (40-летие революции) заседании ученого совета Института истории, Волобуев уделил внимание тому факту, что в России «монополистический капитализм развивался на основе старокапиталистических и докапиталистических отношений»

туте истории СССР АН СССР и занимающих официальное должностное положение. В числе зачинателей и активно поддерживающих новое направление [лиц] находится директор Института истории СССР П.В. Волобуев, руководители отдела истории периода капитализма этого Института Иванов Л.М. (умер в 1972 г.), Анфимов А.М., Шацилло К.Ф., научные сотрудники Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н., Аврех А.Я., Кирьянов Ю.И. и др. Активная роль в формировании нового направления принадлежит также Гефтеру М.Я. (Институт всеобщей истории АН СССР), Тимошенко В.В. (Белоруссия), Минарик Л.П. (Исторический музей, Москва) и некоторым другим историкам».

[21] См.: HILDERMEIER M. Revolution und Revolutionsgeschichte // GEYER D. (Hrsg). Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Göttingen, 1991. S. 46–47; примерно ту же мысль проводит Бонвеч.

[22] Хильдермайер ссылается, в частности, на дискуссию о генезисе капитализма. Но вспомним состав авторского коллектива, подготовившего основной доклад в 1965 г.: наряду с И.Ф. Гиндиным, Л.В. Даниловой и Н.И. Павленко в числе авторов были и будущие преследователи (И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, П.Г. Рындзюнский, А.П. Новосельцев; последний позднее раскаялся в этом поступке); а все вместе они выступали тогда против твердокаменных патриотов-ортодоксов.

и не мог существовать без «постоянной поддержки со стороны царизма». «Перед нами, советскими историками, стоит задача, — говорил он, — на конкретном историческом материале вскрыть диалектику взаимодействия отсталых и передовых черт в русской экономике»; указанная задача оценивалась как имеющая «первостепенное научно-теоретическое и политическое значение».

Конкретнее та же идея раскрывалась в выступлении Гиндина. В исторической литературе установился обычай, отметил он, изучать экономику России, «односторонне упирая на чрезвычайное развитие монополий, либо на чрезмерную отсталость страны» (как, впрочем, и полагалось на основании известного высказывания Ленина о двух полюсах — «самой дикой деревне» и «самом передовом промышленном и финансовом капитализме», лучше всего объясняющих, в сочетании, смысл революции в России. — *В. П.*). Исправляя односторонность, Гиндин по-своему повернул всю проблему монополизации: он обратил внимание на то, что знаменитые российские «синдикаты» возникали «не в итоге острой конкурентной борьбы, а наоборот — в результате недостатка конкуренции или искусственного ее ограничения». (Признание этого качества монополизации в России было общим местом в дореволюционной литературе, но с 1930-х гг. о нем вспоминали все реже.) Это значило, что Россия вступила в эпоху империализма, не избавившись еще от таких отсталых форм, как доимпериалистические монополии — правительство насаждало их с помощью «огромных казенных заказов».

Обратив внимание на особенности российских монополий, Гиндин предлагал исследовать «причины стойкости капиталистически отсталых форм в разных отраслях хозяйства». Он считал также, что российские процессы монополизации свидетельствовали о «слабости русской экономики вследствие недостаточного развития производительных сил».

Говоря о новизне подхода, связанного с очередной попыткой советской историографии вместить в себя проблему отсталости России, надо, конечно, иметь в виду относительность этой новизны: во многом «новое направление» сближалось тем самым либо с дореволюционной историографией, либо с западной литературой, либо с «денационализаторской» школой 1920-х гг. (несмотря на энергичное осуждение ее в старом духе борьбы против троцкизма)[23]. Независимо от субъективных намерений Сидорова и Гиндина воссоздавалась естественная линия развития историографии, совершался, на новом уровне знакомства с источниками, возврат к старому предмету спора, искусственно прерванного в 1931 г. окриком Сталина. Если вчитаться в стенограмму диспута 1928–1929 гг., отмечал М.Я. Гефтер, «то можно обнаружить там почти все те вопросы, которые нас сегодня занимают и представляются нам вновь неясными»[24]. Действительно, на конференции Общества историков-марксистов обсуждался вопрос о «наслоении хозяйственно-различных, исторически-преемственных типов»[25], соответствующем позднейшему понятию «многоукладности», да и

---

[23] См.: Windows on the Russian Past. P. XIII; HILDERMEIER M. Op. cit. S. 35.

[24] ГЕФТЕР М.Я. Многоукладность — характеристика целого // Вопросы истории капиталистической России. С. 85.

[25] Труды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII-1928 — 4/I-1929. М., 1930. Т. 1. С. 365. Выступление Н.Л. Рубинштейна в прениях по докладу Ванага.

политически заостренная критика этих построений («эволюционизм», «грубейшая ошибка»: формация изображена «как механическая смесь борющихся между собой укладов»[26]) заставляет признать, что споры рубежа 1960–1970-х гг. воспроизводили многие старые идеи.

Обсуждение доклада Сидорова, происходившее 24 октября 1957 г., свидетельствует о наметившейся в то время потребности существенно сместить точки приложения исследовательских усилий. Что это были не случайные, мимолетно высказанные соображения, видно из дискуссии на состоявшемся 18 ноября открытии работ только что созданного сидоровского Научного совета. Тот же вопрос обсуждался на его сессии в ноябре 1964 г. В резолюциях сессии указывалось на «крупные пробелы в изучении российского капитализма», при этом подчеркивалась научная актуальность вопроса о его типе, особенностях («национально-особенных проявлениях»). Сессия призывала историков также усилить внимание к таким проблемам, как «воздействие государства на экономику» («государственно-капиталистическое», конечно. — *В. П.*), особенности развития Урала и вообще «тех районов, которые отличались от основных промышленных центров меньшим уровнем капиталистического развития и значительным преобладанием в их промышленности мелкокапиталистического и мелкотоварного производства». Даже «небывалая концентрация русской промышленности» привлекала внимание теперь не как объяснение высокой революционности рабочих[27], а как явление, само нуждающееся в объяснении[28]. Это ли не новое направление работы? И не ясно ли было заранее любому сколько-нибудь знакомому с проблемой, чего от этого можно ждать?

* * *

Задуманная переориентация отражала известный итог, обобщала результаты практической работы над источниками, поныне сохранившие свое основное значение, в нескольких взаимосвязанных областях:

1) радикальный пересмотр смысла аграрных отношений;

2) выявление самостоятельной и недооцененной роли государственной власти (самодержавия) в определении характера развития экономики в целом;

---

[26] Против механистических тенденций в исторической науке. Дискуссия в Институте красной профессуры. М.; Л., 1930. С. 15, 42–44, 113–114, 131–132 (выступления И.И. Минца, С.М. Дубровского, А.В. Шестакова, М.С. Персова); КАШАРСКИЙ Л. Новейшая вылазка троцкизма (О книге Е. Преображенского «Закат капитализма») // СЕРЕБРЯКОВ В., КАШАРСКИЙ Л. Против троцкистской концепции империализма. Стенограмма докладов, прочитанных в Института экономики ЛОКА 16/I и 2/II 1932 г. М.; Л., 1932. С. 55; КИНКУЛЬКИН М. Против извращений марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. О кн.: ПРИГОЖИН А.Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций (М.; Л., 1933) // Вестник Коммунистической академии. 1934. № 3. С. 128, 124; Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 180 (рец. М.П. Жакова на ту же книгу).

[27] См.: СТАЛИН И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. [М.], 1941. С. 38; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1955. С. 142.

[28] См.: Первая мировая война: 1914–1918. М., 1968. С. 21–22.

3) постепенное изживание преувеличений в оценке социального веса буржуазии, монополий, частных банков, раскрытие своеобразия в их развитии;

4) выяснение исторической среды, в которой формировался «капиталистический уклад» и которая наложила на него свой отпечаток;

5) выработка оценки реформаторского потенциала политических структур самодержавной России (как правительственного аппарата, так и оппозиционных сил).

В обзоре работы конференции, посвященной 50-летию Февральской революции, Гиндин отмечал: «Мы до последнего времени даже социально-экономические процессы изучали весьма односторонне, уделяя главное внимание аграрным отношениям и верхушечным процессам монополизации экономики, игнорируя необходимость изучения всего процесса социально-экономического развития в его комплексе, всей сложности и противоречивости», в связи с «эволюцией политической надстройки, оказывавшей огромное влияние на социально-экономические явления»[29].

Если для объяснения политического переворота 1917 г. годился довольно широкий круг фактов, освещающих противоречивость развития российского общества, то в экономической истории не вступить в конфликт с аксиомой о «построенном в боях социализме» можно было только признав, во-первых, вообще известную высоту капитализма (иначе «у нас бы ничего не вышло» [Ленин]), а во-вторых, высокий уровень монополизации (соответственно — концентрации) производства и развития банков. По Ленину, государственно-монополистический капитализм есть та ступенька исторического прогресса, между которой и ступенькой, именуемой социализмом, никаких других промежуточных ступеней нет. «Вот наша наука в 50-е гг. и была направлена на то, чтобы найти эту ступеньку... и сделать на этом основании вывод: раз есть государственно-монополистический капитализм, Октябрьская революция неизбежна, и — вперед, к социализму», — пояснял К.Ф. Шацилло[30].

По причинам идеологического характера предпринятая попытка по-новому наметить первоочередную проблематику вызвала сильное сопротивление. Такой поворот, проводимый в интересах более глубокого уяснения предпосылок «социалистической» революции, как по любому поводу подчеркивали представители «нового направления», на деле нес с собой, независимо от внутренних намерений самих исследователей, постепенное расшатывание главного положения в схеме «предпосылок» — доминирующей установки на отбор фактов, отвечающих предзаданному условию: выводу о социалистическом характере революции. Для советской историографии автоматически действующим механизмом, отсеивавшим «несистемные» факты либо отсекавшим «лишние» с этой точки зрения связи явлений, служило догматическое положение об определяющей (ведущей) роли всепроникающих («вездесущих») и все по-своему преобразующих буржуазных отношений (капиталистического уклада), дозревших до государственно-монополистического капитализма,

---

[29] ГИНДИН И.Ф. Проблемы истории Февральской революции и ее социально-экономических предпосылок // История СССР. 1967. № 4. С. 47. Ср.: ШЕБАЛДИН Ю.Н. Обсуждение «Записки» по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма)» // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 207.

[30] Реформы или революция? С. 388.

то есть до «преддверия социализма» (Ленин). Посягая на этот механизм, безотказно плодивший сколько угодно «новых» «архивных» данных в подтверждение официальной точки зрения на «предпосылки», новый подход ставил под угрозу ее псевдоакадемическое прикрытие.

Новая ориентация на освоение как раз более отсталых и примитивных социальных явлений, таким образом, исправляя создавшийся крен, не просто расходилась с действующей схемой, а и взламывала ее защитный фильтр в «реке по имени факт». Она давала, кроме того, организационное обоснование отказу от привычного приоритета таких «актуальных» тем, как монополизация, финансовый капитал, государственно-монополистический капитализм, а приоритет выражался практически в преимуществах по финансированию исследований, в предоставлении аспирантских мест, ускорении издания монографий и защиты диссертаций, в праве запланировать себе многие месяцы увлекательного заграничного пребывания — для работы в архивах, например, парижских банков и фирм и т. п. Во всех этих чувствительных точках[31] провозглашение «нового направления» ущемляло интересы влиятельных коллег.

Попытка смены вех в стратегии исследований вызвала яростные протесты со стороны тех, кто, подобно Ю.Н. Нетесину или В.И. Бовыкину, опасался, что «историки в последнее время (то есть около 1969 г. — *В. П.*) чрезмерно увлеклись изучением отсталых, неразвитых или пережиточных укладов в ущерб исследованию истории монополистического капитализма»[32]. В.В. Адамов «успокоил» их, заверив, что для таких опасений нет оснований, высшим формам капитализма «забвение» не грозит, наоборот, «изучение отсталых и переходных структур на настоящей стадии развития науки является *ключом* к познанию и высших форм капитализма (курсив мой. — *В. П.*). Нельзя ведь забывать о том, что, увлеченная идеей исследования только "ростков" будущего, наша литература более двух десятков лет почти исключительно интересовалась высшими формами капитализма, причем все эти "ростки" и формы исследовались в полном отрыве от тех процессов, которые шли в основной толще экономики страны»[33].

Бовыкин, естественно, остался при своем мнении и позднее развернул свою мысль шире: «В результате [деятельности "нового направления"] внимание исследователей все более сосредоточивалось на разного рода пережиточных явлениях в социально-экономическом строе»; наблюдалось «ослабление интереса к *ключевым* процессам капиталистического развития на его империалистической стадии, обус-

---

[31] См. на эту тему ламентации Бовыкина: Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 25.

[32] Здесь процитировано выступление Нетесина, как оно изложено в предисловии В.В. Адамова к «Свердловскому сборнику» (с. 10). «Соображения аналогичного порядка были высказаны и В.И. Бовыкиным», — отмечено там. Последний 20 лет спустя энергично отрицал такой смысл своего выступления в Свердловске (см.: Вопросы истории. 1990. № 6. С. 167: это ему якобы «приписал» некий недоброжелатель). Но незадолго до того в другом месте он сам удостоверил точность передачи своей позиции Адамовым (см.: БОВЫКИН В.И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении»... // История СССР. 1988. № 5. С. 93).

[33] АДАМОВ В.В. Предисловие // Вопросы истории капиталистической России. С. 10.

ловившим возможность осуществления социалистических преобразований, — концентрации производства, монополизации народного хозяйства, формирования финансового капитала, складывания государственно-монополистических органов»[34].

Таким образом, если с точки зрения «нового направления» изучение архаики служило «ключом к познанию и высших форм», то традиционалисты считали «ключевыми» те явления, которые обусловили мифическую возможность «социалистических преобразований».

О том, как на практике действовал «ключ» «нового направления», можно судить по выпущенным в 1960 г. книгам Гиндина и Сидорова, явившимся результатом более чем 30-летних, прежде всего архивных, изысканий. Монографии Гиндина о Государственном банке во второй половине XIX в. и Сидорова — о финансах России в годы первой мировой войны до сих пор остаются в числе наиболее основательных исследований по экономической политике самодержавия. Работа Гиндина, кроме того, была прямым продолжением и развитием его книг 1927 и 1948 гг. о частных коммерческих банках.

Оба автора придерживались мнения, что в России наблюдалось «исключительное и не имевшее в то время прецедента финансирование банковских монополий правительством»; государство в 1910–1913 гг. «предоставило в распоряжение банков... огромные суммы» и «поощряло широкое финансирование промышленности акционерными банками», приняло, по существу, на себя всю тяжесть обеспечения ликвидности крупных банков. «Царизм, в силу поддержки международным капиталом в вопросах финансирования, играл руководящую роль и по отношению к банковской системе России». В 1914–1917 гг. «деятельность банков, приведшая к огромному росту их богатства, была подчинена интересам войны и интересам правительства, которое вело эту войну»[35]. Оказывая ему немалые услуги, «банки вместе с тем в сильнейшей степени зависели от казны»[36].

Оценка Государственного банка и финансового ведомства в целом как полного хозяина всей кредитной системы не была чем-то исключительным в литературе. Важно отметить другое: как изменился ее смысл. В книге Гиндина 1948 г. данная оценка уравновешивалась, нейтрализовалась старательными оговорками в духе времени — о том, что проводившееся государством «неумеренное» финансирование частных банков перед первой мировой войной объяснялось «полным господством»

---

[34] БОВЫКИН В.И. Формирование финансового капитала в России. 1984. С. 14 (курсив мой. — *В. П.*). См. также: БОВЫКИН В.И., ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Социально-экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981. С. 32; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2. С. 87; Новое в советской исторической науке. С. 51, 55; Вопросы истории. 1990. № 6. С. 174; Реформы или революция? С. 202–203.

[35] ГИНДИН И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 190–191; СИДОРОВ А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 5, 181.

[36] СИДОРОВ А.Л. Экономические предпосылки социалистической революции в России // История СССР. 1957. № 4. С. 32.

финансового капитала в хозяйстве страны, личной унией министерских чиновников и банковских «воротил»: «Вся политика Министерства финансов и Государственного банка говорит за то, что сильнейшей стороной в этом альянсе становился, если не успел уже стать, русский финансовый капитал»; «Коковцов поставил всю мощь государственных финансов на службу крупных [частных] банков», которые «становились полновластными хозяевами в Министерстве финансов». Даже когда делалась ссылка на слова Ленина о том, что докапиталистические отношения «опутывали» русский монополистический капитализм, Гиндин добавлял: «Но это не следует понимать в том смысле, что финансовый капитал в России господствовал не во всем хозяйстве и не проникал, в частности, в сельское хозяйство»[37].

В книге 1960 г. отразилась новая точка зрения Гиндина. О том, что финансовое ведомство было поставлено на службу банкам, речь уже не идет (нет и обязательных в прежнее время соответствующих цитат из Ленина–Сталина). «Изучение обширных документальных материалов, относящихся к XIX в., — писал теперь Гиндин, — показало, что те представления о Государственном банке, к которым автор пришел в своих прежних работах, являются далеко не полными». Более того, теперь Гиндин довольно решительно пересмотрел все понимание экономической политики самодержавия; намечался новый подход к изучению процессов монополизации промышленного производства и финансовой сферы, причем негласно ревизовался и исход споров 1920-х гг.: «Обычно все особенности периода домонополистического капитализма в России сводят только к сохранению крепостнических пережитков в деревне и в политической надстройке страны. Влияние же пережитков на особенности развития капиталистической промышленности и торговли, в том числе обратное влияние на них пережитков в политической жизни, остается почти не изученным»[38].

Это как раз то, к чему пришел под конец своей творческой деятельности Н.Н. Ванаг[39]. Фактически Гиндин писал свои книги, появившиеся в 1948 и 1960 гг., продолжая спор с Ванагом и постепенно убеждаясь в обоснованности главных его соображений о путях изучения проблемы.

Гиндина особенно занимал вопрос об отличиях капитализма в России от обычного капитализма свободной конкуренции. Подтверждались сделанные ранее заключения о росте промышленных и банковских монополий начала XX в. «на почве искусственного ограничения конкуренции в домонополистический период». Монополии XX в., таким образом, представали не как «новейший», «самый передовой» промышленный и финансовый капитализм, сосуществующий в резком противоречии с «дикой деревней», а как прямое продолжение «небольшого числа полумонопольных предприятий, охватывавших еще до их синдицирования значительную часть производства» в своей отрасли. «В отличие от главных капиталистических

[37] ГИНДИН И.Ф. Русские коммерческие банки. С. 193–196.

[38] ГИНДИН И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М., 1960. С. 4, 408.

[39] См.: ВАНАГ Н.Н. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. 3-е изд. [Харьков], 1930.

стран, многоукладность экономики сохранялась в России в период империализма, и тогда еще продолжался рост капиталистических отношений за счет исторически более ранних укладов». По Гиндину, такое своеобразие монополизации получает объяснение в предшествующем развитии: «Изучение государственного вмешательства, искусственного ограничения конкуренции и создания правительством привилегированного положения для узких капиталистических групп приводит к выводу, — писал он в монографии 1960 г., — что домонополистический капитализм в пореформенной России не принял до конца тех типичных для капитализма "свободной" конкуренции форм, в каких он сложился после промышленного переворота в странах, где капиталистический способ производства утвердился после буржуазных революций»[40].

Эти идеи, как и проведенная через всю монографию о Государственном банке линия на выявление архаических особенностей промышленного развития в связи с общей отсталостью страны, получили некоторое обоснование еще в монографии 1948 г., но там обязательное агитационное изображение правительственных органов как исполнителей воли банков вносило противоречие в объяснение особенностей монополий и финансового капитала. Теперь же отношения между государственным аппаратом и крупными предприятиями и банками получили развернутое научное освещение, освобожденное от «ритуальной» демагогии. Гиндин рассматривал их как отношения, складывавшиеся «на почве правительственного вмешательства» в экономику — во имя решения определенных задач экономической политики — путем содействия государственной власти созданию монополистических объединений, а также посредством участия крупных чиновников в управлении предприятиями и банками, иногда с переходом их в эти предприятия и т. п.

Общая картина теперь подходила под введенную вскоре формулу «сращивание без подчинения». С полным основанием Тарновский писал, что отказ от представления о подчинении государственного аппарата воле монополий продиктован историкам логикой конкретных исследований и дискуссия по этому вопросу «опиралась на результаты анализа и обобщения нового фактического материала», развертываясь «по мере привлечения новых фактических данных, в ходе их осмысления, по поводу статей и монографий, написанных сторонниками как одной, так и другой точки зрения»[41]. Споры продолжались до начала 1970-х гг., пока им вторично не был положен конец разгромом «нового направления». С его ликвидацией советская историография «предпосылок Октября» лишилась единственного сдерживающего центра и вскоре довела до абсурда натяжки и преувеличения, свойственные официальной версии.

* * *

Внимание, уделявшееся в спорах 1960-х гг. «подчинению» государственного аппарата монополиям, может показаться непомерным, если не учесть того обсто-

[40] ГИНДИН И.Ф. Государственный банк. С. 407–409.

[41] Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. С. 320–321.

ятельства, что суть дела заключалась не в самой этой проблеме. Важнее было то, что историки, решавшие ее в пользу «подчинения» и зрелости «предпосылок», уклонялись тем самым от ответа на двуединый вопрос: 1) какой же все-таки должна считаться мера развития монополий, чтобы признать «предпосылки» социализма имеющимися налицо? 2) была ли достигнута в России именно такая мера? «Подчинение» устраняло всякую возможность подобных рассуждений: монополии «ворочали всем», раз им покорялся даже царский государственный аппарат в решении самых важных вопросов, — это и есть, по Ленину, наивысшая, последняя «ступенька». При таком ответе пропадала нужда во всяких иных доказательствах, отбрасывались сомнения, навеваемые сопоставлениями, подобными тем, какие провели Ванаг, Гиндин; вообще поиск каких бы то ни было критериев делался излишним.

Таким образом, в начале 1960-х гг. «обрисовались две точки зрения, точнее — два направления в трактовке проблемы государственно-монополистического капитализма в России». Тарновский недаром обращал внимание на то, что «спор среди историков и экономистов вокруг понятий "сращивание" и "подчинение"... касается вопросов методологического характера»: тезис о подчинении не согласуется с «научным методом исследования, поскольку в нем уже содержится указание на единственно возможный результат изучения проблемы» и тогда «все доказательство сводится к подбору определенного рода фактов». Ущербность методологии давала практический результат: «Осуществление подобной программы может привести (и приводило) лишь к сужению проблематики историко-экономических работ»[42].

Изображение степени влияния финансового ведомства на экономическую жизнь страны и развитие банковской системы, данное Гиндиным, подрывало самую основу господствовавшей противоположной точки зрения (всесилие монополий и подчинение ими себе правительственной политики). Не ссылаясь на уничтоженного НКВД и ошельмованного историографией Ванага, Гиндин и тут повторил его постановку вопроса. Действительно, не банковские монополии подчинили своему влиянию российские финансы, а, наоборот, «государственные финансовые органы — Министерство финансов с его оперативным управлением, Кредитной канцелярией, Государственный банк и другие финансовые институты — имели вплоть до 1917 г. определяющее влияние на деятельность частных коммерческих и ипотечных банков», — утверждал Гиндин[43].

К тем же результатам пришел и Сидоров. Выступая против «подчинительной» версии, он — без достаточных оснований — адресовал свою критику Ванагу, но на деле она была направлена против текущей историографии. Сидоров писал, что те историки, которые рассматривают царское правительство, самодержавие «только как послушных исполнителей воли банковского капитала», находятся в плену у «неправильной, однобокой схемы Ванага–Ронина, получившей одобрение М.Н. Покровского». Сущность их ошибки, по Сидорову, была в «игнорировании самостоятельной роли самодержавия» и в «одностороннем рассмотрении его связей с между-

[42] Там же. С. 320, 323.

[43] ГИНДИН И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 230.

народным капиталом». Задача, которую решал Сидоров в своей книге, заключалась в том, чтобы показать «не только методологическую, но и фактическую несостоятельность этих взглядов»[44]. Он считал, что книга Гиндина «важна для понимания общего вопроса о характере отношений между финансовой верхушкой и царизмом. В ней широко показана значительная роль царизма в форсировании капиталистического развития ряда отраслей промышленности и опровергается точка зрения, будто царское правительство являлось послушным исполнителем воли банков и верхушки промышленной буржуазии»[45].

Выводы Гиндина и Сидорова о взаимоотношениях государственного аппарата и частных банков никогда никем в дальнейшем прямо не оспаривались, что не мешало сторонникам «подчинения» строить свое изложение в диаметрально противоположном смысле, ломая сопротивление фактов[46].

Мощный прорыв на действительно ключевом участке традиционной концепции, на верхнем полюсе ленинской «двучленки» («самый передовой промышленный и финансовый капитализм» плюс «дикая деревня») при нормальном развитии исследований должен был бы радикально изменить оценку развития России начала XX в., во всяком случае повлечь за собой либо спор по существу новых обобщений, критический анализ степени их обоснованности, либо пересмотр устоявшейся трактовки ряда проблем, к чему и подталкивал коллег Сидоров. В статье «Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке» (1961 г.) он, в частности, писал: «Нам следует позаботиться о более строгой системе доказательств каждого отдельного факта существования той или иной монополии», только тогда можно «вывести ряд высказанных в работах советских историков интересных положений о русских монополиях за рамки гипотез», придать им «научную убедительность».

При всей радикальности позиции, занятой двумя вождями «нового направления», инерция преодолевалась нелегко. Младшее поколение, не имевшее того опыта относительно свободных дискуссий 1920-х гг., каким располагали Гиндин и Сидоров, вело себя несколько скованно, проявляло понятную сдержанность; сказывалось и стремление к здоровой академической осторожности. Важнейшую теоретическую и историографическую работу по осмыслению новых данных проделал Тарновский, которому удавалось вводить их в сложившуюся систему мягко, с наименьшей ее ломкой. Тяжелым грузом на пути пересмотра устаревших представлений оказались недостоверные фактические данные, включенные в оборот под влиянием теории государственно-монополистического капитализма в ее «подчинительной» версии.

Преодолевать это препятствие было трудно и лидерам «нового направления». Например, в статье 1961 г. Сидоров не мог не считаться с такими на вид убедитель-

---

[44] СИДОРОВ А.Л. Финансовое положение. С. 5.

[45] СИДОРОВ А.Л. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке // Вопросы истории. 1961. № 12. С. 55.

[46] О том, какого накала достигло на этом участке сопротивление продвижению «нового направления», можно судить по полемике И.Ф. Гиндина и К.Н. Тарновского с А.П. Погребинским, разгоревшейся в 1960–1963 гг. См.: Об особенностях империализма в России. М., 1963.

ными, предельно конкретными, а на самом деле лишь мнимыми фактами, как уступка царского правительства давлению международных монополий и французского правительства в вопросе о судебном преследовании «Продугля» или раздел двумя монополиями между собой всех казенных военно-судостроительных заказов перед первой мировой войной.

В действительности отказ от судебных мер объяснялся не уступкой царизма, а объявлением решительной борьбы: внесудебными путями правительство довело «Продуголь» — гордость российской монополизации — до самоликвидации. Не больше уступчивости проявилось и в распределении морских заказов. Две финансовые группы перед первой мировой войной действительно завладели едва ли не всеми казенными заказами по морским программам — но лишь из числа тех заказов, какие не взяли заводы морского и других ведомств и иностранные фирмы, а это в корне изменяет смысл данного факта (новейшие частные заводы не получили работы, соответствующей их мощности, и попали в трудное положение[47]).

Подробное выяснение этой стороны дела в обоих случаях оставалось в начале 1960-х гг. делом будущего (несмотря на то, что судьба «Продугля» в старой литературе не являлась секретом), пока же Сидоров, умеряя свой скепсис («некоторые исследователи... находят всюду господство монополий...»), исходил из новейших на тот момент результатов исследований коллег, а они прочитали источники под воздействием представлений, растиражированных и внедренных в общественное сознание Агитпропом в 1940–1960-х гг.[48]: «Правительство не вело карательного преследования монополий, так как само было связано с монополиями»[49].

С тем большим вниманием учитывал Сидоров новые данные, которые расходились с догмой. Он высоко оценил соображения, высказанные И.Ф. Гиндиным и Л.Е. Шепелевым «о природе и источниках огромного роста банковских капиталов» в годы первой мировой войны — роста, имевшего, по их заключению, инфляционное происхождение и обманчивый вид: в условиях инфляции, «несмотря на огромное увеличение фиктивных ресурсов семи крупнейших банков страны по сравнению с 1914 г., в три с лишним раза, реальная стоимость их капитала накануне Февральской революции упала до 70% от уровня 1914 года»[50].

И все же под влиянием конкретных данных, казавшихся убедительными, Сидорову пришлось сглаживать и ослаблять свою позицию. «"Сращивание" нельзя полностью отрывать от подчинения», — писал он, и это выглядело как компромисс;

---

[47] См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Из истории экономической политики царского правительства (О причинах секвестра военно-промышленных предприятий) // Об особенностях империализма в России.

[48] Подробнее см.: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны // Вопросы истории. 1961. № 7; ЕГО ЖЕ. Еще раз о «сращивании» и «подчинении» // Об особенностях империализма в России.

[49] СИДОРОВ А.Л. Некоторые проблемы развития... С. 46, 58. На эту непоследовательность («неуверенность») Сидорова указывает Р. Макнил (см.: MCNEAL R.H. The Fate of Imperial Russia // Windows on the Russian Past. P. 126).

[50] СИДОРОВ А.Л. Некоторые проблемы развития... С. 56.

государство и монополии по необходимости склонялись «к уступкам, к сближению, к взаимопроникновению»; «одностороннего подчинения государственной власти монополиям или, наоборот, диктата государственной власти над монополиями» в России не было; тип и характер российского государственно-монополистического капитализма «определялись тем обстоятельством, что крепостники-помещики правили страной, находясь в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала» (Ленин), а потому российский тип государственно-монополистического капитализма «не вполне совпадал» (!) с типом германским или английским[51].

Отделить недействительные факты[52] можно было только после нового изучения всей совокупности обстоятельств, восстановив отторгнутые идеологическим «фильтром» детали, не уложившиеся в «подчинительную» схему. Столкнувшись с последствиями такого засорения литературы ложными данными при подготовке вместе с Бовыкиным и Тарновским коллективного доклада (1958–1959 гг.) по проблеме «Российский государственно-монополистический капитализм», Гиндин сделал следующее вполне подтвердившееся в дальнейшем наблюдение: «Политика в отношении монополий во время подъема 90-х гг. никем еще не была исследована, а за время подъема 1909–1913 гг. авторы вынуждены были пользоваться работами других исследователей. Все они освещали эту политику с позиции "подчинения", и поэтому в указанных работах оставлялись в тени и даже истолковывались в обратном смысле любые проявления антимонополистических тенденций в правительственной политике»[53].

Из наблюдения Гиндина вытекала абсолютная невозможность использовать какие-либо фактические данные, документальные ссылки, заимствуемые из литературы, без их глубокой проверки. К сожалению, поставленная им коренная источниковедческая проблема не встретила со стороны специалистов того внимания, какого она заслуживала[54], что затормозило и ослабило продвижение «нового направления».

---

[51] Там же. С. 60–61.

[52] Некритическое отношение к источникам отмечалось не только применительно к данной проблеме. При освещении роли иностранного капитала в народном хозяйстве России «почти полностью отсутствуют источниковедческий анализ и критика источника. Исключительно редки попытки проверки фактов, заимствованных из архивных документов», — отмечал Бовыкин, в то время еще выступавший на стороне Гиндина (БОВЫКИН В.И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. С. 300–301). Вдобавок к добросовестным заблуждениям в истолковании источников, вызванным идеологическим давлением, некоторые авторы, выступавшие с работами по проблемам монополизации экономики, не останавливались перед прямой фальсификацией.

[53] ГИНДИН И.Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий // Об особенностях империализма в России. С. 100.

[54] В принципе против критического подхода к используемым материалам выступил Погребинский, назвавший требование конкретности в доказательствах всесилия буржуазии «вульгарным натурализмом», перенося в полемику с коллегами этот ждановский ярлык, навешенный на Д.Д. Шостаковича в 1946 г. Из работ Погребинского оппоненты «нового направления» обильно черпали свой фактический материал.

Общее изменение подхода все же положило начало пересмотру характера взаимоотношений между «монополистическим капиталом» и властью, выявилась доминирующая роль государства в финансово-кредитной системе (что фактически делало неправомерным использование «теории» государственно-монополистического капитализма в духе прежней литературы). Тем самым в историографии открылся путь к отказу от завышенных оценок влиятельности, весомости буржуазных, банковско-промышленных кругов в обществе, в определении курса экономической политики; на первый план выдвигались скорее различные формы зависимости «буржуазии» от государственной власти и противоречия во взаимоотношениях между ними. Промышленно-финансовый полюс ленинского объяснения революции давал трещины[55].

* * *

Вторую по значению (после банков) сферу монополизации экономики представляла собой текстильная промышленность — самая крупная из отраслей российской промышленности. Характер освещения этого вопроса в книге В.Я. Лаверычева — в то время единственной монографии по данной теме — виден из ее названия: «Монополистический капитал в текстильной промышленности России». Критический анализ его работы показал, что автор «переоценивает степень монополизации» отрасли, стремится «"подтянуть", говоря его словами, "первичные низшие типы союзов" по крайней мере до картеля» и принимает за новейшие монополии такие соглашения, какие «принципиально ничем не отличаются от обычных для XIX и даже XVIII в. "сговоров" купцов на торгах». К тому же материал, приведенный Лаверычевым, свидетельствовал и о недолговечности таких соглашений[56].

Неубедительность доводов в подтверждение успехов монополизации выявилась настолько, что даже ближайший единомышленник Лаверычева, Бовыкин, должен был отметить, что в текстильной промышленности процесс монополизации оказался в результате проведенных исследований «чрезвычайно трудно уловимым». Наиболее ярким примером монополизации представало соглашение суконных фабрикантов на торгах по поставкам на интендантство и другие казенные ведомства[57], т. е. в сфере хозяйства, жившей по законам не рынка, а государственного покровительства, попустительства и насаждения.

Гиндину книга Лаверычева дала материал для более решительных выводов. Если Сидоров в 1961 г., скептически отзываясь об основательности высказанного в литературе заключения о наличии в текстильной промышленности монополий,

---

[55] См.: KEEP J. «The Great October Socialist Revolution» // Windows on the Russian Past. P. 147.

[56] ШАЦИЛЛО К.Ф. [Рец. на кн.: ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. М., 1963] // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 154; ГИНДИН И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в. // История СССР. 1966. № 3. С. 59. Например, ситцевые фабриканты лишь с 1913 г. начали подкреплять свои соглашения штрафными условиями, а до того все основывалось на печально известном «честном купеческом слове».

[57] См.: БОВЫКИН В.И. Формирование финансового капитала в России. С. 226–227.

близких к типу треста, советовал все же исходить из «бесспорно высокой» к 1914 г. степени концентрации производства в этой отрасли[58], то Гиндин, анализируя книгу Лаверычева, показал, что и при таком отправном пункте нужен пересмотр общего подхода: следует «отойти от одностороннего и изолированного исследования монополий и вести их изучение в тесной связи со всеми особенностями экономической и социальной структуры российского капитализма, со всеми условиями его развития включая политические»[59].

Продолжая тем не менее утверждать, что в 1950-х гг. было доказано наличие «высокого уровня монополизации промышленности и банков в России», Гиндин подчеркивал, что «для российского капитализма в целом были характерны не одни монополии, но [также] помещичьи латифундии, многоукладность, неравномерность развития капитализма по районам и отраслям хозяйства и даже [отраслям] промышленности и, главное, чрезвычайная противоречивость развития, мучительная для народных масс»[60].

Своеобразие положения текстильного производства как раз и давало Гиндину пример неоднородности условий развития отраслей промышленности: наивысшая по сравнению с другими отраслями степень концентрации создавала «бьющую в глаза (и замалчиваемую Лаверычевым. — *В. П.*) диспропорцию между концентрацией и монополизацией этой отрасли»: низкая степень монополизации объяснялась общей промышленной неразвитостью страны («места для всех хватало»[61]). В монопольное положение, считал Гиндин, были поставлены не те или иные предприятия текстильной промышленности, а вся она в целом: ее благополучие и прибыли обеспечивались главным образом высотой таможенного барьера. Тут было мало общего с монополией, естественно возникающей из конкуренции, «это была совсем другая монополистическая буржуазия, базирующаяся в конечном счете не на монополии нового типа, а на старой... "русской" сверхприбыли»[62].

Стремление отрицать такое качество монополизации в данной отрасли и не признавать сам факт «насаждения» и государственной поддержки в отношении столь весомой части русской промышленности приводит и ныне к тому, что, например, обработка хлопка рассматривается как «отрасль, не связанная с государственной политикой насаждения промышленности, финансовой помощи через систему правительственных заказов»[63].

---

[58] См.: СИДОРОВ А.Л. Некоторые проблемы развития... С. 51.

[59] ГИНДИН И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры... С. 66.

[60] Там же. С. 66–67.

[61] На этот же факт указывает отсутствие в частной промышленности, даже в пределах отрасли, средней нормы прибыли (см. ИВАНОВА Н.А. Промышленный Центр России. 1907–1914. Статистико-экономическое исследование. М., 1995. С. 116, 125).

[62] Там же. С. 58, 60–61, 63.

[63] ЛОБАНОВА Е.В. Концентрация рабочей силы и производства в передовых регионах России в начале XX в. и проблема ее измерения // Проблемы экономической истории: человек и общество в мировой экономике. М., 2002. С. 38.

Но гиндинское освещение этого вопроса больше соответствует действительности. Стоило хлопчатобумажным фабрикантам удариться в либеральную политику, как в правительственных кругах началась инвентаризация средств воздействия на слишком осмелевшее купечество. В их числе отыскались «соответственное распределение заказов Интендантства»; переход от казенного покровительства «московской хлопчатобумажной промышленности» к поддержке «именно окраинной, а не центральной промышленности» (правительство ведь «до сих пор относилось отрицательно к возникновению фабрик в месте произрастания хлопка — в Туркестане»); да и фабричное законодательство, построенное в интересах этих «политиканов», могло быть изменено «в смысле большей защиты интересов трудящихся масс»[64], по крайней мере вспомнить зады зубатовской политики полицейское ведомство, очевидно, не зарекалось.

Всем было известно, что при вывозе продукции в Персию московские фабрики «опираются не на свои внутренние силы, а на внешние условия чисто политического значения»: их процветание покоилось «на трех основах: покровительственной системе вообще, возврате пошлин при вывозе фабрикатов за границу (то есть как раз на поддержке за счет бюджетных средств. — *В. П.*), запрещении транзита через Россию иностранных товаров»[65]. Московское купечество и само признавало, что без такой защиты ему «нельзя будет вынести конкуренцию на персидском рынке с иностранными товарами»[66]. Теми же преимуществами оно пользовалось и при удовлетворении русского «народного спроса» на ткани, только вместо возврата вывозной пошлины ему предоставлялась возможность взимать с внутреннего потребителя «русскую» прибыль. Большое влияние государства на эту отрасль промышленности «невозможно отрицать»[67].

Такие методы «поддержки» и «насаждения» правительство использовало не в одной только хлопчатобумажной отрасли текстильного производства — этой наиболее весомой и исконно российской части крупной промышленности. При рассмотрении явления в целом, как и ставил вопрос Гиндин, достигнутая степень ее монополизации — скромная сама по себе, в оценке Бовыкина, — получает иной, более впечатляющий масштаб в количественном отношении и дополняется, как видно, учетом старокупеческих качеств этого достижения.

* * *

Был сделан и более решительный шаг. «Новое направление» поставило под сомнение господствующую тенденцию рассматривать крупную промышленность в целом, безоговорочно как очаг капиталистического развития.

---

[64] Вопросы истории. 2000. № 6. С. 14. Справка Департамента полиции для директора, А.Т. Васильева, 14.II.1917.

[65] Совещание по индийской дороге // Новое время. 5.I.1911.

[66] ОЖСМ 1911. С. 29–30.

[67] ИВАНОВА Н.А. Промышленный Центр. С. 139.

Сфера взаимоотношений между хозяйственными ведомствами в качестве заказчиков и частными поставщиками железнодорожного оборудования и военных материалов, как показал Гиндин, была в значительной степени лишена коммерческого, рыночного характера. Товарно-денежные отношения в этой сфере приобрели весьма условный смысл. Речь идет не только о деятельности государственных органов, проводивших хозяйственные заготовительные операции, насаждавших и опекавших целые отрасли промышленного производства, но также о внутреннем укладе жизни многих частных предприятий, обреченных — в случае отказа в поддержке со стороны правительства — на верную гибель, неспособных вести хозяйственную деятельность самостоятельно в условиях рыночной стихии. Бесконечной чередой проходят в работах Гиндина призраки «капиталистических» предприятий, существующих за счет казенной поддержки. К.Ф. Шацилло подошел к той же проблеме с другой стороны, раскрыв столь же некоммерческие основы ведения собственного крупнопромышленного хозяйства казны. Даже заводы морского ведомства, слывшие в официальной пропаганде маяками коммерческой постановки дела для остальной казенной промышленности, на практике, как показало изучение, жили по законам феодальной вотчины.

«Самой яркой особенностью военной промышленности, — делал вывод К.Ф. Шацилло, — являлось то, что по своей организации и методам хозяйствования она устарела на десятки, а в иных случаях на сотни лет и действовала не на капиталистическом, а на полуфеодальных и феодальных основаниях. Такие понятия буржуазной экономики, как строгий бухгалтерский учет, ценообразование, себестоимость, амортизация, прибыль, даже понаслышке не были известны самодержавным "хозяйственникам" или понимались ими весьма своеобразно... Особенность эта была коренной традицией казенного производства вооружений... Никаким капитализмом в этом особом виде народного хозяйства уже совсем не пахло»[68].

Во всех этих сферах крупнопромышленного производства поверхностной оболочкой товарно-денежных отношений и особого рода связей с рынком прикрывалась, по сути, натуральная, веками складывавшаяся хозяйственная структура, укрепление и защита которой составляли устойчивое направление политики правительства. В.В. Адамов, рассмотревший тот же круг вопросов на примере уральской горнозаводской промышленности, пришел к принципиальному отрицанию «установившегося представления об однородности промышленности»: «Существование горнозаводских вотчин на Урале не является тайной... для советской литературы. Однако в лучшем случае она ограничивается лишь фиксацией данного факта, в худшем — загипнотизированная (иначе это трудно определить) мыслью, что промышленное производство в крупных масштабах не может быть организовано иначе, чем капиталистическим путем, — игнорирует его [данный факт] или принимает горнозаводские вотчины не за то, чем они были в действительности»[69].

---

[68] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. М., 1992. С. 28–29. См. также: ЕГО ЖЕ. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968.

[69] АДАМОВ В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. С. 225–226, 234.

Старое понимание вещей оставило в книге Гиндина о Государственном банке свой след в виде постоянного употребления термина «государственный капитализм» (а также «насаждение капитализма», форсирование капиталистического развития государством) по отношению к явно небуржуазным отношениям. В конце концов этот парадокс разрешился переосмыслением терминологии: в России «государственный капитализм... по существу, не являлся буржуазным»[70]. Шацилло, по его словам, в начале 1980-х гг. «выбрал себе тему, которая называлась "Государственный и частный капитализм в военной промышленности России"». Но тему пришлось изменить: «Когда закончил ее, то увидел, что никакого государственного капитализма в военной промышленности нет, а есть феодализм» с порядками, установленными в XVIII — первой половине XIX в. «Мне пришлось менять название этой работы и назвать ее "Государство и монополии"»[71].

* * *

В целом те из историков «нового направления», которые занимались изучением промышленного развития в начале XX в., проявили себя сторонниками определенной более общей линии в теоретическом анализе экономической истории; эту же линию отстаивали в полемике с традиционалистами и некоторые историки средневековых аграрных отношений[72]. Речь идет о разграничении, проводимом в практике анализа экономических явлений: капиталистический хозяйственный строй (уклад) — не то же, что строй мелкотоварного хозяйства; товарно-денежные связи — не есть что-то исключительно капиталистическое, они издревле свойственны хозяйственному быту разных стран и народов. Старое понимание крупной промышленности как однородной в своем капиталистическом характере основывалось на вульгаризации экономических понятий: всякий торговец — капиталист, всякие деньги — капитал. (В применении к промышленному развитию начала XX в. разногласия по этой линии между сторонниками «нового направления» и традиционалистами не успели вылиться в развернутую полемику.)

Некоторые из противников «нового направления» среди аграрников, как, например, И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов, спорили с более догматичными традиционалистами, упрекая их, в частности, в том, что они «не видят коренных различий между простым товарным и капиталистическим рынком». Но такая же слепота поражала их самих, когда они включались в «разборку»[73] с «новым направлением», приспосабливая оценку аграрного строя России в начале XX в. к ленинским высказываниям. Убедительно доказав, что избранная им методика в исследовании становления

---

[70] ГИНДИН И.Ф., ТИМОШЕНКО В.В. Многоукладность в социально-экономической структуре России конца XIX — начала XX в. // Экономические науки. 1982. № 2. С. 65.

[71] Россия. 1917 год. Выбор исторического пути. С. 139.

[72] См.: ШАПИРО А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 242–247; ЕГО ЖЕ. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977.

[73] Слово, употребленное Л.В. Черепниным и заимствованное им у В.И. Ленина.

всероссийского рынка не может в принципе — из-за состояния источников — дать ответ на вопрос, был ли этот рынок на том или ином этапе капиталистическим, Ковальченко тут же обосновывал более оптимистический, положительный вывод с помощью несложного ухищрения: переименованием товарного рынка (существование которого не могло вызывать сомнений) в товарно-капиталистический, хотя не предложил никакого способа преодолеть источниковедческие затруднения, не позволяющие, по признанию автора, оперировать термином «капитализм».

При подобном подходе выпадали из поля зрения чуть ли не в полном объеме данные, касающиеся натурально-хозяйственной части быта деревни, едва ли поддающиеся количественным измерениям. В основу методики было положено произвольное допущение о том, что продажные цены на сельскохозяйственную продукцию — главный предмет анализа — «представляют собой не только систематический, но и однородный конкретно-исторический материал»[74], а цена производства выступает «как регулятор всего механизма производства и обмена», и другие подобные условия, наличие которых как раз и нуждалось бы в доказательстве.

В противоположность этому «новое направление» сосредоточило внимание на явлениях, характеризующих ограниченность действия товарно-денежных регуляторов, искажаемого и подавляемого фискальным прессом, сословными и юридическими стеснениями и т. д. Изучение деревни под таким углом зрения привело к тому, что «к концу 50-х гг. в советской историографии вполне определенно выявились две точки зрения, точнее — два направления по вопросу о степени и масштабах проникновения капитализма в систему аграрных отношений дореволюционной России. Дискуссия между указанными направлениями... стала неизбежной»[75].

Выводу А.М. Анфимова — ведущего аграрника в «новом направлении» — о том, что в деревне вплоть до 1917 г. «господствующими оставались полукрепостнические производственные отношения»[76], официальное направление противопоставило попытки доказать, что еще «дореформенную феодальную Россию» капиталистическая эволюция «привела... к весьма высокому уровню развития производительных сил, не типичному для классического феодализма», а затем «капитализм, ломавший все преграды прошлого», принес с собой «гигантский прогресс», и «в конце XIX — начале XX в. весь аграрный строй, несмотря на неоднородность его экономической и социальной структуры, являлся капиталистическим»[77].

Главным трофеем Ковальченко, Бовыкина и других в этой «разборке» была вырванная у Анфимова в 1980 г. капитуляция: «Не подлежит сомнению тот факт, что общий характер аграрного строя определялся объективно-историческими закономерностями,— писал Анфимов под диктовку Отдела науки. — А последние суть

---

[74] КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., МИЛОВ Л.В. Всероссийский аграрный рынок. М., 1974. С. 41, 243.

[75] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (дискуссии начала 1960-х гг.) // Проблемы социально-экономической истории России: Сб. ст. М., 1971. С. 274.

[76] АНФИМОВ А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 162.

[77] КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., МИЛОВ Л.В. Указ. соч. С. 365–366, 381.

закономерности господствовавшего в стране капиталистического строя. В связи с этим представляется уместным указать на ошибочность высказанного нами в 1959 г. тезиса о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской деревне»[78].

В сущности, перед нами второе издание того покаяния, какое вынужден был в 1931 г. принести Ванаг, подчинившийся принятому за него решению парторганизации[79]; использовать такого свойства документы в их номинальном смысле, как это делала до недавнего времени историография всех направлений, несправедливо.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство. Разгром «нового направления» официальная историография оправдывала ложными уверениями в том, что его сторонники теоретизировали в отрыве от изучения реальных исторических процессов и источников: «Активно пропагандируя в историографических статьях свои априорные, не проверенные еще на фактах представления, они оказали заметное деформирующее воздействие на изучение процессов капиталистического развития России и создания социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции»[80]. Главный же критик «нового направления» в аграрных вопросах неожиданно заявил в 1987 г., что «ошибочный результат» Анфимова, оказывается, опирался все-таки на «чисто исторический метод анализа аграрного развития», причем его «подход... с этих позиций вроде бы убедительно приводил к выводу о господстве в этом [аграрном] строе полукрепостнических отношений».

На чем же держалось тогда противоположное мнение — о том, что господствовали «буржуазно-капиталистические, а не полукрепостнические отношения»? Оказывается, установить господство новых отношений удалось, используя «не исторический, а логический — системно-структурный — анализ»; и этот «логический» анализ не совпал по своим результатам с «чисто историческим». Мало того, применение «системных» методов исследования породило у Ковальченко «определенные противоречия» (какие именно — в данном случае не разъяснено), которые «не разрешимы логически, и путь их преодоления — в бесконечном углублении знаний о системе»[81].

Таким образом, коллеги, не терпящие «априорных» научных решений, сначала оторвались на момент от своих важнейших системно-структурных занятий, чтобы

---

[78] АНФИМОВ А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881–1904. М., 1980. С. 7. Слова эти часто цитируют, но, по замечанию Волобуева, всегда умалчивают, «при каких обстоятельствах и какими способами был добыт в 70-х этот отказ» (Вопросы истории. 1990. № 6. С. 181). С аналогичным покаянием был вынужден выступить и В.В. Адамов (Уральский рабочий. 13.V.1973).

[79] Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы. Ф. 474. Оп. 1. Д. 22. Кор. 2. Л. 23, 123, 134. Резолюция общего собрания (25.XI.1931 г.) ячейки Института красной профессуры (истории) по докладу о политических итогах обсуждения письма т. Сталина; план работы бюро цехячейки на ноябрь 1931 — май 1932 г.; протокол № 6 заседания (18. XII.1931) бюро ячейки ИКП истории при Коммунистической академии.

[80] БОВЫКИН В.И. Эпоха капитализма (1861–1917 гг.) в работах советских историков // Новое в советской исторической науке. М., 1988. С. 51.

[81] КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Методы исторического исследования. С. 144–145, 166.

стереть в порошок тех, кто занимался «чисто историческим анализом» и делал свои выводы «вроде бы убедительно», и лишь после этого получили возможность снова предаться «бесконечному углублению знаний о системе», без чего им не выбраться из колеи собственных противоречий.

* * *

Как можно заметить из статьи А.Л. Сидорова 1961 г., история российского капитализма рассматривалась «новым направлением» предельно широко как хронологически, так и по охвату проблем. Споры по вопросам экономической истории «эпохи империализма» естественно смыкались с обсуждением разногласий по генезису капитализма. Дело не ограничивалось экскурсами Сидорова, Гиндина, Тарновского, Гефтера в более ранние периоды российской истории: в той области «новое направление» имело своего рода филиал в лице Н.И. Павленко, Л.В. Даниловой и некоторых других «феодалов». Обнаружилось разное понимание историками таких проблем, как оценка роли наемного и принудительного труда и товарных отношений в мануфактурной промышленности, сущность и динамика имущественного, социального расслоения крестьянства, степень влияния буржуазии, купечества на политику правительства и, соответственно, применимость к российским условиям формулы Ф. Энгельса об абсолютной монархии как выражении равновесия сил дворянства и буржуазии.

Произведенный «новым направлением» пересмотр вопроса о степени зрелости буржуазных отношений сопровождался переосмыслением ряда аспектов политической и социальной истории России начала XX в. Менее монолитным и революционным стал выглядеть рабочий класс (Ю.И. Кирьянов, Н.В. Блинов), больше внимания уделялось противоречиям и конфликтам между самодержавием и «буржуазными» кругами; в освещении революционных событий выявились бóльшая, чем считалось по «Краткому курсу», стихийность поведения масс и моменты, когда «гегемония» от рабочего класса переходила к «буржуазной» оппозиции. Вообще вклад в освободительное движение «мелкобуржуазных» и «либеральных» партий получил известное признание. Хранителями сталинистских традиций особенно болезненно воспринималось раскрытие демагогичности и тенденциозности историографии 1930–1940-х гг., когда, по их убеждению, как раз произошло «окончательное утверждение ленинской концепции» по всем важнейшим вопросам.

Существование небывало глубоких для советской историографии разногласий заметили и на Западе и на Лубянке. Созданное в этот момент (решение Политбюро ЦК КПСС от 17 июля 1967 г.) новым председателем КГБ Андроповым 5-е управление (по борьбе с «идеологическими диверсиями») начало свою деятельность в среде интеллигенции с анализа публикаций историков и философов, «касающихся ревизии марксистских законов», то есть, очевидно, с критических нападок в «Коммунисте» и «Советской России» на приверженцев «нового прочтения» основоположников марксизма и «нового направления». Группа «по ревизионизму», подобранная генералом Ф.Д. Бобковым, из трех человек, как пишет его биограф, взялась за «самую тонкую сферу — академическую науку». Их внимание, естественно, обраще-

но было и на Институт истории — изучались «политические интересы, настроения ученых мужей... Привлекали для этого экспертов, научные возможности которых хорошо знали... А чтобы добиться объективности, материалы для анализа давали разным специалистам»[82]. Для дальнейшей судьбы «нового направления» важным событием явился выход в 1967 г. в Праге книги М. Реймана «Русская революция». Автор, одинаково охотно цитируя меньшевиков, эсеров, западную историографию и работы «нового направления», обобщил свои размышления о состоянии России накануне 1917 г. следующим образом: «Отсутствие развернутой социальной структуры, характерной для развитых буржуазных государств, незрелость политического движения и политических партий, общественных, массовых и других организаций буржуазного общества, непрерывный нажим русского реакционного царизма... и недостаток легальных возможностей — все это было причиной того, что в России не возникла развитая структура буржуазного гражданского общества»[83].

Это издание, вышедшее в разгар «пражской весны» и содержавшее радостные упоминания о переменах, происходивших в советской историографии, со ссылками на работы Волобуева, Гиндина и Тарновского, ставило точки над «i»: «Вся теоретическая работа, — писал Рейман, — чересчур долго сосредоточивалась... на обосновании социалистического характера Октябрьской революции»; между тем «соглашатели» в своей оценке «сложности социальных и экономических проблем в связи с отсталостью страны» были кое в чем правы.

«Последние исследования подчеркивают — а это прежде достаточно не учитывалось — роль прямого вмешательства государства и большое участие иностранного капитала в индустриализации страны как существенные черты капиталистической эволюции России, — излагал Рейман Тарновского. — Они связывают эти черты с дальнейшим, недавно поставленным вопросом: типом капиталистической эволюции России», которая происходила с опозданием[84].

Книга была издана к «круглому» юбилею Октября с разрешения пражского (уже «ревизионистского») партийного руководства вопреки недовольству Москвы[85], расценившей ее как пример враждебной деятельности «антисоциалистических сил», проводивших «идеологическую подготовку для открытых действий контрреволюции». «Под предлогом критики отрицательных последствий культа личности» Рейман «подвергает пересмотру многие важнейшие вопросы истории Октября, давно решенные марксистско-ленинской историографией. А именно: о характере и роли Октябрьской революции в мировом революционном процессе, о предпосылках Октября», — говорилось в статье-рецензии Института марксизма-ленинизма, перепе-

[82] МАКАРЕВИЧ Э. Политический сыск. М., 2002. С. 202.

[83] Цит. по макету русского издания: РЕЙМАН М. Русская революция: 23 февраля — 25 октября 1917. Прага, 1968. С. 59. Здесь с благодарностью использован макет, предоставленный автору И.В. Созиным.

[84] Там же. С. 24, 32, 63, 248–249. Значение «пражской весны» и других внешнеполитических факторов для судьбы «нового направления» обстоятельно освещено Бонвечем (см.: BONWETSCH B. Oktoberrevolution).

[85] См.: REIMAN M. Ruská revoluce. 23.únor — 25.říjen 1917. Praha, 1991. S. 11.

чатанной позднее по-чешски в органе советских оккупационных властей в Праге. Рейман «допускает грубую передержку, ставя на первое место экономическую, а затем и социальную и политическую отсталость страны. Ключевое положение в экономике занимал промышленный и банковский капитал, а он-то, по определению Ленина, являлся самым передовым». Красноречиво умалчивая о том, что Рейман опирался на работы советских историков «нового направления», рецензент приписывал Рейману «негативное отношение» ко «всей советской историографии» Октября[86].

Между тем ввод советских танков в Прагу примерно совпал по времени с последним этапом в длительном напряженном противостоянии парторганизации Института истории и неосталинистов, которое разрешилось ликвидацией самой парторганизации вместе с Институтом. Персонально «новое направление» в основном совпадало с тем составом парткома Института истории[87], который во второй половине 60-х гг. проявил исключительную способность организованно, открыто и энергично противодействовать наступлению неосталинизма. По оценке А.М. Некрича, деятельность парткома мешала «широкому наступлению неосталинистов в исторической науке и в какой-то мере привела к потере темпа этого наступления в сфере общественных наук вообще»[88]. Строптивость парткома повлекла за собой решение высших инстанций раскассировать партийную организацию Института под предлогом разделения его на два новых учреждения, Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Этот — чисто политический — фон объясняет накал страстей, выплеснувшихся, в частности, в выступлениях Гиндина и его коллег, с одной сторо-

[86] ГОЛУБ П.А. История Октября с позиций реформизма // Вопросы истории КПСС. 1968. № 12. С. 110–123.

[87] Выборы состоялись осенью 1965 г. Первоначально секретарем парторганизации был избран К.Н. Тарновский, а когда райком отвел его кандидатуру — В.П. Данилов (см.: НЕКРИЧ А. Отрешись от страха. С. 249–251). Новый партком подготовил обширный доклад об общем положении в исторической науке (опубликован в «Вопросах истории», 2007, № 12). В нем был поднят «ряд принципиальных теоретических и методологических вопросов, в частности о роли исторической науки в нашем обществе, об исторической правде», неприемлемости административно-бюрократических методов руководства. Говорилось о необходимости избавить историков от вмешательства в их работу цензуры, о «снятии запретов на исследования отдельных проблем, событий и целых исторических этапов... создании демократической, свободной обстановки в науке» и т.п. (ЕМЕЦ В.А., ШЕЛОХАЕВ В.В. Творческий путь К.Н. Тарновского // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 208; НЕКРИЧ А. Указ. соч. С. 257). Доклад был 19 февраля 1966 г. — в разгар «дела Некрича», входившего в партком, — утвержден партийным собранием; оно поручило парткому опубликовать доклад в виде статьи. На стадии последней корректуры статья, почти идентичная докладу, была задержана цензурой (в лице Комитета по делам печати), и 10 декабря 1966 г. партийное собрание постановило продолжить борьбу за опубликование своей несостоявшейся хартии вольностей: «Собрание подтверждает свое решение о желательности опубликования доклада парткома» (ЦАОПИМ. Ф. 211. Оп. 2. Д. 98. Л. 42. Решение отчетно-выборного собрания 10 декабря 1966 г. Цит. по копии, любезно предоставленной автору Л.В. Даниловой). К тому времени напор сталинистов усилился; не только добиться публикации доклада не удалось, но и главные его идеи были вскоре официально осуждены как антипартийные и деятельность парткома послужила предметом расследования комиссией горкома.

[88] НЕКРИЧ А. Указ. соч. С. 381.

ны, и Л.В. Черепнина и М.В. Нечкиной — с другой, на советско-итальянской конференции в 1968 г., а также переход Бовыкина, Ковальченко и ряда других историков от сотрудничества (Нечкина перед тем активно поддерживала либеральный партком) к яростной «войне на уничтожение» против вчерашних товарищей.

В выступлении на советско-итальянской конференции Гиндин необыкновенно резко для того времени высказался о «методологических» расхождениях с «традиционным» направлением, отважившись даже заявить, что официальный советский доклад Черепнина, как и все работы его единомышленников, «еще не дотягивает до [того] методологического уровня, который должен был бы уже являться эталоном для оценки всех наших работ». Подобное заявление не могло расцениваться иначе как объявление непримиримой борьбы. Крайне раздраженный выступлениями Авреха, Волобуева и Гиндина, Черепнин в заключительном слове не обошел этот момент: «Откровенно говоря, мне не очень понравилось высказанное И.Ф. Гиндиным соображение о двух направлениях: одном — сорокалетней давности... методологически уже исчерпавшем свои возможности, другом — новом, которое оформилось на дискуссии, происходившей несколько лет назад, и за которым будущее. Я бы был скромнее... дело заключается не в размежевании двух направлений, а в том, чтобы вместе работать... Думаю, что у нас одна — марксистско-ленинская — методология. Терминология "ваша" и "наша" мне не нравится, хотя в дискуссии, может быть, это и допустимо»[89].

Столь же нервно отвечала Нечкина: «Методологически, на мой взгляд, недопустимо оперировать понятием новизны концепции как ее позитивным аргументом. Новое в науке не тождественно правильному. Новое бывает разное!.. Новизна сама по себе никогда не аргумент. Аргумент — лишь близость концепции к истине (так! — *В. П.*). Поэтому очень часто звучавшая здесь апелляция, что мы-де развиваем новую концепцию, а вы — старую, не выдерживает критики»[90].

Противостояние разрешилось в 1973 г. Попытки оформить осуждение «нового направления» «научной общественностью» были предприняты еще в марте 1972 г.; в июле с этой целью ближайшие помощники Трапезникова провели через Отделение истории АН соответствующее постановление. Но оно мало изменило внутреннее положение в Институте истории СССР, где продолжал действовать такой очаг «нового направления», как сектор империализма, а во главе Института по-прежнему стоял Волобуев.

Новый удар оказался сокрушительным. Главное действо совершалось 21–22 марта 1973 г. в самом Отделе науки ЦК КПСС. В принятом по докладу Трапезникова постановлении («рекомендациях») отмечалось, что в подвергнутых осуждению изданиях «под видом "нового прочтения" произведений В.И. Ленина иногда выдвигаются ревизионистские концепции», «недостаточно проводится принцип партийности, появился несостоятельный термин о некоем "новом направлении" в изучении социально-экономических предпосылок Октябрьской революции... Некоторые

[89] Документы советско-итальянской конференции историков 8–10 апреля 1968 г. М., 1970. С. 224–225, 280–281.

[90] Там же. С. 253–254.

авторы пытаются рассматривать русское крестьянство как социальную опору самодержавия. Имели место отступления от ленинского анализа движущих классовых сил в Октябрьской социалистической революции, выдвигается неправильное положение о том, что все крестьянство шло с рабочим классом на социалистическую революцию» и т. д.[91].

Для понимания атмосферы, в которой происходило совещание, интересен стремительный «перелет», совершенный Н.М. Дружининым. Накануне разгрома он выступил со статьей, в которой отмечал такие черты и факторы своеобразия истории России, как «наличие постоянной военной угрозы», опережающая роль государства в промышленном развитии на фоне недостатка частных капиталов и свободной рабочей силы и пр. Статья заканчивалась выводами о «многоукладности» в России начала XX в. с прямыми отсылками к последнему слову науки по данной проблеме — работам Тарновского, Гиндина, Л.М. Иванова (и двусмысленного Рындзюнского)[92]. Но участвовать в «разборке» Дружинину довелось на другой стороне.

За неделю до события от него потребовали зафиксировать свою позицию, и занемогший было академик продиктовал в наставленный на него микрофон заявление: «Согласен с Валерием Ивановичем во всем том, что он говорил... на обсуждении уральского сборника», Бовыкин «совершенно прав», «в сущности, проблема многоукладности не сформулирована сторонниками изучения этой проблемы», но имеет дальний прицел на ликвидацию марксизма; что же касается злополучной статьи самого Дружинина об особенностях генезиса капитализма, то ее надо понимать в том смысле, что «ничего самобытного, своеобразного» Россия не проявила, разница «только» (!) в темпах развития, а также «в формах, масштабах, в особенности в модификациях». К осени 1974 г. он уже принял на себя роль не по возрасту расторопного консультанта при Бовыкине по оргвыводам в отношении «нового направления»[93]. Суть этих мер, включая прежде всего ликвидацию сектора империализма в Институте, видна из публикуемой докладной записки (см. ниже, с. 125–131).

В статье о мартовском «всесоюзном "разговоре" историков» Черепнин и Нечкина подвели итог своему спору с «новым направлением», начатому пять лет назад: искать новое историкам не запрещено, «но поиски должны быть освещены светом

---

[91] Рекомендации совещания историков в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС 21–22 марта 1973 г. М., 1974. С. 2–3.

[92] См.: ДРУЖИНИН Н.М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. Статья перепечатана (из журнала «Новая и новейшая история». 1972. №№ 4–5) в кн.: ДРУЖИНИН Н.М. Избр. труды: Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 348. Как отметил в рецензии Г. Торке, этот том подвергся редактированию в новейшем на 1987 г. духе: из текста ранее опубликованных статей устранялись не только ссылки на Сталина и «Краткий курс», но и предостережения Дружинина против преувеличений в оценке капиталистического развития России. «Tempora mutantur...» — вздохнул Торке под конец (Jhrb.f.GO. 36(1988). Heft 1. S. 149).

[93] См.: Вопросы истории. 1990. № 6. С. 178–179; ДРУЖИНИН Н.М. Избр. труды: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 491. Кстати, и Бовыкин как раз в наступившее в 1967 г. переломное время непредусмотрительно расписался в своем единомыслии с Гиндиным — см. выше, с. 21.

такого мощного прожектора, каким является марксизм-ленинизм. Наш долг, не выдумывая "новых направлений", не требуя "нового прочтения" исторического материализма, выступать с его позиций. Не "переосмысливать" марксизм-ленинизм в свете новых данных, а, напротив, осмысливать новые данные общественной жизни в свете марксизма-ленинизма». Между тем «в некоторых статьях фигурирует термин "новое направление" в изучении социально-экономических предпосылок Октябрьской революции. На деле же это "направление" игнорирует ленинский анализ указанных проблем и заменяет его путаными, научно не обоснованными рассуждениями»[94].

Ошибки были вскрыты и в работах по феодальной эпохе; Нечкина и Черепнин вернулись в этой связи к проблемам, обсуждение которых так взволновало их в 1968 г., и повторили свои указания. Участие И.И. Минца в 1973 г. в статье трех академиков, из которых историей революции (то есть проблематикой «нового направления») занимался только Минц, едва ли было добровольным. Основным автором соответствующей части статьи трех академиков являлась Нечкина, перед тем готовившая в качестве члена комиссии также и «рекомендации» (резолюцию) совещания у Трапезникова[95]. При подготовке статьи она «дала свои материалы (обширные!) по рекомендациям». Минц из этих ее материалов включил лишь «чуть-чуть — много осталось втуне», то есть, по ее выражению, «коверкал все Минц»[96]. Минц при первой же возможности, открывшейся в декабре 1986 — январе 1987 г., выступил с призывом к «пересмотру методов ведения, а в значительной степени —

---

[94] МИНЦ И.И., НЕЧКИНА М.В., ЧЕРЕПНИН Л.В. Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития // ЧЕРЕПНИН Л.В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 245, 250. (Статья перепечатана из журнала «История СССР», 1973, № 5.)

Столь азартное участие в «разборке» Черепнина не должно удивлять. В конце жизни академик испытывал глубокий моральный кризис — иначе не объяснить сделанную им в одной из последних работ попытку полностью оправдать сталинизм в историографии, не исключая даже кампанию против «космополитизма» у историков (см.: ЧЕРЕПНИН Л.В. Основные этапы развития советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 12, 20–21). Впрочем, тогда же, в 1973 г., Черепнин отказался от своей более ранней критики А.С. Лаппо-Данилевского, заявив, что в 1949 г. его «заставили» написать статью в обличительном духе, а на характер обличений «наложила отпечаток» атмосфера эпохи (см.: ПОГОДИН С.Н. Творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 150).

[95] См.: Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 134. В официальной стенограмме заключительное слово Трапезникова лишь упомянуто и затем перечислены в алфавитном порядке 20 членов комиссии, на которую возлагалось «разработать рекомендации» по итогам совещания (Актуальные проблемы общественных наук на современном этапе. Стенограмма совещания по историческим наукам (21–22 марта 1973 г.) М., 1974. С. 204–205). В живой действительности первой в этом списке прозвучала фамилия Нечкиной, что ее приятно удивило: «С.П. Трапезников меня поставил на первое место (!!). Не ожидала!» Очевидно, это воспринималось как большое доверие, ответственность и успех.

[96] Вопросы истории. 2006. № 2. С. 134.

и результатов памятной "дискуссии" о многоукладности»[97], чем навлек на себя гнев Бовыкина.

* * *

Одна из самых интересных работ «нового направления» — полемическая статья И.Ф. Гиндина в сборнике 1963 г. — представляла собой извлечение «из подготавливаемой автором работы о правительственной политике в отношении покровительствуемых отраслей тяжелой промышленности»[98]. Как говорилось в издательской аннотации, «на основе обширного документального материала в книге разработана проблема госкапитализма в своеобразных социально-экономических и политических условиях России. Основная часть исследования посвящена периоду наиболее интенсивной капиталистической индустриализации страны "сверху" на рубеже XIX–XX веков»[99]. Эта книга не увидела света до публикации ее в «Вопросах истории» в 2007 г. После смерти автора (1980 г.) попытки добиться выпуска хотя бы половины монографии по издательскому плану Института истории СССР «окончились неудачей из-за изощренного противодействия В.И. Бовыкина». В мае 1980 г. он создал и возглавил Комиссию по научному наследию Гиндина и затем с помощью Рындзюнского организовывал отрицательную экспертизу на рукопись монографии для Ученого совета[100].

Подготовка к изданию другой книги — о Совете съездов представителей промышленности и торговли, написанной при участии И.Ф. Гиндина, фактически совместно с Я.С. Розенфельдом, «Крупная буржуазия России и ее политическое развитие» — была остановлена на стадии третьей корректуры (декабрь 1972 г.). Как гласит официальный отчет Института, в целях «повышения научного и идейно-теоретического уровня исследовательской работы» «в свете рекомендаций совещания историков 21–22 марта 1973 г. в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС было организовано повторное рецензирование» этого труда, после чего дирекция приняла

---

[97] Вопросы истории. 1987. № 4. С. 4; Огонек. 1987. № 1. Не случайно в начале 1975 г. Ю.А. Поляков, возглавлявший ватагу, командированную из Москвы на обследование ЛОИИ, проявил видимую сдержанность и лояльность в отношении к ленинградским коллегам (см.: ГАНЕЛИН Р.Ш. Советские историки... С. 195–197).

[98] ГИНДИН И.Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий // Об особенностях империализма в России. С. 100.

[99] История СССР. 1970. № 5. С. 232 и обложка.

[100] ГИНДИН С.И. О неизданной монографии И.Ф. Гиндина и о месте в ней публикуемого этюда // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1. Ч. 1. С. 71; ЕГО ЖЕ. [Вступительная статья к публикации:] ГИНДИН И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 90–91. Д. Гайер, вполне уверенный, что книга, рекламированная ведомственным издательством АН СССР в качестве выпускаемой в 1970 г., не могла не выйти в свет, поспешил сослаться на нее как на состоявшееся издание (см.: GEYER D. Rußland als Problem der vergleichenden Imperialismusforschung // Das Vergangene und die Geschichte. Festschrift für Reinhard Wittram zum 70. Geburtstag. Göttingen, 1973. S. 364. Fn. 12).

решение о нецелесообразности выпуска работы Розенфельда[101]. Гиндин же 1 сентября 1973 г. был отправлен на пенсию.

Книга Тарновского, которая также была объявлена в издательских планах на 1973 г. и которую «фальсификаторы» на Западе поторопились объявить (как и книгу Гиндина) уже изданной[102], дождалась своего часа лишь в 1990 г., через три года после смерти автора. На издание книги М.С. Симоновой тоже потребовалось 15 лет; выпуск монографии сделался возможным только после исправления текста с учетом «рекомендаций» Отдела науки ЦК 1973 года. 20 лет издавался 5-й том «Очерков истории исторической науки в СССР» со статьями Тарновского и Даниловой.

На основании упомянутого заключения комиссии дирекция распустила сектор империализма. Тарновского, Симонову, Васюкова, Авреха рассредоточили по другим секторам. Остальных объединили в новый сектор буржуазно-демократических революций. Заведующим был назначен Бовыкин. Предстояло заседание Ученого совета Института, посвященное критике «нового направления», и Нарочницкому был нужен для доклада материал. Первым производственным заданием сотрудникам сектора было выявление всех «ошибок», допущенных «новым направлением»; состоялось «распределение, кто у кого будет их искать». П.Н. Зырянову, считавшему себя учеником Гиндина, Бовыкин безуспешно пытался вверить именно этот объект, потом другой (Авреха). В целом материала хватило. «Громовая речь Нарочницкого продолжалась, кажется, около двух часов... Выступали и другие разоблачители»[103].

В Уральском университете вынужден был оставить заведование кафедрой В.В. Адамов (некоторые из его учеников поспешно покинули кафедру; вопрос стоял о ликвидации ее вообще). С момента появления в «Уральском рабочем» явно инспирированной из Москвы статьи о сборнике «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности», вышедшем в Свердловске под редакцией и с предисловием Адамова, началась травля его в университете, в городе, на совещаниях, семинарах преподавателей общественных наук. Выступить в печати с ответом на критику ему, как и другим, не дали.

Позднее, попрекая представителей «нового направления» за недостаточную, по его мнению, продуктивность в 1973–1988 гг. и возлагая на них ответственность за

---

[101] В 1991 г. в частной переписке с зарубежными коллегами ответственность за запрещение книги Гиндина–Розенфельда Бовыкин ловко переложил на Ленинградское отделение Института (влияние Гиндина, по его словам, туда не достигало) и на Волобуева. Издание было прекращено якобы не в 1973, а в 1970 г., когда «руководство Института истории СССР АН СССР воспрепятствовало дальнейшему исследованию этой темы на том основании, что "русская буржуазия была численно невелика, экономически слаба и исторически обречена"», — сообщил Т. Оуэну Бовыкин, являвшийся в те годы заместителем директора института. А он, Бовыкин, ее, наоборот, рекомендовал к печати (см. ROOSA R.A. Russian Industrialists in an Era of Revolution. N.Y.; London, 1997. P. 243; Вопросы истории. 1998. № 8. С. 169; БОВЫКИН В.И. Заключение // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997. С. 311–312).

[102] См.: MCNEAL R.H. Op. cit. P. 136. Fn. 32. Автор, правда, сделал оговорку, что ему еще не удалось эту книгу получить.

[103] ЗЫРЯНОВ П.Н. Указ. соч. С. 269–270.

ослабление интенсивности исследований об империализме, Бовыкин предъявил им суровый счет: «15 лет — срок большой. Где же результаты этих "развернутых" исследований большой группы историков?». И наоборот: «Мы — публикуем результаты своих исследований. Спорьте с ними по существу. А вы пытаетесь бросить тень...»[104].

Дискуссия, состоявшаяся в 1960-х гг. по проблемам, выдвинутым «новым направлением», закончилась в 1972–1974 гг. наглядным уроком всем, кто впредь возжелал бы оспорить «общепринятые», то есть официальные установки, и на долгие годы в советской историографии установилась кладбищенская тишина[105]. Периодически появлявшиеся в печати грозно-предостерегающие историографические обзоры за подписями Бовыкина, Лаверычева, Ковальченко и других выглядели на этом фоне, как движение патрульных бронемашин по пустынным улицам оккупированного города.

Попытки полностью удержать под своим контролем каждое мыслительное усилие коллег, конечно, не могли им удаться. «"Нормальные герои всегда идут в обход". Вот и вышло так», — обрисовал позднее Тарновский сложившееся положение. «Если в 60-х гг. главный упор был сделан на изучение экономической стороны истории России, то в 70-х гг. — такой же прорыв был сделан в истории политической структуры капиталистической России... Горько, конечно, но нет худа без добра»[106].

Добро состояло хотя бы в том, что не все «многоукладники» попали под постановление 1973 г., кроме того, не удалось, несмотря на героические усилия Бовыкина, помешать выходу в свет книг Авреха. Работы Дякина и Авреха продолжали все полнее освещать ту историческую среду, в которой развивался российский капиталистический уродец-мутант. Несмотря на немалую остроту спора между Авреxом и Дякиным о политике самодержавия в начале XX в. (хотело ли самодержавие дать либеральные прогрессивные реформы, да не смогло, либо и не хотело, и не дало), совместно с Ю.Б. Соловьевым, Р.Ш. Ганелиным, Н.П. Ерошкиным и другими они раскрыли своеобразие российской государственной надстройки, политической культуры[107], сплетения социальных сил в стране, никак не совместимое с «опти-

---

[104] Вопросы истории. 1990. № 6. С. 171; История и историки. М., 1990. С. 155.

[105] Ср.: GEYER D. Klio in Moskau und die sowjetische Geschichte. Heidelberg, 1985. S. 34. В скором времени Отделу науки достигнутое успокоение показалось чрезмерным, он стал подталкивать Отделение истории и редакции журналов к организации «свободных творческих дискуссий» (как то же самое пришлось предпринимать и в 1949 г., во время кампании против «объективистов» и «космополитизма»). В 1984 г. «Вопросам истории», испытавшим сильный нажим в этом отношении, пришлось даже поместить (в № 2) отчаянное зазывное приглашение к дискуссиям «на основе марксистско-ленинской методологии», не возымевшее значительного действия. См. также: В Отделении истории АН СССР // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 103–107.

[106] ТАРНОВСКИЙ К.Н. В преддверии Октября // Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 78–79.

[107] «Гипертрофированная роль государства и его институтов "сверху" "донизу", предельно низкий уровень правосознания правителей и управляемых, элементарный уровень культуры основной массы населения... говорить о наличии политической культуры применительно к российским условиям вряд ли возможно» (ШЕЛОХАЕВ В.В. Роль интеллигенции в формировании политической культуры // Россия в новое время: Выбор пути исторического развития:

мистическими» оценками ее эволюции, свойственными советской официальной (и «патриотической») и части западной историографии[108].

Конец деятельности «нового направления» был искусственно ускорен вмешательством извне, подсказанным Старой площади теми из коллег (Некрич конкретно указывал на «некоего Бавыкина»), кто постарался заранее вычислить идеологический баланс развертывавшихся исследований и скалькулировать собственный политический барыш. Следует при этом все же признать, что не все их обвинения были надуманными. Преувеличением, несомненно, выглядит утверждение о немыслимом ни для кого в «новом направлении» разрыве с марксизмом, о покушениях на теорию формации, закономерность Октября и т. п. В то же время поворот в стратегии исследований, предпринятый на рубеже 1950–1960-х гг., по самой своей направленности действительно вел в политически неприемлемое для официальной идеологии (с ленинских времен) русло.

Примечательный факт: понятие многоукладности оказалось настолько идеологически нейтральным, что получило, по сути, всеобщее признание в мировой литературе, и специалисты на Западе до недавнего времени иногда, по наивности, удивлялись, почему новой теорией мало пользуются советские коллеги. Странным образом иногда складывается даже представление, что и на Западе первоначальная «позитивная оценка» концепции многоукладности, интерес к «новому направлению» сменились забвением: «Впоследствии к нему потеряли интерес, что было связано с новыми тенденциями в американской историографии»[109]. Со своей точки зрения, но близкую оценку состояния западной («англоязычной») литературы дает Д. Сондерс. Отмечая, что «в России сохраняются затруднения» для исследований в направлении, намеченном «Волобуевской группой» (точнее было бы сказать, что такая группа уже и физически не существует), а англоязычная литература «проявляет зависимость от схем, бытующих в России», автор высказывает сожаление, что в результате теория «нового направления» пока «не изучается должным образом» ни в России, ни на Западе. Вслед за российской, англоязычная историография изображает развитие российской экономики в радужных тонах, необъективно, замалчивая его теневые стороны, и в этом «новейшие англоязычные работы копируют всю целиком советскую историографию с ее тенденцией подчеркивать то, что прогрессировало, за счет того, что оставалось неизменным», тогда как объективный историк не должен «искусственно выпячивать

Материалы межвузовской научной конференции 22–23 апреля 1994 г. М., 1994. С. 101). Возможности менее болезненного развития по конституционному пути «плотно блокировались консервативно-охранительными силами» и «оказались нереализуемыми» также ввиду «иммунитета значительной части общества к идее демократии и правового государства» (ЦИУНЧУК Р.А. Парламентаризм в России: опыт политической культуры // Там же. С. 109–110).

[108] М. Хаген, не понимая цензурных условий, в которых готовился коллективный труд «Кризис самодержавия в России. 1895–1917» (Л., 1984), ставил ему в минус отсутствие упоминаний о «многоукладности» и «новом направлении» (Jhrb.f.GO. 35 (1987). Heft 3. S. 403–404). В начале 1980-х гг. такое упоминание могло быть допущено только в ругательном смысле.

[109] ПОТКИНА И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994. С. 30.

нарождающийся капитализм и нарастающую социальную дифференциацию в ущерб изучению традиционализма, инерции и отсталости»[110].

Такое заключение, возможно, верно в отношении некоторой части западной литературы (главным образом американской). Но достаточно обратиться к материалам дискуссий, состоявшихся на международных симпозиумах 1980 г. в Гармиш-Партенкирхене, в 1981 г. в Париже, 1987 г. в Москве, 1990 г. в Ленинграде[111], к обзорам литературы[112], к работам М. Хильдермайера, И. Хёслера[113], учебному пособию по историографии П. Гэтрела и др.[114], чтобы убедиться в противоположном. В тех случаях, когда специальная литература обходит молчанием «новое направление» с его теорией многоукладности, такой недостаток отмечается в критике[115]. И это не случайно, ведь никаких других теоретических открытий, столь же широко раздвигающих горизонт, позволяющих логически упорядочить, систематизировать столь сложную историческую реальность, как общественное развитие России начала XX в., — никаких других столь же тонких и эффективных инструментов историки не получали и на Западе.

Стоит обратить внимание на то, что этот вклад в историческую теорию был сделан людьми, подмятыми идеологическим прессом, а в то же время предложенная ими теория удовлетворяла запросам любого объективного исследователя независи-

---

[110] SAUNDERS D. The Static Society: Patterns of Work in the Later Russian Empire // Reinterpreting Russia. London, 1999. P. 127, 136–137.

[111] HAUMANN H. Politics and Economy in Russia between 1906 and 1917 // Russian and Eastern European History. Selected Papers from the 2nd World Congress for Soviet and East European Studies. Berkeley, 1984. P. 154; DERS. Kapitalismus im zaristischen Staat. S. 65–69, 143–144; 1905, la première révolution russe. P., 1986. P. 478, 490–493 (A. Ascher). 514–520 (В.И. Бовыкин); Восьмой симпозиум советских и японских историков. Москва, 2–4 июня 1987 г. М., 1989. С. 205 (Х. Вада); Реформы или революция? С. 367–368, 372 (Т. Шанин).

[112] TORKE H.-J. Die Geschichte Russlands vor 1917 in der gegenwärtigen Debatte der sowjetischen Historiker // Perestrojka. Multidisziplinäre Beiträge zum Stand der Realisierung in der Sowjetunion. Wiesbaden, 1990. S. 22–23; RIEBER A. The Historiography of Imperial Russian Foreign Policy: A Critical Survey // Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge, 1993. P. 376; РЕЙМАН М. Заметки по проблеме сталинизма в историографии // Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 221 (см. также с. 156, 178–179).

[113] HILDERMEIER M. Revolution und Revolutionsgeschichte // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Göttingen, 1991; HÖSLER J. Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. München, 1995.

[114] GATRELL P. The Tsarist Economy, 1850–1917. London, 1986. P. 26–27; BONWETSCH B. Die Russische Revolution. Darmstadt, 1991, S. 3, 68–69; DERS. Rec. ad op. ИВАНОВА Н.А. Структура рабочего класса в России. 1910–1914. М., 1987 // Jhrb.f.GO. Bd. 37 (1989). Heft 3. S. 440; История СССР. 1989. № 2. С. 197, 200 (интервью Д. Рэлей).

[115] См., напр.: BONWETSCH B. Rec. ad op. FUNKEN K. Die ökonomischen Voraussetzungen der Oktoberrevolution. Zürich, 1976 // Jhrb.f.GO. Bd. 25 (1977). Heft 2. S. 253; KEEP J. Rec. ad op. ACTON E. Rethinking the Russian Revolution. London, 1990 // Russian Review. Vol. 51 (1992). № 2. P. 277; HAGEN M. Op. cit.; DERS. Das politische System Rußlands vor 1914 // Jhrb.f.GO. Bd. 30 (1982). Heft 2. S. 197.

мо от того, верит ли он в ленинизм, фрейдизм, тоталитаризм, модернизацию или стадии экономического роста. И она же позволяла использовать то действительно научное, плодотворное, что содержит и марксистская теория (в пределах ее «сжатого ядра», по М.Я. Гефтеру).

Несмотря на все противоречия, обусловленные навязанными идеологическими ограничениями и не доведенным до конца внутренним разрывом с «правильными» установками[116], эти исследователи постепенно расшатывали устоявшиеся с конца 1920-х гг. представления об условиях, вызвавших катаклизмы 1917-го и последующих лет, и формировали новое понимание особенностей, условий и направленности развития России в начале XX в., не оставляя в перспективе места для легенд о счастливом «выборе», сделанном народами России по подсказке большевиков.

В целом советско-российской исторической науке удалось почти полностью физически изжить «новое направление», так что воспользоваться переменами, начавшимися в последние полгода его жизни, ни Тарновскому, ни другим историкам его круга почти никому не довелось. Но в полемике, драматически развивавшейся в 1960-х — начале 1970-х гг., «новое направление» одержало — в большой перспективе — решительную интеллектуальную, научную и моральную победу, о чем говорит не только признание его своим в мировой науке, но и явившаяся в нынешних условиях возможность здесь, у нас, в России, беспрепятственно излагать и развивать выдвинутые «новым направлением» идеи — при одновременном существовании у его противников такой же возможности сколько угодно оспаривать эти идеи. Но безмятежность дальнейшего существования они себе вряд ли обеспечили. В проблематике, служившей предметом спора, любое действительное продвижение вперед связано с необходимостью расчистить обширное «минное поле», оставленное старой литературой, в виде ложных фактов, тенденциозных истолкований источников, необоснованных заключений.

* * *

Пока академическая верхушка исторической науки, связавшая свои материальные и карьерные интересы со слепым исполнением велений Отдела науки, искореняла «новое направление», сама власть была занята проведением более крупной, стратегическо-

---

[116] Неизбывное стремление примирить новые данные и идеи с истолкованием Октября как успешной социалистической революции вызвало к жизни ряд ни к чему, в сущности, не обязывающих формул, имевших такой же «ритуальный» характер, как и цитаты из Ленина («Россия — страна второго эшелона капитализма», «Россия — модель мира» и т. п.). В это действительно уязвимое место «нового направления» с остервенением впились его гонители. Другим привлекшим их внимание понятием оказалась «многоукладность» — чисто рабочий, условный термин, который подвергался осуждению как якобы не имеющий точного значения, непонятный и пр. На самом же деле каких бы то ни было специальных объяснений и определений к нему настолько не требуется, что им свободно и охотно оперируют все (иностранным историкам, например, достаточно так или иначе перевести его на свой язык: multistructuredness, multiformity, Mehrbäsigkeit, Vielschiftigkeit, heterogeneity etc.), кто предпочитает обойтись одним словом вместо многих описательных фраз. Термин этот не обязателен, общая схема «нового направления» «работает» и без него. Но он представляет значительное удобство.

го масштаба, идеологической операции. По заключению генерала Ф.Д. Бобкова, ведавшего у Андропова борьбой с диссидентством, «все проекты построения коммунизма зиждились на песке». После Ленина (и Сталина) «наука о коммунистическом строительстве, о путях развития социализма застыла, отлилась в догму» — до такой степени, что, если не рисковать единством партии и общества, то «ни в коем случае нельзя было» допустить «повтора развенчания, ...критики культа личности»[117]. Формула Ю.В. Андропова: «Наделаем побольше колбасы — и не будет у нас никаких диссидентов» могла быть адресована лишь простакам. Учреждения партии и КГБ видели мертвенность, неэффективность ортодоксальной пропаганды и приступили к ее перевооружению[118]. Негласно производилась замена выродившегося монопольного «марксизма-ленинизма» своеобразным плюрализмом, точнее, дуализмом: к мертвечине непогрешимого учения прививалась доказавшая свою жизненную силу старая черносотенно-клерикальная мифология об антирусском всемирном масонском заговоре.

Противоположного смысла попытки влить живое содержание в старые мехи партийной догматики, подобные предпринятым «новым направлением», могли успеху этой операции только мешать. Когда комсомольские и литературные издательства и журналы («Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва» и др.) ринулись на разработку национал-патриотической версии революционного периода русской истории, даже чуткие к веяниям в пропаганде историки-ортодоксы не сразу уловили смысл предпринятого поворота и поначалу предлагали свои услуги, чтобы отразить этот натиск на старую идеологическую монополию, пока не получили внушительное разъяснение, откуда это в действительности так наносит староимперским патриотизмом[119].

В итоге советская идеологическая машина, отбросив связанные с деятельностью «нового направления» высшие научные достижения в области истории русских революций, предпочла обогатить свой арсенал оккультистской мифологией порочного происхождения.

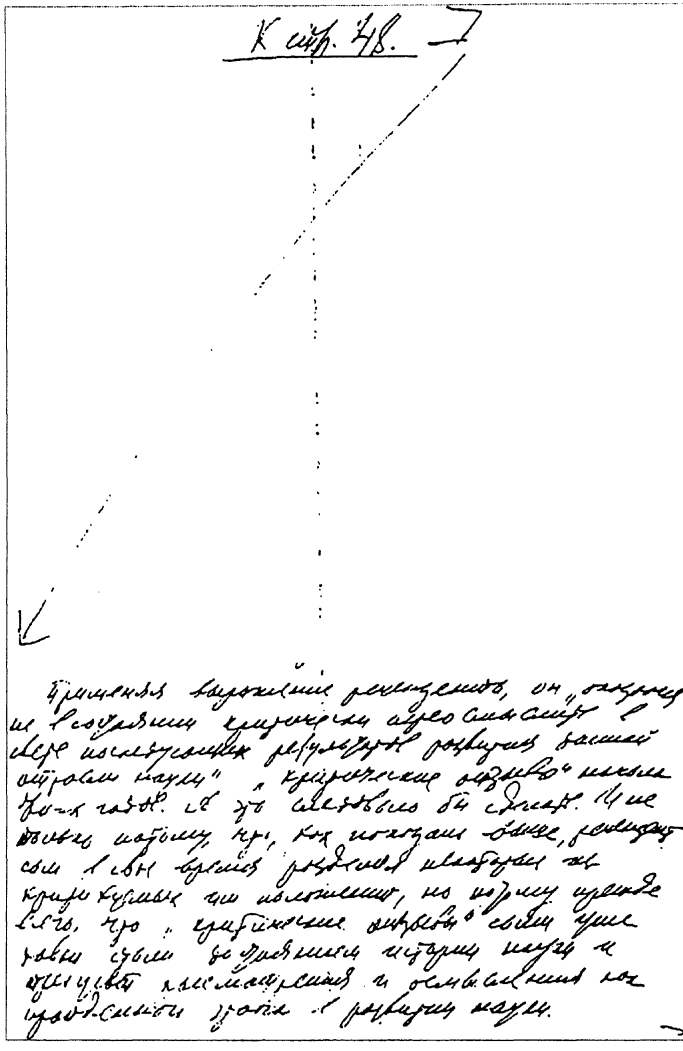
Советская историография (М., РГГУ, 1996. Под ред. Ю.Н. Афанасьева).

---

[117] БОБКОВ Ф. Последние двадцать лет. М., 2006. С. 311, 29.

[118] Наиболее основательно перевооружился сам Бобков: он сделал в 1990-е гг. головокружительную карьеру, возглавив службу безопасности МОСТа (группа ОНЭКСИМ–МЕНАТЕП–МОСТбанк) (МК. 27.VIII.1998).

[119] В биографии Бобкова процитирована рецензия на опус Яковлева «1 августа 1914 [года]», исходившая из Института истории. В ней указывалось на то, что «новое» освещение событий 1917 г. (решающая роль масонов) «находится в прямом противоречии с ленинской трактовкой истории, оно принципиально отличается от общепринятого в советской исторической науке, можно только удивляться тому, что эта книга была издана массовым тиражом в расчете на широкого, преимущественно молодого читателя» (МАКАРЕВИЧ Э. Указ. соч. С. 192–193). Этим биограф желает подтвердить свое сообщение, что «критика набросилась на яковлевскую книжку, уличая в отступничестве от академически-партийных канонов». В действительности критика не «набросилась», а лишь попыталась наброситься, но КГБ не допустило публикации критических откликов: цитата как раз и взята из корректуры той рецензии, которая по этой причине не увидела света. Пропаганда, успешно начатая Андроповым в 1974 г., таким образом, продолжается по сей день.

Последние реплики «дискуссии» о «новом направлении»:
заключение В.И. Бовыкина по 5-й главе 5-го тома «Очерков истории исторической науки в СССР», написанной К.Н. Тарновским, и возражение Тарновского. Том был сдан в издательское производство год спустя и вышел в 1985 г.
Из бумаг К.Н. Тарновского.

В.И. Бовыкин: «К сожалению, упомянутые выше работы К.Н. Тарновского и некоторых его единомышленников “образовали фундамент” (как показали критические отклики на свердловский сборник) для ошибок в трактовке расстановки соц. сил в Октябрьской революции».

Таковы некоторые результаты исследований социально-экономических проблем советскими исследователями во второй половине 50–60-х годов. Они образовали фундамент изучения истории классов и классовой борьбы двух буржуазно-демократических революций и Великой Октябрьской социалистической революции.

К сожалению, упомянутые выше работы И.Н. Тарновского и некоторых его единомышленников не образовали фундамента (как указали критические отзывы на свердловский сб.) для анализа и изучения расстановки сил в антибуржуазных революциях.

Попытка же поставить их вне критического анализа, смотреть на них как на абсолютную истину может привести лишь к задержке развития науки.

14/VI 1983.

К.Н. Тарновский: «Применяя выражение рецензента, он “оказался не в состоянии критически переосмыслить в свете последующих результатов развития данной отрасли науки” “критические отзывы” начала 70-х годов. А это следовало бы сделать. И не только потому, что, как показано выше, рецензент сам в свое время разделял некоторые из критикуемых им положений, но потому прежде всего, что “критические отзывы” сами уже давно стали достоянием истории науки и требуют рассмотрения и осмысления как пройденного этапа в развитии науки. Попытка же поставить их вне критического анализа, смотреть на них как на абсолютную истину может привести лишь к задержке развития науки. 14/VI 1983».

Документы из архива К.Н. Тарновского

Публикуемая ниже неподписанная «Справка» составлена, судя по содержанию, волобуевской дирекцией Института для представления в Отдел науки ЦК КПСС. Обсуждение двух новаторских сборников в Институте истории СССР 9–10 марта 1972 г., как показывает этот документ, прошло с перевесом на стороне «ответчиков», несмотря на предпринятую Отделом науки попытку обеспечить преимущество сверхортодоксальным критикам, командированным Сектором исторических наук этого Отдела ЦК. Результат обсуждения настолько не удовлетворил Отдел науки, что ему пришлось устроить пересмотр дела в более высокой академической инстанции, и Бюро Отделения истории АН СССР приняло это поручение к исполнению. Оно создало комиссию (Б.Г. Гафуров, И.И. Минц, П.А. Жилин, М.П. Ким, Д.М. Кукин, Ю.А. Поляков), подготовившую проект постановления, который и был одобрен на заседании Бюро 4 июля 1972 г. Обсуждение, состоявшееся в Институте, оценивалось Бюро как «выступления с неправильных методологических позиций, попытки не только защитить авторов ошибочных положений, но и изобразить их "новаторами", выразителями "новой", "прогрессивной" тенденции в науке». Усматривая от этого угрозу «подлинно научной разработке перечисленных вопросов», Бюро Отделения постановило «рекомендовать дирекции Института истории СССР рассмотреть вопрос об укреплении руководства сектора истории СССР периода империализма»[1].

№ 1. Справка об итогах обсуждения сборников статей «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия» в Институте истории СССР Академии наук СССР.

[1972 г.]

9–10 марта с. г. в Институте истории СССР АН СССР на объединенном заседании секций Ученого совета дооктябрьского и советского периодов состоялось об-

[1] Отчет об этом заседании Бюро Отделения и репрессивное постановление см.: История СССР. 1973. № 1. С. 211–218.

суждение книг «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия» в связи с критическими замечаниями по их адресу, высказанными в последнее время отдельными историками на научной конференции по новейшей историографии КПСС в Ленинграде, на кафедре истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС, в Высшей школе профдвижения.

Указанные книги являются сборниками материалов (докладов и сообщений) юбилейных научных сессий, проведенных в Одессе и Ленинграде в 1967 году Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» и бывшим Институтом истории. Они вышли в свет в 1970 г. в издательстве «Наука» под грифом Института истории СССР АН СССР и Научного совета.

Для участия в обсуждении, кроме членов секций Ученого совета Института истории СССР и авторов, были, по согласованию с сектором исторических наук Отдела науки ЦК КПСС, приглашены представители заинтересованных научных учреждений и вузов Москвы и Ленинграда, персонально — ведущие специалисты по обсуждавшимся проблемам, все товарищи, выступавшие с критикой указанных книг, а также представители научных исторических журналов и издательства «Наука» (список прилагается)[2]. В обсуждении приняли участие и некоторые преподаватели истории КПСС и истории СССР ряда вузов страны, находившиеся на курсах повышения квалификации при МГУ.

В ходе обсуждения выступило 42 человека, в том числе 1 академик, 2 члена-корреспондента АН СССР, 27 докторов и 12 кандидатов исторических наук. В их числе: авторы учебника «История КПСС» (под редакцией Б.Н. Пономарева) акад. И.И. Минц, доктора исторических наук М.С. Волин и А.П. Кучкин, авторы 2-го и 3-го томов многотомной «Истории КПСС» член-корреспондент АН СССР П.В. Волобуев, доктора наук П.А. Голуб, И.Ф. Петров, А.М. Совокин, Л.М. Спирин, Я.Г. Темкин, научные сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС, преподаватели АОН при ЦК КПСС, преподаватели МГУ, ряд заведующих кафедрами истории КПСС и истории СССР вузов Москвы и других городов (список прилагается)[2].

Из 42-х участников обсуждения 16 человек — научные сотрудники Института истории СССР АН СССР (в том числе 4 из Ленинградского отделения Института). Слово получили все желавшие выступить.

Обсуждение проходило в виде свободного обмена мнений, научного спора, в духе высокой требовательности к идейному и научному содержанию указанных работ. Дискуссия велась по ряду выдвинутых в обеих книгах вопросов: о соотношении стихийности и сознательности в Февральской революции, об основных этапах подготовки пролетариата к роли вождя, гегемона социалистической революции, о перегруппировке классовых сил в ходе Октябрьской революции, о формах, сроках и конкретно-исторических особенностях осуществления большевистского лозунга о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством в Октябрьской революции, об общественно-политическом облике российского пролетариата, о превращении его из «класса в себе» в «класс для себя».

В ряде выступлений (акад. И.И. Минца, члена-корреспондента АН СССР Т.Т. Тимофеева, доктора исторических наук Л.М. Спирина и других) была подчерк-

[2] Приложение отсутствует. — *В. П.*

нута научно-политическая актуальность разработки этих проблем в настоящее время как ввиду их общеметодологического значения, так и необходимости дальнейшего всестороннего теоретического обобщения исторического опыта борьбы пролетариата России под руководством большевистской партии за гегемонию в трех русских революциях, за привлечение демократических союзников.

Подавляющее большинство выступавших (акад. И.И. Минц, доктора наук Г.А. Арутюнов, Е.Н. Городецкий, Д.А. Коваленко, А.П. Кучкин, И.П. Лейберов, А.В. Лихолат, А.А. Матюгин, В.П. Наумов, А.М. Совокин, В.И. Селицкий, Л.М. Спирин, Г.А. Трукан, А.В. Ушаков, кандидаты наук В.В. Адамов, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев, Н.И. Лебедик и др.) дали в целом положительную оценку обоим сборникам статей, отметив попытку их авторов на основе принципов марксистско-ленинской методологии и глубокого изучения ленинского идейного наследия осмыслить сложные и слабо разработанные в нашей научной литературе вопросы учения В.И. Ленина о гегемонии пролетариата, о пролетариате как гегемоне социалистической революции в России и т. п. В частности, И.И. Минц отметил комплексность и широту подхода к изучению истории российского пролетариата, новизну постановки ряда важных вопросов в сб. ст. «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония».

Вместе с тем многие участники обсуждения высказали серьезные критические замечания, отметив существенные недостатки и пробелы, имеющиеся в сборниках. Острой и справедливой критике подверглось предисловие «От редакции» к сб. ст. «Российский пролетариат...» за содержащиеся в нем ошибочные утверждения о якобы временной утрате пролетариатом гегемонии в период I и II Государственных дум и сразу после Февральской революции в 1917 г. и о союзе пролетариата со всем крестьянством в период борьбы за победу Октябрьской революции. Выступивший от имени редколлегии сборника кандидат исторических наук Ю.И. Кирьянов (автор предисловия) признал, что предисловие неверно информировало по ряду вопросов научную общественность об итогах работы Одесской сессии, поскольку указанные утверждения никем на сессии не выдвигались и были необоснованно приписаны отдельным авторам.

Критические замечания и споры по обсуждавшимся сборникам показали, что среди историков имеются различные точки зрения по отдельным аспектам истории пролетариата России. В связи с этим попытка некоторых участников обсуждения (докторов наук П.А. Голуба, Е.Ф. Ерыкалова, И.Ф. Петрова, П.С. Смирнова, П.Н. Соболева) квалифицировать недостатки сборников исключительно как ошибки идейно-теоретического порядка, как пересмотр общепринятых теоретических положений марксизма-ленинизма (прежде всего о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством) не получила, ввиду необоснованности, поддержки со стороны большинства участников дискуссии.

Наиболее острая дискуссия развернулась в основном по трем вопросам:

1. О времени превращения российского пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя».

2. О процессе подготовки пролетариата после победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. к роли гегемона в новой, социалистической революции.

3. О формах и сроках осуществления в ходе Великой Октябрьской социалистической революции второго стратегического лозунга большевистской партии — союза пролетариата с беднейшим крестьянством при нейтрализации середняка.

При обсуждении вопроса о времени превращения российского пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя» тт. П.А. Голуб, Г.В. Шарапов, П.С. Смирнов подвергли критике содержащийся в сборнике «Российский пролетариат...» тезис, что пролетариат России окончательно сложился в «класс для себя» во время революции 1905–1907 гг. По их мнению, это произошло в 1903 г. в связи с образованием большевистской партии. Отнесение же превращения пролетариата в «класс для себя» на более позднее время теоретически ошибочно, поскольку якобы ведет к умалению или отрицанию решающего значения таких фактов, как возникновение и деятельность большевистской партии, II съезд РСДРП.

Другие участники дискуссии отстаивали правильность выдвинутого в сборнике тезиса. В выступлении М.С. Волина было показано, что превращение российского пролетариата в «класс для себя» не одноактное действие, а сложный исторический процесс. Его начало относится к середине 90-х гг. XIX в., когда массовое рабочее движение стало соединяться с социализмом. Важнейшую роль в этом процессе играло создание партии. Окончательное конституирование в класс произошло в период первой русской революции, когда рабочий класс на практике осознал свою силу и свои революционные задачи как класса-гегемона. Эти представления соответствуют взглядам В.И. Ленина по этому вопросу, хотя он и не употреблял понятий «класс в себе» и «класс для себя». У В.И. Ленина понятие «класс для себя» тождественно, идентично понятию «класс-гегемон». Поэтому он никогда и нигде не рассматривал появление марксистской партии как завершение процесса превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя», а видел в ней важнейшее условие, решающую предпосылку на пути этого превращения в «класс для себя». В защиту положения авторов сборника были приведены и факты из истории международного рабочего движения (например, создание в 1919 г. компартии США или компартии Великобритании в 1920 г. не означало еще превращения пролетариата этих стран в «класс для себя»).

Дискуссия о гегемонии пролетариата в социалистической революции показала, что часть историков решает этот вопрос весьма упрощенно. Эти историки, по существу, не делают различия, четко проводимого в марксистской литературе, между всемирно-исторической миссией пролетариата как могильщика капитализма и творца нового, коммунистического общества, между его объективным положением как самого революционного класса капиталистического общества и степенью фактической революционности тех или иных его национальных отрядов, способностью и готовностью пролетариата отдельных стран к практическому осуществлению гегемонии в революции, обусловленной совокупностью целого ряда конкретно-исторических обстоятельств. Так, например, тт. Е.Ф. Ерыкалов, П.С. Смирнов, И.Ф. Петров в своих выступлениях гегемонию пролетариата трактовали как некое статичное состояние, как свойство, раз и навсегда данное рабочему классу России. Поскольку российский пролетариат стал гегемоном еще в 1905 г., то, по мнению этих товарищей, неправомерно в принципе говорить, что после Февральской революции он, пролетариат, еще не был готов возглавить новую, социалистическую революцию и что перед ним стояла задача подготовить себя к роли гегемона этой революции.

Большинство специалистов, однако, поддержало точку зрения, изложенную П.В. Волобуевым в статье «Пролетариат — гегемон социалистической революции» (в сб. «Российский пролетариат...»), согласно которой пролетариат, будучи главной

и ведущей революционной силой в стране, сразу после Февральской революции, действительно, по ряду причин не был готов к выполнению этой роли. Эта точка зрения отражает конкретную историческую действительность того времени и целиком соответствует теоретическим положениям марксизма-ленинизма. В частности, указывалось, что В.И. Ленин переход от буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому ставил в прямую зависимость от степени подготовки пролетариата и степени объединения его с крестьянской беднотой (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 312).

Пролетариату предстояло еще осознать свои новые исторические задачи, поставленные перед партией В.И. Лениным в его гениальных Апрельских тезисах, сорганизоваться, на собственном политическом опыте убедиться в гибельности политики соглашателей — меньшевиков и эсеров — и в ходе острой классовой борьбы утвердить свою руководящую роль в революции. И хотя процесс перехода пролетариата от гегемонии в буржуазно-демократической революции к гегемонии в социалистической революции занял всего несколько месяцев, он не был таким простым и легким, как это представляется некоторым историкам. Большевистской партии потребовалось приложить гигантские усилия, чтобы возможность гегемонии пролетариата превратить в действительность.

Авторам сборника была поставлена в заслугу их попытка показать гегемонию пролетариата в революции не как раз и навсегда данную категорию, а как процесс напряженной борьбы с классовыми противниками, с правым и «левым» оппортунизмом, как результат огромной политической и организаторской деятельности ленинской партии. В связи с этим почти все выступавшие отметили необоснованность приписываемого И.Ф. Петровым П.В. Волобуеву тезиса, [о том, что] якобы пролетариат после Февральской революции перестал быть революционным и не играл ведущей роли в революционном движении в 1917 г., в период от Февраля к Октябрю. Все содержание статьи, подчеркивали многие выступавшие, свидетельствует как раз об обратном.

Обсуждение вопроса об основных этапах, формах и конкретно-исторических особенностях осуществления стратегического лозунга большевистской партии о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством в ходе Октябрьской революции показало наличие существенных расхождений среди историков и по этому вопросу. Большинство выступавших отстаивало точку зрения, утвердившуюся в последние годы в нашей научной литературе и получившую отражение в сборнике «Российский пролетариат...» Согласно этой точке зрения, пролетариат, идя на социалистическую революцию в союзе с беднейшим крестьянством, получил в период борьбы за власть поддержку со стороны остального крестьянства (крестьянства в целом, по определению В.И. Ленина). Эта общекрестьянская поддержка пролетарской революции на первом ее этапе стала возможной потому, что Октябрьская революция попутно, мимоходом решала задачу ликвидации помещичьего землевладения, то есть задачу доведения до конца буржуазно-демократической революции.

Тт. В.В. Адамов, О.Н. Знаменский, Д.А. Коваленко, И.И. Минц, Л.М. Спирин, Э.М. Щагин, А.В. Ушаков и другие в своих выступлениях раскрыли громадное значение, какое придавал В.И. Ленин в обосновании причин сравнительной легкости победы Октябрьской революции соединению пролетарской революции против буржуазии с крестьянской войной против помещиков. Они напомнили известные высказывания

В.И. Ленина по этим вопросам из его классического труда «Пролетарская революция и ренегат Каутский», докладов на VIII съезде партии и других работ (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 311–316, 506–509; т. 38. С. 143, 178, 192, 200, 306).

Критикуя эту точку зрения как якобы отступление от марксизма-ленинизма, другие участники обсуждения исходили, по сути дела, из того, что второй стратегический лозунг партии был осуществлен в Октябрьской революции, так сказать, в «чистом виде». Тт. Е.Ф. Ерыкалов, И.Ф. Петров, П.Н. Соболев и некоторые другие, обходя известные теоретические положения В.И. Ленина о двух этапах аграрной революции в России, стремились доказать либо неправомерность самой постановки вопроса о возможности поддержки пролетариата со стороны всего крестьянства на каком-либо этапе Октябрьской революции, поскольку это якобы равносильно приравниванию кулачества к союзникам пролетариата в социалистической революции, либо необходимость строго ограничительной трактовки этой поддержки (только в связи с вопросом о земле). Тем самым умаляется величайшая заслуга нашей партии, которая сумела выполнить завет К. Маркса и осуществить, по определению В.И. Ленина, союз «крестьянской войны» с пролетарской революцией.

П.В. Волобуев, выступая с ответом на критику его статьи о гегемонии пролетариата в социалистической революции, отклонил, как необоснованные, обвинения, будто он допустил в ней идейно-теоретические ошибки. Вместе с тем он заявил, что в своих статьях, спустя пять лет после их написания, видит немало слабых мест и недостатков научного порядка.

Не все выступавшие достаточно объективно излагали высказывания и взгляды своих коллег по этому вопросу. Так, П.Н. Соболев утверждал, будто из 18 товарищей, выступавших 9 марта, большинство отстаивало тезис о союзе со всем крестьянством в социалистической революции, то есть «пересматривало» второй стратегический лозунг. Это утверждение, как беспочвенное, было категорически отвергнуто в ходе обсуждения.

Вместе с тем обсуждение показало недостаточно глубокое и всестороннее исследование историками конкретного процесса политического раскола и классовой борьбы внутри крестьянства в начальный период Октябрьской революции.

Многие участники дискуссии обращали внимание на нарушение норм научной критики. Отмечалось, что отдельные товарищи прибегали к выхватыванию из контекста отдельных фраз и положений, к передержкам и приписыванию своим оппонентам заведомо ошибочных положений и т.п. Об этой нездоровой тенденции, противоречащей линии партии, говорил в своем выступлении, приводя конкретные примеры, видный советский историк, старый член партии т. А.П. Кучкин.

Итоги двухдневного в целом плодотворного обсуждения двух книг Института истории СССР подвел в своем заключительном слове председатель Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» акад. И.И. Минц.

Перед принятием решения с речью выступил заведующий сектором исторических наук Отдела науки ЦК КПСС т. С.С. Хромов.

По итогам обсуждения объединенное заседание секций Ученого совета Института истории СССР АН СССР приняло специальное постановление (прилагается).

Дирекция Института истории СССР АН СССР внимательно рассмотрела итоги состоявшегося обсуждения и сделала необходимые выводы научно-теоретического и

организационного характера. В частности, приняты дополнительные меры к повышению персональной ответственности редакционных коллегий коллективных трудов, подготавливаемых Институтом. Решено заново проверить работы, написанные в свое время в Институте истории, на предмет определения целесообразности их издания. Намечен ряд других мер, направленных на дальнейшее повышение требовательности к научным работникам в творческих коллективах (отделах, секторах), на развитие в них деловой и принципиальной критики и самокритики. Признано целесообразным опубликовать материалы проведенного обсуждения в органе Института журнале «История СССР».

Постановление объединенного заседания секций
Ученого совета Института истории СССР
дооктябрьского и советского периодов от 10 марта 1972 г.

(принято за основу)

Объединенное заседание секций Ученого совета Института дооктябрьского и советского периодов одобряет инициативу дирекции Института истории СССР АН СССР в организации обсуждения широким кругом ученых сборников статей «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия», изданных в 1970 г.

Как показали итоги обсуждения, указанные сборники статей вместе с другими, не вошедшими в них материалами научных сессий, состоявшихся в 1967 г. в Одессе и Ленинграде, являются вкладом в творческую разработку ряда малоизученных проблем истории и облика рабочего класса России как класса-гегемона, совершившего три революции.

В ходе плодотворного обсуждения справедливо подвергались критике отдельные недостатки указанных книг. Нечеткие и ошибочные формулировки отдельных положений по вопросу гегемонии пролетариата и расстановки классовых сил в Октябрьской революции содержатся во вступительной статье «От редакции» к сборнику «Российский пролетариат...» Это привело к неверному по ряду вопросов освещению итогов работы Одесской сессии и содержания некоторых сделанных на ней докладов и сообщений.

Объединенное заседание секций Ученого совета считает необходимым рекомендовать дирекции:

1. Внедрить в практику научной жизни Института систематическое обсуждение на заседаниях Ученого совета, его секций, научных отделов и секторов важнейших изданий Института и других научных учреждений по актуальным проблемам советской историографии, добиваясь при этом высокого идейно-теоретического уровня обсуждений.

2. Считать необходимой дальнейшую глубокую разработку как общих, методологических, так и конкретных проблем гегемонии пролетариата России в трех революциях, вопроса о содержании, формах и методах подготовки пролетариата к выполнению своей исторической миссии и ее осуществления на различных исторических этапах, о соотношении социалистических и демократических задач и других проблем, называвшихся в ходе обсуждения.

3. Просить дирекцию Института осуществить меры, направленные на дальнейшее повышение требовательности к качеству издаваемых трудов и усиление ответс-

твенности всех авторов, научных редакторов и членов редакционных коллегий за их идейно-теоретическое содержание.

4. Считать целесообразным осветить итоги настоящего обсуждения в научной печати.

№ 2. Выписка из докладной записки Комиссии по проверке работы Сектора истории СССР периода империализма Института истории СССР АН СССР.

[Осень 1974 г.]

...Идейно-теоретические ошибки, допущенные сотрудниками сектора[3].

За последние годы научные работы сотрудников сектора не раз подвергались критике на страницах партийной и советской печати. О серьезных идейно-теоретических ошибках, содержащихся в научной продукции сектора, писали газеты «Правда» и «Уральский рабочий», журналы «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории», «История СССР». На них обращало внимание Бюро Отделения истории АН СССР в постановлении от 4 июля 1972 г. и указывали в своих выступлениях участники совещания историков в ЦК КПСС 21–22 марта 1973 г. Речь шла, в частности, о том, что в сборнике «Свержение самодержавия» (члены редколлегии от сектора: Л.М. Иванов, Г.М. Деренковский, А.П. Корелин, К.Н. Тарновский, К.Ф. Шацилло) допускалось преувеличение стихийности и умаление роли пролетариата и большевиков в Февральской революции, а также содержалось неверное утверждение, будто залогом победы Октябрьской революции послужили задачи, поставленные, но не решенные Февральской революцией. В сборнике «Российский пролетариат» (члены редколлегии от сектора: Л.М. Иванов — отв. ред., М.С. Волин, Ю.И. Кирьянов, К.Н. Тарновский) было выдвинуто глубоко ошибочное утверждение об утрате российским пролетариатом гегемонии в революционном движении после Февральской революции, а также содержались неправильные положения о соотношении задач социалистической и буржуазно-демократической революций на различных исторических этапах; о факторах, определяющих уровень сознательности пролетариата, о предпосылках социалистической революции в национальных районах и др. Что касается сборника «Вопросы истории капиталистической России» (члены редколлегии от сектора: Л.М. Иванов, А.П. Корелин, М.С. Симонова, К.Н. Тарновский, К.Ф. Шацилло), то в нем провозглашалось «новое направление» в изучении социально-экономического строя предреволюционной России, базирующееся на представлении о его многоукладном характере.

Суть этого «нового направления», представляющего целую систему взглядов, сводится к следующему. Было выдвинуто положение об особом пути социально-экономического развития России, в основе которого было взаимодействие различных укладов; среди последних капиталистическому укладу принадлежит равное место с другими укладами. Этим самым ставилось под сомнение краеугольное положение марксизма о закономерном развитии и смене общественных формаций.

Было выдвинуто также положение о складывании в России особого типа капитализма, не прошедшего стадии промышленного переворота и не знающего свобод-

[3] Первая часть Записки посвящена производственной работе (*прим. К.Н. Тарновского*).

ной конкуренции, а насаждаемого сверху. Это также приводило к выводу об исключительности исторического пути России.

Одним из основных положений «нового направления» явилось утверждение о консервации в России докапиталистических и раннекапиталистических укладов и господстве феодально-крепостнических отношений в аграрном строе России вплоть до Октябрьской социалистической революции.

Неверные утверждения об уровне и характере развития капитализма в России повлекли за собой ошибочные выводы о расстановке классов и движущих силах в период Октябрьской социалистической революции.

Высказывалось утверждение, что пролетариат России в период от Февраля к Октябрю, «естественно, не был готов к роли вождя новой революции»[4]. Лишь осенью 1917 г. пролетариат подготовился «к роли вождя социалистической революции»[5].

Это утверждение противоречит ленинской концепции социалистической революции. Азбучной истиной является положение о том, что уже в апреле 1917 г. партия провозгласила курс на социалистическую революцию и успешно осуществила этот курс, придя к Октябрьской победе. Как же можно было провозглашать и осуществлять курс на социалистическую революцию, если пролетариат не был готов к роли ее гегемона?

Высказывалось утверждение, что «пролетариат в Октябрьской революции на ее политическом этапе (борьба за взятие власти) шел в блоке, в союзе со всем крестьянством»[6]. Конечно, на определенном этапе все крестьянство поддержало Советскую власть, осуществлявшую ликвидацию помещичьего землевладения. Однако это не противоречит главному обстоятельству: социалистическую революцию пролетариат осуществлял в союзе только с беднейшим крестьянством. Иначе и не могло быть. Ведь социалистическая революция направлена против всей и всякой буржуазии, следовательно, и против сельской буржуазии. Как же можно утверждать, что пролетариат брал власть в союзе со всем крестьянством, т. е. включая и сельскую буржуазию?

Ошибочным явился вывод о невозможности социального раскола крестьянства и как следствие этого необходимости союза пролетариата со всем крестьянством на первом этапе социалистической революции.

Ошибочной и вредной является попытка поставить под сомнение основополагающее марксистское положение о революции как следствии конфликта между производительными силами и производственными отношениями[7].

Ошибочно называть буржуазию в числе «основных участников Февральской битвы против царизма»[8]. Февральскую революцию совершили, как неоднократно указывал В.И. Ленин, рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели. То обстоятельство, что буржуазия сумела воспользоваться плодами революции, не дает оснований считать ее (буржуазию) основным участником битвы против самодержавия.

---

[4] Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 55.

[5] Там же. С. 63.

[6] Там же. С. 22.

[7] См.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 261.

[8] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. 6. С. 682.

Все эти положения, подчеркивавшие исключительность пути исторического развития России, неизбежно должны были привести к выводу о невозможности использования опыта русской революции для других стран.

Критике в партийной и научной печати, а также на совещании историков в ЦК КПСС подверглись многие труды сотрудников сектора, опубликованные как в упомянутых сборниках, так и в других изданиях: исследования Ю.И. Кирьянова и С.В. Тютюкина, неправильно освещающие отдельные важные вопросы истории российского пролетариата; работы А.Я. Авреха, содержащие противоречащий марксизму-ленинизму тезис о том, будто массовой социальной опорой российского самодержавия являлось крестьянство; историографические работы К.Н. Тарновского, пропагандировавшие «новое направление» и содержавшие ошибочные положения по вопросам экономического и социального развития России, в частности при освещении предпосылок и задач буржуазно-демократической и социалистической революции, а также расстановки классовых сил в стране накануне Октября.

Несмотря на то, что перед сектором давно поставлена задача исправления допущенных ошибок и коренной перестройки работы с тем, чтобы не допустить идейные срывы в дальнейшем, в этом направлении сделано еще очень мало. Единственным откликом сектора в научной печати на критические выступления была опубликованная в журнале «История СССР» (1973, № 4) коллективная статья «О гегемонии пролетариата в первой русской революции» (авторы: М.С. Волин, Г.М. Деренковский, Д.А. Колесниченко, С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев. — *В. П.*).

Ни в научной продукции сектора, ни на его заседаниях не были подвергнуты критическому анализу упоминавшееся выше «новое направление» и ошибки, допущенные сотрудниками сектора по вопросам социально-экономического развития России и истории Великой Октябрьской социалистической революции. Более того, недавно рекомендованная сектором в печать монография М.С. Симоновой, как показало проведенное дирекцией ее рецензирование, в трактовке изученного материала исходит из глубоко ошибочного априорного положения о господстве в аграрном строе России докапиталистических отношений, составляющего одну из основ «нового направления».

Роль парторганизации сектора

Партийная организация сектора не проявила должной требовательности, настойчивости и последовательности в оценке ошибок, допущенных в работах сотрудников, коммунистов, и не приняла решительных мер к их исправлению. Хотя на партийных собраниях сектора, заседаниях партбюро в 1972–1974 гг. ставились вопросы об идейно-теоретических ошибках в трудах, которые были подвергнуты критике в партийной печати и научной периодике, выносились решения о мерах по их исправлению, но, во-первых, подобные обсуждения проводились с большими запозданиями, затягивались, на что указывали некоторые коммунисты (напр., Г.М. Деренковский и др.); во-вторых, делались и делаются попытки преуменьшить значение ошибок, особенно теоретических, представить их малозначительными (это якобы только неточности в формулировках, стиле и т. д.); в-третьих, некоторые товарищи стремились поставить под сомнение «объективность» рецензентов; в-четвертых, попросту не хотели серьезно и ответственно признать ошибки, которые получили большой резонанс внутри страны и за рубежом, внесли путаницу в идеологическую работу, в преподавание истории в вузах и школах.

Все это свидетельствует о том, что в парторганизации сектора отсутствует атмосфера высокой научной, партийной требовательности, идеологической дисциплины, взыскательной товарищеской критики и самокритики. Недаром после всех решений (правильных в своей основе), которые были приняты в течение последних лет, сектор по-прежнему подвергается в печати критике за серьезные ошибки по весьма важным теоретическим, концепционным вопросам.

Партийная организация не приняла необходимых мер к тому, чтобы прививать чувство высокой ответственности у каждого члена коллектива за идейный уровень работ, не потребовала персональной ответственности за грубые ошибки, допущенные в ряде работ. По существу, осталось невыполненным решение партбюро Института от 5 июля 1973 г., в котором отмечается «притупление чувства партийной ответственности за идейно-теоретический уровень своей научной продукции, отсутствие в секторе должной организации труда».

Одной из причин такой ситуации в секторе была неправильная позиция бывшего директора Института П.В. Волобуева, который не только не исправлял, а в ряде случаев усугублял положение.

Правомерно в этой связи поставить вопрос: что изменилось в секторе после мартовского совещания в Отделе науки при ЦК КПСС и после резких критических выступлений в печати? По сути дела, очень мало. После партийного собрания Института, посвященного обсуждению выводов совещания, в секторе были намечены мероприятия по исправлению ошибок. Однако реально почти ничего не сделано для их выполнения. Достаточно указать на то, что до настоящего времени ни один из авторов, подвергшихся критике советской общественности, не выступил в печати с признанием и осуждением своих ошибок и причин, их породивших. Поэтому у советской общественности создается впечатление, что в секторе не согласны с критическими выступлениями, высказанными в адрес работ сектора, и не хотят признавать ошибки. Показательно, что после выступления в советской печати с критикой ошибок тов. Тютюкина обсуждение в секторе, по сути, свелось не столько к выяснению причин, породивших ошибки, и к их исправлению, а к отысканию неточных формулировок, якобы допущенных в рецензии журнала «Вопросы истории КПСС». Это проявилось как в выступлениях отдельных коммунистов, так и в самом постановлении сектора[9]. Партбюро сектора проявило растерянность и нерешительность; вместо того, чтобы потребовать от каждого члена КПСС ответственности за ошибки, оно пошло по линии увещеваний. В таких условиях росли и развивались недостатки в секторе, переросшие в систему взглядов, чуждых советской исторической науке[10].

---

[9] Как вспоминал П.Н. Зырянов, «заседание [сектора] затянулось допоздна и было перенесено на следующий присутственный день». Зав. сектором В.С. Васюков пытался провести резолюцию, «в которой все замечания рецензентов признавались справедливыми», чтобы «отрапортовать: работа проведена, ошибки признаны». Но Тарновский настоял на добавлении фразы: «Вместе с тем сектор не считает справедливыми некоторые замечания рецензентов». После этого «мы разъехались в летние отпуска, уверенные, что с нами что-то сделают. И действительно, была образована комиссия по рассмотрению деятельности сектора...» (ЗЫРЯНОВ П.Н. Указ. соч. С. 269), заключение которой и печатается здесь.

[10] Этот заключительный аккорд воспроизводит штамп конца 1940-х гг.: «...его [Н.Л. Рубинштейна] пороки коренятся не в отдельных ошибках, а в законченной системе взглядов, в концепции, чуждой марксизму-ленинизму» (Вопросы истории. 1949. № 2. С. 155).

Таковы основные причины, породившие грубые методологические ошибки в ряде работ сектора, работ, которые дали пищу буржуазной пропаганде для новых клеветнических измышлений.

Выводы

1. Создавшаяся в секторе обстановка требует срочных радикальных мер, которые исправили бы существующее положение и предотвратили ошибки в дальнейшем в освещении важнейших проблем отечественной истории эпохи буржуазно-демократических революций и подготовки Великого Октября.

2. Учитывая новые задачи, поставленные на предстоящее пятилетие перед Институтом, и положение, сложившееся в секторе истории СССР периода империализма, просить рассмотреть вопрос о создании вместо существующего сектора нового структурного подразделения, нацелив его на решение научных проблем, связанных прежде всего с подготовкой многотомной «Истории трех российских революций», и укомплектовав в соответствии с этими задачами его штатный состав.

Председатель Комиссии доктор исторических наук В.И. Буганов (подпись)

Члены Комиссии:

доктор исторических наук, зав. отделом историографии и источниковедения Л.Г. Бескровный (подпись)

доктор исторических наук, зам. директора Института В.И. Бовыкин (подпись)

кандидат исторических наук, и.о. зав. сектором империализма В.С. Васюков (подписи нет)

доктор исторических наук, ст. научн. сотр. А.П. Новосельцев (подпись)

член-корреспондент АН СССР, зав. сектором комплексных проблем истории советского общества Ю.А. Поляков (подпись)

кандидат исторических наук, ст. научн. сотр. М.С. Симонова (подписи нет)

доктор исторических наук, зав. сектором истории Великой Октябрьской социалистической революции П.Н. Соболев (подпись)

[Особое мнение М.С. Симоновой]

В качестве члена Комиссии дирекции по проверке работы сектора истории СССР периода империализма Института истории СССР АН СССР я была ознакомлена с заключительной настоящей «Докладной запиской». Я решительно отказываюсь подписать этот документ по следующим мотивам:

1. Не могу не выразить протест против методов работы Комиссии, которые являются нарушением принципа коллегиальности. «Докладная записка» была вручена мне как окончательный документ, уже подписанный всеми, кроме меня и В.С. Васюкова, членами Комиссии. Между тем в составлении его я не участвовала, к обсуждению на какой-либо стадии не привлекалась и таким образом была лишена возможности внести какие-либо предложения и поправки. В полном составе с моим участием Комиссия не собиралась. Со мной как с секретарем партбюро сектора была проведена всего лишь одна предварительная беседа Л.Г. Бескровным на предмет получения документации парторганизации.

2. В «Докладной записке» содержатся самые серьезные обвинения в адрес ряда ведущих сотрудников сектора. Между тем за редким исключением именно с этими товарищами члены Комиссии не беседовали.

3. В записке дана искаженная картина научно-организационной работы сектора и научной работы его сотрудников. Дело изображено так, что никакой другой

работы, кроме написания монографий, в секторе не велось; создается впечатление, что перенос сроков завершения монографий лежит целиком на ответственности исполнителей работ. Благодаря этому «Докладная записка» приобрела сугубо обличительный характер по отношению к ряду товарищей и неоправданно опорочила их работу. В то же время в рассматриваемые годы сотрудники сектора участвовали в осуществлении ряда крупных коллективных работ (в том числе многотомных «Истории КПСС», истории СССР, учебников для вузов, важных юбилейных работ, в крупных документальных публикациях по истории революции 1905–1907 гг., рабочего и крестьянского движения и т. д.), получивших высокую оценку и общее признание как в нашей стране, так и за рубежом.

4. Безосновательно расширен круг ошибок идейно-теоретического характера, ответственность за которые возлагается на сектор. В частности в докладной записке много места уделено критике по адресу П.В. Волобуева, который с 1964 г. не являлся сотрудником сектора. Сотрудникам сектора приписывается отрицание наличия в России промышленного переворота, в то время как по этим вопросам сотрудники сектора занимают противоположную позицию, а им приписываются высказывания В.В. Адамова.

На с. 20–21 безосновательно и огульно по отношению ко всему сектору говорится о перерастании недостатков, имеющихся в работе сектора, «в систему взглядов, чуждых советской исторической науке». Очевидно, необходимо говорить о таких взглядах, если они действительно имеются, сугубо конкретно, аргументированно, со ссылками на работы, с доказательством того, как и у кого персонально они сложились в подобную систему. Между тем, такого подхода в записке нет (может быть, за исключением П.В. Волобуева). В записке нет ни малейшего разграничения ошибок и нерешенных, спорных в науке вопросов. Мне неизвестно также, какие именно труды сектора были использованы во вражеских целях буржуазной пропагандой (с. 21).

5. Отношение к критике сформулировано на с. 19 так, что создается впечатление, будто бы речь идет об идейных ошибках во вновь выходящих работах, а не изданных несколько лет тому назад. Неверно, что сектором «реально почти ничего не сделано» для исправления ошибок. Статья в журнале «История СССР», исправившая ошибку об утрате гегемонии пролетариата в 1906 г., не является единственной (с. 17). Необходимо указать на подготовленные к печати сотрудниками сектора работы: прежде всего на монографию «Проблемы гегемонии пролетариата на демократическом этапе революции» (1905–1907 гг.), авторы: М.С. Волин, Г.М. Деренковский, С.В. Тютюкин, — издаваемую совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (выход в Политиздате в начале 1975 г.), юбилейную работу о первой русской революции, статью К.Н. Тарновского для журнала «Вопросы истории КПСС» по проблемам социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской революции[11]. Подготовлен и готовится целый ряд других работ.

6. Сектор выглядит в документе как какая-то автономная и неуправляемая единица, никому не подчиненная ни по административной, ни по партийной линии. Естественно после этого, что вся вина за сложившееся в последние годы положение падает на сектор. Что делала за эти годы дирекция и непосредственно отвечавший за положение дел в секторе зам. директора В.И. Бовыкин, остается совершенно неясно и приводит лишь в недоумение. В записке ничего не сказано о невыполнении

[11] О судьбе этой работы Тарновского см. ниже документы из досье «Новое направление».

самой Дирекцией ею же намеченного плана по реализации решений мартовского совещания в Отделе науки ЦК КПСС — в помощь сектору (подготовка обсуждений методологических проблем на заседаниях Ученого совета, публикация статей в исторических журналах силами сотрудников Института и т. д.).

7. Не могу согласиться и с предлагаемым методом выхода из сложившегося серьезного положения в секторе — расформированием сектора и увольнением ряда сотрудников. Эта карательная мера за допущенные сотрудниками сектора в прошлом ошибки никак не вяжется с вопросом о структуре Института истории СССР, выработанной его первым директором академиком Б.А. Рыбаковым, в которой сектору империализма поставлена важнейшая задача изучения исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Нелогичен вывод Комиссии и с фактической стороны дела, поскольку сама Комиссия признает, что у сектора «есть возможности и силы для преодоления тех серьезных трудностей и ошибок, которые характеризуют ее (так в тексте. — *В. П.*) работу в последние годы» (с. 20).

В целом, сама «Докладная записка» и методы работы комиссии создают впечатление о беспрецедентном в истории Института за последние 20 лет документе, о методах критики, в свое время осужденных ЦК нашей партии.

Датируется по содержанию.

№ 3. Содержание досье «"Новое направление". Начато 1974 г. Окончено 1976 г.»

[Досье (заголовок дал К.Н. Тарновский) содержит печатные материалы (пп. 1–3, 6, 8) и копии документов:]

«Содержание:

1. П.А. Голуб, В.Я. Лаверычев, П.Н. Соболев. О книге «Российский пролетариат...» — ВИ КПСС, 1972/9.

2. Ф. Быстрых, В. Кривоногов. За строгую научность и историческую правду. — Ур. рабочий, 4.III.73.

3. К.Г. Левыкин, А.М. Сиволобов, Г.В. Шарапов. О книге «Вопросы истории капиталистической России...» — ВИ КПСС, 1973/11.

4. Письмо Трапезникову от 26.XI.73.

5. Письмо Трапезникову от 22.III.74.

6. [В.И. Бовыкин] Об изучении социально-экономических и политических предпосылок Великого Октября. — ВИ КПСС, 1974/6.

7. Письмо Нарочницкому, июль 1974.

8. И.В. Кузнецов. Об укладах и многоукладности... ВИ, 1974/7.

9. Письмо Рыбакову, авг. 1974.

10. В.И. Бовыкин. Отзыв на статью для ВИ КПСС, 22.I.76.

11. Письмо Трапезникову от 9.II.76.

12. Заключение комиссии по статье для ВИ КПСС, 23.III.76.

13. Заявление Нарочницкому и Преображенскому, 22.III.76».

[Опубликованные в печати материалы излишне здесь воспроизводить. Смысл их вполне ясен из остальных включенных в досье материалов.

Итак,]

№ 4[12]. К.Н. Тарновский — С.П. Трапезникову, 26 ноября 1973 г.

Заведующему Отделом науки, высших и средних специальных учебных заведений Центрального комитета КПСС, профессору, доктору исторических наук С.П. Трапезникову

Глубокоуважаемый Сергей Павлович!

В опубликованной в № 11 журнала «Вопросы истории КПСС» за текущий год рецензии К.Г. Левыкина, А.М. Сиволобова и Г.В. Шарапова на книгу «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» содержится ряд критических замечаний и по поводу помещенной в сборнике моей статьи «Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе советской исторической науки». Над некоторыми из этих замечаний стоит подумать. По другим можно спорить в порядке научной дискуссии. Однако в указанной рецензии есть положения, выходящие за рамки научной критики, с которыми я согласиться не могу, тем более что они содержат обвинения политического и методологического характера.

1. «Попытки представить русский империализм в виде особого типа, особой модели социально-экономического развития, — сказано в рецензии, — не могут не настораживать хотя бы и потому, что в настоящее время буржуазные идеологи, говоря об Октябрьской революции, усиленно подчеркивают, что она могла произойти именно в силу особенностей развития России, а поэтому ее исторический опыт не имеет международного значения» (с. 115).

В статье, однако, говорится не об «особой модели» социально-экономического развития России, а о России начала XX столетия как «своеобразной *модели тогдашнего мира*» (с. 41). Раскрывая содержание данного тезиса, я пишу далее о том, что «в социально-экономической структуре России противоречиво совмещались основные особенности структур как развитых капиталистических стран Запада, так и государств колониального и полуколониального Востока» и что поэтому «ее опыт имеет поистине универсальный характер, пригодный для различных по уровню социально-экономического развития регионов мира» (с. 42–43). Иными словами, в статье утверждается прямо противоположное тому, что пытаются приписать мне авторы рецензии.

Что же касается положения о типе социально-экономического развития капиталистической России, то его разработка как раз и привела к выводу о России начала XX в. как своеобразной модели всего тогдашнего мира. Подчеркну, наконец, что одним из итогов исследовательского изучения вопросов истории российского монополистического капитализма была критика положения об особом («военно-феодальном») типе российского империализма и вывод о том, что «российский монополистический капитализм не имел принципиальных отличий от империализма более развитых экономически государств Западной Европы и Америки» (с. 16). Это положение я провожу во всех своих работах, начиная с кандидатской диссертации, защищенной в 1955 г.

2. Авторы рецензии утверждают, что в рассматриваемой статье я критикую утвердившееся в науке представление «о характере стратегических лозунгов партии

[12] Далее документы пронумерованы применительно к нумерации в досье.

большевиков на разных этапах революции», что «одной вырванной из контекста» цитаты из доклада В.И. Ленина «О работе в деревне» на VIII съезде РКП(б) мне «оказалось достаточно» «для отрицания основного стратегического лозунга партии в период подготовки и проведения Октября» (с. 112). Для обоснования своего утверждения они приводят текст со с. 21 («Как известно, в Октябрьской революции был период, когда боровшийся за власть пролетариат, доводя до конца буржуазно-демократическую революцию, получил поддержку со стороны крестьянства в целом») и приведенную мною на с. 39 ленинскую цитату из доклада «О работе в деревне», в которой говорится, что «в октябре 1917 года мы брали власть *вместе с крестьянством в целом*» (Полн. собр. соч. Т. 38. С. 192).

Однако приведенными рецензентами положениями не исчерпывается содержание моей статьи по указанному вопросу. На с. 22 я напоминаю положения В.И. Ленина о двух этапах аграрной революции и отмечаю, что в соответствии с ними «полнее и глубже» стал восприниматься его тезис «о сложном сочетании в октябре 1917 г. социалистических и демократических задач и устремлений». Далее специально подчеркивается: «Речь шла, разумеется, не о пересмотре вопроса о движущих силах социалистической революции — опыт революционных битв 1917–1918 гг. показал, что, как и предвидела большевистская стратегия, ими были пролетариат и беднейшее крестьянство. Но поскольку вопросы буржуазно-демократической революции решались, как писал В.И. Ленин, «походя, мимоходом, как "побочный продукт" нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы» (Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147), постольку пролетариат в его борьбе за власть поддержало *все* крестьянство России в целом. Как писал В.И. Ленин, это был временный блок пролетариата с крестьянством вообще, который не только облегчил завоевание власти, но был необходим как переходная ступень к развертыванию социалистической революции и в деревне, к окончательному укреплению Советской власти в стране» (Полн. собр. соч. Т. 37. С. 315–316).

Таким образом, в статье говорится прямо противоположное тому, что пытаются мне приписать авторы рецензии. Именно: в статье сказано, что движущими силами социалистической революции были пролетариат и беднейшее крестьянство; что этот союз был поддержан российским крестьянством в целом; приводится не одна, якобы вырванная из контекста, ленинская цитата, а три высказывания прямо и девять — в виде отсылок.

Должен подчеркнуть, что именно эти, и только эти основные идеи и положения я проводил и в своих ранее опубликованных работах, например, в статье «Экономическая и политическая программа социалистической революции» (Вопросы истории КПСС, 1967, № 9. С. 29, 38, 42), а также в автореферате докторской диссертации «Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки» (М., 1970. С. 31).

3. Рецензенты пытаются обвинить меня вообще в неправильном обращении «к произведениям классиков марксизма-ленинизма как источнику для изучения методологии исторической науки» (с. 113) и возражают против моего «истолкования» набросков ответа К. Маркса на письмо В.И. Засулич. «К.Н. Тарновский полагает, что в них содержится положение "о насаждении" капитализма в России "сверху" и это-де составляет "одну из принципиальных особенностей складывания системы крупнопромышленного производства в России" (с. 17). Однако в указанных "Набросках" Маркса вообще отсутствует постановка вопроса о такой особенности русского капи-

тализма». И далее, изложив содержание письма, авторы заключают: «Нам кажется, что К.Н. Тарновский своей постановкой вопроса о "принципиальных особенностях крупнопромышленного производства в России", выразившихся якобы в его насаждении "сверху", возвращает нас к давно решенному спору об "искусственности" русского капитализма. Напрасно автор пытается при этом использовать в качестве аргумента материалы К. Маркса, прямо и непосредственно направленные против такого утверждения» (с. 113).

Обратимся, однако, к тексту статьи. После краткой характеристики конкретно-исторических итогов проделанной исследователями работы здесь говорится: «В ходе нее было обращено внимание на положения Маркса, Энгельса и Ленина об "искусственном росте" крупной промышленности в России, о том, что пореформенный период характеризовался не только усиленным развитием капитализма "снизу", как это было в странах раннего капитализма, но и его насаждением "сверху"; и именно в "насаждении" капитализма стали усматривать одну из принципиальных особенностей складывания системы крупнопромышленного производства в России» (с. 17). К приведенному тексту сделаны две сноски: 5) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 19, с. 465, 413, 415; т. 38, с. 313; 6) В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 38. Рецензенты обратились лишь к текстам К. Маркса, да и то просмотрели не все отмеченные в примечании страницы. К текстам же Ф. Энгельса и В.И. Ленина они не обращались вовсе. Между тем в письме Энгельса к Даниельсону от 18 июня 1892 г. сказано: «Не подлежит сомнению, что нынешний внезапный рост современной "*крупной промышленности*" в России был вызван искусственными средствами» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е. Т. 38. С. 313, разрядка — моя. — *К. Т.*). В тексте В.И. Ленина содержится характеристика периода русской истории, «который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 гг. В течение этого периода, — говорит Ленин, — следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был *периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху*» (Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38; подчеркнуто мной. — *К. Т.*).

Приведенные положения Энгельса и Ленина согласуются с формулой Маркса из набросков его письма к В.И. Засулич. В т. 19 на с. 415 упомянут «известный род капитализма, *вскормленный за счет крестьян при посредстве государства*», который «противостоит общине» (подчеркнуто мной. — *К. Т.*).

Допустимо ли характеризовать как народнические — положения, авторами которых являются основоположники марксизма-ленинизма?

4. Авторы рецензии протестуют против «тенденциозной оценки состояния и итогов развития советской исторической науки, содержащейся в статье К.Н. Тарновского», и находят «ошибочной» оценку историографии 30–40-х гг. (см. с. 109–110).

Однако критикуемая рецензентами статья и не ставила перед собою задачу дать такую оценку. Цель статьи ограниченная и сформулирована в следующих словах: «Достаточно обстоятельный анализ советской историографии по различным проблемам экономической истории предоктябрьской России содержится в историографических исследованиях А.Л. Сидорова, В.И. Бовыкина, Л.М. Горюшкина, Л.В. Ольховой, а также в некоторых наших работах. Остановимся поэтому лишь на *некоторых общих закономерностях развития науки, способствовавших переходу к*

разработке интересующей нас проблемы» (с. 14). Соответственно рассматриваются сугубо *конкретные* вопросы темы и *конкретные же* положения, которые в ходе исследовательской работы были взяты под сомнение. Авторы же фактически выступают против такой постоянно ведущейся работы. По-видимому, они склонны видеть ошибки лишь в современной исторической литературе. Как они их отыскивают и критикуют, было только что показано.

Я самым решительным образом протестую против приемов критики, содержащихся в рецензии К.Г. Левыкина, А.М. Сиволобова и Г.В. Шарапова. Я нахожу, что ряд положений этой рецензии носит клеветнический характер. В Институте истории СССР АН СССР сейчас остро поставлен вопрос об ответственности авторов за свои работы. За свои действительные и мнимые ошибки мне вынесено несколько взысканий дирекцией; я выведен из состава Ученого совета Института; моя книга по историографии отозвана из издательства и снята с плана; я давал объяснения по партийной линии. Теперь, в связи с публикацией рецензии К.Г. Левыкина, А.М. Сиволобова и Г.В. Шарапова, мне, очевидно, вновь придется давать объяснения. Я готов к этому. Необходимо, однако, поставить вопрос и об ответственности рецензентов за предвзятые, а также некомпетентные отзывы, вводящие в заблуждение научную общественность.

Я буду глубоко благодарен Отделу науки Центрального Комитета КПСС и лично Вам, Сергей Павлович, за все распоряжения и действия, которые Вы сочтете нужным предпринять, чтобы снять с меня необоснованные обвинения.

К.Н. Тарновский, старший научный сотрудник сектора истории СССР периода империализма Института истории СССР АН СССР.

26 ноября 1973 г.

[*Комментарий (автограф) К.Н. Тарновского:*] 15 марта 1974 г. состоялась беседа, в которой участвовали Андр. Данил. Педосов, Ал. Павл. Косульников и я. Был предложен компромисс (Педосовым): мне — забрать данное письмо из Отдела науки, а журнал напечатает мою статью на тему, связанную с ленинской теорией социалистической революции (объем — 36 стр.). Я согласился.

16/III 74. *К. Т.*

№ 5. К.Н. Тарновский — С.П. Трапезникову, 22 марта 1974 г.

Заведующему Отделом науки, высших и средних специальных учебных заведений Центрального Комитета КПСС, профессору, доктору исторических наук С.П. Трапезникову

Глубокоуважаемый Сергей Павлович!

Позвольте поблагодарить Вас за помощь при решении вопросов, изложенных мною в письме к Вам от 26 ноября 1973 г. В состоявшейся на днях беседе, которую по Вашему поручению провел со мною А.Д. Педосов, мне было, с одной стороны, указано на некоторые положения моей работы, опубликованной в сборнике «Вопросы истории капиталистической России», которые требуют уточнений и исправлений, а с другой — предложено выступить на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» со статьей, где была бы раскрыта тема о закономерности победы Великой

Октябрьской социалистической революции. Присутствовавший при беседе А.П. Косульников высказал ряд полезных советов, которые я постараюсь учесть при подготовке текста.

Реализация данного решения может радикально изменить сложившуюся ситуацию. Желая всячески содействовать этому, я прошу (зачеркнуто: Вашего разрешения на отзыв своего письма. — *В. П.*) Вас вернуть мое письмо от 26 ноября 1973 г.

22 марта 1974 г.

№ 7. К.Н. Тарновский — А.Л. Нарочницкому, 15 июля 1974 г.

Директору Института истории СССР АН СССР академику А.Л. Нарочницкому

Глубокоуважаемый Алексей Леонтьевич!

Не могу не высказать своего отношения к докладу В.И. Бовыкина «Некоторые проблемы изучения социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции», изложение которого опубликовано в № 6 журнала «Вопросы истории КПСС» за текущий год.

В.И. Бовыкин утверждает, что авторы ряда статей, вошедших в сборники, выпущенные Институтом истории СССР АН СССР (или при его участии), «допустили серьезные методологические ошибки при исследовании социально-экономического строя предреволюционной России, предпосылок социалистической революции в стране. По существу, — продолжает В.И. Бовыкин, — они предприняли попытку пересмотреть утвердившиеся в советской исторической науке представления о предпосылках Великого Октября» (с. 154). В изложении доклада В.И. Бовыкина эти «отдельные ученые» поименно не называются. Однако ссылки на мою статью из сборника «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» со всей очевидностью говорят, что докладчик, выдвигая свои тяжелые обвинения, имел в виду прежде всего меня (других ссылок на литературу в обзоре доклада не содержится).

Мне уже не раз приходилось говорить и писать, что в статье, помещенной в сборнике «Вопросы истории капиталистической России», мною были допущены отдельные ошибки и неточности (в частности, на с. 21 текста статьи). В свои работы, выполненные после публикации этой статьи, я внес соответствующие исправления, дополнения и пояснения. В.И. Бовыкин, однако, предъявляет обвинения иного рода, жестко формулируя положение о ревизии достижений советской историографии по ряду вопросов, связанных с проблемой предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Чтобы отвести от себя такие обвинения, вынужден сопоставить все приводимые В.И. Бовыкиным положения с текстом моей статьи, помещенной в сборнике «Вопросы истории капиталистической России».

1. Основу «ошибочных утверждений» В.И. Бовыкин видит «в признании какого-то особого типа капиталистического развития России, при котором капитализм якобы представлял собой не господствовавшую систему производственных отношений, а лишь один из множества укладов, сосуществовавших в российской экономике» (с. 155).

Я не могу принять это утверждение на свой счет. «Основу» моих «утверждений» составляет, во-первых, положение о России как стране *империалистической*;

это подчеркнуто и в заглавии статьи («Проблема взаимодействия социально-экономических укладов *империалистической России* на современном этапе развития советской исторической науки») и положением о том, что «российский монополистический капитализм не имел принципиальных отличий от империализма более развитых экономически государств Западной Европы и Америки» (Вопросы истории капиталистической России, с. 16). Во-вторых, «основу» моих «утверждений» составляет положение о России как *модели мира* начала XX столетия (там же, с. 41). Из приведенных положений следует, прежде всего, что опыт Октября имеет поистине универсальный характер, пригодный как для развитых стран, так и для более или менее отсталых — только так я думаю и только так пишу. Из них следует, далее, что докладчик совершенно произвольно, в отрыве от положений моей статьи, навязывает читателям мою, якобы, трактовку социально-экономического строя России, которая, по его словам, «по сути дела представляет собой попытку поставить под сомнение объективную закономерность последовательной смены общественно-экономических формаций, подменить характеристику данной формации анализом многоукладности» (с. 155). У меня в статье специально подчеркивается, что «социально-экономическая структура России рассматривается *не как сумма общественных укладов*, а как результат их взаимодействия *в условиях сложившегося капиталистического империализма*» (Вопросы истории капиталистической России, с. 42).

В статье, таким образом, говорится прямо противоположное тому, что утверждает докладчик.

2. «Сторонники концепции непрерывной эволюции многоукладности, — продолжает далее В.И. Бовыкин, — исходят из двух неправильных положений: во-первых, что в аграрном строе России докапиталистические отношения будто бы продолжали господствовать до 1917 г.; во-вторых, якобы система крупнокапиталистического промышленного производства в России возникла принципиально отличным от Запада путем, а именно, минуя этап свободной конкуренции, в результате насаждения промышленности помещичьим государством. Возникший таким путем российский капитализм, дескать, не разрушал пережитков феодализма, а консервировал и даже воспроизводил их» (с. 155).

А) В.И. Бовыкин упрощает, а следовательно — фальсифицирует точку зрения некоторых историков-аграрников, приписывая им тезис о господстве *докапиталистических* отношений в аграрном строе страны (другой вариант сформулировал В.Я. Лаверычев, вычитавший где-то положение о господстве феодально-крепостнических пережитков в экономике (!) предреволюционной России — с. 156). Об этом подробнее могут сказать (если пожелают) сами аграрники. Приведу лишь свою итоговую формулировку рассмотрения данного вопроса: «Развитие капитализма в сельском хозяйстве страны еще не устранило необходимости аграрной революции, максимально благоприятные условия для возникновения и развития которой, как неоднократно указывал В.И. Ленин, связаны с *ранними стадиями капиталистических отношений*» (Вопросы истории капиталистической России, с. 21).

Б) Докладчик фальсифицирует далее и мою точку зрения по вопросу о складывании крупнопромышленного производства в России. Оно появилось *не только* в результате насаждения промышленности помещичьим государством. В соответствии с положениями В.И. Ленина (см. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 38) в статье говорится, что «пореформенный период характеризовался не только усиленным развитием

капитализма "снизу", как это было в странах раннего капитализма, но и его насаждением "сверху"» (там же. С. 17). Первую часть приведенного положения докладчик не приводит, хотя я *никогда* не отрывал в своих работах процессы «насаждения» капитализма «сверху» от его усиленного роста «снизу». Говорю об этом с полным основанием, поскольку в свое время В.И. Бовыкин участвовал в выработке соответствующих формулировок *как автор*, совместно с теми исследователями, которых сейчас критикует[13].

В) По вопросу о консервации империализмом пережитков феодализма — еще одна фальсификация. В статье сказано: «Воздействие капиталистического империализма на до- и раннекапиталистические уклады приводит *не только к разрушению, но и к консервации этих последних*» (там же, с. 39; ср. с. 42), иными словами, и в данном случае указывается на сходство российского империализма и империализма других стран.

Так выглядят в трактовке В.И. Бовыкина «неправильные положения», на которых якобы строится некая концепция «непрерывной эволюции многоукладности». И это положение докладчика я не могу принять на свой счет.

3. «Столь серьезный пересмотр отдельными учеными сложившихся в советской исторической науке представлений об уровне и характере развития российского капитализма в начале XX в., — пишет далее В.И. Бовыкин, — породил у них стремление внести "существенные коррективы" в представление о широте социальной базы Октябрьской революции (следует прямая ссылка на с. 22 сборника "Вопросы истории капиталистической России". — *К. Т.*). Отсюда следуют ошибочные утверждения о невозможности социального раскола крестьянства и необходимости вследствие этого союза российского пролетариата со всем крестьянством на начальном этапе социалистической революции, смешение задач буржуазно-демократической и социалистической революции и даже вывод, будто "пролетарская революция в нашей стране была порождена демократической"» (отсылка на с. 44–45 того же сборника. — *К. Т.*).

А) Как видно из всей статьи (см. с. 22), я различаю *социальную базу* Октябрьской революции, с одной стороны, и *движущие силы* социалистической революции — с другой. Первое понятие, на мой взгляд, шире второго: социальную базу социалистической революции образует не только пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, но и широкие полупролетарские массы, *поддерживающие* эту революцию. В тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» сказано: «Ясность программных установок и последовательность в их проведении позволили большевикам высвободить из-под влияния соглашательских партий меньшевиков и эсеров значительную часть шедших за ними людей, привлечь на свою сторону большинство трудящихся, *сформировать политическую армию социалистической революции*. В единый поток соединялись борьба рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянская борьба за землю, национально-освободительная борьба угнетенных народов России» (Тезисы... С. 16).

Что же касается положения о *движущих силах* социалистической революции, то в тексте статьи специально подчеркивается: «Опыт революционных боев 1917–

[13] См.: БОВЫКИН В.И., ГИНДИН И.Ф., ТАРНОВСКИЙ К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России (К вопросу о предпосылках социалистической революции) // История СССР. 1959. № 3. С. 90–92.

1918 гг. (имеется в виду, таким образом, *начальный* этап социалистической революции. — *К. Т.*) показал, что, как и предвидела большевистская стратегия, ими были пролетариат и беднейшее крестьянство». Соответственно в статье не говорится о «*невозможности* раскола крестьянства», как утверждает докладчик, а есть положения о *незавершенности* раскола крестьянства на классы буржуазного общества (см. с. 23). Однако «невозможность» и «незавершенность» — вещи разные.

Б) Ни о каком «смешении» задач буржуазно-демократической и социалистической революции в моем тексте нет и речи. Говорится о решении первых в ходе социалистической революции в качестве «побочного продукта» (с. 22); о соединении борьбы за социализм с борьбой за демократию (с. 45–46), но отнюдь не о смешении.

Все сказанное делает совершенно недвусмысленным положение, из которого В.И. Бовыкин цитирует лишь одну фразу: «Пролетарская революция в нашей стране была порождена демократической, строилась на ней, использовала ее широкий натиск для увеличения собственной силы на направлении главного удара» (с. 44–45).

Речь идет, таким образом, о преемственности и связи революционного процесса, о *перерастании* демократической революции в социалистическую, об *использовании* социалистической революцией демократического натиска, иными словами — о соединении (не слиянии!) борьбы за социализм с борьбой за демократию.

Таким образом, *все* выдвинутые против меня В.И. Бовыкиным конкретные обвинения основаны на приписках, передержках, фальсификации. Его главный вывод о том, что я *ревизую* представления о предпосылках Великого Октября, ничем не обоснован. По меньшей мере безответственным выглядит и его заявление о тенденциозном подборе цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма, а также пренебрежительная оценка результатов «новейших исторических исследований» — оценка, которая не украшает его как одного из руководителей развития исторической науки.

Я отказываюсь понять, чего ради В.И. Бовыкин пошел на столь беспрецедентную фальсификацию моих взглядов. Скажу лишь с полной убежденностью, что, давая согласие на публикацию изложения своего доклада, он преследовал какие угодно, но только не научные цели.

К.Н. Тарновский, старший научный сотрудник сектора истории СССР периода империализма.

[15] июля 1974 г.

№ 9. К.Н. Тарновский — Б.А. Рыбакову, август 1974 г.

Академику-секретарю Отделения исторических наук
АН СССР академику Б.А. Рыбакову

Глубокоуважаемый Борис Александрович!

Представляю Вам свои замечания на опубликованную в № 7 за текущий год журнала «Вопросы истории» статью И.В. Кузнецова «Об укладах и многоукладности капиталистической России» и на изложение доклада В.И. Бовыкина «Некоторые проблемы изучения социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции» (Вопросы истории КПСС. № 6).

Статья И.В. Кузнецова по отношению ко мне носит клеветнический характер. Поскольку автора статьи уже нет в живых, ответственность за ее публикацию полностью падает на журнал, и в особенности на того члена редколлегии, который вел ее или рекомендовал к печати. Я прошу Вас, глубокоуважаемый Борис Александрович, помочь редколлегии журнала найти верный выход из создавшегося положения. Соответствующие меры нужны не только для того, чтобы снять с меня необоснованные обвинения, но и вывести журнал из постыдного положения проводника самой беззастенчивой клеветы, в котором он оказался в результате публикации названной статьи.

Содержание второго документа сообщено мною директору Института истории СССР АН СССР академику А.Л. Нарочницкому письмом от 15 июля с.г. Вам я представляю его как главному редактору 1-й серии многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», поскольку В.И. Бовыкин по меньшей мере ставит под сомнение некоторые положения и выводы, содержащиеся в т. VI этого издания.

Наконец, я вынужден обратить Ваше внимание и на то обстоятельство, что выступления двух журналов с предвзятой критикой моей статьи имеют место в канун специального рассмотрения вопроса о положении дел в Секторе истории СССР периода империализма и аттестации его сотрудников, что не может меня не волновать как работника этого сектора.

К.Н. Тарновский, ст. научный сотрудник Сектора истории СССР периода империализма.

“ ” августа 1974 г.

[Приложение]

Замечания на статью И.В. Кузнецова
«Об укладах и многоукладности капиталистической России»
(Вопросы истории. 1974. № 7)

Я назван И.В. Кузнецовым в числе тех «отдельных историков» — авторов сборника статей «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» (Свердловск, 1972), которые, по его словам, «по существу подменяют определение русских экономических порядков как буржуазного общества рассуждениями о “многоукладности” как особом типе экономического строя, закономерности развития которого нельзя объяснить “чисто формационной схемой”» (с. 21). Я не имею каких-либо полномочий да и не хочу говорить за других критикуемых авторов, и нижеследующие замечания имеют целью выявить только мое отношение к статье и ответить на лишь ко мне относящиеся обвинения.

И.В. Кузнецов следующим образом формулирует задачу своего выступления: «В настоящей статье предпринимается попытка критически рассмотреть так называемую теорию многоукладности в плане характеристики основных этапов развития капитализма в России, а также места и роли различных укладов в этом развитии» (с. 21). А вот его главный вывод: «“Теория многоукладности”, выдвигаемая рядом авторов сборника, расходится с марксистско-ленинским учением о законах общественно-экономических формаций. Попытка исходить из этой “теории” привела указанных авторов к неправильному толкованию кардинальных проблем истории нашей страны в эпоху капитализма в целом и на империалистической его стадии в особенности» (с. 32).

В соответствии с приведенными заявлениями статья должна содержать, с одной стороны, разбор самой так называемой «теории многоукладности», а с другой — критику вытекающих из нее «неправильных толкований» конкретных проблем истории капиталистической России. Однако первой части им же сформулированной задачи автор вовсе не касается — в статье нет разбора «теории», против которой выступает И.В. Кузнецов, что, однако, не помешало ему заключить, что она (теория) «расходится» с марксистско-ленинским учением о законах общественно-экономических формаций!

С автора теперь уже не спросишь. Но я отказываюсь понять, как могла редколлегия журнала допустить публикацию статьи, где совершенно бездоказательно мне навязывается разработка некоей антимарксистской теории? В этой своей части, таким образом, статья И.В. Кузнецова является санкционированной редакцией журнала *клеветой*.

Допустим, однако, что для доказательства своего тяжкого обвинения И.В. Кузнецов предпринимает, так сказать, обходный маневр, то есть рассматривает *вытекающие* из находящейся «за кадром» порочной теории неверные толкования «кардинальных проблем» истории нашей страны в эпоху капитализма, и, раз они имеют место — имеет место и пресловутая «теория». Иными словами, помимо всего прочего, «некоторых авторов» сборника обвиняют еще и в двурушничестве, в тайном протаскивании порочной концепции! Чтобы отвести возможность подобного толкования, придется рассмотреть все выдвинутые против меня И.В. Кузнецовым конкретные обвинения.

1. Напомнив о хронологических рамках периода промышленного переворота в России (40–80-е гг. XIX в.) и о том, что этот термин Ф. Энгельс употреблял и применительно к России, И.В. Кузнецов далее пишет, что «отдельные авторы упомянутого сборника берут под сомнение правильность понимания "промышленного переворота" как выражения объективного процесса развития капитализма (или развития производительных сил) и пытаются заменить его понятием "индустриализация", разумея под этим попытки преодоления экономической отсталости, характерной лишь для стран особого типа развития, к которым они причисляют и Россию» (с. 22).

А) Ни в одной из своих работ я не «беру под сомнение» наличие промышленного переворота в России. Наиболее обстоятельно свои взгляды по данному вопросу я изложил в статье «О социологическом изучении капиталистического способа производства». В ней сказано: «Пореформенное двадцатилетие в социально-экономической истории России *справедливо рассматривается как период завершения промышленного переворота* в самом широком смысле этого слова, то есть как переход от мануфактуры к фабрике в основных индустриальных отраслях народного хозяйства, вызвавший соответствующие социальные (оформление пролетариата в "класс в себе") и идеологические (превращение марксизма в самостоятельное течение русской общественной мысли) сдвиги и изменения» (Вопросы истории. 1964. № 1. С. 127). Из приведенного отрывка видно, во-первых, что я *не* «беру под сомнение» проблему промышленного переворота применительно к России и что, во-вторых, я не расхожусь с автором статьи в определении даты его завершения (80-е гг. XIX в.). Расхожусь же я с И.В. Кузнецовым по двум вопросам рассматриваемой проблемы. Прежде всего, он утверждает, что «промышленный переворот» касается *уровня техники*; я же, как видно из приведенного мною отрывка, включаю в это понятие, в

соответствии с положениями марксистско-ленинской теории, социальные и идеологические сдвиги и изменения. Мне представляется, далее, — и в этом состоит второе расхождение с И.В. Кузнецовым, — что понятием «промышленный переворот» описываются *не все* явления, связанные со складыванием в России системы крупнопромышленного производства. Как сказано было выше, техническая сторона промышленного переворота сводится к перерастанию мануфактуры в фабрику. Однако *все* металлургические заводы Юга России возникли в 80–90-х гг. прошлого столетия сразу в виде крупнофабричного производства, *минуя* мануфактурную стадию. Это — общеизвестный *факт*, а не теоретическое положение, для его описания нужен, следовательно, иной термин — и в статье 1964 г. я предложил его: *капиталистическая индустриализация*. Тогда, 10 лет назад, он не показался редакции журнала предосудительным. Почему он стал плох сейчас? На этот вопрос И.В. Кузнецов и редакция ответа не дают и вместо этого пошли по пути *искажения* моих взглядов на проблему, которые с 1964 г. не претерпели существенных изменений.

Б) Положение о России как стране *особого типа развития* — еще один миф. В свое время в научной литературе выдвигался в качестве гипотезы или исследовательской задачи вопрос о типе российского империализма, обращалось также внимание на необходимость «сочетать выявление общих закономерностей развития с раскрытием особенностей (типа) российского капитализма» (я цитирую резолюцию секции научной сессии по истории первой мировой войны). Из данной формулировки видно, что вопрос о типе российского капитализма понимался как конкретное проявление общих закономерностей развития капиталистического способа производства. В соответствии с этим разработка данного вопроса привела не к выводу об особом типе развития России, а к положению о России как *модели мира* начала XX в. (Указ. сб. С. 41), о том, что опыт Октября имеет поистине универсальный характер, пригодный как для развитых стран, так и для более или менее отсталых (там же). Все это трудно увязывается с выдуманным и приписываемым мне положением о России как стране особого типа развития.

2. «Промышленный переворот, — пишет И.В. Кузнецов, — знаменовал собой утверждение эпохи промышленного капитализма, который характеризуется наличием свободной конкуренции, отсутствием, как правило, монополий, хотя отдельные монополии и могли тогда возникать и исчезать. Общепризнано, что стадию промышленного капитализма Россия переживала с 1861 г. до начала XX столетия, когда уже сложился империализм. *Однако* (? — *К. Т.*) К.Н. Тарновский утверждает, что капитализм в России почти не знал периода свободной конкуренции. Подразделяя государства на страны "раннего" и "позднего" капитализма и причисляя Россию к последним, он пишет, что "главная особенность капиталистической эволюции стран второго типа заключается в том, что они не знали *четко выраженного* капитализма "свободной конкуренции"» (с. 22).

Обращаю прежде всего внимание, что данный текст средактирован так, что из него абсолютно неясно, как *сам И.В. Кузнецов* датирует начало стадии промышленного капитализма в России — с 1861 г., что «общепризнано», или с 80-х гг. XIX в. («промышленный переворот знаменовал собой утверждение эпохи промышленного капитализма»).

Обращаю, далее, внимание и на то, что приводимая затем И.В. Кузнецовым цитата из моей статьи вовсе не говорит о том, каковы в моем представлении хроноло-

гические рамки периода промышленного капитализма в России. Я утверждаю лишь, что Россия не знала *четко выраженного капитализма* «свободной конкуренции». Раскрывая содержание данной формулировки, я тут же пишу, что страны позднего капитализма вступили в капиталистическую стадию «при наличии весьма значительных остатков феодализма, тормозивших социально-экономическое развитие; создание системы крупнопромышленного производства происходило с существенными нарушениями "классической" последовательности... и более быстрым темпом: последнее обстоятельство объясняется активным вмешательством государства в сферу экономики, с одной стороны, и массовым притоком иностранных капиталов — с другой; наконец, одним из результатов такого пути складывания системы крупнокапиталистического производства было возникновение весьма значительного государственно-капиталистического сектора в экономике страны, явления, почти совершенно не известного странам первого типа» (Указ. сб. С. 27).

Если И.В. Кузнецов не согласен с положением, что Россия не знала четко выраженного капитализма «свободной конкуренции», он должен был бы разобрать мою аргументацию в пользу этого положения, а не подменять — неумело и неквалифицированно — один вопрос другим.

Отмечу, наконец, что «критикуемое» И.В. Кузнецовым место — строгое изложение положений все той же опубликованной в 1964 г. журналом статьи «О социологическом изучении капиталистического способа производства». Опять-таки: 10 лет назад столь громко аттестуемые теперь мои утверждения не казались «отступническими». Почему они стали таковыми теперь?

3. 3-й абзац текста с. 23 статьи И.В. Кузнецова настолько «перенасыщен» несуразностями, что его придется разобрать строка за строкой, хотя это и затрудняет чтение. И.В. Кузнецов пишет (в скобках — мои замечания): «Попытка исключить из истории русского капитализма стадию свободной конкуренции (выше И.В. Кузнецов приписал мне положение, что капитализм в России *почти не знал* периода свободной конкуренции и теперь "обобщает" дальше) вносит путаницу и в понимание вопроса о его перерастании в империализм. Как известно, это перерастание является выражением и результатом стихийной свободной конкуренции и анархии производства во всей капиталистической системе производства (до сих пор было "известно", что монополии возникают вследствие *концентрации производства*, которая "на известной ступени ее развития, сама собою подводит, можно сказать, вплотную к монополии" — В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 311). А между тем К.Н. Тарновский отрывает империализм от его основы. Он пишет, что "империализм — лишь часть капиталистического уклада" (с. 18) (когда указывается, что данное явление является частью другого — можно ли считать это «отрывом» первого от второго? Можно ли, например, из утверждения, что голова, та самая, которая должна думать, есть часть человеческого организма, — сделать вывод: автор данного утверждения "отрывает" голову от человеческого организма?). При этом получается, что будто бы особенность экономики России состоит не в особенностях русского империализма (я все же рискую утверждать, что особенность *экономики России* и особенности *русского империализма* — различные понятия. Латифундии, например, — существеннейшая особенность *экономики* России, но сами по себе они не являются особенностью российского *империализма*: в какой из известных 5 признаков империализма прикажете их поместить?) и не в особенностях процесса породившей его свободной конку-

ренции, а в так называемой "переходности", "многоукладности" (в моей статье нет такого утверждения, это — очередная приписка. По вопросу же о подходе к исследованию проблемы особенностей российского капитализма в статье сказано: "Империализм порождается домонополистическим капитализмом, вырастает из него, является своеобразной надстройкой над старым капитализмом, вбирая, таким образом, особенности этого последнего" — Указ. сб. С. 16–17. Мы сейчас увидим, что почти это же, да еще — в назидание мне! — словами В.И. Ленина — скажет и И.В. Кузнецов), в которой сам империализм является лишь составной частью, укладом (империализм и на самом деле есть *часть* капиталистического уклада, его "высшая стадия", как определил В.И. Ленин. Однако стоит она не сама по себе, а как *системообразующая* часть, как сила, взаимодействующая с другими укладами. Именно этот вопрос и исследуется в моей статье, что подчеркнуто и в ее заглавии — "Проблема *взаимодействия* социально-экономических укладов *империалистической* России на современном этапе развития советской исторической науки" — а также в первой и заключительной фразах работы). Сторонники этой точки зрения забывают указание В.И. Ленина о том, что "нигде в мире монополистический капитал без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать (И.В. Кузнецов начал с того, что я пытаюсь исключить из истории русского капитализма стадию свободной конкуренции, то есть промышленный, или домонополистический капитализм, а в доказательство приводит ленинские слова о соотношении империализма и свободной конкуренции как таковой! Далее и последуют ленинские слова об империализме как своеобразной надстройке над старым капитализмом, которые я якобы упускаю из виду)... Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитал есть надстройка над старым капитализмом (так я и пишу!). Если разрушить ей верхушку, обнажится старый капитализм. Стоять на такой точке зрения, что есть цельный империализм без старого капитализма, — это значит принять желаемое за действительность» (теперь в самый раз просить редакцию журнала сопоставить только что выписанное положение с началом разбираемого пассажа И.В. Кузнецова, где империализм отождествляется даже не с капитализмом, а со всей российской экономикой).

4. Я вынужден квалифицировать как неприкрытую попытку ревизии положения В.И. Ленина текст И.В. Кузнецова на с. 25–26, посвященный критике того места из моей статьи, где сказано, что «пореформенный период характеризовался не только усиленным развитием капитализма "снизу", как это было в странах раннего капитализма, но и его насаждением "сверху"» (Указ. сб. С. 17). Данная фраза — точный пересказ следующего места из ленинской характеристики периода русской истории между 1861 и 1905 гг.: «Именно этот период был периодом *усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху*» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38).

А И.В. Кузнецов и вслед за ним редакция журнала, не разобравшись в вопросе, «обобщают», что «приведенная цитата может дать повод для отождествления народнических теорий "об искусственном насаждении капитализма" со взглядами К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина!»

5. С негодованием отвергая положение И.В. Кузнецова о том, что мною ставятся «под сомнение некоторые важные выводы» ленинской работы «Развитие капитализма в России» (с. 28), я прошу редакцию привести в обоснование этого обвинения хотя бы одно место из моих книг и статей.

6. Приведя из моей статьи положение о том, что империализм не только разрушает, но и консервирует до- и раннекапиталистические уклады, И.В. Кузнецов замечает: «Бесспорно, что крупный капитал, стремясь к достижению высокой нормы прибыли, использует и консервирует отсталые формы хозяйства. Но монополистический капитал в России не проник еще так глубоко в сельское хозяйство, чтобы подчинить себе и помещичье и крестьянское хозяйство» (с. 30).

В моей статье, однако, и не говорится о подчинении монополистическим капиталом и помещичьего и крестьянского хозяйств. В соответствующем месте сказано: «Было установлено, что *проникновение* финансового капитала в сельскохозяйственное производство *началось* именно с *крупных и крупнейших помещичьих хозяйств*, что русские помещичьи банки, не ломая сложившуюся в помещичьих хозяйствах систему эксплуатации, оказались заинтересованными в их поддержке и сохранении» (с. 20). И.В. Кузнецов, таким образом, критикует несуществующее у меня положение. Как назвать подобный прием «критики»?

Продолжаю цитату из статьи И.В. Кузнецова: «Хотя империализм в некоторой степени и мог влиять на консервацию старых отношений, но, как известно, российская буржуазия поддержала столыпинскую реформу, проведя в 1910 г. соответствующий закон через Государственную думу. А столыпинская реформа была направлена на ускорение капиталистической ломки крестьянской деревни» (с. 30). Даже неловко напоминать редколлегии журнала, что столыпинская аграрная политика была своеобразным «последним клапаном» (термин В.И. Ленина): «буржуазная ломка» деревни велась за счет *крестьянского* землевладения с целью *сохранения помещичьего*. «Проводя» через Думу соответствующий закон, заинтересованная в сохранении латифундий финансовая буржуазия вовсе не шла против своих интересов, а наоборот, защищала их.

7. «Неправильный анализ экономического развития России, — пишет И.В. Кузнецов, — привел К.Н. Тарновского к ошибкам в определении расстановки классов и движущих сил в период Великой Октябрьской социалистической революции» (с. 31–32). Вместо разбора соответствующих положений моей статьи следует ссылка на рецензию П.А. Голуба, В.Я. Лаверычева и П.Н. Соболева, опубликованную в журнале «Вопросы истории КПСС», 1972, № 9.

Примененный в данном случае И.В. Кузнецовым «прием» состоит в следующем. В моем *устном* выступлении в Одессе осенью 1967 г., изложенном во вступительной статье к сборнику «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» (а упомянутая рецензия посвящена именно этому изданию) мною действительно были допущены нечеткие формулировки по вопросу о союзниках пролетариата в ходе социалистической революции. Я не только признал эту критику, но и *исправил* свои формулировки в *первой же работе*, которая вышла в свет после публикации сборника «Российский пролетариат...». Этой работой как раз и является критикуемая И.В. Кузнецовым статья из сборника «Вопросы истории капиталистической России». Здесь отмечается, что в литературе последних лет полнее и глубже стали восприниматься положения В.И. Ленина о сложном сочетании в октябре 1917 г. социалистических и демократических задач, и далее сказано: «Речь шла, разумеется, не о пересмотре вопроса о движущих силах социалистической революции — опыт революционных битв 1917–1918 гг. показал, что, как и предвидела большевистская стратегия, ими были пролетариат и беднейшее крестьянство. Но поскольку вопро-

сы буржуазно-демократической революции решались, как писал В.И. Ленин, "походя, мимоходом, как "побочный продукт" нашей главной и настоящей, *пролетарски*-революционной, социалистической работы" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 147), постольку пролетариат в его борьбе за власть поддержало *все* крестьянство России в целом. Как писал В.И. Ленин, это был временный блок пролетариата с крестьянством вообще, который не только облегчил завоевание власти, но был необходим как переходная ступень к развертыванию социалистической революции и в деревне, к окончательному укреплению Советской власти в стране» (с. 22).

Мне очень хотелось бы знать, какие ошибки найдет редакция журнала в *данном тексте*? В связи с этим — вопрос о задачах научной критики. Как известно, она призвана помочь автору уяснить и исправить ранее допущенные ошибки, и если автор в самом деле их исправляет, то задача критического выступления достигнута. Но если автор исправляет ошибку, а ведущие критическую кампанию лица и даже печатные органы не желают знать об этом и с достойным лучшего применения усердием продолжают свою «критическую работу», то здесь с очевидностью выявляется уже иная цель — стремление всячески и любыми средствами *дискредитировать автора*.

* * *

Я рассмотрел все относящиеся ко мне конкретные обвинения, выдвинутые И.В. Кузнецовым и опубликованные редакцией журнала «Вопросы истории», и показал, что большинство из них просто не имеет никакого отношения к разбираемому тексту, а остальные — плод вопиющего невежества, мнительности и предвзятости. Но из этого следует, во-первых, что предпринятый И.В. Кузнецовым «обходный маневр» для доказательства реальности существования какой-то противоречащей марксизму-ленинизму «теории многоукладности», автором (или одним из авторов) которой я являюсь, не привел к нужному ему результату. Из этого следует, во-вторых, что, доверяясь И.В. Кузнецову и тем членам (или члену) редколлегии, которые вели и рекомендовали статью И.В. Кузнецова к печати, редакция журнала не только очернила меня как историка-марксиста, но и себя поставила в невозможное, постыдное положение проводника самой беззастенчивой клеветы.

Редакция журнала должна найти в себе мужество должным образом оценить сложившуюся ситуацию и самым решительным образом изменить ее.

№ 10. В.И. Бовыкин. Отзыв на статью К.Н. Тарновского, 22 января 1976 г.

О статье К.Н. Тарновского «Ленин, проблемы социально-экономического развития предоктябрьской России и современная буржуазная историография»

Судя по заголовку и вводной части статьи, ее задача состоит в том, чтобы показать, что современная буржуазная историография при рассмотрении проблемы социально-экономического развития предоктябрьской России не стоит на ленинских позициях. Однако на протяжении всей своей статьи автор ограничивается всего лишь несколькими самыми общими критическими замечаниями, обращенными к

тому же преимущественно в адрес анонимных «буржуазных социологов». Статья представляет собой фактически не критический разбор распространенных современных буржуазных концепций, а весьма искусственно связанное с задачей их критики позитивное изложение авторских позиций по некоторым, произвольно избранным проблемам капиталистического развития России и истории Октябрьской революции. Причем это изложение дается в инструктивном тоне: автор разъясняет читателю, как ему следует понимать затрагиваемые в статье вопросы.

По ряду из этих вопросов — о роли крестьянства в Октябрьской революции, об особенностях развития крупнокапиталистического производства в России, о прусском пути развития крестьянских хозяйств — автор повторяет свою прежнюю трактовку, подвергавшуюся критике в печати, совершенно игнорируя эту критику. По некоторым другим вопросам он занял новую позицию, но тоже ни словом не обмолвился о том, что его прежние взгляды вызвали критические замечания.

Опровергая в данной статье «буржуазных социологов», проповедующих «доктрину отсталости» России и допускающих «сближение предоктябрьской России с так называемыми развивающимися странами современного третьего мира, а в исторической ретроспективе — со странами полуколониального типа», автор на основе фактического материала, заимствованного из популярного издания «История СССР» (т. VI), справедливо утверждает, что Россия по характеру производительных сил принципиально не отличалась от более развитых капиталистических стран. Но ведь совсем недавно он сам относил Россию к одному типу капиталистического развития с такими странами, как Индия.

Теперь автор данной статьи, кажется, уже не полагает, что капитализм в аграрном строе России не победил как система производственных отношений, что империализм в России представляет собой лишь часть капиталистического уклада. Но раньше-то он придерживался именно такого взгляда.

В статье объясняется, что «буржуазные социологи» свои аргументы в пользу «сближения» России с полуколониальными странами и ее отождествления с государствами третьего мира извлекают посредством «выведения» изучения российской экономики за пределы рассмотрения вопроса о наличии в России капитализма как формации. Но ведь основная претензия, которая предъявлялась автору данной статьи и другим представителям «нового направления» в критических выступлениях в печати, состояла в том, что рассуждениями о взаимодействии различных укладов в российской экономике, результат которого якобы еще требуется уяснить, они подменяли признание господства в России капитализма. Иначе говоря, автор критикует «буржуазных социологов» именно за те взгляды, к которым сам он был довольно близок.

Изменив некоторые свои позиции, подвергавшиеся критике, и признав, в частности, однотипность социально-экономической структуры предреволюционной России с ведущими империалистическими странами, автор затем столько говорит об отличиях ее капиталистического развития, повторяя свои прежние утверждения, что значение упомянутого признания как-то сводится на нет. Это признание обесценивается и неопределенностью используемых автором понятий. Он, например, часто оперирует понятием «ранние» капиталистические страны, указывая на отличия от них России. Но какие это страны, не ясно. Он, далее, характеризуя отличия России от «ранних» капиталистических стран, вводит понятие «зависимости» капиталисти-

ческого развития, затем эту «зависимость» подразделяет на две категории — «зависимость сопряженную и не сопряженную с зависимым типом капиталистического развития». Хотя во всем этом обилии понятий нелегко разобраться, одно очевидно: различие «зависимости» капиталистического развития России от «независимости» капиталистического развития «ранних» стран представляет собой различие более высокого порядка, чем различие между «сопряженной» и «несопряженной» зависимостями. Но с этим не согласуется признание автором однотипности капиталистического развития России и «ранних» капиталистических стран.

Автору данной статьи уже указывалось на слишком произвольное толкование им в его прежних работах произведений основоположников марксизма-ленинизма. Речь шла, в частности, о трактовке вопросов о союзниках пролетариата в Октябрьской революции и об особенностях капиталистического развития России. Как отмечалось выше, в этих вопросах автор остался на прежних позициях. Но случаи некорректного использования им цитируемых текстов есть и в других местах статьи.

22.I.76.

В.И. Бовыкин

11. К.Н. Тарновский — С.П. Трапезникову, 9 февраля 1976 г.

Заведующему отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС,
доктору исторических наук, профессору С.П. Трапезникову

Глубокоуважаемый Сергей Павлович!

Я обращался к Вам более двух лет назад, 26 ноября 1973 г., с просьбой помочь снять с меня необоснованные обвинения, содержавшиеся в рецензии К.Г. Левыкина, А.М. Сиволобова и Г.В. Шарапова (Вопросы истории КПСС, 1973, № 11). В марте 1974 г. со мною по Вашему поручению беседовал А.Д. Педосов, который, сделав некоторые замечания по положениям моей работы, рецензировавшейся К.Г. Левыкиным и его соавторами, предложил вместе с тем выступить на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» со статьей, где была бы раскрыта тема о закономерности победы Великой Октябрьской социалистической революции. Понимая, что реализация данного решения могла бы радикально изменить сложившуюся ситуацию, и желая всячески содействовать этому, я 22 марта 1974 г. обратился к Вам о просьбой вернуть мое письмо от 26 ноября и приступил к выполнению поручения. В июне 1974 г. написанная мною статья «Ленин, проблемы социально-экономического развития предоктябрьской России и современная буржуазная историография» была представлена А.Д. Педосову и А.П. Косульникову. Она была отрецензирована в Институте марксизма-ленинизма (отзыв — положительный), и вскоре А.Д. Педосов вновь встретился со мной для беседы, носившей характер чисто научного, очень интересного обмена мнениями по содержанию представленной работы. На следующий день мне было сообщено, что дальнейшая работа над статьей будет проходить в редакции журнала, но, поскольку я являюсь сотрудником Института истории СССР АН СССР, моя статья направляется в дирекцию Института на отзыв. К этому времени в № 6 журнала «Вопросы истории КПСС» было напечатано изложение доклада В.И. Бовыкина (в то время — заместителя директора Института истории СССР) «Некоторые проблемы изучения социально-

экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции», в котором я вновь, совершенно необоснованно, обвинялся в ревизии достижений советской историографии по ряду вопросов, связанных с проблемой предпосылок Октября. В.И. Бовыкину и была направлена на отзыв моя статья, когда она поступила в Институт истории СССР. Тем временем в июле 1974 г. я был еще раз подвергнут бездоказательной критике И.В. Кузнецовым (Вопросы истории, 1974, № 7). В ноябре того же года сектор истории СССР периода империализма был реорганизован, новый сектор стал возглавлять В.И. Бовыкин, я же был переведен в сектор исторической географии. Обстановка там оказалась благоприятной, предложенная мне работа — весьма интересной, и я всерьез приступил к выполнению данных мне поручений. Кроме того, в 1974 и 1975 гг. вышла в свет положительно оцененная в «Правде» «Иллюстрированная история СССР», где мною был написан весь раздел по истории СССР периода империализма; я трижды выступил на страницах «Комсомольской правды» со статьями о революции 1905–1907 гг. К исходу 1975 г. сектор положительно оценил мою работу за год, утвердил отчет за предыдущее пятилетие и рекомендовал к аттестации на должность старшего научного сотрудника. Несмотря на это, в декабре прошлого года, накануне заседания Ученого совета, конкурс по моей кандидатуре был отложен на неопределенное время. Тогда-то и появился отзыв В.И. Бовыкина на рукопись моей статьи для журнала «Вопросы истории КПСС». В нем вновь повторены выдвинутые им раньше обвинения политического и методологического характера, основанные на самых грубых передержках моего текста, на его прямой фальсификации. Нацеленность этого документа, написанного В.И. Бовыкиным через полтора года после поступления моей статьи к нему на отзыв, совершенно очевидна.

Будучи уверенным, что Вы, Сергей Павлович, в свое время давали санкцию на сделанное мне А.Д. Педосовым предложение написать статью, я представляю ее Вам вместе с разбором отзыва В.И. Бовыкина. У меня могут быть чисто научные разногласия с рецензентом. Но принять обвинения в отступлении от марксизма-ленинизма, в близости моих взглядов построениям буржуазных фальсификаторов — я не могу.

Я хотел бы, чтобы Вы знали о постоянном нагнетании фальсифицированных обвинений по моему адресу. А я ведь уже не молод, за мной фронт, инфаркт миокарда, два микроинфаркта.

Убедительно прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Павлович, положить конец нападкам и инсинуациям, чтобы я имел возможность спокойно работать.

К. Тарновский.

9 февраля 1976 г.

[Приложение]

К.Н. Тарновский. Об отзыве В.И. Бовыкина на статью «Ленин, проблемы социально-экономического развития предоктябрьской России и современная буржуазная историография», написанную мной для журнала «Вопросы истории КПСС»

Более полутора лет В.И. Бовыкин держал в столе мою статью и написал свой отзыв лишь теперь, когда встал вопрос о моей переаттестации на должность старшего научного сотрудника. Нацеленность документа, таким образом, очевидна.

Содержащиеся в отзыве рецензента обвинения подразделяются на голословные и с приведением подобия аргументации. Я могу ответить только на вторые. Полагаю, однако, что разбор части обвинений рецензента даст достаточно оснований для оценки отзыва в целом.

1. Рецензент искажает авторскую постановку вопроса, от себя формулируя то, что я должен, как ему представляется, написать в своей статье, и затем, сопоставив свои пожелания с моим текстом, приходит к выводу, что «статья представляет собой фактически не критический разбор распространенных современных буржуазных концепций, а весьма искусственно связанное с задачей их критики позитивное изложение авторской позиции по некоторым, произвольно избранным проблемам капиталистического развития России и истории Октябрьской революции».

Между тем я специально подчеркиваю, что «советские, а также зарубежные философы и социологи-марксисты с достаточной подробностью рассмотрели методологию и методику исследования» представителей буржуазных идейных течений, что я выступаю в данном случае как специалист по истории предоктябрьской России и, учитывая конечные выводы сторонников охарактеризованных в статье точек зрения, некоторые итоги социально-экономического развития России рассматриваю «в сопоставлении, во-первых, с тогдашними ведущими капиталистическими странами, во-вторых — с их колониальной и полуколониальной периферией, в-третьих — со странами современного третьего мира». Так сформулирована задача автора работы. Ей подчинен отбор фактического материала статьи, ее главные итоги (от западных европейских стран Россия отличалась по уровню и стадии, таким образом, количественно, тогда как от государств третьего мира — по типу капиталистического развития, то есть качественно; Россия принадлежала к системе капиталистических стран, противостоящих колониальной и полуколониальной периферии, находившейся еще на докапиталистической стадии развития) и критика приемов фальсификации истории предоктябрьской России зарубежными «социологами» (выделение какой-либо одной сферы экономической структуры страны с последующей абсолютизацией полученных итогов).

2. Не нравится рецензенту и тон статьи — он называет его «инструктивным» и упрекает меня, что я «ни словом не обмолвился» о том, что мои взгляды критиковались в печати. Но характер изложения согласован с редактором журнала «Вопросы истории КПСС». От меня требовалось именно позитивное изложение моих представлений по теме.

3. Рецензент утверждает, что фактический материал статьи заимствован «из популярного издания "История СССР" (т. 6)». Низведение многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» до уровня популярного издания следует квалифицировать как безответственное очернительство. Что же касается документальной базы работы, то достаточно познакомиться со сносками — необоснованность обвинений рецензента станет очевидной.

4. Поддержав положение статьи: «Россия по характеру производительных сил принципиально не отличалась от более развитых капиталистических стран», рецензент пишет: «Но ведь совсем недавно он сам относил Россию к одному типу капиталистического развития с такими странами, как Индия». Положение о принципиальном сходстве характера производительных сил России и более развитых капиталистических стран я провожу во всех своих работах, начиная с кандидатской

диссертации (1955 г.), и ни разу его не пересматривал. Противоположное утверждение рецензент строит, имея в виду мою статью «О социологическом изучении капиталистического способа производства», опубликованную более десяти лет назад (Вопросы истории. 1964. № 1), а не «совсем недавно». Однако и в ней, во-первых, есть вывод об отсутствии принципиальных отличий между Россией и западноевропейскими странами (с. 123) и поэтому, во-вторых, говорится не о сходстве России и Индии по *типу* развития, а о государствах со «*сходными чертами* капиталистической эволюции» (с. 132). Недаром к этим последним, наряду с указанными странами, отнесена и Япония (см. там же), которая никогда не была страной третьего мира. Налицо передержка: сходные черты эволюции могут иметь и государства, представляющие различные типы развития.

5. Неточно переданы и мои взгляды по аграрному вопросу. Я никогда не ставил вопрос так: победил или не победил капитализм в аграрном строе России. Меня интересовали признаки *стадии развития капитализма* в сельском хозяйстве, на которой возможна аграрно-крестьянская революция под лозунгом национализации земли (см.: Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 205–209; Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 290–291, 309–311; Вопросы истории капиталистической России. Свердл., 1972. С. 21).

6. Я и сейчас считаю, что империализм — часть капиталистического уклада. Ленин писал: «*Империализм есть надстройка над капитализмом*», «стоять на такой точке зрения, что есть цельный империализм без старого капитализма, — это значит принять желаемое за действительность» (Полн. собр. соч. Т. 38. С. 154, 155). Ленин возражал против исключения из партийной программы характеристики капитализма как общественно-экономического строя и в этой связи писал: «Империализм... не перестраивает *и не может перестроить* капитализма снизу доверху» (Полн. собр. соч. Т. 32. С. 145). Конечно, империализм — такая часть капитализма, которая решительно влияет на весь социально-экономический строй страны. Капитализм также является частью экономики России, ее укладом, но укладом системообразующим, формационным, определяющим всю социальную эволюцию страны. О капитализме в России, таким образом, можно говорить и как об укладе и как о формации, он одновременно был и тем и другим.

7. «Основная претензия, — пишет рецензент, — которая предъявлялась автору данной статьи и другим представителям “нового направления” в критических выступлениях в печати, состояла в том, что рассуждениями о взаимодействии различных укладов в российской экономике, *результат которого якобы еще требуется уяснить*, они подменяли признание господства в России капитализма». Следует «квалификация»: «автор критикует “буржуазных социологов” именно за те взгляды, к которым сам он был довольно близок».

Рецензент вновь самым бессовестным образом передергивает постановку и основные положения и выводы моей статьи, посвященной проблеме взаимодействия укладов империалистической России. У меня сказано: «Социально-экономическая структура России рассматривается не как сумма общественных укладов, а как результат их взаимодействия *в условиях сложившегося капиталистического империализма*» (Вопросы истории капиталистической России. С. 42). Совершенно ясно, что за исходный момент исследования принимается положение, что *уже сложился* не только капитализм, но и империализм, высшая стадия капитализма, и дальнейшая

задача состоит в том, чтобы рассмотреть, как последний влияет на другие уклады российской экономики.

8. Напрасно рецензент приписывает мне постановку проблемы зависимого типа капиталистического развития (искажая текст, он говорит о понятии «зависимости» капиталистического развития).

Анализу зависимого типа развития посвящена монография «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» (М., 1974), выполненная в Институте мировой экономики АН СССР и отрецензированная в журнале «Коммунист» (1975, № 3). Я использовал результаты этого исследования для соотнесения экономического положения предоктябрьской России с развитыми странами начала XX в., их тогдашней колониальной и полуколониальной периферией и современными государствами третьего мира. Результаты сопоставления рецензент в свойственной ему манере запутывает, искажает, оглупляет. У меня сказано: «В эпоху империализма финансово-экономические и политические связи, возникающие на базе вывоза капитала, охватывают как старые, так и молодые страны, как полностью самостоятельные, так и зависимые. Отсюда — чрезвычайное разнообразие зависимых состояний, трудно поддающихся классификации и квалификации. Тем не менее два основных типа выделяются с полной отчетливостью — зависимость, сопряженная и не сопряженная с зависимым типом капиталистического развития. Первый тип зависимости представлен колониальной и полуколониальной периферией империализма начала XX в. и рядом стран современного третьего мира. Зависимость дореволюционной России — конкретная разновидность второго типа развития».

9. Свой отзыв рецензент заканчивает указанием на «случаи некорректного использования» мною текстов основоположников марксизма-ленинизма. Ни одного конкретного примера подобной «некорректности» он не приводит.

В целом отзыв В.И. Бовыкина построен на фальсификации и передержках положений моей статьи и ничего общего не имеет с научной критикой.

№ 12. Заключение комиссии по статье К.Н. Тарновского, 23 марта 1976 г.

Заключение Комиссии о статье К.Н. Тарновского
«В.И. Ленин, проблемы социально-экономического развития
предоктябрьской России и современная буржуазная историография»

Комиссия, ознакомившись со статьей К.Н. Тарновского, его письмом в ЦК КПСС и объяснительной запиской к письму, отмечает:

1. Рецензируемая статья К.Н. Тарновского для автора, видимо, является определенной вехой на пути пересмотра и корректировки ряда ошибочных положений и оценок, содержавшихся в его прежних работах и подвергавшихся серьезной критике. Так, например, в статье подчеркивается роль беднейшего крестьянства как союзника пролетариата в Великой Октябрьской социалистической революции, несколько точнее оценивается система «многоукладности» и соотношение укладов и капиталистической формации (с. 28, 31, 32), дается более верная оценка отсутствию принципиальных качественных различий между Россией и более развитыми капиталистическими странами (с. 13), намечено более четкое разграничение коренных

отличий социально-экономического строя дореволюционной России и современных стран третьего мира.

2. Обращает на себя внимание тот факт, что автор уклонился от прямого признания ошибочности или неточности формулировок и оценок, имевшихся ранее в его трудах. Это касается и проблемы «многоукладности», и вопроса расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции, и характеристики аграрного строя. Поэтому для широкого читателя может быть неясным, как реагировал автор на критику в его адрес.

3. Сам замысел статьи далеко не бесспорен, ибо не дает возможности поставить и аргументированно обосновать те проблемы истории России периода империализма, которые в последнее время привлекают внимание научной общественности. Статья не дает, в частности, более или менее цельного представления о взглядах В.И. Ленина на сущность социально-экономического строя дореволюционной России. Довольно слабо представлена в статье и критика современной буржуазной историографии. Само название статьи явно неудачно.

4. По статье можно сделать ряд конкретных замечаний, связанных с оценкой места России в системе мирового империализма, характеристикой особенностей российского капитализма, трактовкой «многоукладности», оценкой расстановки классовых сил (определение роли кулачества в период Октября) и т. д.

5. Вопрос о публикации статьи К.Н. Тарновского должна решать, естественно, редколлегия журнала «Вопросы истории КПСС», которой и следует определить свои требования к автору статьи и оценить соответствие статьи профилю журнала. Комиссия, со своей стороны, может лишь пожелать автору внимательнее прислушаться к критическим замечаниям по статье.

6. Что касается письма К.Н. Тарновского, направленного на имя заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова, то нельзя не признать, что полуторагодовая затяжка с рецензированием является ненормальной. Однако комиссия не усматривает связи между отрицательной рецензией д.и.н. В.И. Бовыкина на статью и переаттестацией к.и.н. К.Н. Тарновского. Вопрос об аттестации должен решаться в соответствии с существующим в АН СССР порядком.

7. Комиссия считает, что рецензия В.И. Бовыкина не дает оснований для резкого тона объяснительной записки К.Н. Тарновского, приложенной к письму.

23 марта 1976 г.

В.Я. Лаверычев, В.И. Неупокоев, С.В. Тютюкин.

№ 13. Заявление К.Н. Тарновского А.Л. Нарочницкому и А.А. Преображенскому, 22 марта 1976 г.

Директору Института истории СССР АН СССР
академику А.Л. Нарочницкому
Секретарю партийного бюро А.А. Преображенскому

В связи с созданием комиссии по разбору моего письма к заведующему Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникову и в интересах более объективного разбора содержащихся в письме положений я прошу Вас:

1) вывести из состава комиссии В.Я. Лаверычева. Не говоря уже о том, что из трех членов комиссии двое — С.В. Тютюкин и В.Я. Лаверычев — являются сотрудниками сектора истории буржуазно-демократических революций, действия теперешнего руководителя которого, В.И. Бовыкина, разбираются в моем письме, — В.Я. Лаверычев в написанной им совместно с П.А. Голубом и П.Н. Соболевым рецензии на книгу «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» приписал мне положение, автором которого я не являюсь, но которое мне до сих пор ставится в вину. «К.Н. Тарновский, — сказано в рецензии, — идет дальше в своих выводах, заявляя: "В начале XX в. идет процесс одновременного расширения базы буржуазно-демократического и социалистического движения, причем общедемократические задачи могут быть решены только в рамках революции социалистической. *Поэтому правильнее говорить не о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, а о непрерывной (?!) революции; о союзе рабочего класса в Октябрьской революции не только с крестьянской беднотой, но и со всем крестьянством*". Как видим, — продолжают авторы рецензии, — попытка пересмотреть вопрос о движущих силах социалистической революции объективно ведет к возрождению некоторых взглядов, давно отвергнутых советской исторической наукой» (Вопросы истории КПСС. 1972. № 9. С. 129; выделено и знаки в скобках — авторов)[14].

Ни в одной моей работе приведенного положения не содержится. Не мог я говорить об этом и устно на сессии в Свердловске — в то время я лежал в больнице с инфарктом. Авторы рецензии взяли приведенное положение из обзора работы свердловской сессии, написанного Л.М. Горюшкиным (Новосибирск)[15], с текстом которого до его публикации меня не знакомили. Обо всем этом я заявлял партийной организации Института, экспертной комиссии ВАК, А.Д. Педосову и А.П. Косульникову. Опровергнуть мои заявления нигде не могли, но и авторам рецензии никто не указал на несовместимость их поступка с нормами научной и партийной критики. А теперь одного из них ставят во главе комиссии по разбору письма коммуниста, им же несправедливо обвиненного в печати;

2) расширить состав комиссии за счет представителей партийного бюро Института и сектора исторической географии, в котором я работаю более года.

Член КПСС К.Н. Тарновский

22 марта 1976 г.

[№ 14]. Запись К.Н. Тарновского на обложке «Дела» «Новое направление», декабрь 1985 г.

P.S. После моего письма от 22 марта 76 г. Сралик («Сралик» — в институтском обиходе — производное от «Сэр Алекс», прозвища Нарочницкого. — *В. П.*) пове-

[14] Острота этого обвинения — главным образом в упоминании «непрерывной революции», означающем прозрачный намек на троцкизм. — *В. П.*

[15] ГОРЮШКИН Л.М. Научная конференция «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (Проблема многоукладности)» // Изв. Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1970. № 1. Вып. 1. С. 148, 151. — *В. П.*

лел: старому составу комиссии заключение представить (см. с. 74–75), но комиссию расширить. Председателем ее стал Л.Г. Бескровный. Он получил предписание от *Куликова* (инструктор в отделе Трапезникова. — *В. П.*) разобрать *все* мои работы, о чем Сралик и сообщил мне грозным письмом (текст его не сохранился). Бескровный действительно прочитал если не все, то главные мои работы и постановил считать моим ответом на критику статью в № 12 «Знания — силы» о 70-летии 1-й русской революции. Проект заключения по «делу» он согласовал с Куликовым, который повелел вычеркнуть из него замечания в адрес Бовыкина. Все это старик [Бескровный] рассказал мне незадолго перед кончиной. Тем временем Гусев из ВАКа: с Д[окторской] Д[иссертацией] не получится, лучше забрать ее подобру-поздорову. О том же сказала мне и Коршунова, ведавшая тогда отделом науки МК.

Е.И. Индова попыталась завести разговор обо мне с Трапезниковым в санатории «Сосны». Трапезников выслушал и задал только один вопрос — скоро ли он, Т-ский, уедет в Израиль?

После этого я понял, что доказать, что ты не верблюд, практически невозможно.

Когда я забрал диссертацию из ВАКа, меня поставили на конкурс и избрали единогласно на должность ст. н. с. Первым поздравил Л.В. Черепнин.

Дек. 1985. *К. Т.*

И.В. Созин показывал мне *вскоре* после опубликования статьи Кузнецова рукопись ее с правкой *Куликова*. Большие вставки.

В закрытых документах организаторы разгрома «нового направления» выражались более определенно, чем в опубликованных материалах. Привожу начало *«Отзыва о доработанном варианте докт. диссертации К.Н. Тарновского "Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки"»*.

«Экспертная комиссия ВАК и рецензенты, проанализировав докт. диссертацию К.Н. Т-го (первый вариант), пришли к выводу, что она содержит крупные ошибки концепционного и методологического характера.

В диссертации, в частности:

— провозглашается и обосновывается появление так называемого "нового направления в исторической науке за пределами господствующей концепции" (с. 608), иными словами, за пределами марксистско-ленинской концепции;

— делается попытка "нового прочтения" и интерпретации ленинского идейного наследия по вопросам социально-экономического и политического развития России конца XIX — начала XX в.

— доказывается в противовес "традиционным взглядам" особый тип аграрно-капиталистической эволюции и особый тип капитализма в России»;

и т.д.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ и КАЗЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО

Военная промышленность России в начале XX века

Место военно-промышленного производства в жизни общества таково, что, обращаясь к данной проблематике, нелегко ограничить круг освещаемых вопросов. Границы понятия определяют по-разному. В политическом смысле военную промышленность рассматривают как «составную часть международной системы угрозы и военных конфликтов, тогда как прочие отрасли промышленности обслуживают международный обмен»; продукция ее либо используется для разрушительных действий, либо хранится в запасе до истечения срока годности для военных целей. Приводя это определение, П. Гэтрел поясняет его с точки зрения экономической: производство вооружения отличается от других отраслей промышленности тем, что продукция его не предназначается для использования в последующих фазах обращения капитала и непригодна как средство личного потребления[1]. Речь идет, таким образом, об индустрии, производящей для государства специфические предметы потребления, необходимые исключительно его военному аппарату и выпадающие из процесса обращения капитала.

Близкие по смыслу соображения высказывал Э. Гекшер, шведский экономист и историк. Военная продукция отличается тем, что она уничтожается безвозвратно: «Алхимия, превращающая съеденную армией пищу, сношенную одежду и расстрелянные снаряды в новые предметы того же рода, еще не изобретена, — писал Гекшер в 1916 г. — ...Война не промышленность. Война не "питает" ни себя, ни когонибудь другого». Поэтому в военном производстве кругооборот капитала — «чисто мнимый»[2]. Очевидна неточность такой классификации по сравнению с приведенной выше: здесь наряду со снарядами, то есть собственно средствами разрушения, назва-

---

[1] GATRELL P. Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914. The Last Argument of Tsarism. Cambridge University press, 1994. P. 5–6. См. также: КРАВЧЕНКО Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 17.

[2] Цит. по: СВЯТЛОВСКИЙ Е. Экономика войны. М., 1926. С. 303–304.

ны и продовольствие («съеденная армией пища»), и одежда (униформа) — предметы, пригодные для личного потребления, принципиально не отличающиеся от продукции гражданского назначения[3]. Согласно классификации заказов на оборону, намеченной в Особой финансово-экономической комиссии при выработке в начале 1917 г. плана демобилизации производств, обувь, одежда, а также повозки, автомобили рассматривались как предметы, «могущие быть употребленными и в мирное время»[4].

С той же проблемой классификации производств — в ее морально-политическом разрезе — столкнулись в 1915 г. обитатели Александровской каторжной тюрьмы под Иркутском. Не имея указаний от Интернационала относительно «общесоциалистической точки зрения», коллектив политических попытался установить для себя «границу приемлемости»: за какие из работ в тюремных мастерских можно браться, а от каких социалисты должны отказываться. «Жестокий спор» закончился подразделением заказов на «специфически военные», «предназначенные целям разрушения и смерти», и на «вещи, предназначенные для лазаретов и т. п. учреждений», например, кровати, носилки, «то есть не "наносить раны", а "целить их"». В дальнейшем снова возник спор: некоторые социалисты считали опасным компромиссом «заказы, поступающие от железнодорожного ведомства», так как они «имеют косвенное отношение к войне; пряжки же, котелки и т. п. заказы от военного ведомства имеют прямое отношение к военным действиям»[5]. Такая классификация тоже страдала неясностью. Политкаторжане почему-то считали для себя допустимыми сельскохозяйственные работы на полях, где ими заменяли призванных в действующую армию, но отвергали изготовление котелков или шанцевого инструмента, предназначенного пусть не «исцелять», но поддерживать, а иногда прямо спасать человеческую жизнь.

Более важна другая сторона классификации. Суть ее видна из следующего примера. В 1906 г., стараясь убедить иностранных кредиторов в обеспеченности займов государственными имуществами России, министр финансов В.Н. Коковцов затребовал от Военного министерства перечень имеющихся в этом ведомстве предприятий[6]. В подготовленном для него перечне наряду с артиллерийскими заводами и арсеналами были указаны мукомольни, сухарные заводы, опреснители, водокачки, сенопрессовальни, обмундировальные мастерские, типографии, кирпичные и лесопильные заводы. Но странно было бы зачислять все эти «технические заведения» в состав военной промышленности: сам факт использования их продукции для нужд

---

[3] КРАВЧЕНКО Г.С. Указ. соч. С. 17.

[4] РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 218. Л. 8об.

[5] ФАБРИЧНЫЙ П. Каторга в мировой войне // Каторга и ссылка. 1927. № 30. С. 73–75. Каторжники работали на кирпичных заводах, добывали уголь, в тюремных мастерских по заказам военного ведомства арестанты собирали ручные гранаты, патроны образца 1883 г., изготовляли одноконные и парные двуколки и повозки, шили сапоги, а также торбы и мешки для овса, изготовляли оглобли для саней, веревки (КОЛОСОК С.В. Труд арестантов Иркутской губернии в годы первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2002. Иркутск, 2002. С. 93–95).

[6] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68679. Л. 1, 30–44.

военного ведомства, чему придавали значение политкаторжане, не должен вводить в заблуждение. В противном случае предмет изучения теряет какие-либо очертания: придется поместить в ту же рубрику, помимо специальных предприятий — поставщиков военных ведомств, также и многие другие предприятия (вплоть до кустарных заведений[7]), чуть ли не целиком крупнейшие отрасли промышленности России. При расширении предмета в таком духе в его состав пришлось бы включить и предприятия, выпускающие, скажем, цемент, оборудование для железнодорожного и шоссейного строительства, подвижной состав, а также хлопчатобумажную и кожевенную, пищевкусовую и полиграфическую, нефтяную и нефтеперерабатывающую промышленность — поскольку они участвуют или могут участвовать в снабжении войск и флота.

Отчасти подобное расширение неизбежно в исследованиях о военно-экономическом потенциале. В них, естественно, не могут не учитываться, помимо специальных военных заводов, также производства «базовых» отраслей — топливное, химическое, металлургия и пр. В трудах о военной экономике (А.Л. Сидоров, П. Гэтрел, К.Н. Тарновский) этим вопросам уделяется значительное внимание.

Иной подход намечен в исследованиях Л.Г. Бескровного и особенно К.Ф. Шацилло, где проблемы смежных отраслей (а также существенные для истории военной экономики вопросы внешней политики, стратегии, международных финансовых отношений) рассматриваются в той мере, в какой это оказывается необходимым для понимания процессов, происходивших в производстве собственно военных материалов.

Когда потребовалось составить сводку о состоянии предприятий военного ведомства на 1908 год, предназначенную для статистической разработки, некоторые из непрофильных объектов перечня 1906 г. были исключены. Сводка[8] позволяет до некоторой степени уяснить состав производств, которыми располагало Военное министерство. Как указывал К.Ф. Шацилло, ввиду существенных особенностей учетных экономических показателей, применявшихся на казенных предприятиях, единственным материалом, пригодным для оценки объективных соотношений, являются в этой сводке данные о составе рабочей силы[9]. Сведения расположены по «ведомствам» (главным управлениям Военного министерства), и оказалось, что в шести таких ведомствах было занято 37,3 тыс. рабочих, а именно: в артиллерийском — 30 583, инженерном — 133, Генерального штаба (картографическое заведение) — 98, военно-санитарном (завод военно-врачебных заготовлений) — 784, интендантском — 5162, Главного штаба — 550. Как видно, более 80% рабочих Военного министерства приходилось на «технические заведения» ГАУ. Из этого

[7] По заказам военного и морского ведомств заведения кустарного типа производили шанцевый и хирургический инструмент, медные изделия и цепи для морских судов, сапоги и полушубки, перчатки, кальсоны, рейтузы, фуфайки, рогожи и веревки, серу и канифоль (ТАРНОВСКИЙ К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России. М., 1995. С. 84, 118, 119, 135, 148–150, 155–164, 218, 220–226, 240–248, 262–266).

[8] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72955. Л. 204.

[9] Из сводки, вследствие малоудачного способа ее составления, не видно, в какой мере учтена подневольная рабочая сила прикомандированных к заводам солдат.

следует, что, сосредоточив внимание на деятельности артиллерийского ведомства, можно получить довольно полное представление о состоянии подведомственной Военному министерству промышленности. Да и по результатам того экзамена, который пришлось держать вооруженным силам империи с 1914 г., видно всё значение того, что делалось (и не делалось) именно в сфере ответственности ГАУ: с самого начала войны на ход боевых операций повлияла неспособность ведомства обеспечить армию винтовками и снарядами, затем всё с большей остротой проявлялась нехватка тяжелой артиллерии.

Расчет, подобный приведенному выше, можно сделать в отношении предприятий Морского министерства. Из 22 361 рабочего, занятых во всех предприятиях ведомства, преобладающая часть, 13 144 (59%), была сосредоточена на четырех основных петербургских заводах (Адмиралтейском, Балтийском, Ижорском, Обуховском).

Третье основное звено военно-промышленного хозяйства — группа казенных горных заводов, где в 1908 г. числилось 39 479 рабочих. (См. табл. на с. 202.)

Таково лицо, или ядро, собственно военной промышленности, специальных ее предприятий: это заводы, арсеналы, верфи, изготовлявшие предметы вооружения, такие как артиллерийские орудия, стрелковое оружие, боеприпасы, военные суда. В силу особого положения некоторых уральских казенных металлургических заводов, являвшихся снабжающим придатком артиллерийских производств и судостроения, они также должны быть отнесены к составу этого ядра.

В результате усилий правительства по выращиванию частной промышленности — военной и обслуживающей военное производство — возникла расплывчатая сеть предприятий, в различной степени вовлеченных в выпуск продукции военного назначения. Степень загруженности их такими заказами колебалась; в трудные годы (1900–1908) наиболее специализированные из подобных частных заводов, не получая достаточной работы, оказывались на грани разорения, закрывали свои военные отделы, теряли специализацию; во времена военной тревоги они расширялись, пользуясь казенными кредитами и пособиями, вводили новые производства. Немногие наиболее успешно справлявшиеся с военными заказами заводы (такие как Тульский меднопрокатный и патронный, Путиловский, Петербургский металлический, Франко-Русский, Шлиссельбургский пороховой, Наваль в Николаеве) принадлежали, вместе с казенными заводами, к основному ядру военной промышленности. Некоторые из частных предприятий накануне и за время первой мировой войны были ликвидированы с передачей действующих (Фос в Варшаве, Крейтон, Путиловский завод, рижский завод Томас Фирт и К°, Цейс и Герц) или только еще организуемых производств (Царицынский орудийный, Владимирский пороховой заводы, Мюльграбенская верфь) военному, морскому и горному ведомствам. Путиловский наряду с казенными Ижевским и Тульским заводами принадлежал к числу самых крупных промышленных предприятий империи (свыше 30 тыс. рабочих на каждом)[10].

[10] Считая вместе с 32 тыс. рабочих еще до 15 тыс. окрестных «реквизированных» крестьян, работавших «на принудительных работах в двух лесничествах заводов по рубке дров и заготовке строевого леса», его перевозке, численность работников Ижевского завода достигла

Сосредоточение значительной части специализированных военных предприятий в собственности государства не составляло исключительной особенности самодержавной России. В той или иной степени ту же гарантию устойчивости и управляемости военного снабжения обеспечивали себе правительства всех крупных держав. Специфика российских условий, как отмечает Гэтрел, заключалась в том, что курс власти на сохранение, упрочение и развитие казенных военных промышленных заведений получил здесь идеологически-политический смысл: в них усматривался необходимый противовес социально чуждым частным предприятиям[11].

Чиновники, ведавшие казенной военной промышленностью, приписывали ей благотворную роль (миллиардная экономия в расходах на вооружения, если не заказывать частным российским и зарубежным фирмам; даже прибыльность, пополнение казны). Сугубо конкретными данными оперировал полковник В.М. Родзевич из Петербургского арсенала в 1908 г.: арсенал «не только окупает стоимость своего содержания государству, но и оставляет в государственной кассе чистого сбережения 2 320 800 руб., независимо от того, что им сбиты до минимума цены частных заводов»[12]. Начальник уральского Гороблагодатского горного округа А.С. Левитский доказывал, что этот округ «не только не составлял бремени для государственного казначейства, но и был ему в помощь»[13]. Начальник ГАУ генерал А.А. Маниковский в своей знаменитой докладной записке от 20 октября 1916 г.[14] пустил в обращение яркую цифру: за время с начала мировой войны заводы его ведомства сберегли России миллиард рублей. (Подобные радужные оценки полезности казенной военной промышленности, естественно, импонировали советским авторам, писавшим историю предприятий.) Однако у октябриста А.В. Еропкина, секретаря думской Бюджетной комиссии, в полемике вырвалось иное суждение: «Не надо забывать ни на миг, что весь наш колоссальный государственный бюджет держится только и исключительно на этих "последних" народных копейках», «которые выжимаются из страны путем налогов, акцизов, пошлин и др. принудительных поступлений... что все наши доходы от государственных коммерческих предприятий — миф; все они требуют приплат из других налоговых источников»[15].

Критики порядков в государственном хозяйстве рассматривали его военный сектор как тягчайшее национальное бедствие. Казенные горные заводы — одна из причин «материальной бедности, духовной нищеты, нравственной опустошенности», этих симптомов вырождения русского народа, — утверждал в 1913 г.

к 1917 г. 47 тыс. человек. Прикомандированных солдат на Ижевском заводе в 1916 г. числилось 7844 человека (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 980. Л. 48; ФЕЛЬДМАН М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 88).

[11] GATRELL P. Government, Industry and Rearmament. P. 62–63.

[12] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 153. Л. 8 и об.

[13] ЛЕВИТСКИЙ А. К вопросу об убыточности казенных горных заводов на Урале. Кушва, 1910. Вып. 1. С. 10–11.

[14] ВПР. Т. 1. С. 606.

[15] ЕРОПКИН А. По поводу 200-миллионного займа // Голос Москвы. 6.VI.1908.

Н.Я. Новомбергский[16]. «Наши порты и адмиралтейства», писал публицисту «Нового времени» М.О. Меньшикову не названный им по имени «выдающийся корабельный инженер», — это «страшный паразит, сосущий драгоценные соки родины». Меньшиков в 1905 г. оспаривал распространенное мнение: «Затратьте полмиллиарда [не на флот, а] на выкуп земли у дворян или на народное образование — и каждая из этих реформ в одно десятилетие удвоит силы России». В 1912 г., встревоженный угрозой нежелательной войны с Германией, Меньшиков развил эту тему, теперь уже от своего лица: «Мы ежегодно тратим до миллиарда на армию и флот, и все-таки не имеем пока ни флота, ни готовой к войне армии. Но тот же миллиард, вложенный в какое хотите культурное дело... мог бы сдвинуть нас с мели... Под страхом нашествий тех самых врагов, которые трепещут нашего нашествия, мы обираем, что называется, у нищего суму, выколачиваем подати...»[17].

Кадетский орган в этом не расходился с «Новым временем»: «Много лет... вся государственная жизнь, все государственное хозяйство приспособлялось к созданию военной силы... Эта идея военного стана, политическая психология старого московского государства, психология, не ослабленная, а укрепленная петровской реформой, еще живет среди нас... хотя ужасные уроки показали нам, что и внешнее могущество и величие страны не может выдерживать пренебрежения к интересам внутреннего развития. Германия со всем своим милитаризмом была бы лишь колоссом на глиняных ногах, если бы она не опиралась на необычайное развитие промышленности и торговли, на беспримерно широкое народное образование, на грандиозную научную культуру. Какое непонимание великих исторических уроков, какое легкомыслие — думать, что сила государства измеряется его военным и морским бюджетом»[18].

Предпринимательские организации неустанно добивались сокращения, а лучше — полной ликвидации казенной военной промышленности, стремясь взять оказываемые ею ценные «государственные услуги» на ответственность частной инициативы. Еще в 1861 г. виднейшие экономисты в Вольном экономическом об-

---

[16] См.: ХАРУСЬ О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Томск, 1996. С. 174.

[17] МЕНЬШИКОВ М. Письма к ближним // Новое время. 4.IX.1905; 16.IX.1912. В более полном виде его рассуждения не лишены интереса: «Миллиард, вложенный в мелиорацию земли, в орошение ее... в ремесленное образование, в санитарное оздоровление народа (одна чудовищная детская смертность чего стоит!), — даже один миллиард, честно вложенный, не разворованный по дороге, — мог бы сдвинуть нас с мели... Выколачиваем подати, продавая последний самовар у мужика. Но мало того: мы сознательно обкрадываем самую душу народную, соблазняя мужика водкой, втягивая его в ужасную болезнь — алкоголизм... Пусть несчастные вырождаются и вымирают — нам непременно нужно вогнать в среднюю "душу населения" двенадцать бутылок водки в год, иначе нечем содержать армию и флот даже в теперешнем "неготовом" виде... Это непрерывное кровопускание [в мирное время] не самой крови, а тех сил, которые вырабатывают кровь» (Новое время. 16.II.1912).

[18] КОТЛЯРЕВСКИЙ С.А. Флотский вопрос и внешняя политика // Вестник народной свободы. 1908. № 3. С. 81. «Ведь подъем умственного развития и материального благосостояния народа, — добавлял военный обозреватель "Нового времени", — так же необходим для усиления военной мощи государства», а между тем «средний бюджет русского обывателя в 3–4 раза меньше, чем германца или француза» (Новое время. 20.VII.1908).

ществе, сравнивая казенные и частные предприятия, находили, что «имущество в частных руках во всяком случае приносит более дохода... чем в руках правительства», что распродажа государственных имуществ «всеми» признается резонной, «справедливой»; важно лишь, чтобы от распродажи государство получило выгоду [19]. В дальнейшем эта точка зрения не восторжествовала.

Консервативная мысль, равно как и прогрессивно-«либеральная», наоборот, поддерживала государственническую традицию. О казенных военных предприятиях либеральный экономист Л.В. Ходский писал, что такие заводы государством «устраиваются не с финансовыми целями», а в интересах снабжения вооруженных сил, и видел в этом их бóльшую полезность по сравнению с частными. Сопоставление выгодности тех и других Ходский считал неправомерным: «Государственные услуги большею частью таковы, что к ним совершенно неприменимы способы оценки и исчисления, какие обыкновенно допускают частные хозяйства» [20].

В.С. Соловьев писал об «особом виде» частной собственности, который существовать не должен, — собственности, которая «не способна приобрести личный характер». На проблему он смотрел широко: чтобы общество могло исполнить свой долг перед своими членами, «государство, как носитель исполнительной власти общества, должно будет сосредоточить в своих руках главные средства производства и распределения — заводы, банки, пути сообщения, торговые предприятия и т. д.». Эта перемена «частично уже совершается и должна окончательно завершиться либо посредством обязательного выкупа, либо систематической конкуренцией» [21]. Действительно, к началу XX в., помимо большей части железных дорог, в казенное управление перешли такие заметные предприятия военной промышленности, как Балтийский и Обуховский заводы, а еще раньше — ряд уральских заводов; прекратилось арендование частной компанией казенного адмиралтейства в Петербурге, вскоре преобразованного в Адмиралтейский завод; провалились попытки международных групп финансистов выкупить казенный Ижорский завод (а затем и все морские заводы); были брошены неуклюжие опыты «арендно-коммерческого» управления оружейными заводами.

«Кружение капиталов» в военной частной промышленности представляло собой, таким образом, не только вопрос экономического, бюджетного бремени, но и крупную морально-политическую проблему. С началом мировой войны она стала источником потрясений, подрывая патриотические настроения в рабочей среде. Внимание привлекала публичная распря между правительством и оппозиционными «общественными» организациями — военно-промышленными комитетами, союзами земств и городов — из-за распределения между ними ответственности за срыв

---

[19] См.: ЧЕРНУХА В.Г. Деятельность Политико-экономического комитета Русского географического общества // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Т. 21. С. 80.

[20] ХОДСКИЙ Л.В. Государственное хозяйство. Курс финансовой науки. СПб., 1907. Вып. 1. С. 17–20, 43.

[21] СОЛОВЬЕВ В.С. Социальный вопрос в Европе // СОЛОВЬЕВ В.С. Соч. в 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 445–446; см. также: В[ОРОНЦОВ] В.[П.] Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 65–67; О нефтяной регалии // Новое время. 28.XII.1907.

снабжения фронта и понесенные поражения. Были выставлены напоказ неспособность правительства организовать военные усилия и в то же время бессовестное извлечение чрезвычайных прибылей предпринимателями, пристроившимися к военным заказам и явно экономившими на заработной плате. Правительство само, хуже социал-демократов и эсеров, разжигало страсти, изобличая, при поддержке черносотенных агитаторов, правой печати и думских деятелей, корыстное поведение военно-промышленного предпринимательства и нахваливая военную администрацию за ее заботу о рабочих на ведомственных предприятиях.

Переломным событием в политике по отношению к военно-промышленным монополиям выглядело объявленное в конце февраля 1916 г. изъятие в казенное управление крупнейшего в стране частного предприятия — секвестр Путиловского завода. Это событие вызвало в марте–мае 1916 г. массовый отклик — серию забастовок на военных предприятиях в Петрограде, на Урале, на Украине с требованиями передать эти предприятия, по примеру Путиловского завода, в казну. Правительство увидело, что перейдена опасная черта: на переведенном в казенное управление заводе рабочие будут предъявлять свои требования теперь уже непосредственно правительству; подан заразительный пример. Последовало официальное разъяснение рабочим (мера принята исключительная, больше таких секвестров не будет, бастующих отправят в окопы). И действительно, эта опасность вскоре оказалась роковой. В январе–феврале 1917 г. ряд предприятий военной промышленности охватила единая стачечная конвульсия; на улицы вышли многие десятки тысяч рабочих Путиловского, Ижорского и других столичных заводов, а также заводов-гигантов в Туле, Самаре и Ижевске.

* * *

На понимание процессов, происходивших в военной промышленности, оказала сильное влияние тенденция, заложенная еще в предреволюционные годы сенсационными разоблачениями недееспособности царской бюрократии. Критическую кампанию в печати против морского ведомства после русско-японской войны Николаю II удалось погасить в ходе борьбы за новые судостроительные программы, а во время мировой войны флотские проблемы отошли на второй план. Сухопутное же ведомство после неудач на Западном фронте 1914–1915 гг. оказалось в положении козла отпущения (следствие и процесс по делу военного министра В.А. Сухомлинова, начальника ГАУ Д.Д. Кузьмина-Караваева и др.). В соответствии с той логикой изобличения, какую задало следствие еще в 1915 г., позднейшая литература, опираясь на материалы обвинения, склонна объяснять кризис вооружений неисполнительностью и косностью военно-снабженческих чинов.

Исходным пунктом при этом, как правило, служат эффектные материалы — постановления Военного совета, который еще в 1904 г. по инициативе начальника Канцелярии Военного министерства А.Ф. Редигера подверг критике нераспорядительность ГАУ и предписал ему усилить промышленность в предвидении распространения войны на европейские театры. Дважды, 26 августа и 16 декабря 1904 г., Военный совет указал ГАУ, что оно недооценивает масштаб потребности в боепри-

пасах, что «расширение наших технических артиллерийских заведений является неизбежным» и что следует приступить «к таковому расширению (или же к устройству новых заведений)», чтобы «в случае общей мобилизации всей армии и большой войны» заводы могли за год дать «то же количество боевых припасов, какое в течение года войны будет расходоваться». Предписывалось «безотлагательно выяснить, насколько производительность подведомственных ему заведений должна быть увеличена» на случай «общей», «большой и продолжительной войны», и «войти с надлежащим ходатайством»[22].

Эти документы 1904 г., по оценке историков, должны были и после войны с Японией служить «путеводной нитью деятельности ГАУ», «единственным исходным законным основанием для всей деятельности Военного министерства» по подготовке промышленности к мировой войне[23]. Тот же смысл придавал им Маниковский, доказывая недостаток энергии у своих предшественников. В 1904–1906 гг. ГАУ «слабо, не в полной мере использовало эти указания Военного совета», — писал Маниковский. Да и в 1912 г. «по вине ГАУ» «случай был упущен», когда, по его мнению, опираясь на те же постановления 1904 г., можно было «получить побольше денег» на развертывание промышленности[24].

Маниковский утверждал, что, хотя указание Военного совета «силы своей как будто не теряло», о нем «забыли очень основательно». ГАУ (как и Главное управление Генерального штаба) «совершенно игнорировало» это указание, и сколько ни было с тех пор «разного рода комитетов, совещаний, комиссий и заседаний», нигде положения Военного совета о заводах «ни разу» не фигурировали «ни по существу, ни формально (хотя бы в виде простой ссылки)»[25]. Объясняя состояние военной экономики нерадивостью руководителей военного ведомства, Маниковский, по существу, воспроизводил вывод Верховной комиссии, созданной для «всестороннего расследования» причин срыва снабжения армии, а на деле для обеления «верховного вождя» и великих князей. Органы Военного министерства, говорилось в обобщающем докладе этой комиссии от 9 февраля 1916 г., «несмотря на прямые указания Военного совета, преподанные еще в 1904 г., о необходимости расширения наших технических артиллерийских заведений, не выполнили этих указаний в надлежащей полноте»[26].

Признавая общее увеличение ассигнований на армию и флот в 1908–1913 гг., историки полагают, что этим все же не решалась «проблема полного перевооружения и технического переоснащения армии», потому что «руководители Военного

---

[22] ВПР. Т. 1. С. 171, 178–179, 635.

[23] СУББОТИН Ю.Ф. Военная промышленность России во второй половине XIX — начале XX в. (1868–1914 гг.). Автореферат канд. дисс. Л., 1975. С. 13; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 9–10.

[24] По тому же поводу критиковал своего предшественника в должности военного министра Редигер: «Военный совет вновь меня поддержал, но его громы были бессильны без соответствующего нажима со стороны военного министра, а Сахаров не выходил здесь из роли пассивного зрителя» (РЕДИГЕР А.Ф. История моей жизни. М., 1999. Т. 1. С. 398).

[25] МАНИКОВСКИЙ А.А. Боевое снабжение русской армии. М., 1923. Ч. 3. С. 15, 17–20.

[26] РГВИА. Ф. 970. Оп. 7. Д. 2037. Л. 4 и об.

министерства не осознали всей важности развития военной промышленности» и мешали ему; «военно-экономическому обеспечению войны» уделялось «недостаточное внимание»[27]. Действительно, не только состояние финансов, но и состояние умов влияло на положение дел в военной промышленности. Однако преувеличением грешит заключение о том, что, участвуя в развязывании мировой войны, царизм в то же время «не занимался экономической подготовкой к ней»[28].

Сохранившиеся документы рисуют обстоятельства в реальном виде. Директивы Военного совета не были заброшены, забыты. Во исполнение их 22 декабря 1904 г. генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович провел совещание высших чинов артиллерийского ведомства. Оно обсудило состояние различных отраслей военной промышленности. Принятое совещанием решение Военный совет рассмотрел 20 января 1905 г. Выработанная артиллерийским ведомством в 1904–1905 гг. по требованию Военного совета программа заводского строительства в том виде, в каком ее внес 1 марта 1905 г. в Особое совещание военный министр В.В. Сахаров, предусматривала расход 10 млн руб. на строительство пяти новых заводов — патронного, взрывчатых веществ, порохового, трубочного, капсюльного. Она была изложена и в докладе царю Военного министерства о своих действиях за 1904 год[29].

Изучал положение и Мобилизационный комитет ГУГШ; в апреле 1905 г. выяснилось, чем располагает армия «для борьбы на западе, при условии общей мобилизации войск Империи»: в частях «в настоящее время имеется налицо только боевой комплект», а «других запасов ружейных патронов ни в войсках, ни в крепостях нет». Сделаны заказы (по большей части за границей), но «русские заводы могут выполнить заказ в 10 месяцев, если не будет забастовки»; из-за границы рассчитывали получать ежемесячно «не более 40 млн» патронов, то есть около 1/15 части недостающего количества. При этом оставалось неизвестным, сколько еще патронов и снарядов потребуется отправить против Японии. Отмечалось отсутствие запасов снарядов, нехватка орудий и снарядов в осадной артиллерии[30].

Мобилизационный комитет пришел к заключению: «Имея в виду, что в случае столкновения на западе нельзя будет пользоваться заграничными заказами, необходимо обеспечить выделку достаточного количества патронов внутри России, для чего теперь же не только расширить производство существующих заводов, но и построить новые». Скептически оценил положение военный министр Сахаров: «Данные этого журнала [Мобилизационного комитета] убеждают, что наша боевая готовность на западных фронтах настолько пострадала, что вернее будет сказать, что эта готовность совершенно отсутствует, и крайне сомнительно, чтобы... мы могли

---

[27] САКСОНОВ О.В. Военные реформы 1905–1912 годов в России и их влияние на военное искусство. Автореф. канд. дис. М., 1994. С. 18, 22.

[28] ЮРИЙ М.Ф. IX съезд представителей промышленности и торговли и образование Центрального военно-промышленного комитета // Государственные учреждения и общественные организации СССР. М., 1989. С. 142.

[29] ВПР. Т. 1. С. 179–154, 193–199, 209–211.

[30] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 564. Л. 93, 96об.–97. Журнал заседаний Мобилизационного комитета, 8 и 11.IV.1905.

пополнить недостающее, ибо... все усилия должны быть направлены прежде всего на снабжение действующих армий, что само уже по себе достигается, в особенности по артиллерийской части, с большим трудом»[31].

Тревожные сигналы о состоянии запасов и производства достигали верховной власти. Составленная профессором Артиллерийской академии А.И. Горбовым сводка об отсутствовавших в империи стратегическом сырье и производствах привлекла внимание к вопросу об импортируемых материалах и разработке проектов добычи алюминия и серы, а также азотной кислоты — сжиганием атмосферного азота (ко времени мировой войны эти проекты находились в состоянии разной степени готовности). 4 мая 1905 г. Николай II поручил военному ведомству создать комиссию «для рассмотрения вопроса о зависимости государственной обороны от русской промышленности»[32].

16 сентября 1905 г. генерал П.З. Костырко, председатель этой комиссии, разбиравшей записку Горбова, доложил выводы новому военному министру. Редигер, утвердив предложения комиссии, предписал главным управлениям к концу года отчитаться, «что ими исполнено по сему делу». Канцелярия Военного министерства в дальнейшем регулярно требовала докладов «о том, какое направление дано заключительному решению комиссии генерала от артиллерии Костырко, рассматривавшей зависимость производительности технических артиллерийских заведений от рынков Западной Европы»[33]. При всей недостаточности решений, принятых по инициативе Редигера и Военного совета, Мобилизационного комитета, Горбова, все же импульс, полученный военными органами, не угас бесследно. Другое дело, что едва все подошло к тому, чтобы, по выражению Маниковского, «получить побольше денег» (в мае–ноябре 1905 г. ГАУ уже подыскивало места для постройки новых заводов[34]), как обнажилось дно опустошенной казны. Даже намеченные ограниченные меры оказались — в условиях финансовых затруднений после проигранной войны и революции — трудноисполнимыми. К 1911 г. все же открылись завод взрывчатых веществ и трубочный под Самарой, но наладить там удовлетворительно производство трубок не удавалось до самого начала мировой войны.

Настойчивые утверждения советской историографии о предании забвению постановлений Военного совета 1904 г. имеют свое объяснение. Российская империя,

---

[31] Там же. Л. 97; ф. 962. Оп. 2. Д. 140. Л. 12–13; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 740. Л. 2. Резолюция Сахарова, 10.VI.1905. Через неделю (17 июня) Мобилизационный комитет опять обратился к решениям Военного совета 1904 г., рассматривая вопрос о запасах винтовок и патронов и о производительности оружейных и патронных заводов (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 77. Л. 10–14).

[32] ВПР. Т. 1. С. 202–205, 224.

[33] Там же. С. 245–246; РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2376. Л. 153, 4, 3. В этом документе — редкий случай! — комиссия названа так, что ясна ее действительная задача, тогда как обычно в переписке она именовалась диаметрально противоположно по смыслу (зато буквально повторялся текст повеления о ее создании): Комиссия для изучения зависимости государственной обороны от русской промышленности.

[34] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67029. Л. 27–32, 34–46.

согласно идеологическим установкам в пропаганде, принадлежала к числу «первоклассных» держав, способных преследовать собственные военно-политические задачи; ее экономический потенциал считался сопоставимым с французским. При желании видеть статус России столь внушительным, разумеется, построить еще несколько военных заводов — такой для нее пустяк, что помешать этому делу мог и «субъективный» фактор: безрукость, безответственность чиновников.

Эта тенденция, побуждавшая историографию «преувеличивать — фактам вопреки — техническую оснащенность русской армии, качество ее вооружения и снабжения»[35], нашла себе опору в искаженном освещении деятельности государственного аппарата А.А. Маниковским и Е.З. Барсуковым, а также в утверждениях министра финансов В.Н. Коковцова и думских деятелей о том, что они щедро отпускали деньги на подготовку к войне, и сопрягалась с «оптимистическими» представлениями о развитии дореволюционной России, распространившимися в западной литературе.

Многие «весьма нужные мероприятия», которые в 1908 г. «были спешно доложены» Военному совету и одобрены им на 1909 год, не могли быть проведены в жизнь «по недостатку средств». Не желая натолкнуться на такое же затруднение в планировании деятельности и на 1910 год, Поливанов распорядился управлениям к 1 декабря 1908 г. «заранее определить потребности 1910 г., предъявить их министру финансов и лишь после окончательного установления общей суммы новых кредитов, на отпуск которых Военное министерство будет иметь возможность рассчитывать, — внести соответствующие по общей сумме расходов наиболее неотложные новые мероприятия на обсуждение Военного совета», после чего проводить обеспеченные, казалось бы, финансами меры через Думу и Государственный совет. Поливанов предписывал поставить таким образом «в первую очередь» на 1910 г. «те меры, которые уже были на рассмотрении Военного совета и только по финансовым соображениям не включены в сметы на 1909 г., и уже сверх того — самые неотложные мероприятия, необходимость коих возникла позже»[36]. Этот маневр с заходом в тыл финансового ведомства не устранил разногласий.

Спор военного и финансового ведомств рассматривался в Совете министров, где Редигер на заседании 3 марта 1909 г., за неделю до отставки, понес полное поражение. Ассигнование на 1910 г. дополнительно 60 + 30 млн рублей правительство расценило как «явно непосильное для государственного казначейства». Обоснование отказа примечательно тем, с какой ясностью осознавалось правительством влияние военного бремени на общее развитие страны. Рост военных расходов — «явление крайне неблагоприятное для умножения хозяйственных сил страны и мирного ее преуспеяния», решил Совет министров. Если и впредь односторонне обращать финансовые ресурсы «на издержки по военной части», то задержится «поступательный ход нашего отечества по пути экономического и культурного развития». Военному министру ставилось в задачу изыскивать нужные ему дополнительные средства путем «сокращения численности армии в мирном ее составе».

---

[35] КОЗЕНКО Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 11, 18.

[36] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72220. Ч. 1. Л. 461, 462об.

Вместе с тем еще более серьезное, хотя и лишь вскользь упомянутое, препятствие было заложено в самой социальной структуре империи: как оказалось, денег на вооруженные силы нет потому, что все никак не удается провести через Думу и Государственный совет налоговые законы[37], затрагивавшие интересы имущих верхов, прежде всего поместного дворянства. Как выразился в записке Совету министров Коковцов, подоходный налог — дело «более или менее отдаленного будущего» (в действительности оно так и не наступило)[38].

Совет министров сделал унизительное указание военному ведомству на то, что, сколько ему ни дай денег, толку не добиться: «даже при весьма обременительных постоянных расходах» на армию она все же, «по заявлению самого Военного министерства, не может почитаться вполне организованною силою». При существующей системе военного управления приведение армии «в должный порядок», «очевидно, потребует таких непомерных ассигнований, о которых не могло бы быть и речи даже при более благоприятном положении государственного казначейства». Военное ведомство должно удовлетвориться 470 млн руб. как «высшим пределом», это «максимальная норма ежегодных расходов казны на сухопутную оборону»[39].

Уже не рекомендуя военному ведомству за счет сокращения численности войск поднять на «должную высоту качественную техническую сторону наших вооруженных сил, имеющую, между тем, по условиям современных боев, первостепенное значение»[40], Совет министров выставлял на первый план важность для военной мощи — финансового благополучия: «Страна с многочисленною армиею, но с расстроенными финансами столь же слаба в смысле государственной обороны, как и государство с неустроенною армиею». О способности правительства поднять на должную высоту неустроенные налоговые ресурсы бюджета на этот раз речи уже не шло.

В 1910 г. начальник Главного штаба докладывал Военному совету[41], что нарушена «соразмерность между родами войск, которая требуется современными способами ведения войны и боя»: «увеличение численности артиллерии и инженерных частей значительно отстало от роста пехоты». В европейских армиях «одновременно с развитием пехоты шло и соответственное развитие артиллерии, инженерных частей и других вспомогательных войск». Между тем «в нашей армии, по недостатку средств, наибольшее развитие получила пехота».

Мобилизационный комитет указывал на «недостаточную численность полевой артиллерии, выражающуюся в не соответствующем современному могуществу артиллерийского огня числе орудий на 1000 штыков», на нехватку мортирных батарей

---

[37] ОЖСМ 1909. С. 86. ОЖСМ 3.III.1909.

[38] Цит. по: СИДОРОВ А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. С. 33. См. также: БОХАНОВ А.Н. Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 299.

[39] ОЖСМ 1909. С. 227–228. ОЖСМ 9.VI.1909. «Рассмотрен» царем 31 июля 1909 г.

[40] Там же. С. 84. ОЖСМ 3.III.1909.

[41] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 202. Л. 2, 27 и об. Доклад «О преобразовании пехоты, артиллерии и инженерных войск», 14. III.1910.

и «отсутствие в составе полевой артиллерии тяжелых орудий». Делая все эти констатации, Мобилизационный комитет в то же время признал, что увеличение артиллерии в намеченных размерах — это «норма», которая «должна быть поставлена как цель для будущего... в настоящее же время, ввиду необходимости многомиллионных расходов для удовлетворения других, не менее насущных потребностей армии, усиление полевой артиллерии до желательных норм представляется невозможным, а потому Мобилизационный комитет единогласно постановил для предстоящего преобразования артиллерии *временно* пока ограничиться нормой в 48 пушек на дивизию» (а не 54).

Подсчет показывал, что достижение желательной нормы «вызвало бы новый постоянный расход на содержание полевой артиллерии свыше 12 млн руб. ежегодно. Не только не располагая означенной суммой, но и связанный категорическим указанием о совершенной невозможности увеличения ныне производящихся постоянных расходов на содержание армии, Мобилизационный комитет вынужден был отказаться от разработанного проекта преобразования полевой артиллерии, который действительно внес бы значительные улучшения в организацию этого рода войск». «В зависимости от финансовых условий» пришлось ограничить предполагаемые усовершенствования теми расходами, какие могут быть покрыты «сбережениями» от преобразования пехоты. Этот, урезанный проект реорганизации артиллерии был доложен сначала «августейшему генерал-инспектору артиллерии», который его одобрил, а затем «представлен на высочайшее государя императора благовоззрение и удостоился высочайшего одобрения».

«Громадное увеличение полевой артиллерии у наших западных соседей ставит и для нас первейшей и неотложной задачей будущих организационных мероприятий увеличение числа полевой скорострельной артиллерии», а пока утвержденный проект вызовет все же уменьшение — «при общем увеличении полевой действующей артиллерии» «норма обеспечения каждого корпуса полевыми скорострельными пушками понизится»[42]. В 1909 г. «были подвергнуты пересмотру нормы запасов и... искусственно задержано выполнение некоторых операций с целью избежать заготовления запасов, которые могли бы оказаться излишними по новой организации армии», — писал Сухомлинов Коковцову 18 июня 1911 г.[43] «Вследствие увеличения цен при действительном заготовлении боевых припасов против первоначальных исчислений явилось возможным заготовить лишь 1000 патронов на [горное] орудие вместо положенных 1200». Расход на снаряды для артиллерии Приамурского, Иркутского и Омского округов «удалось» сократить втрое[44].

При этом правительство старалось скрывать от «общественности» нехватку средств на подготовку к войне. Когда в думской Бюджетной комиссии «некоторые представители распорядительных ведомств в ответ на заявления членов Комиссии о недостаточности размера... сметных назначений объяснили, что назначения эти

[42] Там же. Л. 41об.

[43] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 37. Л. 148об.—149.

[44] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74544. Л. 7.

были ограничены занесенными в смете суммами единственно вследствие возражений финансового и контрольного ведомств, настаивавших на сокращении первоначально исчисленных ведомствами кредитов», то Коковцов на заседании Совета министров 30 сентября 1908 г. привлек к этому случаю внимание правительства. Было принято решение «просить главных начальников ведомств указать... чинам, командируемым для представления объяснений в законодательные учреждения, на недопустимость каких-либо с их стороны упоминаний о произведенных по настояниям Министерства финансов или Государственного контроля сокращениях»; им надлежит давать объяснения «умалчивая совершенно о междуведомственных спорах и разногласиях, предшествовавших окончательному установлению проектов смет»[45].

«Если сравнить... ныне представляемый Совету министров общий план мероприятий на 1910 г. с итогом расходов, первоначально заявленных министру финансов, то ваше высокопревосходительство убедитесь, — писал Сухомлинов Столыпину 15 июля 1909 г., — что Военное министерство приняло решительные меры к сокращению своих требований к государственному казначейству, понизив их с 90 млн до 41 млн руб. Дальше в этом направлении идти нельзя». При этом, вопреки мнению министра финансов, «развитие нашей армии не может пойти по пути... заметного сокращения ее численности»[46].

Осенью 1910 г. в существенных чертах заканчивалась операция по подгонке норм запасов к объему ассигнований. Запрашивая у Думы ассигнования на 1911 г., Военное министерство как о достижении докладывало, что в 1910 г. «произведен полный пересмотр норм запасов... В основание настоящей работы была положена задача... по возможности не превысить общего итога» прежних лет. «На основании произведенного пересмотра установлены новые нормы запасов и согласно им пересоставлены исчисления расходов»[47]. Реорганизация армии, намеченная на ближайшие 10 лет, оценивалась в 715 млн руб., при этом имелось в виду, не увеличивая численный состав армии, предпринять «значительное усиление технических (артиллерийских и инженерных) средств борьбы». Однако тогда «сразу же, одновременно с приступом ко многим мероприятиям, нельзя было бы, по финансовым и техническим соображениям, приступить и к увеличению нормы снарядов свыше 1000 на пушку», даже и к 1912 г. «норма в 1000 снарядов не могла еще быть осуществлена»[48]. Сокращение повлияло и на норму запаса винтовок и деятельность оружейных заводов[49].

---

[45] Там же. Ф. 504. Оп. 5. Д. 87. Л. 46 и об. Циркуляр Столыпина, 3.X.1908.

[46] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72221. Ч. 3. Л. 337–339.

[47] Там же. Д. 74544. Л. 1–7об. Представление Военного министерства в Государственную думу «Об отпуске на 1911 г. средств на пополнение запасов и материальной части артиллерии и на усовершенствование обороны государства», 28.X.1910; ВПР. Т. 1. С. 639–640.

[48] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 47. Л. 232об.–234. Показания А.А. Поливанова, 30.IV.–3.V.1916.

[49] ВПР. Т. 1. С. 385–387.

Несмотря на укрепившееся благодаря урожаю 1909 г. общее экономическое положение, рост военных приготовлений резко положил предел финансированию других неотложных, но, с точки зрения правительства, менее настоятельных нужд. Тяжесть долгового бремени, вызванного в основном военными же расходами, и необходимость новых займов на перевооружение и стратегическое железнодорожное строительство, в частности, заставляли Министерство финансов сдерживать попытки землеустроительного ведомства получить с международных денежных рынков средства на решение наиважнейшей для выживания империи внутренней задачи — продолжение столыпинских преобразований[50]. «Наш долг возрос слишком быстро и вне прямой соразмерности с подъемом нашего благосостояния», — признавало правительство в 1910 году[51].

Изучение обширного круга источников показало, что «недостаточность развития военной промышленности ясно понималась царскими чиновниками еще до начала войны». Осознанная всеми необходимость укрепить военную промышленность могла реально воплощаться в жизнь только с 1910–1911 гг., когда для этого у самодержавия появились финансовые возможности[52]. В речи на VIII съезде представителей промышленности и торговли Тимашев указывал на появление «сильно приподнятого спроса, на который промышленность ответить не может». Этот «действительно колоссальный, быть может, беспримерный в истории нашей промышленности» спрос, «как вы знаете, — сказал министр, — прежде всего и главным образом вызывается крупными заказами казны. Мы имеем перед собою на полмиллиарда заказов по программе судостроения, огромные расходы на перевооружение армии, постройку железных дорог, коих разрешено на сумму свыше 700 млн руб., портостроительство, элеваторы, городские постройки и пр... Ответить на такой спрос сразу, без подготовки совершенно невозможно»[53]. В то же время представления о свертывании перед мировой войной деятельности некоторых специальных военных заводов, распространенные в литературе, не подтверждаются. Снижение выпуска винтовок в эти годы, как показали исследования В.А. Сухова и К.Ф. Шацилло, объяснялось не косностью ведомств, а лихорадочными, плохо организованными мерами по расширению оружейных заводов. На расширение и переоборудование патронных заводов на протяжении 1905–1912 гг. было истрачено около 2 млн руб., а значит, неверно, будто финансовое и контрольное ведомства «отказали в ассигновании средств на

---

[50] ДЯКИН В.С. Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. СПб., 1997. С. 257–258, 260–261. По-своему здраво рассуждал думский умеренно-правый деятель, осуждая Столыпина и Кривошеина: «Вместо рекламных поездок по губерниям, для ускорения проведения реформы, было бы гораздо полезнее добиться ассигнования больших сумм на проведение реформы в жизнь. А деньги ведь тогда были в избытке, а если бы даже не были, что было неправда, то на такое, первейшей важности государственное дело, нужные деньги должны были бы найтись» (ОЗНОБИШИН А.А. Воспоминания члена IV Государственной думы. Париж, 1927. С. 194).

[51] АНАНЬИЧ Б.В. Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 266; Исторический архив. 1962. № 2. С. 146.

[52] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 256, 122.

[53] Торгово-промышленная газета. 3.V.1914.

модернизацию станочного парка патронных заводов», как писал Л.Г. Бескровный[54]. Казенная военная промышленность «не стояла на месте... самодержавие взяло твердый курс на ее сохранение и развитие»[55].

* * *

Защищаясь от обвинения в чуть ли не изменнических упущениях, деятели, ответственные за подготовку военной промышленности (министры А.Н. Куропаткин, В.А. Сухомлинов, начальники ГАУ Д.Д. Кузьмин-Караваев, А.А. Маниковский и др.), как правило, ссылались на недостаточное финансирование, что несложно было доказать, предъявив примеры урезанных ассигнований по сравнению с требованиями, выставленными военным ведомством к казне. Они указывали также на непомерное, по их мнению, для «сухопутной», «континентальной» державы отвлечение средств на флот. Морское начальство, со своей стороны, в принципе тоже могло напомнить об урезанных во много раз программах судостроения, тогда как новые эскадры обязательно требовались для решения «исторических задач» в турецких проливах, китайско-японских теплых водах, в Индийском океане.

Напрашивается заключение, что казна экономически не в состоянии была поднять военную мощь до такого уровня, какой позволял бы выправить неблагоприятное для России соотношение сил по сравнению с вероятными противниками из числа «великих держав». Имеются известные основания для утверждений в литературе о существовании разрыва между внешними задачами и внутренними экономическими возможностями страны. В том же смысле не раз высказывались руководители финансового ведомства и вообще едва ли не всех высших органов власти, не исключая Военное министерство. Вопрос, однако, не сводится к размеру средств, реально направленных на заготовление вооружений. На практике он стоял в принципе иначе.

Во-первых, ресурсы, бесплодно растраченные на ряд химерических задач, таковы по размерам (прямые расходы на дальневосточную авантюру Коковцов исчислял в 2,3 млрд руб.; она «была первой причиной, которая привела вооруженные силы царизма в полное расстройство»[56]), что приходится отвести, как несостоятельные, ссылки на абсолютное отсутствие денег для развертывания военно-промышленного производства, по сути, в любом желательном масштабе. Докладывая царю свою оценку военно-политического положения и стратегических задач в 1900 г., военный министр Куропаткин писал по поводу создания базы на Квантунском полуострове: «Шаг этот был необходимым; но не будем скрывать от себя невыгодные последствия сего шага. Нам пришлось ассигновать 100 млн рублей на флот, чтобы закрепить за нами это приобретение. Означенное ассигнование повело к приостановке нашего

---

[54] БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Производство вооружения и боеприпасов для армии в России в период империализма // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 102; ЕГО ЖЕ. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 84.

[55] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 25.

[56] Там же. С. 14.

усиления против наиболее грозных наших противников на западе... Опыт сравнительно небольшой, но он дорог этими результатами, указывающими на опасность дальнейшего движения по сему пути». Читая этот доклад, С.Ю. Витте иначе оценил размер дорого оплаченного «опыта». Против упоминания о 100 млн на флот он сделал свое уточнение: «А железная дорога?[57] А устройство портов? А содержание войска и всей администрации в новой области? А крепости, устройство города и пр. и пр.?» Против слов Куропаткина о том, что шаг этот «был необходимым», министр финансов поставил тройной вопросительный знак, хотя, конечно, должен был сознавать, что иной оценки решениям монарха всеподданнейший доклад и не мог содержать[58].

Карательная экспедиция в Китай — этот столь же «необходимый шаг» — стоила казне таких затрат, что пошатнула всю экономику империи, и Витте убедил царя издать секретный указ о сокращении планируемых ведомствами расходов. «Происходящие ныне на Дальнем Востоке события, — гласил указ от 17 июня 1900 г., — вызвали уже экстренные расходы, которые, в случае дальнейших осложнений, могут возрасти»; «производимые в большей своей части вне пределов страны», эти расходы «повлекут за собою отлив золота за границу». Предписывалось не делать «никаких заграничных заказов, за исключением вызываемых настоящими событиями»[59]. Указ 17 июня 1900 г. затронул расходы на военную промышленность: на него ссылался Витте, оспаривая запрошенные Военным министерством кредиты на 1901 год. Куропаткин, соглашаясь с требованиями Витте, признавал финансовые трудности государства «при теперешних военных обстоятельствах»[60]. 8 сентября 1900 г., указывая на опасность истощения хозяйственных сил, Витте ставил вопрос о свертывании китайской экспедиции. «Недостаток средств» для заказа крепостных орудий с их снарядами уже ощущало артиллерийское ведомство; не видя возможности оплатить их заготовление, ГАУ делало из этого логическое заключение, что и на порох для этих орудий тратиться было бы преждевременно[61]. Все это не способс-

---

[57] По данным Министерства финансов, на сооружение КВЖД в 1896–1903 гг. казна истратила 364 млн руб. (ГИНДИН И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 3. С. 106). Куропаткин в «весьма секретной» записке 1910 г. указывал, что «создание на Дальнем Востоке сильной эскадры обошлось св. 800 млн руб.», а не 100 (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 203. Л. 3).

[58] РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 269. Л. 89об.–90. Всеподданнейший доклад военного министра в 1900 году, 14.III.1900. Писарская копия с пометками С.Ю. Витте в его архиве.

Сам Куропаткин, «оценив все невыгоды» Порт-Артура как крепости, в октябре 1903 г. «предлагал, в целях главным образом избежать войны с Японией, возвратить Порт-Артур китайцам, продать им г. Дальний и южную ветвь Китайской железной дороги за 250 млн руб.» (Дело о сдаче Порт-Артура // Новое время. 6.XII.1907; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 2117).

[59] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60090. Л. 1–2. Витте — Куропаткину, 20.VI.1900.

[60] Там же. Д. 57403. Л. 114. Куропаткин — Витте, 18.VIII.1900.

[61] Там же. Д. 60096. Л. 98; д. 60113. Л. 117. Объяснения ГАУ по замечаниям Государственного контроля и Министерства финансов на смету 1901 года, 26.XI.1900; ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 118.

твовало построению широких программ развертывания военной промышленности, вынуждая ограничиваться устранением частных затруднений в снабжении войск. С 1903 г. свертывались расходы и на железнодорожное строительство, хотя этим не облегчался выход из кризиса, терзавшего страну уже несколько лет.

Во-вторых, изысканию внутренних ресурсов для увеличения военно-экономической мощи препятствовали не только дорогостоящие затеи царя, но и корыстные интересы крупных собственников. Коковцов, вступив в должность министра финансов, обнаружил, что свыше 100 млн руб. «розданы из Государственного банка разным лицам в учет векселей на основании простых рекомендаций»[62]. В Германии, когда гонка морских вооружений, казалось, исчерпала финансовые возможности страны, в 1909–1913 гг. правительство «нашло» деньги на укрепление вооруженных сил, увеличив обложение богатых слоев населения; так же поступили в 1909–1912 гг. во Франции, в 1909 г. — в Англии (на флот)[63]. Но не так вели себя верхи в России. «Государство, ради бюджета, спаивает голодных мужиков 40-градусным спиртом, — возмущался публицист, — между тем как кружение огромных капиталов не улавливается налогами»[64]. «Необходимо помнить, — излагало свою точку зрения правительство, — что всякий сколько-нибудь обильный по размерам поступления налог падает преимущественно на широкие народные массы»[65]. Демагогия насчет готовности «забыть о личном благосостоянии»[66] ради восстановления «внешней мощи» отечества сочеталась с непреодолимым сопротивлением верхов общества попыткам правительства усилить обложение доходов и капиталов, недвижимых и наследуемых имуществ. Разработанные правительством налоговые законопроек-

---

[62] Воспоминания М.М. Ковалевского // История СССР. 1969. № 5. С. 98.

[63] HERRMANN D.G. The Arming of Europe and Making of the First World War. Princeton (N. J.), 1996. P. 190, 228–229; MCNEILL W.H. The Pursuit of Power. Chicago, 1982. P. 288, 304. Характерно недоверие русских наблюдателей к намерениям французского правительства ввести новый подоходный налог: «Довольно мудрено допустить, чтобы это министерство серьезно захотело провести закон о подоходном налоге: большая половина его состоит из очень богатых людей... Всяко бывает, конечно. Но все-таки трудно поверить, чтобы люди захотели сами себя высечь» (Парижская хроника // Новое время. 25.II.1911).

[64] МЕНЬШИКОВ М. С миру по нитке // Новое время. 1.VIII.1909. Современные «специальные исследования» не слишком продвинулись в изучении этого вопроса: «не было обнаружено перелива средств через бюджет из аграрного в индустриальный сектор»; «тезис о крестьянском налогообложении как источнике средств для индустриализации также не получил подтверждения» (ПЕТРОВ Ю.А. Государство и экономический рост в дореволюционной России (конец XIX — начало XX в.) // Россия в условиях трансформаций. М., 2002. Вып. 25. С. 58; КОРЕЛИН А.П. Ключевые проблемы социально-экономической истории пореформенной России // Индустриальное наследие. Сб. материалов. Саранск, 2005. С. 66. Ср.: ЕГО ЖЕ. [Выступление по цит. докладу Ю.А. Петрова] // Россия в условиях трансформаций. Вып. 25. С. 66).

[65] Исторический архив. 1962. № 2. С. 148. Представление Совета министров в Думу «О единовременных расходах в течение ближайшего десятилетия на нужды государственной обороны и об источниках для покрытия сих расходов», 25.III.1910.

[66] СТОЛЫПИН П.А. Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 167.

ты — не отличавшиеся убийственной тяжестью — думское большинство похоронило, «отложив в долгий ящик», что послужило одной из причин неподготовленности вооруженных сил к мировой войне[67].

В-третьих, сами военные ведомства не проявили заинтересованности в выработке целостной программы развития специальных производств, даже когда отбрасывались соображения экономии, финансовые ограничения. Характерна судьба попытки исправить положение, предпринятой в 1901 г. по инициативе Комитета министров в связи с рассмотрением отчета Государственного контроля за 1899 год. Государственный контролер П.Л. Лобко обратил внимание царя на то, что «существующее у нас производство важнейших предметов вооружения, именно, артиллерийских орудий» не в состоянии «удовлетворять хотя бы текущим потребностям государства», а в случае чрезвычайных военных обстоятельств государство попадает в зависимость от иностранных производителей. Расширение имевшихся заводов и устройство новых Лобко выдвигал как неотложную задачу. Николай II выразил согласие: «Вполне разделяю этот взгляд»[68], — и Комитет министров 17 апреля 1901 г. распорядился образовать под председательством генерал-контролера Департамента военной и морской отчетности А.В. Васильева междуведомственную комиссию, которой поручалось «определить, до каких размеров производительности должно быть доведено оборудование заводов». Ожидалось, что комиссия сумеет «устранить необходимость в заграничных заказах», установив такую «планомерность» заготовлений, «которая давала бы возможность нашим русским заводам своевременно развивать свою производительность и затем, без гибельных для них и для рабочего населения потрясений, сокращать производство одних предметов и переходить к изготовлению других».

Такое идеальное решение предполагало неограниченную свободу финансовых затрат. Это вполне отвечало теоретическому кредо генерал-контролера А.В. Васильева, известного в славянофильских кругах в качестве эксперта по вопросам экономической политики (в министерство И.А. Вышнеградского — одного из идеологов огосударствления железнодорожной сети), который, собственно, и возбудил перед высшей властью вопрос о состоянии военной промышленности. Сторонник самобытных экономических взглядов, Васильев возмущался тем, что «нападки на военные расходы и требование сокращения их» считаются «признаком либеральной заботливости о народе». Он считал, что денег хватит на все, и «не следует останавливаться ни перед какими единовременными затратами» для военных заводов. Эти затраты нельзя считать «непроизводительными», потому что из них получается заработок рабочему населению, а не нажива «посредникам-спекулянтам». «Ошибочность в распределении государственных расходов на производительные и непроизводительные» он предлагал устранить, а для этого прежде всего требовалось признать, что «поднять имущественное благосостояние народа, дать ему покупные

[67] ДЯКИН В.С. Деньги для сельского хозяйства. С. 193; ЕГО ЖЕ. Из истории экономической политики царизма в 1907–1914 гг. С. 30–31; БЕЛЯЕВ С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика. С. 197.

[68] ВОГК за 1899 г. СПб., 1900. С. 24 (15.V.1900).

и платежные средства можно только широким развитием государственных работ, направляемых к вооружению государства и благоустроению страны». Средств, извлекаемых правительством путем налогов, конечно, не хватит, внешние займы делать не следует, а потому необходимо «дать народу заработок за счет дополнительного выпуска бумажных денег», не поддаваясь влиянию «иностранных, преимущественно еврейских, экономических и финансовых теорий» о вреде выпуска необеспеченных бумажных денег[69].

На первом заседании комиссии, 24 июля 1901 г., представитель Министерства финансов в тон председателю Комиссии объявил, что не следует стесняться в определении размера потребностей. Он обещал, что если выяснятся «экстренные надобности», то и «средства на их удовлетворение, вероятно, немедленно же и нашлись бы», так что излишне рассуждать «о достаточности или недостаточности денежных средств»: был бы план хорош. Как оказалось впоследствии, давая такое обещание, он ничем не рисковал. Работа комиссии сразу зашла в тупик. Обнаружилось, что ни военное, ни морское ведомство не в состоянии оценить ни объем и характер предстоявших заказов, ни степень подготовленности к этой работе ни частных, ни даже казенных заводов. Ни ко второму заседанию (в ноябре 1901 г.), ни к четвертому (май 1903 г.) исходных сведений комиссия не получила, а когда началась война с Японией, то комиссия, убедившись в полной невозможности спланировать рост военной промышленности, закончила свою работу, так и не подготовив ничего, кроме частных пожеланий по отдельным предприятиям и самой общей установки на сосредоточение производства вооружения на казенных заводах[70]. Без всякой связи с этим неудачным опытом, в 1904–1905 гг. А.Ф. Редигеру пришлось сделать еще одну попытку придать развитию промышленности вид некоторой ограниченной, минимальной специальной программы (постройка пяти новых артиллерийских заводов на 10 млн руб.), о чем упоминалось выше.

В дальнейшем соображения о создании то пушечно-гильзового, то пушечных заводов, то военно-промышленного комплекса на Дальнем Востоке или в Сибири возникали, откладывались, отменялись, не выстраиваясь ни в какую определенную программу.

В огромном (на 2,1 млрд руб.) перечне назревших мер по военному ведомству, составленном в 1906 г., а затем уточненном в 1908 г. (и урезанном правительством в 6–7 раз), имелись самостоятельные разделы по развитию сети стратегических шоссе, крепостному и казарменному строительству и пр., но раздел о военной промышленности не заключал в себе вовсе никакой окончательно выработанной программы

---

[69] ВАСИЛЬЕВ Аф. «Миру — Народу» — мой отчет за прожитое время. Сб. ст., докладов. Петроград, 1908. С. 846, 847, 849, 863–864. См. также: АНТОНОВ Н.Р. Русские светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. СПб., 1912. Т. 1. С. 347–348, 362–363, 383.

[70] ВПР. Т. 1. С. 73, 78, 142–155. В июне 1905 г., пытаясь отвести от себя и возглавляемой им комиссии обвинения в печати за бездеятельность, послужившую одной из причин разгрома на Дальнем Востоке, Васильев уверял, что «Комиссия представила свои соображения о мерах, необходимых для упорядочения этого дела; но работа ее до Комитета министров, куда она имеет быть направлена, еще не дошла» (ВАСИЛЬЕВ Аф. Указ. соч. С. 768).

и практически сводился к предположению о постройке даже не пяти, а двух новых заводов (взрывчатых веществ и пушечно-гильзового, на постройку которого ГАУ еще при Витте начало добиваться 0,7 млн руб., но не преодолело сопротивления Министерства финансов[71]). Отдельно от военно-сухопутного ведомства сооружало или приобретало себе заводы Морское министерство.

С осени 1912 г. Генеральный штаб трудился над составлением так называемой «Большой программы по усилению армии». Приготовления к войне, ликвидация «всех недостатков в запасах и предметах снаряжения», согласно программе, должны были закончиться к 1917 г. Подсчитав, что намеченные программой мероприятия обойдутся в 365 млн руб., генерал М.А. Беляев, руководивший ее разработкой, добился согласия Министерства финансов на этот расход и, чтобы подготовить практическое исполнение задуманных шагов, решил посовещаться с представителями довольствующих управлений.

«В марте 1913 г., — свидетельствовал позднее начальник хозяйственного отдела ГАУ генерал Е.К. Смысловский, — я был вызван в Канцелярию Военного министерства на спешное заседание, где узнал, что намечено крупное преобразование армии, которое должно быть закончено непременно к 1917 году». Ознакомившись с программой, Смысловский увидел в ней досадный пробел: для столь быстрого изготовления большого количества оружия, какое определялось поставленным сроком, пришлось бы прежде расширить военные заводы[72]. Например, по расчетам Генерального штаба, требовалось около 700 тыс. новых винтовок и карабинов, а оружейные заводы были в то время до предела загружены заказами на детали, необходимые для приспособления имеющихся винтовок к стрельбе остроконечной пулей. На завершение этой, столь же спешной, операции должно было уйти еще 3,5 года. Чтобы восстановить нарушенное ею нормальное производство винтовок, нужно было строить новые здания, приобретать точные дорогие станки[73]. На усиление казенных артиллерийских заводов, вызываемое ростом армии, ушло бы самое малое 40 млн рублей, а программой, составленной в Генеральном штабе и согласованной с Министерством финансов, такой расход не предусматривался[74]. «Я сейчас

---

[71] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 845. Л. 282об. План наиболее неотложных мероприятий по ГАУ, 29.XI.1906; ф. 1. Оп. 1. Д. 70279. Л. 154; д. 70280. Л. 234об., 235, 240. Объяснения к плану мероприятий, намечаемых к осуществлению в пятилетие 1909–1913 гг., декабрь 1907 г. Впрочем, ГАУ еще намечало устроить на Петербургском патронном заводе мастерскую электролитической меди (там же. Д. 72221. Ч. 1. Л. 134об.—136).

[72] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 24. Л. 258–260. Показания Смысловского Верховной следственной комиссии, 31.XII.1915. Этому заседанию предшествовало «секретное совещание» с участием Коковцева, видимо, у Николая II в Царском Селе 11 марта.

[73] Там же. Д. 36. Л. 135 и об. Показания быв. заведующего оружейно-патронным отделением ГАУ полк. Н.П. Басова, 31.VIII.1915; ф. 1. Оп. 1. Д. 77772. Л. 183–187, 234–236об., 295–297, 303–305. Представления ГАУ в Военный совет от 16.VII–17.IX.1913.

[74] «О расходе на расширение заводов генерал Беляев не мог спокойно говорить, — писал Смысловский, — возмущаясь тем, что он не входил в его первоначальные исчисления» (там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 24. Л. 259).

же поехал к помощнику военного министра и доложил ему о создавшемся положении»[75], — вспоминал на суде Кузьмин-Караваев.

Таким образом, Генеральный штаб, выяснив, сколько надо денег на снабжение формируемых частей оружием, вовсе забыл о том, что если рассчитывать — как и следовало — на внутреннее производство, то придется потратиться и на расширение заводов. «Ошибку»[76] исправляли на ходу. Составленная в пожарном порядке сводка заводских требований охватывала лишь ближайшие частичные наиболее экстренные меры, при этом в ряду первоочередных задач, выделенных в виде «Малой военной программы», именно заводская ее часть оказалась наиболее жизненно важной.

24 июня 1914 г. «большая» программа стала законом, который уже через полтора месяца лишился практического значения: мировая война, начавшаяся на три года раньше срока готовности, намеченного составителями программы, заставила бросить мероприятия по реорганизации войск. Но это касалось лишь организационных мер. На запрос Канцелярии Военного министерства, «какие мероприятия из числа предусмотренных большой программой усиления армии будут в действительности приводиться в исполнение и какие будут отменены или отложены ввиду наступившей войны», Генеральный штаб 12 августа 1914 г. ответил, что «ни одно из мероприятий... организационного характера — осуществлению не подлежит». Что же касается мер, проводимых в области производства вооружения и расширения военных заводов, то они «должны идти полным ходом», причем заводы следует «расширить за счет кредитов, предусматриваемых большой программою»[77].

Расширение существовавших казенных заводов во время войны дополнялось строительством десятков новых, стоимость которого исчислялась сотнями миллионов рублей. Последняя программа составлялась в 1915–1916 гг. под нажимом со стороны Министерства финансов и Государственного контроля, рассчитывавших таким путем ввести эти расходы хоть в какие-то определенные границы. Представленный Маниковским военному министру 20 октября 1916 г. доклад, по внешности впечатляющий, содержал строительную программу одного лишь сухопутного артиллерийского ведомства (его собственных заводов), которое, однако, и само не считало ее сколько-нибудь полной и обещало вскоре представить дополнительную — специально по производству взрывчатых веществ. Задачи, касавшиеся развития частной военной индустрии, получили в «программе» вид лишь самых общих пожеланий. Отдельно решали свои задачи инженерное, авиационное и интендантское ведомства, Горный департамент и Морское министерство.

Раздробленное между ведомствами, руководство развитием военной промышленности до известной степени направлялось в единое русло стихийной силой ап-

---

[75] Там же. Д. 146. Л. 105–106. Показания 28.VIII.1917.

[76] Ошибка эта не была случайной, она отражала общий характер подготовки к войне: по оценке А.М. Зайончковского, «центр тяжести всей подготовки был перенесен на развитие численной силы армии, а не на вопросы ее снабжения всем необходимым» (ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Мировая война. М.; Л., 1929. С. 378). Смещение «центра тяжести» соответствовало характеру обязательств перед Францией.

[77] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77923. Л. 42–43об., 37; ф. 2000. Оп. 2. Д. 1408. Л. 118–119.

паратных согласований — лишь ввиду бюрократической необходимости проводить все требования казенных денег через финансовое и контрольное ведомства, Совет государственной обороны (1905–1908 гг.) и, наконец, через Совет министров (в 1915–1917 гг. — еще и через Особое совещание по обороне). Развитие военной промышленности не подчинялось какой-либо перспективной программе, а было заключено в рамки, поставленные узкой задачей: исполнить ту или иную совокупность заказов («нарядов») точно определенного размера. При этом, в зависимости от технологических, финансовых и политических условий, исполнение их могло быть поручено либо казенным, либо частным заводам России, либо, однако, их зарубежным конкурентам.

В целом, развитие военно-промышленного хозяйства империи определялось ее социально-политической структурой. Главы военного и финансового ведомств в публичных дебатах обвиняли друг друга — и после войны с Японией, и в 1914–1917 гг., и в эмиграции — в неправильном употреблении национальных ресурсов, но замалчивали главное — то, что не подлежало критическому суждению в среде монархистов: направление всех ресурсов на ту или иную цель полностью зависело от конечной инстанции, от воли «верховного вождя армии» и от тех, кого «хозяин земли русской» считал своими стратегическими союзниками в мире. Способ же извлечения этих ресурсов из населения империи определялся не масштабом военных задач, а стремлением поменьше затронуть частные материальные интересы владельцев крупных капиталов, недвижимых имуществ и наследственных имений.

* * *

На рубеже XIX–XX вв. правительство научилось изыскивать средства на поддержание «внешней мощи» — путем внешних займов, обеспечиваемых военно-политическими обязательствами. Предоставление займов богатыми державами наполнялось политическим смыслом. «Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную», привязывала политику Николая II к чужим стратегическим интересам. Нельзя не увеличивать «или, по крайней мере, не поддерживать на прежнем уровне свои вооруженные силы», писал проповедник «свободного, открытого, завоевательного национализма» П.Б. Струве. Ради этого Россия «должна занимать деньги за границей», тем самым поступаясь своей «независимой, самостоятельной позицией». «Россия должна выбирать между Францией–Англией и Германией. В сущности, выбор уже сделан» в пользу «финансовой, а тем самым политической зависимости» от Англии и Франции, что, однако, «нисколько не гарантирует Россию от нападения со стороны Германии» [78].

Особенность условий, сложившихся с 1914 г., состояла в том, что изменилось действие внешнеполитических факторов. По характеристике чиновника артиллерийского ведомства, «наша мало развитая промышленность до войны базирова-

[78] СТРУВЕ П.Б. Общее политическое положение // Русская мысль. 1909. Кн. 11. С. 155; ЕГО ЖЕ. Современное международное положение под историческим углом зрения // Там же. Кн. 2. С. 197–198; ЕГО ЖЕ. Два национализма // Там же. 1910. Кн. 6. С. 170.

лась главным образом на германской и, будучи оторвана от привычного рынка как по поставке материалов, так и по снабжению руководителями делом, потерялась и не могла быстро справиться с поставленными ей задачами»[79]. «Вся потребность русского рынка в фармацевтических, химических и красочных продуктах удовлетворялась германской индустрией, — признавали русские фабриканты, — и, когда началась война с поставщиком этих продуктов, на нашем рынке не оказалось ни лекарственных препаратов, ни красок даже для обработки военного сукна или тканей в защитный цвет». Из-за недостатка красящих веществ «ряд мануфактурных предприятий вынужден был сократить свое производство наполовину, а частью и на две трети, что резко обнаружило неподготовленность русской промышленности к самостоятельному удовлетворению потребностей»[80].

Союзники по Антанте в интересах своей собственной борьбы против враждебной коалиции были вынуждены помогать России поставками снаряжения; присылать своих специалистов для организации производства; серьезно расширить кредиты царскому правительству, без чего ему негде было взять средств на содержание своего фронта мировой войны, на закупку вооружения, материалов и оборудования в США; предоставить для перевозки собственные пароходы и дать денег на фрахтование нейтральных судов.

Видя цель войны в овладении турецкими проливами, царские стратеги больше всего опасались противодействия со стороны союзников в момент «дележа добычи», когда мог повториться провал всех усилий, как уже случилось на Берлинском конгрессе 1878 г. после победы над Турцией. В августе 1914 г., когда шла мобилизация, ГАУ доказывало необходимость усиленных заказов на боеприпасы тем, что эти снаряды будут больше нужны в конце войны, чем в начале, — для успеха в «дележе» добычи победителями[81]. В феврале 1915 г. Генеральный штаб получил телеграмму из США от военного агента Н.Л. Голеевского. Тот предлагал «принципиально решить, безопасно ли ко времени заключения мира иметь пополнение наших боевых припасов в руках Англии»[82]. Но его совет запоздал: Военное министерство уже было занято исполнением повеления царя привести в порядок боевые припасы «ко дню заключения мира». Повеление было сообщено военному министру 15 декабря 1914 г.[83] и рассматрива-

---

[79] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 140. Л. 131–132. Показания Басова, около 10.IX.1916.

[80] Там же. Ф. 400. Оп. 21. Д. 4150. Л. 2об. Докладная записка по вопросу о создании в России отечественной химической и красочной промышленности, представленная военному министру Временной комиссией по организации «Российского общества химической промышленности 1914 года» (19.I.1915). Комиссия была учреждена «группой фабрикантов, объединяющей владельцев 60 мануфактурных предприятий Московского промышленного района».

[81] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 149–150. Так выразился Смысловский на заседании Военного совета 14 августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Л. 119. Записка Смысловского «О довольствии действующей армии в текущую войну боевыми припасами», 18.I.1917).

[82] Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2284. Л. 92.

[83] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 720. Л. 298; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 22.

лось «как общее предуказание», насущное особенно ввиду начатой союзниками операции по захвату проливов.

Царское предуказание всемерно готовить боевое снабжение к моменту возможного после разгрома Германии нового военного противостояния — с бывшими союзниками — отмечено в журнале Военного совета от 13 мая 1915 года[84] (журнал служил материалом к заседанию Совета министров 29 мая для рассмотрения вопроса о постройке 4-го оружейного и 2-го сталелитейного казенных заводов).

16 мая 1915 г. Военный совет утвердил проект постройки завода азотной кислоты, получаемой из атмосферного азота. При этом также учитывалась перспектива перегруппировки держав: «В течение нынешней войны, — говорилось в докладе ГАУ о проекте, — когда водные пути сообщения охраняются Англией, мы не испытываем больших затруднений» с сырьем для производства взрывчатых веществ. Но «при иной политической группировке держав ввоз к нам чилийской селитры будет совершенно невозможен»[85]. Год спустя, объясняя Министерству финансов необходимость устройства 4-го завода взрывчатых веществ (в Уфе), Военное министерство ссылалось на то, что «не всегда будет столь благоприятная политическая группировка держав, которая могла бы допускать выпуск и морскую перевозку заграничных предметов»[86].

Та же мысль владела генералом П.А. Фроловым (помощник военного министра, ведавший в Особом совещании по обороне валютной комиссией, а затем председатель Особого совещания по постройке новых казенных заводов): 15 мая 1916 г. он напоминал министру финансов в этой же связи о Берлинском конгрессе. «Надобность в тяжелой артиллерии» Фролов объяснял тем, что, только имея ее, Россия «будет в состоянии вести дипломатические переговоры о мире так, чтобы результаты принесенных ею огромных жертв (в том числе и финансовых) не были бы вновь сведены к нулю, как то было на Берлинском конгрессе... Союзники в нас очень нуждаются и широко финансируют нас под давлением собственной военной необходимости, ибо при настоящем положении на всех фронтах наши победы нужны союзникам, пожалуй, еще больше, чем нам самим. Когда же военная мощь Германии будет сломана, или хотя бы даже только решительно надломлена, у наших союзников мотив военной необходимости отпадет, и чисто финансово-политические соображения возьмут верх, и мы тогда денег так легко не получим»[87].

---

[84] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 13.

[85] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 722. Л. 64. Цитируемое обоснование дословно воспроизведено в легенде к соответствующему объекту «программы Маниковского» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 378об.).

[86] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5413. Л. 186 и об. Объяснения Военного министерства по соображениям Министерства финансов, середина 1916 г.

[87] Цит. по: БАБИЧЕВ Д.С. К вопросу о финансовых отношениях царской России с Англией во время мировой империалистической войны 1914–1917 гг. // Ученые записки Ростовского-на-Дону гос. университета. 1958. Т. 63. Вып. 3. С. 148–149; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 609. Л. 15, 17об.–18.

Маниковский на одном из заседаний Совета министров сослался на «высочайшее повеление о содержании армии в боевой полной готовности ко времени мирных переговоров» и заявил, «что к новому Берлинскому конгрессу мы должны быть сильными»[88]. В своем докладе Фролову и через него военному министру 20 октября 1916 г. Маниковский высказывал опасение, что «в недалеком будущем» приобретение оружия у союзников затруднится, а потому «надо в самом спешном порядке» развивать свою промышленность «в расчете не только на потребность текущей войны, *но и в предвидении будущей*». Намечаемые новые казенные заводы «сослужат великую службу» уже «во время выработки условий мирного договора», ибо тогда тотчас «начнется общая экономическая борьба, и эта борьба будет беспощадна»; в ней каждый из бывших союзников окажется «*предоставлен своим собственным силам*, и горе тому, у кого к этому времени не будут подготовлены свои боевые средства»[89]. 18 января 1917 г. в Бюджетной комиссии Думы, прямо объявляя об антисоюзнической, по сути, направленности разработанной в ГАУ программы, Маниковский мотивировал строительство заводов опасением того, что «когда мирные переговоры наступят и начнется дележка, то мы останемся без патронов и снарядов». Шокированные думцы сочли такое объяснение «крайне неудачным»[90], но отказать в деньгах не могли.

* * *

Возможность пользоваться серьезными источниками о развитии военно-промышленного хозяйства в России создалась в связи с крушением царизма. В 1920-е гг. появились работы Е.З. Барсукова, А.А. Маниковского, М.А. Петрова, А.Л. Сидорова и др., уже оперировавших делопроизводственными документами Совета министров, военных и морских учреждений, финансового и внешнеполитического ведомств, личными бумагами Николая II. В этом отношении историки российской военной экономики оказались в исключительно выгодном положении, которым и воспользовались в той мере, в какой были приведены в порядок, описаны архивные фонды. (Архивы большинства частных предприятий в обстановке революции и гражданской войны не уцелели. Но за последние 30–40 лет постепенно вводятся в научный оборот архивы зарубежных фирм, владевших филиалами в России или имевших влияние на русские заводы.)

---

[88] Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 349 (запись задним числом, сделанная 26 июля 1916 г.). Так же представлялась перспектива отношений с союзниками Министерству иностранных дел. См.: Константинополь и проливы. М., 1926. Т. 2. С. 387 (Всеподданнейшая записка Н.Н. Покровского, 21.II.1917).

[89] ВПР. Т. 1. С. 596–597, 601. Один из вождей черносотенцев, Н.Н. Тиханович-Савицкий, в ноябре 1916 г. предлагал Временному совету монархических съездов принять резолюцию, содержавшую особый пункт: «Немедленно приступить к спешному сооружению заводов, которые ко времени мирных переговоров вполне обеспечили бы русскую армию... всем военным снаряжением и поставили бы ее в полную независимость от союзников» (Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 582).

[90] Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 14.

Исключительное значение в литературе по истории военной промышленности приобрел изданный в 1920–1923 гг. трехтомный труд «Боевое снабжение русской армии» А.А. Маниковского, начальника ГАУ с мая 1915 г. Основная тенденция и конкретные данные его труда пришлись кстати советской пропаганде: ими подкреплялись «разоблачения» гнилости и продажности царской бюрократии. В его изображении, весь государственный аппарат держали в своих «лапах» магнаты промышленности и банковские тузы, и только артиллерийское ведомство (руководимое Маниковским) вело неравную борьбу, отстаивая государственные интересы, и пыталось не допустить разгрома казенных заводов хищными монополистами, орудовавшими в сговоре с верхами бюрократии. Работа Маниковского на десятилетия (не исключая новейших исследований) наложила свой отпечаток на освещение проблемы, получив с конца 1920-х гг. статус официально рекомендованного руководства, чуть ли не отраслевого «Краткого курса». Переизданная в 1930 г. со вступительной статьей начальника ГАУ П.Е. Дыбенко, она была представлена как труд, «указывающий пути, по которым должна итти страна в подготовке к войне»[91]; после того как Дыбенко был расстрелян, рекомендованный им труд не предавался забвению: имелось издание 1937 г. — в серии «Библиотека командира», в качестве классики военной мысли (без предисловия Дыбенко).

Время, благоприятствовавшее ознакомлению с архивными документами, скоро прошло. Барсуков, успев издать в 1926 и 1928 гг. две книги о военной промышленности, в начале 1930-х гг. возглавлял подготовку крупной публикации документов о военной экономике — 6-го тома (в пяти частях) «Сборника документов мировой войны на русском фронте»). Но привлеченные к этой работе военные специалисты подверглись репрессиям, доступность источников резко сократилась, и издание не состоялось.

За все прошедшее с тех пор время оставался неизвестным содержательный труд о развитии артиллерийской промышленности в 1900–1917 гг. — «Очерки по истории военной промышленности» В.С. Михайлова, изданный в 1928 г. Высшим советом народного хозяйства для служебного пользования[92]. Специалист по военно-химическим производствам, генерал Михайлов с 1915 г. был начальником 2-го отдела технических артиллерийских заведений ГАУ, а в апреле–декабре 1918 г., по избранию, начальником ГАУ. Учитывая неупорядоченное к середине 1920-х гг. состояние архивохранилищ, Михайлов для сбора материалов воспользовался своим знакомством со многими специалистами, служившими на военных заводах и имевшими доступ к текущей документации. Полученные таким путем обширные фактические сведения ему удалось изложить в основном объективно, без грубых искажений, свойственных работе Маниковского. Но уже 21 октября 1929 г. автор был расстрелян по сфабрикованному делу о заговоре в Главном управлении военной промышленности ВСНХ, где он служил[93]. Его книга стала практически недоступной и с тех пор никак не использовалась позднейшими исследователями.

---

[91] МАНИКОВСКИЙ А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 9.

[92] См. текст его: http://webfile.ru/1355493.

[93] См.: ТИНЧЕНКО Я.Ю. Голгофа русского офицерства. М., 2000. С. 105.

В идеологической обстановке конца 1940–1950-х гг. эта проблематика стала приоритетной и догматизированной. С одной стороны, историк мог заявлять, что, описывая неспособность царизма, банков и монополий подготовить вооруженные силы России к войне 1914 г., он раскрывает преимущества советского строя, позволившие одержать победу над гитлеровской Германией. С другой стороны, пропаганда была заинтересована в разработке проблемы «государственно-монополистического капитализма» с его всевластием монополий, наложивших свою руку на государственный аппарат и наживавшихся на гонке вооружений. Данная область исследований рассматривалась партийными инстанциями как изучение предпосылок Октябрьской революции. Чем более значимой показывал историк роль финансового капитала, банков, монополий, тем выше оценивался его вклад в обоснование «закономерности победы социализма». В то же время под прямым воздействием сталинских указаний не поощрялось освещение активной роли государства в капиталистической экономике. Характерна судьба книги А.Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы первой мировой войны», представляющей собой докторскую диссертацию (1944 г.). В 1948 г. выпуск ее в Госполитиздате сорвался из-за рецензии, в которой «обращалось внимание автора и издательства» на то, что в монографии «подробно говорится о регулировании военного производства и излишне детально охарактеризована роль царского правительства в проведении военно-экономической мобилизации тыла»[94]. Книга увидела свет 25 лет спустя (М., 1973), уже после смерти автора. А в 1957 г. вместо нее вышла в том же издательстве монография И.В. Маевского[95], вполне приспособленная к господствовавшей схеме путем подтасовки архивного материала.

В начале 1950-х гг. Сидоров собрал вокруг себя на историческом факультете МГУ, а затем и в Институте истории АН СССР плеяду талантливых и энергичных историков, в большинстве вчерашних фронтовиков. Он привлек их к разработке архивных материалов, ставших снова доступными в условиях «оттепели». О пятитомном проекте Барсукова не вспоминали, но в архивах велась подготовка десятитомного сборника документов «История экономики России в эпоху империализма»[96], частично доведенная до издания: вышли (не оформленные как серия) том документов по металлургии, два тома по нефтяной индустрии, три тома об экономике накануне и в 1917 г. (во всех этих изданиях проблемам военной экономики уделялось значительное внимание), а также том о подводном судостроении[97]. (Позднее появилась

---

[94] См.: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Путь ученого // Исторические записки. М., 1967. Т. 80. С. 227–228. По сведениям К.Н. Тарновского, близко знавшего обстоятельства этого случая, бдительным рецензентом был А.П. Погребинский, тогда как другой рецензент, П.И. Лященко, дал вполне положительное заключение.

[95] МАЕВСКИЙ И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957.

[96] См.: ПРОКОПЕНКО Н.Р. Некоторые вопросы работы советских архивов в предстоящем семилетии // История СССР. 1959. № 4. С. 29–30.

[97] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март–октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1–2; Документы по истории монополисти-

фундаментальная публикация журналов Особого совещания по обороне государства за 1915–1918 гг.) Были напечатаны основательные исследования экономического состояния России в годы первой мировой войны, созданные А.Л. Сидоровым, К.Н. Тарновским, П.В. Волобуевым, и военной промышленности в предреволюционные десятилетия (И.Ф. Гиндин, К.Ф. Шацилло, В.И. Бовыкин, М.П. Вяткин).

Результатом было не только освоение массивов источников, накопление данных, но и острое ощущение непригодности утвердившегося подхода к проблеме, порождавшего систематические искажения фактической основы исследований. Кризис наступил в 1961 г.: на научной конференции в Ленинграде и в печати произошла резкая полемика между сторонниками А.Л. Сидорова (И.Ф. Гиндин, К.Н. Тарновский) и А.П. Погребинским и Я.И. Лившиным; Сидоров и Тарновский в историографических статьях выступили с пересмотром схемы. При этом Тарновский проследил историю насаждения ее И.В. Сталиным и, не ограничиваясь спором с Погребинским, заявил об отказе от некоторых заключений собственного исследования о регулировании металлургии во время первой мировой войны[98]. (Вопрос заключался в том, как оценивать факт подключения аппарата монополий к работе артиллерийского ведомства по распределению заказов между частными заводами и контролю за их исполнением и использованием ресурсов: проявлялось ли в этом факте приобщение монополий к управлению государством или, наоборот, государственные органы поставили себе на службу готовый аппарат монополий?) Однако в целом переломить тенденцию не удалось.

Современное состояние литературы по истории российской военной промышленности определяется существованием многих значительных работ, в которых предмет освещен с разных сторон на основании серьезных архивных изысканий. Сохраняют свое значение исследования А.Л. Сидорова «Финансовое положение России в годы первой мировой войны» (М., 1960) и «Экономическое положение России в годы первой мировой войны» (М., 1973), К.Н. Тарновского о черной и цветной металлургии (также за военный период)[99], М.П. Вяткина «Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг.» (Л., 1965), ряд статей В.Н. Ашуркова, В.И. Бовыкина, С.В. Воронковой, И.Ф. Гиндина, В.А. Сухова, Э.Э. Урибес и др. Появились новые диссертационные исследования[100], а также очерк Л.В. Забелина «Пороховая промышленность России до Октябрьской революции» ([Пермь,] 1997).

ческого капитализма в России. М., 1959; Монополии в металлургической промышленности России. 1900–1917. М.; Л., 1963; МКНП. 1883–1914. М.; Л., 1961; то же. 1914–1917. Л., 1973; Подводное кораблестроение в России. 1900–1917. Л., 1965.

[98] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны в советской историографии // Вопросы истории. 1961. № 7. С. 49 (пересмотр выводов книги: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958); СИДОРОВ А.Л. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке // Вопросы истории. 1961. № 12.

[99] ТАРНОВСКИЙ К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма.

[100] БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал в военной промышленности России. «Группа Виккерс» и Русское акционерное общество артиллерийских заводов

Особенно обстоятельно изучена история морских заводов и программ судостроения. В этой области первостепенная роль принадлежит работам К.Ф. Шацилло, включающим три монографии о военной промышленности и вооруженных силах в целом и специальную работу о флоте и судостроении. Чрезвычайно важные исследования проведены группой петербургских историков флота и морской техники. Ими созданы монографические труды по отдельным сериям строившихся судов; выделяются капитальные работы С.Е. Виноградова «Последние исполины Российского императорского флота. Линейные корабли с 16-дюймовой артиллерией в программах развития флота. 1914–1917 гг.» (СПб., 1999) и «Линейный корабль "Императрица Мария"» (СПб., 2002), а также 5-томная «История отечественного судостроения», 2-й и 3-й тома которой (авторы — соотв. Р.М. Мельников и И.Ф. Цветков) охватывают период 1900–1917 гг. Журнал «Судостроение» и альманах «Гангут» содержат много материалов по истории судостроения.

Выдающаяся роль трудов К.Ф. Шацилло основывается на 40-летнем опыте работы историка с архивными источниками и глубоком теоретическом анализе проблемы, охватывающем ее экономические, технические, стратегические, внешне- и внутриполитические аспекты. Свой метод исследования он определял как системный подход с использованием теории многоукладности. Необходимость именно такого метода была выведена в результате обнаружения качественной неоднородности российской крупной промышленности вообще и существенных различий между частным и государственным военным производством.

Фактически такой подход применялся еще в 1960-е гг. и был характерен для историков «нового направления». Тогда К.Ф. Шацилло, И.Ф. Гиндин, В.В. Адамов, К.Н. Тарновский обращали внимание на яркое своеобразие экономического строя в военной промышленности, в частности на морских заводах и в уральских горнозаводских округах с их нерыночным хозяйством. Порядки в этих секторах экономики уже тогда расценивались как полуфеодальные, государственный феодализм — в отличие от капиталистических частных предприятий. Но в начале 1970-х гг. попытки вынести новую трактовку на научное обсуждение были пресечены; ее сторонники обвинялись в ревизии формационной концепции марксизма-ленинизма.

Возможность заниматься этой проблематикой открылась только через 15 лет, и фундаментальное исследование К.Ф. Шацилло о военной промышленности (1992 г.) представляет собой самый заметный результат. Появившаяся в 1994 г. книга английского историка П. Гэтрела показала, насколько тщательно и объективно исследовали

(1912–1918 гг.). Волгоград, 2000; ОШАРИН А.В. Частная оборонная индустрия России. 1890–1904 гг. Перспективы отраслевого развития и размещение. СПб., 2002; СУББОТИН Ю.Ф. Военная промышленность России во второй половине XIX — начале XX в., 1868–1914 гг. М., 1975; ЧУГРЕЕВ Н.Н. Государственная военная промышленность России в 1865–1917 гг. На примере Мотовилихинского завода. М., 1997; ШУМКИН Г.Н. Военное производство на Урале в конце XIX — начале XX в. (1891 — июль 1914 г.). Екатеринбург, 2002. Имеются также диссертации: КОШУРО И.Л. Военная промышленность России накануне и в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Л., 1953; МИФТИЕВ Г.А. Артиллерийская промышленность России в период первой мировой войны. Л., 1953; GOLDSTEIN E. Military Aspects of Russian Industrialization: The Defense Industries, 1890–1917. Case Western Reserve University, 1971.

проблему советские специалисты, на труды которых он во многом опирается. Вместе с тем видна разница в освещении взаимоотношений между государством и военной индустрией. Если Шацилло, следуя советской историографической традиции, придавал большое значение раскрытию способов давления предпринимательских кругов на правительственный аппарат, то Гэтрел подчеркивает отсутствие у чиновников склонности к сотрудничеству с частной промышленностью, «ожесточенное и глубоко укоренившееся неприятие частного предпринимательства в правительственных учреждениях. Предвоенное переоснащение вооруженных сил выявило это противоречие. Западная Европа не знала подобных анатагонизмов»[101], — пишет он.

Впрочем, именно К.Ф. Шацилло как никто другой ясно показал расхождение интересов и борьбу между правительственными и предпринимательскими структурами в области вооружений. Особенно наглядно эта проблема представлена на примере судостроения. В данной отрасли твердую почву под собой чувствовали только казенные заводы, получавшие работу в первую очередь. Частная же судостроительная промышленность, крайне заинтересованная в выгоднейших казенных заказах, переживала на рубеже XIX–XX вв. острый кризис, а ее ожидания, связанные с заказами по предвоенным морским программам, обернулись колоссальным просчетом, и ряд созданных в эти годы крупных и технически совершенных предприятий остался без нагрузки, оправдывающей произведенные затраты. Они не могли преодолеть финансовый кризис, тогда как основная работа досталась заводам морского ведомства, а отчасти и заграничным конкурентам, не исключая германские фирмы.

Советская научная литература по данной теме отличается, как правило, широким использованием архивных документов. Это достоинство ее имеет свою оборотную сторону. Самое тяжелое последствие фактических натяжек, допущенных в ряде исследований, заключается в том, что исправить тиражированное в печати, в академических изданиях, искаженное преломление архивных материалов, считающихся «введенными в научный оборот», невозможно без нового изучения тех же документов и, зачастую, без привлечения дополнительных источников. Отсюда и затруднения при использовании данных советской историографии западными исследователями, которые, сознавая ее тенденциозность, все же не отдают себе отчета во всей сложности проблемы и склонны доверять якобы «голым фактам», заимствуемым оттуда.

Излюбленными в советской историографии сюжетами служили «захват» военных заказов горсткой монополистов и «провал робких попыток» того или иного ведомства, правительства в целом предпочесть сооружение новых или расширение старых казенных военных предприятий — созданию частных заводов. Сложилась определенная историографически-источниковедческая закономерность, подтверждаемая экспериментальным путем. Когда в той или иной работе встречаются сведения об успешном навязывании банковско-монополистическими кругами своих интересов правительству, есть все основания ожидать, что сопоставление изложенных обстоятельств дела с источниками покажет недостоверность изображенной картины.

---

[101] GATRELL P. Government, Industry and Rearmament. P. 290.

Если, например, Маниковский утверждал в общей форме, не ссылаясь на решение вел. кн. Сергея Михайловича, относящееся к 1906 г. (см. с. 294), что «могущественное влияние» предпринимательских организаций задержало решение вопроса о постройке 3-го казенного патронного завода, то советский историк писал, что данное «предложение ГАУ от 22 декабря 1915 г. ...не получило поддержки в Военном совете»[102]. Между тем в программном докладе Маниковского указывалось, что Военный совет дал «разрешение постройки» трижды: 14 января, 17 и 19 марта 1916 г. А.Л. Сидоров хотя и отнесся с доверием к сообщению Маниковского о «могущественном влиянии» монополистов, все же опубликовал источники, из которых следует, что еще в ноябре 1915 г. царское правительство добилось согласия союзников поставить оборудование для нового патронного завода[103]. Симбирский патронный завод оказался одним из наиболее готовых к 1917–1918 гг. объектов программы.

Если в документах предвоенного времени поднимался вопрос о расширении, переоборудовании казенных горных заводов, то исследователь представлял этот факт как «провал попыток царского правительства» расширить свою промышленность: «Как только в буржуазную печать проникали сведения о готовящемся дооборудовании казенных заводов, магнаты капитала требовали от царского правительства отмены этого решения». Само же Министерство торговли и промышленности, ведавшее горными заводами, якобы «по указке Путиловых, Вышнеградских выступило против принятия программы расширения казенных заводов, и это мероприятие было сорвано»[104].

Проверка фактических данных литературы по источникам позволяет обнаружить тенденциозные искажения; в противном случае ошибки одного автора воспроизводятся в работах другого. Л.Г. Бескровный указывал в статье, опубликованной в 1977 г., что ГАУ «неоднократно обращалось со специальными докладами о недопустимости создавшегося положения на заводах и требовало ассигнований на модернизацию существующих предприятий» и даже «сооружения четвертого оружейного завода с производительностью в 125 тыс. винтовок в год», «но получило отказ не только от Министерства финансов, но и от Военного совета», который «все время урезал ассигнования» на производство винтовок в 1910–1913 гг., и от воен-

---

[102] КОРОЛЕВ А.А. Государственно-монополистический капитализм в частной патронной промышленности России в годы первой мировой войны // Ученые записки Кафедры истории КПСС Тульского гос. пед. института. Тула, 1970. Вып. 2. С. 111.

[103] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 142, 304, 306, 435–436; Исторические записки. М., 1945. Т. 15. С. 160–161; 1955. Т. 54. С. 165; Исторический архив. 1949. Т. 4. См. также: NEILSON K. Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–17. London, 1984. P. 132.

[104] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 60–61 (имеется также изд.: Уфа, 2002); ЕГО ЖЕ. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 95–97 (имеется также изд.: ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Очерк истории финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). Волгоград, 2000). Критику этого искажения см.: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма. С. 50.

ного министра[105]. Эти данные приводились со ссылкой на архивное дело[106], которая, однако, — после проверки ее Л.Я. Сает при подготовке посмертно изданной книги — была в соответствующем месте опущена[107]. Со ссылкой на материалы следствия по делу Сухомлинова Бескровный указывал, что в 1912 г. представленный военному министру доклад ГАУ о 4-м оружейном заводе отклонил Сухомлинов[108]. Но и в данном случае ссылка на РГВИА устранена после проверки[109]; другой же автор, положившись на сведения о 4-м оружейном заводе в указанной статье, воспроизвел недостоверный факт[110].

От ошибок в ссылках на архивные документы не застрахован никто, но нигде они не ложатся так «кучно», как в вопросе о взаимоотношениях государства и военной промышленности. В монографии И.В. Маевского был поставлен своеобразный рекорд. Не довольствуясь шаблонным отрицанием каких-либо результатов деятельности правительства по развертыванию казенной военной промышленности, он в подтверждение сослался на судьбы отдельных запроектированных и якобы «проваленных» объектов программы 1916 г. О проекте завода взрывателей, строившегося в 1916–1918 гг. в Воронеже[111], он судил по имеющейся в делах Особого совещания по обороне копии представления Военного министерства в Думу. Этого документа оказалось достаточно для вывода, что законопроект Думой «не был по существу принят к рассмотрению»[112]. Точно так же в случае с заводом оптических приборов: наткнуться в архивном деле на представление ГАУ о постройке этого завода в г. Изюме (Харьковская губ.) оказалось достаточно, для того чтобы заявить, что «строительство завода не было начато»[113]. В действительности же на заседании 8 июля 1916 г. Совет министров предписал военному ведомству заняться подготовкой проекта (инициатива исходила от морского министра), царь утвердил этот журнал и временный штат завода; в советское время он именовался Изюмским приборостроительным заводом им. Дзержинского[114]. Строительству алюминиевого завода якобы помешало Министерство финансов, которое «отказало в выделении ассигнований», а Совет министров «не удосужился» рассмотреть проект этого завода[115]. На самом же деле министр финансов сообщил Военному министерству, что

---

[105] БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Производство вооружения и боеприпасов. С. 91–92, 136.

[106] РГВИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 1.

[107] БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Армия и флот России. С. 74–75, 4.

[108] Исторические записки. Т. 99. С. 92.

[109] БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Армия и флот России. С. 75. Правда, осталась недостоверная ссылка на книгу Барсукова.

[110] СТРУК Н.К. Производство стрелкового оружия и боеприпасов в России в 1906–1914 гг. // Промышленное развитие Сибири в XIX — начале XX в. Иркутск, 1989. С. 87.

[111] РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 83, 85–91; МИХАЙЛОВ В.С. Очерки. С. 124.

[112] МАЕВСКИЙ И.В. Указ. соч. 2-е изд. М., 2003. С. 57. Ср.: ВПР. Т. 1. С. 608–610.

[113] МАЕВСКИЙ И.В. Указ. соч. С. 58.

[114] РГВИА. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 222–223об.; Приказ начальника ГАУ от 8.II.1917 об утвержденном царем 29 января положении Военного совета от 19 января (временные штаты) (Военный отдел РГБ); МИХАЙЛОВ В.С. Указ. соч. С. 135.

[115] МАЕВСКИЙ И.В. Указ. соч. С. 141.

«не встречает со своей стороны препятствий» по данному законопроекту[116], а Совет министров рассматривал данный вопрос дважды (22 июля, 16 ноября 1916 г.), признал дело «исключительно срочным» и дал средства на строительство[117]. Утверждая противоположное, Маевский ссылался на несуществующий источник: в указанном им архивном деле (РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 79) нет 31-го листа, в нем всего лишь 20 листов. Основываясь лишь на собственных домыслах, автор утверждал, что и в целом программа была сорвана, и вообще, «тормозя, а где можно, и срывая строительство важных в хозяйственном и военном отношениях промышленных объектов, представители государственной власти в то же время не прочь были поболтать о решающем значении промышленности в условиях современной войны, особенно тех ее отраслей, которые заняты обслуживанием потребностей войны»[118].

Тот же автор исхитрился истолковать в указанном смысле и столь «неподходящий», казалось бы, факт, как изъятие Путиловского завода в управление ГАУ (секвестр). По его утверждению, делалось это опять-таки в интересах монополистов: «Беря подобные предприятия, вместе с их дебиторской задолженностью, на свое (временное) попечение и вкладывая на их расширение дополнительные капиталы, государственная казна не только спасала эти предприятия от краха (что было, например, с Путиловским заводом), но и возвращала их своим владельцам с активным балансом»[119].

Приведенные примеры недостоверных фактов, получивших хождение в научной литературе, говорят о необходимости для исследователей во избежание дальнейшего нагромождения ложных сведений пользоваться конкретными данными из предшествующей литературы только на основе сопоставления их с документами.

Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917 гг.). М., 2004. Т. 1. Серия «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963».

---

[116] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2154. Л. 13.

[117] КУРДЮМОВ И.В. К вопросам создания в России алюминиевого производства // Труды Института прикладной минералогии и петрографии. 1923. Вып. 6. С. 6, 19; История металлургии легких сплавов в СССР. 1917–1945. М., 1983. С. 39; РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 79. Л. 20; оп. 1. Д. 39. Л. 313; ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 220 (ОЖСМ); ф. 29. Оп. 3. Д. 2154. Л. 4–5; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 336, 383 (доклад ГАУ от 20.X.1916.).

[118] МАЕВСКИЙ И.В. Указ. соч. С. 57–58, 65–68 и др. За советской литературой пошли и введенные ею в заблуждение зарубежные авторы (PORTAL R. The Industrialization of Russia // The Cambridge Economic History of Europe. London, 1965. Vol. 6. Pt. 2. P. 864; HAUMANN H. Staatsintervention und Monopole im Zarenreich — ein Beispiel für Organisierten Kapitalismus? // Geschichte und Gesellschaft. 5 (1979). Heft 3. S. 347).

[119] МАЕВСКИЙ И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. Автореф. дисс. докт. экон. наук. М., 1955. С. 11. Ср. аналогичное истолкование секвестра завода быв. Беккер и К°: НЕТЕСИН Ю.Н. Эвакуация промышленности Латвии в первую мировую войну // Проблемы истории. Рига, 1962. [Вып.] 6. С. 62.

О количественных методах и источниках изучения военной промышленности

К числу проблем, которым придавал наибольшее значение В.С. Дякин, относится вопрос об общем направлении экономической политики самодержавия, и прежде всего — о направлении государственных капиталовложений в экономику; в конечном счете — проблема развития целостной народнохозяйственной системы. «Единственно возможный» путь к созданию действительной, а не упрощенной и схематичной картины, писал он, пролегает через «тщательное изучение развития каждой отрасли народного хозяйства, всех важнейших монополий и крупнейших предприятий и банков»[1].

Ниже речь идет о той отрасли народного хозяйства, которой правительства всех держав традиционно отводят первоочередную роль; развитие этой отрасли позволяет судить о том, какими возможностями располагает государство, предельно напрягающее ресурсы для поддержания своих стратегических интересов. Военная промышленность относится в то же время к числу тех «крупных статей народного имущества», которые в статистике «систематически "упускаются" или не выделяются»[2]. Историки отмечают, правда, и общую нехватку статистических материалов о промышленности: «Приходится констатировать отсутствие надежных и вполне сопоставимых данных»[3].

---

[1] ДЯКИН В.С. Из истории экономической политики царизма. С. 25–26; ЕГО ЖЕ. Деньги для сельского хозяйства // История СССР. 1991. № 3. С. 64–65; ЕГО ЖЕ. Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 5.

[2] ВАЙНШТЕЙН А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 113.

[3] ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 13. См. также: ДЯКИН В.С. Германские капиталы в России. С. 7; ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 26; КАФЕНГАУЗ Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 138–139, 287. Имеющаяся статистика дореволюционной промышленности, по заключению Б.Н. Ва-

При таком общем положении наиболее полными и достоверными — «надежной источниковой основой» — считаются материалы анкетных обследований, или переписей, проведенных правительством в 1900 и 1908 годах[4]. Последняя перед революцией перепись 1912 г. проводилась с узкой практической целью — собрать материалы для перезаключения торгового договора с Германией, а потому предприятия, принадлежавшие военному и морскому ведомствам, исключались из подсчетов, так как эти заведения «работали не для вывоза и не могли представить интереса при заключении торгового договора»[5]. Перепись 1900 г. также не распространялась на казенные предприятия.

Перепись же 1908 г. еще недавно рассматривалась как содержащая сведения «по всем отраслям и производствам промышленности независимо от их ведомственной принадлежности», о «состоянии всей промышленности». Этой оценке отвечало такое представление, что и в статистической переработке тех же данных, произведенной в 1920-х гг. и активно изучаемой в последнее время, предприятия военного ведомства учтены[6]. Известное тому основание давала двусмысленность, допущенная во вводной статье к материалам переписи. В ней В.Е. Варзар писал, что «настоящее обследование», повторяя в главном анкету 1900 г., в то же время «представляет некоторые отклонения от предыдущего, требующие оговорок». Одно из таких отклонений состояло в расширении сферы обследования: «В обследование 1908 г. включены были сведения о казенных промышленных заведениях, находящихся в ведении министерств: императорского двора, путей сообщения, финансов, военного и морского, каковые сведения доставлены были подлежащими учреждениями министерств, а также сведения о горных заводах, находящихся в ведении Горного департамента»[7]. Сделал

сильева, не позволяет «говорить о действительной численности фабрично-заводских рабочих, о концентрации пролетариата в крупном промышленном производстве»: нет «проверенных исходных данных» (ВАСИЛЬЕВ Б.Н. Численность, состав и территориальное размещение фабрично-заводского пролетариата Европейской России в конце XIX — начале XX в. // История СССР. 1976. № 1. С. 87). См. также: БОКАРЕВ Ю.П. Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // Экономический журнал. 2006. № 11. С. 170.

[4] БОВЫКИН В.И. Формирование финансового капитала. С. 20–21.

[5] Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). М.; Л., 1929. Т. 1. Ч. 1. С. 24.

[6] ВОРОНКОВА С.В. Статистика промышленного производства // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 48; БОВЫКИН В.И. Концентрация промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. М., 1984. Т. 110. С. 173. См. также: БРЕЙТЕРМАН А.Д. Медная промышленность СССР и мировой рынок. Л., 1930. Ч. 3. С. 15; РОЗОВСКИЙ Л. Переписи русской промышленности 1900 и 1908 гг. // Очерки по истории статистики СССР. М., 1960. Сб. 3. С. 82; ВОРОБЬЕВ Н.Я. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР. М., 1961. С. 38, 43; УГАРОВ И.Ф. Численность и отраслевой состав пролетариата России в 1900 и 1908 гг. // Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977. С. 180–181.

[7] [ВАРЗАР В.Е.] Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 год. СПб., 1912. С. I (Предисловие).

Варзар и другую оговорку — в том смысле, что для полноты картины все же следовало бы сведения 1908 г. еще дополнить: «Надо прибавить, — писал он, — данные о заведениях и промыслах, не вошедших в регистрацию», в том числе данные «о технических заведениях военного ведомства, сообщенные Министерству торговли и промышленности в общих суммарных итогах, касающихся лишь некоторых категорий сведений»[8]. О том, насколько удовлетворительные «суммарные итоги» доставили «подлежащие учреждения», ничего не говорилось. Однако из переписки между двумя ведомствами ясно, что за исключением крайне скупых данных Военное министерство так и не представило требовавшихся конкретных сведений.

Первоначально на запрос, сделанный министром торговли и промышленности 11 февраля 1909 г., военный министр А.Ф. Редигер за месяц до своей отставки дал согласие, и 26 августа, уже при В.А. Сухомлинове, Канцелярия Военного министерства разослала по главным управлениям бланки обследования с просьбой возвратить их заполненными «в возможно непродолжительном времени»[9]. Возвращенные заводами бланки, однако, были подшиты в дело с остальной перепиской Канцелярии по данному вопросу и к статистикам не попали. В ноябре 1909 г. делалось напоминание Военному министерству об обещанных сведениях, но безуспешно. Сначала главный интендант Д.С. Шуваев заявил, что, поскольку в ведении Интендантства находятся военные мукомольни, хлебопекарни, сухарные заводы, обмундировальные и обозные мастерские и сенопрессовальные заведения, то опубликование таких сведений даст врагу «возможность судить о средствах, располагаемых военным ведомством для обеспечения боевой готовности армии». Помощник военного министра А.А. Поливанов, ознакомившись с мнением Интендантства, «приказал просимых сведений не сообщать». Затем и Сухомлинов уведомил министра торговли и промышленности, что «сообщение просимых сведений является совершенно недопустимым», «я совершенно лишен возможности выполнить принятое ранее решение»[10].

Организаторы переписи еще раз попытались выжать из Военного министерства хотя бы «некоторые общие суммарные цифры, как-то: о числе рабочих, общей сумме их заработка и примерной стоимости топлива... а также [стоимости] произведенных товаров и изделий» «по отдельным отраслям промышленности, без указания числа и местонахождения заведений», но эта просьба была удовлетворена лишь отчасти: полученная в конце концов табличка содержала данные, распределенные не по родам производства, а по подведомственности предприятий тому или иному главному управлению Военного министерства[11]. В таком виде добытые сведения не

---

[8] Там же. С. 3. Варзар так и поступил, составив таблицу № 3, где суммарные сведения о «технических заведениях» военного ведомства присовокуплены к итогам подсчетов по заведениям, «вошедшим в регистрацию».

[9] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72955. Л. 27 и об., 60.

[10] Там же. Л. 69, 75, 82. Доклад Канцелярии Военного министерства Сухомлинову, 14.VI.1910; л. 83 и об. Сухомлинов — С.И. Тимашеву, 15.VI.1910.

[11] Там же. Л. 84. Тимашев — Сухомлинову, 3.VII.1910; л. 204. Сведения о числе рабочих, общей сумме их заработка, примерной стоимости топлива, а также произведенных изделий в технических заведениях военного ведомства за 1908 год.

поддавались разверстке по отраслям принятой статистической классификации: суммированными оказались, например, металлургическое, металлообрабатывающее и химическое производства ГАУ, металлообрабатывающее, текстильное и химическое — Главного военно-санитарного управления, металлическое, полиграфическое и мукомольное — в окружных управлениях. При публикации в 1912 г. итогов переписи пришлось ограничиться воспроизведением данных этой таблички в еще более суммарном виде — без подразделения даже и по главным управлениям[12]. Из статистических обследований, проведенных в 1900 и 1908 гг., выпали, таким образом, как раз наиболее специализированные предприятия — казенные военные заводы.

Сведения о военной промышленности, находившейся в ведении Горного департамента (главным образом уральские металлургические и металлообрабатывающие заводы), также были представлены в составе суммарных данных по всей горнозаводской промышленности, то есть оказались растворенными в массе обычных металлообрабатывающих и металлургических предприятий.

Вообще отсутствие в применявшейся статистической классификации обособления военных производств затрудняет их количественную характеристику. Объективное затруднение заключалось в том, что немало военных заказов доставалось крупным частным предприятиям комбинированного профиля.

В отношении всех «крупных заведений, то есть фабрик и заводов», В.Е. Варзару ошибочно представлялось, что кто бы ни был их владельцем — «все равно будь то частное лицо, фирма, компания, общественное учреждение или государство», эти заводы «всегда носят определенно выраженный характер капиталистических предприятий», так как «имеют целью, путем обращения этих капиталов, предоставить владельцу предприятия... ожидаемую прибыль»[13]. Детальное ознакомление с внутренним хозяйственным укладом казенных военных предприятий выявило, однако, несостоятельность такого убеждения. Оказалось, что особенности их экономического строя, некоммерческие цели их деятельности придают даже суммарным сведениям о размере выплаченной заработной платы, стоимости сожженного топлива и изготовленных изделий, вообще стоимостным показателям, сугубо условный характер и делают их непригодными для статистических сопоставлений[14].

Разумеется, и та сводка, которую нашло возможным дать Военное министерство, представляет интерес. Она, в частности, показывает, что «технические заведения» военного ведомства — это в подавляющем большинстве заводы и арсеналы ГАУ (по числу рабочих — 30 тыс. из 37, то есть 80%). В опросных листах, заполненных заводами (к сожалению, не всеми), наиболее важны данные о численности рабочих. Среднегодовое число рабочих на Сестрорецком оружейном заводе оказалось 1120 чел., Тульском — 4050, Ижевском оружейном — 4103, Ижевских оружейном и сталеделательном вместе — 6684[15], Казанском пороховом — 1912, на Петербургских:

---

[12] См.: [ВАРЗАР В.Е.] Статистические сведения... за 1908 год. СПб., 1912. С. 3.

[13] ВАРЗАР В.Е. Очерки основ промышленной статистики. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 89–90.

[14] См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 26, 28.

[15] В справочнике, изданном Советом съездов представителей промышленности и торговли под ред. Л.К. Езиоранского, Ижевские оружейный и сталеделательный заводы также пока-

трубочном — 4458[16], патронном — 1958, орудийном — 770, в арсенале — 802, на Охтенских: пороховом — 2480, взрывчатых веществ — 1178.

Сведения, представленные Интендантством, отражают качественную разнородность рабочей силы: наряду с 5162 вольнонаемными показано «число казенных рабочих» — 2561; содержание «казенного» рабочего обходилось Интендантству в среднем почти вдвое дешевле, чем вольнонаемного; на сухарных же заводах и в хлебопекарнях, где числилось 8 вольнонаемных и 1322 «казенных рабочих», «казенным» платили вчетверо дешевле[17]. Эта сторона дела не раскрыта в материалах переписи 1908 г. по другим управлениям военного ведомства. Известно, однако, что, например, на артиллерийских заводах, в окружных арсеналах значительную долю работников также составляли солдаты (на Трубочном заводе в Петербурге — около 29%). Хабаровский арсенал брал по найму только квалифицированных рабочих, т. е. 14–15% общего числа, в основном же там использовали солдат, оплачиваемых крайне низко[18]. Ввиду такой неоднородности состава рабочей силы на казенных предприятиях сведения о размере заработков, опубликованные в материалах переписи 1908 г., по сути, лишены смысла, так как в них с заработной платой вольнонаемных, видимо, сложено жалованье солдат или «казенных рабочих».

Те же свойства исходных показателей влияют на качество статистических данных о заработках рабочих в другое время и в другом ведомстве — горном. «Если в настоящем 1916 г. удается еще производить заготовки лесных материалов», — отмечал специалист по лесному хозяйству горных заводов, — то прежде всего потому, что «многие дроворубы, углежоги и подрядчики [подводчики] заключали договора еще ранее объявления войны и являются по закону освобожденными от призывов. Не будь установлено этого порядка вещей, все уральские заводы остались бы без горючего»[19].

Не менее условны сведения о стоимости продукции, выпущенной казенными предприятиями. Горное ведомство признавало, что при существовавшей в 1908 г. системе счетоводства «ни заводоуправления, ни центральные органы не имели даже приблизительного понятия о том, во что обходятся заводам отдельные категории

заны вместе, с тем же общим числом рабочих (Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. Ст. 174), что совпадает с данными, представленными Казанским военным округом (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72955. Л. 194). Но в них не учтены рабочие лесничеств: углежоги, возчики, лесорубы и пр. Заводская администрация насчитывала в 1908 г. максимально 6646 человек (ВПР Т. 1. С. 479).

[16] Та же цифра — в справочнике Езиоранского (ст. 557).

[17] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72955. Л. 112об., 115об. Ведомость о производительности технических заведений и мастерских интендантского ведомства в 1908 г.

[18] См.: МУРЗИНЦЕВА С.В. Рабочие петербургских заводов военного и морского ведомств в годы реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.). Автореферат. Л., 1968. С. 7; Амурские арсенальцы. Хабаровск, 1974. С. 13, 16–17; ГАЛЛЯМОВА Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине — начале XX в. Владивосток, 2000. С. 127.

[19] ЯБЛОНСКИЙ И. К проекту устройства центрального углежжения в Гороблагодатском округе // Лес и его разработка, Екатеринбург. 1916. № 3 (июль). С. 24.

изделий»[20]. Постановка учета даже в якобы «коммерчески» управляемых морских заводах принципиально отличалась от обычной бухгалтерии частных предприятий и не позволяла ориентироваться в действительных издержках. Все это разрушало необходимую для статистических сопоставлений однородность показателей по соответствующим отраслям и сказывалось на качестве материалов переписи в целом.

Попытку использовать перепись 1908 г. для косвенного определения размера имущества ведомственных военных предприятий на определенную дату — 1 января 1914 г. — сделал А.Л. Вайнштейн. Свои исчисления, основанные на сведениях о количестве рабочих на заводах военного ведомства в 1908 и 1913 гг., он производил с помощью особого коэффициента, выражающего отношение основного капитала предприятий в 1908 г. к количеству рабочих: «Численность рабочих военных заводов по обследованию 1908 г. умножалась на размер основного капитала на 1 рабочего (без земли) по металлообрабатывающей промышленности (1102 руб.), потом прибавлялась стоимость запасов и товаров. Вся стоимость 1908 г. была затем увеличена в соответствии с ростом числа занятых рабочих от 1908 к 1913 г. (на 40%)». Подсчет по этой пропорции дал стоимость имущества к 1914 г. в 140 млн рублей[21].

Не говоря о том, что в произведенном подсчете не принята во внимание дюжина военных заводов, состоявших в ведении Горного департамента, невозможно безоговорочно принять и выведенный Вайнштейном коэффициент (1102 руб.). Во-первых, «конъюнктура» (если условно применить этот термин к нерыночному казенному хозяйству) 1913 г. слишком уж резко отличалась от той, какая сложилась в 1908 г., когда металлопромышленность, прежде всего частная, все еще переживала затяжную депрессию и даже ведомственные заводы уволили часть рабочих. Наоборот, к 1914 г. военные заводы действовали на пределе своих возможностей и еще расширялись. Соответственно должно было измениться отношение «основного капитала» к числу рабочих. Во-вторых, надо полагать, отсутствовал способ выразить в каких-либо определенных цифрах технические особенности военных заводов с их более точным (и потому более дорогим) механическим оборудованием. В-третьих, не все суммированные предприятия принадлежали к числу металлообрабатывающих. Промышленная статистика 1908 г. относила их производства к разным группам учета: помимо металлообработки, еще и обработка питательных веществ, химическое, полиграфическое, металлургическое и др.

Отсюда не следует, что надежны «более прямые» сведения о стоимости инвентаря и прочего имущества таких заводов, сообщаемые ведомственной отчетностью: в казенном хозяйстве применялись особые приемы учета, делавшие его результаты несопоставимыми с данными по частной промышленности[22]. Критическое отношение к подобным источникам предполагает осознание разноукладности частного и ведомственного хозяйства, скрытой за рядами цифр, и потому несопоставимости

---

[20] ОЗГД на 1911 год. СПб., 1910. С. 31.

[21] ВАЙНШТЕЙН А.Л. Указ. соч. С. 293, 312.

[22] Это упущено мною в ранее опубликованной статье (см.: Исторические записки. М., 1979. Т. 104. С. 151, 165).

важнейших показателей; за внешним сходством изучаемых явлений обнаруживается их качественная неоднородность.

Не более достоверны отдельные экспертные оценки и расчеты, прижившиеся в литературе. Для того, чтобы эффектно показать рост мощи частной военной индустрии, сросшейся с банковскими монополиями, нередко используется саморекламное заявление Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности (в его записке от 13 июня 1916 г. на имя председателя Совета министров и главам экономических ведомств): за время с начала войны стоимость оборудования «всех частных (очевидно, в металлопромышленности. — *В. П.*) заводов, изготовляющих предметы обороны», возросла, согласно этим данным, со 100 миллионов рублей до 1 миллиарда[23]. Современные английские исследователи, исправляя эту цифру с учетом инфляции, уменьшили ее примерно вдвое, но при подсчете допустили механическую ошибку, так что должно было получиться понижение пресловутого миллиарда не до 600 млн, а до 300 млн рублей[24].

Ошибка заключается в следующем. В записке металлозаводчиков сказано, что «общая стоимость оборудования всех частных заводов, изготовляющих предметы обороны», до войны не превышала 100 млн рублей. Ссылаясь на эту записку, Дэвис и Гэтрел пишут, что «стоимость капитального оборудования» частной военной промышленности «увеличилась с 200 млн руб. в 1913 г. до 1000 млн в 1916 году». Записка использована этими авторами по цитате в статье Бовыкина и Тарновского. Там этой ошибки (200 вместо 100) нет. Правда, в том же абзаце статьи имеется вывод о росте с 200,2 млн в 1913 г. до 954,6 млн в 1916 г., но это сопоставление относится уже не к стоимости капитального оборудования, а к «продукции машиностроительной промышленности», причем взято оно Бовыкиным и Тарновским не из записки металлозаводчиков, а из статистического исследования Н.Я. Воробьева 1923 года.

Незамеченным при этом остается то обстоятельство, что наряду с миллиардом, взявшимся неизвестно откуда, имеется цифра 0,6 млрд рублей, полученная на основании анкетирования предприятий Центральным военно-промышленным комитетом. «Можно считать, — говорил в феврале 1916 г. на съездах военно-промышленных комитетов и металлозаводчиков проф. Н.Н. Саввин, заведующий механическим отделом ЦВПК, — что в мирное время реальный основной капитал частной промышленности, занятой изготовлением предметов обороны (подразумевается металлопромышленность. — *В. П.*), не превышал 80 млн рублей. Ныне он возрос

---

[23] РГИА. Ф. 1276. Оп. 15. Д. 28. Л. 72–75. Подлинник записки. См. также: Отчет о трудах III съезда [представителей акционерных коммерческих банков], происходившего 9, 10 и 11 июля 1916 года. Пг., 1916. С. 39; Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июня 1916 — 1 января 1918 г. Пг., 1918. С. 53; БОВЫКИН В.И., ТАРНОВСКИЙ К.Н. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 21; ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Влияние войны на численность, состав и положение рабочего класса // Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М., 1982. С. 236.

[24] GATRELL P., DAVIES R.W. The Industrial Economy // DAVIES R.W. (ed.). From Tsarism to the New Economic Policy. London, 1990. P. 363. Fn. 7.

до 600 млн руб., т. е. увеличился в 7,5 раза»[25]. Однако А.Л. Сидоров, опираясь на приведенные Саввиным там же другие расчеты, писал не о 7,5-кратном увеличении, а об удвоении: «Стоимость оборудования частных заводов, занятых во время войны работой на оборону по металлу, удвоилась с 300 млн до 600 млн руб. И это еще в начале 1916 года»[26].

В состав 300 млн, по Саввину, входила «примерная стоимость *старого оборудования* частных заводов, до войны работавших на мирные нужды и ныне занятых изготовлением военных припасов: а) крупные машиностроительные заводы — 80 млн руб., б) металлургические и железоделательные заводы — 120 млн руб., в) средние и мелкие промышленные заведения, а также ж.-д. мастерские частных ж. д. — 100 млн руб., [итого] 300 млн рублей»[27]. Несмотря на такую детализацию, у Саввина остается необъясненным противоречие: если 80 млн приходятся только на крупные машиностроительные предприятия, то эта цифра не должна бы сопоставляться с 600 млн, относящимися, по его словам, к «стоимости оборудования всех заводов и мастерских» частной металлообрабатывающей промышленности, обслуживающей фронт. Эта несообразность перешла вместе с рядом цифр, позаимствованных у Саввина, и в записку металлозаводчиков, где, правда, не указан их источник и сделано (явно на глаз) исправление: вместо 600 млн руб., названных Саввиным для начала 1916 г., читаем: «теперь (июнь 1916 г. — *В. П.*) приближается к 1 миллиарду». За видимым ростом стоимости скрывается, далее, качественное ухудшение станочного парка, особенно на частных предприятиях, поскольку приобретавшееся в условиях войны в массовом количестве оборудование предназначалось преимущественно не для собственно машиностроения, а для снарядного и военно-повозочного производства и состояло в основном из простейших станков[28].

Новейшая оценка размера основных капиталов казенной военной промышленности к 1914 г., принадлежащая К.Ф. Шацилло[29], приближается к 400 млн рублей, причем этот результат несопоставим с 80–100 млн руб. (Саввин), относящимися к частной промышленности 1914 г., так как в 400 млн входит, помимо построек и оборудования, еще и стоимость изделий (в том числе таких «полуфабрикатов», как

---

[25] Труды 1-го съезда представителей металлообрабатывающей промышленности 29 февраля — 1 марта 1916 г. Пг., 1916. С. 69, 72; Труды Второго съезда представителей военно-промышленных комитетов 26–29 февраля 1916 г. Пг., 1916. Вып. 2. С. 436.

[26] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 367. См. также: БАСИЛАЯ Ш.И. К вопросу о военной промышленности Закавказья в годы первой мировой войны // Труды Сухумского государственного педагогического института. 1964. Т. 17. Об удвоении писал и Н.Ф. Чарновский, но абсолютные цифры предлагал иные: с 400 до 750 млн, частично с включением стоимости оборудования металлургических производств (Народное хозяйство в 1916 г. Пг., 1920. Вып. 4. С. 49–50. См. также: РОЗЕНФЕЛЬД Я.С., КЛИМЕНКО К.И. История машиностроения СССР. М., 1961. С. 125).

[27] Труды 1-го съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. С. 71–72; Труды Второго съезда представителей военно-промышленных комитетов. Вып. 2. С. 436.

[28] РОЗЕНФЕЛЬД Я.С., КЛИМЕНКО К.И. Указ. соч. С. 125.

[29] См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 139.

строившиеся гигантские линкоры и крейсера), запасов материалов и т. п., к тому же не только в металлопромышленности; кроме того, сама методика оценки строений, оборудования и материалов в казенной промышленности отличалась значительным своеобразием.

В целом же в отношении военной промышленности начала XX в. сохраняет силу общее соображение об имеющихся источниках, высказанное А. Каганом: они не дают возможности эмпирически проверить состоятельность некоторых важных оценок гипотетического свойства, касающихся исходных экономических соотношений, и это вынуждает прибегать к приемам описательной характеристики (имеющим, конечно, свои недостатки)[30].

Наиболее определенное представление о размерах главного ядра военной промышленности дает число занятых в нем рабочих[31]. Варзар полагал, что среднее годовое число рабочих «является общим, объективным, видимым внешним признаком для всякого промышленного предприятия, не дающим места для недоразумений», и считал этот показатель «устойчивым признаком», «независимым от влияния условий пространства», «от колеблющихся ценностных условий производства»; «число рабочих, как постоянный признак, обусловливает размеры продукции, а не наоборот»[32].

Исходя из данных, предоставленных статистикам ведомствами, исправляя замеченные неточности по другим источникам и дополняя их прочими сводными и отрывочными, частными данными, получим следующую картину роста казенной промышленности, наиболее специализированной на военном производстве.

Численность рабочих казенной военной промышленности

Группы заводов	В 1908 г.	К 1917 г.
1) Военного министерства	37.310	189.010
в том числе заводы ГАУ	30.583	174.343
2) Морского министерства	22.361	57.700
в том числе Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский, Обуховский	12.719	31.107 (минимально) 37.371 (максимально)
3) Горного департамента	44.502	66.228
Всего	*104.173*	*312.663*
или, округляя,	104 тыс.	313 тыс.

Источники: См. Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 136.

[30] KAHAN A. Capital Formation during the Period of Early Industrialization in Russia, 1890–1913 // The Cambridge Economic History of Europe. London, 1978. Vol. 7. Pt. 2. P. 265.

[31] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 26.

[32] ВАРЗАР В.Е. Очерки основ промышленной статистики. Ч. 1. С. 136.

Все приведенные в таблице показатели на конец 1916 и начало 1917 г. — минимальные. Исправлять их в сторону увеличения заставляют встречающиеся в делопроизводственных документах отдельные указания. Например, численность рабочих казенных горных заводов должна считаться большей, чем показывает таблица, учитывая, что к январю 1917 г. на заводах одного только Златоустовского округа, по сведениям уполномоченного Особого совещания по обороне по Уральскому району, состояло «до 40 тыс. рабочих»[33]. Между тем принятая в таблице за основу справка по заводам Уральского района, — она взята из дел Особого совещания по обороне и относится примерно к декабрю 1916 г.[34] — указывает общее количество рабочих 58 800, причем по Златоустовскому округу — лишь 22 000. Существуют, однако, и другие показатели по всем уральским заводам: 108 000 — выведено И.К. Рафиковым по архивным материалам[35], и 57 561 человек — согласно «Списку казенных заводов и мастерских» Министерства торговли и промышленности[36].

Существенно преуменьшены показатели по ГАУ. На Ижевских оружейном и сталеделательном заводах насчитывалось на 8 ноября 1916 г. не менее 46 тыс. человек: ГАУ жаловалось, что ему приходится «питать рабочих заводов, всего в количестве 32 тыс. человек, и, кроме того, продовольствовать около 14 тыс. человек рабочих, работающих на принудительных работах в двух лесничествах заводов по рубке дров и заготовке строевого леса»[37]. Неясно, вошли ли в число 14 тыс. или 32 тыс. прикомандированные солдаты — свыше 7800 человек.

Так же и в данных о морских заводах видны несообразности: на Обуховском, по одним сведениям, числилось 10 531 рабочий к 1 января 1917 г.[38] или 10 598 на 1 ноября 1916 г.[39], а по полицейским сведениям на 31 января 1917 г. — 15 000[40].

Помимо четырех главных, петроградских, среди морских заводов имелись и другие довольно крупные: Севастопольское адмиралтейство (св. 9 тыс. чел.), Кронштадтский пароходный, Дальзавод (по 3 тыс. чел.), новые толуоловый (921 чел.) и трубочный и электромеханический (498)[41].

Таким образом, приведенные в таблице показатели даже в округленном виде имеют сугубо условный, ориентировочный характер и нуждаются в дальнейших уточнениях.

Приведенные, по определению Варзара, «независимые от условий пространства» данные могут все же дезориентировать при попытке провести на их основе сравнения. Необыкновенная (сверхамериканская) концентрация рабочей силы выражала в России лишь своеобразие хозяйственного уклада ее промышленности,

---

[33] ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 54. Л. 11.

[34] РГВИА. Ф. 369. Оп. 12. Д. 10. Л. 17.

[35] РАФИКОВ И.К. Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989. С. 23.

[36] ГАПОНЕНКО Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 54 (сведения на июнь 1917 г.).

[37] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 980. Л. 48. ГАУ 8.XI.1916 / ВС 3.XII.1916.

[38] ГОРДОН М. Рабочие на Обуховском сталелитейном заводе // Архив истории труда в России. 1923. № 9. С. 55.

[39] Исторический архив. 1961. № 5. С. 164.

[40] ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1 а. Д. 37. Л. 52.

[41] Севастопольский морской. Симферополь, 1976. С. 16, 17; ГАЛЛЯМОВА Л.И. Дальневосточные рабочие России. Владивосток, 2000. С. 118; Исторический архив. 1961. № 5. С. 163–165.

обусловившее «более низкое строение капитала и, по существу, меньшую концентрацию производства»[42]. Сопоставление, например, по металлургии, произведенное Н.Н. Ванагом, показывает, что если в Германии в 1900 г. на один завод приходилось в среднем 415 рабочих, то в России — 1323, но зато в Германии на одного рабочего приходилось 2529 пудов выплавленного чугуна и 2278 пудов произведенного железа и стали, в России же — соответственно 541 и 411 пудов[43]. Исчисление концентрации производства и рабочей силы вне связи с качественными показателями «позволяет подводить под единое понятие явления разные по своей сути» и помогает создать впечатление, что русский рабочий класс был «наиболее подготовлен к социалистической революции»[44].

Обзор имеющихся статистических расчетов и других количественных оценок развития военной промышленности говорит об отсутствии твердых исходных данных для сопоставлений и о зыбкости исчислений, предпринятых даже столь искушенными экспертами, как А.Л. Вайнштейн или Р. Дэвис. На каждом шагу заявляет о себе недооцениваемая источниковедением проблема сопоставимости количественных показателей: номинально, казалось бы, принадлежащие к одному и тому же ряду, но сложившиеся в различных хозяйственных укладах, они (например, размер капиталовложений в частной крупной промышленности[45]) могут иметь, в зависимости от конкретных условий, различный смысл и даже вовсе его не иметь.

Судя по влиянию состояния военного производства на общую обстановку в индустрии и по количеству занятой в военных предприятиях рабочей силы, на их долю приходилась ощутимая часть промышленного производства. На казенных военных предприятиях сосредоточивалась примерно десятая часть фабрично-заводских рабочих страны. Значит, в отношении таких отраслей, как металлопромышленность,

---

[42] ВАНАГ Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. [Харьков,] 1930. С. 12–16.

[43] В таблице на с. 15 у Ванага опечатка: в первой колонке следует поменять местами показатели по Германии (надо: 476 предприятий) и по России (надо: 247).

[44] См.: ИВАНОВА Н.А. Вопросы стачечной борьбы пролетариата России в советской историографии // Исторические записки. М., 1970. Т. 85. С. 313; ЕЕ ЖЕ. Промышленный Центр России. С. 190, 278; ПОКРОВСКИЙ М.Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М., 1924. С. 99–100.

[45] В состав «миллиарда» рублей, якобы вложенного (на середину 1916 г.) в оборудование предприятий частной металлопромышленности, фактически зачислены не столько средства, затраченные владельцами на развитие военного производства, сколько использованные ими субвенции, полученные от правительства специально на приобретение оборудования и возведение новых зданий. В цены на снаряды и пр., указанные в их контрактах с ведомствами, вводилась по соглашению с правительственными органами особая надбавка (дотация, по выражению Сидорова) на оборудование и расширение (СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение. С. 29). Без нее даже крупные и известные частные фирмы, как правило, не соглашались принимать заказы, предвидя, что по окончании войны приобретенные специальные технические средства останутся без применения. Там, где сталкивались государственный интерес и частный риск, эти фирмы предпочитали некоммерческими способами гарантировать себя от убытков. Свободной игре независимых рыночных сил в подобном взаимодействии укладов не было места.

химические и некоторые другие производства, нуждаются в уточнении те расчеты и компиляции, которые делались исследователями в убеждении, что наиболее полная перепись 1908 г. содержит все желательные исходные данные. Здесь не миновать совершенствовать методику исчислений и исправлять соответствующие ряды цифр, не упуская из виду качественную разнородность объектов изучения. Если же отвлечься от этой необходимой корректировки, то на нынешний день, по-видимому, уже исчерпаны возможности получить — путем очередного пересчета показателей в сводах переписей и справочниках — какие-либо существенные результаты, оправдывающие усилия исследователей. Некоторая пробуксовка («отсутствие неожиданных результатов») уже проявляется при изучении отраслевой концентрации производства, несмотря на применение методов многомерного статистического анализа, кластерного анализа, индекса Джини и пр., вопреки предполагаемому «огромному информационному потенциалу» сводных публикаций переписей[46].

Для оценки состояния военной промышленности как особого сектора производства, интегрирующего экономический потенциал общества, целесообразным может оказаться некоторый сдвиг исследовательских усилий как раз в сторону сравнительного изучения качественных характеристик. Одну из таких возможностей открывает рассмотрение показаний источников о технологическом уровне внутреннего производства в сопоставлении с решениями по импорту как вооружения, так и материалов, оборудования для его изготовления. Несколько примеров могут пояснить эту линию анализа.

Балтийскому заводу, пожелавшему в 1907 г. заказать за границей машинные части, машины и чертежи 200-тонного плавучего крана, возразило Министерство торговли и промышленности: «Плавучий кран представляет собою такого рода механизм, состоящий из простых и тяжелых частей, выполнение которого в России никакого затруднения представить не может»[47]. Но с более сложными устройствами вопрос решался иначе.

Киевский арсенал после неудачного опыта с заказом 3-тонного парового молота в России заводу «Герлях и Пульст» в 1903–1905 гг., возвратив заводу его изделие, добивался взыскания неустойки и, стремясь получить разрешение на заграничный заказ, обращал внимание ведомства на то, что «заводов русских, изготовляющих специально паровые молота, арсенал не знает». Заказывая такой молот вновь (теперь уже за границей), арсенал желал «получить молот с бабами, гарантирующими как продолжительность их службы, так и безопасность». Изделия же отечествен-

---

[46] См.: ВОРОНКОВА С.В. Российская промышленность начала XX века: Источники и методы изучения. М., 1996. С. 154–171. Сделанное одним из историков замечание по аналогичному поводу — о том, что клиометрические методы не дали новых «весомых результатов», К.В. Хвостова отводит указанием на то, что этому историку недостает понимания «сути используемых в критикуемых им работах методик» (ХВОСТОВА К.В. Гносеологические предпосылки современной количественной истории // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 5–6). Относительно же существа дела — весомости результатов — К.В. Хвостова не высказывается.

[47] ВПР. Т. 1. С. 312.

ных фирм, «по многолетнему опыту Киевского арсенала, отличаются непродолжительностью исправного их действия», «так как стальные отливки русских заводов имеют самые разнообразные качества и иногда уступают в качествах чугунным». А, скажем, «Герлях и Пульст» не только запоздал с исполнением поставки, но и многочисленные недостатки исправлял небрежно и вовсе не обещал определенного улучшения стальной бабы[48]. Естественно, что и в 1915 г., когда Петербургскому арсеналу потребовался такой же 4-тонный молот, Военный совет разрешил заказать его за границей, у известной своими изделиями фирмы Массей[49].

При оборудовании в 1905–1906 гг. Петербургского орудийного завода для производства полевых скорострельных пушек потребовались новые станки. ГАУ докладывало по инстанциям, что «опыт... по заготовлению от русских заводов различных станков для точных работ показал, что для таких работ станки русских заводов в большинстве случаев непригодны по своей конструкции, уступают образцам иностранных заводов и не гарантируют требуемую точность». Даже если удастся изготовить подходящие станки по иностранным образцам, то «ввиду незначительного количества требующихся станков каждого отдельного типа стоимость специальных станков русских заводов выйдет больше заграничных и, несомненно, придется значительно увеличить сроки поставки», а ввиду неустойчивой политической обстановки в России своевременность поставки вообще «не может быть гарантирована»[50]. Планом на 1913 г. предусматривалось заказать для Петербургского орудийного завода и арсеналов станки на 45 тыс. рублей. Русские заводы, говорится в объяснении к плану, могли бы дать удовлетворительные станки «лишь при заказах значительного числа станков одного типа и размера, и то лишь при условии сильного повышения цен», почему и «отдается предпочтение иностранным станкам, значительно более разработанным в конструктивном отношении и более дешевым»[51].

---

[48] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70295. Л. 64–71. ГАУ 16.IV.1907 / ВС 3.V.1907. Заказывая в 1905 г. зарубежной фирме малый долбежный станок, необходимый для изготовления лафетов к пушкам обр. 1902 г., Киевский арсенал ссылался на желание иметь дело с «заводами, вполне гарантирующими прочность и тщательность изготовления станков, их совершенную конструкцию и точность выполнения ими работ, а также большую уверенность в исправной срочной их доставке... Станки изготовления русских заводов такой гарантии, как показал опыт приобретения станков с торгов по плану расширения арсенала, не дают» (там же. Д. 67041. Л. 28об.–29. Ведомость станкам и механизмам).

[49] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 921. Л. 112. ГАУ 1.X.1915 / ВС 24.X.1915.

[50] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67059. Л. 214об.–215. ГАУ 15.XII.1905 / ВС 7.I.1906.

[51] Там же. Д. 76853. Л. 46об.–47. Это объяснение превратилось в стандартную, дословно повторявшуюся в 1908–1916 гг. формулу (там же. Д. 70441. Л. 162об.; ф. 29. Оп. 3. Д. 863. Л. 175). По заключению Э. Хейвуда, и в паровозостроении желание МПС делать заказы за границей объяснялось не только стремлением получить современный подвижной состав и пониманием технической отсталости русской промышленности, но и экономическим поведением прижимистых заводчиков. Судя по суждениям в протоколах Продпаровоза, они в большинстве предпочитали «производить машины устаревших типов, дабы избежать серьезного переоснащения заводов» (ХЕЙВУД Э.Д. Зарубежная заготовительная деятельность царского правитель-

Состояние машиностроения создавало особенно тяжелые проблемы со станками для точных производств. В 1907–1908 гг. заказ заграничного токарно-винторезного станка Киевский арсенал мотивировал тем, что он нужен «для изготовления поверочного инструмента». Опыт уже показал, что «достигнуть той точности в работе, которая требуется от этого станка, наши заводы абсолютно не могут», так как не имеют достаточно опытных и знающих рабочих, а главное, «на наших заводах вообще нет станков, на которых можно было бы образовать части этого механизма с достаточной точностью»[52]. «Русские заводы для изготовления специальных станков совершенно не приспособлены, — сделала заключение особая комиссия ГАУ по вопросу о заграничных заказах станков и механизмов в 1907 г., — и если берутся изготовлять станки каких-либо особых типов, то в большинстве случаев выписывают все существенные части из-за границы, а сами производят только отливку станин и сборку». То же наблюдение касалось и филиальных отделений заграничных фирм в России. Полковник А.В. Ростовщиков, специалист СПб. патронного завода, высказывался за предоставление заказа прокатного стана заводу Круппа, потому что российские отделения иностранных фирм, если иметь дело с ними, «в этих случаях обыкновенно практикуют выписку большинства частей из своего заграничного завода, у себя же делают только некоторые наиболее тяжелые и грубые части (от веса ввозимых предметов зависел размер пошлины. — *В. П.*), а в довершение всего при сборке оказывается, что части, изготовленные в разных местах, дурно приходятся одна к другой»[53]. Одним из покровительствуемых отечественных поставщиков точных станков в России являлось товарищество Воссидло и К°. В 1911 г. оно исполнило заказ на 172 станка для нового трубочного завода[54], а в 1911–1912 гг. подрядилось изготовить для Тульского завода 28 станков для производства взрывателей, на 84 тыс. руб. Неожиданно выяснилось, что под видом собственной продукции товарищество торгует станками известных зарубежных фирм[55], мошеннически сбивая с оборудования, по доставке в Россию, заводские марки.

ства в первую мировую войну. Импорт железнодорожного оборудования // Русский сборник. М., 2006. Т. 2. С. 273). Генерал Л.К. Васюхнов, заведовавший в 1905 г. приемкой в Вене, доносил ГАУ: «Бёлеровский завод в Капфенберге достиг такого успеха в приготовлении шрапнелей, что директора Путиловского завода приезжают сюда смотреть. А между тем на этом заводе установлен совершенно такой же порядок приготовления шрапнелей, как и на Путиловском заводе, только не скупились на механические средства и этим достигли желаемого результата» (РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 809. Л. 58об.).

[52] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70441. Л. 174.

[53] ВПР. Т. 1. С. 320, 314, 317.

[54] См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 132.

[55] Т-во Воссидло являлось представителем Круппа и др. германских компаний (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 33. Л. 308). Подобным же образом действовал и другой поставщик Тульского завода — фирма Польте, филиал одноименного германского предприятия (там же. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1621. Л. 39об.). В ведомости заграничных заказов 1905–1906 гг. Шостенский пороховой завод объяснял, почему адресуется к иностранным производителям по поводу глиняных труб, вырубного станка для латунных гильз, вытяжных станков для наружных гильз и машин для сшивания

Часть доставленных станков была по этой причине арестована. «Постановка всех заарестованных станков дала бы возможность изготовлять по 5000 взрывателей в месяц, то есть к концу этого года дала бы 50 000 взрывателей», — подсчитывали в Мобилизационном отделе ГУГШ, а без этого ускорить производство взрывателей нельзя, и в настоящее время — в феврале 1912 г. — «имеется всего лишь 40 000 взрывателей к 3-дм гранатам». В ожидании скорого начала войны ГУГШ добивалось отмены ареста, тем более что «в частные руки изготовление взрывателей передавать нежелательно, так как они являются секретными»[56]. Требование заказывать станки непременно русским заводам, заявлял военный министр правительству, «наносит серьезный ущерб интересам нашей государственной обороны», поскольку мешает доведению казенных военных заводов «до высоты современных требований ввиду несовершенства станков русского производства и допускаемых отечественными заводами замедлений в их изготовлении». Между тем вопросы боевой готовности армии, писал Сухомлинов, должны иметь первенствующее значение «по сравнению с поощрением русской промышленности». 19 апреля 1912 г., обсудив этот доклад военного ведомства, Совет министров решил «допустить на льготных основаниях выписку из-за границы станков» для военного ведомства[57].

Согласно статистике, «по основным абсолютным показателям развития промышленности... Россия была близка к Франции, по некоторым из этих показателей отставая от нее, а по другим — превосходя», хотя картина меняется при расчетах продукции на душу населения; лидировала по темпам роста[58]. Осмотрев в 1916 г. военные заводы во Франции, помощник военного министра ген. М.А. Беляев обратил внимание на другую сторону дела. Он «был поражен тем фактом, как во Франции легко создавать новые фабрики по сравнению с созданием таковых в России. Во Франции можно получить новые машины — прессы, например, — в течение двух месяцев. В России на это потребуется шесть месяцев. Все идет из-за границы»[59].

картонных коробок и мн. др.: «Заказы давались русским фирмам, а из переписки обнаружено, что предметы фирмами высылались из-за границы» (там же. Д. 70440. Л. 189об.–190).

[56] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 87. Л. 220–221. Журнал заседания в Мобилизационном отделе ГУГШ, 11.II.1912.

[57] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 122; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76742. Л. 43–44 (ОЖСМ); Л. Спор В.А. Сухомлинова с С.И. Тимашевым // Речь. 16.V.1912.

[58] БОВЫКИН В.И. Россия накануне великих свершений. С. 125. В подобных сопоставлениях не всегда учитывается сложность вопроса. Как указывает В.А. Мельянцев, «для окончательных выводов по этой сложнейшей проблеме» (речь идет о динамике роста в конце XIX — начале XX в.) имеющиеся практические измерения «не дают оснований»; по его мнению, «к 1913 г. Россия по размерам подушевого ВВП существенно опередила Китай, Индию и Бразилию, но еще больше отстала от стран Запада» (МЕЛЬЯНЦЕВ В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 228; ЕГО ЖЕ. Экономический рост России в сравнительно-ретроспективном ракурсе (XVIII — начало XX в.) // Вопросы истории экономических и политических отношений России (XVIII — начало XX в.). М., 1996. С. 11–19; ЕГО ЖЕ. Восток, Запад, Россия в XVII–XX вв.: уровни, темпы и факторы экономического развития // Экономическая история. Обозрение. 1998. № 2. С. 82).

[59] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 608. Л. 133.

А.Н. Крылову бросилось в глаза различие в постановке судостроительной техники: «Изготовление тюрбинного ротора для больших тюрбин при проковке их имеющимися на наших заводах средствами требует от 6 до 8 месяцев. На заводе Дж. Брауна в Англии... установлены специальные прокатные станы, на которых ротор прокатывается с одного нагрева в 12 минут»[60].

Без ввоза нельзя было обойтись, перевооружая казачью конницу пиками образца 1910 г. — со стальной трубой вместо древка. Такие пики изготовлялись из труб иностранного производства, весь имевшийся запас которых был израсходован к марту 1915 г. Перед войной более трех лет ГАУ делало попытки найти поставщика в пределах империи, «заказы предлагались и давались как частным заводам, так и казенному Ижорскому заводу», оправдывался бывший начальник ГАУ[61], однако цель не была достигнута и «пики до последнего времени изготовлялись исключительно из заграничных (германских, шведских и английских) труб». В условиях же войны попытка дать заказ в нейтральную Швецию не удалась[62], и возобновилось изготовление деревянных пик. Правда, уже в апреле–августе 1915 г. заказ на цельнотянутые стальные трубы германского образца приняла американская фирма[63], а отечественные Круппы и Виккерсы занялись изготовлением «вполне посильных для них отдельных частей пик». В частности, Златоустовский завод справлялся с изготовлением копий (верхняя, колющая часть пики) и наконечников (нижняя часть)[64].

В «Кратком курсе» сказано, что в царской России не было автомобильной промышленности. Позднее это мнение подверглось критике и пересмотру. Историография даже отмечает, что во время мировой войны наблюдались «впечатляющие успехи» русской автомобильной промышленности[65]. Автор учебного пособия идет дальше и утверждает, что «уже в начале XX в. в России появились достаточно крупные автозаводы, а также множество фабрик и мастерских, выпускавших автомобили», поэтому

---

[60] КРЫЛОВ А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 573.

[61] Объяснения Кузьмина-Караваева не показались убедительными следственной комиссии, на нее подобные технологические пустяки не произвели впечатления: по ее заключению, «неудача в привлечении частной промышленности... обязывала военное ведомство к *властному* установлению на казенном заводе этого производства».

[62] «Единственный шведский завод, поставлявший нам эти трубы, сгорел», — упоминалось во всеподданнейшем докладе за 1915 год (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 178. Л. 31). Такие трубы требовались и для постройки аэропланов.

[63] 25 октября 1915 г. А.В. Сапожников доносил в ГАУ, что «пики изготовлялись заводом Snead C° (в других телеграммах фирма иногда именуется «Snid» или «Снигди») по контракту его с британским правительством, причем за образец... принята германская пика. Почти все пики уже приняты». Приемка пик продолжалась и в декабре (там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5577. Л. 81; д. 5578. Л. 33. Дешифранты телеграмм из Нью-Йорка).

[64] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 25–28об.; ф. 2000. Оп. 1. Д. 5574. Л. 40 б, 70.

[65] STONE N. Organising an Economy for War: The Russian Shell Shortage, 1914–1917 // War, Economy and Military Mind. Totowa (N. J.), 1976. P. 112–117. К.Ф. Шацилло: «Была и автомобильная промышленность, которая строила автомобили, пусть не в достаточном количестве, но строила» (Россия. 1917 год. Выбор исторического пути. С. 130).

неправы те, кто считал, что «до 1917 г. в России автомобильной промышленности не было». По сведениям автора «Тайн русских масонов», к 1917 г. появились «десятки» авиационных, автомобильных и т. п. заводов. Еще один, представившийся как «православный, офицер, казак, монархист по убеждениям и представитель интеллигенции по роду занятий» (и, добавим, масоновед), сообщает, что к 1917 г. «российская промышленность изготовляла... 20 тыс. грузовых машин» в год[66].

Однако по мнению С.В. Воронковой, «Россия вступила в первую мировую войну, совершенно не имея автомобильной промышленности»[67]. Дж. Купер и Р. Льюис оспаривают ее утверждение и приводят сведения о выпуске машин заводами Г.А. Лесснера («наиболее важный» автомобильный завод между 1906 и 1909 гг.), Русско-Балтийским и заводом И.П. Пузырева: «В период непосредственно перед войной существовали три фирмы, строившие автомобили на регулярной основе»[68]. Их уточнение неубедительно, поскольку они не упоминают, что Лесснер прекратил эту деятельность в 1909 г. и более не существовал в качестве автомобильного[69], а Пузырев — фактически в 1913 г. «Русский автомобильный завод И.П. Пузырева» упомянут в исследованиях по истории русского автомобилестроения как изготовитель «десятков машин» в год. Но при конкретизации оказалось, что за время действия на этом поприще (1911–1913 гг.) он выпустил 38 экземпляров, то есть по 13 машин в год, что, впрочем, расценивается как выпуск машин «промышленными партиями». 8 января 1914 г. завод Пузырева сгорел («пострадал от огня», по выражению Купера–Льюиса), а вскоре умер и его хозяин[70]. Таким образом, за существование це-

---

[66] РУБЕЦ А.Д. История автомобильного транспорта России. М., 2003. С. 3, 83; Вопросы истории. 1997. № 11. С. 165; ШАМБАРОВ В. Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2006. С. 142, 464.

[67] ВОРОНКОВА С.В. Строительство автомобильных заводов в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 147. Крестовников в июне 1915 г. утверждал: «Производства таких крупных отраслей, как... автомобилей, у нас совсем нет» (ВПР. Т. 1. С. 507).

[68] DAVIES R.W. (ed.). From Tsarism to the New Economic Policy. P. 193–194. О трех автомобильных заводах, не называя их конкретно, пишет также С.И. Сметанин (СМЕТАНИН С.И. Второй этап индустриализации России // Экономическая история России XIX–XX вв. Современный взгляд. М., 2001. С. 280).

[69] А.о. Г.А. Лесснер, осваивавшее производство автомобилей с 1901 г. по лицензии от германской фирмы Даймлер, как считается, «действительно наладило автомобильное производство, а не являлось лишь сборочным цехом». Но за шесть лет этот завод выпустил около сотни машин, то есть до 17 экземпляров в год. Затем — «в условиях рынка и свободной конкуренции» — это производство «оказалось недостаточно рентабельным». В 1909 г. Г.А. Лесснер расторг контракт с Даймлером и, «оставив автомобили, обратился к более выгодным поставкам торпед и оборудования для военных кораблей», то есть выпуск автомобилей «был прекращен» (ШУГУРОВ Л.М. Автомобили России и СССР. М., 1993. Ч. 1. С. 28; ШЛЯХТИНСКИЙ К.В. Автомобиль в России. М., 1993. С. 83; История автомобильного транспорта России до 1917 [года]. М., 1994. С. 39–40).

[70] ШУГУРОВ Л.М., ШИРШОВ В.П. Автомобили страны Советов. М., 1983. С. 17–18; ШУГУРОВ Л.М. Автомобили России и СССР. Ч. 1. С. 45–46.

лой отрасли принимается в данном случае выпуск автомобилей Русско-Балтийским заводом (до его эвакуации в 1915 г.; к 1914 г. в автомобильном отделе этого завода после локаута в ноябре 1913 г. числилось 85 рабочих[71]).

До 1916 г. единственным в России заводом, выпускавшим «самодвижущиеся повозки», то есть автомобили, оставался Русско-Балтийский вагонный завод, «производительность которого весьма незначительна и который занимается постройкой исключительно пассажирских автомобилей»[72]. (В США в начале войны насчитывалось около 300 автомобильных заводов, в их числе были изготовлявшие в год многие тысячи машин.) Активисты Российского автомобильного общества с сожалением отметили, что «в мирное время со стороны военного ведомства не было сделано ничего для создания отечественной автомобильной промышленности»[73]. Ссылаясь на заключение Верховной следственной комиссии, Л.М. Шугуров также утверждает, что Сухомлинов и начальник Генерального штаба Я.Г. Жилинский проглядели проблему автомобилизации армии внутренними средствами страны. Сухомлинов «избрал самый легкий путь — размещение заказов на автомобили за рубежом», покровительствуя тем иностранным фирмам, с которыми имел «личные деловые связи»; «военный министр благоволил к иностранным фирмам»[74]. Обвинение не вполне справедливое. Пытаясь насадить производство автомобилей, военное ведомство перед войной вступило в переговоры с рядом фирм, и «выяснилось, что без гарантии новым заводам определенных крупных казенных заказов на несколько лет вперед» либо устранения заграничной конкуренции введением запретительных пошлин «отечественная промышленность народиться и окрепнуть не может». Ввиду таких обстоятельств в феврале 1915 г. решено было взять у Русско-Балтийского завода все, что он сможет дать, а остальное заказать за границей; учитывалось, что цены, запрошенные этим заводом, «по сравнению с ценами английского и американского рынков непомерно высоки, и если могут быть признаны приемлемыми, то лишь в целях поддержания производительности единственного русского автомобильного завода при настоящих трудных для него условиях»[75]. По оценке Шугурова, из 600 автомобилей этого завода «львиную долю», две трети, составляли заказанные Военным министерством; оно заказывало «из года в год» «крупные партии» машин[76]. Но вплоть до 1910 г. эти заказы не могли получить развития из-за отсутствия обеспеченной финансовой базы: «Финансовые затруднения... заставляют временно отказаться от сформирования теперь же специальных автомобильных воинских частей», — докладывало Военному совету Управление военных сообщений 9 февраля 1909 г. Приходится «в виде временной меры, в целях подготовки кадра шоферов и

---

[71] ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1914 г. Д. 341. Л. 6об., 25об.

[72] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 53об. Свод сведений о самодвижущихся повозках.

[73] Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 247. Журнал соединенного заседания Комитета, Технической комиссии и особо приглашенных гг. членов Имп. РАО, 16.XI.1915.

[74] ШУГУРОВ Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. М., 2004. С. 164, 168.

[75] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 54, 62. Свод сведений о самодвижущихся повозках.

[76] ШУГУРОВ Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. С. 41, 43, 72, 177.

монтеров, организовать хотя бы небольшие команды при железнодорожных батальонах Европейской России»[77].

Опираясь на сообщение журнала «Автомобилист» 1913 г., Н.П. Ионичев указывает, что автомобильный отдел Русско-Балтийского завода выпускал «до 200 автомобилей в год» — «грузовые и легковые автомобили», якобы «целиком из узлов своего производства»[78]. По данным Воронковой[79], завод был рассчитан на годовой выпуск даже 250 машин[80], но «не смог достичь расчетной производительности... встретившись с непреодолимыми трудностями»: обложенный высокими пошлинами, ввоз недостающих материалов и частей обходился слишком дорого, приходилось все делать у себя. Всего Русско-Балтийский завод выпустил, по одним сведениям, 451 машину за 1910–1915 гг., то есть, если снова обратиться к количественным методам, в среднем выпускал не по 200–250, а по 75 в год. По другим, более полным и надежным сведениям, выпуск достиг 623 экз. за 1909–1918 гг., то есть в среднем свыше 60 машин в год[81]. И в 1916 г. Русско-Балтийский завод не делал все у себя, а получал из-за границы (через Стокгольм) необходимые для производства автомобилей сталь, шарикоподшипники, свечи, насосы, покрышки и камеры, карбюраторы, магнето, колеса, масленки, приборы, валы, шурупы, винты, болты, тросы, различные материалы, в частности для моторов, и мн. др.[82] С конца 1914 г. завод овладел искусством изготовления радиаторов, а затем и конических шестерен. Это и есть та автомобильная промышленность, которой реально располагала Россия в 1914–1917 гг.: по оценке Шугурова, «единственный, пусть небольшой, автомобильный завод»[83].

В Реутове под Москвой с марта 1914 г. начало постройку своего автомобильного завода на купленной для этой цели земле «Русское а. о. Делагэ» (Delahaye), которому помощник военного министра Вернандер за полгода до того пообещал (в условной форме) заказ на военные грузовики — в случае согласия законодатель-

---

[77] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71658. Л. 185; ф. 2000. Оп. 1. Д. 1571. Л. 13. Поливанов (за министра) — в Государственную думу, 29.X.1909.

[78] ИОНИЧЕВ Н.П. Внешние экономические связи России. М., 2000. С. 246–247; ЕГО ЖЕ. Иностранный капитал в экономике России. М., 2002. С. 171. В США в 1914 г. производилось 569 тыс., в Англии (в 1913 г.) 34 тыс., в Германии — 20 тыс., во Франции — 45 тыс. (РОЗЕНФЕЛЬД Я.С., КЛИМЕНКО К.И. Указ. соч. С. 102).

[79] ВОРОНКОВА С.В. Строительство автомобильных заводов. С. 148.

[80] Испытывая в 1912 г. острую нехватку заказов, завод сделал отчаянное заявление военному ведомству о готовности за четыре месяца, к марту 1913 г., поставить армии 288 автомобилей (ШУГУРОВ Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. С. 170–171).

[81] Там же. С. 11, 41, 43, 72, 177. К.В. Шляхтинский повышает итог до 1000–1100 («неизмеримо больший»), добавляя те автомобили, которые на Русско-Балтийском заводе прошли капитальный ремонт (ШЛЯХТИНСКИЙ К.В. Указ. соч. С. 91–92).

[82] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8397. Л. 57об. Телеграмма ГВТУ военному агенту в Стокгольме, 18.II.1916.

[83] ШУГУРОВ Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. С. 40, 179.

ных инстанций, ожидавшегося «не позже апреля 1914 года». Такое обещание имело решающее значение для учредителей «Русского а. о. Делагэ». Как и прочими соискателями концессии, этой компанией «вопрос о постройке завода ставился в зависимость от получения казенных заказов». Только когда Вернандер уведомил их, что цены и другие условия, выставленные парижским автомобильным обществом Делагэ, «являются, по моему мнению, приемлемыми», обрадованные французы, не дожидаясь ассигнования законодательными учреждениями денег на заказ автомобилей (игнорировалась оговорка в письме Вернандера, ставившего все начинание в зависимость от казенного ассигнования «в установленном законом порядке»), основали «Русское а. о. автомобилей Делагэ» и, собрав капитал в миллион рублей, заключили контракты со строительными подрядчиками, поставщиками оборудования и нанимаемыми служащими.

Однако, помимо общества Делагэ и «Рено», «предполагали приступить» к организации автомобильных заводов в России еще и другие заграничные фирмы, в том числе «Фиат», американская General Motors Truck & C°, английское общество «Бекос» (British Engineering C° of Siberia), французская Шнейдер и К°. Одновременно ГВТУ с помощью Министерства торговли и промышленности воззвало к русским заводчикам. Подготовительную комиссию Особого совещания по обороне привлекала низкая цена, назначенная обществом Делагэ, но еще ниже назначило цену общество «Бекос»; по соображениям же таможенной политики комиссия была вынуждена рекомендовать (наряду с пятью русскими компаниями) фирму «Русский Рено»[84].

К концу 1915 г. отмечалась активность шести фирм в России, рассчитывавших получить казенные заказы на автомобили. Из них «уже строил автомобили» один только Русско-Балтийский вагонный завод, при этом количество деталей, импортируемых РБВЗ, к 1914 г. «свелось к минимуму (магнето, карбюраторы, обода колес и некоторые другие)»[85]. Эвакуированный из Риги в Фили (на окраине Москвы), завод «приступил к налаживанию этого дела» на новом месте. Среди остальных пяти фирм о некоторой причастности к автомобильному делу имели основание заявлять ремонтные мастерские в Москве компании «П. Ильин», за которыми числился «большой опыт в ремонте и постройке кузовов», и мастерские в Петрограде фирмы «Русский Рено» — «весьма солидного предприятия» с «большим техническим опытом».

Прочие же три фирмы лишь проявили готовность приспособиться к постройке автомобилей. Это были «А. о. воздухоплавания В.А. Лебедев» с заводом аэропланов в Петрограде, устраивавшее также завод в Ярославле; механический завод в Нахичевани а. о. «Аксай» — «одно из крупных и прекрасно оборудованных пред-

---

[84] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 208. Л. 67 и об. Е.А. Данилов — Поливанову, 10.XII.1915; 69. Вернандер — Данилову, 16.III.1913; 72–82; ВПР. Т. 1. С. 536–538, 555–559.

[85] История автомобильного транспорта России до 1917 [года]. М., 1994. С. 40. В конце 1915 г. начальник ГВТУ сообщал, что «установлено производство в России магнето, до войны поставлявшихся всему миру почти исключительно Германией», а также «производство авиационных моторов автомобильного типа» (на каких заводах — не указано) (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 8. Разъяснения о состоянии снабжения армии).

приятий Юга России»; для общества «А. Кузнецов и С. Рябушинский» проект автомобильного завода готовили в США[86].

Тут же выяснились ожидаемые затруднения на пути утверждения в России собственного автомобилестроения. Одно из них заключалось в том, что потребуются «высокие сорта стали, отливок и поковок», подшипники и резиновые шины с ободами. Между тем «высокие специальные сорта стали» «пока в России не выделываются», лишь в будущем «имеется в виду... поднять вопрос о расширении, с правительственной поддержкой, Невского судостроительного и механического завода» специально для выпуска подходящей стали, поковок, отливок, подшипников и т. п.[87]. Условия правительственной поддержки возникавшим отечественным автомобильным предприятиям включали временное разрешение ввоза 30% материалов из-за границы. Докладчик РАО В.Ф. Давыдов полагал, что «по окончании войны эта льгота пойдет в ущерб развитию отечественной промышленности... Если оборудовать заводы и приступить к производству, получив 30% заграничных материалов, поручить руководство делом иностранцам и оперировать еще на иностранные капиталы, то можно ли при таких условиях нарождающуюся промышленность назвать русскою»[88].

Между тем обнаружилось, что создаваемая с гигантским напряжением тяжелая артиллерия особого назначения оказалась хрупким образованием: ей грозила «полная потеря боеспособности» из-за скверной постановки ремонта тракторов и автомобилей. Остро недоставало ремонтных мастерских и отсутствовала возможность их быстро завести. Это «сейчас невозможно, — писал начальнику ГАУ В.А. Леховичу начальник Упарта Е.З. Барсуков 25 августа 1917 г., — за отсутствием на русском рынке машин, а также трудности собрать необходимый технический персонал». Требовалось срочно организовать «где-либо в тылу» большую мастерскую, использовав (переместив туда) технические средства Петроградского орудийного завода[89], использовать также заводы Гельферих Саде в Харькове и Рябушинского в Москве, поскольку они не сумели наладить у себя производство автомобилей «и теперь их оборудование можно обратить на ремонт машин в широком масштабе»[90].

---

[86] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 208. Л. 52. Сводка данных, полученная ГАУ 27.XII.1915.

[87] Там же. Л. 59об., 39. В 1905 г., заказывая инструментальную сталь за границей, Луганский патронный завод сообщал в Петербург, что ему нужна «сталь высшего качества, каковому требованию не всегда удовлетворяет сталь русского производства». В ведомостях заграничных заказов для казенных заводов указаны сотни различных типов стали, а также стальной проволоки для изготовления пружин и сверл, пилы высокого качества для тонких работ (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70440. Л. 135об.–136, 156об., 157 и др.).

[88] Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 253.

[89] Там же. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–51; д. 8. Л. 224. К тому времени при Орудийном заводе существовала автомобильная мастерская — «завод бывш. Брейтигама», как назвал ее Лехович 8 июня 1917 г. (там же. Д. 8. Л. 246). «Иван Брейтигам» к 1913 г. был крупнейшей в Петербурге кузовной фирмой, на ее заводе было занято 400 рабочих; в 1915 г. — 180 (ШУГУРОВ Л.М. Автомобили России и СССР. Ч. 1. С. 20; ВПР. Т. 1. С. 541).

[90] РГВИА. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 51об.

В литературе распространено представление, будто автомобильный завод Рябушинского к 1917 г. уже действовал[91]. Но, построив производственные корпуса, Рябушинские смогли добыть лишь 15% требовавшихся станков; в августе 1917 г. был заключен договор с военным ведомством «о чистке, сборке и регулировании получаемых из-за границы авто различных марок», выпускать же свои автомобили завод не мог[92]. Часть станков, предназначенных для АМО, погибла: 30 сентября и 26 октября 1916 г. нагруженные ими суда были потоплены германскими подводными лодками[93]. Таким образом, в 1917 г. завод АМО лишь начал сборку грузовиков «фиат»[94].

Но что говорить об автомобилях или авиации, даже о цельнотянутых трубах, когда те же затруднения наблюдались при изготовлении и не столь сложных изделий — таких, как гайки, болты[95], колуны или колючая проволока. Перед войной достаточным считался запас в 732 тыс. пудов проволоки, а оказалось, что требуется свыше 2 млн пудов в месяц. С русских же заводов «первоначально, по количеству имеющихся на них станков, можно было получать в общем до 60 тыс. пудов проволоки в месяц». До войны производство проволоки сосредоточивалось в приграничных с Германией районах, «на развитие же этого рода промышленности внутри России не было обращено внимания, вследствие чего с объявлением войны... дело снабжения проволокой почти целиком стало в зависимость от американских заводов» — с соответствующими трудностями доставки. Всего с начала войны американским заводам было заказано свыше 25 млн пудов проволоки (получено до 1916 г. 10,6 млн пудов, и на протяжении 1916 г. колючая и всякая иная проволока продолжала поступать из США), но с 1916 г. Англия отказала в кредитах на дальнейшие заказы, ссылаясь на недостаточность тоннажа для доставки в Россию этого средства ведения прежде всего позиционной войны[96].

---

[91] КОНОТОПОВ М.В., СМЕТАНИН С.И. Очерки истории экономики. М., 1993. С. 220; КУВШИНОВ В.А. П.П. Рябушинский — предприниматель, финансист, политик // Клио. 1997. № 3. С. 202; СМИРНОВА Ю.Б. Предпринимательство и монополистический капитализм в России в конце XIX — начале XX в. Ярославль, 1999. С. 42.

[92] ПЕТРОВ Ю.А. Династия Рябушинских. М., 1997. С. 64–65. Невозможность оборудовать завод Ю.А. Петров объясняет тем, что сорвались заграничные заказы на станки, а изготовить их в России не было возможности, «так как все машиностроительные компании были перегружены работой на оборону». Но снабжать ТАОН — это ли не работа на оборону?

[93] История автомобильного транспорта. С. 43.

[94] ШУГУРОВ Л.М. Автомобили России и СССР. Ч. 1. С. 47; РГВИА. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 51. В 1932 г. заводская многотиражка «Догнать и перегнать» (№ 45) напечатала архивные материалы, «разоблачавшие утверждения... Рябушинского, что завод якобы был полностью построен, оборудован и пущен им до 1917 г.» (ЖУРАВЛЕВ С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов». М., 1977. С. 121).

[95] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5584. Л. 126; д. 5604. Л. 39; д. 5582. Л. 119, 224. В августе 1916 г. один из пароходов был отправлен из США с 868 ящиками подковных гвоздей, гаек и болтов (там же. Д. 5574. Л. 93–94).

[96] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 301, 303 и об., 304об., 305. Свод сведений о снабжении армии проволокой для искусственных препятствий; ф. 2000. Оп. 1. Д. 5572. Л. 11–13, 59;

Внутреннее производство, помимо общих нехваток металла, топлива, транспорта, стеснялось еще недостатком приспособлений для протяжки проволоки. «Производство это крайне трудное, — признала следственная комиссия, — требующее опытных рабочих и хороших волочильных досок, у нас не выделываемых»[97]. Действительно, Выксунские, например, заводы в 1914 г. заказали за границей 700 стальных досок, но получили только 50, а сами изготовить их не могли, так как хотя и делают пригодную для этого сталь, но «не имеют специальных станков для быстрой сверловки дыр и нигде не могут их получить», поэтому обходились в основном чугунными досками (меньшей производительности). Другим непреодолимым препятствием служила нехватка обученных рабочих-тянульщиков[98]. Что же касается проволоки тоньше 0,23 мм, для кабелей, то установить ее изготовление не брался «ни один завод», и «приходилось довольствоваться только выписываемой из-за границы»[99].

Намечая обзавестись собственным проволочным производством, ведомство заранее предполагало завладеть каким-либо из уже существующих заводов: если строить новый, то для него «все оборудование придется выписывать из-за границы, что, помимо затруднений, займет много времени»[100].

Подобные данные, весьма объективные, хотя и не всегда поддающиеся количественному выражению, конечно, не исчерпываются приведенными примерами[101].

д. 5574. Л. 35; и др. За первый год войны за границей удалось заказать около 24 млн пудов проволоки, а в России — около 4 млн пудов (там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 3об. Разъяснения, данные начальником ГВТУ, о состоянии снабжения армии).

[97] Там же. Д. 128. Л. 304.

[98] Там же. Ф. 369. Оп. 14. Д. 6. Л. 9. Журнал заводского совещания Нижегородского района № 16, 8.III.1916.

[99] Там же. Оп. 16. Д. 41. Л. 18об.

[100] Там же. Л. 19.

[101] Маниковский, опираясь на свидетельство председателя Русского заготовительного комитета в США ген. А.В. Сапожникова, утверждал, к вящей славе своего ведомства, что массовое изготовление русской винтовки, привычное для русских заводов, оказалось не по силам заводам американским, якобы не приученным к столь высокоточной работе. Дело пошло на лад, по его словам, лишь благодаря прибытию из России инженеров-артиллеристов, подучивших американцев. Исправляя в объяснениях Сапожникова–Маниковского оптимистический в отношении промышленности ГАУ перекос, специалист-оружейник ген. А.П. Залюбовский (принявший Комитет от не справившегося с задачей Сапожникова) счел своим долгом восстановить справедливость. Ознакомившись с технологической постановкой высокоточного производства на заводах Вестингауза и Ремингтона, он нашел ее безупречной, а затруднения и опоздания в выполнении русских заказов как раз были вызваны, по его мнению, отсутствием компетентного сотрудничества со стороны Заготовительного комитета. Залюбовский напомнил, что и самой постановкой машинного ружейного производства на своих заводах в конце XIX в. ГАУ было обязано именно руководству американских оружейных фирм (прежде всего Кольта). См.: ЗАЛЮБОВСКИЙ А.П. Снабжение русской армии в великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936. С. 7–12. Из переписки же Заготовительного комитета с ГАУ в 1915–1916 гг. видно, что кроме затруднений, указанных Залюбовским, нема-

Принимать их во внимание необходимо, если стремиться составить представление о реальных экономических соотношениях, скрытых за «оптимистическими» рядами и колонками цифр [102]. Ставя целью «продвинуться в создании фундамента из прочных и представительных фактов» [103], нет смысла слишком уж замыкаться в кругу зыбких статистических данных, содержащихся в нескольких, хотя бы и очень важных, публикациях. Едва ли верно видеть в освоении этого круга источников — пусть кажущемся «очень трудоемким» — «единственный возможный путь исследования» [104]. Многие количественные показатели оценить по достоинству невозможно, отвлекаясь от качественных характеристик экономических явлений, в которых отражается многообразие хозяйственных укладов, столь свойственное действительности начала XX в.

Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сб. ст. памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева (СПб., 1999).

ло осложнений создало ГАУ, направив на заводы в США в качестве образцовых экземпляров изношенные винтовки, а также волокитой с доставкой недостающих лекал.

[102] См. АДАМОВ В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. С. 234, 226.

[103] ВОРОНКОВА С.В. Российская промышленность начала XX века. С. 179.

[104] БОВЫКИН В.И. Концентрация промышленного производства. С. 173.

О «КОММЕРЧЕСКОМ» УПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Государственную промышленность обычно считают в принципе однотипной с частной, признавая лишь несущественное своеобразие ее, не затрагивающее общих закономерностей капиталистического производства. Этот взгляд исходит из представления, что любой хозяйственный уклад в России начала XX в. представлял собой «не что иное, как форму или оболочку господствовавших в стране буржуазных отношений»[1]. Но такая точка зрения пока не получила обоснования путем анализа конкретных сведений и, более того, расходится с фактическим материалом. Для дальнейшего выяснения этого вопроса необходимо рассмотреть практику «коммерческого» управления казенным производством, которая дает наибольшие поводы говорить о его принципиальном сходстве с капиталистическим производством.

Отличительной чертой многих казенных военных предприятий было отсутствие в их деятельности такого движущего мотива, как извлечение максимальной прибыли[2]. Значительная изолированность от рынка также отличала их от «коммерческих» предприятий. Расширяя старые военные заводы, правительство изыскивало средства для их переоснащения и не раз делало попытки перестроить систему уп-

---

[1] Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 7, 70, 116–117 (П.Г. Рындзюнский, В.Я. Кривоногов, В.Н. Ашурков); БОВЫКИН В.И. Формирование финансового капитала. С. 4; КОВАЛЬЧЕНКО И.Д. Методы исторического исследования. С. 104.

[2] См.: ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 125; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 174–175, 216; ГАВРИЛОВ Д.В. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX в. // Ученые записки Ульяновского пед. института. 1972. Т. 24. Вып. 4. С. 106, 118, 120; АШУРКОВ В.Н. Предприятия военного ведомства как элемент многоукладной экономики России // Вопросы истории капиталистической России. С. 116–117; СУББОТИН Ю.Ф. Военная промышленность России во второй половине XIX — начале XX в. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 7; ГИНДИН И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности // Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 144–148.

равления ими: в той или иной мере заменить привычные административные методы хозяйствования — «коммерческими», по образцу капиталистических предприятий. В литературе описаны проведенные с этой целью реформы в управлении заводами морского и горного ведомств[3]. Но все же остается невыясненным, насколько последовательно и успешно проводились такие преобразования. С этой точки зрения требуют изучения данные о взаимоотношениях казенных предприятий, поставленных «коммерчески», с «вольным» рынком и о регулировании этих отношений государством. Тем самым расширяется основа для суждений о социальном облике, экономическом типе таких предприятий.

Опыты перестройки казенной промышленности по примеру частной — попытки ввести автономность заводов от бюджета и личную материальную заинтересованность чинов заводской администрации в успехе деятельности предприятия — не раз проделывались на протяжении XIX в. В 1806–1826 гг. «коммерческие начала» действовали на заводах горного ведомства; в 1860-х — середине 1880-х гг. практиковалось так называемое арендно-коммерческое управление казенными оружейными заводами; на «коммерческих основаниях» строилось управление Балтийским и Обуховским морскими заводами, выкупленными государством в середине 1880-х гг. Целью такой постановки управления было добиться, чтобы казенные заводы развивались самостоятельно, требуя от казны меньших затрат, во всяком случае не большей поддержки, чем частные предприятия, и вели себя как гибкие, независимые исполнители казенных заказов.

Но к началу XX в. из крупных ведомственных заводов действовали на «коммерческих основаниях» только два: Обуховский и Балтийский. «Коммерческая» постановка этих двух заводов считалась образцовой. «Самым невероятным чудом было то, — писал М.О. Меньшиков, — что русский [Обуховский] завод, даже перейдя в казну, существовал своими средствами, не требуя казенных ассигновок. Так блестяще он был поставлен коренными русскими людьми»[4]. Порядки на Балтийском заводе вызвали восхищение царя: «Отчего Морское министерство для своих заводов не берет в пример устройство Балтийского, не уступающего *ни в чем* лучшим иностранным верфям? Меня очень озабочивает этот вопрос, и *Я желаю*, чтобы он был разрешен в надлежащем смысле и в скором времени». К такой мысли подвел его Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1898 год[5].

Между тем имел своих сторонников и противоположный по идеологии способ управления. В конце 1900 г. по предложению славянофильствовавшего генерал-контролера Департамента военной и морской отчетности А.В. Васильева были выработаны новые правила о судостроении, введенные в действие пока «в виде опыта» только в Петербургском порту, но рассчитанные на изменение порядка управления всеми казенными адмиралтействами и Ижорским заводом. (С этого начиналась де-

[3] См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 174–175, 179, 220–222; ГАВРИЛОВ Д.В. Казенные горные заводы. С. 110–111.

[4] МЕНЬШИКОВ М. Без пушек // Новое время. 17.IV.1908.

[5] ВОГК за 1898 г. СПб., 1899. С. 47–48.

ятельность Васильева на новой должности, куда он был перемещен с такой же должности по железнодорожной отчетности после резкого выступления в 1896 г. против политики Министерства финансов.) Васильев проводил курс на всемерное развитие казенных производств, видя в этом средство покончить с народной нищетой, дать россиянам заработки, обеспеченные неограниченным выпуском бумажных денег. Применение новых правил «в виде опыта» говорит, надо полагать, о том, что самобытные представления Васильева не получили полной поддержки в его ведомстве и противоречили видам правительства. К этому времени и С.Ю. Витте, испытавший в начале бюрократической карьеры влияние славянофильских экономических пристрастий, уже не сочувствовал проектам, подобным выпуску «сибирских» рублей для финансирования постройки Транссиба.

К 1904 г. васильевский опыт с «новым судостроением» на будущем Адмиралтейском заводе показал негодность этого пути, хотя Государственный контролер отметил «некоторое, незначительное, впрочем, улучшение в ведении постройки судов в Санкт-Петербургском порте... со времени установления нового положения». В отчете за 1904 г. Государственный контроль ставил в пример Балтийский завод и предлагал распространить «коммерческие начала» «и на прочие заводы морского ведомства», полагая, что тогда будет легче вводить «новейшие механические средства, содействующие быстроте и дешевизне исполнения работ», ибо казенные заводы смогут пополнять и обновлять оборудование, строить мастерские «за счет своих прибылей»[6].

13 ноября 1907 г. Николай II утвердил решение Совета министров перевести на «коммерческие начала» по образцу Обуховского и Балтийского остальные крупнейшие морские заводы — Адмиралтейский и Ижорский. С 1908 г. новое положение об управлении всеми этими предприятиями вступило в силу. Наиболее существенным признаком «коммерческих начал», действовавших теперь на заводах морского ведомства, считалось то, что «получаемая заводом прибыль определенно фиксирована» и «в значительной своей части идет на его нормальное расширение»[7]. История казенных заводов гласит, что полученные ими «миллионные прибыли» (иногда по 2–3 млн руб. в год) употреблялись на приобретение оборудования и строительство новых цехов; их деятельность якобы приносила такую «чистую прибыль», что не только обеспечивалось развитие самого завода, но и пополнялась казна: «Каждый вложенный рубль дал “всходы” сам-пять... золото непрерывным потоком наполняло сейфы казны»[8].

---

[6] ВОГК за 1904 г. СПб., 1905. С. 57–58.

[7] ВОММ 1906–1909. СПб., 1911. Отд. 2. С. 198, 201.

[8] ИРКЛЕЙ А. На берегах Ижоры. М., 1974. С. 20–21; КУЗНЕЦОВ К.А., ЛИВШИЦ Л.З., ПЛЯСУНОВ В.И. Балтийский судостроительный. Л., 1970. Ч. 1. С. 458; ЗАВЬЯЛОВ С.И. Ижорский завод. Л., 1976. Ч. 1. С. 265, 278. См. также: РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Утверждение капитализма в России. С. 258; ЛЯПИН В.А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909–1913 гг. // Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. Свердловск, 1992. С. 163; MILLER M. The Economic Development of Russia, 1905–1914. London, 1967. P. 130; London, 1926. P. 130; GATRELL P. Op. cit. P. 74–75, 212.

Внешняя убедительность, чуть ли не материальная ощутимость подобных предельно конкретных фактических сведений (к тому же буквально подтверждаемых заводскими и министерскими отчетами) обманчива. Документы, откуда они заимствованы, писаны на особом языке, в котором слова «цена», «прибыль», «капитал» и т. п. наполнены иным смыслом по сравнению с понятиями товарного, рыночного хозяйства. Морские заводы размер своих «прибылей» определяли своеобразными способами, не имевшими ничего общего с тем, как выводится прибыль в капиталистическом хозяйстве, где ее размер зависит от продажных цен, объективно сложившихся на свободном рынке.

Один из этих способов состоял в том, что казна приплачивала заводу 15%[9] стоимости его изделий по казенным заказам, какова бы она ни оказалась[10] (так поступали, если Морское министерство давало заводу заказ без предварительного составления смет). В результате считалось обычным делом, если, например, Балтийский завод примет казенный заказ на изделия, которых никогда прежде не изготовлял, перезакажет их заграничным фирмам, а затем получит из бюджета, сверх суммы, необходимой для расплаты с иностранцами, еще 15% «прибыли». Само Морское министерство считало это неправильным, потому что завод в подобном случае, «не будучи сам изготовителем означенных предметов (брони, вооружения. — *В. П.*), явится... в нежелательной роли комиссионера между Морским министерством и иностранными заводами, получая за это 15% прибыли и тем удорожая стоимость заказов». Но государственного контролера это не смущало: посредничество, несмотря на «переплату», «в сущности, для казны будет во всяком случае безубыточно, так как завод этот принадлежит той же казне и все его прибыли идут на расширение его механических и судостроительных средств». Николай II, читая его отчет, не преминул вставить: «Вполне разделяю это мнение»[11].

---

[9] В Совещании по судостроению представитель Министерства финансов полюбопытствовал, откуда взялась 15-процентная ставка для морских заводов. И получил разъяснение: Адмиралтейств-Совет основывался на том, что «в Англии, при ремонте парохода Добровольного флота "Смоленск" по действительной стоимости, английская фирма начислила в прибыль 15%» (РГАВМФ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 382. Л. 117. Журнал заседания комиссии Совещания по судостроению, 10.XII.1912).

[10] «В 1908 г. прибыль от работ завода выразилась в 15,3%, — гласит "Объяснительная записка к ведомости затрат по судостроению, произведенных Адмиралтейским судостроительным заводом". — Произошло это от того, что на работы по постройке судов начислялось 15% прибыли на действительно произведенные затраты» (там же. Л. 104). В том же смысле приносило казне «прибыль» заведение Министерства финансов — Экспедиция заготовления государственных бумаг — «чисто коммерческое предприятие»: подсчитав понесенные издержки на печатание каждой тысячи купюр, Экспедиция набавляла еще 10% «прибыли» и по этой цене сдавала продукцию Государственному банку (ДБК III/2. СПб., 1909. Т. 3. № 85. С. 158–159; ДБК II. СПб., 1907. С. 118). 11 марта и 10 апреля 1911 г. «Новое время» сообщило, что Экспедиция строит «за счет доходов» казенные дома с дешевыми квартирами для служащих, школьную дачу, санаторий — всего на 1,6 млн руб.; оклад заведующего мастерской в Экспедиции втрое превышал оклад такого же начальника мастерской на казенном военном заводе (6000: 2000 руб. в год).

[11] ВОГК за 1898 г. С. 45–46.

В большинстве же случаев завод, принимая заказ, заранее указывал цену, определяя ее по смете. Однако в последующем все перерасходы сверх сметы рассматривались уже как нечто недоплаченное ему (непредвиденные, «сверхсметные» расходы), и правительство возмещало их заводу, причем опять-таки с 15-процентным наращением «прибыли». В сметах ведомственных «коммерческих» предприятий «особенно бьет в глаза», отмечал октябристский финансовый эксперт, «полное отсутствие "коммерческих" расчетов и построений: миллионные сметы составлялись "на глазок", в полной уверенности покрыть все недостатки исчислений путем "перерасходов"»[12]. Уверенность была обоснованной. Наглядный пример такой «коммерции» приводился в думской комиссии при обсуждении бюджета на 1909 г. Когда на Балтийском заводе при спуске корабля случилась авария, ликвидация которой обошлась в 36 тыс. руб., то «во всяком другом предприятии эта авария была бы из кармана, а тут выходит, что 36 000 прибавляются к стоимости корабля, — возмущались думцы порядками "цусимского ведомства". — ...Это есть убытки завода, а между тем ныне выходит, что получается прибыль»[13]. Если же заказчиком являлось постороннее, военно-сухопутное ведомство, то Обуховский завод, например, чувствовал себя свободнее и мог потребовать в свою пользу «барыш» в 20%, а когда речь шла о заказе орудий, то и 30%[14]. Понятна вся привлекательность подобных способов подсчета «прибылей» и для горного ведомства с его заводами.

«Коммерческие» порядки в извлечении прибылей морскими заводами и способах их расходования выражались в том, что «ежегодно правление [завода] исчисляло за год вперед те суммы, которые должны были поступить в кассу завода за подлежащие сдаче изделия, а также сумму предстоящих в течение года затрат и расходов. Вычитая из первой суммы вторую, определяли размер предстоящей к поступлению прибыли. Затем эту исчисленную предположительно прибыль тотчас начинали расходовать... на награды, на оборудование и пр., а в конце года неукоснительно оказывалось, что размер поступлений за сданные изделия неизмеримо ниже предположений, расходная же смета тем не менее выполнялась. Таким образом, на самом деле прибыли в течение многих лет были много ниже заранее исчислявшихся и в действительности под видом прибылей расходовались не только поступавшие прибыли (платежи. — *В. П.*), но и оборотный капитал, и даже авансы, полученные под наряды будущих лет»[15].

---

[12] ЕРОПКИН А. Железнодорожная смета // Новое время. 27.VII.1908.

[13] ДБК III/2. СПб., 1909. Т. 2. Приложение к № 69. Стенограмма заседания 17.II.1909. С. 41–52; См. также доклад Финансовой комиссии Государственного совета (Дубасов), 24.V.1909: СОГС IV. СПб., 1909. Стб. 2134.

[14] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71541. Л. 11 и об. ГАУ 7.I.1908 / ВС 19.I.1908. «Если по окончательном изготовлении орудий и по сведении счетов окажется, — читаем в отчете Государственного контроля за 1892 год, — что цена правления [Обуховского завода] выше установленной нормы прибыли в 30%», то ему придется «на соответственную сумму сбавить цену при окончательном расчете» (ВОГК за 1892. С. 51). Норма в 30% устанавливалась положением об Обуховском заводе (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70295. Л. 273об. Кузьмин-Караваев — Н.А. Данилову, 3.III.1908).

[15] Прилож. к СОГД III/3. Т. 2. СПб., 1910. № 398. Доклад Комиссии по государственной обороне. С. 3.

Эти порядки воплощались в деятельности Обуховского завода в 1907 г.: «Убыток от неудовлетворительности работ по изделиям получился в 210 тыс. руб., а прибыль лишь в сумме 170 тыс. руб. Таким образом, чистый убыток дошел до 40 тысяч». Но «вместо того, чтобы сменить или почистить администрацию, сумевшую довести убыток до 40 тыс. руб., — возмущался Меньшиков, — морское ведомство приказало *выдать той же администрации 30 тыс. руб. премии* из прибылей! Таким образом, при помощи начальства чистый убыток казенного завода был почти удвоен, доведен до 70 тыс. рублей». «Морское ведомство хвастается, что оно перевело теперь все казенные заводы на коммерческие начала, — критиковал эту систему В.А. Алексеев-Брут, — но коммерческого-то в них ничего нет. Такая коммерция — несчастье. Коммерческое начало состоит [у них] в том, что все на заводе получают проценты с валовой суммы заказа. Значит, чем дороже материал — тем приятнее заводу». Отсюда и троекратные (если верить сообщению В.М. Пуришкевича, выступавшего вместе с Брутом 1 мая 1908 г. в Русском собрании с речью о порядках на Обуховском заводе) переплаты Обуховского завода за получаемую им сталь (1 млн руб. вместо 300 000)[16]. Бывший военный министр А.Ф. Редигер, участвовавший в обследовании морских заводов в 1910 г., писал, воспроизводя акт комиссии: «Самая постройка судов производилась... столь оригинальным порядком, что заводы были заинтересованы в том, чтобы их изделия обходились казне возможно дороже. Из чистой прибыли заводов 10% выдавались в виде дополнительного вознаграждения чинам их управлений»[17].

Обуховский завод обратил на себя внимание быстрым техническим ростом. Обследование, проведенное после пожара (апрель 1908 г.), выявило, что рост этот объяснялся далеко не коммерческими успехами. Приобретаемое оборудование завод оплачивал не только из «прибылей», причитавшихся ему (хотя бы и согласно описанному выше диковинному порядку, однако все же конкретно обоснованных), но и из авансов под какие-то неопределенные «будущие заказы». В результате к 1908 г. «получилась такая картина, — говорил в Думе председатель Комиссии по военным и морским делам Н.В. Савич, — что завод... не банкрот, но если бы это было частное предприятие, несомненно, его отдали бы под администрацию (то есть в распоряжение кредиторов. — *В. П.*), потому что он сам, собственными средствами, вывернуться буквально не может»[18]. «Истратив авансы под видом мнимых прибылей, — указывала думская комиссия, — [Обуховский] завод уже не имел оборотных средств для выполнения заказов, а правление завода, стремясь как-нибудь обернуться не прекращая своей деятельности, стало делать долги частным лицам и противозаконно выдавать долговые обязательства, стараясь в то же время получать все новые и новые авансы под принимаемые заказы, исполнить которые оно уже не имело возможности ни по состоянию оборотных средств, ни по техническому оборудованию

[16] Новое время. 6 и 2.V.1908. Зато и платить фактически за эту сталь Пермскому или Ижевскому казенным заводам Обуховский завод не спешил, не имея на это средств (GATRELL P. Op. cit. P. 204).

[17] РЕДИГЕР А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 319.

[18] СОГД III/1. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 3973.

завода». По заключению Бюджетной комиссии, «возможность такой задолженности явилась результатом управления заводами морского ведомства на так называемых "автономных, или коммерческих основаниях"». Видя этот результат, Морское министерство тем не менее рекламировало «преимущество управления заводами "на автономных началах", сравнительно с казенным управлением»[19].

Больше всего думскую комиссию печалило то, что министерство, во-первых, «зная все эти ненормальные условия деятельности завода... даже, по-видимому, поощряло заводоуправление» действовать в том же духе, «щедро выдавая авансы», запутывавшие финансовое положение завода. Во-вторых, еще в начале 1908 г. «финансовый крах и техническую несостоятельность [завода] в связи с нецелесообразностью устава, определяющего его деятельность», — признала особая комиссия. «Тем не менее в течение целых двух лет ведомством решительно ничего не было предпринято для оздоровления дела; напротив, оно распространило положение, давшее столь печальные результаты, на новые заводы (т. е. Адмиралтейский и Ижорский. — *В. П.*) и указывало на эту меру как на серьезную реформу в морском ведомстве»[20]. Многомиллионные долги казенных морских заводов правительство в 1911 г. вынуждено было списать. Обуховскому заводу, в частности, было прощено 4 млн руб. долга. Соглашаясь на подобный способ ликвидации задолженности, Дума высказала пожелание, чтобы в будущем Морское министерство избегало «таких приемов ведения хозяйства и финансовых операций, которые привели завод к настоящему безвыходному положению»[21].

«Коммерческий» способ оформления расходов казны с этого времени фактически дискредитировал себя. Восстановить суть старого порядка в качестве нормы потребовали Государственный совет и Дума уже в 1909 г., когда Морское министерство заявило, что предполагает использовать для переоборудования предприятий часть авансов, выданных заводам на строительство судов. Это намерение ведомства соответствовало смыслу только что (с 1908 г.) введенного и представленного большим достижением «коммерческого» порядка, но не получило одобрения: Государственный совет считал, что заводам на их расширение следовало отпускать «особые ассигнования». О новой же («коммерческой») системе расширения заводов за счет авансов на судостроение Государственный совет отозвался как о «неудовлетворительной». Того же мнения придерживалась думская комиссия: «Авансы должны идти на то, на что они даны. На оборудование нужно испрашивать кредит особо»[22]. Морскому

---

[19] Прилож. к СОГД III/3. Ч. 2. К № 398-а. С. 1. Заключение Бюджетной комиссии, 31.V.1910.

[20] Приложение к СОГД III/3. Ч. 2. № 398. С. 3.

[21] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74578. Л. 14об.; СОГД III/3. СПб., 1910. Ч. 4. С. XXIII (стб. 3410). Оглавление. В трех обсуждениях на закрытом заседании 4 июня 1910 г. был одобрен законопроект «об ассигновании 4 млн руб. на подкрепление оборотных средств Обуховского сталелитейного завода».

[22] СОГС IV. Стб. 2133–2134; ДБК III/2. Приложение к № 69. С. 54. То же мнение высказывал министр финансов Коковцов. Еще в мае 1908 г. он заявил, что для ликвидации последствий пожара на Обуховском заводе источником средств должны послужить не авансы в

министерству пришлось в 1909 г. как бы забыть о «коммерческом» финансировании расширения и переоборудования своих заводов и, составляя смету нового расхода на эту цель, просить ассигнований непосредственно из бюджета. Хотя получить всю требуемую сумму (24,5 млн руб.) в один прием не удалось, но на протяжении 1908–1914 гг. правительство ассигновало на расширение казенных морских заводов свыше 30 млн руб.

Мнение о нежелательности сохранения новой системы подтвердила комиссия, обследовавшая по поручению царя казенное судостроение в 1910 г. В соответствующем духе был подготовлен в 1910–1912 годах Морским министерством проект переработки «коммерческого» управления. Предлагалось впредь «отказаться от начисления прибылей на цену изделий», с тем чтобы «установление новых производств или расширение производств существующих» оплачивалось непосредственно из государственного казначейства. Намечался, следовательно, существенный шаг назад, к жизненной реальности: теперь уже все казенные заводы, включая Балтийский и Обуховский (послужившие при реформе 1907/1908 г. эталоном «коммерческой» постановки дела), должны были получать средства на свое расширение и переоборудование в основном прямо из бюджета[23], независимо от наличия у них тех или иных «прибылей» или «запасных капиталов».

Изложив законопроект о пересмотре Положения об управлении заводами морского ведомства, С.И. Завьялов ошибочно указывал, что эта попытка вернуться «к старым порядкам» не имела успеха и коммерческие начала все же «решено было сохранить», поскольку на этом настаивало заводское начальство[24]. В действительности же пересмотренное положение было утверждено царем 20 октября 1914 г. и вступило в силу с 1915 г. По оценке Государственного контроля, оно освобождало казенные заводы «от забот по накоплению средств для установки новых оборудований и производств»[25]. Новое положение в соответствии с предшествующим порядком еще предписывало оплачивать обычное «содержание и действие» заводов из сумм, «выручаемых за исполняемые заводами заказы». Но тут же прибавлялось, что средства на оборудование для установления новых или на расширение старых производств теперь следует испрашивать «установленным порядком по финансовой смете Морского министерства» (п. 4). Таким образом, несмотря на формальное сохранение в силе терминологии, связанной с якобы «коммерческим» ведением хо-

счет будущих «прибылей» от заказов на 12-дм орудия (как требовало Морское министерство в соответствии с правилами о «коммерческом» управлении заводом, действовавшими с 1903 г.), а «безвозвратное пособие от казны» (цит. по: А-Ч С. В бюрократических кругах. К запросу об Обуховском заводе // Русь. 21.V.1908). Тем не менее 14 мая Совет министров дал заводу «кредит в виде ссуды» в 1,5 млн руб., «подлежащий постепенному погашению из прибылей по исполнению заводом казенных заказов» (Новое время. 5.VI.1908).

[23] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 542. Л. 22–24; д. 121. Л. 15; СОГД IV/1. Приложения. СПб., 1913. Вып. 3. № 287 (доклад Комиссии по военным и морским делам, 8.V.1913).

[24] См.: ЗАВЬЯЛОВ С. История Ижорского завода. М., 1934. Т. 1. С. 321; ЕГО ЖЕ. Ижорский завод. Ч. 1. С. 278.

[25] ВОГК за 1915 г. Пг., 1916. С. 48.

зяйства морских заводов, суть этого принципа была изъята: в морском ведомстве было в основном покончено с «коммерческой» системой, действовавшей 30 лет хотя бы на двух казенных заводах. В итоге пробиться через традиционную оболочку, чтобы разрушить натуральный уклад хозяйства морского ведомства, рыночным, коммерческим стихиям не удалось.

Более живучим остатком «коммерческой» системы оказалось регулярное премирование высших служащих, предусмотренное и новым положением (п. 12). Если «прибыли» на это не хватало, то морское ведомство понуждало своих заказчиков доплачивать сверх условленных «цен». Так, 23 июня 1916 г. Военному министерству пришлось согласиться доплатить Обуховскому заводу около миллиона рублей по заказу на гаубицы, принятому заводом к исполнению за год до того по цене 5,5 млн руб. Повышение цены на 20% обосновывалось тем, что за время исполнения заказа заводские издержки возросли, «прибылей почти не осталось», а в перспективе даже «убытки». Между тем «вознаграждение служащим на заводе построено так, что убыточность нарядов влияет неблагоприятно» на заработки персонала, а это «в свою очередь не может благоприятно отразиться на ходе работ», их скорости. Соглашаясь уплатить вымогаемую «прибыль», Военное министерство, как и полагалось, списало этот почти миллионный расход на счет «военного фонда»[26], т. е. Обуховский завод получил свою «прибыль» из чрезвычайных средств бюджета, добытых путем государственных займов.

К началу мировой войны хозяйственные порядки на казенных морских заводах мало чем отличались от существовавшей за столетие до того, в 1806–1826 гг., «системы коммерческого управления» (или, по терминологии XIX — начала XX в., «обряда коммерческих предприятий», «хозяйственного обряда» — в противоположность «обряду канцелярскому») на другой группе казенных заводов — в горном ведомстве. При той старинной системе[27] приплаты к жалованью также зависели от размера «прибылей». Что же касается источника средств на расширение заводов, то и тогда полагалось ассигновывать на это из бюджета «особенную сумму», а «прибыли», за исключением вознаграждения администрации (50%), возвращались в казну[28]. Тогда же, однако, выяснилось, что при «хозяйственном обряде» возможность «прибылей» все же целиком зависит не от коммерческой оправданности («хозяйственности») действий заводской администрации, а от готовности казны приплачивать заводам за исполняемые ими казенные заказы. Приспособить таким путем казенные заводы к «хозяйственному обряду» капиталистических предприятий не удалось, и система была отменена.

Таким же было происхождение «прибылей» морских заводов в начале XX в.: казна как заказчик через Морское министерство платила самой себе в лице ведомс-

---

[26] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5330. Л. 349–350.

[27] Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании Горного начальства и управления Горных заводов. СПб., 1807. Ч. 1. С. 220–225; Труды Комиссии по пересмотру Горного устава. СПб., 1866. С. 18–26.

[28] Ср. способ выведения «чистой прибыли» и вознаграждения администрации в типографии Академии наук в начале XX в. (ДБК III/5. СПб., 1912. Т. 2. № 59. С. 81–82).

твенных заводов, исполнявших заказы. Как при этом ни оформлялись бухгалтерски расходы на развитие заводов (в виде ли прямых ассигнований из бюджета или якобы «коммерческого» повышения «цен» по казенным заказам) — экономически ничего не менялось. Изготовляемая казенными предприятиями продукция потреблялась казной в натуральном виде, непроизводительно; неоткуда было взяться и прибыли. То, что именовалось в отчетах прибылью, представляло собой лишь оборотные суммы, перечисляемые со счета одного ведомства на счет другого. Двух разных систем управления (обряд «коммерческий» и обряд «канцелярский») в этом смысле, собственно, и не было.

Преобразования распространились в начале XX в. и на управление казенными горными заводами, которые до этого момента также действовали и расширялись «за счет казны, а не на средства, извлекаемые из самых предприятий». В 1898 г. горное ведомство предложило переменить порядки на своих заводах по подобию Балтийского морского. Прежние попытки «поставить их операции на коммерческую ногу» успеха не принесли, «дали результаты, заставляющие лишь сожалеть о произведенных для того затратах». Еще в 1880-х гг. правительственная комиссия установила, что «вполне успешная деятельность для казенных заводов возможна» — но «только на изготовлении казенных нарядов». В июне 1905 г. Николай II, ознакомившись с анализом деятельности этих заводов в очередном докладе Государственного контроля, распорядился «поставить Уральские казенные горные заводы в такое положение, чтобы они окупали себя и приносили действительную пользу»[29]. Мнения историков по вопросу о том, были ли эти заводы после 1905 г. убыточными или прибыльными, расходятся. А.П. Погребинский считал, что они «постоянно были убыточными». По мнению же М.П. Вяткина, те или иные заводы приносили казне то убытки, то прибыли в зависимости от конкретных обстоятельств. В годы предвоенного подъема производство на казенных заводах приносило всё большую прибыль, в связи с перевооружением армии оно расширялось, и в 1914 г. «не было уже ни одного казенного завода, который работал бы с убытком»[30].

Необходимо, однако, учитывать, что́ подразумевают отчеты предприятий, когда речь идет о ценах, прибылях и убытках. Согласно отчетности, действовавшей на казенных горных заводах в начале XX в., считалось, что «прибыль» по казенному наряду получается тогда, когда «себестоимость» продукции меньше так называемой условной стоимости, указываемой заранее, еще при получении заводом наряда. «Условная стоимость» не имела ничего общего с продажными ценами рыночных товаров. Администрация Пермского завода понимала «прибыль» в буквальном смысле — то, что прибавилось. Например, в нее включали «стоимость различных приспособлений и устройств, возведенных за счет операционного кредита», «прибыль, исчисленную на изделия, в отчетном году еще не проданные», и даже «расход провозный» и «стоимость уничтоженных зданий», очевидно, имея в виду ассигнова-

[29] ВОГК за 1898 г. С. 94; ВОГК за 1904 г. С. 83–84, 88–89.

[30] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 81; ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 260.

ние на восстановление их. Против такого приема возражала Пермская контрольная палата, вычеркивая подобные статьи «прибыли» из заводских отчетов, но горное ведомство на это не соглашалось и показываемые в его отчетах результаты не сходились с данными контроля[31]. Признавая в 1910 г. «исключительную убыточность» Пермского пушечного завода, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев ссылался на ряд причин: высокие заработки рабочих, «установившиеся в 1905 г.», «непомерно высокие» цеховые и накладные расходы, вообще бесхозяйственность, «техническое неустройство некоторых основных цехов завода, обуславливающее высокую себестоимость полупродукта и высокий процент брака по металлу». К этому, однако, добавлялось то, что завод сдает свою продукцию военным ведомствам по «условным ценам», невысоким «даже для нормальных условий производства, что и вызывает крупные убытки почти по всем родам изделий Пермского завода»[32]. В думской Бюджетной комиссии представители Горного департамента также разъясняли, что казенным заводам приходилось принимать наряды от Военного и Морского министерств «по цене, назначаемой этими ведомствами». Отвечая на вопрос, верно ли, что «это не цена, которая определяется рынком, а цена, которая таксируется ведомством», товарищ министра торговли и промышленности Д.П. Коновалов на заседании 9 февраля 1909 г. раскрыл механизм ценообразования: убыточность назначаемых таким путем цен — не результат нажима со стороны заказывающих ведомств, а следствие того, что горные заводы «не есть коммерческое учреждение, руководствующееся рыночной расценкой». Убыточность эту легко устранить, объяснил Коновалов, для этого достаточно «поднять цены на артиллерийские и морские заказы... В одной смете прибавить, а в другой отбавить, в общем обороте государственного хозяйства это не имеет никакого значения, но в смысле чисто сметном для горного ведомства, конечно, будет приятнее видеть свою смету без дефицита»[33].

Такое преобразование и было предпринято в 1909–1910 гг., когда Горный департамент попробовал видоизменить отчетность заводов так, чтобы впредь отпали нарекания по поводу их убыточности[34]. С этой целью цены по казенным нарядам стали

---

[31] ВОГК за 1891 г. СПб., 1892. С. 67–68.

[32] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 1114 и об. Доклад Тимашева Совету министров, 15.VII.1910. «Условные цены» на чугун, введенные «Временными правилами» 1888 г. о взаимоотношениях заводов горного и военных ведомств, были в полтора-два раза ниже рыночных (ШУМКИН Г.Н. Государственные доменные заводы Урала как металлургическая база военной промышленности России в конце XIX — начале XX в. // Урал индустриальный. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 318).

[33] ДБК III/1. СПб., 1908. Стб. 1417; ДБК III/2. Т. 2. Приложение к № 50. С. 33, 36–37; ДБК III/3. СПб., 1910. Т. 1. № 24. С. 15. «В общегосударственном смысле, — проводил ту же мысль А.П. Меллер, начальник Обуховского, затем директор Путиловского завода, в 1912 г., — выгода заказа орудий на Пермском казенном заводе и по его ценам представляет из себя самообман, так как, дав выгоду морскому или военно-сухопутному ведомству, этот заказ даст убыток Министерству торговли и промышленности» (ВПР. Т. 1. С. 415).

[34] М.Я. Гефтер истолковывал эту меру с точки зрения теории подчинения правительства монополиям: попав в «зависимость от финансовой олигархии», самодержавие не могло не при-

назначаться с обязательным начислением определенной прибыли, т. е. был применен тот же «коммерческий» принцип, какой обеспечивал «прибыльность» морских заводов или, например, Экспедиции заготовления государственных бумаг[35]. Заводы горного ведомства стали считаться прибыльными, но, согласно разъяснению заведующего артиллерийскими приемками, «как раньше убыток, так и ныне прибыль являются чисто бухгалтерскими»: цены по казенным нарядам повысились, и «теперь уже прибыль горного ведомства означает, что из сметы артиллерийского ведомства были перечислены лишние суммы в виде повышенной стоимости изделий»[36]. При новой системе в отчетности горных заводов стали наблюдаться те же явления, что и в судостроении с его «коммерческими» порядками. «По отчетам, составленным по новым формам, выяснилась убыточность казенных горных заводов. При затратах на казенные заводы 16 млн руб. (хозяйственные сооружения, ремонт, оборотные средства) дефицит, не считая процентов на капитал, достигает 2 млн рублей». В то же время думская Бюджетная комиссия с удивлением обнаружила, что хотя за 1909 операционный год заводы понесли убыток в 2 млн руб., но капитал их по балансу тем временем увеличился на 6,4 млн руб. Получилась «какая-то несообразность, — поражался докладчик в комиссии И.И. Дмитрюков. — Убыточный год, по которому показаны убытки около 2 млн руб., а капитал значится увеличившимся...»[37].

Поскольку основная, военная продукция казенных горных заводов предназначалась не для рынка, определять прибыли и убытки методами капиталистического хозяйства было невозможно. Показывая в отчетах доходы от производства снарядов и пушек, заводская администрация создавала мираж: казна становилась собственником изготовленных на ее заводах предметов вооружения, а одновременно, параллельно происходило якобы приращение и бюджетных доходов, равное цене этих же самых предметов, а следовательно, как бы возрастали средства бюджета, в действительности убавившиеся уже при ассигновании на производство тех же

нять «требование монополистов, чтобы казенные заводы были поставлены на "коммерческих основаниях"», и тем самым попали в «неравные условия» конкуренции с частной промышленностью (ГЕФТЕР М.Я. Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны // Исторические записки. М., 1953. Т. 43. С. 94–95). Как это выглядело на практике, автор не показал.

[35] В 1890-х гг. постоянно возрастала задолженность этого предприятия. Экспедиция не могла обойтись без дополнительного «пособия» из бюджета в 1,2 млн рублей. Тем не менее «по балансам выводилась весьма крупная чистая прибыль, от 650 до 850 тыс. рублей». Половина этой «прибыли» поступала в казну, но «крупные суммы обращались также на награды служащим», хотя хозяйство Экспедиции велось безобразно. В 1893–1895 гг. между ними распределялось в среднем 326 тыс. руб. в год. Правитель канцелярии получал наградных до 175% годового содержания, товарищ управляющего — 143%, рабочие — лишь 8–15% (ВОГК за 1896 год. СПб., 1897. С. 80–82).

[36] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 41. Л. 52об. Доклад генерал-майора Л.В. Вальтера (ведавшего приемками) в ГАУ, 29.XI.1915.

[37] Новое время. 20.I.1910; ДБК III/4. СПб., 1911. Т. 1. № 22. С. 8; приложение к № 22. С. 23–24; приложение к № 15. С. 31–32 (стенограммы заседаний, ноябрь, декабрь 1910).

предметов. Подобные манипуляции еще в 1888–1889 гг. освещались в учебном курсе «Финансы», предназначенном для великого князя Николая Александровича. Указав на фиктивный характер доходов и прибылей от казенных горных заводов, работавших по заказам военного ведомства, Н.Х. Бунге предупреждал наследника, что видимость доходности создана искусственным путем: «Одна и та же сумма является дважды в расходах» — по военному ведомству и по горному — «и однажды в приходах» горного ведомства, т. е. бюджет «фиктивно увеличивается по доходам и расходам», получается «оборотный доход и расход», а «в сущности есть один расход» — «за счет военного ведомства»[38].

Истолкование казенного производства вооружения как прибыльного для казны занятия, естественно, отвечало стремлению чиновников хозяйственного аппарата представить свою деятельность как полезное для народа, прибыльное для казны дело. Но уже сама постановка вопроса о прибылях казенной военной промышленности была искусственной. Изготовляемый продукт оставался собственностью казны и, минуя сферу товарного обращения, поглощался самим же государственным аппаратом — армией и флотом. Не то что получить прибыль, но даже хотя бы отчасти возместить свои затраты на производство казна не могла. Во что бы ни обошлось изготовление военной продукции, никто за нее казне не платил; экономически это означало не производство новой стоимости (и соответственно — прибыли), а безвозвратное уничтожение материальных средств[39]. Тем самым в корне исключалась и возможность использовать мифическую прибыль для расширения казенных предприятий.

Официальная идеология обосновывала правомерность подобных безвозвратных затрат «высшими» государственными целями. ГУГШ так объясняло экономическую целесообразность эксплуатации Амударьинской флотилии: она «не только обеспечивает нужды военного ведомства по снабжению всем необходимым гарнизонов в Керках и Термезе, но и преследует политические цели». Поэтому флотилию «нельзя рассматривать с точки зрения только коммерческого предприятия и убытков, приносимых ею казне». Она «главным образом перевозит казенные грузы, тариф для перевозки которых весьма низкий. Если бы повысить этот тариф, то естественно уменьшилась бы сумма дефицита флотилии, что, однако, не принесло бы выгоды государственному казначейству, ибо привело бы к простому перемещению расходных статей»[40]. Особая высшая комиссия по железнодорожному делу закончила многолетнее исследование вопроса о причинах убыточности рельсовой сети выводом, что «приплаты государственного казначейства по покрытию дефицитов железных

---

[38] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 196. Л. 85–86. Конспект курса «Финансы», составленный для вел. кн. Николая Александровича.

[39] В противоположность реальному положению дел П.Н. Крупенский в Думе 23 мая 1908 г. утверждал, что «в сущности, расход на армию это есть круговорот денег, которые возвращаются в страну. Это не сожженный уголь, это не утерявшие всякую ценность морские гиганты» (СОГД III/1. СПБ., 1908. Ч. 3. Стб. 1249).

[40] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 86. Л. 249об. Объяснение ГУГШ по поводу всеподданнейшего отчета командующего войсками Туркестанского военного округа за 1905 г., 25.XI.1906.

дорог сами по себе еще не могут считаться убытком в государственном и народном хозяйстве, так как постройка железных дорог сопровождается огромными преимуществами для государства». Такую «государственную» точку зрения провозглашало и «Новое время», оспаривая «бухгалтерский вывод» о «безусловной убыточности» перевозки пассажиров двух высших классов казенными дорогами и подверстывая вызываемый подобными благотворительными перевозками убыток к расходам «на культурные цели»: нечего говорить об «убытке», это ущербная, «частновладельческая» оценка дела. «Для частного предприятия бухгалтерский пассив или актив является, конечно, исчерпывающим мерилом и руководящим критериумом», но в вопросах хозяйства государственного «значение той или другой меры... слишком широко, чтобы заключать его в тесные пределы одного только расчета прибылей и убытков». С точки зрения «государственного хозяйства и общественного интереса» нельзя рассуждать примитивно: «"приносит убыток", следовательно "ненужно" и подлежит отмене. Однако большинство затрат на культурные цели заведомо убыточно». Сооружение нового пушечного или снарядного завода газета истолковывала в духе теории А. Васильева, как «своего рода те же общественные работы»[41].

Особого рассмотрения заслуживают те случаи, когда казенные заводы все же втягивались в действительно рыночное производство. После поездки в 1895 г. по подведомственным заводам министр А.С. Ермолов пришел к заключению, что «казенные заводы Урала, утратив ныне характер исключительных поставщиков для военного и морского ведомств и вступив в соревнование с частными заводами, не могут уже ограничить размеры своей деятельности исполнением одних только казенных заказов... Заводы должны расширить производство предметов на вольную продажу, заботясь вместе с тем об оплате затраченных в дело капиталов, и, следовательно, должны вступить на тот путь, на котором стоят частные заводы». Государственный контроль 8 июня 1896 г. доложил царю, что согласен с этим намерением Ермолова. На полях отчета Николай II начертал: «И я тоже»[42].

Горное ведомство попыталось выйти даже на внешний рынок и нашло покупателей высококачественного железа, изготовлявшегося Саткинским заводом: английской фирме «Скотт и сын» в Шеффилде было продано в 1904–1908 гг. 80 тыс. пудов пудлингового железа. Главный начальник уральских заводов П.П. Боклевский в 1905 г. докладывал Горному департаменту, что Саткинский завод плохо оборудован и железо обходится дорого, поэтому «следовало бы обставить здесь производство... более совершенно», для чего требовалось 150 тыс. руб. Он считал, что завод «окупит их очень широко». Поддержав эту идею, Горный ученый комитет предложил пойти еще дальше: привлечь на внешний рынок еще и Артинский завод и продавать в Англию уже не железо, а готовую сталь[43].

---

[41] Обход вопроса [Редакционная статья] // Новое время. 4.XII.1908; 6.I.1913; М. Еще курьезы артиллерийского ведомства // Там же. 26.II.1912.

[42] ВОГК за 1895 г. С. 87–88.

[43] Журнал Горного ученого комитета, 23.XII.1905 // Горный журнал. 1906. Сентябрь. С. 359; то же, 24.IV.1906 // Там же. Октябрь. С. 103, 105. Оба журнала утверждены 16 мая 1906 г.

Этот опыт потерпел фиаско. 15 мая 1909 г. Государственный контроль доложил царю, что получилась «нехозяйственная операция»: англичане покупают металл за 100 тыс. руб., тогда как заводу он стоил более 120 тыс. руб. (железо обходилось заводу якобы по 2 руб. 17 коп. пуд, а английская фирма платила по 1 руб. 65 коп., то есть торговля приносила убыток 53 коп. на пуд[44]). Но и при этом спроса на саткинское железо создать за границей не удалось. Этой «нехозяйственной» попытке противопоставлялся удачный, по мнению Государственного контроля, опыт сбыта такого же металла в России: в 1907 г. Саткинский завод продал 78 тыс. пудов казенному Обуховскому заводу «с прибылью в 11 142 рубля». Прибыль в данном случае не могла быть иного происхождения, чем та, которую обещал Д.П. Коновалов (в «одной смете прибавить, а в другой отбавить»). По настоянию Государственного контроля продажа железа и стали казенными горными заводами за границу была прекращена[45].

И еще одну попытку расширить предприятие для работы на рынок сделал Боклевский. 3 сентября 1905 г. он предложил Горному департаменту развернуть на Гороблагодатском руднике добычу руды сверх потребностей казенных металлургических заводов в расчете на сбыт ее частным заводчикам. По его мысли, часть выручки от этой операции можно было пустить на дополнительное оборудование того же казенного рудника. Боклевский докладывал, что можно «смело вести добычу в более широких размерах, не только для удовлетворения потребностей своих заводов, но и на продажу. Покупатели имеются». При этом он ссылался на удачный опыт переустройства Бакальского рудника: в 1898 г. министерство разрешило продать частным заводам 4 млн пудов руды по цене, вдвое превышавшей себестоимость, «с тем, чтобы вырученная прибыль могла поступать на оборудование Бакальского рудника». Исполнению этого замысла в намеченном масштабе тогда помешал наступивший кризис. Поэтому «постройки еще не все исполнены», но «уже в настоящее время» рудник «представляется одним из наиболее благоустроенных в целом мире». Когда же снова появился спрос, Боклевский захотел продать еще 10 млн пудов бакальской руды и на вырученную прибыль закончить оборудование рудника, а затем всю остальную прибыль передавать «в доход казны»[46].

Казалось бы, какие могли возникнуть возражения. Еще Петр I, даже без тех выгод, на которые указал Боклевский, предписывал Берг-Коллегии «оное уголье добывать по горному обыкновению» не только для себя, но обязательно на продажу, чтобы «сверх того другим бы хотя за настоящую цену было довольство»[47]. Однако

---

[44] СОГД III/2. Ч. 3. Стб. 794. Заседание 16.III.1909.

[45] ВОГК за 1908 г. СПб., 1909. С. 145; ОЗЕРОВ И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 134. Английской фирме, однако, опыт с уральским железом понравился, и, когда такое железо принялась изготовлять рабочая артель, заарендовавшая казенный Нижнеисетский завод, англичане запросили ее о цене и предложили выслать на пробу 10 т (600 пудов), обещая регулярные заказы размером до 1000 т (Новое время. 29.XII.1912).

[46] Горный журнал. 1906. Сентябрь. С. 356; октябрь. С. 78, 101, 103.

[47] Цит. по: ПРОБСТ А.Е. Лесная и топливная политика Петра I // Вопросы экономики, планирования и статистики. Сб. ст. М., 1957. С. 256–257.

петербургское начальство двести лет спустя воспрепятствовало продаже руды, указав, что добыча ее на Гороблагодатском, как и Бакальском, руднике «должна производиться в размере потребности казенных горных заводов и не должна быть расширяема в целях снабжения рынка». Предложенная Боклевским операция была признана противоречащей «основной задаче казенных рудников» и грозящей создать «недостаток руды для собственных надобностей казны». Такое решение было принято по инициативе государственного контролера, который «признал необходимым войти в сношение с министром торговли и промышленности» по этому вопросу и предложил «в видах сохранения запасов бакальской руды для казенных потребностей, вообще приостановить продажу ее частным заводам». Государственный контролер утверждал, что «запасы Бакальского рудника... уже начинают истощаться». Вместе с тем, однако, предписывалось «пока приостановить» дальнейшие разведки месторождения, поскольку уже и так видно, что потребность казенных заводов надолго обеспечена. Переоборудование Бакальского рудника было решено продолжить, но «взамен сумм, выручаемых от продажи руды, должны быть постепенно испрашиваемы особые кредиты»[48]. В считаные годы такая последовательность курса привела к острому кризису уральской промышленности, и пришлось проектировать меры противоположного смысла — «создание рынка дешевой [бакальской] руды, могущего снабжать частные заводы», — уже в качестве правительственной поддержки гибнущему хозяйству. Потребовалась «организация и возможно широкое развитие отпуска руды и горючего на рынок для [частных] заводов (по долгосрочным контрактам) и для кустарей»[49]. Выходило, что как прекращение торговли продукцией казенных предприятий, так и возобновление продажи диктовались не коммерческой целесообразностью, интересами прибыльности производства, а целями иной природы: решающими оказывались соображения «государственной» политики — коренной принцип хозяйственных процессов в данном промышленном укладе.

Твердость курса на отгораживание казенного производства от «вольного» рынка позднейшая ведомственная публицистика ставила в заслугу директору Горного департамента Н.А. Иоссе. Но в действительности Горный ученый комитет в целом вел ту же линию не менее твердо. Он, в частности, отклонил предложение самого Иоссы организовать на Саткинском или Златоустовском заводе изготовление пил, разъяснив, что выгодность такого производства «безусловно установить нельзя» и что им «была бы до известной степени нарушена главная цель казенных заводов — работать на потребности казны, а не частных потребителей»[50]. Позиция Комитета отражала точку зрения высших инстанций: был положен конец той «неустойчивости

[48] Горный журнал. 1906. Сентябрь. С. 356; октябрь. С. 78, 101, 103; ВОГК за 1905 г. С. 87–88.

[49] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 1124 и об., 1125об. (записка Тимашева, 15.VII.1910); там же. Л. 19 (журнал Совещания по вопросу об обеспечении положения горнозаводского населения Урала ввиду закрытия некоторых уральских заводов, 18.III.1910).

[50] К 50-летию научной и литературной деятельности Николая Александровича Иоссы // Горный журнал. 1916. Январь. С. 113, 115; там же. 1906. Октябрь. С. 95, 103.

во взгляде на назначение казенных горных заводов», которую горное ведомство проявило в 1885–1905 годах[51].

Политическая подоплека критики горного ведомства за «неустойчивость» взглядов обнажилась при обсуждении той же проблемы в мае 1909 г. в Государственном совете, когда известный торгово-промышленный деятель Г.А. Крестовников обосновывал целесообразность ликвидации казенных заводов их убыточностью. Группа правых во главе с влиятельными бюрократами и представителями Постоянного совета объединенных дворянских обществ организованно выступила против такого подхода. От ее имени А.С. Стишинский, один из столпов дворянской реакции, заявил, что нельзя «мерить всякое государственное дело одними барышами»[52], считать «барыш» обязательным признаком правильной постановки хозяйства. Предложение Крестовникова было отвергнуто[53].

Указывая, что «прибыльность» казенных заводов, как правило, «зависела от выгодных правительственных заказов», М.П. Вяткин в качестве исключения из общего правила описал «гибкую коммерческую деятельность» Каменского завода, который в трудную минуту, не имея иных заказов, перешел к производству чугунных труб для частных потребителей и благодаря этому проводил технические усовершенствования, довольствуясь лишь «самыми скромными ассигнованиями» из бюджета. Автор подчеркивал, что завод давал «весьма приличную прибыль», не прибегая к казенным военным заказам. Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что одним из двух названных им прибыльных заказчиков была Западно-Сибирская дорога, т. е. все-таки казенное предприятие, а исполнение заказа городского водопровода принесло результаты, которые «были весьма неутешительны для казны», как отметил Вяткин[54]. В цитируемой им записке Боклевского добавлено, что «некоторое подспорье завод имеет в приготовлении крупных чугунных снарядов, которых он получает в наряд от 3000 до 110 000 штук в год». По данным Горного ученого комитета, Каменский завод работал по казенным нарядам на 87%[55]; такой характер деятельности был рекомендован ему и на будущее. Все эти уточнения — признак того, что и Каменский

---

[51] ВОГК за 1904 г. С. 83, 85.

[52] Он вторил Н.Е. Маркову, который 29 апреля 1909 г. в думской Комиссии по государственной обороне поспорил с А.И. Гучковым из-за критериев распределения интендантских заказов на сапоги. На заказы претендовали дома трудолюбия, Министерство земледелия хлопотало за кустарей, а Марков за мастерские Союза русского народа. Гучков полагал, что тут, собственно, спорить не о чем: «самое главное» — это кто из них делает хорошие сапоги, но Марков его сразил: «Надо руководствоваться не *купеческими* взглядами, а государственными» (ПОЛИВАНОВ А.А. Дневники и воспоминания по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 70–71).

[53] См. ниже, с. 247–248.

[54] См.: ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 44–45, 106.

[55] «Главнейше, деятельность завода (ок. 87%) направляется на удовлетворение казенных заказов» (Горный журнал. 1906. Сентябрь. С. 365–366; октябрь. С. 88, 107). Не ссылаясь на источник, Вяткин писал, что Каменский завод «на 87% был загружен производством труб» или даже «работал исключительно на "вольный рынок"» (с. 120, 127).

завод переоборудовал свои производства не за счет «прибылей» от операции с трубами для томского водопровода, а благодаря заказам путейского ведомства, «подспорью» в виде военных нарядов и «скромным» ассигнованиям непосредственно из бюджета. Такое исключение как нельзя лучше подтверждает сформулированное Вяткиным правило о зависимости «прибылей» заводов от казенных заказов.

В докладе Боклевского приведен и еще пример «коммерции». Нижнеисетский завод «с успехом» начал производство весов для рынка, что «обещало весьма хорошую прибыль», и сделал «не менее успешные попытки» ввести производство подковных гвоздей и подков. Однако эти попытки «были оборваны суровым решением закрыть завод». Такое решение горного ведомства, утвержденное Николаем II 16 июня 1905 г., Боклевский считал «большой ошибкой». Но особое совещание, рассматривавшее вопрос о судьбе этого завода, оценивало те же попытки скептически. Двум третям изготовленных для продажи весов не нашлось покупателей, введение же, согласно предложению Боклевского, производства подковных гвоздей требовало бы от казны «значительных затрат», а в последующем — нерациональной доставки железа из Златоуста[56]. Вопроса о том, чтобы основать новое производство за счет прибылей от рыночного сбыта, не ставил и сам Боклевский.

Еще один конкретный пример коммерческой выгодности побочных производств на военных заводах привел П. Гэтрел. Ссылаясь на относящееся к 1922 г. свидетельство генерала Э.К. Гермониуса, бывшего начальника Ижевских заводов, Гэтрел утверждает, что Ижевский сталеделательный завод отличался от всех других предприятий ГАУ своим финансовым благополучием. По Гермониусу, завод настолько эффективно вел свое металлургическое производство, добившись низких издержек на сырье, что за счет получаемой выручки поддерживал ружейный отдел[57]. Учитывая, что чугун на Ижевский завод поступал с Саткинского и других заводов горного ведомства, ясно, что и здесь «прибыль» образовывалась по формуле Д.П. Коновалова.

Приведенными примерами, по-видимому, исчерпываются все известные в литературе случаи, дававшие повод предполагать, что для расширения казенных горных заводов могла использоваться их выручка от частных заказов и от продажи изделий на вольном рынке. Все эти примеры, при рассмотрении конкретных обстоятельств хозяйствования, говорят о том, что предпринятые в конце XIX — начале XX в. попытки открыть рынку, стихии доступ в пределы горнозаводского казенного хозяйства либо оказывались неудачными по результатам, либо их приходилось прекращать вследствие правительственных запретов — часто еще прежде, чем выяснялся тот или иной «коммерческий» результат.

Другое дело — выступления казенных заводов на рынке, мотивированные определенными задачами экономической политики правительства, например, с целью повлиять на состояние самого рынка. Проведенное в 1911–1913 гг. развертывание казенного производства рыночного металла, наряду с беспошлинным ввозом чугуна

---

[56] Горный журнал. 1906. Сентябрь. С. 366; октябрь. С. 89; ШЕБАЛОВ А.В. К закрытию Нижнеисетского завода // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 5. Ч. 2. С. 12.

[57] GATRELL P. Government, Industry and Rearmament. P. 209.

и угля из-за границы, относилось к числу мер, направленных на «смягчение последствий» политики синдикатов в условиях топливно-металлического «голода»[58].

В ряде случаев задачи экономической политики требовали, чтобы чугун казенных заводов фактически «шел не на рынок, а отпускался по льготным ценам особенно опекаемым казной потребителям»[59]. Заводы Гороблагодатского округа в 1908–1911 гг. по заданию Министерства торговли и промышленности «поддержали» (льготами по платежам за уступленный металл[60]) заложенные-перезаложенные Пожевские заводы князя С.Е. Львова[61] — очевидно, в вознаграждение за содействие внутреннему развалу «Кровли». В 1910 г. на Гороблагодатский округ вместе с Каменским заводом было возложено оказание «весьма важной Государственной помощи» также и трем заводам графа С.А. Строганова — крупнейшего (второго после царя) землевладельца в России. По распоряжению министерства, строгановским заводам было продано около 125 тыс. пудов чугуна по льготной, в сравнении с рыночной, цене и с рассрочкой платежа на год без начисления процентов — якобы «в видах поддержки заработками населения закрывающихся заводов». На деле речь

---

[58] См.: ЦУКЕРНИК А.Л. Синдикат «Продамет». М., 1959. С. 185–188.

[59] ГЕФТЕР М.Я. Царизм и монополистический капитал. С. 111.

[60] Этот металл требовался принадлежавшей Львову Зинаидинской фабрике (выпускала изделия из глянцевого и оцинкованного железа), тогда как для ведения собственных железоделательных Пожевского и Елизаветинского заводов князь не имел средств. Получить средства путем акционирования он не смог: после утверждения устава акционерного общества Пожевских заводов не удалось собрать за три года даже первую часть объявленного в июле 1912 г. капитала, несмотря на троекратную отсрочку, предоставленную правительством (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5183. Л. 256–257).

[61] См.: ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 169–170. «Новое время» изображало «успехи» хозяйствования Львова как результат того, что предприимчивый хозяин перевел свои заводы с выделки рельсов и кровельного железа на выпуск «более дорогих изделий, выдерживающих далекую перевозку», — жестяной посуды, оцинкованных и мелких железных изделий: «По всей России, — говорит князь, — железные ведра — мои. Вплоть до Владивостока идут мои жестяные изделия». Князя Львова газета выставляла как того «крепкого и сильного человека, увлеченного живым, чисто практическим делом», чей пример должен «именно спасти Урал» — и уже спасает: «Его примеру последовал завод графини Шуваловой» — Лысьвенский (МЕНЬШИКОВ М. Край без хозяев // Новое время. 4.I.1911). Газета не ссылалась на дословно совпадающую восторженную оценку, которой упомянутые титулованные предприниматели удостоились в записке Столыпина и Кривошеина царю (Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб., 1910. С. 165–166. Е.В. Шувалова — «Бетси» в дневнике царя и мемуарах С.Д. Шереметева), но взять интервью у Львова Меньшиков надумал явно после ознакомления с этим документом, указавшим ему путь к выходу из тупика уральского «вековечного заводского трехполья». К 1916 г. Львов довел свое предприятие до полной некредитоспособности, обесценил имение вырубкой леса на продажу. Систематически оттягивая уплату долгов, он «возбуждал в то же время ходатайства о разных льготах и отсрочках с целью лишь выиграть время для различных комбинаций с имением» — так оценивалась предприимчивость князя в Государственном банке (ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 336–337).

шла о поддержке не рабочих, а Строганова, много лет противившегося исполнению в его владениях закона о наделении рабочих землей[62]. По правительственному предписанию, льготы того же рода были оказаны «заводам Кондюрина, работающим на кустарей». Поддержку кустарям правительство оказывало также продажей им «по доступной цене» древесного угля, заготовлявшегося в Гороблагодатском округе[63]. Объяснение подобных мер ссылкой на интересы кустарей, впрочем, уводило бы от сути дела. «Заботой» о кустарях прикрывалось особое направление экономической политики самодержавия, ставившее целью отвлечь крестьян-кустарей от земледелия и от борьбы за помещичью землю, ослабить — не ущемляя интересы помещиков — один из очагов социальной напряженности в деревне[64].

Некоммерческий характер поведения казенных заводов на вольном рынке выражался и в предпочтении, оказываемом ими тому или иному заказчику в зависимости от его социального статуса, хотя бы и в нарушение принятых на себя обязательств в отношении других контрагентов. В начале 1909 г. Нижнетуринский завод Гороблагодатского округа исполнил вне очереди заказ казенной Сибирской железной дороги, несмотря на данное им ранее обязательство продать изготовляемый металл так называемому «Железному союзу земств», образованному во главе с Московским земством для борьбы против синдиката «Кровля». Раздосадованный тем, что земцы искали на него управу в Петербурге, начальник округа А.С. Левитский сделал жалобщикам внушение о том, что «заключенный нами с Московским земством договор не создает еще для него права требовать расторжения всех договоров или условий, совершенных ранее». Добиться точного исполнения договорных условий «Железный союз» так и не смог. Ему удалось получить лишь залежавшуюся продукцию Серебрянского (а не Нижнетуринского) завода — железо худшее по качеству, «уложенное без всякого порядка, полуржавое, испорченное, перепутанное в сортах и развесах» и не соответствовавшее ни фактуре, ни счетам. Правда, земцы могли утешаться тем, что это железо было им продано в ущерб интересам главного противника «Железного союза земств»: согласно еще раньше данному обязательству, Серебрянский завод должен был уступить свой металл синдикату «Кровля»[65].

Отвлекаясь от социально-сословных предпочтений, столь же свойственных правительственной политике, как и экономически нерациональные бюрократические «соображения», Дж. Маккей полагался на тенденциозные свидетельства дельцов, объяснявших все отклонения от соображений качества и выгоды взяточ-

---

[62] Получив льготы, Строганов согласился продлить действие заводов, но уже летом 1911 г. они все же были закрыты. Истории полувековой тяжбы рабочих с заводчиком-помещиком посвящена книга Б.Н. Назаровского «Замечательное дело» (Пермь, 1970).

[63] См.: ЛЕВИТСКИЙ А. Указ. соч. Вып. 2. С. 42, 89–90; Промышленность и торговля. 1910. № 14. С. 109; ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 171, 191.

[64] См.: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Кустарная промышленность и царизм (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 33, 39–42.

[65] СОГД III/3. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 524–526.

ничеством чиновников[66]. Но хозяйственнику-практику того времени подобные «непонятные» отклонения как раз и представлялись в их реальном, бюрократически обоснованном виде.

Генерал В.С. Михайлов, руководивший постройкой казенных заводов, вспоминал, как ему «пришлось провести много месяцев разновременно на изысканиях по выбору места» для трех заводов. По установкам, которыми он должен был руководствоваться, участки следовало приобретать не у частных владельцев (это было «совершенно исключено»), а у ведомств — министерств земледелия и уделов. Действовало «наивное» представление, что такой путь государству выгоднее, так как ведомства и казенные учреждения, «сознавая высокую государственную важность такого дела, как постройка военных заводов, должны самоотверженно пойти навстречу интересам обороны и предоставить лучшее, что у них есть». При переговорах же с ведомствами-землевладельцами выяснялось, что они действительно готовы предоставить землю «по дешевой цене, либо совсем даром», но эта дешевизна в конечном счете обходилась ГАУ, государству «чрезвычайно дорого»: «министерства предлагали то... от чего они не прочь были сами избавиться... В итоге... громадное большинство военных заводов, имеющих важнейшее значение для обороны, обслуживаемых тысячами рабочих, предназначенных к долголетнему существованию и развитию, вырастали в каких-то совершенно случайных (вернее, заведомо малоподходящих. — *В. П.*) пунктах... Когда начиналась эксплуатация завода, то все решительно дефекты его местоположения давали о себе знать повышенными накладными расходами, которые в дальнейшем долгие годы неотступно сопутствовали производству и результировались суммами, многократно превосходящими указанную экономию», достигнутую в ГАУ при основании завода. Зато гражданское ведомство могло считать своей заслугой «удачную» для казны операцию, сбыв ни на что не годный участок земли[67].

Отношения казенных предприятий с потребителями их продукции, даже когда она поступала на рынок, определялись не хозяйственной целесообразностью, интересами «барыша» для казны, а установками экономической политики, зачастую отражавшими застарелые предрассудки. Такое внутреннее перерождение внешне перенимаемых товарно-денежных, рыночных форм, по существу, наполнение их натуральным содержанием, выявлено не только в разных отраслях промышленности. При распределении железнодорожных заказов и установлении тарифов правительство также привыкло сознательно идти на известный ущерб коммерческим интересам государственных железных дорог во имя «более широких соображений общегосударственного свойства»[68]. Развитие крупной промышленности вообще и

---

[66] MCKAY J. Pioneers for Profit. Chicago; London, 1970. P. 269–270.

[67] МИХАЙЛОВ В.С. Указ. соч. С. 112. См.: http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXX/?id= 1400.

[68] ОЖСМ 29.XII.1912. // Материалы по истории СССР. М., 1959. Т. 6. С. 264; ГИНДИН И.Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 113; ЕГО ЖЕ. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 119.

тем более казенных заводов было связано прежде всего «с политическими и военно-стратегическими интересами» власти, как она их понимала, и «в гораздо меньшей степени с внутренним потребительским рынком»[69].

Даже там, где рекламировалась достигнутая «коммерческая» постановка казенного предприятия, фактически подразумевалось извлечение доходов с помощью административного нажима на потребителя. Таковы были доходы Министерства внутренних дел от губернских типографий, которым волостные правления обязаны были делать определенные заказы. Способ деятельности этих «коммерческих» предприятий МВД заключался в том, что «губернская типография расходует деньги не из средств государственного казначейства, а из средств мирских сборов, и ставится в вину волостному правлению, если из типографии оно не выписывает известные бланки; часто высылают бланки, измененные совершенно, уже ненужные; архивы волостных правлений завалены бланками, совершенно никуда не годными, на тысячи рублей», но если «правление выпишет на меньшую сумму, то... писарь со службы вон». Таким путем, например, орловская губернская типография получала возможность на «коммерческих началах» бесплатно (якобы в долг) печатать газету черносотенного направления; повсеместно из тех же средств получали добавления к жалованью канцеляристы губернской администрации (в Петербурге «прибылями» от типографии Министерства внутренних дел, действовавшей также «на коммерческом основании», подкармливались чиновники Департамента общих дел МВД[70]). Между тем, по заявлению представителя МВД, эта система заведования типографиями основывалась на тех правилах отчетности и счетоводства, которые ведомство выработало в 1907 г. «применяясь к коммерческим предприятиям», используя «начала двойной бухгалтерии»[71]. Таким же способом (навязывая свою продукцию земским управам) обеспечивала себе доходы Сенатская типография; так же действовала типография Военного министерства, по выражению А.Ф. Редигера, «дойная корова Главного штаба»[72].

Практика «коммерческого» управления казенными предприятиями в начале XX в. раскрывает отсутствие у него существенных отличий от стародавней, административной системы управления. И в том и в другом случае использование товарно-денежных форм оставалось поверхностным, не изменяя традиционное натуральное основание хозяйства.

Особенно наглядно это выражалось в порядках ценообразования. При обеих системах управления — и «коммерческом обряде» и «канцелярском» — способ на-

---

[69] ШИШКИН В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 69.

[70] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 567. Л. 551об.–552об., 561об., 562об., 564. Докладная записка управляющего типографией директору департамента, 15.XI.1903.

[71] ДБК III/5. СПб., 1912. Т. 1. Приложения к № 1: стенограммы заседаний, 12.II (с. 20) и 22.X.1911 (с. 3–4).

[72] СОГД III/5. Приложения. СПб., 1911. Т. 3. Прилож. к № 431. С. 258; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74792. Л. 1–5. Представление Главного штаба от 28.VII.1910 в Военный совет, утв. 9.VIII.1910; РЕДИГЕР А.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 360–361; т. 2. С. 205.

значения «цены» изготовляемой продукции в корне отличался от стихийного формирования цен на вольном рынке. Но поскольку казенным предприятиям все же приходилось обращаться к рынку и расплачиваться по рыночным ценам за топливо, сырье, механизмы, материалы, то получается, что казенное производство использовало — параллельно и одновременно — две системы ценообразования: административную и рыночную. Такое раздвоение денежного измерителя[73] представляло собой механизм, препятствовавший разрушительному влиянию рыночных отношений на традиционный внутренний строй казенного хозяйства, вовлечению капиталов казенных предприятий в нормальный кругооборот[74]. Более того, вносилось расстройство и в рыночные связи между частными производителями, вынужденными считаться с существованием «двух принципиально отличных видов цен на продукцию заводов — твердой и рыночной»[75]. Существование такого внерыночного, некоммерческого ценообразования не позволяет считать, что «цены представляют собой не только систематический, но и однородный конкретно-исторический материал», облегчающий методические задачи исследователям российской экономики начала XX века[76].

Встречающиеся в литературе фактические сведения о прибыльности казенного промышленного производства, как показывает их анализ, основаны на некритическом использовании источников. На эти данные, однако, опирается представление о принципиальной однотипности всей крупной промышленности, ныне пересматриваемое[77]. Обманчивой оболочкой товарно-денежных отношений и определенного

---

[73] «Двойственность меры стоимости противоречит ее функции», — утверждал К. Маркс (МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 23. С. 106).

[74] Известное сходство такой строй казенного заводского хозяйства имел с описанным в литературе строем «крупного барщинного хозяйства российского типа», в котором сочетались «неизменные крепостнические производственные (базисные) отношения с новыми внешними экономическими связями, то есть товарными» «при реализации продукции» (ГИНДИН И.Ф. [Выступление] // Документы советско-итальянской конференции историков. М., 1970. С. 228, 235). Не вполне подходит здесь, видимо, термин «крепостнические», поскольку собственно крепостной режим в начале XX в. уже не существовал, и безоговорочная характеристика внешних экономических связей таких предприятий (не только по сбыту продукции) как «товарных». Извращение товарных отношений под влиянием бюрократической целесообразности в данном случае заходило слишком далеко, чтобы оправдывалось сохранение привычной терминологии.

[75] ГИНДИН И.Ф., ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Против некритического и произвольного использования архивных документов // История СССР. 1964. № 5. С. 80.

[76] КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., МИЛОВ Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 41. Ср.: АНФИМОВ А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984. С. 4–6, 153–154, 225.

[77] См.: АДАМОВ В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. С. 225–226, 234; ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии.

рода связей с рынком прикрывалась, по сути, натуральная, веками складывавшаяся экономическая структура — особый уклад хозяйства, укрепление и деятельная защита которого представляли собой устойчивое и требовавшее всё больших усилий направление экономической политики российского государства, складывавшееся «на протяжении двухсот лет»[78] и пережившее самодержавие Романовых. Существование такого заповедника старины, каким было промышленное хозяйство казны, свидетельствовало о незавершенности процесса формирования капиталистических отношений в области крупного промышленного производства.

Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988. № 4.

[78] ШИШКИН В.А. Указ. соч. С. 69.

Роль заводов горного ведомства на железном рынке

При первом подведении итогов изучения проблемы многоукладности в России начала XX в. «особенно много вскрылось неясного в вопросах, связанных с механизмом взаимодействия разных укладов»[1]. С этой точки зрения и сейчас представляют интерес процессы, протекавшие на рынке металла. Здесь происходило взаимодействие двух старинных укладов: частновладельческих и посессионных горнозаводских округов, олицетворяемых синдикатом «Кровля», с одной стороны, и казенных заводов — с другой. Сходные по технологии и формам организации производства, по своей неспособности существовать без поддержки со стороны государства, эти две группы предприятий все же имели разный экономический строй, жили по разным хозяйственным законам.

В литературе о монополизации промышленности описано противоборство между «Кровлей» и организацией землевладельцев для централизованной закупки металла — Железным союзом земств. Неудачная для «Кровли» борьба с земствами «хорошо известна»[2]. Но нередко она рассматривается вне связи с политикой самодержавия, орудием которой служили заводы горного ведомства. Получается, что власть чуть ли не самоустранилась от влияния на исход борьбы, нацелив свои заводы исключительно на производство вооружения, а выпуск ими на рынок кровельного и сортового железа, чугуна правительство прекратило, или по крайней мере сократило, сделав в этом вопросе «уступку частному капиталу»[3]. Такое пред-

---

[1] АДАМОВ В.В. Предисловие // Вопросы истории капиталистической России. С. 5.

[2] САПОГОВСКАЯ Л.В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 72.

[3] ВЯТКИН М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М., Л., 1965. С. 272, 391; ЦУКЕРНИК А.Л. К истории синдиката «Кровля» // Исторические записки. М., 1955. Т. 52; История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 322; ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии в

ставление подкрепляется рядом документов. К ним, однако, следует еще раз присмотреться.

Выступление казенных заводов на рынке железа затруднялось формальным ограничением, введенным еще в 1799 г.: продавать свои изделия заводы могли только если выручали 12% сверх «истинной цены» этих предметов. Такие расценки, как правило, превышали рыночный уровень, и железо казенного изготовления не раскупалось. Плохо помогало даже обращение к услугам комиссионерской фирмы, Русского товарищества торговли металлами Износков, Зуккау и К°, обслуживавшего казенные заводы с 1878 г. Заводские запасы чугуна на 1907 г. превысили 8 млн пудов[4]. В феврале 1907 г. казенные Нижнетуринский и Серебрянский заводы запродали комиссионерам (а те переуступили обществу «Кровля») кровельное железо (запас 1907 г. и весь выпуск 1908 г.), что вызвало скандал. «Вступая в соглашение с комиссионерами, начальство заводов, — заметил государственный контролер, — не могло не знать, куда предназначается продаваемое железо, так как условия соглашения разрабатывались им и комиссионерами при участии представителей общества "Кровля"»[5].

Государственный контролер расценил эту операцию как «совершенно неуместное» участие казенных заводов в синдикате и «просил Министерство торговли и промышленности принять зависящие меры к недопущению на будущее время таких соглашений». Главный начальник уральских горных заводов П.П. Боклевский признал, что «вступление в какие бы то ни было синдикаты» роняет «достоинство казенных предприятий», и жаловался, что к этому их вынуждает отсутствие собственного торгового аппарата[6]. В дальнейшем была «безусловно запрещена» продажа чугуна комиссионерам или агентам[7]. Постановлением Совета министров (утв. царем 23 октября 1907 г.) в отступление от старого закона заводы получили разрешение на 1908 год сбывать железо и чугун по сложившимся на рынке ценам «независимо от прибыльности или убыточности сих цен для казны»[8].

военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992. С. 93; RIEBER A. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. P. 343.

[4] ТУЛИСОВ Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 47–48; ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 41, 44; ВОГК за 1907 год. СПб., 1908. С. 111; ВОГК за 1909 г. СПб., 1910. С. 144.

[5] ВОГК за 1908 г. СПб., 1909. С. 146.

[6] Там же; ОЗЕРОВ И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 217. В думской Бюджетной комиссии пришлось оправдываться и руководителям министерства. Роль комиссионеров «в последнее время сильно сужена тем, — говорил на ее заседании 12 декабря 1909 г. товарищ министра Д.П. Коновалов, — что... мы стремимся иметь дело с общественными учреждениями без посредников. Наша последняя сделка с земствами именно так и организована». 5 декабря 1910 г. министр С.И. Тимашев также объяснял, что постепенно проводится реорганизация сбыта, а «с фирмой Износков и Зуккау мы дело сводим почти на нет» (ДБК III/3. Прил. к № 24. Стеногр. С. 13; ДБК III/4. Прил. к № 22. Стеногр. С. 25).

[7] Уральский техник. 1913. № 1. С. 36. Сделку с «Кровлей» Серебрянского завода этот запрет ликвидировал (см. выше, с. 237), железо досталось союзу земств.

[8] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 29. Л. 100–101.

Из Думы горному ведомству советовали «или уничтожить заводы, или привести их в нормальное состояние и тем увеличить доходы». Но для ведомства такого выбора не существовало: «Допустимо только расширение существующих производств или основание новых», — заявил товарищ министра Д.П. Коновалов[9]. Бюджетная комиссия, а 7 мая 1908 г. и Государственная дума выразили пожелание о расширении на казенных заводах «производства кровельного и сортового железа, а также увеличении приема частных заказов»[10].

Предпринимательские круги добивались в идеале полной ликвидации конкурента в лице казенных заводов. Это стремление нашло своих выразителей в Финансовой комиссии Государственного совета. При обсуждении бюджета на 1908 г. ее отделы высказались за коренную реорганизацию казенно-заводского хозяйства на Урале. Считая казенную администрацию неспособной вести хозяйство — любое — с прибылью, они предложили ведомствам «почти во всех случаях» (исключая военные предприятия) «отказаться от эксплоатирования предприятий своими средствами и передать их в частные руки»[11].

Такая реорганизация противоречила интересам землевладельцев. Собравшиеся в июне 1908 г. на съезд представители земств решили добиваться от правительства понижения ввозных пошлин, позволявших заводчикам держать высокие цены на металл. Перед управлением казенных горных заводов съезд ходатайствовал об отпуске земствам всего кровельного железа «по возможно дешевым ценам и без всякого участия заводских комиссионеров» и «о расширении действий этих заводов» в целях более полного удовлетворения потребностей земств в обход «Кровли». В январе 1909 г. курское земство на губернском собрании постановило ходатайствовать перед правительством об увеличении производительности казенных железоделательных заводов и о применении к синдикату мер уголовного преследования. «При таком положении дела, — отмечал Государственный контроль, — производство кровельного железа на уральских казенных заводах получало особое значение»[12].

В том же направлении оказывала давление Дума. Ее Бюджетная комиссия при обсуждении сметы на 1909 год установила как принцип, что «казенные заводы будут конкурировать с частными», потому что, не имея постоянного объема военных заказов, казенные заводы должны выпускать изделия «и для нужд частной промышленности». Заводы эти важны для регулирования «рыночных цен, угрожающих ростом при развитии трестов и синдикатов». Бюджетная комиссия отметила на казенных заводах неудовлетворительную постановку заказов от частных лиц и рекомендовала ведомству «в целях устойчивого получения заказов на кровельное и сортовое же-

---

[9] ДБК III/1. Стб. 1465 (мнение подкомиссии Бюджетной комиссии, стенограмма заседания Бюджетной комиссии, 19.III.1908).

[10] Там же. Стб. 1420; СОГД III/1. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 128.

[11] Новое время. 27.II.1908. Это точно соответствовало требованиям ССППиТ (см.: Записка Совета съездов представителей промышленности и торговли о мерах к подъему отечественной железной промышленности и машиностроения. К Междуведомственному совещанию 26 мая 1908 г. [Б. м., 1908]. С. 61).

[12] Голос Москвы. 27.VI.1908; ВОГК за 1908 г. СПб., 1909. С. 146.

лезо» его заводами организовать «сношения с земскими учреждениями» и упорядочить комиссионное дело. В вопросе о ликвидации заводов Комиссия нашла, что это касается не всех вообще заводов, работавших на рыночный спрос, а лишь таких, которые существовали «*исключительно ради доставления заработка местному населению*»[13].

Министерство торговли и промышленности, добившись от правительства в октябре 1907 г. временного разрешения заводам торговать без 12-процентной прибыли, готовило законопроект о полной отмене этого ограничения, а пока просило продлить временное разрешение на 1909 год. Но Совет министров распространил действие «изъятия из закона» не только на этот год, а и на все время «впредь до изменения» соответствующей статьи Горного устава и разрешил продавать изделия «по рыночным ценам с возможною для заводов прибылью»[14].

Между тем в мае 1908 г. на совещании о положении в металлургии получила подкрепление позиция, занятая Финансовой комиссией Государственного совета. По мнению заводчиков, приглашенных на совещание, следовало поставить казенные предприятия в равные условия с частными, а впредь вообще прекратить «постройку новых казенных заводов и расширение существующих». Участники совещания также осуждали практику пополнения оборотных капиталов ведомственных заводов из казны. Записку о пожеланиях совещания Совет министров в ноябре 1908 г. принял «к сведению»[15]. На первый взгляд, Финансовая комиссия от себя повторила мнение, еще в 1897–1898 гг. высказанное Департаментом государственной экономии Государственного совета и Государственным контролем, требовавшими «прекращения ассигнований из государственного казначейства» на пополнение оборотных средств казенных горных заводов[16]. По мысли Департамента, заводы «должны

---

[13] ДБК III/2. № 85. С. 146, 148–150.

[14] РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 29. Л. 100 и об. ОЖСМ «О продаже чугуна, железа и др. изделий казенных горных заводов по торговым ценам», 16.XII.1908, утв. царем 18.I.1909.

[15] ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 182–183.

[16] ВОГК за 1897 г. СПб., 1898. С. 78–79. Год спустя Государственный контроль вновь коснулся этого вопроса в отчете, представленном Николаю II. Поддерживая намеченный министром Ермоловым перевод казенных горных заводов на новую систему управления, «применив в виде опыта способ коммерческого заведования ими», государственный контролер Т.И. Филиппов присовокупил, что без этого даже и нельзя составить представление, насколько убыточна деятельность того или иного из заводов, а значит — следует ли предназначить его для передачи в частные руки и на каких условиях. Отметив роль казенных заводов в «регулировании цен частных заводов на необходимые, в особенности для нашей сельскохозяйственной промышленности, материалы и изделия», государственный контролер особо указал на принципиальное различие задач, преследуемых теми и другими: судьба горнозаводских рабочих и их семей зависит «от того, в чьих руках будут наши казенные горные заводы, так как цели, преследуемые в этом отношении правительством, совершенно иные, чем задачи частных предпринимателей. Последними руководят исключительно цели наживы, тогда как правительство, не упуская из виду выгодности предприятия, в то же время несет на себе заботы об участи населения, не останавливаясь для поддержки его перед временными потерями на убыточных производствах». — «Очевидно», — отозвался на эти соображения царь (ВОГК за 1898 год. С. 93–96).

бы получать средства для своей деятельности непосредственно от заказчиков и от продажи изделий», а не по бюджетным сметам, и это, казалось, обещало заводам больше свободы в распоряжении оборотными средствами. Но этим сходство пожеланий Департамента с требованиями заводчиков исчерпывалось. Департамент одновременно выступал за максимальное «сосредоточение в руках правительства таких работ (для военного и морского ведомств), которые, по особым условиям, нежелательно было бы передать в частные руки», да еще и имел в виду «поддержать интересы горнозаводского населения, которое, быв приписано к заводам с давних времен, находит в работах на них источник своего существования»[17]. Получение же оборотных средств «от заказчиков и продажи изделий» означало лишь то, что расходы бюджета на деятельность горных заводов следовало проводить через сметы заказывающих ведомств, в виде платежей за исполняемые заказы. Таким образом, решениями 1907–1908 гг. о торговле казенным железом правительство заняло позицию, которая еще менее могла устраивать заводчиков, поскольку расширялся доступ ведомственных заводов к рынку железа в качестве конкурента.

Отданное в конце 1908 г. Боклевским распоряжение продать Союзу земств все кровельное железо выработки 1909 г. вызвало 2 января 1909 г. протест Совета съездов горнопромышленников Урала, дополненный ходатайством перед министерством — повлиять на казенные заводы и устранить конкуренцию с их стороны. «Уральские горнозаводчики оказываются совершенно не приспособленными к свободной промышленной борьбе», — делало вывод «Новое время». (О решении продавать казенное железо земствам по заведомо убыточным для ведомственных заводов ценам в данной связи не упоминалось.) «Вечные плакальщики нашли, что казенные горные заводы и в том расшатанном и непригодном виде, как мы знаем их теперь, являются для них серьезным конкурентом», — издевалась газета. Теперь, когда «договор земского Железного союза с уральским горным управлением... заключен», «понятна злоба горнопромышленников на казенные заводы... Наивное и ничем не прикрытое попрошайничество будет оставлено... без ответа»[18].

Действительно, как сообщалось, Боклевский побывал в Петербурге и теперь «готовит обширный доклад по поводу расширения деятельности уральских казенных заводов в связи с вопросом о поставке в земский союз значительно большего количества железа... Боклевский имел по этому поводу обстоятельные предварительные переговоры в высших горных сферах, где к мысли о расширении заводов отнеслись очень внимательно и сочувственно». Решено было устроить новую домну на Кушвинском заводе и удовлетворить ходатайство земств о продаже им кровельного железа. К 1 июля 1909 г. 24 губернских земства совместно закупили у внесиндикатских заводов 1,3 млн пудов; треть этого железа дали уральские казенные заводы. В итоге «Кровля» на 1909 г. лишилась возможности диктовать условия земствам и казенным учреждениям. К требованиям землевладельцев в этом вопросе правительство отнеслось с большим вниманием, чем к недовольству металлозаводчиков. 1910

[17] ВОГК за 1897 г. СПб., 1898. С. 78–79.

[18] Монополии в металлургической промышленности. С. 603. № 157; Новое время. 16.II.1909.

год рассматривался Железным союзом земств как год победы над «Кровлей»: она снизила свои цены, из синдиката вышли пять заводов. После этого было объявлено, что и цену казенных заводов на кровельное железо Московское губернское земство считает слишком высокой и отказывается от их услуг[19].

Ни правительство (несмотря на тяжелое финансовое положение), ни дворянская общественность не считали прибыльность работы казенных заводов непререкаемой догмой. В феврале 1909 г. Постоянный совет объединенного дворянства воздержался от какого-либо решения по докладу своего авторитетнейшего члена К.Ф. Головина, полагавшего, что заводы следует передать в частные руки, так как они дают бюджету слишком мало дохода. Но когда и В.И. Гурко стал доказывать, что в интересах государства — стремиться к «всемерному сокращению» «казенных хозяйственных операций», то Постоянный совет определенно «не присоединился к мысли о желательности сокращения» хозяйственной деятельности казны[20].

Предпринимательские круги неустанно добивались пересмотра взятого правительством курса. 20 мая 1909 г. в Государственном совете Г.А. Крестовников доложил заключение Финансовой комиссии о том, что нужно оставить в казенном управлении лишь Пермский, Златоустовский и Воткинский заводы да предприятия, снабжающие их чугуном, и обязать Горный департамент подготовить «постепенную ликвидацию», «продажу в частные руки» остальных заводов.

Это посягательство встретило в Государственном совете отпор. Тридцать шесть его членов (октябрист и два из группы центра, остальные правые, половина — члены Русского собрания, придворные), в числе которых были и члены самой же Финансовой комиссии: Б.В. Штюрмер, П.Н. Дурново, Н.Н. Сухотин, члены дворянского Постоянного совета А.П. Струков, С.С. Бехтеев, А.А. Нарышкин, В.Н. Драшусов, В.М. Андреевский (будущий член дворянского Совета с 1916 г.), а также Е.А. Алексеев, И.Л. Горемыкин, В.К. Саблер, Н.А. Хвостов, глава группы правых В.Ф. Трепов, граф С.А. Толь, князья Л.Д. Вяземский и А.А. Куракин, — заявили, что речь идет об «одном из самых серьезных, существенных и крупных вопросов народного хозяйства России» и его нельзя решать так, как наметило большинство Финансовой комиссии. Правые потребовали отказаться от «ликвидации большей части казенных горных заводов» и, наоборот, заставить Горный департамент «достигнуть правильной постановки казенного хозяйства на этих заводах».

Напрасно старался Крестовников оспорить навязываемое верхушкой дворянства и бюрократии решение и призывал «не останавливаться перед ликвидацией» казенных заводов, поскольку им «работать выгодно невозможно». От имени 36-ти ему ответил А.С. Стишинский. Нельзя «мерить всякое государственное дело одними барышами», считать барыш обязательным признаком правильной постановки хозяйства, уязвил он докладчика-купца. Против ликвидации выступили также министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев и бывший министр А.С. Ермолов.

---

[19] Новое время. 5.I.1910; 18.II.1909; 5.XI.1911; КАФЕНГАУЗ Л.Б. Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910. С. 196–197.

[20] ГАРФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 47. Л. 4об., 5, 7об.; ГУРКО В.И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 155.

Ермолов указал, что даже мелкие заводы, на которые Финансовая комиссия покушалась в первую очередь, надо сохранить, так как все казенные горные заводы составляют «одно целое, одну систему». Тимирязев подтвердил, что среди них «почти нет» заводов, не нужных для производства вооружения. Отвергнув заключение Финансовой комиссии, Государственный совет согласился с мнением тридцати шести. Так даже в самое трудное для бюджета время казна удержала горные заводы в своих руках. Домогательства горнозаводчиков о передаче казенных заводов Урала в частную собственность «закончились безрезультатно»[21].

В начале 1910 г. совещание с участием представителей горнозаводчиков обсудило положение уральской промышленности, приходившей в упадок в условиях кризиса и депрессии и конкуренции Юга. Представляя правительству доклад о суждениях совещания, датированный 15 июля 1910 г., министр С.И. Тимашев выразил готовность руководствоваться ими в качестве «общей программы правительственной деятельности» в данной области, «если намеченные меры встретят одобрение» Совета министров[22].

Согласно этому докладу[23], некоторые участники совещания (как и Финансовая комиссия Государственного совета) предлагали «постепенно ликвидировать» «самостоятельное» казенное изготовление рыночных изделий, оставив в казне те пять заводов, «на коих происходит либо самое производство... оружия, либо выделка потребных для этого производства чугуна, стали и железа». Прочие же семь заводов — отдать «в частную эксплоатацию» или закрыть.

В докладе от 15 июля 1910 г. обращают на себя внимание еще два поворота мысли. Во-первых, в нем зафиксирован прямой отказ ведомства согласовывать возлагаемые на казенные предприятия задачи с хозяйственной выгодой. Такая установка отвечала мнению Государственного совета о недопустимости погони за «барышом». Оговорки насчет побочных (рыночных) производств лишь смягчали основную линию — ровно настолько, чтобы не доходить до абсурда.

Во-вторых, вопреки существующему в литературе представлению, все же не предполагалось свернуть производство на рынок. В докладе указывалось, что, при всей нежелательности действия казенных предприятий в ущерб частным, все же «прекратить совершенно» их торговлю металлом нецелесообразно: «полная равномерность» казенных заказов недостижима, а потому работу на рынок надо иметь «всегда наготове» на случай «временного отсутствия» таковых. Учитывалось, что, например, чугун из руды с Бакальского месторождения «пользуется хорошим частным спросом, который не покрывается Саткинским заводом», и ведомство намечало выплавлять чугун «и на Златоустовском заводе» (снарядном) «по мере действительной в том надобности» — до удовлетворения рыночного спроса. В качестве задач

[21] СОГС. Сессия IV. СПб., 1909. Стб. 1999, 2000, 2006, 2007, 2010, 2015, 2025, 2034–2037, 2040, 2042, 2048, 2052; БОРОДИН А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С. 250–309; ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 391.

[22] ОЖСМ 1910. С. 413–414.

[23] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 1112–1125об. «О мерах к улучшению положения горнозаводского дела на Урале», 15.VII.1910. № 1115; ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 189–191.

выдвигалось «создание рынка дешевой руды, могущего снабжать частные заводы» «по долгосрочным контрактам», а также развитие торговли топливом и «упорядочение» отношений с «частной агентурой для продажи изделий на рынок».

Некоторые из приведенных в докладе от 15 июля 1910 г. соображений по их общей направленности — на сокращение хозяйственной деятельности казны — совпадали с более радикальным мнением XV съезда горнопромышленников Урала (май 1910 г.), назвавшего одной из «главнейших нужд Урала» «постепенную, но неуклонную ликвидацию казенных горных заводов с передачей как этих заводов, так и приписанных к ним дач в частные руки»[24]. Но ведомство Тимашева считало передачу в частные руки (или ликвидацию) тех или иных заводов задачей, исполнение которой «не принадлежит ближайшему будущему». Нелегко будет «найти покупателя или арендатора» для предприятий, работающих на рынок и в то же время связанных «обязательными отношениями» со своим рабочим населением. Кроме того, ликвидации препятствовало коренное противоречие, неизбежное при оценке успешности казенного хозяйства на Урале: по сравнению с военными производствами как раз работа на рыночный спрос оказывалась менее убыточной. Выгодная сторона работы на продажу, говорилось в докладе, «не может, однако же, служить достаточным основанием к дальнейшему развитию на казенных заводах тех производств, которые изготовляют рыночные изделия».

При подобной противоречивости суждений, отраженных в докладе, никакой связной программой он послужить не мог.

Первая часть программы действий, предложенной участниками совещания, как она представлена в докладе от 15 июля 1910 г., отвечала собственным намерениям ведомства и заключалась в том, что «бесспорно» следует сохранить в руках казны «и даже развить» Пермский, Златоустовский и Верхнетуринский заводы и поставлявшие им металл Кушвинский и Саткинский.

Вторая часть — избавиться от «мелких казенных заводов» и «постепенно ликвидировать» рыночное производство. Но тут Тимашев оговаривался, что исполнить эту программу «гораздо легче в первой ее части, нежели во второй». Четыре завода (Нижнетуринский, Каменский, Кусинский, Артинский) еще, возможно, заинтересовали бы какого-нибудь покупателя или арендатора, поскольку их продукция уже имела выход на рынок. Изготовление чугунных снарядов «без вреда для дела может быть перенесено» с Кусинского и Баранчинского заводов на Верхнетуринский и Саткинский. Баранчинский пришлось бы при этом закрыть: изменить его назначение нельзя без «коренного переустройства», связанного с большими издержками. Нежизнеспособен и Серебрянский завод. Но с закрытием этих заводов казне пришлось бы принять на себя «устройство быта населения» их округов.

В современной литературе эти противоречивые суждения в докладе от 15 июля 1910 г. о судьбе производства для рынка воспринимаются как одобренная правительством ликвидация. Совет министров якобы постановил (или «пришел к выводу»), что Горный департамент должен заняться «постепенным ликвидированием самостоятельного производства изделий частного обихода». В журнале Совета минист-

[24] Отчет Горного департамента за 1910 год. СПб., 1912. С. 53.

ров, однако, это пожелание излагается не как позиция правительства, а как мнение участников совещания, проведенного Тимашевым[25].

Дело не только в оговорках Тимашева относительно трудностей подыскания покупателя (или арендатора) и улаживания отношений с рабочими в случае закрытия заводов. Наряду с этим докладом от 15 июля[26] о суждениях совещания (доклад был представлен как материал к заседанию Совета министров) Тимашев изложил отдельно собственное мнение ведомства, выступая лично в Совете министров, он дополнительно подчеркнул несогласие ведомства с суждениями, высказанными на совещании, и предложениями о ликвидации заводов, поставив их в ряд с пожеланиями Думы и Государственного совета. По его словам, в сравнении с Думой Государственный совет «пошел дальше и рекомендовал правительству приступить к более полной ликвидации... Эту последнюю точку зрения, — отмечено в журнале Совета министров, — министр торговли и промышленности не мог бы, однако, разделить».

В словах Тимашева видна натяжка: Дума склонялась к ликвидации лишь тех заводов, существование которых правительство поддерживало из-за необходимости дать пропитание рабочим, причем Государственный совет отстоял возможность их сохранения[27]. Другое дело — не Государственный совет в целом, а Крестовников и согласное с ним большинство Финансовой комиссии[28]. Зато таким путем резче оттенялся собственный взгляд ведомства на эти заводы: хотя казна «вообще плохой хозяин» и не должна бы своей конкуренцией «ослаблять частную предприимчивость»

---

[25] См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 91, 44. Ср.: ОЖСМ 1910. С. 413. Цитируя эти слова, К.Ф. Шацилло истолковал их как «вывод», сделанный Советом министров в журнале 19 октября и 9 декабря 1910 г. Но там это не вывод Совета министров, а мнение упомянутого совещания, как оно доложено правительству Тимашевым: «Как видно из внесенного по этому делу представления [Тимашева, от 15 июля 1910 г.], упомянутое *совещание*, коснувшись сначала неблагоприятного положения казенных горных заводов, *нашло, что* деятельность их должна быть сосредоточена в будущем, главным образом, на изготовлении предметов государственной обороны с постепенным ликвидированием самостоятельного производства изделий частного обихода. В соответствии с сим, *совещание признало необходимым...*» (ОЖСМ 1910. С. 413. Курсив мой. — *В. П.*).

[26] В кн. «Государство и монополии» на с. 90 описка: вместо 15 июля — 15 августа.

[27] В бумагах Совета министров (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 531) имеется выписка «Пожелания, принятые общим собранием Государственного совета при рассмотрении проектов сметы Горного департамента на 1909 и 1910 года». В этих пожеланиях не говорилось о ликвидации казенных заводов. Наоборот, ведомству было предложено «в ближайшем же будущем» исследовать их состояние и доложить Думе и Государственному совету, как оно думает «достигнуть правильной постановки казенного хозяйства на этих заводах» (решение, проведенное группой 36-ти вопреки мнению Финансовой комиссии). В отношении тех заводов, где «такой правильной постановки казенного хозяйства достигнуть окажется невозможным», Государственный совет требовал не ликвидации, а еще пока только «соображений» ведомства.

[28] В докладе от 15 июля ссылка сделана более точно: «рекомендовалось, *в особенности со стороны Государственного совета*, по возможности ликвидировать большую часть мелких казенных заводов» (там же. Л. 1113об.).

(так устанавливал закон 1811 г.), все же «прекратить совершенно производство рыночных изделий на казенных заводах» было бы «неосторожно». Сохранить его, продолжал Тимашев, следует по трем причинам. Во-первых, рыночная продукция, побочная при военном производстве, удешевляет его; во-вторых, работа на рынок помогает сохранить занятость, когда мало военных заказов; в-третьих, она оказывает «полезное влияние на урегулирование рыночных цен»[29]. Именно эту сторону деятельности казенных заводов горнопромышленники и считали вредной конкуренцией.

Обсуждение вопроса о судьбе рыночной части производства казенных заводов проходило в условиях усиливавшегося «чугунного голода». Поиск мер против этого бедствия заставил торгово-промышленное ведомство провести осенью и в декабре 1910 г. совещания, чтобы обсудить ходатайства о разрешении льготного ввоза чугуна; министр распорядился также усилить выплавку чугуна на казенных заводах и продавать его «по нормальной цене» металлообрабатывающим заводам[30].

Поддерживая позицию ведомства, «Новое время», в своем стиле, придавало этой своей поддержке вид критики бюрократии за мнимую податливость давлению заводчиков: министерство «к сожалению... идет так далеко, что предполагает передать в частные руки именно те свои заводы, которые сейчас или приносят казне доход, или же работают с весьма малым убытком». Но суть и не в этом. «Даже при условии их убыточности» надо эти заводы сберечь, «дать правительству право поддерживать существование их», потому что нельзя смотреть «только с точки зрения доходности или убыточности»: в руках правительства это «самое могучее средство защиты против растущих как грибы у нас всевозможных синдикатов»; нужно оставить казне «возможность выступления» против «чудовищных монопольных организаций»[31].

Дважды, 19 октября и 9 декабря, обсуждались эти вопросы в Совете министров. Одновременно занялась ими и думская Бюджетная комиссия. Она не удовлетворилась закреплением достигнутой казенными заводами свободы действий на потребительском рынке, а воспользовалась случаем, чтобы по-своему отозваться на близившийся вековой юбилей закона, устанавливавшего благосклонное отношение власти к частной инициативе. При обсуждении 5 декабря 1910 г. сметы на 1911 год Комиссия выявила в объяснительной записке горного ведомства искажение принципиальной линии государства. Горный департамент обещал «постепенно ликвидировать» самостоятельное (то есть не являющееся побочным при изготовлении вооружения) рыночное производство, потому что считал нежелательной «конкуренцию между казенными и частными заводами». Это объяснение полностью отвечало действовавшему закону. Статья 38 Горного устава (закон от 25 июня 1811 г.) гласила: «Главное начало, на коем горные заводы должны быть устрояемы, состоит в том, чтобы они содействовали и поощряли частную промышленность, а не были бы ей преградою». Высказанные членами Комиссии представителям ведомства ранее,

---

[29] ОЖСМ 1910. С. 415.

[30] Приложения к СОГД III/4. Т. 4. СПб., 1911. № 407. С. 1–2. Доклад Финансовой комиссии.

[31] Т.А.У. Роль казенных заводов // Новое время. 20.X.1910.

по смете на 1910 г., настойчивые пожелания расходились с этой старинной нормой. Теперь, при обсуждении сметы на 1911 г., Комиссия обращала внимание на то, что раньше в пожелании Думы «не упоминалось о влиянии казенных горных заводов на развитие частной промышленности» (действительно, о «вредном» влиянии не упоминалось, усматривалась, скорее, польза: ведь недаром требовали от Горного департамента еще шире развернуть торговлю железом) и говорилось не о ликвидации, а о совершенствовании всего этого хозяйства; «по вопросу о влиянии казенных заводов [своей конкуренцией] на частную промышленность — пожелания Государственной думой высказано не было»[32].

Министру ничего не оставалось, как признать, что «по собственной инициативе» ведомства вопрос поставлен «гораздо шире, чем был намечен в пожеланиях Государственной думы». Тимашев попытался оправдать оказавшуюся неуместной заботу об интересах частной промышленности ссылкой на мнение, высказанное в Государственном совете — об экономической нерациональности «казенной эксплуатации мелких заводов... только для конкуренции с частными заводами». Ведь если стремиться к такой конкуренции, сказал Тимашев, то надо было бы говорить и о казенной добыче угля, нефти, даже и о производстве бумажных тканей. Достаточно уже того, что сохраняемые за казной крупные военные заводы «неизбежно должны будут работать также на рынок. У них будут непременно побочные производства... эта конкуренция, — успокаивал думцев министр, — неизбежно будет, потому [что] крупные заводы будут все-таки делать рыночный металл».

Поскольку Тимашев признал, что его ведомство «наметило известный план ликвидации самых мелких заводов, которые работали специально на рынок», думская комиссия выдвинула пожелание: «...чтобы всякое, хотя бы частичное, осуществление предположений ведомства о ликвидации казенных заводов производилось не иначе как в законодательном порядке»[33]. С этим пожеланием Тимашеву пришлось согласиться[34], что и положило конец ликвидаторским попыткам. Ни одного предложения в этом роде от горного ведомства Дума не получила.

Таким образом, и в вопросе о желательности рыночного сбыта продукции казенных заводов, и в вопросе о ликвидации наименее значительных из них Горный департамент в 1907–1910 гг. получил от высших органов власти новые установки. Совет министров одобрил не суждения участников совещания, рекомендовавших покончить с рыночным производством казенных заводов, а дополнительно представленные Тимашевым соображения ведомства — «представленный... Тимашевым общий план мероприятий для улучшения положения горнозаводского дела на Урале». Правительство проявило видимую умеренность, согласившись с предложением удерживать в казенном управлении «лишь заводы, изготовляющие предметы госу-

---

[32] ДБК III/4. № 22. С. 7. Прил. к № 22, стеногр. 5.XII.1910. С. 21–22.

[33] Там же. Приложение к № 22, стеногр. 5.XII.1910 г. С. 22; № 22. С. 7–8.

[34] «Тимашев высказался за то, что ликвидация небольших казенных горных заводов может быть произведена лишь в законодательном порядке, — торжествовало "Новое время" 26 февраля 1911 г. — Замечание это идет вразрез с планами арендаторов, предполагавших захватить в свои руки ряд уральских заводов, препятствующих деятельности синдиката».

дарственной обороны» — но с оговоркой: «в виде общего правила», не упомянув о ликвидации того или иного завода[35]. Тем самым окончательные практические шаги, по сути, возлагались бы на ответственность горного ведомства. Но Государственный совет и Дума предписывали более жесткую линию — в прямом противоречии с действовавшим законом о недопустимости препятствования развитию частной промышленности созданием ей конкуренции ведомственных предприятий. Ликвидация любого из обременявших казну горных заводов ставилась в зависимость от согласия Думы.

Подходя к ликвидации тех или иных казенных заводов, Горный департамент должен был прежде разобраться, какие из них заняты «исключительно» работой на рынок, а таковых могло совсем не оказаться. Работавшим «главным образом на частную продажу» считался, например, Каменский завод, который выплавлял в 1907 и 1908 гг. в среднем по 337 тыс. пудов чугуна (максимальная мощность — 500 тыс. пудов чугуна и 150 тыс. пудов чугунных изделий). Он намечался к продаже в первую очередь. По данным же Горного ученого комитета, Каменский завод работал по казенным нарядам на 87%[36]. Таким образом, завод, с наибольшей, казалось бы, уверенностью причисленный к работавшим только на рынок, в действительности попал в этот разряд по недоразумению.

Политика ведомства в отношении поведения заводов на рынке формировалась под воздействием Думы, Государственного совета и на основе общеправительственного курса; идее ослабления хозяйственной деятельности казны все эти органы не сочувствовали и, бдительно следя за каждым движением Горного департамента, при необходимости моментально «поправляли» его.

С точки зрения экономической политики правительство, как известно, «должно было считаться» с требованиями помещиков расширять казенное производство в интересах борьбы против монополий[37]. Правда, в литературе высказывалось и про-

---

[35] См.: ОЖСМ 1910. С. 415–416. В годовом отчете Государственного контроля это решение о плане упорядочения заводского хозяйства, утвержденное царем, излагалось иначе, чем оно сформулировано в положении Совета министров. Упомянув об утвержденном царем в конце 1910 г. плане упорядочения, Всеподданнейший отчет государственного контролера разъяснял его так: «По этому плану деятельность заводов должна быть сосредоточена в будущем преимущественно на изготовлении предметов государственной обороны, *с ликвидированием самостоятельного производства рыночных изделий и допущением изготовления сих изделий лишь в виде побочных продуктов при выполнении казенных нарядов, в целях главным образом понижения стоимости последних*. В соответствии с изложенным признано необходимым сохранение в руках казны лишь тех заводов, в коих происходит либо самое производство орудий, снарядов и холодного оружия, либо выделка потребных для такового производства чугуна, стали и железа, а именно заводов Пермского, Златоустовского, Кушвинского, Саткинского и Верхнетуринского. Действие за счет казны остальных заводов, кроме Воткинского, предположено прекратить путем передачи в частную эксплоатацию или, при невозможности сего, закрытия их» (ВОГК за 1910 г. СПб., 1911. С. 122–123. Курсив мой. — *В. П.*).

[36] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 1115об.–1116; Горный журнал. 1906. Сентябрь. С. 88; октябрь. С. 107.

[37] См.: ЛИВШИН Я.И. Монополии в экономике России. М., 1961. С. 371.

тивоположное мнение: царское правительство, «идя навстречу» монополиям, «существенно сократило» казенное производство на рынок и перестало таким путем «оказывать влияние» на уровень монопольных цен[38]. В том же смысле истолковано положение Совета министров, утвержденное царем 25 декабря 1910 года[39].

Совет министров, действительно, признал основным для казенных горных заводов военное производство, подтверждая тем самым узаконение столетней давности. В резолютивной части журнала Совета министров мысль о допустимости рыночного производства прямо не выражена, но назван «заслуживающим одобрения» план действий, представленный министром торговли и промышленности Тимашевым, который, докладывая этот план на заседании Совета министров, особо оговорился, что гражданское производство желательно сохранить[40]. М.П. Вяткин указывал, что подобные «оговорки» Тимашева «не были учтены» правительством, но при этом не уделил внимания тому, как одобренный правительством «план действий уральских казенных горных заводов» выглядит в отчете Горного департамента за 1910 г. и в объяснениях к сметам. В этих документах побочные рыночные производства признаны допустимыми. Сметой Горного департамента на 1911 г. предусматривалось, что Златоустовский и Саткинский заводы будут изготовлять чугун специально для рынка «по мере действительной в том надобности». Чугун, выпускаемый этими военными заводами, пользовался «хорошим частным спросом». Смета была составлена, надо полагать, раньше, чем состоялось решение Совета министров 9 декабря 1910 г. Но и в записке о смете на 1912 г. вновь говорится о необходимости «соблюдать известную осторожность» в вопросе о ликвидации рыночного производства, и Горный департамент обосновывал это тем, что конъюнктура «может настоятельно потребовать выступления казенных горных заводов с предложением продуктов их производства частному потребителю». Год спустя департамент заявлял, что наблюдается «усиленный спрос» на чугун и мартеновские слитки и потому в 1913 г. казенные заводы будут изготовлять металл в «несколько увеличенном против прошлых лет размере»[41]. Суть дела в том и состоит, что на практике оказалось жизненным то,

---

[38] Там же; RIEBER A. Merchants and Entrepreneurs. P. 343. Рибер в этом вопросе опирается на статью М.Я. Гефтера 1953 г., в которой автор рассматривал «проблему подчинения государственного аппарата монополиями» как «общую закономерность, обязательную для всех империалистических стран», исходя из свежего указания Сталина о том, что «в процессе сближения монополий и государства происходит не просто сращивание их, как это принято было говорить в нашей экономической и исторической литературе, а подчинение государственного аппарата монополиям» (ГЕФТЕР М.Я. Царизм и монополистический капитал. С. 70–71).

[39] См.: ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 127 (но ср. с. 126), 269; ГАВРИЛОВ Д.В. Указ. соч. С. 119.

[40] ОЖСМ 1910. С. 415–416. ОЖСМ, 19.X и 9.XII.1910. «О мерах к улучшению положения горнозаводского дела на Урале», утвержден 25 декабря 1910 г.

[41] Отчет Горного департамента за 1910 год. СПб., 1912. С. 116; ОЗГД на 1911 г. СПб., 1910. С. 28; то же на 1912 г. СПб., 1911. С. 40; то же на 1913 г. СПб., 1912. С. 25. Но это все же далеко от якобы существовавших планов — «прожектов», «не осуществленных из-за отсутствия средств», — создания казной «новых горных заводов на Урале в начале XX в. с целью

о чем «оговорился» Тимашев, тогда как одобренное правительством предположение сдать заводы, работавшие на рынок, в частную эксплуатацию или хотя бы вести «постепенную ликвидацию производства изделий частного обихода» не совпадало с устремлениями вождей дворянства и осталось неисполненным.

При таких обстоятельствах ожидать сдвигов в желательном для заводчиков направлении не приходилось. Теоретически допускалась ликвидация заводов, не нужных для изготовления оружия, но практика не соответствовала либеральной теории.

Может быть, наибольший шаг в этом направлении был сделан Тимирязевым в июне 1909 г., когда он, беседуя с директором американской фирмы International Harvester C° С. Маккормиком, предложил ему осмотреть Воткинский завод — не подойдет ли он американцам для преобразования в завод сельскохозяйственных машин. Завод работает неважно[42], сказал при этом министр, и он «рад бы избавиться от него». Но интереса к Воткинскому заводу он у Маккормика не возбудил[43].

Горное ведомство, похоже, само не знало, как распорядиться Воткинским заводом. С 1906 г. делались попытки договориться с английской фирмой Торникрофт о введении на Воткинском заводе производства грузовых автомобилей. В конце 1907 г. бесплодные переговоры пришлось прекратить[44]. Совещание, занимавшееся проблемой уральских казенных заводов, «затруднившись» определить, какая желательна специализация

снижения цен на металл в стране» (ЛАПИНА С.Н., ЛЕЛЮХИНА Н.Д. Две модели государственного предпринимательства в России в 1910-е и 1920-е гг. XX в.: сравнительный анализ // НЭП в контексте исторического развития России XX века. М., 2001. С. 109–110).

[42] Для Воткинского завода были характерны невнимание к качеству и надежности изготовляемых сельскохозяйственных орудий и машин (завод продавал негодные изделия, отказывался принимать их назад, не обеспечивал замену износившихся частей), неприспособленность изделий к специфике крестьянского хозяйства (слишком тяжелые для одной лошади и дорогие плуги) и т. п. Ввиду недостаточной подвижности завода в коммерческом и техническом отношении он был не в состоянии тягаться не только с крупными заграничными фирмами, но и с местными кустарями и постоянно испытывал заторы сбыта даже в ближайших Глазовском, Сарапульском уездах (АЛЕКСАНДРОВ А.А. Сельскохозяйственное машиностроение на Воткинском казенном заводе // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX в. Ижевск, 1981. С. 101–105, 107, 109, 113–115, 119–123). Эти наблюдения совпадают с другими данными как по Воткинскому, так и по прочим казенным горным заводам, но расходятся с выводом о том, что данное производство «целиком подчинялось капризам капиталистического рынка» (там же. С. 97–98) Ср. с. 103: «Завод плохо приспосабливался к требованиям капиталистического рынка».

[43] CARSTENSEN F.V. American Enterprise in Foreign Markets. Chapel Hill; London, 1984. P. 166, 168. Как отметил директор Горного департамента Я.И. Хованский, «попытки Воткинского завода... строить копии молотилок Ланца пока не увенчались успехом ввиду неудовлетворительности материала и дурной сборки» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 323). И это при том, что уральский металл, употреблявшийся в военных целях, считался особо ценным по своим качествам, «незаменимым при изготовлении орудий и предметов государственной обороны»! (Там же. Л. 1113). «Новое время» объясняло отказ Маккормика удаленностью Воткинского завода от железнодорожной сети (МЕНЬШИКОВ М. Край без хозяев // Новое время. 4.I.1911).

[44] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71541. Л. 490–491.

Воткинского завода, проявило бóльшую решительность в другом: отвергло в принципе «передачу завода, вместе с приписанными к нему дачами, в частную собственность», признав допустимой лишь аренду или смешанную государственно-частную эксплуатацию его под правительственным контролем[45]. В дальнейшем, в конце 1910 — начале 1911 г., ведомственные комиссия и совещание признали желательным отдать завод в частные руки; 17 ноября 1911 г. и Совет министров, предоставив Воткинскому заводу небольшой («последний») заказ на паровозы (8 шт., вместе с ранее заказанными — 15 на 1911 год), все же пришел к заключению, что «паровозостроение не имеет на Воткинском заводе никакой будущности», и поручил министерству подготовить законопроект о передаче его в частную эксплуатацию[46].

И все же в дальнейшем Воткинский завод по-прежнему причислялся к заводам, изготовлявшим преимущественно предметы для военного и путейского ведомств[47] и потому подлежавшим сохранению в руках казны. Отношение правительства к паровозостроению на Воткинском заводе изменилось в связи с тем, что он стал рассматриваться в качестве необходимого регулятора цен, устанавливаемых частными паровозостроителями. Эта роль перешла к Воткинскому заводу после того, как Государственный банк нашел, наконец, возможность сбыть банковской группировке Невский завод, ранее считавшийся таким регулятором цен; на существование этого «казенного» производителя паровозов путейское ведомство прежде ссылалось, когда возражало против восстановления (после пожара) паровозостроения в Воткинске. Осенью 1912 г. Воткинский завод получил новые заказы на 57 паровозов, а с 1913 г. Министерство торговли и промышленности по поручению правительства составляло проект нового паровозного цеха мощностью на 50–100 паровозов в год[48]. Даже когда в 1913 г. открылась возможность продать завод фирме «Армстронг, Витворт и К°», которая бралась переоборудовать его для выпуска тяжелых орудий, англичанам было отказано на том основании, что на данный завод претендовало Министерство путей сообщения[49]. В 1916 г. Воткинский завод рассматривался также в качестве важного поставщика рельсовых скреплений, организовывавшего, кроме того, участие в этом же производстве Нижнеисетского и Серебрянского заводов. Предполагалось, что в 1916 г. производство скреплений займет «одно из первых мест в ряду остальных производств Воткинского завода»[50].

---

[45] Отчет Горного департамента за 1910 год. С. 119–120.

[46] ОЖСМ 1911. С. 440–441; ШУМКИН Г.Н. Паровозостроение Воткинского завода в политике правительства в 1909–1913 гг. // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2006. С. 178–179.

[47] ОЗГД на 1911 г. СПб., 1910. С. 20.

[48] ОЖСМ 1913. С. 20–21; ШУМКИН Г.Н. Паровозостроение Воткинского завода. С. 178–180.

[49] РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 374.

[50] Там же. Ф. 369. Оп. 13. Д. 21. Л. 67об.–68, 84. Записка о положении производства железнодорожных скреплений на Воткинском заводе в 1915 г., 1.XII.1915. В 1915 г. завод дал 0,5 млн пудов скреплений; на 1916 г. намечалось удвоение выпуска.

Хотя постановлением правительства от 19 октября и 9 декабря 1910 г. предписывалось более целенаправленно оборудовать казенные горные заводы для военных производств, горное ведомство понимало свою задачу шире и считало, что совершенствовать надо «не только устройства, относящиеся в узком смысле к приготовлению предметов артиллерийского снабжения. Совершенно нерационально было бы преследовать улучшение одних сторон заводской деятельности и оставлять без внимания другие, неразрывно связанные, однако, с первыми»[51]. Развитие рыночных производств на казенных заводах стало актуальным направлением экономической политики самодержавия. Гороблагодатский округ, где производство чугуна и мартеновской болванки считалось основным, выпускал «за последние года» (до 1910 г.) «приблизительно одинаковое количество продуктов как для казенной потребности, так и на частную продажу»[52]. «Значительный спрос» на мартеновскую болванку Кушвинского завода со стороны частных горных заводов отмечался и в 1910 г. Поскольку осенью 1910 г. ощущался «недостаток чугуна на имперском рынке», министр, чтобы сбить цены, в конце года распорядился усилить «отпуск на рынок чугуна» из запасов, по ценам, дающим «лишь некоторую, самую умеренную прибыль»[53]. В результате остроту нехватки чугуна на рынке удалось снять, но в запасе осталось «сравнительно незначительное количество» металла. Правда, Финансовая комиссия Думы тут же «нашла» «более миллиона пудов» на складах ГАУ[54]. Если не придавать значения ведомственным манипуляциям с уровнем цен (своего рода «боевые цены»), то легко принять распоряжения об увеличении производства чугуна казенными заводами и его выпуска на рынок — за проявление действия рыночной конъюнктуры. «Таким образом, — заключает Г.Н. Шумкин, — динамика чугуноплавильного производства на казенных горных заводах... определялась главным образом не потребностями армии и флота, а конъюнктурой рынка»[55]. Но очевидна разница между стихийными рыночными явлениями и административным воздейс-

---

[51] Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 106об.

[52] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 1114об.–1115. Доклад 15.VII.1910. В этом округе в 1907 и 1908 гг. чугун давали Кушвинский (св. 1 млн пудов; к 1910 г. максимальная годовая производительность — 2,1 млн пудов), Верхнетуринский (474 тыс. пудов) и Баранчинский (445 тыс. пудов); оба максимально — по 1 млн пудов; мартеновские болванки — Кушвинский (в 1907–1908 гг. в среднем 1 млн пудов; к 1910 г. максимально — 1,2 млн пудов). Из мартеновской болванки на Нижнетуринском и Серебрянском заводах прокатывалось кровельное железо: в 1907 и 1908 гг. в среднем по 168 и 149 тыс. пудов в год, соответственно (к 1910 г. Нижнетуринский максимально мог дать 700 тыс. пудов, Серебрянский — 250 тыс.).

[53] Отчет Горного департамента за 1910 год. С. 117–118. Еще на совещании 17/18 августа 1910 г. министр объявил «о сделанном им распоряжении» продавать чугун Златоустовского и Кушвинского заводов «на коммерческих основаниях» (Центральный исторический архив Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 330. Л. 10. Циркуляр Московского биржевого комитета, 20.VIII.1910).

[54] Прилож. к СОГД III/4. Т. 4. СПб., 1911. № 408. С. 2, 6. Доклад Финансовой комиссии Государственной думы по законопроекту о предоставлении Совету министров временных полномочий по льготному пропуску иностранного чугуна. После 19.III.1911.

[55] ШУМКИН Г.Н. Государственные доменные заводы. С. 322.

твием на рынок в интересах решения задач экономической политики — ослабить чугунный «голод».

Осенью и в декабре 1910 г. прошли совещания о положении рынка металлов, и Тимашев предписал ведомственным заводам Урала усилить выплавку чугуна и договорился с Коковцовым «о внесении на рассмотрение тарифных учреждений [Министерства финансов] вопроса о понижении железнодорожных тарифов» для перевозок уральского чугуна «во все промышленные районы» (согласие Тарифного комитета последовало 23 декабря 1910 г.)[56]. К выработке решений о льготных («нормальных») отпускных ценах и понижении тарифа на перевозки ведомство привлекло представителей механической группы предприятий из числа членов Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, заинтересованных в смягчении «чугунного голода». В январе 1911 г. в ПОЗФ обсуждалось предложение министерства купить на казенных заводах литейный чугун. Одновременно были объявлены условия льготного ввоза заграничного чугуна: «с таким расчетом, чтобы понижением таможенной ставки достигалось уравнение стоимости заграничного чугуна для данного предприятия со стоимостью для него чугуна русского изготовления», то есть уральских казенных заводов[57].

Чтобы понизить цены, министр предписал также пустить в ход бездействовавшую доменную печь на Баранчинском заводе, о котором официально сообщалось, что «приходится считаться с фактом» его «неизбежного закрытия», поскольку-де «трудно рассчитывать на привлечение предпринимателей, которые пожелали бы взять его в аренду», хотя он и находится «на железнодорожной линии и поставлен в более выгодные условия в отношении рынков сбыта»[58].

К 1912 г., выплавляя на своих четырех домнах (две — в Кушве, по одной — на Баранчинском и Верхнетуринском заводах) 2,7 млн пудов чугуна в год, Гороблагодатский округ 2 млн пудов передавал другим казенным заводам, а остаток в 0,7 млн пудов продавал. Если бы чугуна потребовалось больше, округ мог пустить две бездействовавшие домны (в Кушве и Верхней Туре) и довести выпуск до 4 млн пудов в год. Корреспондент «Нового времени» 22 января 1912 г. сообщал с Урала, что исполняется «последовавшее экстренное предложение министра... немедленно пустить в действие все наличные в Гороблагодатском горном округе доменные печи»; для усиления заготовки топлива «поставлена партия в 300 человек арестантов Николаевского исправительного отделения, усиленная арестантами других губерний». В организации сбыта чугуна отмечалось нежелание горного ведомства иметь дело с посредниками. Когда в конце 1911 г. правление Юго-Камских заводов попыталось купить 400 тыс. пудов гороблагодатского чугуна через посредство маклеров пермской биржи, окружное начальство отослало маклеров за разрешением на сделку в Горный департамент, откуда ответили, что «просимое отпущено быть не может»[59].

---

[56] Приложения к СОГД III/4. Т. 4. СПб., 1911. № 408. С. 1–2.

[57] Там же. С. 4; УЛЬЯНОВА С.Б. «Профсоюз» капиталистов. СПб., 1997. С. 89.

[58] Отчет Горного департамента за 1910 год. С. 117; ОЗГД на 1911 год. С. 27; Приложения к СОГД III/4. Т. 4. № 407. С. 4.

[59] Новое время. 26.I.1912.

Выпуск передельного чугуна Златоустовским округом министерство намечало в ближайшее десятилетие довести до 5,6 млн пудов в год, отчего ожидался свободный избыток в 1 млн пудов, «который совершенно свободно может быть помещен на рынке, принимая во внимание высокие качества Златоустовского чугуна, не говоря уже о таких явлениях, как переживаемый ныне чугунный голод»[60].

Снизившись к 1909 г. до 3,9 млн пудов, производство чугуна на казенных горных заводах восстановилось в 1911 г. до 6,4 млн пудов, а в 1913 г. поднялось до 9 млн пудов[61]. Не слишком заметный в сравнении с общей мощностью всех русских заводов (до 300 млн пудов; но фактическая выплавка в 1910 г. — 180 млн пудов), выпуск чугуна казенными заводами на продажу все же влиял на состояние рынка, потому что годовой недостаток чугуна исчислялся всего в 20 млн пудов, а к казенной торговле добавлялся разрешенный на 1911–1912 гг. ввоз 10 млн пудов из-за границы[62].

«В видах снабжения частных горных заводов рудою» и «устройства быта местного населения» сел Б. и М. Рудничных министерство 18 марта 1910 г. приняло решение усилить разработку Бакальского рудника. Тем самым отменялся наложенный горным ведомством в 1906 г. запрет на продажу руды (как деятельность, противоречившую «основной задаче казенных рудников»). В 1900–1910 гг. Бакальский рудник давал в год 2,5–5,5 млн пудов руды. Но с 1910 г. начался рост — до 12 млн пудов в 1912 г., когда рудник стал работать круглый год и были сделаны первые шаги к механизации откатки[63]. Таким образом, ведомство признало желательным развитие добычи руды, потребовавшееся для давления на рынок железа, тогда как торговлю рудой в качестве источника средств для развития предприятия, то есть с коммерческой задачей, отвергало.

На XV съезде горнопромышленников Урала упоминалось также о «предположениях горного ведомства организовать продажу угля из своих дач». Съезд «категорически высказался против», «находя принципиально недопустимым выступление казны в роли предпринимателя»[64].

Наметившаяся было в виде предположений и даже решений линия на некоторое сокращение казенного заводского хозяйства была совершенно опрокинута практикой. Еще в 1906 г., предложив передать в частные руки Кушвинский и Нижнетуринский заводы, Горный ученый комитет встретил препятствие: министр распорядился прежде выяснить, нельзя ли их приспособить для производства стальных снарядов[65], что

---

[60] РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 102об.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 519об. Представление Министерства торговли и промышленности в Совет министров, 30.III.1912.

[61] ШУМКИН Г.Н. Государственные доменные заводы. С. 322.

[62] Приложения к СОГД III/4 . Т. 4. № 407. С. 6–7.

[63] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 19; ф. 37. Оп. 71. Д. 59. Л. 2, 45–47, 55–64; ЛЯПИН В.А. Златоустовский горный округ в период экономического подъема 1909–1913 гг. // Промышленность Урала в период капитализма. Свердловск, 1992. С. 165.

[64] Промышленность и торговля. 1.VI.1910. № 11. С. 764.

[65] ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 125–126.

и было в дальнейшем проделано. Сохранение в казенном управлении Баранчинского и Кусинского заводов в 1910 г. также ставилось в зависимость от того, получат ли они заказы на чугунные снаряды и будут ли переоборудованы для изготовления стальных. В марте 1911 г. Финансовая комиссия Государственного совета при рассмотрении очередной сметы Горного департамента попыталась воспользоваться ожидаемым на 1911 год убытком казенных горных заводов (1,4 млн руб.[66]), чтобы снова поднять вопрос о ликвидации Артинского, Серебрянского, Нижнетуринского, Кусинского и Баранчинского заводов, «одних — путем передачи в частную аренду, а других — путем закрытия». Но пожелание комиссии Крестовникова на этот раз даже не дошло до пленарного заседания: сам Крестовников уступил роль докладчика Тимирязеву, а тот не счел нужным объявить этот пункт пожеланий Финансовой комиссии[67].

До 1917 г. ни один из казенных горных заводов на Урале не был продан, сохранились даже Артинский, Каменский, Серебрянский заводы, избавиться от которых было постановлено еще в 1871 и 1883 гг.

Решение о передаче в аренду нескольких наиболее запущенных заводов как будто «шло навстречу требованиям промышленников»[68], но не было практически исполнено. Единственный опыт в этом роде оказался бесперспективным. Закрытый в июле 1905 г. Нижнеисетский завод с 1907 г. взяла в аренду артель местных рабочих, пытавшаяся поддержать его в действии. «Все заводские здания, ветхость которых послужила не последней причиной закрытия завода, сданы рабочим по существующей оценке, — отмечал в докладной записке А.Н. Митинский. — Артели поэтому приходится платить за них порядочную страховку — около 2000 руб. в год. Интересно, что полуразвалившийся кузнечный и листокатальный корпус оценен в 14 тыс. рублей. Плотина завода разваливается... грозит совершенным падением; деревянные части протыкаются тростью легко, а пальцем — с некоторыми затруднениями. Деревянный водопроводный ларь, приводящий в действие тюрбины столярного, литейного, механического и кузнечного цехов, построенный еще в 1789 г., прогнил, дает сильную течь». Артель рабочих (215 человек) приложила такие усилия, что первый год закончила с прибылью в 6 тыс. руб.; в мае 1908 г. завод обследовала комиссия земства и признала, что «постановка артели в настоящее время удовлетворительна», и повелением царя от 18 июня 1908 г. на поддержание ее деятельности была отпущена ссуда в 23 260 рублей[69]. Но другая ревизия, в 1911 г.,

---

[66] Тимашев тут же возразил: ожидается не убыток, а «лишь кассовый недобор» по казенному заказу паровозов Воткинскому заводу; ему «будет уплачено по смете текущего года».

[67] Новое время. 24, 29.III.1911; СОГС VI. СПб., 1911. Стб. 1675–1678.

[68] См.: ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 126–127; ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982. С. 87–88. Такое заключение не безусловно: Пермская губернская земская управа выдвигала проект аренды Артинского или Серебрянского завода «на общеземские средства» для противодействия синдикатам (Новое время. 27.V.1908; Голос Москвы. 4.VI.1908).

[69] СОГД III/2. Ч. 3. Стб. 795–796; Приложения к СОГД III/4. СПб., 1911. Т. 1. № 110. С. 33. Летом 1909 г. проводился капитальный ремонт плотины на 16 тыс. руб., отпущенных казной (Уральский техник. 1909. № 8. С. 51).

объясняла «прибыль», полученную артелью в 1907–1908 г., тем, что горное ведомство уступило артели при ее организации «по баснословно дешевым ценам все припасы и материалы, как-то: чугун, дрова, торф, уголь» и пр. Ревизор предвидел «полное разорение» артели, «к чему ей следует готовиться»[70]. А пока артель все же получила поддержку в виде заказов Морского министерства на корабельные цепи, изготовлявшиеся из чугуна с казенного Саткинского завода[71]. Чуда не произошло. Если первоначально «на всю Россию прогремела слава о баснословно дешевом железе, вырабатываемом Нижнеисетской артелью», то «начиная с 1910 г. ситуация изменилась», никакие меры не спасли артель от «надвигавшегося краха». (Из этой истории О.Л. Милова делает противоречивый вывод об успехе хозяйствования с негативным результатом: «Опыт Нижнеисетской рабочей артели показал, что мелкое и крупное производство... могли *успешно* сосуществовать и дополнять друг друга», а «конечный *негативный* результат... связан, безусловно, с чисто экономическими причинами» — изменившейся конъюнктурой рынка, ножницами цен, технической отсталостью уральского передельного производства)[72].

В октябре 1914 г. происходила ликвидация дел артели; в 1915 г. предприятие было преобразовано в отделение Воткинского завода, то есть возвратилось в казенное управление[73]. Артели рабочих, пожелавшие взять в аренду Артинский и Серебрянский заводы, не добились этого. В литературе имеются упоминания о том, что якобы «в июне 1908 г. Министерство торговли и промышленности положительно решило вопрос об аренде на артельных началах Артинского завода»[74]. Вопрос «о желательности передачи в частные руки казенного Артинского завода», действительно, затрагивался 21 июня 1908 г. на совещании при Министерстве торговли и промышленности, обсуждавшем меры по «поднятию мелкой металлообрабатывающей промышленности на Урале». Тогда же выяснилось, что в Горном департаменте «уже имеется предложение о сдаче его [Артинского завода] в аренду на артельных началах артели рабочих того же завода». Против аренды возражал на совещании главный начальник Уральских горных заводов Боклевский. «Убытки завода при переходе завода к артели рабочих, — сказал он, — не уменьшатся, а увеличатся». Бабянский, депутат Государственной думы от Перми, тоже высказал сомнение и предложил поручить Боклевскому «предварительно выяснить этот вопрос совместно с представителями от рабочих». В итоге дело свелось к заключению, что «мнения совещания будут представлены Министерству торговли и промышленности»[75].

---

[70] ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 124.

[71] ОЗГД на 1913 г. СПб., 1912. С. 28.

[72] МИЛОВА О.Л. Опыт арендного управления казенным заводом: рабочая артель Нижнеисетского железоделательного завода (1906–1914) // Предприниматели и рабочие: их взаимоотношения. Доклады научно-практической конференции. Ногинск; Богородск, 1996. С. 115–118.

[73] Там же; ОЛЬХОВАЯ Л.В. К истории мелкого производства на Урале // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 3. С. 38.

[74] ОЛЬХОВАЯ Л.В. Из истории кооперативного движения на Урале в 1905–1914 гг. // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966. С. 256; Уральский техник. 1909. № 10. С. 64.

[75] Промышленность на Урале // Голос Москвы. 26.VI.1908.

Это было далеко еще не положительное решение. В 1909 г. Горный департамент отметил, что «оказалось пока возможным сдать в аренду (артели рабочих) лишь Нижнеисетский железоделательный завод»[76].

Шли годы, и рабочие Артинского и Серебрянского заводов подали прошения теперь уже «на Высочайшее имя». Сообщалось, что мысль о сдаче им заводов в аренду «встречает к себе сочувствие в Горном департаменте и в Министерстве... но дело, по-видимому, тормозится недоброжелательным к нему отношением со стороны местного горного управления», якобы предпочитавшего иметь дело («склонного поддерживать притязания») с частными предпринимателями. «Тормоз» местных горных властей выглядел как создание затруднений артельщикам «в деле получения лесных материалов и казенного чугуна». Поддерживая артель, «Новое время» ссылалось на сомнительный успех Нижнеисетской артели арендаторов, работавшей с «прибылью», и заявляло, что «для передачи Артинского и Серебрянского заводов существует достаточно оснований», они сумеют сбыть свои косы, ведра «и другие изделия из листового железа»[77]. Но это заступничество не помогло. Рассчитывая закрыть Серебрянский завод «в ближайшем будущем», Горный департамент объяснял свое решение тем, что такие заводы «едва ли могут быть переданы в частные руки даже на арендных началах ввиду несомненной убыточности их производства». Окончательное заключение о перспективе Артинского и Серебрянского заводов вошло в объяснительную записку к смете Горного департамента на 1914 год: «Что же касается предуказанной... ликвидации некоторых заводов... то осуществление таковой ликвидации на практике встречает значительные затруднения. В первую очередь при ликвидации надлежит поставить Серебрянский завод, затем Артинский и в дальнейшем Воткинский. По отношению ко всем этим заводам были предложения от частных предпринимателей, и таковые предложения рассматривались горным ведомством, но оказались неприемлемыми»[78].

Воткинский завод провел переоборудование «закрытого Нижнеисетского и недействующего Серебрянского» заводов; «первый будет готовить в помощь Воткинскому костыли, а второй — костыли и подкладки». На Нижнеисетском заводе для этого «пришлось привести в исправность... прокатные устройства», установить 10 новых прессов для штамповки костылей, два станка для обрезки заусениц; с Воткинского завода были перемещены две ковочные машины «для отвастривания костылей». С декабря 1915 г. там началась «прокатка костылькового железа»; предстояло дополнительное оборудование штамповочными средствами, позволявшее довести выпуск до 30 тыс. пудов костылей в месяц. Аналогичное переоборудование проводилось на Серебрянском заводе с ноября 1915 года[79]. Артинский казенный завод в 1916 г. также был расширен («доканчивается расширение») и дооборудован с целью выпуска в год 1,5 млн кос — «15% нашей годовой потребности в косах»[80].

---

[76] ОЗГД на 1910 год. СПб., 1909. С. 59.

[77] Новое время. 13.I.1911.

[78] ОЗГД на 1911 год. СПб., 1910. С. 28–29; то же на 1914 год. СПб., 1913. С. 47.

[79] РГВИА. Ф. 369. Оп. 13. Д. 21. Л. 83 и об.

[80] НИОР РГБ. Ф. 632. К. 102. Д. 1. Л. 43, 99. Справка, представленная Департаментом

Подобные решения, не внося чего-либо нового в промышленную политику царизма, скорее даже выглядят шагом назад по сравнению с законодательством двухвековой давности. «Которые мануфактуры и фабрики заведены и впредь заведутся казенным коштом, — говорилось в Регламенте Мануфактур-коллегии 1723 г., — такие, приводя в доброе состояние, отдавать партикулярным людям»[81].

Нет оснований считать, что правительственная политика в этом вопросе шла по пути компромисса и испытывала «значительные колебания»[82]. Наоборот, не считаясь ни с трудным финансовым положением и крупными расходами, которых требовали эти заводы, ни с недовольством, которое вызывало у горнозаводчиков развитие казенного производства, не обращая внимания и на привычные декларации чуть ли не каждого из вступавших в ведение заводами министров о том, что казенное хозяйствование всегда хуже частного[83], — правительство заодно с Думой и Государственным советом вело наступление на частную инициативу, используя и противоречия в стане заводчиков, между производителями и потребителями металла. Всякие попытки поколебать устойчивость пережиточного, архаического уклада оборачивались лишь оживлением еще более глубоких традиций, отвергнутых русской экономической мыслью в XVIII в., но получивших второе дыхание в начале века XX.

Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова (Вопросы истории Урала. Вып. 18) (Екатеринбург, 2004).

земледелия Особому совещанию по продовольственному делу, 19.XI.1916. Департамент ставил вопрос о передаче Артинского завода ему.

[81] Цит. по: ЮХТ А.И. Проекты В.Н. Татищева 1721–1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и в Сибири // История и историки. 1971. М., 1973. С. 319.

[82] ГАВРИЛОВ Д.В. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX в. // Ученые записки Ульяновского пединститута. 1972. Т. 24. Вып. 4. С. 119. Выводы о «колебаниях» получились вследствие неточного использования источников. Вяткин сначала писал, что постановление Совета министров о передаче некоторых заводов в частную эксплуатацию «не получило силы закона» (ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 126), а затем — что «этот законопроект 25 октября 1910 г. был утвержден верховной властью и стал законом» (с. 127). Несмотря на то, что Вяткин указывал дату — 25 октября, речь идет, очевидно, об упомянутом выше журнале Совета министров 19 октября и 9 декабря 1910 г., утвержденном Николаем II 25 декабря 1910 г. У Вяткина, таким образом, описка или опечатка, повторенная за ним Гавриловым. Постановления в собственном смысле о сдаче заводов в частную эксплуатацию в этом журнале нет.

[83] ОЖСМ 1910. С. 415 (слова Тимашева); Материалы по вопросу о выкупе поссессионных заводов. СПб., 1908. Ч. 3. Вып. 1. С. 6 (Д.А. Философов); ГИНДИН И.Ф. Государственный банк. С. 182; ШАХОВСКОЙ В.Н. Указ. соч. С. 155; Берг-регламент 1739 г. (см. ЮХТ А.И. Указ. соч. С. 319).

Власть и флот в России в 1905–1909 годах

Советская историография российского империализма видела одну из своих центральных идеологических задач в опровержении тезиса о «полуколониальном» статусе России. Признавая Россию «мировым лидером в развитии науки, техники, культуры и пр.», «неудобно было ее рассматривать в качестве полуколонии», неспособной преследовать собственные империалистические цели. Отсюда поиски доказательств того, что царизм чуть ли не до 1914 г. мог выбирать, «балансировать», «лавировать» между двумя враждовавшими коалициями[1]; в военной области подчеркивалась роль России как мощного и надежного партнера, а в августе 1914 и весной–летом 1916 г. — спасителя положения на западных фронтах. Приводились также данные о достигнутом Россией уровне экономического развития (5-е место в мире, сразу после Франции), об успехах в модернизации (страна среднеразвитого капитализма), могуществе российских монополий. Идеологическая тенденциозность историографии повлияла на отбор фактического материала. Ныне ту же тенденцию подкрепляет оживившаяся «патриотическая», «державная» конъюнктура, сдвиг в пропаганде («методологии») с «марксистско-ленинских», «классовых» критериев к «геополитическим».

В эту тенденцию не вписываются труды известного отечественного историка, выдающегося по профессионализму специалиста в данной области, автора наиболее весомых исследований о развитии вооруженных сил России в начале XX в. К.Ф. Шацилло (1924–1998). В его исследованиях показаны масштаб поражения, нанесенного России Японией, бедственное состояние военно-экономического потенциала империи перед первой мировой войной, глубина разрыва между великодержавными целями внешней и военной политики — и возможностями, которыми

[1] БОВЫКИН В.И. Из опыта архивных разысканий // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 44–45; ИГНАТЬЕВ А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. М., 2000.

располагало правительство, а также степень зависимости России от союзников по Антанте. К.Ф. Шацилло уделил большое внимание вопросу о соотношении усилий, направленных властью на воссоздание морского флота и на подготовку сухопутных сил. Он доказывал, что предпочтение, отданное дорогостоящему флоту, было решением в перспективе нерациональным, продиктованным переоценкой собственных сил, имперскими пристрастиями. Вместе с тем Шацилло раскрыл условия, способствовавшие увлечению флотом. В их числе кажущаяся выгодность момента (всеобщее перевооружение флотов), незащищенность угрожаемых с моря стратегически важных пунктов и пр., что не всегда учитывается в литературе. Обратил он внимание и на нереальность тех затрат, которых требовало приведение в порядок также и сухопутных сил. Тем самым на очередь выдвигается вопрос о том, как изменится оценка решений по флоту, если отделить владевшие умами царских стратегов авантюрные фантазии, вроде овладения черноморскими проливами с согласия союзников (а скорее без их согласия) или постройки к 1930 г. боевых эскадр в трех океанах и т. п., — от горьких действительных обстоятельств, в которых находились вооруженные силы, приняв последнее за точку отсчета.

Вырабатывая в 1905–1907 гг. решения о восстановлении флота, правительственные органы подвергли критической оценке состояние судостроения. Во всем мире происходило перевооружение флотов судами нового типа — дредноутами. Для этого требовались заводы с увеличенными стапелями, мощные турбинные двигатели, орудия калибром, может быть, до 16 дюймов, броня повышенной прочности. Между тем существующим заводам оказалось не по силам не то что строить дредноуты — даже справиться с уже введенной в действие программой постройки судов прежних типов. К середине 1904 г. выяснилось, что, судя по ходу работ в Николаеве и Петербурге, не удастся заложить в 1905 г., как следовало бы по программе, три очередных броненосца. Три имевшихся больших эллинга были еще заняты постройкой судов, подлежавших спуску на воду в 1905 г. Четвертый эллинг, на Галерном островке в Петербурге, еще только сооружали.

В растерянности начальник отдела сооружений А.Р. Родионов 24 июля 1904 г. просил указаний министерства: с одной стороны, «нужно приводить в исполнение намеченную программу», иначе флот, несущий крупные потери, не скоро получит пополнение. С другой стороны, ему представлялось, что тип броненосцев, намеченный той же программой, устаревает и «нужно безотлагательно решить вопрос о том, следует ли начинать постройку больших броненосцев, согласно программе, или же вместо этих броненосцев строить суда меньших размеров, а следовательно, более дешевые».

Средний путь, связанный с видоизменением программы в расчете на «новые проекты боевых судов», которые разработает МТК с учетом опыта войны, не годился. «Если строители будут долго разрабатывать новые проекты», то «в ожидании этих проектов порта и заводы останутся без работы... рабочие будут голодать»[2].

Побудительный толчок к оценке состояния заводов и верфей дала 19 октября 1904 г. директива царя военному, морскому и финансовому ведомствам, связанная с

[2] ВПР. Т. 1. С. 163–165.

только что случившимся кризисом в отношениях с Англией из-за так называемого гулльского инцидента. Тогда особенно ясно обрисовалась опасность перерастания войны против Японии в «большую», «общую» войну, давно беспокоившая министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа. По его предложению Николай II, еще уверенный в победе над Японией, распорядился «обдумать и изыскать все средства к подъему общей боевой готовности России ко времени окончания войны», когда победившая сторона выдвинет свои условия и надо будет проявить готовность «поддержать наши требования вооруженною силой, хотя бы для этого оказалось нужным вступить в борьбу с Америкой и Англией». Не успели военное и морское ведомства составить сводки своих пожеланий, как вполне выявилась несостоятельность самих замыслов о «большой» войне и был дан отбой. 3 декабря 1904 г. царь утвердил доклад министра финансов В.Н. Коковцова, содержавший вывод: «Подсчеты ясно свидетельствуют, что при полном напряжении всех наших ресурсов и самом широком использовании кредита государства у нас тем не менее не достанет средств» для должной подготовки «на случай вооруженного столкновения с другими державами, кроме Японии». И без того приходилось предпринимать судорожные усилия, чтобы где-то занять денег на продолжение военных действий против Японии. Такой вывод раскрыл министру иностранных дел истинное положение вещей: «Это откровенное слово, — писал Ламздорф Коковцову о его пессимистическом докладе царю, — должно, так сказать, служить мерилом для наших будущих притязаний и грозным предостережением против опасных увлечений»[3].

Тем временем, узнав, что Министерство финансов рассчитывает получить внешний заем в 500–700 млн руб., председатель Морского технического комитета генерал-адъютант Ф.В. Дубасов подал царю проект судостроительной программы, намечавшей экстренное сооружение (на английских заводах) в течение ближайших двух лет новой тихоокеанской эскадры стоимостью около 700 млн рублей[4]. Одновременно «безобразовская» придворная группировка, втянувшая страну в военную авантюру, выбивала 58 млн руб. на приобретение семи чилийских и аргентинских крейсеров, предназначая их для усиления эскадры З.П. Рожественского.

---

[3] Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. М.; Л., 1926. С. 133, 135, 136, 141, 150. В частном письме бывшему дипломату и коллеге по Комитету финансов П.А. Сабурову 2 апреля 1903 г. Коковцов высказал свое отношение к сложившемуся курсу так: «Я с тревогою смотрю на наше экономическое и финансовое положение... Будущее полно мрачных предзнаменований, и я не вижу, откуда мог бы блеснуть нам луч успокоения. Я не верю ни в наш союз с Францией, ни в умелость и искусство нашей дипломатии... Хочется крикнуть одно суммарное пожелание: пора, давно пора умерить фантазии, которые ведут нас к гибели! Эти фантазии я вижу везде: в непомерном усилении флота, в нашей активной политике за счет голодного мужицкого брюха, в никому не нужном мореплавании, в подачках и воспособлениях, развративших всех и вся, в роскоши чиновничества, в невольном стремлении брать деньги на все, вместо того чтобы приостановить расходную сатурналию и начать ослаблять податной винт» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 80. Л. 16).

[4] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 528. Л. 1–18; ЧОЙ ДОККЮ. Россия в Корее. СПб., 1996. С. 134–138.

Николай II дважды, 7 января и 3 марта 1905 г., отдавал распоряжения выкупить эти суда, но дело затянулось до Цусимы, после чего интерес к нему пропал[5]. 25 января 1905 г. Коковцов доложил царю свои возражения против дубасовского проекта. Его мнение и контрвозражения Дубасова[6] по распоряжению Николая II обсуждались 22 марта 1905 г. на специально созванном совещании руководителей военных и экономических ведомств под председательством шефа морского ведомства генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича.

Совещание проходило в обстановке, когда перспективы войны несколько прояснились — после сдачи Порт-Артура, гибели 1-й Тихоокеанской эскадры и поражения под Мукденом. Огромные потери на море заставили правительство еще в феврале 1905 г. признать, что последняя судостроительная программа, утвержденная год назад (12 января 1904 г.) на десятилетие 1903–1914 гг., «уже не отвечает своему назначению» и теперь предстоит составить новую. В тот момент, как видно из доклада Морского министерства от 14 февраля 1905 г., продолжавшаяся на основе той программы постройка судов все еще связывалась с задачей не только дать работу на 1905 год заводам, но и «успешно закончить войну с Японией»[7]. Однако уже тогда эскадра Рожественского, еще находившаяся на пути к Дальнему Востоку, считалась обреченной на гибель. Общую оценку состояния морских сил председатель совещания резюмировал так: «К тому моменту, когда государю императору угодно будет заключить мир, возможно, что мы нигде ничего не будем иметь; следовательно, необходимо обратить внимание на постройку будущего флота теперь же». Центральным вопросом, обсуждавшимся на совещании, и оказался обращенный к министру финансов вопрос о том, «на что мы могли бы рассчитывать для воссоздания флота».

По словам Коковцова, изменившаяся военная обстановка и особенно внутренний политический кризис повлияли на кредитоспособность правительства и «то, чему я верил в декабре и январе... совершенно невозможно, и внешний кредит нам теперь закрыт... Денег нет и их достать нельзя». В таких условиях, когда «страна бедна, обнищала, в ней смуты», говорил он, нельзя произвольно «задаваться целью создавать флот того или другого объема», а нужно сообразоваться с имеющимися денежными и техническими средствами, во всяком случае на заказ судов за границей в течение войны казна «решительно никаких средств не имеет»[8]. Отбивать

---

[5] КОКОВЦОВ В.Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 66–68; ГАНЕЛИН Р.Ш. Попытки развития экономических связей между Россией и странами Латинской Америки в конце XIX — начале XX в. // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 331–333. К тому времени Англия уже перекупила в Чили два линкора второго класса — чтобы они не достались России (SUMIDA J.T. In Defence of Naval Supremacy. Boston; London, 1989. P. 24).

[6] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6605. Л. 49–52, 58.

[7] ВПР. Т. 1. С. 208–209.

[8] Заключения совещания 22 марта 1905 г. были доложены царю 25 апреля 1905 г. (РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 62). Позднее Коковцов излагал проект Дубасова в гротескной форме так: «Занять постройкой все иностранные верфи и немедленно, на 750 млн создать громад-

натиск Дубасова Коковцову помогал государственный контролер П.Л. Лобко, возражавший против постройки судов за границей. «Нам нужен флот в том размере, в каком Россия может его построить постепенно, только на своих верфях, — сказал он. — Очевидно, флот [наш] будет меньше японского, но главная наша задача — восстановление потерянного флота, строя его на наших верфях и не определяя сейчас его размера, насколько это будет нам по средствам». Коковцов подтвердил, что у казны хватит средств, чтобы полностью загрузить работой судостроительные верфи на Балтийском море; явится и более широкая возможность — если только привлечь иностранных предпринимателей к развитию судостроения внутри России. Существующие верфи на Балтике «недостаточны»: если Балтийский завод «строит хорошо и быстро», то два других — или «медленно и плохо» (Новое адмиралтейство) или вовсе «никуда не годятся» (Невский завод, временно состоявший в ведении Министерства финансов). Коковцов высказался за «усиление русского судостроения привлечением иностранных предпринимателей к оборудованию у нас новых предприятий. Такие предложения были уже сделаны некоторыми фирмами»[9]. Этот путь имеет «невыгодные стороны», но все же при этом «часть стоимости судов остается внутри страны; кроме того — оборудование судостроительных заводов иностранными фирмами может способствовать распространению необходимых для будущего знаний и умения». Коковцов не уставал напоминать, что казенных средств для развертывания судостроения в нужном размере «может оказаться недостаточно», поэтому надлежит «оборудовать дополнительные верфи» пользуясь «помощью иностранных предпринимателей, знаний и капитала».

Окончательного решения о характере предстоявшего в ближайшие годы судостроения совещание не вынесло, но министр финансов и государственный контролер совместными усилиями свели затребованные Дубасовым на два года 700 млн руб. до ежегодных 70–75 млн на 7–8 лет, то есть до такого размера, как сказал Коковцов, «чтобы работа шла в полной силе на всех верфях»[10]. Тот же размер допустимых ассигнований (75 млн в год) был подтвержден и дополнительно проведенным совещанием под председательством вел. кн. Алексея Александровича 13 апреля 1905 г. Правда, на этот раз Коковцов говорил об отпуске таких сумм на протяжении не 7–8, а пяти лет: «В пять лет составляется сумма в 375 млн руб. — ни в одном государстве мы не видим в такой срок столь значительного расхода на судостроение». (По его же

ный флот и пустить его гулять по свету... Если бы и были деньги, отпустить их на подобные проекты представляется совершенно невозможным» (там же. Л. 84; РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1476. Л. 8).

[9] Известно о попытке Дж. Моргана в марте 1905 г. получить заказы на строительство линкоров, организовав синдикат банков для размещения облигационного капитала в США (ROOSA R.A. Banking and Financial Relations between Russia and the United States // International Banking 1870–1914. N. Y.; Oxford, 1991. P. 313). Коковцов в докладе царю ссылался на предложения американской Bethlehem Steel C° и итальянской фирмы Ансальдо (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6605. Л. 51).

[10] Там же. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 62; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 528. Л. 1–18; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 50–51.

данным, однако, Англия потратила «в течение пяти последних лет» средства, равноценные примерно 700 млн рублей).

Катастрофа, разразившаяся в мае при Цусиме, ясно и объективно осветила состояние вооруженных сил. Накануне, 13 апреля, состоялся выразительный диалог:

«[Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета] Д.М. Сольский: В настоящее время на Балтийском море нет никаких судов? и миноносцев нет?

Управляющий Морским министерством [Ф.К. Авелан]: Есть, но остались лишь плохие и старые суда.

Председатель [вел. кн. Алексей Александрович]: Собственно, можно сказать, что ничего нет. Все, что построено на 90 млн, теперь в Тихом океане»[11].

На дне Тихого океана оказались теперь эти суда[12]. «Огромные, колоссальные жертвы, понесенные русским народом для создания флота и армии, оказались напрасными, — резюмировал общественное мнение либеральный публицист сразу после известия о катастрофе. — То, что создано на эти средства, не отвечает своему назначению». Всем очевидна «полная неподготовленность русской армии и русского флота к исполнению тех задач, которые им ставились». Не годится «вся система», вопиет неотложность «коренной государственной реформы», нужен «немедленный созыв народных представителей, свободно и правильно выбранных»; «в их руках, а не в руках нового бюрократического учреждения» должна находиться государственная оборона[13].

Цусимский разгром, новый факт отсутствия дееспособного флота повлек за собой переоценку стратегического положения. Как признавало Морское министерство, «за понесенными утратами, наш флот не может уже идти в сравнение с боевыми эскадрами тех держав, с которыми возможны конфликты», и это новое положение не только не могло быть быстро изменено, но, ввиду бедственного состояния финансов, нельзя было и немедленно приняться за воссоздание флота. «Вопрос о том, необходимо ли поддерживать флот, надо ли его создавать, мы решать не призваны, — с оттенком сожаления заявил 30 сентября 1906 г. министр финансов, — этот вопрос может ставить и решать только государь император»; «я имею по поводу этого свои взгляды, о которых не обязан высказываться сейчас»; «этот вопрос нам не ставится». Можно лишь сказать, что в истории России «Портсмутский договор представляет поворотную точку, — говорил Коковцов. — ...Уже нельзя говорить о прежних задачах для ее флота... Нельзя говорить о широком размахе и стремлении к Тихому океану. Судьбы, наступившие для России, заставляют нас сидеть смирно, вести политику всегда примирительную, осторожную». По мнению Коковцова, не

[11] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6605. Л. 119, 143, 137, 50. 90 млн — единовременный кредит, отпущенный в 1898 г., но сверх того ежегодно Морское министерство получало на судостроение по 16–20 млн руб. (ПЕТРОВ М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., Л., 1926. С. 50).

[12] Материальные потери флота оценивались в 256 млн руб., в том числе стоимость кораблей — 230 млн руб. золотом (ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 44).

[13] ВЕРНАДСКИЙ В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 33–34.

только окончание войны с Японией диктовало «сдержанность» в военных расходах: самого развязывания той войны нельзя было допускать, это была ошибка. «Нам необходимо видоизменить наши взгляды на восточную политику вообще, — говорил он, — в которой была допущена та коренная ошибка, что мы не соразмерили бывших в нашем распоряжении средств с намеченной целью»[14].

Оценив масштаб урона, высшие руководители экономической политики, Сольский и Коковцов, заявили, что «они переменили свое мнение относительно возобновления флота в Тихом океане и полагают необходимым строить только суда для Балтийского и Черного морей». 29 июня 1905 г. последовал царский рескрипт морскому министру, определявший как первоочередную задачу — обеспечить ослабленную потерями оборону морских берегов и лишь потом, в зависимости от средств, приступить к постепенному воссозданию боевых эскадр. В соответствии с такой оценкой задач председатель СГО вел. кн. Николай Николаевич известил Государственный совет, занятый рассмотрением бюджета на 1906 г., о том, что в смете Морского министерства на 1906 г. желательно сохранить лишь некоторую сумму, предназначенную на обеспечение минной и подводной обороны берегов[15].

В Морском же министерстве продолжали составлять судостроительную программу применительно к объему средств, обещанному по итогам мартовского и апрельского совещаний 1905 г. (до 75 млн руб. в год). Принять как факт отказ от флота в Тихом океане, объявленный Сольским и Коковцовым, Морскому министерству было трудно, и 3 октября 1905 г., ссылаясь на необходимость при составлении программы иметь опору на правительственное решение, морской министр А.А. Бирилев попытался запросить указаний от председателя СГО. Вопрос ставился так: «Надлежит ли во всех морях иметь самостоятельные флоты», у каждого из которых «свои судостроительные верфи и адмиралтейства с заводами... или по-прежнему Балтийское море будет служить главным депо эскадр и отдельных судов, посылаемых в различные моря (т. е. прежде всего на Тихий океан. — *В. П.*), и останется главной базой в смысле судостроения, ремонта и снабжения боевыми припасами и личным составом?.. Какие изменения последуют в указаниях Совета [государственной обороны], в смысле последовательности создания флота... в случае уменьшения ассигнования»[16]. Не дождавшись разъяснений от вел. кн. Николая Николаевича, Морское министерство составило программу, включавшую (помимо достройки уже заложенных судов) сооружение эскадренного броненосца, трех броненосных крейсеров, трех канонерских лодок, судов береговой обороны и миноносцев.

Эта программа вызвала скандал. При обсуждении проекта ведомственной сметы на 1906 г. в Департаменте государственной экономии Государственного совета 25 ноября 1905 г. Бирилеву было указано, что его смета никуда не годится: «Расходные

---

[14] ВПР. Т. 1. С. 283; РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 9, 84 и об.; Красный архив. 1933. Т. 1 (56). С. 61.

[15] Морской сборник. 1905. № 7. С. 3; РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 9, 62; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 52.

[16] РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 62об.

исчисления по одному из важнейших ведомств представляются Государственному совету в совершенно сыром виде, и на Государственный совет возлагается пересоставление сметы, т. е. работа, которая вовсе ему не приличествует».

Суть просчета заключалась в том, что, явно преувеличивая собственные возможности и ориентируясь на обещанные Коковцовым в марте ассигнования, Морское министерство не сумело оценить происшедшее изменение стратегического и экономического положения. Если в марте состояние казны еще позволяло наметить на ближайшие 5–7 лет расход по 75 млн руб., то после Цусимы, отмены выкупных платежей и революционных потрясений эта сумма не имела «более никакого обязательного для финансового ведомства значения»[17], так что, по мнению Государственного совета, «приближаться» к ней «даже в первоначальных своих предположениях по смете» было со стороны Морского министерства «совершенно неправильно». Надлежало «с глубокой вдумчивостью» отнестись к определению новых задач и принять к руководству царский рескрипт, которым «поставлены гораздо более скромные», чем до Цусимы, цели, а потому — «коренным образом пересмотреть» судостроительную программу, сложившуюся «при совершенно иных условиях и заданиях». Ничего этого еще не сделано, а в результате Государственному совету остается лишь пойти по пути «огульного сокращения сметы». Применить «этот прием, столь необычный» в бюджетной практике, Государственный совет поручил бывшему управляющему Морским министерством адмиралу Н.М. Чихачеву.

Однако и для «огульного» сокращения существовали известные пределы. Прежде всего учитывалось, что в тот момент на военно-судостроительных предприятиях, главным образом в столице, было занято 25–30 тыс. рабочих, и увольнение значительного их числа не отвечало бы «целям умиротворения», тем более что «дело идет о заводах казенных или питаемых, по преимуществу, правительственными заказами, а следовательно, причиненная урезкою кредитов безработица была бы приписана непосредственно именно правительству». Требовалось сохранить также и частные заводы, приспособившиеся к военному судостроению и заручившиеся уже обещаниями морских заказов. «Потрясение» подобных заводов противоречило бы «финансовым видам, в которые, несомненно, входит поддержание таких специальных промышленных заведений, как судостроительные и механические заводы»[18].

8 декабря Государственный совет утвердил произведенное Чихачевым, финансовым и контрольным ведомствами сокращение морской сметы 1906 г. со 145 до 104 млн руб.; 32 из вычеркнутых 41 млн руб. приходилось на новое судостроение. Соответственно уменьшались и расходы на артиллерийское и минное вооружение судов. Но 29 декабря 1905 г., обсудив состояние государственной казны, Комитет финансов и Департамент государственной экономии пришли к совместному за-

[17] По признанию Коковцова, в военное время он не слишком упорствовал в возражениях даже против самых «несообразных» расходов, «дабы не давать главнокомандующему повода заявить, что неуспех военных операций зависит от недостаточного отпуска денежных средств» (КОКОВЦОВ В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 30).

[18] ВПР. Т. 1. С. 248–251.

ключению, что «окончание военных действий предоставляет полную возможность допустить сдержанность» в военных расходах и «подвергнуть соответственному пересмотру» военные и морские сметы. Для этого при обоих министерствах создавались особые комиссии с участием представителей финансового и контрольного ведомств[19].

Заводы морского ведомства (как, впрочем, и рассчитывавшие на военные заказы частные предприятия) после кризиса и войны переживали тяжелые времена. Достраивались ранее заложенные суда, но эта работа скоро подошла к концу. Если бы не поступили новые заказы, то вскоре заводы морского ведомства должны были бы закрыться. «Речь идет о пропитании стотысячного населения (рабочие с семьями. — *В. П.*), — указывал Бирилев, — ...необходимо удержать на заводах опытных мастеров до времени, когда начнется более деятельное судостроение»[20].

По данным министерства[21], в середине 1906 г. на его заводах было занято 42 тыс. рабочих, но к 1907 г. «их останется только 30 тыс., а затем будет и еще меньше». Начальник Ижорского завода сообщил: «Постепенным сокращением мы довели число рабочих с 4200 до 2800 без сильных потрясений в деятельности завода[22]... Но и 2800 человек я не в силах был удержать до конца года при условии полной работы; пришлось сначала в металлургических работать на две очереди понедельно; но и этого сокращения оказалось недостаточно, и во всех мастерских пришлось сократить два рабочих дня в неделю. Следовало бы уволить просто часть рабочих, но я уступил их слезной просьбе»; они уже голодают, их раздражение растет. «При условии нового заказа мог бы занять полной работой от 2800 до 3000 человек». Балтийский завод, доложил его начальник, при тех же условиях даст работу 5000 человек. На Обуховском заводе до закрытия его 8 декабря 1905 г. было 5300 рабочих. «С открытием завода после забастовки, — докладывал начальник завода, — принято сначала лишь 3500 человек, а затем число их увеличено до 4600. Таким образом, непринятых оказалось 700–800 человек, из которых 500 разъехались, а 300 остаются около завода. В будущем году придется постепенно еще уменьшать число рабочих — с февраля в металлургических, а с марта — и в механических, оставив всего лишь около 3500 человек. Но тем не менее в июле или в августе при условии отсутствия новых заказов завод придется совсем закрыть».

Морское министерство считало себя обязанным «обеспечить, по возможности, все работающие для морского ведомства судостроительные и другие заводы заказами в таком размере, чтобы они не были вынуждаемы прибегать, помимо своей воли,

---

[19] Исторический архив. 1955. № 2. С. 141–142, 148. Это заключение Николай II утвердил 13 января 1906 г.; оно приводилось в исполнение и по сухопутным вооружениям (ВПР. Т. 1. С. 273–278 и др.).

[20] ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 52–53; РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 9об.–10.

[21] ВПР. Т. 1. С. 281.

[22] «В начале февраля пришлось выбросить сразу 800 человек, из которых 300 рассеялось, а 500 остается в Колпине, шатается по улицам, собирается кучками и мешает нам работать» (там же. С. 281).

к роспуску рабочих. Я надеялся тогда, — объяснял 17 октября 1906 г. Совету министров Бирилев, — что ко времени окончания в половине 1906 г. данных заводам крупных нарядов... новая судостроительная программа будет уже разработана и окажется возможным развить работы по новому судостроению... если не в усиленном, то хотя бы в нормальном размере».

Составление программы осложнялось неясностью выдвигаемых перед флотом задач. Имея в своем распоряжении 4 млн руб., ассигнованных на судостроение по смете 1906 г., Морское министерство долго не могло «решить, что же нам строить на эти 4 млн, что нам нужнее всего... Но надо строить, — говорил Бирилев на совещании 16 апреля 1906 г., — иначе лишимся и миллионов, да и работы в адмиралтействах остановятся... Если мы ничего не заложим теперь, то обездолим заводы[23] и не получим уже этих денег». Загрузить заводы работой, держась в пределах, очерченных в 1905 г. рескриптом об обороне берегов, оказалось невозможным. «Следуя буквально указаниям высочайшего рескрипта, — докладывал Бирилев СГО 24 октября 1906 г., — ...можно бы было начать строить эскадренные броненосцы лишь впоследствии, но этому препятствует обстоятельство огромной государственной важности, а именно — состояние... судостроительных, бронепрокатных и артиллерийских заводов». 4 сентября морское ведомство провело совещание, которое пришло к заключению, что невозможно строить только минные суда и подводные лодки: «Этим путем нельзя удовлетворить даже самые скромные требования заводов, в особенности металлургических». Грозила остановка бронепрокатных мастерских: бронирование «Павла I» и «Андрея Первозванного» (линкоры доцусимской постройки) «уже закончено, и с 15 ноября придется начать роспуск рабочих; если же работать тонкую броню, то искусство изготовления толстой, требующей большой опытности, утратится». Чтобы занять все заводы Петербургского района, следовало заложить поскорее два эскадренных броненосца, передав часть заказов (на вспомогательные суда) Невскому заводу[24].

Возникло и новое затруднение, заключавшееся в состоянии отечественной инженерной мысли. Упрекая морское ведомство в «пессимистическом взгляде на русское судостроение», заводчики, однако, признавали, что «за отсутствием опыта и надлежащих технических сил русские заводы не могут дать проектов и детальных чертежей судов», что «русские заводы не успели ни развить у себя основательно оборудованных техническим персоналом контор, ни скопить таких богатых архивов чертежей, какими справедливо гордятся некоторые иностранные верфи»[25]. Таким образом, в случае решения начать с крупнейших броненосцев негде было взять чертежи и исполнителей. Посовещавшись 16 апреля 1906 г., руководители судостроения выяснили, что «в настоящее время... чертежей для постройки теперь же броненосцев, а равно и для крейсеров не существует». Потратить 4 млн надо так, чтобы «заложить то, что войдет в программу»,

[23] Между тем в январе 1906 г. Виккерс получил заказ на постройку крейсера «Рюрик».

[24] РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 9 и об., 87об., 92, 4 и об., 11об.; д. 81. Л. 9.

[25] Доклад Комитета Совета съездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов по выяснению работоспособности русских судо- и машиностроительных заводов, 12.III.1905 (Море и его жизнь. 1905. № 11).

когда она будет разработана, сказал адмирал И.М. Диков. «Но этого нельзя ведь, потому что еще ничего не разработано, нет и чертежей», — сомневался вел. кн. Александр Михайлович, главноуправляющий торговым мореплаванием и портами. «В этом и вопрос, — поддержал его морской министр. — Стоит ли нам заниматься своими чертежами, когда мы видим, что на практике за прошлое время все, что нами улучшалось затем, по этим чертежам, или тонуло, или перевертывалось, или было неудобоуправляемо... Не проще ли нам купить чертежи, на рынке, ведь такие найдутся». Вел. кн. Александр Михайлович: «Для быстрой закладки иначе и поступить нельзя». — «Так стоит ли нам самим вырабатывать чертежи?» — бил в ту же точку Бирилев. «Может ли быть какой-либо вопрос, ведь мы сами не сможем создать чертежи в короткий срок», — заверил его И.Ф. Бострем, бывший морской агент в Англии, капитан крейсера «Богатырь». Морской министр, однако, с досадой заметил: «Наши корабельные инженеры станут доказывать, что они могут создать чертежи, и даже очень хорошие»[26].

16 апреля и 2 мая 1906 г. продолжительную дискуссию на совещании по судостроительной программе вызвал вопрос об использовании на новых судах турбинных двигателей. Представители Морского технического комитета упорно держались за поршневые двигатели, призывая подождать с турбинными до результатов испытания англичанами своего «Дредноута», а то и вообще до неопределенного времени, когда появятся турбины более совершенных систем. Вообще «вопрос весьма темен. Иностранцы держат дело в полном секрете»[27].

Осторожность имела и другое объяснение. При переговорах в 1905 г. с Виккерсом о заказе на постройку «Рюрика» фирма предложила поставить на нем турбинные двигатели (как это делалось уже в Англии, где к тому времени было заложено четыре броненосца с турбинами). Полгода в Морском министерстве изучали это предложение, обещавшее увеличение скорости до 25 узлов, и в конце концов отклонили. Предпочтение было отдано старым, испытанным цилиндровым машинам. Морской министр пояснил, что такая «чудовищная скорость» не нужна, потому что тогда «наши командиры» не сумеют управиться с кораблем и «пользоваться поэтому такой скоростью не будут, а если и пойдут, то не избегнут аварий». Узнав о таком решении, Брут (военно-морской эксперт «Нового времени») изменил свое мнение о добросовестности английской фирмы, которая не навязывала русскому флоту, как он раньше полагал, устаревший проект. Ознакомившись позднее с документами, Брут убедился, что это не так: «В ошибках виноваты мы сами»[28].

---

[26] Примечательно, до какой степени поражение в войне прояснило морскому начальству реальные соотношения. В 1898 г. казалось, что отечественная промышленность уже способна самостоятельно строить корпуса судов и вот-вот овладеет искусством изготовления судовых механизмов. В отчете за 1897 г. государственный контролер докладывал царю: «Из изложенного В. И. В. благоизволите усмотреть, что в деле сооружения судовых корпусов мы стоим уже вне зависимости от иностранных заводов». Николай II: «Да, и это Меня радует». Государственный контролер: «Почти в таком же положении находится у нас постройка судовых механизмов» (ВОГК за 1897 г. С. 36). Теперь, с переходом к турбинам, снова предстояло догонять.

[27] РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 126об.

[28] БРУТ. Ответ «Речи» // Новое время. 13.XI.1912.

Еще большие сомнения вызывала перспектива изготовления турбин в России. Морской министр был уверен, что «построить их в России не сумеют, и надо будет заказывать их за границей, а этого не разрешат... У нас в России три завода, в том числе и Франко-Русский, купили у Парсонса [Parsons Marine Steam Turbine C°] право постройки турбин. Но могут ли быть хороши их первые машины?». При окончательном голосовании 2 мая воздержавшимся оказался заведующий Опытовым бассейном проф. А.Н. Крылов, для которого был, по его словам, неясен вопрос: где будут построены турбины, кем спроектированы. «Мы не имеем никакой возможности проектировать, не имея никаких обоснованных данных для этого, — заявил он. — Мы не можем даже составить чертежей... Так спрашивается, как же начать постройку, не имея никаких сведений?» А при заказе чертежей за границей «кто будет гарантировать скорость, если машина будет конструирована одним заводом, а корпус совершенно отдельно?» «Главное, каждое дело надо знать, — резюмировал Бирилев, — а мы не знаем. Придется сказать — делали дело, которое не знали. Лучше дорого заплатить, да взять человека, который бы знал дело». И совещание перешло к обсуждению цены чертежей «в случае покупки их за границею».

На итоговом совещании 30 сентября 1906 г., проведенном Морским министерством с участием Коковцова и государственного контролера П.Х. Шванебаха, Бирилев снова признал, что с механизмами судов «чуть ли не еще больше затруднений, чем с вопросом финансовым... Нам надо еще учиться, как их строить, нам придется доставать за границей мастеров или по крайней мере чертежи... Для того, чтобы нам построить турбинные двигатели, прежде всего придется заключить контракт с Парсонсом о том, чтобы он открыл мастерские для постройки турбин на Балтийском заводе и, кроме того, дал бы своих учителей»[29]. «Мы долго будем еще принуждены обращаться за образцами за границу, — проводил ту же мысль на заседании СГО 26 октября 1906 г. вице-адмирал Н.Н. Ломен («состоящий при особе» царя). — Только косное самохвальство может себя уверить в своей непогрешимости, независимости от техники и изобретательности европейцев и американцев. Япония подала нам пример тем, что брала немедленно все, что было лучшего на рынках и из опытов иностранцев, и тем отчасти победила нас». (Заметно изменение его позиции: до войны Ломен упрекал русских корабельных инженеров за то, что они всегда только копируют иностранные образцы со всеми их недостатками[30]). «Самостоятельная разработка чертежей подобного судна нашими техниками потребовала бы многих месяцев, причем, судя по бывшим примерам, мы все-таки не были бы гарантированы от неудачи», — говорилось в докладе Бирилева Совету министров от 17 октября; «излишнее доверие к собственным силам и старание опередить иностранную технику в выборе типа при помощи одних своих средств могут привести к роковым ошибкам», следует «остерегаться потери времени и систематического отрицания

[29] При обсуждении 26 мая 1906 г. вопроса о желательном типе котлов Бирилев заявил: «Так как вследствие нашей отсталости в техническом отношении мы всегда будем по ходу [скорости] стоять ниже других, то нельзя уступать в силе артиллерии» (РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 145об.).

[30] См.: МЕЛЬНИКОВ Р.М. История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. 2. С. 335.

опыта, достигнутого в иностранном судостроении. Наше теперешнее положение довольно сходно с тем, в котором мы оказались после Крымской войны, и было бы крайне желательно не повторять ошибок, допущенных тогда». Поэтому надо «войти в соглашение с английской фирмой "Виккерс, Максим и К°" для получения от нее уже готовых данных для проектирования броненосцев с турбинными двигателями и безотлагательно начать постройку этих судов».

При поддержке Дикова Бирилев старался закрепиться на прежнем рубеже (обеспечить заказами заводы) и сохранить за ведомством остатки предназначавшихся на судостроение кредитов, но встретил сильное противодействие в СГО. Возражали Военное министерство, великие князья, да и большинство представителей флота. «Для воссоздания флота не столько важно сохранение в теперешних размерах существующих заводов, — говорил Ломен, — сколько вообще развитие в стране промышленности, техники». Если не строить двух броненосцев, то это еще не погибель железоделательной промышленности. «Недавнее прошлое, — сослался Ломен на кризис рубежа XIX–XX вв., — показало ошибочность расчета — основывать и строить фабрики, принимая в соображение лишь одни заказы казны». Поучительно выглядел в его глазах опыт Германии: если есть «развитая промышленность, рассчитанная на общий рынок, как свой, так и иностранный, а не на заказы какого-нибудь специального ведомства», то «построить могущественный флот ничего не стоит». Верные, но отвлеченные соображения моряка подкрепили и поставили на почву соперничающих ведомственных интересов военный министр А.Ф. Редигер, великие князья (генерал-инспекторы сухопутных сил, председатель СГО) и закаленный в подобных спорах Коковцов. Но в решающий момент Коковцов пришел на помощь морскому министру, изложив свое понимание значимости различных аспектов судостроения.

Роспуск 30 тыс. рабочих, чего не хотел допустить морской министр, в глазах Коковцова (заседание 30 сентября) не имел существенного значения в условиях разгула стачечной стихии. «Мы видим в настоящее время без работы значительно большее количество людей, и без всякой вины со стороны правительства... а только потому, что в рабочем люде поддерживается брожение постоянной агитацией злонамеренных элементов». Куда важнее сдержать расходы казны: «Сохранению [платежного] баланса следует подчинить все, кроме достоинства государства». Так что он возражал бы, «если бы дело шло о поддержании мануфактурной промышленности, о нефтяных вышках. Но, к сожалению, я не могу так же спокойно судить о наших судостроительных заводах. Разорить их легко... Вопрос же о создании флота столь важен, что приходится ответить определенно: судостроительных заводов разрушать нельзя».

Подводя итог обсуждению программы судостроения на совещании 30 сентября 1906 г., Бирилев благодарил Коковцова и Шванебаха за их «принципиальное согласие... на постройку двух предположенных броненосцев, без чего я не имел бы возможности войти в Совет министров» с представлением об отпуске денег. Торжествовать и адресоваться в Совет министров все же оказалось преждевременно. 10 ноября 1906 г. свое решение принял СГО, где Морскому министерству не удалось отстоять предложение начать постройку броненосцев немедленно, хотя оно

не встретило и совершенного отказа — СГО, «не предрешая ныне» вопроса о броненосцах, поручил обоим военным ведомствам прежде согласовать свои планы[31]. Ведь одновременно с морскими запросами готовилось предъявить свое требование и сухопутное ведомство — не на 42 млн и не на 425, как указывает Д. Стивенсон[32], а на два миллиарда рублей единовременно. По поводу этой суммы Коковцов сказал помощнику военного министра А.А. Поливанову, что «можно было заявить и 20 миллиардов, но что, конечно, таких расходов на армию государство сделать не может»[33].

Финансовое истощение свело задачи, возлагавшиеся правительством на судостроительную (как и военную в целом) промышленность, к крайнему минимуму, и такое положение в основном сохранялось не один год; с этим вынужден был считаться и Николай II. 29 декабря 1906 г. он утвердил решение о согласовании ведомственных планов, принятое СГО 10 ноября.

С точки зрения МГШ, появление нового оружия, дредноутов, создало для России исключительную возможность покончить со своим отставанием от ведущих морских держав. «Именно данный момент является в высшей степени благоприятным для воссоздания флота, потому что это момент, когда ставится крест на все старое и создается совершенно новое; если флот упустит этот момент, это будет ошибкой непоправимой». Отсутствие готовности высшего государственного руководства немедленно приняться за воссоздание флота на новых началах, то есть немедленно заложить сразу четыре дредноута, не уступающих по силе германским, ввергло МГШ в отчаяние. В войне с Японией, докладывал он СГО в ноябре 1906 г., «мы потеряли именно то, что не пригодно для современного боя... потеряли то, что уже более не нужно», теперь все решают дредноуты. Дальнейшие колебания в выборе типа судов гибельны: «Мы до сих пор никогда не пытались захватить в свои руки инициативу в прогрессе техники военного дела... всегда шли в хвосте Западной Европы, мы всегда только перенимали уже готовое и испытанное, но мы не творили, не созидали сами. Но и перенимаем-то уже готовое мы всегда с большой осторожностью и потому с большим опозданием, и в деле военной техники мы всегда отстаем, мы всегда позади наших противников и жестоко за это платимся... Мы получили самый богатый опыт в последней войне, но... не сумели его обработать и сделать из него все выводы; не у нас, а за границей разработан тип современного линейного корабля на основании опыта минувшей войны, и нам остается только одно — признать этот тип... и принять его. Если мы не можем сами творить, если мы не можем стать во главе прогресса военной техники даже при самых благоприятных к тому условиях, надо по крайней мере своевременно принимать то, что уже разработано в других странах»[34].

---

[31] ВПР. Т. 1. С. 280, 282, 283, 285; РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 88об., 90 и об., 92 и об., 127–128, 10 и об.; д. 81. Л. 7 и об., 10 и об., 26.

[32] STEVENSON D. Armaments and the Coming of War. Europe, 1904–1914. Oxford, 1996. P. 80.

[33] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 24. Л. 254.

[34] Там же. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 11об., 16, 21, 23 и об., 26.

Отношение Николая II к планам судостроения вскоре изменилось, и он дал новое толкование своего рескрипта об обороне берегов. На поданном ему Бирилевым 2 ноября 1906 г. докладе о разногласиях в СГО он написал: «В рескрипте на имя морского министра от 29 июня [1905 г.] я имел в виду, чтобы были созданы силы, которые сделали бы оборону прибрежий сильной и действительной, но не указывал мер, как достигнуть этого, в особенности в вопросе о постройке броненосцев береговой обороны». В апреле–июне 1907 г. царь уже определенно настаивал, не ожидая окончания согласований, на строительстве линейного флота на Балтике. Морское министерство представило ему четыре варианта судостроительной программы, максимальный из которых мог потребовать расхода в несколько миллиардов рублей (свыше двух годовых бюджетов государства). Но и наименьший вариант, с расходами в 870 млн рублей, оказался непосильным для казны, и когда морское ведомство добилось исполнения хотя бы части своих желаний, то все свелось к 126,7 млн руб. в течение 4–5 лет. После этого лишь в феврале 1909 г. морское ведомство занялось разработкой несколько более обширной программы, которую по финансовым мотивам пришлось и на этот раз сократить; однако в дальнейшем даже постройку уже заложенных дредноутов приходилось искусственно тормозить из-за нехватки денег[35].

Принятое Николаем II волевое решение связывается в литературе с его желанием, не считаясь с мнением СГО и руководителей Военного министерства, обзавестись линейным флотом, чтобы не упустить «редкую возможность», связанную с перевооружением морских сил европейских держав дредноутами, и усилить голос России в «европейском концерте» держав.

Весомость в его глазах подобной мотивировки не вызывает сомнений, однако такое соображение выдвигалось и раньше, — например, как раз на том заседании СГО 26 октября 1906 г., где обсуждалась претензия Морского министерства на 42 млн. Вопрос о предназначении флота вызвал тогда в СГО острый спор, и сущность высказанных сторонами доводов изложена в журнале, представленном царю на утверждение. Морской министр обосновывал строительство двух дредноутов (помимо необходимости поддержать заводы) тем, что «Россия, как великая держава, без флота существовать не может... В международной политике морские силы государства определяются исключительно активной силой ее флота», т. е. количеством полноценных эскадр. Но тогда же Коковцов возразил, что «Франция рассчитывает на наши сухопутные силы, а не на наш флот; заманчивость союза с нами для Англии и Германии также этими двумя судами не увеличится». Министр иностранных дел А.П. Извольский, высказавшись повторно, согласился с Коковцовым: «Франция весьма интересуется состоянием наших сухопутных сил, тогда как состояние нашего флота ее интересует очень мало. В отношении флота для Франции представляет интерес Англия, а не мы»[36]. Таким образом, принимая 24 декабря 1906 г. сто-

[35] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 106. Л. 102; ШАЦИЛЛО К.Ф. О диспропорции в развитии вооруженных сил России накануне первой мировой войны // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 126–128; ЕГО ЖЕ. Русский империализм. С. 65–69; ЕГО ЖЕ. Государство и монополии. С. 59, 78.

[36] РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 81. Л. 3, 9об., 11; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 82–83.

рону большинства СГО, Николай II уже должен был иметь в виду изложенные в журнале соображения; вместе с этим журналом в этот же день царю Палицын и Брусилов представили доклад двух Генеральных штабов, в котором говорилось, что Балтийскому флоту устанавливается в случае войны роль «оборонительная» (хотя бы и при наличии в его составе «линейных боевых единиц»); она будет отвечать «свойствам морей и берегов», и Балтийский флот «должен ограничиваться» этой «высочайше указанной ему ролью»[37].

Вопрос, что же привело к пересмотру императором решения СГО и подталкивало к уступкам Коковцова, несколько разъясняется в свете эпизода, происшедшего с одним из участников дискуссии. Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын, считая, что в системе обороны флот «должен являться дополнением сухопутных сил», 26 октября в СГО выступал против создания Балтийского флота для «активной деятельности» (о таком флоте «средства не позволяют думать ныне»). Но французскому Генеральному штабу полгода потребовалось, чтобы вытянуть из Палицына указание «примерного срока», когда русская армия окажется в состоянии выполнить обязательства протокола 1901 г. о наступлении на Берлин в случае нападения Германии на Францию. И в конце июня 1907 г. Палицын вынужден был ответить, что русская армия еще могла бы действовать против Австрии, но «вспомогательное наступление в Восточной Пруссии» Россия предпринять не в состоянии потому, что эта операция «ничего не даст без поддержки Балтийского флота, которого в данный момент более не существует». С точки зрения царского Генерального штаба, при сложившихся условиях излишне было даже обсуждать вопрос о немедленном переходе русских войск в наступление против Германии в случае войны[38]. Как признал еще до Цусимы (на совещании 13 апреля 1905 г.) вел. кн. Алексей Александрович, «в случае столкновения с Германией — наши воды свободны и, следовательно, армия беспомощна, пока на Балтийском море нет достаточно сильного флота»[39].

Ссылка русского Генерального штаба на необходимость взаимодействия войск с флотом обнажает расхождение союзников в понимании смысла операции в Восточной Пруссии. С точки зрения Палицына, операция оправданна, если решается ее задача — разгром немцев на берлинском направлении. С точки зрения французского Генерального штаба, важен не исход борьбы в Восточной Пруссии, а быст-

---

[37] См.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 319. Царь одобрил доклад в начале января 1907 г.: «Вполне разделяю все высказанное здесь».

[38] См.: ИГНАТЬЕВ А.В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 168; РОЗЕНТАЛЬ Э.М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX в. М., 1960. С. 227. Это разъяснение Палицын дал французскому военному атташе Л. Мулену перед визитом в Петербург начальника французского Генерального штаба генерала Брюна, последовавшим 19–20 июля 1907 г. «Генерал Палицын, обычно очень уклончивый в своих ответах, — сообщил Мулен военному министру Ж. Пикару 9 июля (н. ст.), — на этот раз, напротив, весьма определенно отказался обещать с самого начала наступление против Германии. Пока об этом нечего и думать; но он отказывается даже вести подготовку к этому» (Documents diplomatiques français. Sér. 2me. Paris, 1950. T. 11. P. 118–120).

[39] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6605. Л. 138.

рейшее ее начало; смысл наступления — в ослаблении немецких сил, которые будут действовать против французов в первые дни войны, и неважно, будет ли у русских войск взаимодействие с флотом. Если же русский Генеральный штаб стоит на своем, то судьба Парижа увязывается с состоянием Балтийского флота. И тогда ошибочно думать, что, как полагает Д. Стивенсон, «отвлечение ресурсов на флот» «противоречило требованиям военной подготовки на европейском театре»[40]. Отсюда также следовало, что французам не только на море, но и на суше малополезным окажется их союзник, набравший у них долгов, но не имеющий возможности на 15-й день мобилизации предпринять через Восточную Пруссию натиск на Берлин. Тем самым отказ от решения разорительных для казны морских задач мог отозваться, как ни парадоксально, уже не только военными, но и финансовыми осложнениями. Ведь этим ставилась под сомнение «наступательная ценность» восточного союзника, имевшего, конечно, право на собственные стратегические интересы, но кредитуемого под обязательство действовать прежде всего в поддержку французов. Неудивительно, что в июне 1914 г. президент Р. Пуанкаре «высказывал неудовольствие по поводу медленного, по его мнению, хода постройки» боевых судов и еще с августа 1912 г. оказывал давление на русских и англичан, тщетно добиваясь, чтобы они наметили план совместных действий на Балтике[41].

Сложность выбора, перед которым оказалось правительство, заключалась в том, что для желательного военного успеха требовались затраты и на армию (более двух миллиардов) и на флот (еще более дорогостоящий). Ни этих миллиардов, ни времени, чтобы использовать их по назначению, не было. И техническая неподготовленность, и недостаточность средств для развертывания производства вооружения, отвечавшего масштабу стратегических задач, были признаны всеми высшими органами, ведавшими военной экономикой: не только Военным и Морским министерствами, но и Министерством финансов, Советом министров, Государственным советом.

Думским деятелям, правда, удалось создать впечатление, что тот или иной объем финансирования зависел от решения Думы, а не от состояния казны: «После переворота 1907 г., — пишет Стивенсон, — Дума ассигновывала практически все, чего требовала армия». Свой первоначальный отказ (1908 г.) финансировать судостроение Дума постаралась изобразить как проявление воли к контролю за властью со стороны общества (при улучшении порядков в морском ведомстве будто бы могли бы дать денег, но раз реформы не идут, денег не даем). Председатель думской Комиссии по государственной обороне А.И. Гучков впоследствии так и утверждал,

[40] STEVENSON D. Op. cit. P. 77, 79.

[41] ЕГОРЬЕВ В., ШВЕДЕ Е. Военно-морская конвенция 1912 г. и последующие сношения по морским вопросам с Францией в период мировой войны // Кто должник? М., 1926. С. 87; Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. М.; Л., 1940. Т. 20. Ч. 2. С. 30–31, 457–458; British Documents on the Origins of the War. London, 1938. Vol. 10. Pt. 2. P. 9; ИГНАТЬЕВ А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. М., 1962. С. 129–130, 132–133. К. Нелсон ошибочно приписывает инициативу выработки такого плана С.Д. Сазонову (NEILSON K. Britain and the Last Tsar. British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 1995. P. 336).

что в расходах на вооруженные силы «мы никогда ничего не урезывали, шли очень широко», «все шло благополучно... Мы [комиссия] указывали на необходимость увеличения кредитов по тем или другим статьям». Помогавший ему генерал В.И. Гурко также свидетельствовал, что эта комиссия добивалась укрепления вооруженных сил «не считаясь с расходами»[42].

Но считаться с расходами все же приходилось: «Если подвести итоги всем тем нуждам, какие признаны [сухопутным ведомством], то мы приходим к совершенно колоссальной цифре в 2133 млн руб. единовременных затрат... — заявил в мае 1908 г. председатель Комиссии по государственной обороне, — а ежегодных затрат на то, чтобы поставить содержание нашей армии на должную высоту, потребуется до 144 млн руб. Ясно, что если посмотреть этим нуждам прямо в глаза, то мы должны признать, что такого рода затраты... для нас недоступны»[43]. На следующий год Гучков опять затронул этот вопрос, призывая военное начальство «несколько свернуть со старого проторенного пути и искать новых выходов», «подумать, не следует ли... путем основательного пересмотра военного бюджета найти в пределах тех средств, которыми располагает уже ведомство, суммы на введение необходимых улучшений. Средства эти, несомненно, найдутся». Иначе ведь удастся покрыть «далеко не все нужды... некоторые потребности остаются совершенно не удовлетворенными». Это не мешало Гучкову тут же заявить о «постоянной нашей готовности итти навстречу желаниям Военного министерства, вотировать все те кредиты, какие испрашиваются у нас... Этой готовности до сих пор не было пределов. (*Голос слева:* Верно.) Военное министерство не может указать, чтобы мы в каком-либо случае отказали ему в кредите, сколько-нибудь обоснованном и действительно усиливающем нашу оборону». И Гучков допытывался: «Поняло ли ведомство все трагическое значение необходимости поставить дело государственной обороны на надлежащую высоту?.. в ожидании великих международных коллизий?.. использован ли, наконец, тот энтузиазм, который мы принесли сюда, та готовность итти на всякие жертвы?»[44].

Исчисленных военным ведомством двух миллиардов оно и в самом деле не смогло получить вплоть до начала мировой войны, когда счет деньгам начался иной.

---

[42] STEVENSON D. Op. cit. P. 150; Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 55, 57; GOURKO B. War and Revolution in Russia, 1914–1917. N. Y., 1919. P. VII–VIII, 316–317. Разъяренный этой демагогией, С.Ю. Витте в Государственном совете 13 июня 1908 г. отозвался на думские обещания: в Думе говорят — «вот вы сделайте эти преобразования, и мы денег дадим, и гораздо больше дадим, мы денег вообще не считаем, и вот покуда вы их не сделали, мы даже эти 10 млн руб. вам не дадим». «Вообще в настоящее время финансовые соображения стоят всегда на последнем плане. Я чувствую свою финансовую отсталость, когда мне приходится говорить о финансах... В настоящее время... сотни миллионов рублей кидают непочем... Но сколько я ни стараюсь прочесть, где возьмут деньги, никто до сих пор мне это не объяснил... Подобное расточение народных денег есть, вероятно, новое течение» (СОГС III. СПб., 1908. Стб. 1797).

[43] СОГД III/1. Ч. 3. Стб. 1596, 1597.

[44] СОГД III/2. Ч. 3. Стб. 1221–1222. Заседание 19.III.1909.

Ряд историков считает принятое решение строить броненосцы на Балтике порочным, видит в нем чуть ли не каприз недалекого умом царя. На пути планов восстановления боеспособности армии встала «личная приверженность царя перевооружению морских сил» (П. Гэтрел, Н. Стоун); когда же грянула война, то армия терпела урон из-за нехватки вооружения и боеприпасов, но не ощущалось нехватки морских гигантов, которые ржавели недостроенными всю мировую войну. «Не могло вызывать сомнений, что военные силы российской сухопутной державы определялись не численностью линейных кораблей, а состоянием армии» (Д. Гайер, Д. Стивенсон и др.)[45]. Такая точка зрения восходит к межведомственной тяжбе из-за распределения кредитов на военные цели в 1906–1910 гг. Тогда начальник Генерального штаба А.З. Мышлаевский протестовал против чрезмерных, по его мнению, трат на флот и напоминал: «История России учит нас тому, что флот играет вспомогательную роль по отношению к сухопутной армии». Бывший военный министр А.Н. Куропаткин также доказывал, что если отпустить на флот «суммы, не соответствующие важности для обороны государства морской силы», то пострадает сухопутная армия, «составляющая главную силу России»[46].

Подобные общие соображения, однако, противоречили конкретным обстоятельствам: помимо влияния обязательств перед Францией о наступлении на Берлин, приходилось учитывать и не менее весомое условие: столица «сухопутной державы» и такие важнейшие военно-промышленные центры, как Ревель, Рига, располагались на морском берегу, и захват их противником можно было предотвратить лишь имея на Балтике эскадру, способную противостоять германским силам. Пока же такой эскадры не имелось, десант (если бы он входил в планы немецкого командования) мог быть задержан лишь на несколько дней, и никаких «сомнений» (Стивенсон) в этом отношении морское командование не испытывало.

Вплоть до 1914 г. при планировании развертывания Балтийского флота приходилось постоянно учитывать, что «современные наши морские силы не могут оспаривать у неприятеля обладание (господство. — *В. П.*) в открытой части Балтийского моря», «во внешней части Финского залива». Согласно предположениям Генерального штаба «о вероятных планах Тройственного союза против России по данным на 1 марта 1914 г.», при наступлении немцев севернее Полесья начнутся также и «самые энергичные действия германо-шведского флота против нашего Балтийского флота с целью обеспечения успеха десантной операции». По «Плану операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны», утвержденному царем в 1912 г. и приведенному в действие с началом войны, считалось, что, собранный в кулак, Балтийский флот, опираясь на оборудованные в Финском заливе минно-артиллерийские позиции, сможет «на некоторое время задержать движение неприятеля вглубь залива», но в случае движения всего германского флота эта задержка «будет непродолжительна»[47].

---

[45] GATRELL P. Government, Industry and Rearmament. P. 101–102; STONE N. The Eastern Front, 1914–1917. N. Y., 1975. P. 24, 31; GEYER D. Der russische Imperialismus. Göttingen, 1977. S. 210; STEVENSON D. Op. cit. P. 146, 149–150.

[46] Цит. по: ШАЦИЛЛО К.Ф. О диспропорции... С. 132, 133.

[47] Восточно-Прусская операция. М., 1939. С. 69; ПЕТРОВ М. Указ. соч. С. 203, 210, 214–218.

Таким образом, в случае войны с Германией отсутствие полноценного флота с ядром в виде дредноутов не давало возможности защитить балтийские берега от десанта — не говоря уже о собственной десантной операции в тыл немцам[48]. Решение о постройке дредноутов принималось, конечно, не без расчета использовать их в будущем при преследовании далеко идущих «исторических», «созидательных» целей; практический же, насущный вопрос заключался в необходимости получить таким путем хотя бы минимальную возможность прикрыть свои берега на Балтике от десанта, столицу — от обстрела с Финского залива. То же соотношение далеких замыслов и кричащей неотложной нужды сложилось на черноморском театре, где речь фактически шла не об обеспечении фантастических планов захвата проливов («с хинтерландом»), овладения Константинополем, островами в Эгейском море, а о недопущении нападений немецко-турецкого флота на черноморские города и базы, что и было достигнуто, в общем и целом, во время первой мировой войны. На Балтике «германский флот имеет такое огромное численное превосходство над нашим, что никакая борьба за обладание морем немыслима, — писал Бирилев в записке от 3 ноября 1906 г. — ...Единственная для нас возможность действительно защитить наши берега — это иметь средства вступить в борьбу с германским активным флотом в открытом море... Для этого же надо приступить к воссозданию боевых эскадр и положить этому начало теперь же»[49]. Смысл записки Бирилева сводился к тому, что не следует стремиться к созданию на Балтике специально оборонительного флота, так как помешать высадке немецкого десанта, поддерживаемого современной эскадрой, он не сможет, а значит, нет и выбора: тратить ли деньги на хотя бы два могучих дредноута, создавая ядро будущей эскадры, или на 8 никчемных малых броненосцев.

Председатель СГО, требуя от морского ведомства выработать совместный с Военным министерством план действий по восстановлению боеспособности вооруженных сил, лишь с трудом добивался своего, но практический результат все же был. 15 декабря 1906 г. Палицын уже вынужден был признать, что вероятные противники на Балтике (Германия, Швеция, Англия) могут послать к русским берегам сильную эскадру и значительный десант, и потому сухопутной армии, прикрывавшей побережье, «весьма важно базировать свои соображения на некоторой обеспеченности берегов от десантов»; создаваемые морские силы смогут либо не допустить («помешать»), либо хотя бы замедлить высадку противника. Десанта следовало ожидать у Либавы, а может быть, у Риги; шведский десант в Финском заливе в районе Або–Ганге–Порккала-Удд сразу создавал бы угрозу захвата Петербурга. Общий смысл такой оценки соотношения сил на Балтике подтвердили «большие сухопутно-морские маневры»[50] и совещание обоих генеральных штабов в апреле

[48] «Для выноса действий нашего флота в Балтийское море с целью непосредственно угрожать побережью Германии, — вспоминал Лукомский, — в Либаве сооружалась база для флота и устраивалась крепость. Но ко времени мировой войны сделано было в этом смысле мало, и Либаву пришлось эвакуировать, дабы она не досталась легким трофеем неприятелю» (ЛУКОМСКИЙ А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 86).

[49] РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 80. Л. 69об.–70.

[50] Об этих маневрах 1908 г. военный эксперт «Нового времени» писал позднее, что, как

1908 г., и это при том что английский флот на этот раз исключался из расчета в качестве противника (шведский же учитывался вплоть до 1917 г.). Единое мнение участников совещания сводилось к тому, что сдержать германцев не удастся. «Вся боевая работа Балтийского флота» сведется лишь к «незначительной задержке наступления противника». Представители же Морского министерства полагали, что «в современном своем виде Балтийский флот совершенно не в состоянии выполнить и этой более чем скромной задачи»[51].

Изменение взгляда сухопутного Генерального штаба на роль Балтийского флота закрепило совещание 15 августа 1909 г., посвященное обсуждению программы развития морских сил на предстоящее десятилетие; в нем участвовали военный и морской министры, начальники обоих генеральных штабов (Мышлаевский, А.А. Эбергард); председательствовал вел. кн. Сергей Михайлович — генерал-инспектор артиллерии.

Морское министерство поставило целью создать такой флот (эскадра, включающая восемь линкоров), «который дал бы нам возможность достигнуть господства на Балтийском море и угрожать берегам Германии». Моряки объяснили участникам совещания, что «мнение о возможности оборонять берега хотя бы временно при помощи минного и подводного флота несостоятельно», так как сильная артиллерия немецких дредноутов «заставит упомянутые мелкие суда укрыться и не даст им возможности проявить какую-либо деятельность», борьба возможна только для «правильно сложенной эскадры» по типу «принятой во всех странах», а до того сухопутная армия останется, как это ни прискорбно, в «затруднительном положении», «не обеспеченной содействием флота на флангах». Совещание признало, что «с военно-сухопутной точки зрения содействие морской силы... является крайне ценным и необходимым» ввиду опасности немецкого десанта на курляндском или даже финляндском побережье. Далее, В.А. Сухомлинов (новый военный министр) и Мышлаевский согласились, что «в ближайшие годы, пока наш линейный флот не будет настолько силен, чтобы принять бой с неприятельской эскадрой в южной части Балтийского моря», «государство должно рассчитывать в отношении обороны южного побережья Балтийского моря, Або-Аландского района и побережья Ботнического залива лишь на сухопутные силы». В целом военный министр и начальник сухопутного Генерального штаба признали за программой «соответственность поставленной цели» и не возражали «против состава предположенного флота». Согласованное мнение всего военного руководства и было одобрено царем 18 августа[52]. Такой ис-

выяснилось, минно-подводный флот «был загнан одними легкими крейсерами, и в три дня море было от него совершенно очищено, а большая часть флота была перетоплена, и неприятельский флот, огнем своих орудий очистив в свою очередь берег от сухопутных войск, беспрепятственно высадил на Нарвской губе два корпуса десанта, угрожая Петербургу... Никогда армия не может помешать десанту противника, имеющего флот». При этом «до броненосцев дело, разумеется, и не дошло» (ЭЛЬ-ЭС. Бесконечная тяжба // Новое время. 16.V.1912).

[51] ШАЦИЛЛО К.Ф. О диспропорции... С. 124; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 149. Л. 4. Журнал совещания ГУГШ и МГШ, 16.IV.1908.

[52] ВПР. Т. 1. С. 329; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 318–321, 332–336, 340;

ход дела не позволяет трактовать августовское междуведомственное совещание как «лишь еще один форум для борьбы» между руководителями армии и флота[53].

Развитие событий в августе 1914 г. оправдало расчет Палицына относительно роли флота в поддержке наступления на Берлин; печальный для русской армии исход импровизированной операции в Восточной Пруссии известен; иногда упускается лишь из виду, что как раз и был испытан на практике тот вариант, который заранее считался проигрышным: флот никакого участия в Восточно-Прусской операции не принимал и не мог принимать; ему по необходимости было поставлено исключительной задачей — которую он и выполнил — удерживать «центральную позицию» в Финском заливе (Порккала-Удд–Ревель). Мысль о собственной десантной операции в Померании привлекала внимание, но средств для ее исполнения не имелось.

Возобновление военного судостроения требовало переоборудования, приспособления казенных заводов к постройке дредноутов. Добившись, в обход Думы, крупного кредита на судостроение уже в июне 1908 г., Морское министерство лишь со второй половины 1909 г. смогло заложить линейные корабли, а прежде пришлось заняться переустройством казенных заводов. В частности, потребовалось преобразовать верфи Петербургского порта в самостоятельный новый завод, получивший название Адмиралтейского; удлинить его стапеля настолько, чтобы можно было заложить новейшие дредноуты; соорудить судостроительную мастерскую и электростанцию, расширить устье Фонтанки. Пришлось, кроме того, реконструировать сталелитейную, главную механическую и сборочную мастерские Балтийского завода, пополнить его оборудование 200-тонным плавучим краном. Завод купил право строить турбины Парсонса и в начале 1907 г. заказал за границей на полмиллиона станки для обработки частей турбин. Техники Балтийского завода в 1908 г. проходили обучение изготовлению турбин на заводе Парсонса[54]. В 1908 г. началось расширение основного, броневого отдела Ижорского завода и производства броневых плит на Обуховском заводе. Тот же завод осваивал производство 12-дюймовых орудий со стволами длиной в 52 калибра. Станки для этого были заготовлены еще перед войной 1904 г., и «до сих пор [1908 г.] лежат на дворе Обуховского завода под открытым небом», и прежде их установки «потребуют значительного ремонта»; не были еще готовы и соответствующие новые мастерские[55].

По оценке МГШ (записка «Программа развития и реформ морских вооруженных сил России» от 8 марта 1908 г.[56]), состояние судостроительных и судоремонтных баз флота внушало опасения. В портах Балтийского моря оборудования «недостаточно даже для обслуживания имеемого небольшого судового состава». В Российском мор-

АСТАФЬЕВ И.И. Военная тревога в правящих кругах царской России в октябре 1908 г. // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1965. № 2. С. 93–94.

[53] GATRELL P. Government, Industry and Rearmament. P. 136.

[54] ВПР. Т. 1. С. 332; Морской сборник. 1909. № 5. С. 124.

[55] ВПР. Т. 1. С. 333; БРУТ. Реформа флота // Новое время. 4.III.1908.

[56] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 529. Л. 95–116об. Цит. по копии, предоставленной автору К.Ф. Шацилло.

ском союзе возмущались тем, что на казенных заводах «здания времен Екатерины II, от которых дерево можно отрывать руками, подача и перевозка вручную (!) полос стали в 150–200 пудов, такое расположение построек, при котором одна и та же плита отправляется в пять противоположных концов завода, раньше чем доедет до назначения; лесопилки поперек завода»; «есть станки 1813 года»[57]. В Кронштадте «в полном неблагоустройстве» доки для больших судов («нуждаются в совершенном возобновлении» Петровские доки и мортонов эллинг[58]). «При рассмотрении и оценке портовых мастерских, — свидетельствовал адмирал К.А. Плансон, начальник штаба Черноморского флота, ранее, в 1904–1905 гг. служивший в оперативном отделении штаба Кронштадтского порта, — оказалось, что денег на их оборудование было затрачено много, но толку вышло мало. Все — устарелых образцов; мастеровых мало, они невежественны, дурно оплачиваются. Постановка заводского дела — заскорузлая»; артиллерийские мастерские «в очень печальном состоянии». Кронштадтский пароходный завод «построен более 50 лет тому назад», в 1857 г., гласила записка МГШ, и за истекшие десятилетия «совершенно не следовал за развитием техники»; там «тихоходные станки, первобытная трансмиссия и краны только ручного действия. Мастерские не вмещают половины требуемых работ. Помещения не вентилируются, некоторые опасны для здоровья в смысле случаев отравления вредными газами, некоторые же опасны в пожарном отношении... Водоснабжение завода в невозможном состоянии». К 1910 г., как считал МГШ, кронштадтские заводы, мастерские, лаборатории и прочие технические средства этой «главной операционной (снабжающей и ремонтной) базы Балтийского флота» должны были быть приведены в порядок, к 1912 г. — углублены рейды и гавани, построен сухой аварийный док для линкоров с ремонтными мастерскими. Либавский порт располагал мастерскими, в которых «большинство имеемых станков неисправно и нет самых необходимых инструментов... нет плавучих средств, грузоподъемные средства порта слабы». Свеаборгский порт «содержится в образцовом порядке», но может принять только 10 миноносцев. Прочие балтийские порты признавались не имеющими значения в военное время.

На Черном море Севастополь являлся единственным портом для военного флота, но не располагал доками достаточной для крупнейших судов глубины. «Замена поврежденных частей артиллерийского вооружения [судов] Севастопольским портом совершенно невыполнима без содействия Петербурга», так как нет достаточно оборудованных мастерских и обученных рабочих. «Технические средства порта и по другим отделам не отвечают требованиям боевой обстановки, несмотря на то, что порт строит новые суда... На судах Черноморского флота введены водотрубные котлы уже много лет, но мастерской для ремонта их в порту нет». Предстояло к 1912 г. построить много мастерских (в том числе для подводных лодок), но места для них на портовой территории нет; к 1919 г. — два дока для линкоров и четыре для малых судов.

«В еще более худших условиях» находился Николаев, «несмотря на то, что окружен многими хорошо оборудованными частными заводами». В Николаевском

[57] Новое время. 10.II.1908.

[58] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1589. Л. 764об. Журнал междуведомственного совещания, 13.VII.1907.

адмиралтействе «уже 25 лет строят боевые суда, однако оно не имеет никаких современных технических приспособлений, улучшающих постройку и удешевляющих рабочую силу». «Мастерские порта совершенно устарели, станки их расшатались, работы на них могут производиться... только для удовлетворения грубых требований». Даже достроить крупное судно до конца в Николаеве нельзя, так как при полной погрузке такое судно не пройдет через слишком мелкий (25 футов) Днепровско-Бугский канал; только если углубить его до 30 футов, Николаев сможет быть «обращен во вторую базу для флота». К 1912 г. Николаевский порт должен был быть оборудован как главная судостроительная база Черноморского флота с соответствующими верфями.

По сравнению с Балтикой и Черным морем более благополучным представлялось положение на Дальнем Востоке. Петропавловск и Охотск почти не имели средств для обслуживания хотя бы торговых судов[59], но Владивостокский порт ранее был подготовлен для обслуживания целой эскадры, «а теперь он обслуживает лишь весьма небольшое число судов». Для этого он имел сухой док, механический завод, артиллерийскую и минную мастерские; «некоторые его мастерские — чугунолитейная, сталелитейная и железокотельная — оборудованы весьма удовлетворительно и могут отвечать даже строгим требованиям, между тем как другие мастерские — кузница, модельная, станочно-слесарно-сборочная — оборудованы гораздо слабее... Кораблестроительные мастерские можно считать оборудованными вполне удовлетворительно и способными производить все работы по корпусу для самых больших судов. В общем можно считать, — заключал МГШ, — что Владивостокский порт обладает вполне достаточным числом мастерских для обслуживания находящихся на Дальнем Востоке судов». Слабым местом порта оказывалось отсутствие «связи нормальной колеей со станцией Уссурийской железной дороги и набережной коммерческого порта; подъездные пути оборудованы тоже недостаточно, и перевозка тяжестей производится главным образом на китайских арбах». Единственное, что намечал МГШ добавить во Владивостоке, это «построить станцию для ремонта и снабжения подводных лодок, вынеся ее на Русский остров»[60]. В Николаевске-на-Амуре, отмечалось в его записке, «оборудования почти не существует», а предстоит построить эллинги для миноносцев, док для канонерок и ремонтные мастерские и проложить рельсовые пути.

Никакое строительство современных военных судов, тяжелой артиллерии и пр. оказывалось невозможным без технического руководства со стороны английских (таких как Виккерс, Джон Браун), французских (А. Норман, Сен-Шамон, Шнейдер), австрийских (Шкода, Бёлер) и немецких (Крупп, Блом и Фосс, Шихау) фирм, с кото-

---

[59] ПУЗЫРЕВ В.П. Торговый флот России в первой мировой войне. М., 2001. С. 120.

[60] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 529. Л. 95–116об.; ср.: ВПР. Т. 1. С. 285–289. Плансон цит. по: Источник. 1997. № 2. С. 12. Намеченная станция, видимо, и была создана, так как 12 февраля 1908 г. Совет министров отпустил 217 тыс. руб. «на устройство стоянок для подводных лодок в заливе Петра Великого» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 20. Л. 104 и об.); в 1915–1916 гг. продолжалось оборудование во Владивостоке мастерских для строительства подводных лодок (см.: ВОГК за 1915 г. Пг., 1916. С. 46).

рыми пришлось заключить соответствующие контракты и частным предприятиям и заводам морского ведомства.

По данным германского консульства в Петербурге, в 1907 г. шли переговоры между Обществом Путиловского завода и неким английским консорциумом (Виккерс и Каммелс Лерд и К°), намеревавшимся вложить 1 млн ф. ст. в это предприятие, ввиду предстоявших заказов по судостроительной программе. Переговоры ни к чему не привели, так как из-за сократившихся судостроительных планов правительства оно обеспечило на близкое будущее заказами только казенные верфи[61].

В феврале 1908 г. британское Адмиралтейство пыталось убедить министра иностранных дел Э. Грея в том, что следует помочь России в воссоздании ее военно-морских сил — в противовес Германии на Балтике. Но Грей считал, что Англия, выступающая на стороне Франции, сама обеспечит господство союзников на море, тогда как Россия должна бросить на чашу весов свои сухопутные силы. В апреле 1908 г. Лондон и Париж проявили недовольство, узнав, что Россия вместо того, чтобы укреплять свою западную границу, намерена воссоздавать Балтийский и Черноморский флоты и возобновить железнодорожное строительство на Дальнем Востоке. Беседуя с Извольским в мае 1908 г. (во время встречи английского короля с царем) помощник министра иностранных дел Англии Ч. Гардинг не сумел втолковать Извольскому целесообразность намечаемого англичанами распределения обязанностей; поняв собеседника слишком буквально, Извольский вынес из беседы ложное впечатление, что английское правительство заинтересовано в том, чтобы Россия была как можно сильнее и на море и на суше[62]. Со Столыпиным (он только что выступил в Думе с обоснованием флотской программы) пришлось объясниться доходчивее. Как свидетельствовал адмирал Дж. Фишер, сидевший рядом со Столыпиным на официальном обеде на яхте «Штандарт» 28 мая, премьер его спросил: «Что, по-вашему, нам нужнее всего?» «Он воображал, что я должен буду ответить: столько-то линкоров, столько-то крейсеров и т. д., но вместе этого я сказал: "У вас оголена западная граница и опустошены запасы. Устраните все это, тогда и говорите о флотах!" ...Столыпин посмотрел на меня тяжелым взглядом и не произнес больше ни слова»[63].

В 1914 г. отсутствие на Балтике значительного российского флота ощущалось все более остро. В мае МГШ вынашивал план десанта в Померании — в случае, если германский флот будет связан англичанами в Северном море и если они же предоставят транспортные средства, которых в России не было. МГШ при этом предполагал, что свои торговые суда англичане переведут в русские балтийские порты еще

---

[61] LEMKE H. Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906–1914. Dokumente. Brl., 1991. S. 123. См. также: ЖУКОВСКИЙ Я. Экономическое развитие Путиловского завода // Проблемы марксизма. 1932. № 9–10. С. 164.

[62] SWEET D.W., LANGHORNE R.T.B. Great Britain and Russia, 1907–1914 // British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977. P. 243–245. «Можно себе представить, как было приятно» Извольскому слышать от британского коллеги «столь дорогую для него мысль», — отметил историк (ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 83).

[63] Цит. по: GATRELL P. Government, Industry and Rearmament. P. 370.

«до открытия военных действий». Этот замысел, одобренный 21 мая Николаем II, по мнению посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа, серьезно затрудняла невозможность «добиться отправки в мирное время английских транспортных судов в Балтийское море в распоряжение наших войск». Обсудить такую форму взаимодействия с англичанами не пришлось, так как тогда же выяснилось, что «английское правительство с этим вопросом не торопится, и спешность исходит со стороны Франции». Английское морское командование давно уже пришло к заключению, что ввязываться в такое предприятие нельзя: войти в Балтийское море королевский флот, безусловно, сумеет, но выход легко может быть перекрыт немцами, и флот окажется в «мышеловке». О переговорах на эту тему в Лондоне немцам во всех подробностях становилось известно от их агента — второго секретаря российского посольства Б. фон Зиберта. Немцы были уверены, что десант в Померании входит в программу предполагаемой англо-русской морской конвенции. Их беспокоило то, что со вступлением в строй четырех русских линкоров в 1914 г., а затем еще четырех дредноутов к 1917 г. подобная десантная операция станет вполне возможной (военная игра, проведенная Германией в канун событий 1914 г., показала возможность успеха русского десанта даже без участия дредноутов — если бы у русского командования хватило решимости и умения[64]), и эта опасность принималась в расчет при решении летом 1914 г. развязать войну[65].

Началась война, и 6(19) августа морской министр У. Черчилль запросил русских, смогут ли они «предпринять сильную десантную операцию на северном германском побережье... для дальнейшего наступления на Берлин». Для этого требовалось, чтобы «владели» Балтийским морем не немцы, а союзники и чтобы английский флот сумел пройти через Бельтские проливы и обеспечить доставку русского десанта[66]. В те дни 2-я армия А.В. Самсонова уже выдвигалась за Мазурские озера. Взаимодействовавшая с нею 1-я армия П.К. Ренненкампфа правым флангом опиралась на берег Балтийского моря. Вскоре в штаб Ренненкампфа в Инстербурге примчался на автомобиле из Ставки адмирал А.Д. Бубнов. По агентурным сведениям, немцы, «пользуясь своим господством на Балтийском море», «спешно сосредоточивали в Куриш-гафе (залив между Мемелем и Кенигсбергом. — *В. П.*) мелкосидящие суда», чтобы предпринять десантную операцию в ближайший тыл Ренненкампфа. Бубнову предстояло «лично убедиться в надежности мер» против такой операции[67]. Армия Самсонова была разгромлена в считаные дни, Ренненкампф отступил, и десант немцам не потребовался.

Что же касается русско-английской операции, то, по оценке немецкого историка, «высадка в крупном масштабе на померанском побережье» в принципе была воз-

---

[64] WESTWOOD J.N. Russian Naval Construction, 1905–1945. London, 1994. P. 100.

[65] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. М.; Л., 1933. Т. 3. С. 98–99, 158–159, 208; HÖLZLE E. Die Selbstentmachtung Europas. Frankfurt; Zürich, 1975. S. 250.

[66] GEYER D. Der russische Imperialismus. S. 214; Кто должник? С. 229–230; ВИЛЬСОН Х. Морские операции в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1935. С. 225.

[67] БУБНОВ А.Д. В царской Ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 55–56.

можна, но «только лишь при условии решительного поражения Германии на море». Английский же историк считал, что весь план был «неясен и чересчур дерзок; он не был проработан ни морским, ни сухопутным штабами» и был сообщен русским лишь «в общих чертах». Предложение Черчилля русское командование «с благодарностью» приняло, ответив 23 августа, что «воспользоваться им сможет лишь если это допустит общая военная обстановка»[68].

Обстановка изменялась медленно. Лишь в сентябре вступил в строй первый из заложенных в 1909 г. дредноутов — линкор «Севастополь», остальные три корабля того же типа — в декабре. Степень готовности четырех могучих линейных крейсеров к 1915 г. оценивалась (по весу) в 21–60% (готовность корпуса) и в 3,6–18,3% (готовность механизмов); продвигалось строительство и на Черном море (по программе 1911 г.)[69].

Вопрос о целесообразности того или иного распределения усилий, направленных перед войной на восстановление морских и сухопутных сил, нельзя решить, заранее полагая, что существовала возможность найти такое соотношение, при котором доступные экономические, технические и людские ресурсы позволяли реализовать любые цели правителей империи. С одной стороны, воссоздание балтийской эскадры отвечало насущной потребности прикрыть с моря Петербург, а если уж планировалось воевать в союзе с Францией, то требовалось и обеспечить с моря фланг сухопутных сил, вторгающихся в Восточную Пруссию. С другой стороны, нереальность ни при каких условиях той «исторической» задачи, во имя которой Россия вступила в определенные союзнические отношения и затем в войну (прежде всего, овладение черноморскими проливами), не оставляла никакой возможности наметить в интересах сухопутной армии какую-то якобы достаточную для нее, «разумную» пропорцию в распределении ресурсов между армией и флотом[70]. Сами цели такого рода, поставленные правительством, как показало дальнейшее, не являлись жизненно важными для страны. Решающий критерий для исторической оценки предвоенного политического курса правительства Николая II выдвинут С. Фулером: «Ретроспективно рассуждая», ясно, что «любая цена, какую бы ни пришлось России уплатить за мир летом 1914 г., не была бы чрезмерной»[71]. Можно лишь добавить, что эту истину многие современники признавали и не ретроспективно, а задолго до мировой войны, падения самодержавия и всех последовавших испытаний, пережитых Россией до конца века.

Вопросы истории. 2000. № 3.

---

[68] ФИРЛЕ Р. Война на Балтийском море. М., 1937. С. 21; ВИЛЬСОН Х. Указ. соч. С. 225–226.

[69] ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 355–356.

[70] Подобно тому, как в 1904 г., накануне катастрофических поражений в войне с Японией, Николай II изучал возможности противостоять еще и Англии с США, так и в 1914–1916 гг. он предписывал правительству к моменту капитуляции Германии подготовить силы для новой борьбы — по меньшей мере с бывшими союзниками по Антанте.

[71] FULLER C. Strategy and Power in Russia. 1600–1914. N. Y., 1992. P. 463.

О так называемой «программе Маниковского» 1916 года

В процессе концентрации производства, происходившем в России накануне и в период первой мировой войны, особенно сильные монополистические группировки сложились в военной промышленности. Все ее важнейшие предприятия, отмечается в литературе, контролировались банковскими монополиями. Наиболее мощными центрами такого объединения, охватившими разные отрасли военной промышленности, являлись финансовые группы Русско-Азиатского и Петроградского международного банков[1].

Вывод о том, что эти две крупнейшие финансовые группы играли роль всесильных монополистов, был получен на основе специального изучения процессов монополизации в частной промышленности. Однако известно, что в русской военной промышленности ведущая роль принадлежала казенным предприятиям. Поэтому если включить в круг изучения и эти предприятия, то процесс концентрации будет выглядеть несколько иначе. Например, в орудийном производстве наряду с заводами, принадлежавшими названным банковским группам, имелись мощные заводы морского, горного и военного ведомств; производство ружей и пулеметов целиком сосредоточивалось в трех крупнейших казенных заводах; казенные заводы исполняли львиную долю заказов и в судостроении. Самодержавное государство — собственник большого числа военных заводов — являлось важнейшим рычагом развертывания производства вооружения.

С этой точки зрения привлекают внимание обстоятельства выработки самой обширной в истории российского империализма программы строительства 38 новых казенных военных заводов (октябрь 1916 г.). Содержание этой программы публико-

[1] ГИНДИН И.Ф., ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. М., 1960. Т. 66. С. 40; СИДОРОВ А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 172.

валось постепенно, начиная с 1920 г., когда А.А. Маниковский, занимавший в мае 1915 — феврале 1917 г. пост начальника ГАУ, в своем трехтомном труде о боевом снабжении армии привел часть объяснительной записки к программе заводского строительства[2]. Затем бывший начальник Управления полевого генерал-инспектора артиллерии Е.З. Барсуков в своей книге «Работа промышленности на боевое снабжение армии в мировой войне» (М., 1928) кратко охарактеризовал основные объекты программы; он же снабдил второе, посмертное издание труда Маниковского изложением легенд к этим объектам[3]. Наконец, в 1955 и 1973 гг. появились исследования А.Л. Сидорова, посвященные программе. В них дана общая оценка программы, приведены сведения о ходе строительства некоторых заводов[4]. Основная часть записки и ряд относящихся к программе документов приведены в сборнике «Военная промышленность России» (2004 г.).

Программа строительства артиллерийских заводов известна, таким образом, уже давно. Представляет интерес ряд вопросов, связанных с оценкой ее социально-экономического смысла и освещением характера воздействия государственного аппарата на развитие военной экономики. Маниковский и Барсуков утверждали, что программа отражала «всецело личные» взгляды тогдашнего руководителя артиллерийского ведомства и для отстаивания ее требовалось исключительное «гражданское мужество», так как ГАУ было единственным сторонником этого проекта и встречало противодействие со стороны военного министра, Особого совещания по обороне, Министерства финансов, Государственного контроля и правительства в целом[5].

В том же смысле характеризуется программа в трудах Сидорова. Именуя ее для краткости «программой Маниковского», он расценивал ее как утопический проект, отражавший «робкие попытки отдельных лиц»[6]. Реакционный характер подобных программ, по мнению Сидорова, «неизбежно приводил их к провалу»[7]. По утверждению И.В. Маевского, программа «была провалена» в правительственных инстанциях, как в целом, так и по частям, при рассмотрении отдельных объектов[8]. По сведениям же С.В. Воронковой, «программа А.А. Маниковского была принята»

---

[2] МАНИКОВСКИЙ А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. 1. С. 59–77.

[3] МАНИКОВСКИЙ А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 77–90.

[4] СИДОРОВ А.Л. К вопросу о строительстве казенных военных заводов в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 156–169; ЕГО ЖЕ. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 133–147, 424–449.

[5] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 59, 69, 77–78; 1922. Ч. 2. С. 163; 1923. Ч. 3. С. 164; БАРСУКОВ Е.З. Предисловие ко 2-му изд. // Там же. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 11–12.

[6] Историк-марксист. 1939. № 4. С. 155. Рец. на 3-е изд. книги Маниковского; СИДОРОВ А.Л. Исторические предпосылки... С. 57.

[7] Исторические записки. Т. 54. С. 158.

[8] МАЕВСКИЙ И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957. С. 69, 70, 83, 122, 180.

Особым совещанием по обороне и «частично реализована»[9]. Однако в журналах совещания нет следов того, чтобы оно обсуждало этот документ. Тот экземпляр доклада с программой заводского строительства, который хранится в фонде Особого совещания по обороне и которым пользовались историки, по-видимому, не служил делопроизводственным документом[10]. Да и направлен был доклад военному министру не через того его помощника (сенатора Н.П. Гарина), на которого возлагалось руководство деятельностью Особого совещания по обороне[11], а через другого — генерала П.А. Фролова, который председательствовал в другом особом совещании, специально занимавшемся выработкой программы строительства военных заводов.

Временем составления программы в литературе считается конец 1915 г., а побудительной причиной — военные неудачи, которые выявили нехватку боеприпасов и, как сказано в «Истории первой мировой войны», «всколыхнув общественное мнение», вынудили правящие круги взять «курс на развитие отечественной военной промышленности, на создание сети новых заводов»[12]. Указанные сведения сопровождаются ссылкой на одну из работ А.Л. Сидорова[13], где, однако, в действительности ни время составления, ни конкретная причина не названы. Как видно из другой его работы, Сидоров считал, что попытки в этом направлении предпринимались «в течение войны», причем особенно усилились в 1916 году[14]. Также и мотивы, побуждавшие расширять казенное производство, Сидоров указывал другие. По его мнению, программа отражала стремление правительства «обеспечить себе независимость от буржуазии» в производстве вооружения, добиться экономической самостоятельности России и подготовиться в военном отношении к неизбежной после разгрома Германии экономической и политической борьбе с союзниками по Антанте[15].

Действительно, в то время, когда складывалась программа заводского строительства, Военное министерство было занято исполнением повеления царя привес-

---

[9] ВОРОНКОВА С.В. Материалы Особого совещания по обороне государства: Источниковедческое исследование. М., 1975. С. 116. В этом вопросе Воронкова опирается на мнение А.Л. Сидорова, но он не раскрывает источника сведений об утверждении программы совещанием.

[10] На нем имеется помета Барсукова «Мой личный экземпляр» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 119. Л. 1 и др.). Ссылаясь на этот экземпляр, С.В. Воронкова указывает, что программа была рассмотрена Подготовительной комиссией по артиллерийским вопросам и «подана в Совещание в октябре 1916 года» Маниковским (указ. соч. С. 40, 113). Но на этом экземпляре нет ни чьих-либо резолюций, ни отметок об исполнении, ни входящего номера, нет и препроводительных бумаг.

[11] ВОРОНКОВА С.В. Материалы Особого совещания. С. 73; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 214. Л. 30.

[12] История первой мировой войны. 1914–1918. М., 1975. Т. 2. С. 141–142.

[13] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. 6. С. 575. Раздел написан А.Л. Сидоровым.

[14] Исторические записки. Т. 54. С. 157.

[15] Там же. С. 157, 159, 162–163. Та же мысль выражена в докладе Сидорова 25 апреля 1949 г. (НИОР РГБ. Ф. 632. К. 20. Ед. хр. 4. Л. 11–12).

ти в порядок боевые припасы «ко дню заключения мира». Повеление было сообщено военному министру 15 декабря 1914 г. по частному поводу (предписывалось к указанному дню иметь не менее 2 тыс. выстрелов на орудие и «купить все винтовки», какие предлагает мировой рынок)[16], но рассматривалось «как общее предуказание». Оно, как отмечено в журнале Военного совета от 13 мая 1915 г., «особенно важно», ибо по окончании войны «наступит длительный период дипломатических переговоров, в течение коего наше государство должно быть готовым к возможным осложнениям»[17]. Подобные соображения имелись в виду и при основании других заводов.

Таким образом, стремление развернуть строительство заводов зародилось не в порядке инициативы руководителей ГАУ, а вытекало из принципиальной оценки стратегических задач правительством, которая верно передана в докладе ГАУ от 20 октября 1916 г.

Время составления программы можно определить лишь с относительной точностью. С одной стороны, как указано в докладе, в нем изложена законченная, «полная программа», однако затем упомянуто, что ГАУ намерено представить и «дополнительную» программу, из чего следует, что на самом деле разработка «полной» программы еще не подошла к концу и в октябре 1916 г. С другой же стороны, необходимость постройки ряда объектов вполне выяснилась в 1909–1914 годах[18].

---

[16] На телеграмме начальника штаба верховного главнокомандующего, излагающей повеление, имеется резолюция помощника военного министра: «В ГАУ. Принять к исполнению настоящее высочайшее повеление» (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 720. Л. 298).

[17] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 13. Этим журналом было утверждено предложение ГАУ построить оружейный и сталелитейный заводы — объекты будущей программы.

[18] Двух пороховых, трубочного, взрывчатых веществ, азотной и серной кислот, опытного завода для добывания азота из воздуха, нескольких снаряжательных мастерских (см.: ВПР. Т. 1. С. 434, 436–437; БАРСУКОВ Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.; Л., 1926. С. 95; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение России... С. 144, 445; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 43. Д. 76761. Л. 1–16; т. 46. Д. 1116. Л. 4–5; ф. 2000. Оп. 2. Д. 2871. Л. 14; д. 2440. Л. 598–599; ф. 234. Оп. 1. Д. 26. Л. 5; ф. 369. Оп. 5. Д. 52. Л. 1; и др.). Вопрос о постройке хлопкоочистительного завода был поставлен Военным советом еще в 1900 г. (там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67029. Л. 20–25). Постройка 3-го патронного завода намечалась в 1905 г., она потребовала бы 3,6 млн руб. «Ввиду этого значительного расхода, — говорится в годовом отчете Военного министерства, — ...признано возможным пока подождать с постройкой нового патронного завода, а обратить внимание на возможное усиление деятельности существующих заводов»; поэтому обошлись затратой 139 тыс. руб. (ВПР. Т. 1. С. 268). Здесь сказалось влияние вел. кн. Сергея Михайловича, которого владельцы Тульского частного патронного завода сумели убедить, что вместо постройки нового казенного завода достаточно будет увеличить долю заказов, причитающихся Тульскому. Это решение генерал-инспектора всей артиллерии удивило помощника военного министра Поливанова. «Не понимаю, — написал он на докладе ГАУ. — Ведь выше говорится, что Мобилизационный комитет признал производительность в 685 млн недостаточною. Значит, несмотря на предложение Тульского завода, постройка нового казенного патронного завода, по-видимому, необходима?» «Едва ли принятием этого предложения устранится надобность в постройке нового казенного завода» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1.

Добрый десяток объектов — четверть будущей программы — в той или иной степени был намечен еще до войны. 7 февраля 1915 г. Военное министерство решило построить в Кадиевке бензоловый завод (в августе он вступил в строй)[19]. Осенью 1914 г.[20] началась разработка проектов новых оружейного и сталелитейного заводов, что означало пересмотр довоенных представлений: прежде считалось достаточным расширять имевшиеся оружейные заводы.

История создания оружейного завода приведена Маниковским в качестве примера того, как ему приходилось преодолевать противодействие врагов программы. Автор, по-видимому, считал этот пример решающим доказательством исключительной роли ГАУ в насаждении казенных заводов. Для документального подтверждения он привел две большие выдержки из программного доклада (они-то и составляют весь опубликованный им фрагмент документа; другие извлечения, также дословные, поданы в книге без обозначений цитирования[21]). Одна из этих выдержек, занимающая в первой части «Боевого снабжения» с. 59–69, опубликована с заголовком «Глава V. Соображения о развитии ружейного производства», хотя специально об оружейных заводах в ней ничего не говорится и соображения имеют более общий характер. Заголовок, стало быть, дезориентирует читающего документ. Другая выдержка, в которой об оружейных заводах опять-таки речи не заходит, составляет основу главы VI (с. 71–77), названной «Постройка нового ружейного завода»[22]. Документальный материал потребовался для того, чтобы показать, «какое несочувствие со стороны самого правительства, особенно в лице его финансового и контрольного ведомств, приходилось встречать» при проведении программы. Уместность ссылки на данный документ, в котором об оружейных заводах не идет речи, объяснена тем, что излагаемые (и опровергаемые) в докладе ГАУ возражения выдвигались против всех новых казенных заводов, следовательно, также и против оружейного.

Сопоставление этих возражений, как они приведены в докладе, с тем, что в действительности говорили представители финансового и контрольного ведомств при обсуждении проекта оружейного завода, показывает определенное сходство. Так, на совещании у помощника военного министра 14 апреля 1915 г. представитель Министерства финансов В.В. Кузьминский указывал на необходимость «особой осторожности в расходовании средств казны при том затруднительном положении, в коем она окажется по окончании войны», и высказал опасение, что новому заводу

Д. 67068. Л. 37, 35. ГАУ 27.II.1906 / ВС 16.III.1906). Принятое решение против постройки этого завода было повторено в отчете министерства царю за 1908 г. (ВПР. Т. 1. С. 348).

[19] ИПАТЬЕВ В.Н. Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 444–445; РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 52. Л. 1.

[20] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 115. Л. 8.

[21] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 21–22. Ср.: ВПР. Т. 1. С. 596, 607.

[22] Эти несоответствия были устранены при посмертном переиздании труда Маниковского в 1930 г., когда структура произведения совершенно изменилась и текст подвергся перекомпоновке. Обе выдержки оказались в одной главе 2-го тома под названием «Соображения о мобилизации и развитии военной промышленности», которое больше подходит их смыслу.

потребуются специалисты и они будут отвлечены из существующих заводов «в явный ущерб успеху ружейного производства»[23].

В ходе дальнейшего обсуждения вопроса в Совете министров министр финансов П.Л. Барк и государственный контролер П.А. Харитонов тоже сомневались «в удобоосуществимости сейчас означенной меры»: если в расходах на нужды фронта «недопустимы какие бы то ни было колебания», то, наоборот, «поставленная ныне на очередь мера к обстоятельствам текущей войны, очевидно, прямого касательства не имеет», а потому и не следует в условиях военной дороговизны затевать создание нового завода, все равно фактически строить его едва ли начнут до установления нормальных мирных условий[24]. Примерно такие доводы изложены и в докладе ГАУ с добавлением: «Вот к чему сводятся главнейшие возражения против целесообразности и своевременности широкого строительства новых заводов во время войны»[25].

И все же приведенные высказывания Кузьминского, Барка и Харитонова не подтверждают характеристику позиции финансового и контрольного ведомств, данную Маниковским, так как выступали они вовсе не против программы строительства казенных заводов, а против создания частного предприятия. Представители Государственного контроля, высказавшись в совещании 14 апреля против частного оружейного завода, не только не возражали против создания 4-го казенного (вошедшего позднее, как и 5-й, в программу), но, наоборот, всячески доказывали его преимущества перед частным и ставили условием, что если будет строиться еще и 5-й оружейный завод, «то таковой должен быть, по нашему мнению, только казенным». Кузьминский, заявляя, что казне «едва ли представится возможным» нести расходы по «насаждению» еще одного оружейного завода — частного, в том же заседании обещал, что отпустить деньги «на казенный завод... Министерство финансов и Государственный контроль не возразят». Также и в Совете министров Барк и Харитонов обращали свою аргументацию против устройства не казенного, а частного оружейного завода[26]. Ни в одной из инстанций, через которые прошли проекты 4-го и 5-го казенных оружейных заводов, ГАУ не встретило противодействия ни со стороны Министерства финансов, ни Государственного контроля, ни междуведомственного совещания, ни Совета министров. Правда, прежде чем было решено строить 5-й завод, военный министр В.А. Сухомлинов приложил значительные усилия, чтобы наряду с 4-м казенным заводом создавался и частный (и тогда не потребовался бы 5-й казенный), но те же Барк и Харитонов в Совете министров 10 февраля и 29 мая 1915 г. свели его попытки на нет. Впоследствии эти попытки стали центральным

---

[23] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 43. Д. 78771. Л. 7об., 8об. Ср.: МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 61–63.

[24] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 94об.–95об.; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение России... С. 431–432.

[25] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 62.

[26] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 11об.; оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 102; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение. С. 431–432.

пунктом обвинения в корыстолюбии, выдвинутого против Сухомлинова комиссией, расследовавшей его деятельность[27].

Не подтверждается и заявление Маниковского, будто создания частного завода домогались лишь «отдельные лица» и банковские «комбинации», а ГАУ, разрабатывавшее проекты казенного строительства, об этом якобы «вовсе не просило»[28]. Представлением от 12 мая 1915 г. ГАУ просило разрешения Военного совета выработать условия «постройки пятого (частного) оружейного завода», а 14 апреля 1915 г. на том же совещании, где представители финансового и контрольного ведомств добивались, чтобы 4-й и 5-й оружейные заводы были казенными, начальник соответствующего отдела ГАУ высказывался за то, чтобы 5-й завод был частным[29]. Междуведомственные органы и Совет министров, получается, защищали проекты казенного строительства, может быть, более последовательно, чем артиллерийское ведомство.

Важнейший этап формирования программы начался, по-видимому, в 1916 г. Подталкиваемое Министерством финансов и Государственным контролем[30], Военное министерство возвратилось к старому замыслу постройки казенного орудийного завода[31]. К тому времени окончательно выяснилось, что акционерное общество, строившее в Царицыне орудийный завод для исполнения флотских заказов, сорвало установленные сроки, и 17 февраля помощник морского министра вице-адмирал П.П. Муравьев провел совещание по вопросу о выкупе этого завода в казну, чтобы в последующем перенести туда из Петрограда морские Обуховский и Ижорский заводы. На совещание он пригласил и представителей военного ведомства.

Выражая мнение Военного министерства, начальник его канцелярии генерал А.С. Лукомский заявил, что оно приобретет Царицынский завод («если в нем нет насущной потребности у морского ведомства»), чтобы в нем соединить два новых завода — орудийный и сталелитейный. В противном случае военному ведомству

---

[27] РГВИА. Ф. 970. Оп. 7. Д. 2037. Л. 14–15, 25.

[28] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 78.

[29] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 74; ф. 1. Оп. 1. Т. 43. Д. 78771. Л. 9об.; т. 46. Д. 1125. Л. 102.

[30] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 781. Л. 22. Лукомский — П.П. Муравьеву, 12.II.1916; МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 139.

[31] Вопрос о постройке нового орудийного завода Военное министерство поставило в январе 1912 г., но затем изменило позицию, и в 1913 г. представители ГАУ в междуведомственных комиссиях заявляли, что оно «не нуждается в новом артиллерийском заводе», так как «вся потребность сухопутного ведомства до 1920 г. могла бы быть изготовлена на существующих заводах». 12 февраля 1914 г. на заседании Бюджетной комиссии Думы Кузьмин-Караваев высказал то же мнение. Весной 1915 г., когда междуведомственное совещание распределяло заказ на 3 тыс. орудий, ГАУ снова отклонило предложение Министерства финансов получить их «путем создания нового казенного орудийного завода», и этот заказ — вопреки сопротивлению Министерства финансов — едва не достался строившемуся частному заводу в Царицыне (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 33об.; ф. 369. Оп. 4. Д. 40. Л. 32об.; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 5, 7. Ср.: МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 99, 178).

«придется строить два своих завода и притом в разных местах» (сталелитейный в станице Каменской на Дону и орудийный в Саратове), что менее удобно.

Совещание решило, что морское ведомство все же возьмет Царицынский завод себе и само будет обслуживать потребность Военного министерства в тяжелой артиллерии, а в Саратове следует построить для военного ведомства завод, выпускающий артиллерию средних и мелких калибров. Одновременно было решено «согласовать будущее заводостроительство военного и морского ведомств и разработать план такового». После совещания Лукомский передал в ГАУ принятые решения и потребовал «безотлагательно проводить» вопрос о постройке орудийного и сталелитейного заводов[32].

В скором времени проект сталелитейного завода был существенно дополнен. В его составе пришлось предусмотреть создание снарядного отдела («мастерской»). Возник вопрос даже о создании особого завода крупных и средних снарядов: подготовить проект такого завода артиллерийскому ведомству предлагалось на заседании Особого совещания по обороне 18 мая 1916 г. Выступивший на этом заседании Н.Е. Марков требовал построить казенный снарядный завод, «отложив в сторону» вопрос о том, может ли от этого «впоследствии, после войны, пострадать частная промышленность» (такое опасение высказал съезд металлозаводчиков). Маниковский поспешил заверить совещание, что производство крупных снарядов уже предусмотрено «программой устраиваемого на юге военным ведомством сталеделательного завода»[33], но допустил неточность: проектом сталелитейного завода, утвержденным Советом министров 29 мая 1915 г., в составе будущего завода намечалось производство не крупных и даже не средних, а лишь мелких, трехдюймовых снарядов[34].

Вопрос о расширении производства крупных и средних снарядов был на тот момент еще только поставлен перед ГАУ Подготовительной комиссией по артиллерийским вопросам (Особого совещания по обороне), когда она 13 мая 1916 г. рассматривала предложение Русского общества для изготовления снарядов (б. Парвиайнен) оборудовать с помощью французской фирмы «Шнейдер и К°» отдел средних — 6-дюймовых и 48-линейных — снарядов при Юзовском заводе, если правительство даст заказ на 3,5 млн таких снарядов. Отклонив это предложение, комиссия признала «предпочтительным приступить к устройству казенного снарядного завода» и поручила ГАУ «представить соображение об организации производства снарядов средних и крупных калибров средствами казны»[35]. Именно это указание и побудило ГАУ на другой день, 14 мая, отдать распоряжение временной хозяйственно-строительной комиссии 2-го сталелитейного завода экстренно «представить краткое исчисление

---

[32] Повторно собравшись 26 февраля, совещание подтвердило уже принятое решение и распределило между армией и флотом также и производительность расширяемого Пермского пушечного завода (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 781. Л. 21, 25–28, 51 и об.).

[33] ЖОСО 1916. С. 292.

[34] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 730. Л. 34об.; д. 731. Л. 72 и об.

[35] Там же. Ф. 369. Оп. 3. Д. 73. Л. 343об.–345. Журнал комиссии.

стоимости устройства и оборудования особой мастерской» при 2-м сталелитейном заводе «для изготовления снарядов тяжелой артиллерии» — значительно большей мощности, чем предлагало Русское общество[36]. Строительство этой «мастерской», как показал вскоре подсчет, должно было обойтись казне дороже, чем сам сталелитейный завод, — в 138 млн рублей[37].

Решение о выработке согласованного единого плана строительства военных и морских заводов, по-видимому, не имело практических последствий. Однако артиллерийскому ведомству при составлении бюджета на 1917 г. все же пришлось придать своему заводскому строительству вид своеобразной программы. 15 июня 1916 г. Государственный контроль в ответ на требование ГАУ дать денег на постройку очередного (15-го) завода — Уфимского взрывчатых веществ — выдвинул условие: прежде решить вопрос, возможно ли одновременно соорудить все намеченные заводы. Взвесив затем «степень необходимости каждого из них», следовало выделить первоочередные объекты, а постройку остальных отложить до конца войны. В междуведомственном совещании, созванном Военным министерством по требованию Государственного контроля, соглашения о постройке Уфимского завода взрывчатых веществ достигнуто не было. Представители Министерства финансов и Государственного контроля не шли на уступки, добиваясь, чтобы сооружение заводов военного ведомства развивалось по определенному «общему плану».

6 августа военный министр обратился к председателю Совета министров за санкцией на образование при Военном министерстве особого совещания для рассмотрения вопросов, связанных с этим планом. 22 августа Совет министров «признал необходимым предварительно разрешения данного частного вопроса (о заводе взрывчатых веществ. — *В. П.*) подвергнуть его соображению в Особом под председательством генерала от инфантерии Фролова совещании из высших чинов заинтересованных ведомств» по вопросу об «общем плане сооружения намеченных военным ведомством заводов и степени неотложности каждого из них»[38].

---

[36] Там же. Ф. 505. Оп. 1. Д. 44. Ч. 1. Л. 509. «Мастерская» должна была давать ежедневно 10 тыс. 6-дюймовых, тысячу 8-дюймовых, 200 12-дюймовых снарядов (не считая миллиона в год 3-дюймовых снарядов, выпуск которых намечался еще по проекту, утвержденному в мае 1915 г.).

[37] СИДОРОВ А.Л. К вопросу о строительстве казенных военных заводов. С. 161. Стоимость устройства самого сталелитейного завода, согласно уточненным расчетам, повысилась из-за инфляции с 39 до 52 млн руб. Завод был рассчитан на выпуск около 4 млн пудов мартеновской стали и около 1,3 млн пудов тигельной; ГАУ считало, что «это количество вполне обеспечит» удовлетворение «теперешних нужд армии» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1735. Л. 4об). Осенью 1916 г. в ГАУ поступали из США депеши о готовности заказанных для сталелитейного завода станков, отправка которых в Россию задерживалась из-за отсутствия кредитов на расчеты с поставщиками (там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 13, 330. Залюбовский — Маниковскому, 28.IX, 14.XI.1916).

[38] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5413. Л. 309об., 312; ф. 505. Оп. 2. Д. 46. Л. 7об., 17 и об. 25 августа совещание Фролова утвердило ассигнование, послужившее поводом для этого спора. Ход дела об Уфимском заводе взрывчатых веществ изложен в работе С.Г. Беляева, но завод ошибочно назван в ней пороховым (БЕЛЯЕВ С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика. С. 284).

К сентябрю 1916 г. сложившаяся часть программы — та, о которой официально было уведомлено Министерство финансов, предусматривала сооружение 17 крупных заводов, на что требовалось в ближайшие два-три года не менее 420 млн руб. Выступая 28 августа на так называемом совещании трех министров[39], Барк отметил, что тем самым «открывается лишь начало осуществления разрабатываемой Военным министерством обширной программы строительства по артиллерийскому ведомству» и что в целом она потребует средств, «далеко превышающих упомянутую огромную сумму»[40].

Обрисованные обстоятельства возникновения программы не позволяют считать ее плодом исключительно личной инициативы Маниковского. Дело даже не в том, что формирование ее началось еще тогда, когда ГАУ возглавлял его предшественник Д.Д. Кузьмин-Караваев. Более существенно то, что она явилась результатом деятельности всего государственного военно-хозяйственного аппарата. Некоторые объекты программы намечались и строились по инициативе Совета министров (завод оптических приборов) или под нажимом Особого совещания по обороне и Военного совета[41].

Об отношении высших чинов Военного министерства к формируемой программе можно судить и по работе упомянутого совещания трех министров 28 августа 1916 г., которое должно было решить, вносить ли в государственную роспись на 1917 г. расходы на строительство 11 больших заводов. Как записано в журнале совещания, Барк заявил, что заводы нужно разделить на две группы: с одной стороны, те, которые будут построены быстрее других и пригодятся «для успешного окончания настоящей войны», и, с другой стороны, те, «устройство которых не может иметь значения для настоящей войны», потому что они не вступят в действие «к предположительному времени ее окончания». Такие заводы он предлагал «отнести на вторую очередь» и кредиты на них в смету на 1917 г. не включать. Как видно, Министерство финансов не возражало против строительства ни одного из намеченных заводов, но добивалось умеренности и постепенности в расходах. Постепенность требовалась, по мнению Барка, потому, что подобные «огромные затраты» казенных средств способствуют росту «дороговизны, которая является у нас главнейшею причиною неустройств тыла армии. Участвуя в создании этой дороговизны, — указывал министр финансов, — казенные учреждения и заведения участвуют, таким образом, в подготовке такого экономического состояния в стране, которое может иметь для нее крайне нежелательные последствия»[42]. Ответ ему дали военный министр Шуваев и его помощник Фролов. Сославшись на опыт войны и на «высочайшие предуказания», они доказывали, что сооружение заводов «является мерою безотлагательною»,

[39] Государственный контролер П.А. Харитонов, министр финансов П.Л. Барк и военный министр Д.С. Шуваев улаживали разногласия по проекту сметы Военного министерства на 1917 г.

[40] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2456. Л. 261. Журнал совещания.

[41] Там же. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 223; ф. 29. Оп. 3. Д. 934. Л. 1–3, 7; д. 1990. Л. 18 и об., 25; ф. 369. Оп. 3. Д. 73. Л. 345, 364–367; ЖОСО 1915. С. 130, 133; ЖОСО 1916. С. 304–305, 309.

[42] БЕЛЯЕВ С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика. С. 103–104.

а разделение работ на две очереди представляется «крайне затруднительным и даже невозможным», так как все заводы «необходимы в сущности сейчас же». Если к концу войны заводы и не будут достроены, то «крайняя и неотложная надобность в них в этом случае нисколько не устраняется»: они будут нужны для перевооружения армии и восстановления боевых запасов и «в целях освобождения от заграничных рынков».

Министра финансов «всецело поддержал» государственный контролер, но Военное министерство настояло на своем решении, и в конечном счете из 56,2 млн руб., которые оно просило на строительные работы в 1917 г., в смету ГАУ было внесено 49,8 млн руб., а остальные деньги было разрешено расходовать по мере надобности, с тем чтобы истраченное списывалось на так называемый военный фонд либо оформлялось как срочное сверхсметное ассигнование. Это показывает, что Военное министерство и в данном случае не создавало помех проведению программы, а наоборот, старалось преодолеть встретившееся сопротивление. Запись речей Шуваева и Фролова, если сравнить ее с текстом доклада ГАУ, выглядит как проспект той его части, где идет полемика против «скопидомства».

Примерно в это же время правительство высказало свое отношение к требованиям частных заводчиков о свертывании казенного строительства. Их кампанию против казенных заводов возглавил Совет съездов представителей металлообрабатывающей промышленности — специально созданная для этой борьбы организация[43], которая на своем учредительном съезде в феврале 1916 г. указала на «пагубную» тенденцию правительства «к сокращению в будущем деятельности частных заводов» путем «расширения существующих и постройки новых казенных заводов»[44]. Сведения о последующей деятельности этой организации просачивались в печать скудно, и лишь из опубликованного Маниковским доклада ГАУ стало известно, что 13 июня и 31 августа 1916 г. Совет съездов подал председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру записки, в которых продолжал доказывать, что строить казенные заводы вредно и для частной промышленности, и для финансовых интересов казны, и для обороны государства, и требовал изменить направление промышленной политики: «Путь насаждения новых казенных заводов, на который, по-видимому, вступает военное ведомство, представляется в высшей степени опасным. Целесообразная промышленная политика... должна искать решения вопроса в частной промышленности»[45]. В самом факте выступления металлозаводчиков с подобными требованиями Маниковский усматривал еще одно доказательство того, что в вопросах заводского строительства весь государственный

[43] В приглашении на учредительный съезд, разосланном промышленным деятелям, именно эта задача была указана как одна из основных (ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 642. Л. 106об.–107. Записка «О необходимости учреждения постоянных съездов представителей металлообрабатывающей промышленности»).

[44] Труды I съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. 29 февраля — 1 марта 1916 г. С. 27, 34, 80.

[45] Подлинные записки Совета съездов см.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 15. Д. 11. Л. 70–75. Ср.: МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 75 (аргументация этих записок у Маниковского воспроизведена текстуально не вполне точно).

аппарат (кроме ГАУ) не имел самостоятельной позиции, а находился под «могущественным влиянием» частной промышленности и банков[46].

В действительности это влияние оказалось не таким могущественным, каким его изобразил Маниковский. Получив записку металлозаводчиков от 31 августа 1916 г., Штюрмер внес ее на обсуждение возглавляемого им «Особого совещания для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». 8 сентября совещание приняло решение: «Признать, согласно с мнением военного министра, заявленные в записке предположения не отвечающими точке зрения правительства, а потому не подлежащими осуществлению»[47]. Отклоненная записка металлозаводчиков была передана для сведения в совещание Фролова, разрабатывавшее заводскую программу.

Постановление Особого совещания Штюрмера (оно было учреждено за два месяца до того — вместо наделения «диктаторскими» полномочиями военного министра, чего домогался Маниковский), означавшее поддержку дальнейшей разработки программы, имело вес директивы. Неудивительно, что, добившись такого решения, Военное министерство вдобавок к 17 заводам, расходы на которые были внесены в проект бюджета на 1917 г., включило в программу сооружение снарядной «мастерской», требовавшее расхода 138 млн руб., и еще четырех заводов (орудийного, машиностроительного[48], азотной кислоты и взрывчатых веществ), что повысило размер расходов на строительство новых заводов программы в полтора раза.

Все это делает очевидным, что она не только не противоречила точке зрения правительства, характеру политики царизма в области промышленности, но наоборот, являлась выражением этой политики. Само постановление 8 сентября 1916 г. не вносило чего-либо нового в курс экономической политики. Оно вытекало из одобренного Советом министров 29 мая 1915 г. мнения Барка и Харитонова, что не следует «возлагать преувеличенные надежды на снабжение вооруженных наших сил путем насаждения в России частной промышленности»[49]. Та же линия выражена в журнале Совета министров от 24 августа 1915 г. (утв. царем 7 сентября), где говорится, что правительство отдает «предпочтение, в смысле обеспечения потребностей государственной обороны, казенным заводам перед частными» и стоит на «точке зрения о преимуществах обеспечения потребностей государственной обороны производительностью казенных заводов», стараясь по возможности не делать даже «частичных отступлений» от этой точки зрения[50].

Тем не менее возможности использования имеющейся частной промышленности, конечно, не могли не учитываться при исчислении желательной мощности проектируемых заводов. Расчеты, составленные в обоснование программы, были

---

[46] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 69.

[47] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 679. Л. 147.

[48] Ранее (в июле 1915 г.) предполагалось не строить новый завод, а расширить машиностроительный отдел Тульского оружейного завода.

[49] Там же. Д. 731. Л. 94об.

[50] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 64–65об. ОЖСМ «О заказе Пермскому пушечному заводу полевых скорострельных орудий».

сведены в две таблицы, сравнивающие производительность заводов с потребностями фронта. Первая из них раскрывает процентные соотношения: какова выявившаяся потребность армии в предметах боевого снабжения (100%), какую ее часть покрывают казенные заводы, какую — частные; какая доля потребности не покрыта наличными заводами; какую долю потребности остается, по мнению ГАУ, покрыть расширением казенного производства и какую — расширением частной промышленности. Вторая таблица показывает абсолютное число предметов боевого снабжения, ожидаемых от каждого из существовавших заводов с сентября 1916 до конца 1917 года[51]. Цифровые данные в таблицах обработаны так, что подкрепляют предостережение против «преувеличенных надежд» на частную промышленность.

Если взять для примера данные об орудийном производстве, то они представляются в следующем виде. Согласно первой таблице, имеющиеся казенные заводы в 1914–1916 гг. покрывали 47,5% потребности в трехдюймовых пушках, а частные — 11,86% (остальные 40,64% — не покрытая русскими заводами потребность). Здесь очевидна относительная слабость частной промышленности.

Однако, согласно второй таблице, из нужных фронту 6745 орудий все существующие заводы могли дать 4006, в том числе на долю казенных заводов приходилась теперь уже меньшая часть — 1786 орудий (т. е. 26,48%), а частные заводы оказывались способными дать 2220 (т. е. 32,91% общей потребности).

Разница объясняется тем, что в первой таблице Путиловский завод отнесен к числу казенных, а во второй таблице тот же завод показан в графе частных предприятий, из числа же казенных исключен, отсюда соответствующее повышение доли частных предприятий[52].

Опираясь на подобные подсчеты, ГАУ так характеризовало наличное состояние орудийного производства. Несмотря на «самые энергичные меры», принятые этим ведомством «с самого начала военных действий», полностью удовлетворить потребность фронта в орудиях не удавалось, так как частная промышленность обнаружила свою «совершенную неприспособленность к этому специальному производству» и «не могла оказать существенной помощи»: даже в изготовлении простейших пушек ее предложения «не обещают особого успеха». Потому и приходится, чтобы избежать заграничных заказов, «самому военному ведомству озаботиться принятием надлежащих мер» — ведь производство орудий успешно развивается лишь на ведомственном Петроградском орудийном заводе[53].

---

[51] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 338, 342.

[52] Зачисление Путиловского завода в категорию казенных либо частных коренным образом изменяло общий результат подсчетов. Собственностью казны этот завод к октябрю 1916 г. еще не стал, но уже было решено выкупить его у частных владельцев и он перешел (с конца февраля 1916 г., вскоре после упомянутого совещания в Морском министерстве о Царицынском заводе) в ведение и управление ГАУ — пока лишь как секвестрованный. (В отношении же Царицынского завода выкупная операция уже началась: работала оценочная комиссия.) Так что твердых оснований учитывать будущую производительность наиболее мощного завода в составе той или иной категории не было и составитель таблиц имел поле для маневра цифрами.

[53] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 358 и об. Легенда к орудийному заводу в г. Саратове.

Чего стоит эта уничтожающая характеристика всей пушечной индустрии по сравнению с подведомственным ГАУ заводом, показывает более поздний подсчет самого же Маниковского: один частный завод, Путиловский, с июля 1915 по февраль 1916 г. (до секвестра) изготовил по заказам ГАУ орудий немногим меньше, чем все казенные заводы[54]; к началу 1916 г. он выпускал по 100 с лишним трехдюймовых полевых пушек в месяц, в то время как казенные Петроградский орудийный — около 30, а Пермский — 70[55].

Таким образом, доказать «неприспособленность» частной промышленности к изготовлению легких пушек оказалось возможным лишь после того, как крупнейший частный завод перешел в казенное управление.

Применялись и другие аналогичные методы подсчетов. Интересна в этом смысле еще одна таблица, приведенная в объяснительной записке к программе с целью подытожить и подтвердить предшествующие общие рассуждения о преимуществах казенного производства. Она озаглавлена: «Сравнительная таблица заготовительных цен на частных и казенных заводах в 1916 году». Сравниваются в ней «средние цены», по которым частные и казенные заводы давали снаряды, порох, взрыватели, дистанционные трубки. Разницу между «средними ценами» казенных и частных заводов таблица показывает в общей сумме свыше 1 млрд руб., и эта разница именуется «переплатой», поскольку, как разъяснено в тексте, цены казенных заводов непосредственно отражают себестоимость изготовляемых предметов (их бухгалтерия «дает *истинную стоимость изделий*»), а от частных заводов «казна получает цены, *заведомо преувеличенные* против себестоимости». Отметив огромное вздорожание частных поставок, ГАУ утверждало, что «предел этому могли бы положить только *мощные* казенные заводы, если бы их было достаточно». Этим и объяснялось, что программой намечено построить новые заводы «в таком количестве», чтобы они служили «надежным регулятором цен»[56].

На первый взгляд, «средние цены» дают представление о сравнительном размере затрат. В самом деле, «средняя цена» одного трехдюймового шрапнельного снаряда, изготовленного на частном заводе, — 15 руб. 32 коп., в то время как казенные заводы брали по 9 руб. 83 коп. за снаряд: явная переплата 5 руб. 49 коп. на каждом снаряде! Казна израсходовала бы в 1,5 раза меньше средств, имей она возможность получать шрапнель только с собственных предприятий.

Но действительно ли в таблице проставлены «средние» цены? Из пояснения к ней следует, что приведенные цены являются средними не для всех казенных заводов: речь идет о заводах лишь горного ведомства и самого ГАУ (Ижевском). Включение в расчет морских заводов, изготовлявших в 1916 г. шрапнель по цене от 12 руб. до 12 руб. 82 коп. за снаряд[57], сильно поколебало бы «среднюю цену»

---

[54] 1869 орудий против 2350 (в пересчете разных калибров на трехдюймовый для удобства сравнения по трудоемкости).

[55] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 166–167.

[56] ВПР. Т. 1. С. 604, 606.

[57] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 548. Л. 185об., 378об., 382об. Цены, утвержденные в ян-

(9 руб. 83 коп.). Таким образом, в таблице помещены не «средние цены», а избранные — только по двум разновидностям казенных заводов.

В своих объяснениях к программе ГАУ утверждало, что в ценах казенных предприятий учтены «и погашение имущества, и содержание заводской администрации, и вообще, все расходы, связанные с производством»[58], словом, отражена полная себестоимость. Проверка этого заявления дает иной результат. Согласно более раннему (1913 г.) разъяснению ГАУ, его заводам «независимо от даваемых им нарядов» ежегодно отпускались «определенные суммы», достигавшие 20% цеховой стоимости, в частности, и на ремонт зданий и оборудования, и на содержание «постоянных мастеров и подмастерьев», и на другие «совершенно необходимые общие расходы»[59]. Та же система параллельной оплаты расходов по нарядам (включаемых в «цену») и одновременно затрат на содержание и расширение заводов (в «цену» изделий не входивших) действовала и на горных заводах. В ценах изготовлявшихся ими для военного ведомства предметов не отражались многие миллионы рублей, отпущенные им в 1913–1916 гг. на новое оборудование и постройки, а также затраты на железную руду и древесное топливо[60].

Наконец, в прямом смысле несчитанные деньги казенные заводы черпали из так называемого военного фонда. Петроградскому арсеналу ввиду усиленных «по случаю военного времени» работ не хватило в 1915 г. средств, ассигнованных по плану, составленному в марте 1914 г., и пришлось в сентябре 1915 г. ходатайствовать о дополнительном отпуске 190 тыс. руб. «на наем мастеров, хозяйственные наряды и ремонт механизмов», а главное, на покупку каменного угля. Как доложило Военному совету ГАУ, эти дополнительные (сопоставимые, впрочем, с плановыми) расходы

варе–мае 1916 г. Но и эти цены не говорят о всех издержках на производство снарядов морскими заводами: помимо тех денег, какие им платило военное ведомство в качестве заказчика (свыше 12 руб. за снаряд), они получали часть средств на содержание своего личного состава и на оборудование («для установления новых производств и расширения существующих») от правительства по морской смете (ВОГК за 1915 г. Пг., 1916. С. 47–48).

[58] ВПР. Т. 1. С. 604.

[59] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1115. Л. 40об. ГАУ 17.VII.1913 / ВС 3.X.1913. На казенных военных заводах чины администрации получали различные доплаты (там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 970. Л. 54–57, 73). Из объяснений администрации Петроградского орудийного завода видно, что в 1914–1916 гг. «плановые» расходы этого предприятия, не отражавшиеся в «ценах» изделий, изготовляемых по нарядам, составляли по некоторым статьям столько, сколько она находила нужным, при одобрении ГАУ, как правило — до 70%. Входило же в «цену» изделия лишь 30% «плановых», по номенклатуре, затрат. Сюда относились, например, расходы на нефть, осветительные и смазочные масла, наем некоторых категорий рабочих, вся стоимость одежды для них (там же. Ф. 504. Оп. 6. Д. 33. Л. 7–10, 11об., 14, 19об., 21об. Перечень расходам на годовой круг действия Петроградского орудийного завода в 1916 г., независимым от даваемых ему нарядов, июнь 1915 г.). В 1905 г. это соотношение было несколько ниже: давая заводу наряд на изготовление угломеров для полевых батарей на 23 тыс. руб. (по 55 руб. за штуку), ГАУ одновременно предоставило средства и «на установы, приспособления и шаблоны», а также на станки — еще 20 тыс. руб. (там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67059. Л. 2а–об., 3. ГАУ 1.III.1905 / ВС 3.III.1905).

[60] ДБК III/2. СПб., 1909. Т. 2. Прилож. к № 50. С. 35–36.

«можно было бы... отнести на кредиты, за счет которых выполняются наряды на изготовление различных изделий, но ГАУ, во избежание... чрезмерного повышения стоимости этих изделий... полагало бы необходимым отпустить Петроградскому арсеналу просимую им сумму в 190 тыс. руб. из военного фонда». Военный совет 19 сентября 1915 г. согласился с таким способом предотвращения «чрезмерного повышения стоимости» изделий Арсенала[61]. Таким образом, свои «перерасходы», обусловленные ростом цен на приобретаемые на рынке сырье, материалы, механизмы и отчасти на рабочую силу, ведомства лишь фиксировали в документах, подсчет же истраченных средств должен был начаться после войны.

Всякому, кто усомнился бы в целесообразности затраты многих сотен миллионов рублей на строительство новых заводов, сконструированный описанными способами подсчет миллиардной экономии должен был показать выгодность программы ГАУ для казны[62].

Военное министерство и Горный департамент применяли тот же прием уже не раз. Например, 3 ноября 1915 г. Совет министров занимался таким же сравнением цен на снаряды и легкие орудия. Цены казенных горных заводов убедили его в «чрезмерной преувеличенности» платы, которую требовали за свои изделия частные предприятия. В журнале Совета министров указано, что «цена на трехдюймовые шрапнели, поставляемые горным ведомством, колеблется между 6 руб. 40 коп. (по нарядам, полученным казенными горными заводами перед войной. — *В. П.*) и 8 руб. 50 коп., а последние заготовительные цены для частных заводов достигают 14 руб. 25 копеек[63]». Совет министров отметил «несравнимо более низкие» цены горных заводов, «разительное отличие стоимости заготовления предметов боевого снабжения на казенных горных заводах и заводах частных»[64]. Он с одобрением

---

[61] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 942. Л. 174–175.

[62] Сведения о миллиардной «переплате» вследствие их хрестоматийной наглядности без проверки вошли в учебную литературу (см., например: ПИОНТКОВСКИЙ С.А. Очерки истории России в XIX–XX вв. Харьков, 1928. С. 269; ЕГО ЖЕ. Очерки истории СССР XIX и XX вв. М.; Л., 1935. С. 437; КЕРСНОВСКИЙ А. История русской армии. Белград, 1938. Ч. 4. С. 758; Развитие советской экономики. М., 1940. С. 40), используются и в научной: РИВКИН Б.Б. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1939. С. 17–18; КОНЯЕВ А.И. Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959. С. 138; ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 234; ЕГО ЖЕ. Государственно-монополистический капитализм. С. 181; МИНЦ И.И. История Великого Октября. Т. 1. С. 113; МАЕВСКИЙ И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 2003. С. 233; СИДОРОВ А.Л. Исторические предпосылки. С. 47–48; ЕГО ЖЕ. Экономическое положение... С. 120–121; ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 165 (Лаверычев, ссылаясь на указанное место в книге Сидорова, называет, однако, более умеренную «переплату» — «десятки миллионов рублей»); HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Königstein, 1980. S. 78, 234. Fn. 38.

[63] Цена по контракту с небольшим заводом фирмы «Пелла», привлеченным Центральным военно-промышленным комитетом (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 923. Л. 339–345).

[64] Из объяснений ГАУ, представленных Военному совету, Исполнительной комиссии и Особому совещанию по обороне, видно, что «цены» на военную продукцию казенных горных

отозвался об инициативе начальника ГАУ, выступившего 23 октября в «Новом времени» с официальным заявлением о том, что «до сего времени» военно-промышленными комитетами «не поставлено ни одного снаряда», а все те снаряды, которые прибывают на позиции, получены по «заказам, данным ГАУ в прежнее время, до открытия военно-промышленных комитетов». Правительство нашло «существенно необходимым» предоставить газетам «известную свободу суждений» по данному вопросу, с тем чтобы сведения о недостатках в деятельности военно-промышленных комитетов чаще «проникали в повременную печать» и общественное мнение отучалось противопоставлять преуспевающие общественные организации — правительственным органам, «оказавшимся будто бы несостоятельными»[65].

По этому камертону настроилось «Новое время». 9 и 12 января 1916 г. ведущий публицист газеты М.О. Меньшиков выступил с большой статьей «Железный век», в которой обращал внимание на огромную и недооцененную роль казенных заводов в снабжении армии. Развертывание строительства военных заводов «Новое время» предлагало считать «наиболее очередною и ближайшей» задачей. Противники казенных заводов, писал Меньшиков, постоянно задают «старый, почти метафизический вопрос»: да нужны ли казенные заводы, не достаточно ли частных? Ссылаются при этом на плохое хозяйничание казны. «Но вот в чем беда, — возражал на это публицист. — Если имеется история плохого казенного хозяйства, то ведь есть уже история плохого и частного хозяйства. Какое из них разорительнее для казны — еще большой вопрос». Вновь обратившись к этой теме в статье «Стратегия власти» (21 января), Меньшиков упрекал «людей высшей власти» за опоздание с постройкой военных заводов и приходил к выводу, что в этом — «главная причина наших нынешних затруднений».

заводов назначались произвольно — без учета реальных условий производства, но, как и на заводах ГАУ, с оглядкой на возможное сопоставление с ценами частных заводов. Например, учрежденная Маниковским комиссия («комиссия начальника ГАУ») 4 сентября 1916 г. предложила Особому совещанию по обороне дать Воткинскому заводу заказ на 62 тыс. 48-лин. бомб и одновременно для успеха этого дела — 651 500 руб. на дополнительное оборудование (сверх уже истраченных на оборудование 950 тыс. руб.). «Принимая во внимание, что повышение казенному заводу стоимости снаряда до 60 руб. могло бы неблагоприятно отразиться на частных заказах, Комиссия находила предпочтительным» (!) оформить ассигнования, «не вводя стоимость оборудования в стоимость изделий»; в таком случае военное ведомство принимало 651500 руб. на счет своих «строительных ассигнований». Доклад в этом смысле утвердил председатель Особого совещания по обороне 21 сентября, Исполнительная комиссия при военном министре — последняя инстанция — 28 октября. В результате «цена» была указана не 60, а 36 руб. (там же. Д. 754. Л. 262 и об.; ф. 369. Оп. 16. Д. 265. Л. 1–2, 4).

[65] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1915 г. Ч. 1. Д. 10. Ч. 13. Л. 10–15об. ОЖСМ, утв. царем 18 ноября 1915 г. 23 октября Петроградское охранное отделение сделало из агентурных донесений вывод и доложило его правительству, что «основная идея тактики» умеренных кадетов — «систематическое дискредитирование деятельности правительственных органов постоянным противупоставлением образцовых действий общественных учреждений» и что кадеты испуганы слухами «о намерении правительства в самом близком будущем ограничить сферу деятельности и компетенцию» этих учреждений (Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 66, 68).

В тон ему выступил 24 и 29 февраля в Думе правый депутат Н.Е. Марков, который требовал, чтобы правительство развивало «всякие виды» казенного хозяйства[66], и подробно остановился на «дурной стороне деятельности общественных организаций: они слишком подняли цены на предметы государственной обороны». «Вот справка, взятая из одного очень верного источника...» — сказал он и дословно воспроизвел все те сопоставления цен, какие имелись в журнале Совета министров от 3 ноября 1915 г. Цитирование сопровождалось издевательской оговоркой: цифры приводятся «не для того, чтобы опорочить» военно-промышленные комитеты; дело лишь в том, что «нельзя так огульно хвалить только общественные организации и только порицать казенные... Предметы государственной обороны изготовляются там примерно вдвое дешевле, чем патриотически настроенными общественными организациями и частными заводами». Эти выступления и идеи отвечали не только указаниям правительства, но и пожеланиям всероссийского съезда правых организаций, ссылавшихся на выступление Маниковского 23 октября и требовавших «ввиду слабой деятельности» и «полной неспособности» военно-промышленных комитетов, чтобы правительство взяло в руки казны «все частные заводы», изготовляющие предметы боевого снабжения[67].

Не менее весомым аргументом, чем подсчет «переплат», должно было служить развитое в докладе ГАУ соображение о невосприимчивости к забастовкам, будто бы свойственной казенным заводам. «Нельзя оставить не отмеченным, — говорится в докладе, — еще одного преимущества казенных заводов, весьма рельефно обнаружившегося во время войны, именно — исключительной *надежности* их работы. В то время как частные заводы переживают *постоянные* забастовки, на казенных — они лишь самое редкое явление. Лучшей иллюстрацией в этом отношении может служить самый крупный частный завод — Путиловский, который только тогда стал как следует работать на оборону, *когда перешел в казенное управление*»[68].

Действительные обстоятельства прекращения путиловской стачки, закончившейся переходом управления заводом в руки артиллерийского ведомства, не оставляют сомнений, что в данном случае решающую роль в «успокоении» сыграли не какие-то специфические особенности казенных заводов, а вполне общеупотребительное средство: правительство пошло на физическое изъятие наиболее беспокойной части рабочих-путиловцев и отправило их под немецкие пули.

Угрозу в этом смысле рабочие услышали в самом начале забастовки, 5 февраля 1916 г., когда главный начальник Петроградского военного округа приказал закрыть завод и выслать всех военнообязанных в распоряжение воинских властей для отправки на фронт. Однако 10 февраля, считая, что арестами, локаутом и запугиванием забастовка сломлена, та же власть отменила распоряжение о призыве военнообязанных и разрешила допустить к станкам всех рабочих, не исключая и

---

[66] СОГД IV/4. Пг., 1916. Ч. 2. Стб. 1962, 2464–2465.

[67] Союз русского народа. М.; Л., 1929. С. 338, 332; SIEGELBAUM L. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917. N. Y., 1983. P. 106, 249.

[68] ВПР. Т. 1. С. 605.

не принятых администрацией на завод после локаута[69]. 17 февраля, получив от заводской администрации сведения о вновь усилившемся забастовочном движении, Особый комитет для объединения мероприятий, принимаемых военными и гражданскими властями в Петрограде, решил дать путиловцам срок три дня, а с исполнением угрозы подождать[70].

21 февраля начальник ГАУ доложил военному министру, что заводу опять угрожает забастовка — с понедельника 22 февраля, причем раз «в предыдущей схватке одолели рабочие», то «теперь сладить с ними будет нелегко». «Как я уже неоднократно доносил, — писал Маниковский, — то мирволенье и пасование перед рабочими, какое допускается в Петроградском военном округе, до добра не доведет, и пора правительству взяться за ум! Прошлый раз дело было испорчено жестоко: объявления вывесили, но угроз не исполнили (рабочие *громко* праздновали свою победу); теперь будет потруднее, *но урок дать надо* — иначе пойдет такая эпидемия забастовок, с какой уже не справиться никакими силами!»[71].

Правительство, однако, уже «взялось за ум»: в понедельник Штюрмер запросил военного министра о том, что́ сделает его ведомство для ликвидации «наблюдаемых ныне среди рабочих названных заводов волнений» и как оно думает предупредить повторение их в будущем. Учитывая, что меры, предложенные Особым комитетом 17 февраля, «сегодня же» (23 февраля) будут рассмотрены Советом министров, Военное министерство решило, что нет нужды еще что-нибудь изобретать[72]. В тот же день путиловцев, числившихся ратниками 1-го и 2-го разрядов срока службы 1915 и 1916 гг., и рабочих 19–20-летнего возраста призвали на военную службу. Всего было призвано свыше 2 тыс. путиловских рабочих. На их место к станкам поставили солдат[73]. Оценивая тактику правительства, Петербургский комитет большевиков разъяснял: царизм хочет «отнять у пролетариата всякую возможность сопротивления, прикрепить его к станкам... под угрозой смертной казни, будь то прямо расстрел или отправка на фронт»[74].

Для уяснения духа, общей направленности доклада ГАУ от 20 октября 1916 г. важно учесть, что в официальных инстанциях мера, примененная на Путиловском заводе, вызвала разное к себе отношение. На заседании Думы, специально посвященном путиловскому инциденту, П.Н. Милюков выразил мнение либеральной оппозиции, заявив как бы от имени «патриотически» настроенных рабочих, озабоченных сохранением общенационального единения: «Рабочие говорят: мы не желаем,

---

[69] Рабочее движение в Петрограде в 1912–1917 гг.: Документы и материалы. Л., 1958. С. 432, 439.

[70] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1915 г. Д. 14. Л. 92–95.

[71] РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 38. Автограф с пометой Лукомского: «Военному министру доложено. 21 февраля».

[72] Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Ч. 2. Л. 371. Справка Лукомского на письме Штюрмера с резолюцией Поливанова.

[73] Рабочее движение в Петрограде. С. 443–444, 633.

[74] Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. Л., 1939. Т. 2. С. 198.

чтобы наших товарищей и нас самих брали на фронт и чтобы на это смотрели как на унизительное наказание, в то время, когда мы сами считаем, что это есть долг каждого гражданина»[75]. Возражавший ему Марков дал свое идейное обоснование произведенной расправы. Работающего на заводе пролетария, говорил он, «избавили от ежедневной опасности получить пулю в лоб», а он теперь, не ценя этого своего выгодного положения, еще рассуждает, «хочет он или не хочет быть солдатом». «Этот солдат, — продолжал Марков, — который отказался работать на вооружение, хочет еще иметь право и ничего не делать, хочет быть избавленным от смертельной опасности...»[76]. И он доказывал, что, отправляя забастовавших рабочих под пули, военное ведомство правильно подходит к делу.

Как раз в момент, когда составлялась программа, начальнику ГАУ пришлось принять участие в этом споре. Если забастуют «отдельные рабочие из военнообязанных, или группы их, или даже все они», то их, «конечно», следует отправлять на фронт, говорилось в подготовленном Маниковским ответе Военного министерства на запрос думской оппозиции. «Ничего не только незаконного, но даже неправильного и нежелательного в этом усмотреть нельзя... Или действующая армия, или работа на оборону государства — ничего иного для военнообязанного не остается. Если отправляемый считает фронт "каторгою", как сказано в запросе, тем хуже для него, тем строже сам он осуждает свое поведение». Здесь Маниковский привел в виде примера путиловский инцидент и, умалчивая о репрессиях, изобразил дело так, что сам по себе переход завода в казенное управление устраняет почву для забастовок: «рабочая масса, занятая на казенных заводах, понимает» важность работ «на оборону», ценит заботу начальства и потому «в стачечном движении почти не участвует»; недаром «со времени перехода в казенное управление Путиловского завода забастовки в нем, прежде так часто нарушавшие правильный ход работ и приводившие к серьезным конфликтам между рабочими и властями, совершенно прекратились»[77]. В ложном свете рисуя положение рабочего вопроса на казенных заводах, Маниковский в октябре 1916 г., конечно, не предвидел, что не пройдет и четырех месяцев, как именно с Путиловского завода распространится то движение, которое приобретет невиданный после 1905 г. размах и в котором рабочие артиллерийского и других ведомств сыграют не последнюю роль.

Под пером историков Февраля Маниковский нередко приобретает облик оппозиционно настроенного, чуть ли не буржуазно-либерального деятеля. Н.Н. Берберова и Н.Н. Яковлев записали его в масоны. В отличие от них В.И. Старцев считал при-

---

[75] СОГД IV/4. Ч. 2. Стб. 2865. Того же смысла резолюцию принял 29 февраля 1916 г. II съезд военно-промышленных комитетов.

[76] Там же. Стб. 2878–2879.

[77] Цитируемую записку Маниковский подал 9 октября 1916 г. Начальник Канцелярии Военного министерства вскоре его уведомил, что она доложена министру 20 октября; данный в ней ответ признан «исчерпывающим» и будет оглашен в Думе, когда придется отвечать на запрос от 14 июня 1916 г. (РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 360. Л. 3, 5–9, 12). Запрос, однако, в Думе не получил хода. Текст запроса, подписанного главным образом трудовиками, меньшевиками, мусульманами и кадетами, см.: Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 295–307.

надлежность Маниковского к масонам «пока недоказанной». Но и по его мнению, «на Маниковского... радикально-масонские круги русской буржуазии могли вполне положиться»[78]. Пользуясь сфабрикованными в 1939 г. в госбезопасности показаниями Н.В. Некрасова, Старцев вслед за Яковлевым писал об участии Маниковского в «подготовке военного переворота» — якобы в составе «группы оппозиционных царскому правительству генералов... Готовилась группа и в с. Медыха, где были большие запасные части, в полках Петрограда и другие»[79].

Единственный повод подозревать Маниковского в оппозиционности и либерализме давали тенденциозно истолкованные свидетельства С.П. Мансырева и С.И. Шидловского, участников совещания членов Государственной думы в Полуциркульном зале 27 февраля 1917 г. По их сообщению (оно подтверждается ныне опубликованным протоколом совещания), при обсуждении думцами вопроса о создании новой власти известный своей левизной кадет Н.В. Некрасов заявил: «У нас теперь власти нет, а потому ее необходимо создать. По-моему, было бы правильно передать эту власть какому-либо пользующемуся большим доверием военному человеку вместе с несколькими представителями Государственной думы». Подходящим лицом, по его мнению, «был бы генерал Маниковский»[80]. В соответствии с такой его аттестацией, публикатор протокола совещания С.М. Ляндрес, подобно Мансыреву, именует Маниковского «популярным генералом»[81]. Но другой

---

[78] СТАРЦЕВ В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 184; ЕГО ЖЕ. 27 февраля 1917 [года]. М., 1984. С. 154.

[79] СТАРЦЕВ В.И. Тайны русских масонов. С. 126; БРАЧЕВ В.С. Между мистикой и политикой. Русские масоны начала XX века. СПб., 2005. С. 327. Яковлев, цитируя показания Некрасова, исказил название села: в автографе Некрасова это не «Медыха», а Медведь — село между Лугой и Новгородом, где размещался известный дисциплинарный батальон.

[80] Февральская революция. 1917. М., 1996. С. 146; LYANDRES S. Zur Errichtung der revolutionären Macht in Petrograd: Neue Dokumente über die inoffizielle Beratung von Mitgliedern der Staatsduma am 27.2.1917 // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1917. Unternehmertum in Rußland. Berlin, 1998. S. 312. Протокол частного совещания.

[81] ЛЯНДРЕС С.М. Протокольная запись «частного совещания» членов Государственной думы 27 февраля 1917 г. как источник по истории парламентаризма в России // История парламентаризма в России. СПб., 1996. Ч. 2. С. 108 (цит. по: НИКОЛАЕВ А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 74). Мансырев в мемуарах, излагая выступление Некрасова, назвал Маниковского «одним из популярных генералов» (наряду с Поливановым), а первоначально, в нововременском пропагандистском издании 1917 года, даже «одним из популярных среди населения военных генералов наших» (МАНСЫРЕВ С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Историк и современник. Историко-литературный сборник. Берлин, 1922. С. 27; Русская будущность. 7.VIII.1917. С. 5). Еще более популярным изобразила Маниковского княгиня Л.Л. Васильчикова: «Маниковский пользовался большим авторитетом в военных кругах и за его успешную работу по снабжению снарядами армии был известен и популярен среди мастеровых на заводах, работавших на оборону» (ВАСИЛЬЧИКОВА Л.Л. Исчезнувшая Россия. СПб., 1995. С. 358). Разумеется, из всех петроградских генералов только Маниковский распоряжался чуть не всеми военными заводами страны, как же ему не быть «известным» рабочим этих заводов.

мемуарист, Шидловский, хотя сначала тоже воспроизвел некрасовскую оценку «популярный генерал», все же затем от себя сделал пояснение, которое ограничивает ореол популярности: Маниковский у него — генерал, «пользовавшийся большой популярностью среди прикосновенных к военному делу членов Думы»; по свидетельству В.Г. Федорова, Маниковский пользовался «громадным авторитетом в высших военных кругах»[82]. Это нечто иное, чем генерал, «популярный среди населения» или «среди мастеровых».

Имя начальника ГАУ не случайно пришло на ум Некрасову: молва о Маниковском как «решительном», с «энергией и напором», «кипуче деятельном» генерале[83] принесла ему доверие и популярность в определенных думских кругах. (Уже началось и рекламирование «революционности» нового Бонапарта — рассылалась телеграмма, датированная также 27 февраля и достигшая Тифлиса: «Во главе восставших войск... стоит начальник ГАУ генерал Маниковский»[84].) У тех, для кого «народ», «общество» отделялся от «быдла» Табелью о рангах и кто думал только о скорейшем «восстановлении порядка» путем учреждения диктатуры, ценилась прежде всего тяжелая рука.

Как подытожил состоявшуюся 27 февраля дискуссию думцев о Маниковском третий мемуарист, предложение Некрасова «было отвергнуто, так как, по их мнению, Маниковский мог бы превратиться в диктатора, прикрывшись в то же время авторитетом Государственной думы»[85]. Дело уже и подошло к тому, что́ испугало думцев, заседавших в Полуциркульном зале: увидев, что Маниковский — это тот самый «решительный генерал», какой именно и нужен, к нему ринулся в тот же вечер член Думы И.С. Васильчиков, взяв с собой камергера Д.Л. Вяземского (своего шурина) и М.И. Терещенко. Эти представители (высшего) «общества», озабоченные ликвидацией беспорядков, попытались убедить Маниковского «взять на себя командование в Петербурге»[86].

По наблюдениям знавших его артиллеристов, Маниковский отличался «смелостью в решениях», «колоссальной кипучей энергией»; он «брал все решения на одного себя, он с маху разрубал все встречавшиеся препятствия своими быстрыми и энергичными приказаниями»[87]; он располагал опытом укрощения бунтов в 1905–1906 гг. Тем не менее предложение сиятельных представителей «народа»

---

[82] ШИДЛОВСКИЙ С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 52–53; ФЕДОРОВ В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. М., 1939. Ч. 2. С. 79.

[83] ДАНИЛОВ Ю.Н. Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 374; ЗАЛЮБОВСКИЙ А.П. Снабжение русской армии в великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936. С. 2, 3.

[84] Кавказское слово. 8.III.1917. Цит. по: НИКОЛАЕВ А.Б. Революция и власть. С. 173.

[85] РЫСЛЕВ А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо. 18.IV.1917. Цит. по: НИКОЛАЕВ А.Б. Думское участие в механизме функционирования временной власти: 27 февраля — 3 марта 1917 г. // The Soviet and Post-Soviet Review, 24. № 1–2 (1997). P. 130.

[86] ВАСИЛЬЧИКОВА Л.Л. Указ. соч. С. 358.

[87] ФЕДОРОВ В.Г. Оружейное дело. Ч. 2. С. 79.

Маниковский отклонил, сославшись, как пишет несколько невнятно А.Б. Николаев, «на несвоевременность своего вмешательства в происходящие события»[88]. Если в тот день, в ту ночь «несвоевременно», то когда же? Хорош же «решительный» генерал! Но ответ Маниковского в более полном виде делает его позицию понятной: «Маниковский ответил, что его вмешательство несвоевременно, так как Государь уже командировал в Петербург генерала Иванова во главе с Георгиевским батальоном, которому будет легко справиться с мятежом»[89]. Ответить иначе он и не мог (исключая, конечно, необходимую инверсию: батальон во главе с Ивановым), получив, как и другие высшие военные чины, сведения о чрезвычайных полномочиях, которыми уже наделил Иванова царь.

Его ответ едва ли согласуется с версией о либеральном, оппозиционном и «популярном в народе» генерале, но зато сходится с представлением Некрасова о предложенном им кандидате в диктаторы: Некрасов уже в ходе того же частного совещания 27 февраля осознал, что поторопился со своим предложением, поскольку и сам не сомневался, что «при водворении порядка ген. Маниковский мог затопить Петроград кровью». Уяснить свою ошибку ему помогли возражения других участников дискуссии о диктаторе: они не хотели «передачи власти в старые руки» (М.И. Коваленко), «опять генералу из старого правительства» (В.А. Ржевский), и предпочитали Маниковскому Поливанова, который даже пусть тоже генерал из старого правительства, «и старше, и менее энергичен, но зато более популярен» (Н.В. Савич), власть же «по проекту Некрасова» «не может быть авторитетной в глазах народа» (Н.К. Волков, М.С. Аджемов)[90].

Своего рода «популярность» Маниковского в верхах общества и «доверие» к нему как возможному диктатору не могут удивлять: он являлся уже на протяжении более полугода одним из ревностных и открытых сторонников идеи установления военной диктатуры, выступая с нею не только в переписке с единомышленниками, но и добиваясь официального решения Николая II.

«Конечно, если бы можно было, как Вы пишете, "плюнуть на все формальности и на всех мешающих и тормозящих", то дело пошло бы лучше, это несомненно, — писал Маниковский Барсукову в Ставку 6 июня 1916 г. — Но жаль, что Вы не дописали: а *как* это сделать. Где тот силач, который смог бы это сделать. Где тот *истинный "диктатор", по которому стосковалась Земля Русская*. Разве Вам не ясно, что не у меня одного *руки коротки*, а и у тех, кому и здравый смысл и настоящее серьезное положение подсказывают удлинить их до любого предела... От всего этого

---

[88] НИКОЛАЕВ А.Б. Революция и власть. С. 173.

[89] ВАСИЛЬЧИКОВА Л.Л. Указ. соч. С. 358. В личной переписке с генералом Н.И. Ивановым Маниковский не раз именовал этого своего единомышленника «наш страстотерпец». Для подавления народного движения в Петрограде Николай II предоставил Иванову, конечно, не один только Георгиевский батальон, а, сверх того, отряд силой, для начала, в две пехотные и две кавалерийские дивизии плюс артиллерийские и пулеметные части.

[90] Февральская революция. 1917. С. 146–148; LYANDRES S. Op. cit. S. 311–315. Протокол частного совещания.

у меня так изболелась душа... И если я не извожу, как раньше, Алексеева просьбами и мольбами отпустить меня на фронт, то поступаю так лишь в силу обета, данного мною государю, который лично просил меня остаться, сказал, что верит мне и считает мое пребывание в ГАУ необходимым. Эти слова свои государь скрепил своим поцелуем. Вот я и думаю: смею ли я при теперешних условиях проситься с *поста такой важности* (слова государя)... Подумайте над создавшимися условиями, и тогда, я надеюсь, Вам станет ясно, у кого в руках сейчас судьба России; меньше всего у начальника ГАУ, который и кончит, вероятно, тем, что "разорвется", но сделать для него невозможное не сможет. Пусть кто-то посильнее сумеет объяснить все это кому следует и будут приняты *действительные* меры, а не одни разговоры, письма и телеграммы»[91].

Именно он являлся инициатором и основным автором известной докладной записки о диктатуре, которая 15 июня 1916 г. через М.В. Алексеева (и за его подписью) была подана царю, но в итоге обернулась учреждением Особого совещания Штюрмера. Подобный исход дела разочаровал начальника ГАУ.

26 августа Маниковский снова жаловался Барсукову: нет даже «тени настоящей власти. Ведь вся Россия исстрадалась от того сумбура, какой идет сейчас у нас в тылу... всем ясно, что как там ни называйте и какими полномочиями ни снабжайте г-на Штюрмера — все же из него никак не получить того "ДИКТАТОРА", в котором так нуждается Россия и без которого ей угрожает опасность прямо *смертельная*... И неужели там у Вас, в Ставке, этого не понимают?! Неужели около ГОСУДАРЯ нет такого верного и правдивого слуги, который прямо и открыто доложил [бы] ЕМУ, что так дальше продолжаться не должно и что если не принять мер теперь же, то беда может случиться непоправимая... Начавшийся огонь можно залить и ведром, а как разгорится пожар — не потушить и "всеми частями"!.. А ведь теперь пожар *УЖЕ ГОРИТ*, и только слепцы, **да заведомые враги Царю** (здесь и далее полужирным выделены слова, вычеркнутые Барсуковым при подготовке писем к публикации. — *В. П.*) не видят его... Нужно жить и страдать так, как я, чтобы видеть и понимать все те адовы планы, которые готовятся и строятся у нас здесь [в Петрограде], да и "подготовляются" в армии. Ведь из тех 50 000 прапорщиков, которые влиты в самую глубь армии, большая часть — быть может, до 90% — это застрельщики революционеров, которые задались целью обработать **не только "рабочих", но и** "солдат"!.. И они ведут свою работу, должно быть, успешно, так как наши здешние заправилы *не скрывают своей радости* от их деятельности **и с наглостью, достойной немедленной виселицы, потирают руки**, и ждут не дождутся дня, когда можно подать сигнал к общему восстанию... Я уверен, что наше "Правительство" знает же об этой преступной работе и, бессильное как-либо противодействовать ей, считает за благо скрывать и замалчивать, благо *ПОКА* это наружу не очень прорывается... Это — политика "страусов", и до добра она, конечно, не доведет... драма может разыграться скорее, чем это думают некоторые политики... Тревожных симптомов — масса, и *ОБЩЕЕ* неудовольствие растет стихийно... Мне приходится иметь дело с тысячами лиц самого разнообразного

[91] РГВИА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 17. Л. 7, 10. Архивная копия.

положения, и ото всех я слышу только одно порицание властей предержащих. Надо же этому положить конец, иначе все население будет вовлечено в это "недовольство" и тогда создастся почва для каких угодно выступлений. Как я понимаю, есть целая партия, которая надеется, что к созыву Думы волна неудовольствия достигнет высшего предела и что тогда можно будет разыграть хорошенькую сценку из времен Французской революции... О чем же думают наши **охранители** [правители] (Слово заменено в тексте автографа Барсуковым. — *В. П.*)? Или они надеются, что все "образуется" само собой?!. Поймите, дорогой мой, что я не каркаю и не праздную труса; нет, я уже пережил три восстания (в пути из Маньчжурии, в Риге и в Кронштадте) и знаю хорошо, **как с ними надо справляться, но ведь** [что] ("что" вставлено Барсуковым. — *В. П.*) если во главе будут стоять люди вроде теперешних, то никакого толку не выйдет и зря будет масса жертв... И уж если кому-то не нравится самая "идея диктатора", то уж совершенно необходимо дать увеличенные полномочия не г. Штюрмеру, а *ВОЕННОМУ МИНИСТРУ*... Так что вот, в конечном результате, наш вопль: дайте нам если не диктатора, то хотя просто хорошую *ПАЛКУ* — тогда, поверьте, всех этих крикунов, честолюбцев, революционеров, и **прочую сволочь и** проч. легко будет привести в христианскую веру... А пока... так как *дело все-таки делать НАДО*, то приходится идти и на нечто худшее, а именно *КЛАНЯТЬСЯ И ПРОСТО ЗАИСКИВАТЬ У ЭТИХ МЕРЗАВЦЕВ*, так как сейчас они, а не кто иной господа положения, и если не ладить с ними, то своим организованным кагалом они способны *провалить и затормозить всякое дело*... Вот и приходится подчас играть унизительную роль, чтобы спасать дело... а вообще обнаглели они жестоко, и *палка, палка* нужна до зареза!!»[92].

18 октября Маниковский продолжил тему: «...Вы, конечно, знаете, что начались с 17-го забастовки, которые все разрастаются и с которыми, по-видимому, бороться *не могут* (а по мнению Милюкова — *не хотят*). Мы уже теряем по 3000 тяжелых снарядов в день, а если так пойдет и дальше, то ни за какое соблюдение наших обещаний (о подаче парков) поручиться нельзя; я так и донес военному министру. ...20.X.: Кончаю сегодня, так как вчера пришлось весь день возиться с заводами. Просто беда! Забастовка все разрастается, и только наши казенные заводы играют роль "цитадели"; но боюсь, что скоро враг проникнет и в эти цитадели, так как должных мер не принимается и все идет прежнее "гуманничание"»[93].

8 января 1917 г. Маниковский снова писал Барсукову о том, что «сильной власти — все нет, как нет!» и что «общее настроение здесь — преподлейшее, задавленное, гнусное... Тошно видеть людей, говорить с ними. Точно какой-то грандиозный заговор готовится... А кто-то все шепчет и пускает волнующие слухи»[94].

Если можно говорить об «оппозиционности» Маниковского правительству, то лишь в том, может быть, смысле, в каком выражали недовольство отсутствием «палки» крайне правые деятели.

---

[92] Там же. Д. 3. Л. 49–53об. Автограф.

[93] Там же. Л. 55об., 58. Автограф.

[94] Там же. Л. 64. Автограф.

Приложение 8-е.

8 / 1

Письмо к начальнику Штаба
Е.З. Барсукова от начальника
Гл. Упр. А.А. Маниковского. 26.VIII.16.

Петр. 49

Глубокоуважаемый
Евгений Захарович!

Простите, что задерживаю отправкой, но каждые последние дни всяких дел набралось столько, что просто голова кругом идет. —
Прочитав присланную Вами копию телеграммы, возмутился до глубины души, но подумав, успокоившись, пришел к такому заключению: а вдруг прав Родзянко — Голова (по-видимому) у нас нет! Ну разве мыслимо было само подобное письмо, если бы существовала хоть какая-нибудь власть?! Вдруг вся Россия, исстрадавшаяся от того сумбура, какой идет сейчас как в тылу..... Вдруг только „видимость правительства" заседает у нас в Петрограде и вспомнив это, и как нас на-

Письма Родзянко Наштаверху и ответную телеграмму Алексеева к Родзянко [illegible]

Письма начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского начальнику Управления полевого генерал-инспектора артиллерии генералу Е.З. Барсукову. 26 августа, 18/20 и 27 октября 1916 г. с правкой и комментариями Барсукова
РГВИА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 3. Л. 49—56, 58 и об., 60—61. Автографы.

увы!де и какими полномочіями на окраи-
нѣ г-ка Штюрмера — всѣ же ад ного,
никто не получитъ того «Диктатора»,
в которомъ так нуждается Россія и безъ котораго
ей угрожаетъ опасность, прямо смертельная...
И неужели такъ у васъ, въ Ставкѣ, этого не
понимаютъ?! Неужели около Государя нѣтъ
такого вѣрнаго и правдиваго слуги, кото-
рый прямо и открыто доложилъ Ему, что
такъ дальше продолжаться не должно и что
если не дѣлать этого теперь-же, то бѣда
можетъ случиться непоправимая....
Начавшійся пожаръ можно залить и водою,
а какъ разгорѣлся пожаръ — все разрушитъ
и «всѣми частями»!... А вѣдь теперь
пожаръ уже горитъ и только слѣпецъ ~~развѣ~~
~~развѣ~~ ~~развѣ~~, не видитъ его...
Нужно жить и дѣлать такъ, какъ я, чтобы
видѣть и понимать всѣ тѣ адовы планы,
которые готовятъ и строятъ у насъ здѣсь,

У Ген. Занкевича Царь - приложилъ 3-е, Б.

да и «подавляющую» в армии. Вот от тех 50.000 французских, которые вышли в самую глубь армии, большая часть — быть может до 90% — это завербованные революционеров, которые заданы обработать не только «рабочих», но и «солдат»!.. И они ведут свою работу довольно быстро, т.к. наши доблестные заправилы не скрывают своей радости об их деятельности, в которой [illegible] и не-доброжелательства, пожатия руки и не-доброжелательства друг, когда можно подать сигнал к общему восстанию... Я уверен, что наше «правительство» знает не об этой преступной работе и, бессильное как-либо противодействовать ей, считает за благо скрывать и замалчивать, благо пока это карту не слишком портит. — Это — политика «страусов» и до добра она, конечно, не доведет.

И вместе тут? Вновь драма может разыграться скорая, и об будущем некоторые «политики»... Тревожных симптомов — масса, и общее неудовольствие растет стихийно. Вновь одной невыгодной дороговизны, никем не оправдываемой и явно-спекулятивной, достаточно, чтобы породить какие угодно безпорядки. Устал ясно — и чем зло и не менее ясно, что настоящая власть в этом угол оправилась бы легко; сказать: или не хочет или не может... Вот как раздражает теперь каждый обыватель и, конечно, по адресу Штюрмера раздается много нелестного... Вот ваша маленькая питерская: сахара нет, а вести нельзя, сейчас (т.е. за 1½ месяца до нового сахара) имеем запас 28/м. пудов, из коих, за исключением 15/м за воен. вед., 13/м могут быть выброшены на рынок по бр. пуд. А между тем ничего не делают — почему?!

Горе самое — в муке, крови, соли и т.д.
Мне кажется, нитро дело в тысячами
самого разнообразного полюсов — и про всех
я слышу. Только одно порицание власти пре-
терпевших. — Надо же этому положить ко-
нец, иначе все население будет вовлечено
в это «недовольство» и тогда создастся
почва для каких угодно авантюристов.
Как я понимаю, есть одна партия, ко-
торая надеется, что в созыве Думы вол-
на недовольства достигнет высшей точки
и тогда можно будет разыграть ко-
мическую сценку из времен французской
революции .... О чем же думают наши
~~охранители~~ правительство? или они надеются, что все
«образуется» само собой?! Ой, как бы
нам всем не оказаться в дурках —
Поймите, дорогой мой, что я не карман
и не продаю Русь; ни, я уже теперь
3 восстания (в пути из Сибири,

в Ялте и в Кронштадте) и знаю хорошо, ~~как в нем кадр справляют~~, ~~но~~ вот они во-главе будут стоять люди, в роде Тихомирова, до никакого Гучкова не дойдет и зря будет мясо портить. Вот вот Алексеев, верно, ясно сознает, что Штюрмер не на месте и всё же безсмысленно убрать его... Это ковало умное. Знает, конечно, что «так было, так и будет»... Ну что-ж! будем терпеть, авось Бог земли русской и царя и ~~все~~ все эти проклятые условия всё-же поборет врага! Но, очевидно, поборет он такой массой ненужных жертв, что ни современники, ни потомки наши не [illegible] их простят. —

Теперь два слова собственно о нашем «Совещании»[1]. Вы чрезвычайно, вы много можете для России, чтобы «облегчить положение» и спасти Россию» и бе-

[1] Совещание по обороне, с которым не было открыто ничего [illegible] и другие

ними его намерениями свободно можно было бы вместить не один ад... — Но что толку об этом? Что может сделать Председатель Ос. Совещания с пустыми сообщениями, а Торговый и Промышленный, с земледельцами и со прочими «Удельными Князьями», из коих каждый ведет свою политику и ни в каком случае хорошего показать, что я — де мол — „сам по усам"! Как же при таких условиях можно добиться того максимума производительности, который вполне возможен при действительно объединенном и единовластном руководительстве этого сверхважного дела, об котором вопиет уже вся Россия..... И уж если кому-то не нравится самая „идея диктатора", то совершенно необходимо дать увеличенные полномочия не г. Штюрмеру, а Военному Министру, это подсказывает сущность самого дела и простой здравый смысл!

При теперешних условиях — просто ужасно, что и делать?! Требуют тяжелых снарядов, а рабочих не дают: я подсчитал число их, совершенно необходимое, а мне отвечает ген. Аверьянов, что можно дать лишь 10% .... Я, конечно, не судья — сколько можно вырвать еще из Балканских баталионов, из пленных, и т.д. — но мне ясно, что если рабочих набрать неоткуда, то надо один или два корпуса вернуть из армии и обратить в рабочих! Иначе нам всегда будет нехватка... Если же этот кардинальный вопрос будет разрешен бюрократически, то фактически увеличение тяжелых снарядов, как я полагаю и как можно по механизм средствам, задержится и это надо ясно сознавать.

Затем, надо как-нибудь влиять на г. Треп-
2/
това, который считает свое ведомство неприкосновенным и даже не желает вникну-

(1) Вокруг Тучи [illegible]

ливать законных претензий на «транс-
порт», от которого мы страдаем в пре-
лестной степени. Необходимо, чтобы пути сооб-
щения так или иначе слушались Военного
Министра ... Но, конечно, и в этом вопросе
бы горе безсилия. — Да, чтоб блядь,
когда «в товарищах согласия нет» ...
Так уж вот, в конечном результате,
сам вопль: дайте нашей семье не грызть-
ся, а то хорошую палку — тогда,
говорю, всех этих крикунов, честолюбцев и
~~революционеров и крайних сволочей~~ и проч. тихонько бу-
дет привести в христианскую веру ....
А пока, пока дикобразы подфрантятся
в собственной соку и дай Бог без
всякой пользы для дела растратят массу
сил, энергии и нервов в этой подлой и сум-
бурной неразберихе ..... И так как
было всё-таки ясно, что дикобра-

дело ~~стало~~ и ~~хотя~~ хуже, а ~~иногда~~ хлопотно и ~~досто~~ заскучать у нас. Сергеевцев, т.к. сейчас один, а кто-нибудь господа полюбили и если ладить с ними, то своим организованным каналом они способны ~~что~~ угодить и за-мозгить всякое дело ... Вот и думаю, не подыскать ~~ли~~ умышленную роль, чтобы спасать дело и примирять с грешно-обращающимся отношением. Еще все-же ~~эти~~ господа мне подавляют (кадеты, Сашенькин ~~друг~~ типа весь представитель вопросы в Об. Совещании), т.к. ~~дело~~ чтоб за свое сало я не цеплялся, а в ~~случае~~ чего ~~не~~ ~~поросенок~~ и здоровье обер-гаузу; а вообще обвеялся они ~~решето~~ и полка, плика нужна до зарезу !!..
Ну да всего не перескажешь: вот ~~дождь~~, ка денек — тогда узнаешь все ~~новости~~ и сам ~~ее~~ расскажу с глазу.
А пока будьте здравы и благополучны. ~~Храни вас бог.~~ Будешь же ее ~~ждать~~ и ~~ждать~~ думаю. А потом адью-нем!
Сердечный ваш ~~друг~~ Алексеев

у

НАЧАЛЬНИКЪ
ГЛАВНАГО АРТИЛЛЕРІЙСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ.

18 · окт. 1916 года.

№ —

Г. Петроградъ.

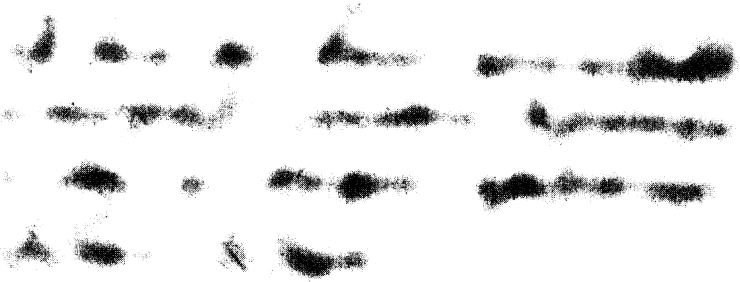
6

Приложение 9-е.
Тех. служ. № 10-50
Письмо к Е. З. Барсукову
(Начальнику управл.)

54

Глубокоуважаемый
Евгений Захарович!

Большая к Вам просьба: помогите, пожалуйста, перевести взята Ген. Германиуса, Портнягина 104-й арт. бригады, в одну из более активных арт. частей, т.е. ~~на Юго-Зап. фронт~~, в Добруджу или Турецкий (вакан.). Хотелось бы перевод мне всем сильно бы и только на этих условиях и согласился съездить в отпуск в Лондон, куда за Германиусом по возвращении отсюда я намеревался ~~бы~~ устроить его в самое ~~бы~~ казавшееся пекло! . . . . .

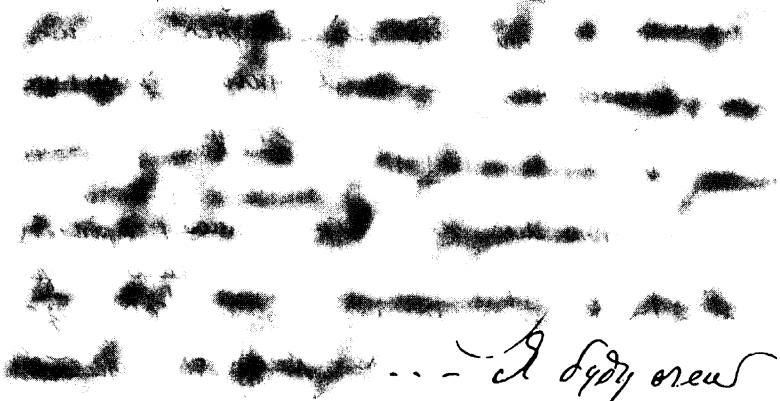
Вчера получил телеграмму В.К. о 3 1/2 трубках для сырых стреляний. Правда, мы это дело немного запустили, но ведь как все время держали под некоторой угрозой, что «стрелять — значит, всё-то спасение — в стрельбе и бомбах!» Ну вот мы и развалили стрельбы и, говоря по правде, совсем перестали думать о стрельбе. Теперь дело сильно изменилось и надо в скором времени значительно увеличить [illegible] 3 1/2 трубок.

Только напрасно В.К. думает,

3) Вместо слова — полевой см. — телеграмм. — В.

Дно «ка Требуется» году войска всё
сделано хорошо гораздо хуже, чем
ка первом или втором. Выходит,
так ряд ген-обаров: всё идёт хуже
и хуже, в такой степени хуже,
что скоро будущее становится за
будущее!... — Вы, конечно, знаете
что начались 17-ые забастовки,
которые все разрастаются и с ко-
торыми, по-видимому, бороться
не могут (а по-матчиш «Милю-
кова" — не хотят.) Мы уже теряем
по 3000 тяжелых снарядов в день,
а они так пойдёт и дальше, то
на за какое соблюдение наших
обещаний (о подаче паровоз) поруч-
ится нельзя; и так и доложи
Красному Минаеву

"Пишет все время, видимо "кадетствует" Керенский

... Я буду очень рад, если авторитетный голос Ставки грозно грянет по этому поводу в виде внушительного свидетельства, что «фронтом» все удовлетворены и ими суррогаты и другие некоторые славные фронтовые блага ...

---

20 окт.

Кончаю сегодня, т.к. вчера цинично весь день водил за заводами. Просто блядь! Забастовка все разрастается и только наши казенные заводы — играют роль „штрейкбрехеров"; не боюсь, что скоро враги арестуют и в эти штрейкбрехеры, т.к. должны сидеть

же принимаешь и все идет прежнее „установление". Даже скептики начинают „сумлеваться": ура и вдовью все восторжествовал-ли лозунг «Дай курей лучше»!? Просто, голова кругом идет...

Вы, пишете, что мне необходимо самому приехать в Ставку. Это верно, я это сам сознаю и при всей моей нерешительности по натуре, убежден, что сделать это надо. Надо, что называется, до зарезу. Но вот первое затруднение: Вы уже, как мне рекомендуют, особенно после последних телеграмм царю и потому не мою поездку в Ставку могут даже не согласиться, а думать это втихомолку (попробуй, дескать, на заводы) я считаю неподходящим. Так что имеется еще неизвестно — как это сделать. Проще всего будет подождать, если меня в Министерстве внутренних дел 2-3 недели об „выздоровлении" не станут. — А вопросы „неотложные" накопились действительно масса: из Крыма пишут, телеграфируют не переставая! — Когда: в конце месяца у меня готова записка о «программе работ по постройке нашей завода», я ее привезу Вам и это будет еще повод, чтобы я В.К. подробно поговорить с ним. Сейчас одно ясно, что Штюрмер уходит и вместо него будет Протопопов (окончательно — ср. Н. Сена)! — Ну а пока дорогой, сердечно жму Вашу руку, обнимаю. Ваш друг [illegible]

НАЧАЛЬНИКЪ
ГЛАВНАГО АРТИЛЛЕРІЙСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ.

Ур. окт 1916 года.
№ —

Г. Петроградъ

К № Приложение 10-е.
Письмо к на-
чальнику ураф
Я. З. Барскову.

Телеф. служ. № 10—59.
Телеф. кварт. № 30—92.
Телеф. кварт. № 258—79.

60

Глубокоуважаемый
Евгений Захарович!

Посылаю Вам 5 экземпляров моего
доклада о нашей заводской структу-
ре.[1] Знаю, что за него вы продолжаете
ругать меня одну бурю, но я пишу
и когда говорят то, что есть на самом
деле, а не то, что «кому-то будет сладко».
Мне мы сделали довольно «холодные»
замечания, что мы не сигнализировали, выстра-
ивая ГАУ, живя на ГУГШ; не сигнализи-
ровали о нашей общую помощь;

[1] Этому докладу посвящена почти вся 6-ая глава
части V настоящего труда. Ред.

не следовало бы быть Министерства
финансов и Промышленности и, ка-
конец, — О ужас! — не следовало
бы быть! т.т. банкиров и Промыш-
ленников..... Ну а я вот всё это
сделал и всех их обругал —
Пусть 10 рублей лишь на 100 басен,
а сказанного мной не одобрят?
Таким образом мы представляем
бои и в Думе, и в П. Сов., и в
Сов. Нарк. и в нашей Совпуши.
И хоть побить хоть Дуб, раз
что не пускать на наследующ
фронт.

За последнюю выставку[2] – особое спасибо: могу уверить В. Князя, что Дарю нигде будет гораздо плодотворнее, чем «чухаліе» телеграммами, т.к. я больше реагирую на доброе слово, чем на «разноса», от кого бы Даровые ее исходили.

Пишу 1–2 недель дней из Москвы, если не задержат какія либо исключит. обстоятельства. А пока от души обнимаю Вас и всю Вашу дружину

Ваш [illegible]

---

2) Письмо начальника управы, циркулярное ген. ст. Шапшалова об организации к случаю отношения к нему ген.-инспектора, по смыслу которого Шапшалова выкинули в отставку без доклада царю (сем. отчет ..... неблагонадежен). В.

Пустив в ход свой программный доклад, Маниковский сообщал об этом Барсукову 27 октября 1916 г.: «Знаю, что за него мне предстоит выдержать не одну бурю, но я решил до конца говорить то, что есть на самом деле, а не то, что "кому-то будет приятно". Уже мне сделаны довольно "толстые" намеки, что мне не следовало, выгораживая ГАУ, кивать на ГУГШ; не следовало хаять нашу общую политику; не следовало задевать Министерства финансов и промышленности и, наконец, — о ужас! — не следовало так ругать гг. Банкиров и Промышленников... Ну а я вот все это сделал и всех их обругал... Пусть режут меня на 100 частей, а сказанного мной не опровергнут. Таким образом, мне предстоят бои и в Думе, и в Государственном совете, и в Совете министров, и в нашем Совещании. Я готов побиться хоть тут, раз что не пускают на настоящий фронт»[95].

Обширный доклад военному министру, приложением к которому служила программа строительства заводов, преследовал цель не столько наметить перспективу, сколько отчитаться об уже проделанной или хотя бы начатой ГАУ работе в этой области. Из писем Маниковского Барсукову от 18 и 27 октября 1916 г. видно, что начальник ГАУ в то время был встревожен «цуканьем» и «разносами», получаемыми из Ставки от генерал-инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича. Барсуков, комментируя слова Маниковского, подтверждал, что сложившееся в Ставке отношение к начальнику ГАУ должно было его беспокоить. 18 октября 1916 г., обещая Барсукову выслать доклад с программой, Маниковский видел в этом возможный «повод, чтобы и великий князь пожелал поговорить» с ним. Он не ошибся. Вскоре генерал-инспектор артиллерии вызвал его в Ставку для доклада царю[96].

И вот мечта Маниковского сбылась: его принял «царь-батюшка». «4 сего ноября я имел счастье представляться в Царской Ставке Е.И.В. Государю Императору, — объявил он в приказе 6 ноября. — Выслушав мой доклад о ходе артиллерийского снабжения, Е.И.В. изволил осчастливить меня СВОЕЮ благодарностью и милостиво повелеть соизволил передать Его Величества благодарность всем чинам ГАУ и подведомственных ему учреждений, потрудившимся в деле снабжения нашей армии предметами боевого довольствия». Из письма же царя Александре Федоровне видно, что своим докладом о ходе артиллерийского снабжения «славный генерал Маниковский» воспользовался и для того, чтобы сообщить Николаю II: «министры, как всегда, слабы», а потому «идет ужасная пропаганда» среди рабочих, им раздают для устройства забастовок «огромные денежные суммы»; «этому не оказывается никакого сопротивления, полиция ничего не делает, и никому дела нет до того, что может случиться!»[97]. 6 декабря Маниковский был царским приказом произведен за отличие по службе из генерал-лейтенантов в генералы от артиллерии. Одним из ближайших последствий развитой Маниковским деятельности было также увеличение

[95] Там же. Л. 60 и об. Автограф.

[96] Письма Маниковского Барсукову, 18 и 27.X.1916 г., снабженные комментариями Барсукова (там же. Д. 3. Л. 58об., 60–61. Автографы. Отрывки из этих писем приведены в кн.: МАНИКОВСКИЙ А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. М., 1937. С. 672–674).

[97] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 134.

добавочных окладов офицерам, занятым на постройке новых заводов («за усиленные работы»)[98] и, надо полагать, дальнейший рост «популярности».

К концу февраля 1917 г. имелась санкция Совета министров и законодательных учреждений на строительство 17 заводов общей стоимостью более 470 млн руб. (см. таблицу).

Заводы	Стоимость сооружения, тыс. руб.*	Дата положения Совета министров (или закона)	Источники
3-й трубочный (Пенза)	19.636	Законы 10 июля 1913 г., 7 апреля 1916 г.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 262. Л. 16; ф. 2000. Оп. 2. Д. 1532. Л. 4об.; СУ. 1916. Ст. 867
4-й трубочный (Воронеж)	41.500	5 июля 1916 г.	РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 166. Л. 23
4-й пороховой (Тамбов)	30.000	Законы 24 июня 1914 г., 7 апреля 1916 г.	Там же. Ф. 29. Оп. 7. Д. 284. Л. 4; оп. 3. Д. 1489. Л. 97–98; СУ. 1916. Ст. 866
5-й пороховой (Самара)	30.000	24 мая, 15 июня, 23 октября 1916 г.	РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2287. Л. 60; ф. 29. Оп. 3. Д. 1003. Л. 119
2-й сталелитейный (Каменская)	96.600	29 мая 1915 г.	СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 430–431
4-й оружейный (Тула)	49.671	29 мая 1915 г., закон 7 апреля 1916 г.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 94–96; СУ. 1916. Ст. 868; ВПР. Т. 1. С. 654
5-й оружейный (Екатеринослав)	34.522+80%	27 ноября 1915 г.	СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 432
3-й взрывчатых веществ (Нижний Новгород)	26.300	Закон 27 июня 1916 г.	ВПР. Т. 1. С. 612, 614; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1013. Л. 25
4-й взрывчатых веществ (Уфа)	20.992	26 октября 1916 г., 10 января 1917 г.	РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2178. Л. 5; д. 79. Л. 3 и об.
3-й патронный (Симбирск)	40.984	8 марта 1916 г.	Там же. Д. 970. Л. 88

[98] ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 3. Л. 55.

Хлопкоочистительный (Ташкент)	3.968	8 марта и 4 ноября 1916 г.	Там же. Д. 1990. Л. 28, 57; д. 784. Л. 1; д. 790. Л. 1
Оптического стекла (Изюм)	1.200	5 февраля, 24 мая и 8 июля 1916 г.	Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 166. Л. 35; ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 222 и об.
Оптических приборов (Изюм)	4.800	8 июля и 26 октября 1916 г.	Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 87. Л. 195–196; ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 223
Военно-химический (Глобин)	433	1/2 июля 1916 г.	Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 995. Л. 15–16об.
Пулеметный (сист. Мадсена) Датского оружейного синдиката (Ковров)	26.000	8 сентября 1916 г.	ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 351; ЗАЛЮБОВСКИЙ А.П. Указ. соч. С. 93; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 142
Алюминиевый	8.930	22 июля и 16 ноября 1916 г.	РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 39. Л. 313; оп. 3. Д. 79. Л. 20; ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 220
Азотной кислоты (р. Суна)	8.300	31 января 1917 г.	ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 3. Л. 50
Итого более 471.000*			

* Стоимость сооружения заводов указана по позднейшим данным — на 9 апреля 1917 г. (РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 12–17; д. 42. Л. 3, 9–14).

К этому же времени частью вступили в строй, частью близились к окончанию все мелкие объекты программы на общую сумму еще свыше 14 млн рублей[99]. Своей властью Военное министерство и Особое совещание по обороне отпустили боль-

[99] Все снаряжательные и нитрационные мастерские, бензоловый завод в Кадиевке, толуоловый в Баку (вне программы), кислотные, нефтеперегонные (в Грозном, Нижнем Новгороде, Екатеринодаре, Юзовке) и хлорные заводы (см.: ИПАТЬЕВ В. Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920. С. 7, 11, 31, 34, 38; ЕГО ЖЕ. Жизнь одного химика. С. 465–471, 475; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 348–357. «Краткие сведения о всех новых казенных заводах» в приложениях к докладу ГАУ). В сентябре 1916 г. в снаряжательной мастерской в Екатеринославе работало 750 человек, в июле 1917 г. — 1500 (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1010. Л. 99).

шую часть средств на строительство Троицкого снаряжательного завода (больше половины из них было уже истрачено)[100].

Из остальных заводов Тульский машиностроительный (стоимостью около 32 млн руб.) благополучно прошел через совещание трех министров и затем Совет министров. На заседании Совета министров 26 октября 1916 г. министр торговли и промышленности и государственный контролер пытались возражать: завод вступит в строй уже после войны, когда промышленность будет переживать кризис и «конкуренция казенного завода частным промышленным предприятиям будет тем более нежелательна». Шуваев на это ответил горьким обобщением: «русская частная промышленность оказалась не на высоте задач», оборудование для военных производств пришлось приобретать за границей. А русская промышленность не смогла модернизировать свое производство «даже в условиях, когда война исключила для него иностранную конкуренцию». Да и не погубит один казенный завод всю частную промышленность. Шаховской и Покровский сняли свои возражения, и Совет министров внес проект машиностроительного завода в чрезвычайную смету на 1917 год[101]. 12 декабря 1916 г. ассигнование на машиностроительный завод санкционировала думская Комиссия по военным и морским делам[102].

Лишь в отношении двух объектов программы — орудийного завода (37,5 млн руб.) и снарядного отделения сталелитейного завода (138 млн руб.) — окончательное решение к марту 1917 г. еще не было принято из-за неготовности расчетов. Однако нет каких-либо признаков того, что правительство намеревалось их отклонить.

Итак, 600-миллионная[103] программа строительства новых заводов еще до выхода ее за пределы Канцелярии Военного министерства была на две трети утверждена правительством. При этом названными в программе ГАУ 38 заводами дело не исчерпывалось. По сведениям, приведенным на заседании Совета министров 14 октября 1916 г., в то время Военное министерство «приступило к постройке 54 обширных заводов»[104]. В их числе были авиационные, автомобильный, моторостроительный, электротехнический заводы Главного военно-технического управления и Управления военно-воздушного флота, тротиловый, телеграфно-телефонный, сер-

---

[100] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 349, 352об. Данные о ходе строительства заводов программы на апрель 1917 г. см. в сводке, составленной в ГАУ и уточненной в ЦВПК (РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 12–17; д. 42. Л. 12–17).

[101] БЕЛЯЕВ С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика. С. 285.

[102] Смета Военного министерства на 1917 г. по чрезвычайным расходам. Пг., 1916. С. 3, 7, 11; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2142. Л. 17 и об. На постройку этого завода в 1917 г. ГАУ получило 2 млн руб. «заимообразно» из военного фонда — с условием возвратить, когда кредит будет утвержден законом (там же. Д. 559. Л. 172 и об. Журнал междуведомственного совещания, 24.II.1917).

[103] Это сопоставимо с суммарным размером собственных капиталов всех частных банков России к 1916 г. — 815,6 млн руб. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 10. Д. 11. Л. 55. Журнал совещания о финансировании металлургических заводов, 14.I.1916).

[104] ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство, 1916 г. Д. 4. Л. 166.

нокислотный и лесотехнические заводы ГАУ и др. 18 февраля 1917 г. началось ускоренное сооружение мастерской для снаряжения выстрелов тяжелой артиллерии: Военный совет отпустил 1,2 млн руб. на устройство этой мастерской на месте отдела огнестрельных припасов Кременчугского артиллерийского склада[105]. Сверх того «в ближайшем будущем» ГАУ обещало представить «подробную дополнительную программу» усиления производства пороха и взрывчатых веществ[106].

Намеченное строительство отличалось небывалым размахом. О нем не дают полного представления данные, введенные в оборот Маниковским и Барсуковым. Согласно им, например, перенесение орудийного завода из Петрограда в Саратов хотя и давало возможность некоторого расширения производства, но означало лишь «половинчатое» решение проблемы: и в расширенном виде завод давал бы всегонавсего 247 орудий в месяц. Однако из доклада ГАУ видно, что 247 орудий разных калибров (в пересчете на трудоемкость трехдюймовой полевой пушки — около 500) — это производительность завода, сооружаемого не вместо, а вдобавок к Петроградскому. «Перенос же оборудования Петроградского орудийного завода в новый завод» даст «соответственное увеличение производительности последнего»[107]. Можно подсчитать, что новый завод по мощности соответствующих цехов превзошел бы Путиловский.

Имелись, однако, условия, вынуждавшие составителей программы все же ограничивать свои замыслы. При проектировании нового орудийного завода учитывалось, что качество изготовляемых пушек зависит «от искусства мастеров разных специальностей, которые стремятся в большие города и столицы». С этой стороны Саратов, как указано в легенде, еще подходит для размещения в нем столь мощного завода; менее же крупные города, как Пермь или Царицын, не обеспечат должного качества механической отделки пушек.

То же соображение касалось трубочных заводов; оно опиралось на опыт с созданием такого завода в Самаре перед войной. Этот завод, «представлявший собой по устройству последнее слово науки», ощущал затруднения из-за «недостатка рабочих-слесарей в местном земледельческом крае»[108]. Не случайно поэтому в легенде о трубочном заводе в Пензе ГАУ пришлось, отметив большую потребность в его продукции, все же признать, что «строить завод с еще большей производительностью затруднительно ввиду невозможности найти внутри России сильно развитой промышленный центр, который мог бы дать 15–20 тыс. рабочих... в том числе большое

---

[105] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 993. Л. 33–34.

[106] ВОРОНКОВА С.В. Материалы Особого совещания. С. 39, 121, 152, 172–173, 175–178; ВПР. Т. 1. С. 607; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 780. Л. 2 и об., 8–9; д. 1007. Л. 5, 6, 10; ИПАТЬЕВ В. Работа химической промышленности. С. 34; ПРИТУЛА А.Ф. Грозненская нефтяная и терская горная промышленность перед национализацией. М.; Л., 1925. С. 110, 106–107.

[107] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 163–164; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 438; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 359; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5372. Л. 2об. Предполагалось к 850 станкам Петроградского орудийного завода добавить 1000 новых, заказанных за границей (РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 47. Л. 31).

[108] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 24. Л. 252. Показания Е.К. Смысловского, 31.XII.1915.

количество специальных (слесари, токари), которых требуется до 3000 человек». То же дословно повторено и в легенде Воронежского завода взрывателей[109].

Три главных завода ГАУ в Поволжье — самарские трубочный и взрывчатых веществ и казанский пороховой — сосредоточили у себя в 1917 г. 35,1 тыс. рабочих (в 1914 г. — 4,1 тыс.), то есть почти столько же, сколько числилось рабочих в 1908 г. во всем военном ведомстве (37 тыс.). «Всего же по ведомству ГАУ в крае в 1917 г. числилось 37,9 тыс. рабочих и около 13 тыс. приписанных к предприятиям солдат»[110]. Приобретая в Екатеринославской губернии 1229 дес. земли для устройства оружейного завода (на пересечении двух железных дорог и у впадения р. Самары в Днепр, «имея на другом его берегу г. Екатеринослав», рядом — и уголь и металл), «естественно было мечтать о том, что сюда можно будет перенести, — писал 20 лет спустя Залюбовский, — из Петербурга и его окрестностей не только Сестрорецкий оружейный завод, но и все казенные военные заводы и создать центр военной промышленности, которому позавидовали бы и заводы Круппа»[111].

Составители программы вполне сознавали, что развертываемое в подобном масштабе строительство специальных военных заводов губительно влияет на экономику страны. При обсуждении проекта бюджета на 1917 г. Барк и Харитонов заявляли, что намеченное «чрезмерное развитие операций» по программе подготовляет банкротство казны из-за больших платежей процентов по займам и вообще грозит «крупными бедствиями». Все эти рассуждения имели как бы академический характер. Шуваев и Фролов вовсе не оспаривали их, а наоборот, признавали, что «в принципе» они «вполне» разделяют высказанные опасения. Когда же дело дошло до практического решения, министр финансов сообщил, что с его стороны нет препятствий «к своевременному предоставлению в распоряжение военного ведомства необходимых ему средств»[112].

Сознание вреда, наносимого милитаризацией экономики развитию страны, свойственно и программному докладу ГАУ. В нем подчеркнуто, что после войны казне «предстоят колоссальные ассигнования на культурные потребности государства, *столь жестоко урезываемые в настоящее время*». Вывод из этого сделан тот, что с постройкой заводов нужно спешить, пока идет война, потому что, когда наступит мир, «тогда денег для новых заводов уже не дадут»[113].

Обстоятельства выработки программы заводского строительства характеризуют ее не как продукт утопического прожектерства отдельных лиц, а как плод многолетних усилий всех органов, ведавших развитием военного хозяйства, во главе с Советом министров. В виде конкретной программы заявила о себе старая идея о сосредоточении основных средств производства вооружения в собственности и распоряжении

---

[109] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 549. Л. 358об.–360.

[110] ГАРАФУТДИНОВ Р.А., РУМЯНЦЕВ Е.Д. Долой войну, долой самодержавие! Саратов, 1990. С. 59.

[111] ЗАЛЮБОВСКИЙ А.П. Указ. соч. С. 72–73.

[112] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2456. Л. 261 и об.

[113] ВПР. Т. 1. С. 602.

казны. О силе наметившейся тенденции говорит то, что ее хватило, чтобы потеснить крупнейшие финансовые группы Русско-Азиатского и Петроградского международного банков (огосударствление Путиловского, Царицынского, Владимирского порохового заводов, ликвидация так называемого Гранатного комитета).

После Февральской революции над программой ГАУ нависла угроза. Монополистические круги, видевшие в казенной промышленности конкурента, продолжали настаивать на свертывании строительства. В марте–апреле 1917 г. они добились создания специальной междуведомственной комиссии для пересмотра плана сооружения военных и морских заводов[114]. Она была образована 4 апреля под председательством Маниковского — помощника военного министра (Гучкова) по боевому снабжению, но при ней с 12 апреля начала работать «подкомиссия» во главе с Н.Н. Покровским (товарищ председателя ЦВПК, бывший государственный контролер и министр иностранных дел), состоявшая преимущественно из заводчиков и финансистов.

К июню комиссия Покровского приняла решения о прекращении строительства большинства заводов, однако из-за противодействия со стороны ГАУ эти решения не исполнялись и строительство продолжалось[115]. Тогда подкомиссия выступила с предложением создать особый «ликвидационный» орган, который принимал бы «окончательные решения», сообщаемые Маниковскому «только для сведения».

Комиссия Маниковского согласилась учредить такой орган, но внесла свой корректив: «ликвидационный» орган должен вносить все вопросы «не в подкомиссию Н.Н. Покровского, а... помощнику военного министра генералу А.А. Маниковскому на утверждение и подпись», причем решения нового органа не могут иметь «обязательной силы»[116]. Деятельность ликвидационного органа стараниями Маниковского была сведена к бесконечному составлению всеобъемлющего «плана» ликвидации и постепенно угасала.

Из заявлений, поданных членами комиссии Покровскому и хранящихся в его «личной папке», видно, что представители ликвидационного органа, выехавшие по приглашению самого же Маниковского на места для осмотра строившихся заводов, не были туда допущены и ни с чем возвратились в столицу. 6 мая Маниковский сделал многообещающее заявление на заседании Комиссии, что «компетенции Комиссии расширены, и ее обследованию будут подлежать, кроме казенных заводов всех ведомств, также и частные заводы, которые получают от казны в каком-либо виде пособие на их постройку»[117].

---

[114] РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 1 и об., 8; д. 42. Л. 16, 17 (заявление Совета съездов представителей металлообрабатывающей промышленности министру торговли и промышленности, 11.IV.1917); Вестник Временного правительства, 7.IV.1917.

[115] ЖОСО 1917. М., 1978. С. 414–416, 423.

[116] РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 28. Л. 23–24. Комиссия дала понять, что «обязательную силу» имели в ее глазах совсем другие акты — неотмененные положения царского Совета министров.

[117] Там же. Д. 42. Л. 35–39, 22. Решение о распространении компетенции своей комиссии на судьбу строившихся частных военных заводов Маниковский начал продвигать в середи-

Сооружение заводов тем временем продолжалось. В августе–октябре 1917 г. при составлении бюджета на следующий год ГАУ потребовало на строительство заводов в 1918 г. около 90 млн руб. Междуведомственные совещания пришли к мнению, что из военного фонда нужно отпустить просимые 37 млн руб. на строительство в первой половине 1918 г. (бюджет составлялся полугодовой) семи заводов: двух оптических, хлопкоочистительного, сталелитейного, оружейного, патронного, завода взрывателей в Воронеже[118]. Сверх того строились не требовавшие новых ассигнований пулеметный[119] и снаряжательный заводы, заканчивалось сооружение Тамбовского порохового завода.

В итоге доклад ГАУ военному министру от 20 октября 1916 г. в сопоставлении с другими документами, относящимися к планам заводского строительства, выглядит не так, как он представлен в комментариях Маниковского и Барсукова. Ставя целью оправдаться перед верховной властью за упущения в подготовке военно-промышленной базы империалистической политики, составители документа всячески драматизировали и преувеличивали свою роль в развертывании военного производства. Меры по насаждению казенной военной промышленности выглядят в докладе и позднейших комментариях к нему не как твердо проводившаяся государством традиционная линия экономической политики, а как смелая затея ГАУ, в реализации которой оно действовало по собственному почину, в одиночестве ведя борьбу против влияния банковско-монополистических кругов на правительственные органы.

В действительности же в докладе, по существу, дается систематизация решений Совета министров, междуведомственных совещаний, царских повелений и других подобных документов, дополненная объяснениями руководителя ГАУ. Естественно, что те или иные проекты, как и расходы на строительство, должны были предлагаться правительству Главным артиллерийским управлением как специальным органом, предназначенным для ведения дел в этой области, и они не могли приниматься к исполнению без санкции правительства.

Самый замысел составления программы, которая, по предположению финансового ведомства, должна была ввести в какие-то границы строительство казенных военных заводов, был использован начальником ГАУ для того, чтобы распространить под видом программы отчет о проделанной в этой области работе и доказать, что нет поводов для «крайнего неудовольствия» его деятельностью[120].

не апреля, подтолкнув выступить с этим предложением в Совете министров Гучкова (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 336. Л. 23–28). Оно было утверждено совещанием товарищей министров 17 мая (там же. Оп. 2. Д. 63. Л. 349об.), а затем и Временным правительством.

[118] РГВИА. Ф. 29. Оп. 7. Д. 356. Л. 12, 14, 23, 28, 31; ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 11. Л. 77.

[119] Ковровский пулеметный завод имелось в виду создать перенесением в Ковров одного из принадлежавших Датскому синдикату за границей действующих заводов «вместе с оборудованием, материалом и рабочим инструментом, а также с необходимым техническим персоналом» (ЗАЛЮБОВСКИЙ А.П. Указ. соч. С. 93). Завод вступил в строй в 1918 г. (ФЕДОРОВ В.Г. В поисках оружия. М., 1964. С. 192, 200).

[120] Как сообщает Барсуков, 30 мая 1916 г. царь выразил Маниковскому свое «крайнее неудовольствие» состоянием артиллерийского снабжения ввиду «исключительной важности

Вместе с тем, правильно отражая проводившийся царизмом курс на милитаризацию экономики, доклад является ценным источником. Из него видно, с каким напряжением изыскивались средства, потребные на развертывание военного производства, до какого крайнего предела готово было правительство довести военную мобилизацию страны (исчерпание трудовых и сырьевых ресурсов, всеми признанная угроза банкротства казны). Объективная обусловленность крушения всей системы подчеркивается характерными симптомами самообмана: магическое средство для преодоления экономических затруднений усматривалось в том, чтобы строить побольше казенных военных заводов, поскольку они якобы дают миллиардную экономию, устраняя «переплату» банковским монополиям, и еще приносят казне прибыль. Дело изображается так, будто казенные заводы к тому же надежнее застрахованы от революционного движения.

В своем труде «Боевое снабжение русской армии» Маниковский опубликовал лишь малую часть доклада, снабдив ее личными свидетельствами и соображениями о развитии военной промышленности. Резко выраженная личная точка зрения автора (в освещении истории заводского строительства, деятельности органов Военного министерства вообще и своего руководства ГАУ в частности) сближает его труд с мемуарными источниками. Анализ некоторой части фактического содержания «Боевого снабжения русской армии» говорит о необходимости при использовании данных из этой работы Маниковского сопоставлять их с документальными источниками.

Исторические записки. М., 1983. Т. 109.

интенсивности и правильности подачи боевых запасов в переживаемый период» (см.: МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 267).

ВЛАСТЬ – ПРОМЫШЛЕННОСТЬ – РАБОЧИЕ: БЕЗ ОБЩЕГО ЯЗЫКА

Царизм и пушечные короли Антанты: опыт сотрудничества

В тревожной обстановке, связанной с развивавшимся военно-политическим кризисом на Балканах, в ожидании большой войны, правительству было ясно, что, несмотря на предельную занятость российской промышленности военными заказами, вооруженные силы страны не получат скоро всей нужной им артиллерии[1]. Но перед пушечным производством открылись дополнительные возможности, связанные с вложениями иностранных капиталов. В августе 1911 г. морское ведомство предложило крупным зарубежным артиллерийским фирмам сообщить, на каких условиях они «взялись бы построить в России орудийный завод», и к октябрю 1912 г. получило ряд таких заявлений[2]. Создать новый завод крупных орудий «вдали от границ и в районе добычи топлива» предлагала фирма Виккерс. Ее представитель П.И. Балинский вступил в переговоры с морским министром и министром финансов. Коковцов «отнесся сочувственно к нашей идее, но поставил непременным условием участие в этом деле русских банков — Учетного и ссудного и Международного», — свидетельствовал позднее Балинский[3].

Конкурирующая группа Русско-Азиатского банка совместно с французской фирмой «Шнейдер и К°» тоже выступила с проектом. Она предложила другой путь — переоборудовать Пермский пушечный завод, что требовало бы пересмотра правительством принятого в 1910 г. решения реорганизовать и расширить важнейшие заводы горного ведомства собственными средствами казны. Представители группы Русско-Азиатского банка 26 июля 1912 г. ходатайствовали перед правительством о передаче Пермского завода в аренду — то ли на 20[4], то ли на 36 лет — специально

---

[1] ОЖСМ 1912. С. 378, 379.

[2] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 673 и об. И.К. Григорович — В.Н. Коковцову, 22.XII.1912.

[3] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 29. Л. 137об.–138об. Показания П.И. Балинского, 23.IX.1915.

[4] РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 452. Л. 9. Горный департамент — А.И. Путилову, 15.X.1912; Новое время. 9.X.1912.

организуемому ими обществу, которое и взяло бы на себя переоборудование завода, предрешенное правительством в 1910 г. Пополнив технические средства сильно устаревшего завода, арендаторы уже через полгода выпускали бы в Мотовилихе 14-дюймовые орудия[5].

Предложение группы Русско-Азиатского банка об аренде «встретило возражение со стороны министра торговли и промышленности С.И. Тимашева, настоявшего на обсуждении вопроса в междуведомственном совещании. Тогда указывалось, что подобное предложение противоречит высочайше утвержденному плану», согласно которому «Пермские заводы должны быть переоборудованы за счет казны и не могут передаваться в частные руки»[6]. Но проект группы опирался на прецедент и имел сходство с практиковавшимися арендными сделками Морского министерства, которое поручало арендаторам обновить оборудование старых адмиралтейств (Охтенского, Николаевского). На пример Николаевского адмиралтейства, только что, в 1911 г., сданного в аренду Русскому судостроительному обществу, и ссылались представители группы Русско-Азиатского банка, утверждая, что предложение об аренде Пермского завода «представляет полную аналогию».

Помимо двух основных конкурирующих проектов, сохранялась и третья возможность усилить пушечную индустрию — путем расширения Пермского завода в прежнем его качестве, как казенного предприятия. К 1912 г. Горный департамент уже был занят выработкой проекта переустройства Пермского завода на ассигнуемые правительством 9 млн руб., как и было намечено в 1910 г.

Накануне обсуждения проекта аренды «Новое время» напечатало политический фельетон М.О. Меньшикова «Пауки и пушки» с резким осуждением попыток сократить казенное военно-промышленное хозяйство путем сдачи ведомственных заводов в частные руки. Статья имела принципиально-программный характер и была направлена против какого бы то ни было вообще использования частной промышленности и подкармливания ее казенными военными заказами, но в центр внимания ставилась судьба Пермского завода. В случае исполнения задуманной сделки, писал Меньшиков, «предвидится полный крах национальной артиллерийской промышленности, и без того, как сказано выше, довольно жалкой», «гибель русского национального дела». Сославшись на официальные сведения о достигнутых Пермским заводом успехах, Меньшиков обращался к министру торговли и промышленности с риторическим вопросом: «Спрашивается, если правда, что Пермские пушечные заводы (казенные) дают свыше 10% прибыли казне, то зачем же убивать это уже налаженное казенное предприятие передачей его еврейским банкам?.. Следовало бы не только не закрывать Пермских заводов, но развить их производство до силы Обуховского завода».

Отметив безопасное стратегическое и выгодное экономически расположение Пермского завода, «Новое время» советовало будущей Государственной думе не стремиться «сэкономить эту ничтожную сумму» (13–15 млн руб.), потребную на расширение Пермского завода, более того, само отношение будущих депутатов (ста-

[5] GATRELL P. Government, Industry and Rearmament. P. 212.

[6] Новое время. 9.X.1912.

тья печаталась накануне выборов) к этому вопросу выдвигалось в качестве критерия их политической пригодности: «Вспоминая "крик отчаяния", единодушно поддержанный всею III Г. Думою накануне окончательного роспуска, — писал Меньшиков, — я боюсь, как бы ведомства нашей государственной обороны не запутались в нежной золотой паутине. Нужна крайняя государственная осторожность. Народ хорошо сделает, если вышлет в Г. Думу людей с повышенной способностью зрения. Надо в эту сторону глядеть в оба»[7].

На междуведомственном совещании о проекте аренды Пермского завода, которое провел 8 и 10 октября директор Горного департамента Коновалов, группу предпринимателей представляли И.Х. Озеров, А.Э. Вормс, А.И. Путилов, доверенные лица их французских партнеров А.П. Меллер и К.К. Ракуса-Сущевский. Они добивались, чтобы департамент оформил арендную сделку минуя Думу и Государственный совет, «в порядке верховного управления». Но чиновники Горного департамента, Государственного контроля и Военного министерства на заседании 8 октября высказались в принципе против проекта. «Все они отмечали невыгодность передачи Пермских заводов в частные руки и указывали на то, что вопрос этот должен рассматриваться во всяком случае в законодательном порядке, ссылаясь на то, что и вопрос о Воткинских заводах проходит через Государственную думу»[8]. Наиболее сдержанно выразился вице-директор департамента Н.И. Разумов, но и он указал, что «с точки зрения юридической» «дело это имеет слишком серьезное значение для государственной обороны и потому никоим образом не может быть проведено иначе, как через законодательные палаты»[9].

«Прения пока не закончены, — подытоживало "Новое время" результат первого дня работы совещания. — ...Но отрицательное отношение к предложению Крезо, несмотря на поддержку либерального профессора из "Русского слова", успело уже достаточно сказаться». Тут же Меньшиков напомнил о «шулерском промысле» еврейских и международных банков, которые «захватывают государственные сооружения такого типа, как железнодорожные узлы и сети, кораблестроительные и пушечные заводы, интендантские поставки и т.п.». Беспринципность Озерова была удостоверена цитированием его собственного изобличительного сочинения «Как расходуются в

---

[7] МЕНЬШИКОВ М. Пауки и пушки // Новое время. 15.IX.1912.

[8] Там же. 9.X.1912.

[9] Л.Л. Продажа Пермских заводов // Речь. 9.X.1912. В.В. Булатов, опираясь на позднейшую (начало 1914 г.) записку учредителей РАОАЗ председателю Совета министров, сообщает, что в этот день, 8 октября 1912 г., Совет министров якобы принял постановление, запрещавшее передачу артиллерийских казенных заводов в частные руки, хотя бы и русским предпринимателям (БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал в военной промышленности России: «Группа Виккерс» и Русское акционерное общество артиллерийских заводов (1912–1918 гг.). Волгоград, 2000. Дисс. С. 40, 65, 76; ЕГО ЖЕ. Металл и нефть для «Русского Виккерса» // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XIX веках. Волгоград, 1999. С. 69). Возможно, это ошибка, и в действительности имеется в виду не правительственное решение, а суждения на совещании Коновалова. См. также примеч. 26.

России народные деньги?» (с. 74–75), где он имел неосторожность заявить: «И, конечно, казенные заводы в настоящее время следует удерживать в руках казны... Странно, что мы казенные заказы на многие миллионы рублей отдаем частным заводам по высоким ценам, и те богатеют, а казенные заводы остаются без заказов»[10].

Увидев перед собой стену аргументов из области юридической казуистики, представители группы сделали отчаянную попытку пробить ее юридическими же доводами. Уже на другой день юридический эксперт группы, Вормс, представил Коновалову свое «Заключение по вопросу о порядке сдачи в аренду казенных горных заводов»[11]. Главные из его соображений вращались вокруг прецедента с Николаевским адмиралтейством: «Договор о сдаче в аренду Русскому судостроительному акционерному обществу территории Николаевского адмиралтейства, — писал Вормс, — ...заключен в августе минувшего года в порядке управления, помимо законодательных учреждений» и также без торгов (случай, когда публичный торг «неприменим», а «решающее значение» имеет «доверие к данному контрагенту», который относится к числу лиц «вполне определенных и правительству заранее уже известных»). Ввиду «полной аналогии» «порядок заключения одного договора может быть вполне применен к другому»[12].

На заседании 10 октября представитель Морского министерства посвятил свое выступление тому, чтобы отвести ссылку предпринимателей на прецедент, указав на существенную разницу: в отличие от Пермского завода Николаевское адмиралтейство в момент передачи его в аренду «было не действовавшим уже несколько лет военным портом со старыми зданиями и устаревшими сооружениями и механизмами». В целом предложение группы Русско-Азиатского банка было признано на совещании невыгодным для казны[13] и отклонено: совещание «единогласно признало дальнейшее обсуждение этих условий, ввиду их полной неприемлемости для казны, излишним и сдачу Пермских заводов в арендное содержание на таких условиях недопустимой»[14]. Одним из оснований отказа послужила критическая оценка технических возможнос-

---

[10] К-В А. Ученое гешефтмахерство // Новое время. 9.X.1912; МЕНЬШИКОВ М. Контрибуция без войны // Там же.

[11] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 581–586. Вормс — Коновалову. 9.X.1912.

[12] Там же. Другой юридический довод заключался в указании на убыточность Пермского завода, вследствие чего отпадала необходимость обращаться в законодательные учреждения: дела о подрядах и поставках должны туда поступать «только в том случае, если предприятие дает доход» казне, значит, к ППЗ это правило не относится. На это в заседании 10 октября от ведомств последовало возражение, совпадавшее с высказанным в 1909 г. группой 36-ти в Государственном совете: если предприятие в данный момент дает убыток, то, казалось бы, следует позаботиться, чтобы оно давало прибыль, «а во всяком случае не о том, чтобы предприятия передать в частные руки» (Новое время. 11.X.1912).

[13] Участники обсуждения указывали, что претенденты «не представили со своей стороны никаких гарантий, желая иметь только обязательства казны», а значит, «фактически никакого предложения со стороны предпринимателей сделано не было» (там же).

[14] РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 85об.–86об., 89. Журнал междуведомственного совещания, образованного при Министерстве торговли и промышленности для обсуждения вопроса о передаче Пермского пушечного завода в арендное содержание, 8 и 10.X.1912.

тей фирмы «Шнейдер и К°»: «По заключению представителя Морского министерства генерал-лейтенанта Бринка, — излагал суждения совещания Тимашев, — фирма эта опыта в изготовлении крупных пушек не имеет», ее обещание изготовить 14-дм пушки в срок в пределах России оценивалось как «ничем не обеспечивающее интересы казны, необоснованное»[15].

Работу данного совещания М.П. Вяткин описал по краткому изложению в журнале Совета министров, обсуждавшего тот же вопрос 29 ноября 1912 г. У автора сложилось впечатление, что совещание отвергло лишь именно тот вариант условий аренды, который был предложен Русско-Азиатским банком, принципиальная же возможность положительного решения в случае изменения условий договора в пользу казны, по мысли автора, сохранялась. Более того, Вяткин считал, что и это, половинчатое решение, принятое каким-то образом вопреки мнению большинства членов совещания и внесенное на дальнейшее рассмотрение в Совет министров, не было выражено определенно, а имело вид «условной формулировки»[16].

На деле решение совещания, представленное на рассмотрение правительства и изложенное в особом журнале, было вполне определенным и не отражало каких-либо колебаний. Отклонив конкретное предложение, послужившее поводом для созыва совещания (именно такой смысл имело единогласное постановление решать вопрос «обычным законодательным путем»[17]), оно перешло к обсуждению вопроса в общей форме: «Является ли вообще желательным направить деятельность Пермских пушечных заводов на путь частной эксплоатации»[18]. Мнение Министерства торговли и промышленности сводилось к тому, что нельзя отказываться «от существовавшего до настоящего времени твердо установленного взгляда правительства на роль означенных заводов в деле государственной обороны, а также и от того плана ведения казенного горнозаводского хозяйства», который был утвержден Советом министров и царем в 1910 г. Представители военного и контрольного ведомств, выступавшие на совещании, сосредоточили внимание на пользе от Пермского завода как конкурента частным предприятиям, помогавшего ведомствам сбивать монопольные цены[19].

---

[15] Там же. Л. 153; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 610. Тимашев — Коковцову, 19.XI.1912.

[16] ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 262.

[17] Новое время. 11.X.1912.

[18] РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 89.

[19] Роль Пермского и вообще казенных заводов в регулировании цен подчеркивал и начальник отделения казенных заводов Горного департамента В.А. Рогожников, выступая 25 октября 1912 г. в Обществе горных инженеров по докладу инж. В.Я. Александрова, доказывавшего, что Пермский завод является «идеалом среди других казенных заводов». «В руках казны находится 30% заводов, служащих для государственной обороны, 70% — в частных руках, — говорил Рогожников. — С 30 процентами, оказывается, можно регулировать цены и сдерживать непомерные аппетиты заводских дельцов. Заводы обыкновенно наживаются не на пушках, а на снарядах. Иностранцы добиваются Пермского завода не для 300 пушек», а из-за заказов на снаряды, а также из-за возможности захватить вместе с ним «саткинский чугун по

Принятое большинством совещания решение не дает оснований говорить о какой-либо его условности, половинчатости. Совещание «признало всякое направление деятельности означенных заводов на путь частной эксплоатации нежелательным, а изыскание способов арендования их бесплодным»[20]. Переоборудование же Пермского завода за счет казны совещание признало экстренной задачей.

Это заключение совещания и обсуждалось в Совете министров.

Перед тем, стараясь ускорить вынесение вопроса об аренде Пермского завода на рассмотрение правительства, морской министр 28 октября 1912 г. писал Коковцову, что лучший способ получить орудия вовремя — это все же согласиться на условия франко-русской группы[21]. Иначе часть крупных орудий придется заказать за границей.

Скорость изготовления — будь то в России или за рубежом — морское ведомство считало главным критерием. Если бы горное ведомство управилось переоборудовать свой завод так же быстро, как обещала русско-французская группа, то и такое решение устроило бы Григоровича. Одновременно эту же сторону дела (значение скорости) получше постарался разъяснить Коковцову Путилов[22]: именно в целях быстрой установки производства крупных орудий в России русско-французская группа добивается аренды Пермского завода. Таким путем удалось бы воспользоваться частью уже имеющегося на заводе оборудования и его «опытным рабочим контингентом», а также казенными поставками чугуна и топлива. Отсюда и ожидаемая «крайне умеренная» цена будущих пушек.

И еще довод в пользу своей группы нашел Путилов. Возражения против сдачи завода в частные руки, выдвинутые междуведомственным совещанием, не должны влиять на решение, заявил он, так как русско-французской группе завод целиком, собственно, и не нужен. Достаточно завладеть только «примыкающим к Пермскому заводу пустопорожним местом и зданием с прессом в 3000 тонн, еще не работавшим», находящимся «совершенно в стороне от существующего завода»; пресс этот все равно непригоден для изготовления снарядов или орудий малых калибров.

Отводя возражение по поводу передачи казенного военного завода иностранцам, Путилов заявлял, что управление арендуемым предприятием группа поручит не

---

40 коп. за пуд, да еще уголь и лесные угодья». Собрание приняло резолюцию: «Ни под каким видом никаких казенных заводов, в частности Пермского казенного завода, не давать в частные руки. Насаждению же частных заводов в России для изготовления предметов государственной обороны — не препятствовать» (Новое время. 27.X.1912).

[20] РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 91–92. Об этом решении совещания сообщила 12 октября «Торгово-промышленная газета».

[21] «Изготовление всех потребных морскому ведомству орудий в России будет, по-видимому, наиболее обеспечено в случае предоставления на них заказа тому обществу, которое ходатайствует о передаче ему в аренду Пермских заводов», — писал Григорович Коковцову (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 608). Год спустя, при решении вопроса о новом заводе крупной артиллерии, он сделал выбор между Шнейдером–Крезо и Виккерсом в пользу английской фирмы.

[22] Там же. Л. 608 и об. Коковцов — Тимашеву, 5.XI.1912; там же. Л. 604. Путилов — Коковцову, 29.X.1912.

французам, а «исключительно русским инженерам, и во главе их — бывшему директору Обуховского завода... Меллеру, под руководством которого было осуществлено переоборудование Обуховского завода». Путилов умалчивал о том, что Меллер как раз и являлся официальным доверенным представителем фирмы «Шнейдер и К°» (и потому ложь — уверение Путилова, что участие французской фирмы «ограничится исключительно техническим сотрудничеством»), а сама необходимость экстренного создания в России нового пушечного завода диктовалась отчасти именно тем, что проведенное Меллером переоборудование Обуховского завода не обеспечило снабжение флота 14-дюймовыми орудиями.

Ухищрения эти не помогли. Горное ведомство не согласилось уступить ни пяди своей земли: «Все свободные участки, весьма незначительные по площади, крайне необходимы самому заводу, и передача их в частные руки окончательно лишила бы [Пермские] заводы возможности расширяться в будущем». А новый мощный пресс, приглянувшийся арендаторам, требовался Пермскому заводу для исполнения экстренных морских заказов на корабельные валы и шпиндели «и, главнейше», — для обработки крупных снарядов и орудий. Заинтересованность предпринимателей в «опытном рабочем контингенте» гарантировала сманивание с казенного завода лучших кадров[23].

Горное ведомство, как сообщал Коковцову Тимашев, и само взяло бы заказы на крупные морские орудия: оно «еще осенью минувшего года предвидело возможность» нужды флота в таких орудиях, потому и составило план переоборудования Пермского завода для изготовления 14-дм пушек[24], и этот план с 30 марта 1912 г. ожидал рассмотрения в правительстве. За такое решение высказалось и междуведомственное совещание («приготовление недостающего количества 14-дм орудий должно быть поручено Пермским заводам, которые и надлежит для сего подготовить средствами казны»). С расширением завода медлить нельзя, «ассигнование потребных на переоборудование этих заводов средств желательно было бы разрешить безотлагательно».

Таким образом, вопрос ясен, уже и все необходимые отзывы ведомств собраны; заодно нужно покончить с ходатайством Путилова и К°. Коковцов на письме

---

[23] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 610; РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 153. Тимашев — Коковцову, 19.XI.1912.

[24] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 611об.–613. Тимашев — Коковцову, 19.XI.1912. В предыдущем плане переоборудования, поданном правительству 10 августа 1911 г., ставилось задачей установить на Пермском заводе производство, самое большее, 12-дм орудий (24 шт. 10–12-дм ежегодно) (ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 91–92). Однако тогда же, 14 августа 1911 г., морское ведомство разослало заводам свой запрос о возможности исполнения заказов на 14-дм пушки (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 640об.). После этого («еще осенью»), видимо, и пришлось пересмотреть программу переоборудования с учетом увеличения калибра пушек. 19 августа и Путиловское общество, ходатайствовавшее 10 августа о 12-дм орудиях, подало пересмотренное предложение, добавив изготовление 14-дм и 16-дм орудий (РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 55. Протокол совещания для обсуждения заявления Общества Путиловских заводов об открытии в Петербурге орудийного завода, 31.VIII.1911).

Тимашева наложил резолюцию: «Совершенно разделяю это мнение и нахожу, что следует присоединить и дело о сооружении нового пушечного завода в Центральной России», то есть о проекте Царицынского завода фирмы Виккерс (РАОАЗ).

29 ноября 1912 г. Совет министров указал, что «изъятие Пермских пушечных заводов из казенного заведования, с передачей их в эксплуатацию частной акционерной компании, должно быть признано вообще нежелательным и даже вредным с точки зрения правильного и наиболее дешевого снабжения армии и флота». Свое решение правительство обосновывало ссылками на историческую традицию, на необходимость сохранить приоритет военных заказов в деятельности Пермского завода и на полезную роль завода в тех случаях, когда надо сбить цены частных поставщиков[25]. Это решение было выполнено: в частную эксплуатацию завод не перешел. Как стало известно тогда же в предпринимательских кругах, «категорическое решение Совета министров от 8 октября 1912 г.» имело общий характер и определяло, «что никакие казенные пушечные заводы не только иностранным фирмам, но и русским в аренду не должны быть сдаваемы»[26]. На этом же заседании Совет министров рассмотрел предложения горного ведомства о дополнительном оборудовании его казенных заводов, включая Пермский, и одобрил этот проект для внесения в Думу. Размер средств на дооборудование, исчисленный междуведомственным совещанием, достигал 10,6 млн руб. (В составе этих средств на отдел крупных орудий Пермского завода приходилось 5 048 780 руб.; 2,4 млн — на расширение производства крупных снарядов и 1 млн на устройство полигона[27].) К производству орудий для флота Пермский завод должен был быть приспособлен в течение 1913–1914 гг., и, если б ему не удалось вместе с Обуховским заводом изготовить все нужные орудия, нехватку следовало покрыть заказом за границей[28].

Решение Совета министров расширить Пермский завод сопровождалось оговоркой, что потребность армии и флота в орудиях этим «не может еще почитаться вполне обеспеченной», так как предстояло перевооружение крепостей тяжелой артиллерией и не исключалось перевооружение полевой артиллерии.

На этом основании Совет министров высказался за «устройство в России частного артиллерийского завода». Ссылаясь на международный плодотворный опыт снабжения артиллерии частными фирмами и на собственный опыт сотрудничества с Путиловским заводом (т. е. с той же группой Русско-Азиатского банка и фирмы Шнейдер), правительство все же решило, что «дальнейшее расширение этого пос-

---

[25] См.: ОЖСМ 1912. С. 378; ВЯТКИН М.П. Указ. соч. С. 262; Торгово-промышленная газета. 30.XI.1912.

[26] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 123–124. Докладная записка правления РАОАЗ председателю Совета министров (начало 1914 г.). Упоминание о решении Совета министров от 8 октября, очевидно, ошибочно и подразумевает либо первое заседание междуведомственной комиссии, состоявшееся в этот день, либо, действительно, решение Совета министров, но относящееся не к 8 октября, а к 29 ноября 1912 г. См. также примеч. 9.

[27] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 339. Л. 57. Проект представления Горного департамента в Государственную думу, апрель 1916 г.

[28] Там же. Оп. 6. Д. 154. Л. 703об.–704.

леднего завода, являющегося пока единственным у нас частным артиллерийским заводом, не может быть признано желательным, так как названный завод, подобно Обуховскому, расположен на окраине государства и в ближайшем соседстве с границею». Новый завод надлежало разместить на Волге. Ведомствам поручалось выяснить, какие конкретно заказы и на каких условиях можно будет дать новому пушечному заводу[29]. Так встал на практическую почву проект, предложенный английской фирмой Виккерс, — Царицынского завода РАОАЗ.

В сентябре 1913 г. Морское министерство и Дума возбудили вопрос о пересмотре плана, намеченного горным ведомством: на очередь выдвинулся переход к производству еще более мощных орудий (калибром до 16 дюймов), и Совет министров в декабре 1913 г. санкционировал такой пересмотр[30]. Это повлекло за собой увеличение стоимости оборудования сооружаемого на Пермском заводе отдела дальнобойных пушек до 15 млн рублей[31].

Ассигнование многомиллионных сумм вновь привлекло к Пермскому заводу внимание международных финансовых групп. Нескольким фирмам (в том числе Виккерсу) еще 26 февраля 1913 г.[32] было предложено участвовать в конкурсе на лучший проект и поставку оборудования. Фирма «Шнейдер и К°» воспользовалась приглашением на конкурс, чтобы еще раз попытаться — теперь уже без посредничества Русско-Азиатского банка — получить в концессию Пермский завод. С июля

---

[29] ОЖСМ 1912. С. 378–380. Ссылаясь на записку учредителей РАОАЗ от 22 марта 1913 г., В.В. Булатов (Дисс. С. 62) утверждает, что «согласно постановлению Совета министров от 28 ноября 1912 г. группа Шнейдер–Путилова уже получила право преимущественных артиллерийских заказов». Здесь какое-то недоразумение. Никаких следов подобного постановления Совета министров в документах не встречается.

[30] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 98; ОЖСМ 1914. С. 110.

[31] Поскольку российские инженеры «не имели опыта проектных работ такого масштаба», решено было «обратиться за помощью к иностранной фирме, услуги которой были оценены в 375 тыс. рублей». В декабре 1913 — начале 1914 г. из всех фирм, предложивших свое техническое содействие, предпочтение было отдано английской «Армстронг» — если она согласится сбавить цену до намеченной правительством (если же не согласится — взять ее проект, а строить самостоятельно). Денег, уже отпущенных на отдел дальнобойных пушек, должно было хватить только на оборудование, позволяющее готовить орудия в 14 дюймов. «Поэтому было решено строить отделение в две очереди». Сооружение второй очереди, рассчитанной на 16-дм орудия, увеличивало общую стоимость отдела на 6429 тыс. руб. В развертывании производства крупных снарядов междуведомственное совещание решило обойтись без помощи иностранцев, а перестройку полигона отложило на будущее (ШУМКИН Г.Н. Состояние военного производства на Урале накануне Первой мировой войны: проблема реконструкции // Россия в войнах начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 346–347; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 19, 20об.; оп. 4. Д. 40. Л. 57 (записка Бобринского); ОЖСМ 1914. С. 110–112).

[32] В соответствии с разосланным приглашением на конкурс, как излагало его правление РАОАЗ, дело касалось «исключительно только переустройства завода и изготовления первых пробных пушек большого калибра, причем дальнейшее участие этой фирмы, которая будет выбрана, должно совершенно прекратиться по отношению Пермского завода» (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 125).

по декабрь 1912 г., 170 дней, обследовала Пермский завод бригада из 9 инженеров фирмы; в августе фирма привлекла к этой работе в качестве эксперта Меллера, директора Обуховского завода. Подробный анализ состояния Пермского завода Меллер представил ей 11 сентября 1912 года[33]. Не ожидая исхода конкурса, французы, чтобы удержать свое место в русском пушечном деле, приступили к экстренному составлению проекта переоборудования. По поводу задуманного дела к Коковцову являлся посол Т. Делькассе, пытаясь договориться, чтобы завод отдали в управление Крезо, но правительство соглашалось говорить только о техническом содействии, — по крайней мере так показалось французскому послу[34]. Фактически же дело оказалось еще сложнее.

При обсуждении предложенных французской фирмой условий междуведомственное совещание пришло к выводу, что она предлагает установить свое руководство заводом не только на период переоборудования, «но и в течение засим 12 лет», и притом не только по производству дальнобойных орудий, но и снарядов к ним. Это уже «совершенно не входило в предположения горного ведомства и не соответствовало заданиям»[35]. Речь должна была идти, по мнению Горного департамента, о более скромной задаче: изготовить и помочь установить оборудование, а также проследить за изготовлением пробных комплектов дальнобойных пушек.

Энергичную поддержку фирме оказало французское правительство. Тем не менее к 17 февраля 1914 г. выяснилось, что не только вопрос еще не улажен, но и что междуведомственное совещание в Петербурге предпочло завод Армстронга. М. Палеолог, новый посол Франции, вынужден был обратиться к С.Д. Сазонову, чтобы предотвратить окончательное утверждение сделки с Армстронгом. Ведь это происходит «после царицынского дела», напомнил посол; такие решения поставят французскую промышленность вне производства крупных пушек. Он выразил надежду, что его ходатайство будет принято во внимание «ввиду того, с какой легкостью французское правительство согласилось увеличить размер русского займа»[36].

При обсуждении «Пермского дела» в Совете министров выяснилось, что с военной и финансовой точек зрения предпочтение следовало отдать фирме «Армстронг,

---

[33] См. ВПР. Т. 1. С. 413–417.

[34] BEAUD C. De l'expansion internationale à la multinationale: Schneider en Russie (1896–1914) // Histoire, Économie et Société, SEDES. 1985. № 4. P. 592.

[35] БОВЫКИН В.И. Из истории проникновения иностранного капитала в Россию («Пермское дело») // Исторические науки. 1958. № 1. Согласно неподписанной справке (исходившей, судя по содержанию, от фирмы Шнейдер или ее сторонников) от 18 октября 1915 г., «установление производства снарядов крупных калибров» входило в проект реорганизации Пермского завода «по первоначальному предположению министерства», но когда фирма Шнейдер представила министерству свои расчеты и условия, «предложив вместе с ними свое полное техническое сотрудничество заводу во все время действия контракта», ведомство уже изменило свою позицию: «программа министерства в отношении сотрудничества иностранных заводов была затем сужена и ограничена лишь оборудованием для изготовления орудий крупных калибров» (РГАВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 18-а. Л. 48).

[36] BEAUD C. Op. cit. P. 592–593.

Витворт и К°»[37], но было учтено, что вопрос о Пермском заводе и фирме «Шнейдер и К°» французское правительство поставило в связь с переговорами об увеличении суммы «железнодорожного» займа царского правительства во Франции[38].

Тем не менее притязание французской фирмы на «постоянный технический надзор за деятельностью переоборудованных Пермских заводов» было отклонено, и вопрос свелся к «единовременному заказу на предметы необходимого оборудования» на сумму в 5 млн рублей[39]. При этом Совет министров поставил условием, чтобы фирма точно выполнила требование конкурса — обеспечить изготовление на Пермском заводе первых 12 орудий крупнейших калибров в установленный срок (сама она бралась обеспечить лишь 7–8 орудий). Другое условие касалось технических требований к качеству станков, устанавливаемых в новом отделе: они должны быть не хуже английских[40]. Французам было пояснено, что станки, которые их завод

[37] Представители Виккерса, получившего приглашение участвовать в конкурсе, обследовали Пермский завод и представили свой проект, который, однако, был отклонен без рассмотрения. Как объяснил Балинскому директор Горного департамента В.И. Арандаренко, считалось, что, владея Царицынским заводом, Виккерс в случае победы на конкурсе превратился бы в пушечного монополиста. На это последовал ответ, что монополия в данном случае естественна, раз Виккерс делает лучшие в мире орудийные затворы и является «единственной мировой фирмой, которая изготовляла пушки 14-дюймового калибра» (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 126–127. Докладная записка правления РАОАЗ, 1914 г.).

[38] Французы указывали, что предпочтение Армстронга «противоречит обещаниям, данным при повышении железнодорожного займа с 500 до 600 млн». Царское правительство опровергло сообщение корреспондента «Temps», что французам предпочли Армстронга, и заявило, что вопрос о Пермском заводе еще не поступил на рассмотрение Совета министров, а изучается в Министерстве торговли и промышленности, «от которого и будет зависеть дальнейшее направление дела» (Биржевые ведомости. 8.II.1914 (утренний вып.); Речь. 8.II.1914; БОВЫКИН В.И. Из истории проникновения...).

[39] ОЖСМ 1914. С. 112. Против предоставления Шнейдеру роли постоянного технического консультанта энергично протестовало правление РАОАЗ, полагавшее, что это «в основании своем подорвало бы тот договор, который РАОАЗ заключило с правительством»; «это обстоятельство может в корне убить существование Царицынского завода» (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 127). Дополнительный аргумент был направлен против фирмы Шнейдер: если руководство Пермским заводом будет поручено ей, «то фирма Виккерс никогда не передаст ни своих патентов, ни своих усовершенствований Пермскому заводу, ибо технический контроль и техническое руководство над Пермским заводом будет в руках уже не казны, а частной французской фирмы», которой английская фирма не может сообщать своих секретов и усовершенствований (там же. Л. 129; БУЛАТОВ В.В. Дисс. С. 65–66).

[40] ОЖСМ 1914. С. 112. В 1916 г. на межсоюзническом совещании по вопросам боевого снабжения А. Тома так оценивал английское пушечное производство: «То, что эта страна могла делать до войны, особенно в связи с фирмами, работающими на флот, какова, например, фирма Армстронга, производящая тяжелые орудия, не могло бы быть сравниваемо с тем, что могла делать Франция при ее ограниченных средствах» (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 608. Л. 108. Протоколы заседания в Военном министерстве Великобритании 15 июля 1916 г.). Учредители РАОАЗ — вернее, конечно, их именем сама фирма Виккерс — с гордостью заявляли, что «ни Крупп, ни Крезо, ни Шкода не сделали до сих пор еще ни одной 14-дм пушки», завод Крезо

не сможет изготовить сам — а он их ранее не изготовлял — он «должен заказать у Армстронга» (так сказал Сазонов французскому поверенному в делах в Петербурге)[41]. Иначе говоря, фирма «Шнейдер и К°» выступала бы теперь в роли навязанного казне французским правительством платного посредника в сделке с английской компанией. Теперь, однако, существовал повод заявлять, что союзнику и кредитору пошли навстречу. Третье условие касалось системы затворов — приемлемым считался только затвор системы Виккерса. К 12 марта 1914 г. французам сообщили, что Совет министров готов поручить их фирме установление производства крупных орудий на Пермском заводе[42]. Но при этом задача фирмы подверглась дальнейшему сокращению: Министерство торговли и промышленности желало ограничиться тем, чтобы «контрагент имел, по представлении в распоряжение Пермского завода всей соответствующей технической документации — изготовить лишь два [а не 12] пробных орудия большого калибра и пять серий элементов, после чего всякое его участие в дальнейшем производстве Пермского завода прекращалось»[43].

Выдвинутое условие о закупке станков у конкурента, Армстронга, как указывает К. Бод, было для фирмы Шнейдер–Крезо неисполнимым. 31 марта 1914 г. в Мотовилиху прибыли из Крезо два инженера. «Они не имели представления ни о размерах предстоящих построек, ни о специальном оборудовании», но заявили, что намеченных ассигнований не хватит. «Пообещав через месяц представить окончательные проекты зданий и оборудования, инженеры вернулись во Францию». Представленный французами проект договора, «в большей степени соответствовавший возможностям фирмы Шнейдер–Крезо», 5 и 9 июня рассмотрело междуведомственное совещание. Переговоры о частностях контракта продолжались до 25 июня

даже 13-дм орудий «вовсе не изготовлял». Даже Крупп «лишь весьма недавно перешел с 11-дм на 12-дм орудия, а орудия более крупных калибров находятся на этом заводе только в опытных стадиях... Причина заключается в том, что орудия до этого калибра включительно делаются довольно удовлетворительно из углеродистой стали. Делать же из нее 13- и 13,5-дм орудия, как показал опыт, невозможно». Подходящим материалом является лишь хромоникелевая сталь, «секрет изготовления которой для орудий больших калибров принадлежит фирме Виккерс. Им не обладают ни Крезо, ни Шнейдер... Обуховский завод добивается сделать 14-дм орудие более двух лет, но, сколько известно, без особого успеха». А фирма Виккерс «не только выработала тип 14-дм орудия из хромоникелевой стали, но и сдала уже огромное число превосходных орудий этого калибра на действительную службу» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 932об.–933. Докладная записка учредителей РАОАЗ председателю Совета министров, 8.V.1913).

[41] БОВЫКИН В.И. Из истории проникновения... С. 70; РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 21. Л. 20–21. Технические требования подкреплялись политическим аргументом: в Совете министров предполагали, что, состоя в деловом партнерстве с Круппом, фирма Шнейдер закажет станки у него, тем самым Крупп, лишенный «права самостоятельного выступления в качестве конкурента на договорные с русским правительством отношения» и принадлежащий к «иной политической группировке», все же держал бы «в своих руках немаловажные интересы русской государственной обороны» (ОЖСМ 1914. С. 111; БОВЫКИН В.И. Из истории проникновения... С. 72).

[42] BEAUD C. Op. cit. P. 592–593.

[43] РГАВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 18-а. Л. 49. Справка, 18.X.1915.

1914 г., причем фирма выторговала некоторые уступки. 11 июля проект договора одобрил Совет министров[44].

«Французские правящие круги придавали большое значение одержанной победе», — подытожил исход дела Бовыкин. В целом оно «лишний раз свидетельствует о полной неспособности самодержавия помешать подчинению экономики страны иностранным капиталом»[45]. И все же судьба этого контракта, как и история царицынской концессии, показала, что большие, «непрерывные на протяжении четырех лет» (с июля 1911 г.) усилия принесли французам «половинчатый» успех[46]. Подписание контракта должно было состояться к 1 августа 1915 г., после того как французские инженеры разработают все спецификации, способы распределения работ и применения технических условий и эти данные будут санкционированы 20–25 июня 1915 г. комиссией заинтересованных ведомств[47]. Но «начало войны сразу поставило под вопрос результат, добытый с таким трудом»[48].

В конечном счете французская фирма приняла установленные условия, но, судя по дальнейшему ходу дела, они ее не устраивали: с началом военных действий она, ссылаясь на это непредвиденное обстоятельство, «отказалась производить работы впредь до окончания войны», что несколько задержало переоборудование Пермского завода; приступить к устройству отдела дальнобойных пушек оказалось возможным лишь в строительный сезон 1915 года[49]. Развертывание этого производства затягивалось из-за непоступления станков из Англии и США[50].

Пока в ведомствах взвешивали конкурирующие предложения, флот оставался в опасном положении: «Требующиеся для флота орудия Обуховский завод изготовить в срок не может, Пермский же завод своевременно оборудован не будет, — обобщал ситуацию к началу 1913 г. Григорович. — А заказывать за границею требующиеся морскому ведомству 30 орудий 14-дм калибра весьма нежелательно. Поэтому полагал бы теперь же заключить с Русским обществом артиллерийских заводов договор»[51].

Правительство, как и в других подобных случаях, как правило, старалось уступками в ценах, сроках и других условиях заинтересовать наиболее авторитетные фирмы. Характеризуя обстоятельства, при которых решался вопрос, министр финансов П.Л. Барк и государственный контролер П.А. Харитонов позднее ссылались — как на само собой разумеющееся — на то, что первоначальный заказ на пушки был предоставлен РАОАЗ «по ценам, установленным специально в видах поощрения русс-

---

[44] ШУМКИН Г.Н. Состояние военного производства... С. 348.

[45] БОВЫКИН В.И. Из истории проникновения... С. 73.

[46] BEAUD C. Op. cit. P. 593.

[47] РГАВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 18-а. Л. 48. Справка, 18.X.1915.

[48] BEAUD C. Op. cit. P. 593.

[49] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 33об. Записка о деятельности Пермского пушечного завода во время войны; РГАВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 18-а. Л. 49. Справка, 18.X.1915.

[50] См.: ДМИТРИЕВ А.В. Пушки Мотовилихи // Россия. Романовы. Урал. Екатеринбург, 1997. Вып. 3. С. 74. Автор называет его производством «сверхмощных гаубиц».

[51] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 686. Григорович — Коковцову, 2.I.1913.

кого производства»; но те же орудия можно было «непосредственно приобрести за границею», причем дешевле. Не являлось секретом, что группа Русско-Азиатского банка и фирмы «Шнейдер и К°», стремясь получить столь выгодную концессию, выразила готовность исполнить заказ по более низким ценам по сравнению с ценами Виккерса и соглашалась на бóльшую неустойку. Кроме того, хотя русско-французская группа, как и ее конкурент, ставила условием право ввезти из-за границы часть материалов для заказываемой новому заводу артиллерии (с целью максимально ускорить пуск сооружаемого завода), но все же обещала прибегнуть к ввозу их в значительно меньшем количестве, чем группа Виккерса. Намеренно оказываемые льготы создававшемуся заводу выражались также в том, что некоторую часть заказов ему давали «исключительно для поддержания на первое время его деятельности»[52].

Чрезвычайно важным было обеспеченное РАОАЗ на 10 лет право получать будущие заказы вне конкуренции. Согласно позднейшей оценке Особого совещания по обороне, и это стеснительное для казны условие также «могло быть допущено лишь в видах скорейшего создания особого оборудования завода». При этом Царицынский завод пользовался исключительным правом на дальнейшее развертывание производства крупных орудий. Даже из казенных заводов лишь Пермский мог получить в 1916–1926 гг. заказы более крупные, чем исполняемые им в 1913 г., остальные же заводы впредь получали бы заказов не больше, чем у них было до 1913 г. Но и Пермскому заводу не полагались такие заказы, для исполнения которых потребовалось бы дополнительное оборудование сверх уже намеченного по плану его переустройства[53].

Данное условие контракта при изолированном его рассмотрении производило впечатление необъяснимой с точки зрения государственных интересов уступки фирме, на что указывал А.Л. Сидоров[54]. В.В. Булатов не согласен с оценкой договора как «явно невыгодного» для казны; он считает, что «в среде чиновников русских ведомств еще в период подписания контракта» сложилось «негативно-предвзятое отношение к предпринимателям Виккерса и РАОАЗ», причем «усиленно эксплуатировался тезис о якобы невыгодных для государства условиях» контракта, и такое предвзятое мнение повлияло на сочинения историков, оценивавших эти условия базируясь в основном на ведомственных документах[55].

В ведомственных документах условия контракта оценивались по-разному; при отсутствии позитивных оценок — как мог быть заключен контракт? Историки в своих оценках должны были исходить из фактических данных, имеющихся в документах, и важно было бы указать, что именно неверно в этих данных или в ходе рассуждений историков. Булатов оспаривает, например, сам факт ограничения прав казны

---

[52] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731, л. 95. ОЖСМ, 29.V.1915; ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 49об., 82об., 138; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 2об.

[53] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 66об. Договор, 7.IX.1913.

[54] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 122.

[55] См.: БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал... Дисс. С. 6–7; Автореферат. С. 5.

расширять свои орудийные заводы сверх той их мощности, какая имелась к моменту заключения контракта. И правда, если держаться буквального текста контракта, то он не содержит вообще никаких ограничений или запретов на расширение ни казенных, ни даже частных заводов. РАОАЗ претендовало лишь на гарантированный максимальный объем заказов, исчисляемый относительно мощности остальных заводов. Но тем самым, естественно, контракт совершенно недвусмысленно определял перспективы расширения производства пушек и всеми другими заводами.

По мнению В.В. Булатова, далее, пунктом 11-м контракта, вызвавшим этот спор, «ограничения в расширении производства высказывались исключительно по отношению к частным заводам»[56].

Действительно, правительство было заинтересовано — и могло попытаться — истолковать этот пункт в том понимании, как это делает Булатов, то есть не признавать ограничений для казенных заводов. Но твердой опоры для такого истолкования редакция пункта 11-го не дает. Она настолько двусмысленна, что позволяет вложить в нее невыгодный для казны смысл. На это тогда же указали не только «профранцузски настроенный» вел. кн. Сергей Михайлович, «инспирировавший» осуждение контракта, но и компетентные юристы.

Прежде всего это касалось переустройства Пермского завода. «Правительство обеспечивает Контрагентам (т. е. РАОАЗ. — *В. П.*) в пределах условленной производительности сооружаемого ими завода... заказы... в тех размерах, в коих эти орудия не могут быть изготовлены казенными заводами: Обуховским, Спб. орудийным и Пермским, и притом последним в его расширенном размере, согласно плану переустройства...»[57]. Если считать вместе с Булатовым, что здесь не подразумевается ограничение расширения Пермского завода, то лишается смысла упоминание о его «расширенном размере», причем не вообще, в любом произвольном размере, а «согласно плану переустройства». Таким образом, подразумеваемый для Пермского завода предел размера заказов фиксируется неким планом переустройства. Спорным мог быть вопрос, какой именно «план» служит пределом, но это уже вопрос, относящийся не к существу права казны, а к юридически ущербной форме (неясное указание) изложения.

Контракт, хотя и косвенным путем, определенным образом устанавливал размер производства казенных заводов в том случае, когда это могло бы отвлечь часть заказов, причитающихся на долю РАОАЗ. Если по отношению к Пермскому заводу, одному из трех казенных, контрактом предусмотрена некоторая, неясно выраженная, но недвусмысленно ограниченная возможность расширения, то по отношению к двум другим казенным заводам о какой бы то ни было, хотя бы ограниченной, возможности расширения ничего не сказано. Поскольку же цель данного пункта контракта заключается в определении объема заказов, на которые имеет право претендовать РАОАЗ, эта цель достигается только если производительность Обуховского и СПб.

---

[56] БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 7, 108.

[57] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 66об. Контракт, 7.IX.1913. Булатов цитирует текст с несущественными неточностями.

орудийного заводов фиксирована. «Именно из того, что договор предусматривал расширение Пермского завода, следует заключить, — установила юридическая экспертиза, — что расширение других заводов им не предусматривалось и что посему эти заводы, хотя бы и были расширены, не имели бы преимущества в получении заказов на орудия, сравнительно с Обществом»[58].

Существенным представляется и вопрос о том, какие ограничения устанавливал контракт на выдачу казенных заказов частным заводам. Булатов полагает, что, во-первых, ограничение это, собственно, могло бы затрагивать только Путиловский завод, поскольку он был единственным в России частным заводом, выпускавшим орудия. Во-вторых, и Путиловскому заводу данный пункт помехой не мог служить, так как завод специализировался на полевой артиллерии, а «Царицынский завод, с его планами производства морских орудий среднего и крупного калибра... на производство полевых орудий не планировался». Оба эти соображения не подтверждаются.

Специализация на крупных морских орудиях не могла обеспечить Царицынскому заводу РАОАЗ такого количества заказов, какое оправдывало бы стоимость его устройства, и это «по-видимому, обращало на себя внимание уже при его возникновении». Не случайно контракт с Морским министерством предоставлял усмотрению учредителей РАОАЗ устройство на Царицынском заводе других отделов для различных производств[59]. Совет министров, принимая решение о создании частного орудийного завода (будущего РАОАЗ), ставил целью удовлетворить «требования военного ведомства на орудия всех калибров», в частности на крупные калибры для крепостей и на материальную часть для осадных полевых парков, и учитывал, что военное ведомство «обсуждает вопрос о дальнейшем усилении, а быть может, даже и о новом перевооружении полевой артиллерии»[60]. В августе 1914 г. РАОАЗ начало переговоры с военным ведомством о заказе 3000 легких полевых пушек; осенью Виккерс сделал заказы необходимых для этой цели станков[61]. 20 декабря царю было доложено о намерении РАОАЗ организовать производство таких пушек в Царицыне, если заводу будет заказано несколько тысяч орудий. Получив согласие, Сухомлинов распорядился, чтобы Главное артиллерийское управление провело по инстанциям заказ на 3000 пушек, но финансовое и контрольное ведомства выдвинули возражения, обратив внимание на «исключительно высокую цену»[62] — почти в 1,5 раза

---

[58] Там же. Л. 116об. Заключение по некоторым юридическим вопросам, возникающим в связи с предположением о приобретении Царицынского завода РАОАЗ в казну, 1916 г.

[59] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 29. Л. 169–171. Протокол допроса В.А. Бобринским П.И. Балинского, 19.I.1916.

[60] ОЖСМ 1912. С. 379.

[61] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 2, 6, 21–22, 24–25, 34–35; ф. 234. Оп. 1. Д. 18. Л. 135–139; ф. 504. Оп. 6. Д. 16. Т. 1. Л. 304.

[62] Указывая, что средняя цена за «царицынскую» пушку, заявленная РАОАЗ, достигала 9228 руб. (средняя цена за 1916 г. — 9807 руб.) против 7000 руб. за «путиловскую», В.В. Булатов в то же время оспаривает вывод А.Л. Сидорова о том, что «издержки по строительству завода фактически несло правительство». Но ведь и Булатов признает, что столь значительное повышение цены, назначенной РАОАЗ правительству, как раз и «объяснялось необходимостью

выше цен Пермского завода. В 1913 г. «контрактом оборудование на Царицынском заводе производства легкой артиллерии и в частности 3-дм орудийных систем предусмотрено не было, — свидетельствовал директор РАОАЗ Балинский. — Но в то же время уже при создании завода мы, учредители, отлично понимали, что производство одних крупных орудий не может обеспечить артиллерийскому заводу безбедное существование и что такой завод обязательно должен иметь у себя оборудование вспомогательных отделов, как, например, производства поковок... и орудий мелких калибров... Уже в сентябре 1914 г. правление, с одной стороны, распорядилось о постройке специального здания для мастерской легкой артиллерии (мастерская Р), а с другой стороны, тогда же по телеграфу были заказаны фирме Виккерс в Англии соответствующие станки... Постройка специальной мастерской для легкой полевой артиллерии велась очень спешно, зимою, в тепляках»[63]. Другое дело, что, получив часть оборудования такой мастерской и добившись заказа на 2500 3-дм полевых пушек (и безуспешно добиваясь заказа еще на 3000), РАОАЗ, чтобы не сорвать срок, передало эту работу другим заводам, входившим в ту же финансовую группу, а потому и полученные специальные станки уступило для исполнения заказа Сормовскому заводу[64].

Что же касается морских пушек и Путиловского завода, то он вовсе не держался в стороне от таких заказов. Еще в начале 1910 г. Морское министерство располагало предложением этого завода поставить флоту неограниченное количество пушек любых калибров, а также и в августе 1911 г. Общество Путиловских заводов пыталось пробиться к работе по морским программам, выступая в качестве конкурента группе Виккерса, правда, находясь в невыгодном положении из-за запрета на расширение артиллерийских производств в столице.

Таким образом, установленное контрактом ограничение расширения частных заводов все же затрагивало Путиловский завод и, кроме того, препятствовало появлению других заводов такой специализации. «Параграф 11 договора при некоторых условиях давал бы Обществу [РАОАЗ] опасное право ограничить или даже отнять заказы у всех частных заводов путем заявления цен ниже тех, по которым могут

покрыть расходы по постройке и оборудованию мастерских» (БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 149–150, 152; ЕГО ЖЕ. Концерн «Виккерс» и группа Царицынского завода // Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения. Волгоград, 1999. С. 265), а это подтверждает вывод Сидорова.

[63] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 29. Л. 169–171. Протокол допроса, 19.I.1916. Договором с Виккерсом не предусматривалось его руководство сооружением мастерской и производством легкой полевой артиллерии. В этом РАОАЗ и не нуждалось. Дело было возложено на начальника артиллерийского отдела РАОАЗ В.В. Дмитриева, ранее несколько лет руководившего таким же производством на Путиловском заводе. Для данной цели при мастерской «Р» (средняя артиллерия) сооружалась пристройка, рассчитанная на установку в ней 86 станков с выпуском до 1000 орудий в год. Оборудование ее должно было пригодиться также и для выпуска 48-лин. гаубиц, «возможность чего также рассматривалась в РАОАЗ» (БУЛАТОВ В.В. Концерн «Виккерс» и группа Царицынского завода. С. 263).

[64] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 124об.–125. Доклад совещания экспертов (заседание 7.IX.1916).

работать эти заводы», потому что этот параграф обязывал правительство давать частным заводам заказы «по ценам, не превышающим заявленных на те же орудия» РАОАЗ[65]. Несколько преувеличивая, как оказалось в дальнейшем, этот успех, один из директоров правления фирмы докладывал коллегам в марте 1913 г., что в России Виккерсом достигнута «позиция абсолютного господства», «подлинная монополия в производстве орудий»[66].

Наконец, при оценке степени фактической выгодности контракта для казны нельзя не принять во внимание не только сформулированные в договоре обязательства фирмы, но и последовавшие «поправки», внесенные практикой (опоздания, перенесения сроков, неполучение части оборудования, передача заказов в Англию и пр.).

Договор с РАОАЗ получил широкую огласку и вызвал бурную реакцию со стороны оппозиции, обвинявшей правительство в том, что оно предоставило компании безграничные полномочия, урезающие права всех других казенных и частных заводов. Относящиеся к делу секретные документы, включая журналы Совета министров, думские деятели получили негласно, через посредников, от фактического главы сухопутного артиллерийского ведомства вел. кн. Сергея Михайловича[67]. Выяснилось, что если, например, правительство введет на Пермском заводе производство 14-дюймовых пушек, то такое его расширение «может породить многочисленные осложнения и даже иски к казне»[68]. И в самом деле, еще до того, как было утверждено ассигнование 6,5 млн руб. Пермскому заводу для подготовки его к изготовлению 16-дюймовых орудий, правление РАОАЗ заявило протест, полагая, что Пермский завод получит те заказы, на которые имеет право рассчитывать Царицынский завод (10% прибыли по заказам 1916–1926 гг. РАОАЗ обязано было перечислять Виккерсу).

По заключению юристов Министерства финансов, обсуждавших сложившуюся ситуацию, редакция договора наводила на мысль, что свобода действий правительства в отношении Пермского завода «в чем-то стеснена», но все же они полагали, что «всякая недосказанность договора в этом отношении должна истолковываться в пользу казны». Ведь к договору не был приложен план переустройства, а «коль скоро Общество в договоре не сочло нужным определить, какой именно план переустройства оно имеет в виду», то тем самым оно согласилось на любой план и лишилось «права настаивать на том, чтобы этот план касался расширения завода только в таких-то пределах»; правительство же «должно быть признано сохранившим полную свободу действий»[69].

Сообщая об этом конфликте на заседании думской Бюджетной комиссии 12 февраля 1914 г., член Комиссии по военным и морским делам Н.В. Савич заявил,

---

[65] Там же. Л. 116, 66об. Заключение по некоторым юридическим вопросам и контракт.

[66] Цит. по: NEILSON K. Strategy and Supply. The Anglo-Russian Alliance, 1914–17. London, 1984. P. 75; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 222. Л. 75.

[67] НИОР РГБ. Ф. 218.09, № 927. С. 275–277. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б.А. Воспоминания камер-пажа; ф. 218.305.3. С. 410–411. ЕГО ЖЕ. Потонувший мир. Воспоминания.

[68] ДБК IV/2. Вып. 4. СПб., 1914. № 43. С. 36; Приложение к № 34 (стенограмма). С. 3–4.

[69] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 116об.–118об.

что вопрос разрешен в благоприятном смысле и Пермский завод можно оборудовать для производства 16-дм пушек. Ему в морском ведомстве сказали, что Общество настаивает теперь лишь на том, чтобы к техническим секретам Виккерса не получила доступа та фирма, которой поручат переоборудование Пермского завода. Но Дума все же приняла формулировку с указанием на незаконность заключенного контракта, превышающего формальные полномочия ведомства (оно не могло распоряжаться бюджетными расходами на 10 лет вперед) и вредящего интересам государственной обороны. Специально обсудившее этот вопрос междуведомственное совещание нашло, что договор «не следует толковать в ограничительном для казны смысле», но признало, что в случае судебного иска к казне со стороны РАОАЗ предрешить исход тяжбы не представляется возможным. Уступая давлению, компания заявила, что «в силу условий означенного контракта никаких претензий иметь не может», если правительство расширит свои Обуховский и Петербургский орудийный заводы. Но умолчание о Пермском заводе настораживало. Поэтому решено было не придавать этому заявлению значения и соблюдать в отношениях с Царицынским обществом осмотрительность[70].

По мнению многих историков, английская фирма Виккерс, которую представляло в России РАОАЗ, одержала верх в борьбе за морские заказы «только с помощью огромных денежных затрат, наполнивших карманы высших чинов русского офицерского корпуса; глава фирмы Виккерс сэр Базиль Захаров обладал достаточным опытом в применении этого средства». Однако, даже если речь идет лишь о предпочтении, оказанном Виккерсу, коррупцией мало что можно объяснить: ведь конкуренты Виккерса не избегали такого же образа действий. Во всем мире знали об общепризнанном своеобразном тарифе, воспринимавшемся как дополнительный налог на предпринимательство в России, как всеобщая взяточная повинность. Взятки являлись в деловой среде системой[71].

В глазах думского деятеля Б.А. Энгельгардта, взятка сыграла свою роль, когда правительство делало выбор между предложениями Виккерса и Шнейдера. Он слышал, что вел. кн. Сергей Михайлович на великосветском рауте, «не без оттенка зависти», как добавляет историк[72], заявил: «Не знаю который, Григорович или Сухомлинов, а хапнули здорово». Но и Сухомлинов в свою очередь говорил о великом князе: «Не знаю, кто тут хочет хапнуть? Сам Сергей Михайлович или его Кшесинс-

[70] Там же. Л. 16–17об., 117; РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 40. Л. 57; ДБК IV/2. Вып. 3. СПб. 1914, приложение к № 34 (стенограмма). С. 7; Речь. 23.II.1914.

[71] ХАЛЬГАРТЕН Г. Империализм до 1914 года. М., 1961. С. 634; БЕРЛИН П. Всероссийская взятка // Южный край. Харьков. 9.VIII.1915; KIRCHNER W. Über «Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Rußlands» // Jhrb.f.GO. Bd. 38. 1988. Heft 4. S. 618–619; SCOTT J. Vickers. A History. London, 1962. P. 81; TREBILCOCK C. Legends of the British Armament Industry, 1890–1914. A Revision // Journal of Contemporary History. Vol. 5. 1970. № 4. P. 15–19; BÖSCH F. Krupps «Kornwalzer»: Formen und Wahrnemungen von Korruption im Kaiserreich // Historische Zeitschrift. 2005. Bd. 281. Heft 2.

[72] БОХАНОВ А.Н. Крупная буржуазия России. М., 1992. С. 57.

кая?»[73] В обоих случаях слова, приписываемые Сергею Михайловичу и Сухомлинову, дошли до мемуариста в передаче А.А. Игнатьева, чей рассказ имеет очевидный оттенок злословия, анекдота.

Другой историк пишет как об установленном факте, что поддержка Сухомлинова проектам Виккерса–РАОАЗ была «куплена и оплачена. Виккерс по меньшей мере один раз уплатил министру 50 тыс. в 1913 г., а возможно — и еще не раз»[74]. У. Фуллер ссылается при этом на «всеподданнейшее донесение» Верховной следственной комиссии. Это донесение царь 1 марта 1916 г. передал на рассмотрение Первого департамента Государственного совета, который по изложенным в донесении данным назначил предварительное следствие. «Фактические указания на совершение... Сухомлиновым преступных деяний» в виде «лихоимства», т. е. взяток, были широчайшим образом использованы для компрометации бывшего министра, но оказались недостаточными для того, чтобы можно было предъявить ему формальное обвинение. «Обвинение по сему предмету при следствии генералу Сухомлинову не предъявлено, — читаем в записке о ходе следствия, — за неустановлением до сего времени ближайших фактических данных о получении им означенных денежных сумм от определенных лиц за совершение тех или иных действий по занимаемой должности»[75].

В сводах сведений, собранных Верховной следственной комиссией и представленных Николаю в виде приложений к «всеподданнейшему донесению», упоминалось о «подарке» Сухомлинову от Виккерса в размере 50 тыс. руб., но сведения эти исходили от знаменитого сплетника кн. М.М. Андроникова[76] и не могли расцениваться даже пристрастным следствием как желательные «ближайшие фактические данные». Поэтому использование Фуллером и некоторыми другими историками «фактов» подобного сорта лишь отражает продолжающую действовать тенденцию следствия, тогда как само оно не сочло возможным удовлетвориться такого рода данными и не решилось предъявить на их основании обвинение.

19 апреля 1916 г. сенатор Уголовного кассационного департамента С.А. Богородский «постановил: временно отсрочив, до производства необходимых следственных действий, предъявление генералу Сухомлинову обвинения в... мздоимстве или лихоимстве, ныне же привлечь» его к ответственности за другие преступления (по должности)[77]. Следствие высказало убеждение, что до конца 1916 г. сумеет «закончить обозрение обширного письменного материала и исследование всех отдельных случаев проявленного генералом Сухомлиновым покровительства, в ущерб казны,

---

[73] НИОР РГБ. Ф. 218.09. № 927. Л. 405, 408.

[74] FULLER W.C., Jr. The Foe Within. Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Ithaca; London, 2006. P. 106.

[75] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 739. Л. 3об., 4. Записка по делу о генерале от кавалерии в отставке Сухомлинове и генерале от артиллерии Кузьмине-Караваеве, обвиняемых в преступлениях по должности, 1916 г.

[76] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 43. Л. 21об.–22об.; ф. 234. Оп. 1. Д. 17. Л. 74.

[77] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 739. Л. 16, 19. Записка по делу о бывшем военном министре генерале от кавалерии Сухомлинове, обвиняемом в преступлениях по должности и в преступлениях государственных.

отдельным фирмам при даче заказов», допросить свидетелей и «предъявить генералу Сухомлинову обвинение в лихоимстве»[78]. Но не справилось с этой задачей.

Когда при судебном разбирательстве изучался вопрос о происхождении сведений Андроникова о неправедных доходах Сухомлинова, он должен был назвать своего осведомителя — Н.И. Червинскую, как единственный возможный для него источник, поскольку в 1913 г. Андроников уже, по его словам, «у Сухомлиновых был не вхож», ему было отказано от дома, как, впрочем, вскоре и Червинской, и они мстили Сухомлиновым за прекращение знакомства и лишение в связи с этим возможности использовать имя министра для интриг и шантажа[79]. На суде состоялся примечательный диалог: «АНДРОНИКОВ: Я не имел основания не верить тем лицам, от которых я получал эти сведения... ПРОКУРОР [В.П. Носович]: ...Значит, вы сообщали сведения совершенно не проверенные? АНДРОНИКОВ: Я сообщал то, что я слышал. ПРОКУРОР: Для чего же вы сообщали сведения неверные и довольно позорные про крупных сановников государства? АНДРОНИКОВ: [Я полагал], что сведения эти будут проверены... ПРОКУРОР: ...Кроме Червинской, имели вы еще какие-нибудь источники? АНДРОНИКОВ: Я никаких других источников не имел»[80].

Помимо «свидетельств» Андроникова, следствие оперировало экспертизой банковских счетов Сухомлинова и сведениями о его источниках доходов, но и этих данных оказалось недостаточно для обвинения и, как показало позднее судебное разбирательство, защита без труда выявила зыбкость и натянутость этих материалов.

Подводя итог рассмотрению в суде этого вопроса, защитник А.А. Захарьин напомнил, что первоначально, при предварительном следствии, Сухомлинову ставилось в вину лихоимство. «Теперь этого обвинения в лихоимстве не слышим, — отметил Захарьин. — В этом направлении велись весьма энергичные расследования, и расследования эти никаких следов этого лихоимства не обнаружили. Ни избытка денег у Сухомлинова, ни скрытых денег нет, и сам обвинитель отказывается. Да, действительно, нельзя утверждать то, на что нет никаких оснований. Лихоимства не было... ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [Н.Н. Таганцев]: Такого обвинения и не предъявлялось генералу Сухомлинову. ЗАХАРЬИН: Обвинения не предъявляется, но подсчет денег Сухомлинова производился. Но раз такого обвинения не предъявлялось, то я дольше на этом останавливаться не буду. Раз не было взяток, то генерал Сухомлинов отличался какой-то необыкновенной способностью к дружбе, к личным сердечным привязанностям...»[81], — перешел Захарьин к другому пункту обвинения (содействие «своим людям» выдачей заказов).

---

[78] Там же. Л. 31об., 32. Записка о движении предварительного следствия по делу о бывшем военном министре etc., октябрь 1916 г.

[79] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 144. Л. 85; д. 149. Л. 1–2. Заседания 19.VIII., 6.IX.1917. Показания Е.В. Сухомлиновой; д. 147. Л. 25, 32. Заседание 1.IX.1917. Показания М.Ф. Кюнье, заведовавшей хозяйством Сухомлиновых.

[80] Там же. Д. 145. Л. 130–132. Заседание 23.VIII.1917.

[81] Там же. Д. 150. Л. 60–61. Заседание 10.IX.1917. Другой защитник, И.И. Тарховский, также отметил несостоятельность пункта о взятках: «Еще на предварительном следствии возникал вопрос, что подсудимый... должен быть обвинен еще в лихоимстве, в мздоимстве: да,

Если уж не пренебрегать источниками, подобными сообщениям Андроникова-Червинской, то желательна последовательность. Что значат какие-то жалкие 50 тыс. Виккерса, когда, согласно другому такому же источнику, конкурирующая фирма Шнейдер якобы уплатила 3 млн франков вел. кн. Марии Павловне «за ее усилия» по проталкиванию концессии в Морском министерстве. Английский посол Дж. Бьюкенен 7(20) марта 1913 г. донес об этом Э. Грею секретной депешей. По его словам, представитель фирмы в то время дневал и ночевал у Марии Павловны[82]. По другим сведениям, на исход дела в пользу РАОАЗ мог повлиять и вел. кн. Михаил Михайлович, в 1910 г. разделявший досуги Альберта Виккерса на охоте и рыбалке (в военное время — почетный председатель Англо-Русского комитета)[83].

Разумеется, мундир бывшего министра на процессе не отчистился. Уже сам факт участия в биржевой игре, на который ссылался он в свое оправдание как на источник средств, не украшает репутацию чиновника, распоряжавшегося заказами. Если верно свидетельствовал 29 ноября 1916 г. Лукомский, то на другой день после отставки в июне 1915 г. министр похвалился ему припасенным капиталом в 700 тыс. руб., и эта цифра совпадает с той, какую исчислил по банковским счетам судебный эксперт и которую защита не без блеска опровергла[84]. При этом Лукомский показал[85], что гениальным консультантом, обеспечившим Сухомлинову необыкновенно удачную игру на бирже, являлся не кто иной как «дедушка русских банков» Я.И. Утин, один из учредителей РАОАЗ. (На процессе Сухомлинов назвал в качестве такого своего биржевого консультанта и агента другое, менее приметное лицо — И.Н. Урбанского).

Но деньги найдены не были. Да прокурор (В.П. Носович) и не поверил в то, что свою добычу министр мог держать на счетах в банках. Неверно ставят вопрос: где эти миллионы? — сказал он. — «Гг., если здесь вообще можно что-либо найти, если такие деньги есть, то они не могут храниться в банках на текущем или онкольном счету... Всякий из вас скажет: нет, таких денег в банках нет, ибо в банках хранятся деньги, до которых добраться легко. Следовательно, если есть такие [неправедно нажитые] деньги, то их скрывают, а в банках могут храниться такие суммы, в которых можно дать более или менее правдоподобный отчет»[86].

Балинскому были предъявлены банковские документы о якобы произведенных им 22 марта и 31 мая 1914 г. сравнительно небольших взносах на счет Сухомлинова в Обществе взаимного кредита. Тот не признал подлинной свою подпись и доба-

---

тогда можно было усматривать во всех этих отдельных заказах выяснения этого вопроса. Представитель государственного обвинения остановился на вопросе о деньгах обвиняемого, он не придавал им происхождения взяточничества или лихоимства... Раз так, тогда все эти вопросы о заказах, они безусловно должны отпасть» (там же. Л. 50. Заседание 11.IX.1917).

[82] См.: NEILSON K. Britain and the Last Tsar. British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 1995. P. 63.

[83] TREBILCOCK C. The Vickers Brothers. London, 1977. P. 34.

[84] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 148. Л. 26–28; д. 151. Л. 50; д. 156. Л. 71.

[85] Там же. Д. 136. Л. 137–138. Ср.: Вопросы истории. 2001. № 8. С. 98 (воспоминания Лукомского).

[86] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 149. Л. 94 и об.

вил, что по просьбе Сухомлинова, действительно, делал подобные взносы, но «без всяких письменных объявлений, путем передачи денег в кабинете директора банка сторожу для внесения в кассу, как это я всегда практикую»[87].

Следствие пыталось проверить сообщение газеты «Вечернее время» о том, что Сухомлинов побывал в банке и изъял свои сокровища. Журналист А.И. Ксюнин, автор статьи «Сухомлиновщина», напечатанной 30 марта 1917 г., заявил, что об этом «факте» знает со слов депутата Думы С.Т. Варун-Секрета, а тому об этом рассказала «своя знакомая дама», а той — биржевой маклер К.Е. Юрковский. Но Юрковский в показаниях 25 апреля 1917 г. все отрицал[88].

Возможное решение запутанного вопроса о взятках от директоров РАОАЗ–Виккерса напрашивается само собой. Может быть, Сухомлинов не брал купюр из рук в руки, но принял совет поиграть на бирже и затем воспользовался бесценными консультациями столь искушенных и влиятельных специалистов. Подобные услуги, принесшие ему ощутимый доход, должны были вызвать у министра проявления ответной благодарности, тем более что имелась возможность согласовать их с государственным интересом, как понимал его Сухомлинов.

Но даже принимая за достоверный факт подкуп в самой грубой форме, как прямое подношение даже не андрониковских 50 тыс., а 700 тыс. Лукомского, пришлось бы оценивать его в связи с другим, и притом вполне реальным фактом: несмотря на все усилия сановника, царского любимца, ему не удалось провернуть дела в пользу РАОАЗ с ружейными и пушечными заказами. Государственный аппарат не воспринял этот импульс, не согласованный с усвоенным курсом, и, более того, с позором исторг из себя министра, попытавшегося этот курс по-своему подправить. Деньги же, потраченные монополистами на предполагаемую взятку, пропали в таком случае зря. Иначе говоря, коррупционный аспект деятельности Сухомлинова имеет объективный смысл, противоположный тому, какой в него по «подчинительной» традиции вкладывает историография.

Подозрения Энгельгардта питались, в частности, и тем, что перед думцами неубедительно, на его взгляд, защищал принятое решение помощник морского министра, утверждавший, что английские заводы имеют более совершенное оборудование, чем французские. Этот довод «не мог иметь решающего значения, так как предполагаемое оборудование Царицынского завода и не должно было превышать французского. Кроме того, — писал Энгельгардт, — это не вполне совпадало с той мотивировкой, какую давали Сухомлинов и Григорович в Совете министров». Свидетельство Энгельгардта и в данном случае ненадежно. Вопреки ему, соображения, высказанные в Думе вице-адмиралом М.В. Бубновым, соответствовали аргументации Сухомлинова и Григоровича в Совете министров.

В журнале Совета министров (документ этот, кстати, был известен Энгельгардту), рассматривавшего вопрос о Царицынском заводе 13 мая 1913 г., как раз указывалось, что «по мнению Совета министров, решающее значение в настоящем деле должна иметь не столько выгодность предложенных отдельными предпринимателя-

[87] Там же. Д. 136. Л. 148.

[88] Там же. Д. 142. Л. 62, 78.

ми условий сооружения завода, сколько качество орудий», а «пока орудия крупных калибров из хромоникелевой стали выделываются только на заводе Виккерса», другие же фирмы, в том числе Шнейдер, «только предполагают перейти к производству орудий из означенной стали и, таким образом, не имеют еще за собою в указанной отрасли достаточного опыта. Уже одно это обстоятельство побуждает склониться» к предложению Виккерса[89]. Принимая решение по аналогичному делу (договор с фирмой Шнейдер на переоборудование Пермского завода), Совет министров подчеркнул военно-технические преимущества английской морской артиллерийской техники и прямо сослался на сугубо политическую обусловленность предпочтения, все же оказанного французам.

Далее, помощником морского министра в думской комиссии 12 марта 1913 г. «было категорически заявлено, что... сдачи в аренду оборудованных казенных заводов произведено не будет». Это заверение было высказано в ответ на протест думской комиссии против обсуждавшейся аренды морских заводов, причем думцы ставили вопрос в принципе[90]. Такая позиция Думы и Морского министерства имела значение для исхода конкуренции в пользу английской фирмы, добивавшейся, в отличие от Шнейдера, не аренды уже существующего завода в Перми, а разрешения построить в Царицыне новый.

Таким образом, из всего, что сообщает Энгельгардт о спорах 1913–1914 гг., самое существенное — раскрытие проведенной вел. кн. Сергеем Михайловичем закулисной интриги, которая осложнила ход дела.

Решение привлечь к созданию завода иностранную фирму зависело не только от чинов военного либо морского ведомства: определяющее значение имели заключения междуведомственных совещаний и Совета министров. Увлечение версией о подкупе побуждает игнорировать документально подтвержденные мотивы действий власти и разрушает основу источниковедческого анализа.

Ссылки на подкуп, как правило, не опираются на поддающиеся проверке источники. Характерен пример крикливых обвинений в коррупции, выдвинутых против морского министра И.К. Григоровича черносотенным журналистом Н.М. Португаловым. Португалов попытался проникнуть в доверие к Григоровичу, но был ему слишком памятен по конфликту с А.Н. Крыловым в апреле 1910 г. из-за «невежественных писаний» этого субъекта. (Проявленную в тот момент тогдашним морским министром С.А. Воеводским бестактность Крылов использовал, чтобы оставить службу в качестве председателя МТК[91].) Когда дело дошло до формального расследования, оказалось, что ни сам Португалов, ни указанные им

[89] ОЖСМ 1913. С. 257.

[90] СОГД IV/1. Приложения. Вып. 3. СПб. 1913. № 342. С. 4.

[91] См.: КРЫЛОВ А.Н. Указ. соч. С. 187. По сведениям Крылова, Португалов, выступавший в провинциальной печати в роли эксперта по скандальным вопросам военного судостроения, ранее служил «в полиции квартальным надзирателем, изгнанным за взяточничество». Получив через Григоровича приказание Воеводского разобраться с обвинениями, выдвинутыми против МТК в статьях Португалова, Крылов отказался «копаться в мусоре» (газетные вырезки «числом около 200 примерно из 50 провинциальных газет») и подал рапорт об отставке.

«свидетели» не располагали против Григоровича абсолютно ничем, кроме слухов, догадок и сплетен.

Другой характерный пример — нападки на Григоровича в связи со слухами о корыстном поведении чиновников при сдаче в аренду Русскому судостроительному обществу части Николаевского адмиралтейства. «Передача казенного завода (адмиралтейства. — *В. Л.*) в Николаеве в руки частной компании», как свидетельствовал сподвижник Португалова инженер-судостроитель К.А. Теннисон, создала «в заводских кругах» «общее мнение», что в данном случае сказалось особое расположение Григоровича к «своему человеку» Н.И. Дмитриеву (инженеру с Адмиралтейского завода, перешедшему на службу в Руссуд). «Я считаю это вполне вероятным, — заявил Теннисон, — так как до настоящего времени на подобную передачу казенного завода в частные руки ни в каком другом случае Григорович не соглашался, наоборот, у него всегда были стремления к обратному: расширять существующие казенные заводы (например, Балтийский и Адмиралтейский, несмотря на возникавшие здесь же, на севере, крупные частные предприятия, например, Путиловская верфь, Русско-Балтийский завод и завод Беккера в Ревеле) и брать в казну частные, например, Царицынский артиллерийский завод. При передаче Николаевского завода, как рассказывали, были допущены разные большие льготы, касавшиеся условий этой передачи»[92].

По показаниям того же свидетеля, «в заводских и морских кругах всегда была распространена уверенность в большой корыстности Григоровича», эта молва присвоила ему прозвище «Вор Воровичъ». «Однако у меня, — делал оговорку Теннисон, — не имеется каких-либо фактических данных» в подтверждение. И все же он не мог удержаться, чтобы не припомнить: «В тех же кругах говорилось, что после смерти жены Григоровича осталось значительное состояние в виде акций Русского судостроительного общества. Более точных сведений по этому вопросу не имею»[93].

Характерно и то, что этот грязный слух снова и снова пускали в обращение ненавидевшие Григоровича «круги» (сам Теннисон состоял на службе в фирме Виккерс), несмотря на то, что Григорович при первом появлении этого слуха в газете (Деньги. 28 января 1914 г.) опроверг его судебным путем. Он призвал к ответу редактора газеты А.Ф. Филиппова[94], предоставившего ее страницы для клеветничес-

---

[92] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 477. Л. 75об.–76. Показания Теннисона Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, 28.IX.1917.

[93] Там же. Л. 83 и об. Показания 2.X.1917. Сведения о взятке в 100 тыс. руб., уплаченной Руссудом в Морском министерстве, приводит Фуллер, ссылаясь на донесение британского морского атташе в Лондон (в октябре 1912 г.). Согласно тому же источнику, расход в 100 тыс. руб., именно в качестве взятки, был занесен в бухгалтерские книги этой фирмы, совладельцем которой являлся Виккерс. От самих мошенников-взяткодателей атташе этих сведений получить не мог (Фуллер не зря же упоминает о принятом в Англии в 1906 г. акте, направленном против взяточничества при добывании английскими фирмами иностранных заказов). Значит, эти «сведения», как обычно, имели характер слуха, сплетни, и сам же атташе, как отмечает и Фуллер, отнесся к ним с недоверием (FULLER W.C., Jr. The Foe Within. P. 105).

[94] Филиппов являлся креатурой известного банковского деятеля З.П. Жданова, который использовал его и издаваемую им газету (журнал) «Деньги» для интриг и шантажа финансовых

кой статьи. В статье утверждалось, что умершая жена Григоровича «по завещанию, оставила своему мужу полтора миллиона рублей деньгами». Судебное следствие выяснило, что в действительности речь могла идти лишь о процентных бумагах на 11 055 рублей. Делались попытки выяснить и источник клеветнического слуха. О полуторамиллионном наследстве, как установил суд, «однажды передавал... какой-то молодой человек», причем его собеседникам, включая самого Филиппова, это сообщение «показалось... совершенно неправдоподобным и не внушающим доверия». Все свидетели, которых пригласил в свою защиту Филиппов, не могли сказать ничего конкретного, указывая лишь, что «сведения, помещенные в этой статье, исходят из морских кругов» и основываются на «частных разговорах» «в дружеской беседе». Суд признал, что редактор газеты «не имел ни малейшего основания доверять и пользоваться ими как материалом для газетной статьи», и отправил его на два месяца в тюрьму[95]. К.Ф. Шацилло, обративший внимание на приведенные Теннисоном «сведения» о деньгах Григоровича в английских банках, отметил, что не смог «найти документов, подтверждающих какие-либо заявления о взяточничестве И.К. Григоровича», но сообщал, что после 1921 г., оказавшись за границей, Григорович «не раз получал крупные суммы денег» от Виккерса и Э. Нобеля[96].

Архивное дело в фонде Григоровича, использованное в данном случае, содержит только письма, полученные Григоровичем в 1923–1927 гг. из Варшавы от Каннегисера — быв. директора Руссуда. Тот, хотя и продолжал в эмиграции предпринимательскую деятельность, все время жаловался Григоровичу на неважный ход дел, дороговизну жизни, на то, что теперь «директорские оклады не такие, какие бывали в доброе, прежнее время». 22 декабря 1926 г. он писал, что умер его свояк и «теперь его жена Тамара Львовна с дочкою живут у нас, благо нам удалось получить всю квартиру, в которой у нас ранее было только две комнаты» (еще в 1923 г. он писал, что они с женой живут «по-студенчески в двух комнатах»). Лишь к 1928 г. Каннегисер сообщил: «...на материальные условия жаловаться не могу. Живем не роскошно, конечно, но на все необходимое хватает», и поинтересовался, как живется Григоро-

учреждений. Филиппов, по свидетельству знавшего его И.Х. Озерова, «лишь тогда выпускал номер, когда ему хорошо платили за то, чтобы он кого-нибудь хорошо изругал». В конце 1913 — начале 1914 г. Жданов и Филиппов вели интригу и против другого министра — В.Н. Коковцова, привлекая в союзники Г.Е. Распутина (см. подробности: АНАНЬИЧ Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Л., 1991. С. 140–142). Ранее Филиппов промышлял судебными исками «к имуществу, остающемуся после смерти более или менее зажиточных обывателей, причем по большей части документы фабрикуются самими истцами». Подав на редактора «Биржевых ведомостей», раскрывшего эту его практику, в суд за клевету, Филиппов проиграл процесс (Новое время. 5.I.1911). Позднее Филиппов был вхож в ВЧК и эксплуатировал открывшиеся в связи с этим возможности воздействия на судьбы арестованных (БЕЛЯЕВ С.Г. Петербургские банкиры в начале XX в. // Из глубины времен. 1996. Вып. 6. С. 14).

[95] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 640. Л. 6–7об. Приговор СПб. окружного суда, 4.VI.1914.

[96] ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 302. Ссылка сделана на хранящуюся в фонде Григоровича (ф. 5970 ГАРФ) его переписку 1920-х гг., за время его пребывания во Франции на лечении.

вичу[97]. Сведений о получении Григоровичем «крупных сумм денег» в этом деле нет (листы 19 и 29, указанные в этой связи К.Ф. Шацилло, отсутствуют, в деле всего 17 листов).

Как и в советской России в 1917–1920 гг., испытывая материальные трудности, Григорович во Франции пытался подработать в качестве художника-мариниста, его зарубежные корреспонденты нередко благодарили его за присланные им картины, но лишь немногие догадывались заплатить за них и заказать еще. Более надежным, хотя все же неустойчивым источником средств оказался оригинальный семейный промысел — изготовление на продажу платков и кушаков в русском стиле.

В апреле–мае 1924 г. Григорович был озабочен поиском денег для того, чтобы вложить средства в какое-то коммерческое предприятие, рассчитывая таким путем обзавестись более регулярным источником дохода. Обратившись с просьбой о ссуде в 20 тыс. фр. к директору судостроительной фирмы (в Гавре) Огюстену Норману, который перед тем имел неосторожность в разговоре упомянуть о своей готовности поддержать старого моряка материально, он обещал возвратить ссуду при первой же возможности и просил сообщить, на каких условиях возможен этот кредит. Норман не стал связывать Григоровича долгом, но и 20 тыс. не дал, посетовав, что состояние дел фирмы не позволяет дать всю эту сумму, но 10 тыс. все же переслал.

Пришлось обратиться к другому старому знакомому, Эмануэлю Нобелю, и швед-миллионер, посоветовавшись с В.Н. Коковцовым, открыл на имя Григоровича счет на 20 тыс. в «его», Коковцова, банке. В дальнейшем, без новых просьб, Нобель несколько раз присылал чеки на какие-то (не названные в письмах) суммы. Таким образом, сведения Шацилло о полученных Григоровичем от Нобеля деньгах подтверждаются.

Сведений о деньгах от фирмы Виккерс в переписке Григоровича с Крукстоном, Б. Захаровым и П.И. Балинским[98] нет.

Что же касается поддержки, оказанной Нобелем, то нет видимых оснований полагать, что это делалось не на основе личного расположения, а в порядке воздаяния за какие-то оказанные ранее незаконные услуги.

Вопрос о роли подкупа имеет естественные границы.

В заявлении Коковцову 14 января 1913 г. учредители (Утин, Иванов, Вышнеградский, Балинский) перечисляли свои обещания: «Обществом приобретаются и будут переданы в распоряжение правительства такие... патенты, как право на изготовление брони особо высокого качества, на изготовление резервуаров сжатого воздуха для мин Уайтхеда, на дистанционные трубки Виккерса, на орудийные затворы этой фирмы и многие другие». Эти условия не оставили равнодушными руководителей морского ведомства. Предлагая учредителям встречные условия, начальник артиллерийского отдела Бринк 22 января повторил: «Морское ведомство считает, что в силу заявления от 14 сего января Государство может пользоваться также безвозмездно Вашими патентами по предметам вооружения». Из текста видно, что главным

[97] ГАРФ. Ф. 5970. Оп. 1. Д. 51. Л. 5об., 6, 7, 8об., 9, 10, 16.

[98] Там же. Д. 147. Л. 62, 95; д. 143.

образом заказчика интересовали патенты на затворы. После заявления 14 января дело было доложено Николаю II, и он повелел созвать совещание о заказах, которое 4 февраля собралось на первое заседание (с участием вел. кн. Сергея Михайловича)[99]. Судя по телеграмме генерал-адъютанта К.Д. Нилова Григоровичу, который просил его повлиять на Николая II в пользу Виккерса, а затем поблагодарил, английская фирма не могла проиграть в этой конкуренции: «Государь император по прочтении твоего письма, — сообщил Нилов Григоровичу 20 июня 1913 г., — изволил сказать, что Его мнение об артиллерийском заводе было предрешено бесповоротно. Тронут твоими словами, но и без моего вмешательства это дело было уже давно окончено»[100].

Помимо догадок, хотя бы и правдоподобных, о принятых чиновниками взятках, имели место серьезные обстоятельства, склонившие решение правительства в пользу Виккерса. Именно в этой колее военно-технической, внешней и экономической политики уместились и корыстные проделки чиновников и мошенников-капиталистов. Там, где взятка — общепринятое правило повседневного делового общения, едва ли одним предложением «отблагодарить» возможно побудить чиновников изменить размещение или объем заказов. Скорее, было так, что сначала правительство приняло решение о сделке, а уж от этого зависело оказываемое чиновникам «внимание»[101]. Более того, столь выгодный контракт, наоборот, давал правительству возможность оказывать давление на Виккерса. Когда потребовалось повлиять на ход борьбы между черноморскими судостроительными предприятиями «Руссуд» и «Наваль», Григорович объявил представителю Виккерса, что во избежание неприятных последствий Виккерсу лучше порвать деловые отношения с «Навалем», даже если придется уплатить неустойку; в противном случае Виккерс может быть отстранен от дел на Царицынском орудийном заводе. Угроза подействовала безотказно[102].

По условиям контракта, заключенного 7 сентября 1913 г. (его проект был утвержден правительством 13 мая), РАОАЗ было обязано построить в Царицыне новый завод и выполнить заказ на морские и береговые орудия: 36 14-дюймовых, 30 8-дюймовых и 101 130-миллиметровое, всего на 10,6 млн руб. Условия договора формулировались так, чтобы предприниматели были заинтересованы не только в казенных авансах, но и в своевременном сооружении завода: если 24 из 36 14-дюймовых пушек разрешалось привезти в готовом виде с заводов Виккерса, то остальные 12 полагалось изготовить, хотя из поковок, полученных от Виккерса, но в Царицыне. Прочие пушки также подлежали изготовлению в Царицыне из поковок Виккерса.

---

[99] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 694, 732об., 839 и об.

[100] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 845. Л. 166об. Телегр. бланк. Узнав в конце марта 1913 г., что Виккерс, не ожидая формального решения правительства, уже покупает, купил в Царицыне 600 десятин земли, опытный журналист сделал верный вывод, что исход конкуренции предрешен в пользу Виккерса (ИЛЬИНСКИЙ И. Странная история // Спб. ведомости. 29.III.1913; ЕГО ЖЕ. О решении Совета министров // Там же. 10.IV.1913; ЕГО ЖЕ. Желательно больше света! // Там же. 20.IV.1913).

[101] TREBILCOCK C. Legends. P. 18; EJUSD. The Vickers Brothers. P. 131–132.

[102] ШАЦИЛЛО К.Ф. Государство и монополии. С. 198; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 91. Л. 9.

Чего-либо исключительного в предусмотренных договором льготах нет. Подобные приемы выращивания для себя поставщиков правительство практиковало по давней традиции. И, соблюдай его партнеры деловую «благонадежность», последующих осложнений, вероятно, могло бы не возникнуть.

Не прошло, однако, двух месяцев, как договор подвергся пересмотру. 31 октября 1913 г. Совет министров утвердил представление Морского министерства о передаче Виккерсу полного изготовления 8-дюймовых пушек[103], причем морской министр тут же заявил о необходимости изготовить в Англии еще и 24 130-миллиметровых. Согласие правительства было получено 23 января 1914 г. А год спустя, за 10 дней до установленного срока, к которому следовало закончить оборудование механической и скрепляющей мастерских, РАОАЗ, ссылаясь на военные обстоятельства (закрытие балтийских портов, захват турками в Дарданеллах английских станков для Царицына), обратилось с просьбой продлить сроки строительства этих мастерских до июля 1916 г., а металлургического и отжигательного отделов — до декабря 1916 года[104]. Заодно оно выразило пожелание передать Виккерсу остаток заказа, на что и последовало 27 февраля 1915 г. разрешение Совета министров. Таким образом, правительство, вынужденное в условиях войны спешить с получением оружия, пренебрегло теми условиями контракта, которые обязывали РАОАЗ изготовить часть пушек на новом заводе, и удовлетворило ходатайства о передаче этих заказов Виккерсу. Получилось, что вместо своевременной организации производства тяжелых орудий в России дело свелось к доставке их в готовом виде из Англии[105].

Изменение условий договора потребовалось и другой стороне. Правительство выразило недовольство теми ограничениями, в силу которых его заводы лишались твердых оснований пользоваться техническими усовершенствованиями и патентами Виккерса через посредничество РАОАЗ. Права казны, по видимости, были закреплены договором с РАОАЗ, но условия можно было истолковать и так, что для пользования этими техническими достижениями на своих заводах правительству пришлось бы прежде получить еще разрешение от Виккерса, поскольку договором между Виккерсом и РАОАЗ такое право правительства не устанавливалось. Как заключает В.В. Булатов, раскрывший эту сторону взаимоотношений фирм с русским правительством, «Виккерс, декларировав... передачу в распоряжение правительства своих патентов и секретов, не декларировал прав на них русского правительства» и, «возможно, не желал связывать себя какими-либо обязательствами» перед ним. Уклоняясь от уступки этих прав, Виккерс все же старался получить аванс. В то же время Булатов полагает, что

---

[103] ОЖСМ 1913. С. 433. Решение было принято на основании заявления Григоровича о том, что ждать с изготовлением таких пушек в России до 1917 г. (срок сдачи, установленный в контракте: с 15 июля 1915 г. по 1 января 1917 г.) нельзя, так как опыт боевой стрельбы показал, что орудия изнашиваются скорее, чем предполагалось, так что их потребуется заменить уже для кампании 1915 г.

[104] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 132 (у автора описка: 1915, вместо 1916 г.); ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 15об., 18, 19; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 222. Л. 74; ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 316 и об.

[105] ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 178.

«особой проблемы в этом не было», то есть на деле не было повода беспокоиться[106]. Правительство же едва ли не основной смысл концессии видело именно в получении доступа к техническим методам Виккерса. Именно этим обещанием («Соединяясь в техническом отношении с английскими фирмами, Учредители приобретают для Общества и, следовательно, в распоряжение правительства» «право на все изобретения и усовершенствования, которые уже имеются у фирмы Виккерс или в течение 10 лет будут сделаны или приобретены ею в области артиллерийского дела»[107]) учредители РАОАЗ в январе 1913 г. создали себе в глазах правительства преимущество перед конкурентами. Однако при выработке детальных условий концессии учредители не соглашались обязаться «сообщать Русскому правительству *все по орудийному делу патенты фирмы Виккерс*», а настаивали на добавлении: «но не безвозмездно, а на тех условиях, на которых Общество получит их само, и притом передавать их исключительно для пользования лишь на казенных заводах»[108]. Возникшая в столь важном вопросе неясность отношений настолько тревожила правительство, что оно по этой причине отказывалось выдать РАОАЗ аванс в 3,5 млн руб. Аванс был выплачен только 11 ноября, после подписания дополнительного соглашения.

Виккерс не напрасно старался воздержаться от определенных обязательств. Заинтересованностью казны в приобщении к своим техническим секретам он попытался воспользоваться, например, для давления на правительство, препятствуя заключению контракта горного ведомства с конкурентом — фирмой Шнейдер — на переоборудование Пермского пушечного завода. Не удивляет, что Государственный контроль требовал дополнительных пунктов, задержав выплату аванса.

И вот 5 ноября требование правительства, «казалось», было удовлетворено. Виккерс дал РАОАЗ право «сообщать русскому правительству и передавать на казенные заводы, по требованию правительства, на тех условиях, на которых получит их само Общество, все по орудийному делу патенты Виккерса». Но еще не успело РАОАЗ получить аванс, как фирмы подписали[109] протокол 9 ноября, «который, — по оценке В.В. Булатова, — начисто опрокидывал» только что заключенное дополнительное соглашение. Протокол фиксировал, что дополнительное соглашение навязано правительством[110], и устанавливал, что это дополнительное соглашение — лишь

---

[106] БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 99.

[107] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154. Л. 677 и об. Памятная записка, полученная Советом министров 4 января 1913 г.

[108] Там же. Л. 850. Справка по вопросу о предоставлении частному обществу заказов на предметы артиллерийского вооружения (по Канцелярии Совета министров). Особенно подчеркивали учредители то, что цены за изготовляемые орудия не включают расплату за патенты Виккерса: «Приобретение таких патентов будет сделано Обществом за счет правительства».

[109] Подписали Базиль Захаров, Ф. Баркер, П.И. Балинский, В.М. Иванов, Я.И. Утин, Н.Д. Лесенко, М.С. Плотников, К.П. Федоров.

[110] В протоколе это выражено в словах: подписание соглашения 5 ноября «вызвано было исключительно требованиями, предъявленными к учредителям Общества Морским министерством, задержавшим выдачу учредителям следуемого им по контракту первого платежа», и «текст сего соглашения установлен Морским министерством».

отписка, уже утратившая силу и не имеющая для фирм обязательного значения[111]. Булатов все же полагает, что этот протокол «сам по себе... не преследовал никакого "злого" умысла» и «отнюдь не нарушал интересов русского правительства», но не объясняет, зачем же тогда вообще его потребовалось составить, экстренно собрав для этого случая верхушку финансовой группировки[112].

Со своей стороны, правительство тоже приготовило камень за пазухой. Оно не согласилось удовлетворить желание фирмы продлить срок готовности завода. Сославшись на то, что теперь этот срок невозможно заранее точно определить, Морское министерство уклонилось от решения вопроса в окончательном виде. Позднее это дало формальное основание объявить договор недействительным. Прибыли, полученные еще не построенным предприятием, на деле являлись наживой на посредничестве: своей продукции завод пока вовсе не давал, а принятые заказы переуступил Виккерсу или дружественным фирмам в России[113].

Вообще же судьба предприятия с самого начала зависела от того, насколько казна обеспечит его заказами, причем его организаторы понимали, что производство крупных орудий не может ему служить устойчивой основой. Дополнительной точкой опоры Царицынскому предприятию должно было служить участие в поставках таких массовых изделий, как легкие полевые пушки и ружья.

К тому времени, когда Военное министерство получило предложение РАОАЗ учредить ружейный завод, острота кризиса в этой отрасли военного снабжения вполне выявилась.

За полтора года до войны считалось, что из всех предметов артиллерийского снабжения полностью состояли в запасах лишь винтовки[114], но эта оценка оказалась приукрашенной. «По объявлении мобилизации в 1914 г. Мобилизационный отдел ГУГШ стал получать извещения, что в военных округах имеется большое количество не отлаженных еще [под остроконечный патрон] винтовок», и отладить их нечем «за отсутствием нагелей и новых прицелов», то есть тех частей винтовки, ко-

---

[111] Буквально: «Признать подписанное 5-го сего ноября дополнительно к договору от 1 сентября 1913 г. (между РАОАЗ и Виккерсом. — *В. П.*) соглашение имевшим силу лишь на определенный случай, а именно на предмет представления Морскому министерству».

[112] БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 101.

[113] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 432; ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 179. История Царицынского предприятия изложена Погребинским с неточностями. Разъясняя, что́ имел в виду Совет министров, когда отмечал 29 мая 1915 г. неизготовление этим заводом ни одного из заказанных орудий, Погребинский утверждал, что подразумевался заказ артиллерийского ведомства на 1500 полевых орудий, принятый Царицынским заводом от имени группы предприятий. Но этот заказ (на 2500, а не 1500 пушек) был выдан через РАОАЗ группе заводов лишь 17 августа 1915 г., так что неисполнение его не могло подразумеваться Советом министров в мае; в действительности речь шла о морских орудиях больших калибров.

[114] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 87. Л. 103–105. Объяснительная записка к ведомости о состоянии в неприкосновенных запасах предметов артиллерийского довольствия к 1 марта 1913 г.

торые пришлось все заменить при переходе к использованию остроконечной пули. Прежние объяснения между ГУГШ и ГАУ, казалось, «заставляли ожидать, что имеется налицо достаточное количество принадлежностей для переделки», ведь ГАУ сообщало, что потому и не может «вырабатывать, как положено, по 2000 [новых] винтовок в день», что «все свободные станки заняло для переделки существующих винтовок под острый патрон... Но оказалось, что и выделка винтовок сокращена и принадлежностей для переделки винтовок изготовлено недостаточно»[115].

Расширить заводы надлежало в срок, который считался очень сжатым — «с таким расчетом, чтобы заказы материальной части артиллерии и предметы артиллерийского довольствия были закончены к 1 января 1917 года»[116]. В соответствии с таким сроком мероприятия по расширению казенных заводов, считавшиеся наиболее разработанными и неотложными, были включены в так называемую «малую» программу первоочередных мер, утвержденную 10 июля 1913 г.

Однако при этом совершенствование и расширение заводов не получило систематического характера. Вскоре же выяснилось, что развертывание ружейного производства наталкивается на затруднения. На 30 сентября 1914 г. Тульскому заводу недоставало станков и лекал для выпуска стволов и замочных частей более 600 шт. в день[117]. Сестрорецкий завод, как и 20 лет назад, питался энергией от водяных колес; в зимнее время морозы вызывали недостаток воды, но и летом 1915 г. недостаток воды в озере не позволял одновременно работать всем мастерским, и тогда дело подошло «к замене водных турбин, ставятся нефтяные двигатели», — писали в жалобе на администрацию Сестрорецкого завода рабочие, приписывая спуск воды из озера злому умыслу электротехника Фрелиха, «бывшего германского подданного»[118].

Несмотря на ввод новых производств, устройство новых мастерских и т.п., Ижевский завод (он также наряду с 19 паровыми двигателями продолжал пользо-

---

[115] Там же. Д. 140. Л. 233. Показания Л.С. Туган-Барановского, 2.XI.1916. ГАУ отписывалось тем, «что отсутствие этих принадлежностей является несущественным, так как острой пулей можно стрелять и из непеределанной винтовки», не при каждом же таком выстреле отрывается ствол! Получив такое «успокоение», Мобилизационный отдел «вынужден был сделать распоряжение, чтобы округа, не ожидая получения [недостающих] частей от ГАУ, собственными средствами занялись изготовлением нагелей для укрепления стволов винтовок, нанимая для этих работ... слесарей. После этого жалобы на неотладку винтовок стали поступать реже» (там же. Л. 234).

[116] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77772. Л. 242. Справка ГАУ для Канцелярии Военного министерства; см. также рапорты о состоянии Тульского и Ижевского заводов в 1914 г.: ВПР. Т. 1. С. 447–450, 452, 455–457, 459–460, 466–473, 477, 480–485.

[117] ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 556. Л. 22 и об. Обвинительный акт Сухомлинову, май 1917 г. Пришлось для трех старых оружейных заводов заказать в США через фирму Ремингтона новые станки (на 1 млн долларов), изготовление которых заканчивалось осенью 1916 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 185, 200. Депеши Залюбовского, 18 и 23.X.1916).

[118] РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 227, 257–258. Рапорты ген. Г.А. Забудского ГАУ; ф. 962. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

ваться четырьмя водяными[119]) вплоть до конца 1916 г. испытывал привычные затруднения при перевозке десятков тысяч пудов своих изделий и материалов для их изготовления.

В первых же сражениях летом–осенью 1914 г. обнаружилась нехватка винтовок, и на скорое улучшение в этом отношении в ближайшие месяцы рассчитывать не приходилось. С сентября 1914 г. правительство пыталось исправить положение с помощью союзников[120], а Военное министерство приступило к разработке проектов новых казенных заводов: оружейного (производительностью до 2 тыс. винтовок в день) и сталелитейного — для изготовления ствольных болванок[121]. Такова была обстановка, когда Военное министерство получило ряд предложений о создании нового (частного) оружейного завода.

Одно из них поступило 15 января 1915 г. от предпринимателя А.К. Тимрота[122] и было встречено сочувственно. «Государь император одобрил этот проект и повелел обсудить его безотлагательно», — записал Сухомлинов 17 января[123]. Проект Тимрота был подвергнут обсуждению: 19 января состоялось междуведомственное совещание под председательством помощника военного министра А.П. Вернандера, которое, однако, признало проект несостоятельным.

Вывод совещания был доложен царю 4 февраля, на другой день после того, как Сухомлинову было сделано новое предложение о постройке частного завода — теперь уже от РАОАЗ. «Будучи осведомлено о предположении военного ведомства выдать заказ на ружья», правление РАОАЗ предлагало построить, в случае заказа не менее миллиона винтовок, завод с производительностью до 300 тыс. винтовок в год. Новый (и первый в России частный) оружейный завод был бы связан с орудийным заводом того же общества и с фирмой Виккерс. 6 февраля это заявление

---

[119] ЕЗИОРАНСКИЙ Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909. № 174.

[120] См.: ЕМЕЦ В.А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977. С. 98; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2290. Л. 28.

[121] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 115. Л. 8. Всеподданнейший доклад по Военному министерству с кратким очерком деятельности министерства в 1914 г. «Еще в ноябре 1914 г. возник вопрос о постройке» этих заводов (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 140. Л. 131. Показания Басова, ок. 10.IX.1916).

[122] А.К. Тимрот в 1912 г. являлся директором, членом правлений нескольких пароходных обществ, в том числе полуказенного РОПиТ, членом Совета торгового мореплавания (Новое время. 5.IX.1912; Морской журнал. 1937. № 120/12. Декабрь. С. 33/267. Некролог), а в 1915 г. управлял русским отделом английского общества «Р. Мартенс и К°», на которое была возложена перевозка из Америки в Россию грузов, заказанных на английские кредиты (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 16. Л. 10).

[123] Там же. Д. 30. Л. 171. Текст заявления Тимрота позволяет думать, что о повелении царя от 15 декабря 1914 г. (о заблаговременной подготовке к борьбе с союзниками) ему было известно: «Именно к концу войны и во время конференции мира, когда державы ныне нейтральные могут оказаться нашими врагами, а союзники в некоторых вопросах могут оказаться недоброжелательными, мы должны быть сильнее, чем когда-либо» (л. 171).

было подкреплено телеграммой ее директора Ф. Баркера с предложением РАОАЗ купить оборудование для производства 375 тыс. винтовок в год (при работе 3 тыс. рабочих в одну смену; при двухсменной работе они изготовляли бы 650 тыс. в год). Ответ требовался в течение шести дней[124]. Эту телеграмму Сухомлинов показал Николаю II, который распорядился: «Не упускайте завода»[125] и «повелел рассмотреть этот вопрос спешно в Совете министров»[126].

Докладывая Совету министров 10 февраля 1915 г. о состоявшемся «высочайшем повелении», Сухомлинов испрашивал согласия правительства «способствовать устройству частного ружейного завода путем обеспечения за ним в течение известного ряда лет определенных заказов»[127]. Не отвергнув и даже «в существе» одобрив этот замысел, Совет министров, однако, утвердил мнение министра финансов, который требовал, чтобы Военное министерство начинало переговоры с РАОАЗ не раньше, чем получит разрешение английского правительства разместить в Англии заказ на станки для нового завода. Условия же размещения этого заказа Сухомлинов должен был согласовать предварительно с министром финансов. Но и после выяснения всех этих вопросов Сухомлинов был обязан не предпринимать дальнейших практических шагов без нового обсуждения дела в Совете министров[128].

Тем не менее 12 февраля, когда истекал срок для ответа, Сухомлинов приказал отправить РАОАЗ следующую «расписку»: «...предлагаем вам приступить немедленно к выдаче за границей заказов на полное оборудование завода для выделки ружей со всеми машинами, станками и т. п., а равно... к возведению в России всех необходимых для завода сооружений. Договор на поставку вами ружей будет заключен с вами Главным артиллерийским управлением»[129]. Этот шаг, предпринятый в противоречии с решением Совета министров от 10 февраля, позднее причинил Сухомлинову немало неприятностей, но военный министр полагал, что, действуя по поручению царя, он не должен был считаться с какими-либо возражениями, даже если они исходили от Совета министров[130].

---

[124] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 730. Л. 1–9; д. 731. Л. 40; ф. 2000. Оп. 2. Д. 1733. Л. 3–4. 9 февраля правление РАОАЗ подало Сухомлинову уточненный текст своего заявления, где речь шла о заказе не менее 3 млн винтовок; завод должен был выпускать 500 тыс. винтовок в год, число рабочих намечалось в 10 тыс. человек.

[125] СУХОМЛИНОВ В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 373.

[126] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 7об. Справка Канцелярии Военного министерства.

[127] Там же. Л. 93, 7об.

[128] Там же. Л. 14. Письмо председателя Совета министров И.Л. Горемыкина Сухомлинову (исполнительное письмо, заменявшее особый журнал), 17.II.1915, в котором изложено решение Совета министров, принятое 10 февраля.

[129] Там же. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1437. Л. 4, 14.

[130] По поводу предъявленного ему после отставки судебного обвинения Сухомлинов писал: «Так как на это я был уполномочен государем, — то при чем тут "прямое противоречие" с решением Совета министров». Умалчивая о распоряжении царя обсудить дело в Совете министров, Сухомлинов писал, что согласия кабинета ему «и не требовалось» (СУХОМЛИНОВ В.А. Указ. соч. С. 372–373).

С этого момента дело попало в Канцелярию Военного министерства. Ее начальник А.С. Лукомский, получив из Совета министров заявление РАОАЗ, доложил помощнику военного министра А.П. Вернандеру: «Этот вопрос шел помимо Канцелярии Военного министерства. Если вашему высокопревосходительству известны обстоятельства дела, прошу не отказать дать указание о дальнейшем направлении дела». Вернандер ответил: «Хотя военный министр и говорил мне о предложении Виккерса установить в Царицыне выделку винтовок, но никаких подробностей этого дела я не знаю. Надо дело это сообщить ГАУ и получить от него заключение по указанию августейшего генерал-инспектора артиллерии»[131]. Так произошло то, чего старался избегнуть Сухомлинов: позднее он был раздосадован, узнав, что ГАУ запросило заключение вел. кн. Сергея Михайловича: «ГАУ, очевидно, неточно доложило е. и. высочеству — заключения не спрашивали, сколько помню»[132]. О «расписке», выданной Сухомлиновым РАОАЗ, генерал-инспектор и председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части вел. кн. Сергей Михайлович был извещен сразу же Е.К. Смысловским, а 18 февраля также начальником Генерального штаба М.А. Беляевым[133], который и представил в свое время на подпись Сухомлинову ее текст[134].

Между тем РАОАЗ, не имея еще договора о поставке, поторопилось закрепить согласие военного министра и 26 февраля сообщило, что с разрешения Сухомлинова оно заказало оборудование и приступило к постройке[135]. На другой день Лукомский докладывал Вернандеру: «Я опасаюсь, что может произойти недоразумение, ибо согласно письма председателя Совета министров... вопрос подлежит еще обсуждению в Совете министров, между тем, как видно из настоящего заявления, Обществом приняты уже меры по оборудованию...» — «Да, недоразумение произойти может», — согласился Вернандер и приказал «сегодня же поставить правление [РАОАЗ] в надлежащую позицию»[136].

Полученный ответ побудил членов правления посетить ГАУ, где Смысловский им разъяснил, что «вопрос о постройке ружейного завода нельзя считать еще предрешенным». Когда они попытались возразить, что «это какое-то недоразумение и заказ они должны получить», то им вновь было сказано: «Наоборот, все данные за то, что заказ им дан не будет». Тогда представители РАОАЗ побывали у Сухомлинова и Горемыкина, но эти тщетные попытки устранить «недоразумение» лишь показали, что решение Совета министров от 10 февраля остается в силе[137].

---

[131] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 13. Копия переписки.

[132] Там же. Л. 26. Резолюция Сухомлинова на докладе Лукомского о беседе с вел. кн. Сергеем Михайловичем.

[133] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 7. Л. 131об.–132. Показания вел. князя, 29.VIII.1915; ф. 2000. Оп. 2. Д. 1733. Л. 11.

[134] «Конечно, этого подписывать нельзя было», — признал впоследствии Сухомлинов (там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 10. Справка, составленная Лукомским для Поливанова).

[135] Там же. Л. 46; ф. 2000. Оп. 2. Д. 1733. Л. 17.

[136] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 20. Доклад Лукомского с резолюцией Вернандера.

[137] Там же. Л. 8об.–9об.

Не больше успеха имели и другие предложения частных предпринимателей (к тому времени поступили предложения от акционерного общества «Пулемет», группы Русско-Азиатского банка и ряд других). Позиция артиллерийского ведомства в этом вопросе определялась следующей установкой Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части: «Все предложения... неприемлемы. Главным мотивом неприемлемости предложений, — писал председатель комиссии, — я ставлю тот факт, что срок готовности заводов настолько отдален, что в нынешнюю войну эти заводы никакой пользы принести не могут». Из этого следовало, что и цены, которые желают получить заводчики за винтовки, не обоснованы: «Цены у всех предпринимателей поставлены военного времени», и они хотят путем контракта закрепить их на долгое время, так как «прекрасно сознают, что по окончании первого заказа им придется либо закрыть завод, либо довольствоваться самыми ничтожными заказами». «Еще аргумент, говорящий против допущения постройки частного завода»: частный завод, не имея своего подготовленного технического персонала, будет переманивать инженеров и хороших мастеров «из наших заводов».

Общее заключение председателя комиссии сводилось к тому, что «все внесенные предложения следует отклонить» и «ассигновать теперь же достаточные кредиты на развитие существующих заводов до производительности 1500 тыс. винтовок в год»; «немедленно приступить к постройке и оборудованию нового сталелитейного завода для отливки ствольных болванок»; купить в Америке оборудование и построить четвертый казенный оружейный завод. «Обладая такими мощными заводами, мы совершенно освободимся в ружейном деле от частной промышленности и заграничных заказов»[138].

Опираясь на заключение великого князя, ГАУ к 29 марта подготовило доклад Сухомлинову. ГАУ полагало, что ввиду принятых мер по расширению казенных заводов и размещению заграничных заказов «необходимость в каком-либо частном заводе для выделки боевого оружия отпадает». 30 марта Сухомлинов наложил на докладе резолюцию: «Не согласен. Доклад составлен в духе практиковавшегося порядка артиллерийского снабжения армии. Опыт настоящей войны показал достаточно определенно, в каком мы очутились положении. Внести в Военный совет доклад немедленно о постройке завода в Царицыне, как то уже одобрено было»[139].

3 апреля вел. кн. Сергей Михайлович попытался еще раз убедить военного министра не давать дальнейшего хода проекту Виккерса. Вызванному им для переговоров в качестве посредника Лукомскому он сказал, что ГАУ затрудняется составить доклад в Военный совет, так как «трудно это мероприятие представить выгодным». Однако Лукомский, ссылаясь на твердое решение министра, настоял на том, чтобы представление было внесено в Военный совет «в кратчайший срок». Он получил обещание, что «представление, конечно, будет внесено безотлагательно». Тут же великий князь поинтересовался, в каком порядке будет решена судьба проекта, и Лукомский ответил, что, прежде чем попасть в Совет министров, представление

---

[138] Там же. Л. 48 и об. Вел. кн. Сергей Михайлович — Д.Д. Кузьмину-Караваеву, 18.III.1915.

[139] Там же. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1437. Л. 18–22.

должно получить одобрение Военного совета, а до того — пройти через обсуждение в междуведомственном совещании.

Затем произошел инцидент, ясно показавший, что глава Особой комиссии не намерен уступать министру. Заканчивая аудиенцию, великий князь высказал недоумение, зачем спрашивали его мнение, «раз вопрос окончательно разрешен». Когда Лукомский возразил, что решение принято «*лишь принципиально*», ему была предъявлена копия «расписки» Сухомлинова, о которой, как оказалось, начальник канцелярии ничего не знал[140].

8 апреля ГАУ, наконец, подало Сухомлинову обещанное представление. Против проекта частного завода в нем были выдвинуты все высказанные раньше доводы. Добавлялось, что выдача предпринимателям аванса была бы незаконной. Изучив представление, Сухомлинов «нашел, что по характеру изложения оно имеет в виду отклонение» предложения РАОАЗ «и, таким образом, не соответствует данным военным министром указаниям». Он приказал срочно провести вопрос о новом заводе через междуведомственное совещание, а представление переделать в смысле желательности устройства частного завода[141].

Совещание состоялось 14 апреля 1915 г. под председательством Вернандера. С обоснованием необходимости постройки частного завода выступал Лукомский. Ознакомившись с предложениями, поступившими в ГАУ от предпринимателей, совещание «прежде всего» отметило «всю важность» содействия отечественному производству винтовок: если будет достигнута независимость от внешнего рынка, то «те переплаты, которые может сделать казна для насаждения у нас частного ружейного производства, несомненно, впоследствии с избытком будут восполнены», особенно в случае войны. «Ввиду сего, — говорилось в журнале совещания, — вопрос об устройстве частного ружейного завода в России должен быть признан имеющим принципиальное и государственной важности значение»[142]. Но, сравнив с разных сторон выгодность частного и казенного предприятий, совещание все же решило, что следует строить казенные заводы, «целесообразность осуществления каковых заводов неоднократно в последнее время отмечалась законодательными учреждениями»; к устройству же частного завода со стороны этих учреждений «вернее можно ожидать неблагоприятного отношения»[143]. Против «насаждения новой отрасли

---

[140] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 26. Доклад Лукомского Сухомлинову, 3.IV.1915. Направив дело о «расписке» Сухомлинова на 7,5 млн руб. через Военный совет, Лукомский считал, что тем самым «скандал предотвращен (великий князь, в сущности, и не имел основания поднимать историю, ибо ГАУ готово было дать за эти станки до 10 млн рублей). Но остался скверный осадок...» (ЛУКОМСКИЙ А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 97).

[141] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 27–32. Представление «О предложении на постройку в России частного оружейного завода»; ф. 2000. Оп. 2. Д. 1733. Л. 24–25. Лукомский — Беляеву, 10.IV.1915.

[142] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 2–11об.; ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 82–92.

[143] Представитель Государственного контроля напомнил, что не так давно в Думе «возбудил большие прения и едва не послужил поводом для запроса правительству» заказ Морским министерством орудий Царицынскому заводу РАОАЗ.

частной промышленности» высказался и представитель Министерства финансов В.В. Кузьминский. Совещание постановило строить четвертый казенный оружейный завод стоимостью в 31,2 млн руб. (рассчитанный на 450 тыс. винтовок в год) и сталелитейный стоимостью в 39 млн рублей[144].

Видя, что цель остается недостигнутой, Лукомский принялся за дело заново. «Не возражая против целесообразности постройки четвертого казенного завода», он в том же заседании заявил, что и четырех заводов будет мало, так как «в доложенных совещанию расчетах представляются сомнительными» данные о размере потребности: нужно иметь запас не 8 млн винтовок, а минимум 10. Поэтому следует «обсудить вопрос о постройке пятого завода производительностью примерно до 600 тыс. винтовок в год». Пятый завод «должен быть, по мнению г.-л. Лукомского, частным». Когда совещание отклонило это домогательство, Лукомский выступил со своим «особым мнением», вновь настаивая, чтобы «ныне же» было решено строить пятый, частный оружейный завод.

Самое большее, чего Лукомскому удалось добиться от совещания, было постановление «не предрешая ныне вопроса об устройстве частного ружейного завода», заняться выяснением точного размера потребности в винтовках и условий, на которых предприниматели могут принять на себя поставку.

Это было поражение. Еще один удар нанесли, уже после совещания, представители Государственного контроля А.Д. Приселков и М.В. Соловьев. При составлении журнала совещания они тоже приложили к нему свое «особое мнение»: «Высказываясь против привлечения вообще частной промышленности к пополнению запаса винтовок, — заявляли они, — мы не усматриваем решительно никакой надобности и в производстве опроса частных фирм для выяснения условий на изготовление ручного оружия». Если Военное министерство будет добиваться постройки пятого оружейного завода, «то таковой должен быть, по нашему мнению, только казенным»[145].

По оценке Лукомского, в результате совещания выяснилось, что «в ближайшем по крайней мере будущем нет возможности рассчитывать на благоприятное разрешение вопроса о постройке частного ружейного завода». Сухомлинову предстояло решить, «как теперь выйти из этого положения». После того как Лукомский выяснил, что РАОАЗ, заказав станки в Америке, к постройке еще не приступило, 16 апреля начальнику ГАУ Кузьмину-Караваеву было сообщено распоряжение министра «ликвидировать вопрос по заказу г. Балинским станков для предполагавшегося завода», для чего войти в соглашение с РАОАЗ о переуступке станков ГАУ, чтобы использовать их для расширения существующих казенных заводов и оборудования четвертого[146].

Формально же судьба проекта частного завода и после совещания 14 апреля еще не считалась «предрешенной», так что Сухомлинов даже провел этот проект через Военный совет[147]. Но требование правительства согласовать проект с Министерс-

[144] См.: СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 430–431.

[145] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 11об.

[146] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 65. Лукомский — Кузьмину-Караваеву, 16.IV.1915; л. 10.

[147] См.: СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 431.

твом финансов оставалось неисполненным, и Военный совет должен был перенести спор с финансовым и контрольным ведомствами в Совет министров.

Повторное обсуждение плана строительства оружейных заводов, состоявшееся в Совете министров 29 мая, резко выявило различие в подходе правительства к казенному и частному заводскому строительству. Сухомлинов на этот раз сделал еще одну попытку получить санкцию правительства на переговоры с РАОАЗ: он добивался, чтобы Совет министров не только разрешил строить новые казенные (4-й оружейный и 2-й сталелитейный) заводы, но и признал «необходимой» и «обязательной постройку 5-го частного ружейного завода в центре России»[148]. В заседании Совета министров ему возражали министр финансов П.Л. Барк и государственный контролер П.А. Харитонов. Они считали, что поскольку РАОАЗ требует для исполнения заказа большого срока, то «поставленная ныне на очередь мера к обстоятельствам текущей войны, очевидно, прямого касательства не имеет», а раз так, то «едва ли есть достаточное основание к оплате по непомерно повышенным ценам военного времени поставок, подлежащих выполнению через несколько лет, в условиях мирного времени». Ссылаясь на неудачный опыт устройства частного орудийного завода в Царицыне, Барк и Харитонов призывали к осторожности: Виккерс — та же фирма, которая предлагает теперь построить оружейный завод, — уже брался за сооружение орудийного завода, в результате «казна получает иностранные пушки по явно преувеличенным ценам», так как заказы пришлось передать в Англию, цены же Царицынскому заводу были назначены («специально в видах поощрения русского производства») повышенные по сравнению с возможными заграничными заказами.

Оба министра заявляли, что они «в принципе» ничего не имеют против сооружения частного завода. Но опыт устройства частного орудийного завода приводил их к заключению, что было бы неправильно «возлагать преувеличенные надежды на снабжение вооруженных наших сил путем насаждения в России частной промышленности». Содействие возникновению частного предприятия, «работающего исключительно на нужды государственной обороны» и обеспеченного заказами казны, «в лучшем случае равносильно» постройке частного завода на казенные деньги, а иногда сводится «к созданию лишь посредника» между казной и заграничными фирмами, но с ними лучше уж иметь дело «без всяких дорого оплачиваемых комиссионеров». Все высказанные Барком и Харитоновым соображения Совет министров признал вескими[149].

---

[148] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 17об.–18. Представление Военного министерства в Совет министров, 23.V.1915.

[149] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 94об. ОЖСМ «Об отпуске средств на постройку новых ружейного и сталелитейного заводов», 29.V.1915. Сидоров считал, что в этом журнале история вопроса «изложена не совсем точно», так как в нем сказано, что междуведомственное совещание 14 апреля решило «поставить на очередь» вопрос о частном заводе, в то время как оно такого решения не принимало (СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 431). Здесь имеет место недоразумение. Цитированными словами в журнале Совета министров изложено (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 93об.–94) не решение Совещания, а лишь предложение «некоторых представителей военного ведомства» (им «казалось бы своевременным поставить на очередь» вопрос о частном заводе). В журнале не сказано того, что Совещание «решило» этот

Формулировка резолютивной части журнала Совета министров дает повод для утверждений[150], что ходатайство Сухомлинова было все же удовлетворено: правительство решило не только строить казенные заводы, но и «одобрить заключение Военного министерства об устройстве в России частного ружейного завода...» Но, по существу, Совет министров повторил свое решение от 10 февраля 1915 г.: одобрение было дано, как и раньше, «...с тем, чтобы ближайшие в этой области предположения, по выяснении всех необходимых данных, были внесены установленным порядком на уважение Совета министров».

Именно такого исхода и добивались Барк и Харитонов, изъявившие «принципиальное на эту меру согласие, при условии последующего, в установленном порядке, рассмотрения подробностей ее осуществления». Безобидная на вид оговорка сводила полученное военным министром условное «одобрение» на нет («форма согласия, в сущности, равносильна отказу», — писал по поводу подобного случая начальник Канцелярии Военного министерства А.Ф. Забелин[151]). Сухомлинову было нужно не «принципиальное» согласие, которое в дальнейшем, при рассмотрении конкретных предложений грозило обернуться отказом, а такое решение вопроса, при котором правительство, определенно «признав необходимость» строительства частного завода, задним числом санкционировало бы данное им 12 февраля официальное согласие на предложение Виккерса. Но этого не произошло. Наоборот, Совет министров «признал всю вескость» возражений Барка и Харитонова и недвусмысленно отверг «намеченное» Сухомлиновым «предрешение» вопроса о частном заводе. Для последующей окончательной ликвидации проекта РАОАЗ, видимо, и не потребовалось тех «величайших усилий» ГАУ, о которых упоминал Маниковский[152], так как, принимая решение (после «настойчивых заявлений военного министра») объявить конкурс, Совет министров предвидел его исход. Ему было известно, что «большинство предложений частных предпринимателей предусматривает цены, значительно превышающие стоимость изготовления винтовки на казенных заводах», а также неприемлемо долгие сроки исполнения заказов[153]. Иначе говоря, «выяснилось, что возлагать надежды на частные заводы... возможно лишь в малой мере». В связи с этим, как отмечено в отчете Военного министерства за 1915 год, было приступлено к усилению мощности не только ружейных, но и всех вообще казенных заводов. Все строительные и механические работы к лету 1915 г. «были в полном ходу и велись непрерывно с полным напряжением сил»[154].

вопрос, а говорится, что «совещание признало наиболее правильным, не предрешая вопроса» об учреждении пятого завода, предложить военному ведомству прежде «выяснить точную, сверх 1 400 000 винтовок, ежегодную производительность, необходимую для удовлетворения потребностей в ружьях нашей армии», и лишь после этого объявить конкурс.

[150] «Совет министров одобрил предложение Сухомлинова», — писал Сидоров (СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 432). См. также: ЖОСО 1915. С. 563 (Комментарий).

[151] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7220. Ч. 1. Л. 4. Записка Редигеру, 8.IV.1908.

[152] МАНИКОВСКИЙ А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 78.

[153] Минимальный срок, четыре года, предлагал купец А.А. Битков, но это предложение считалось несерьезным (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 5об., 8).

[154] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 426.

После отставки Сухомлинова назначенный управляющим Военным министерством А.А. Поливанов 30 июня в свою очередь «признал постройку частного ружейного завода требующей незамедлительного осуществления», приказал ГАУ «безотлагательно» рассмотреть предложения конкурентов, а затем дал Лукомскому распоряжение учитывать, что «при существующих обязательствах Военного министерства» предложения РАОАЗ «должны получить преимущество»[155]. Однако еще 12 августа, до истечения срока внесения конкурсных предложений, РАОАЗ пожелало продать Военному министерству станки, заказанные обществом в Америке для своего ружейного завода[156].

Такой ход РАОАЗ заставил «соискателей» понизить цены. Общество «Пулемет», в частности, чья цена была наименьшей, готово было удовольствоваться 37,5 руб. за винтовку. По подсчету специалистов-оружейников ГАУ, эта цена включала, кроме себестоимости, больше 10% на накладные расходы и дивиденды, но все же сравнительно не намного превышала ту цену (35 руб.), по которой «для казны было бы неубыточно» выдать заказ. «Казалось бы», заказ следовало дать «Пулемету», признали специалисты.

Итог конкурса был подведен 15 сентября 1915 г. комиссией под председательством Маниковского. По поводу варианта, предложенного обществом «Пулемет», ГАУ отметило, что «нарождающееся» предприятие рассчитывает сделать первоначальные затраты «не из собственных акционерных капиталов, а из выдаваемого казною аванса[157]... казна, по существу, будет строить завод за свой счет, избрав комиссионером упомянутое акционерное общество». Этот вывод в равной мере мог подходить и к остальным конкурентам. По мнению ГАУ, «более благоприятного в экономическом смысле результата» можно было достигнуть, если строить завод «непосредственным распоряжением казны», воспользовавшись согласием РАОАЗ продать (якобы по себестоимости, за 9 млн руб.) комплект заводского оборудования. ГАУ предлагало: «1) Конкуренцию на постройку частного оружейного завода в России признать законченной и не приведшей к желательным результатам. 2) Ныне же приступить к разработке проекта нового, взамен частного, — казенного оружейного завода». Это мнение было утверждено Поливановым и Военным советом[158].

27 ноября Совет министров обсудил представление Поливанова, в котором говорилось, что «назначенный во исполнение вышеприведенного положения Совета министров (29 мая. — *В. П.*) конкурс не дал благоприятных результатов, выяснив в то же время предпочтительность сооружения нового завода средствами казны». По мнению Военного министерства, вместо сооружения частного завода следовало

---

[155] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 116–118, 7; ЖОСО 1915. С. 173, 175.

[156] ЖОСО 1915. С. 186–187, 191.

[157] Общество «Пулемет» просило аванс в 22 650 тыс. руб., другие же конкуренты — от 22,5 до 47,7 млн руб. (РАОАЗ). К тому времени заводик этого общества (135 рабочих) выпускал шрапнельные и бронебойные пули, «прицелоскопы», ручные ножницы, смазочные масла (РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1886. Л. 38; ср. ВПР. Т. 1. С. 528–529; Дневник быв. вел. кн. Андрея Владимировича, 1915 год. Л.; М., 1925. С. 90–91).

[158] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 126–131, 133–136.

перенести в Екатеринославскую губернию и расширить Сестрорецкий завод. Это, конечно, вызывало крупный строительный расход, но зато каждая винтовка тогда обходилась бы примерно в 31 руб. 58 копеек[159]. «Военное ведомство в настоящее время остановилось на мысли, — докладывал Поливанов, — в связи с проектируемым оборудованием названного завода на новом месте расширить его производительность до таких пределов, чтобы производство всех казенных заводов в совокупности вполне обеспечивало выяснившуюся на опыте текущей войны потребность». Совет министров согласился с Поливановым и отпустил 2 млн руб., чтобы ГАУ могло приступить к работам в 1915 г. 17 декабря Николай II утвердил решение Совета министров, приказав «с перенесением и расширением завода поспешить»[160].

Упорные попытки Сухомлинова преодолеть сопротивление созданию частного ружейного завода не только не достигли цели, но и послужили главным основанием обвинения его в «покровительстве» фирме Виккерс[161].

В июне 1914 г., отправляя Кузьмина-Караваева присутствовать при закладке Царицынского завода, Сухомлинов сообщил ему, что получил «указание государя императора поставить на Царицынском заводе... производство орудий и лафетов для военного ведомства. Имея в виду выяснить этот вопрос, — свидетельствовал позднее Кузьмин-Караваев, — я пригласил с собою на Царицынский завод ген. Якимовича» (заведующего Техническими артиллерийскими заведениями)[162].

Переговоры между Сухомлиновым и Балинским о поставке 3-дюймовых пушек начались в августе 1914 г., в сентябре правление РАОАЗ уже заказало Виккерсу станки и распорядилось строить специальный корпус для мастерской легкой артиллерии, а 20 декабря Сухомлинов доложил царю о намерении РАОАЗ установить производство таких пушек на Царицынском заводе при условии, если ему будет дан заказ на несколько тысяч орудий. Получив согласие[163], Сухомлинов распорядился,

---

[159] Весь расход на перенесение и расширение завода намечался в 34 521 930 руб.

[160] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 146–147. ОЖСМ «О расширении Сестрорецкого оружейного завода и перенесении его в одну из внутренних губерний», 27.XI.1915. Предполагалось, что в Екатеринославе будет построен завод, являющийся точной копией завода Ремингтона в Бриджпорте (1600 станков, производительность 1,2 млн ружей в год, или 100 тыс. в месяц, или 3–4 тыс. в сутки), и затем к оборудованию, вывезенному из США вместе с изделиями на разных стадиях обработки, будут добавлены технические средства Сестрорецкого завода (ЗАЛЮБОВСКИЙ А.П. Указ. соч. С. 53, 71). Маниковский в своем докладе о программе 1916 года занизил производительность объекта, чем вызвал недовольство Залюбовского, руководившего проектированием завода и закупкой американского оборудования.

[161] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 430–431; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 2–11об.; ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 82–92, 94об.–95; ф. 970. Оп. 7. Д. 2037. Л. 14–15об., 25.

[162] Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Л. 42. Показания 13–16.I.17.

[163] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 2. Заявление РАОАЗ, 3.XII.1914, подписанное Балинским и Утиным, доложенное царю, с записью его повеления. Позднее Балинский, однако, уточнил, что «Сухомлинов после доклада государю императору прямо указал мне, что никаких определенных гарантий» насчет заказа полевых пушек «он дать не может и что мы принимаем

чтобы ГАУ внесло в Военный совет представление о заказе Обществу 3000 пушек, но против такого заказа выступили финансовое и контрольное ведомства. Директор Департамента государственного казначейства, указав, что 3000 орудий — это «почти половина всего количества сих орудий, состоящих по штатам на вооружении всей нашей армии», считал, что если дать заказ обществу РАОАЗ и тем самым вызвать к жизни новое частное производство таких пушек, то «вполне приспособленные и оборудованные для изготовления такого рода орудий казенные заводы горного ведомства (т. е. Пермский завод — *В. П.*) должны будут сократить свое производство».

В том же смысле высказался Государственный контроль, требовавший, чтобы прежде решения вопроса о заказе Царицынскому заводу было выяснено, не может ли исполнить этот заказ Пермский завод, «на расширение производительности коего казною затрачены в последние годы значительные средства», «иначе может оказаться, что заказ этот будет предоставлен не оборудованному еще частному заводу, в явный ущерб планомерному питанию» существующих предприятий. При этом контрольное ведомство напомнило, что РАОАЗ не относится к числу партнеров, «уже зарекомендовавших себя исправным выполнением казенных заказов», его Царицынский завод «уже оказался не в состоянии выполнить данные ему в 1913 г. первые заказы морского ведомства, которые с разрешения Совета министров были переданы фирме Виккерса». Министерство финансов, заявив о своем несогласии дать деньги на заказ пушек РАОАЗ[164], указывало, что фирма запросила «исключительно высокую» цену и что с полевыми пушками, если их заказать этому Обществу, может получиться то же, что уже произошло с морскими, — заказ придется передать Виккерсу. Допустив создание нового завода легких орудий, казна в последующем будет вынуждена поддерживать его заказами «искусственно», «в ущерб производству казенных заводов». Предупреждая о возможном повторении скандала, подобного вызванному предыдущим контрактом РАОАЗ с морским ведомством, Министерство финансов требовало «предоставить заказ 3000 полевых трехдюймовых орудий Пермским пушечным заводам» и «принять меры к дальнейшему расширению производства полевых орудий на этих заводах». В результате такой неуступчивости дело затянулось до мая и должно было поступить на новое рассмотрение в Совет министров[165].

Волокита длилась до отставки Сухомлинова. За месяц до нее он еще сумел навязать Военному совету решение в интересах РАОАЗ и 26 мая 1915 г. передал дело в Совет министров. Представление Военного министерства о пушечном заказе было возвращено Сухомлинову Советом министров без рассмотрения, с указанием перенести решение вопроса в Особое совещание по обеспечению действующей армии (председатель — Сухомлинов). Но Особое совещание, сославшись на то, что заказ рассчитан на исполнение в основном после войны, 13 июня (в день отставки Сухомлинова) постановило не брать решение вопроса на себя и вернуло дело Военному министерству для вторичного внесения в Совет министров.

в этом деле риск на себя» (там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 29. Л. 170). Готовность РАОАЗ рискнуть Балинский истолковывал как «вопрос патриотического долга».

[164] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 21–22, 24–25.

[165] Там же. Л. 26, 34–35; ф. 234. Оп. 1. Д. 18. Л. 135–139; ф. 504. Оп. 6. Д. 16. Т. 1. Л. 304.

Только что вступив в управление Военным министерством, Поливанов, не обращаясь в Совет министров, запросил Министерство торговли и промышленности, сможет ли Пермский завод изготовить 3000 пушек к 1920 г. «Для государства выгодней, — пояснил он, — развить существующий казенный завод, а не создавать частный завод, за заказы на котором казна всегда будет переплачивать»[166]. 25 июня министр торговли и промышленности ответил, что Пермский завод может поднять производительность до любых нужных пределов и на это потребуется не больше времени, чем Царицыну. Теперь дело получило новое направление, и 24 августа 1915 г. правительство рассмотрело вопрос о заказе 3000 орудий уже не Царицынскому, а Пермскому казенному заводу.

Не разделяя соображений своего предшественника, Сухомлинова, Поливанов на заседании Совета министров обрисовал преимущества казенного производства, отметив, что «и вообще» он отдает «предпочтение, в смысле обеспечения потребностей государственной обороны, казенным заводам перед частными». То, что при передаче заказа Пермскому заводу «не будет достигнуто образование частного для выделки до 1200 полевых пушек ежегодно предприятия», искупалось развитием Пермского завода: вместо нынешних 900 он будет давать по 3000 пушек в год. Совет министров подтвердил, что такое мнение «отвечает точке зрения о преимуществах... казенных заводов, неоднократно выраженной Советом министров». От усвоенной им точки зрения, говорилось далее в журнале, правительство прежде допускало «частичные отступления», но это делалось «лишь в силу настояний ближайше ответственных за состояние нашей государственной обороны ведомств»[167].

Расстаться с возможностью получить заказ на 3000 орудий (23 млн руб.) дельцам РАОАЗ было нелегко, и 23 октября правление обратилось с жалобой к Николаю II: «Заказа на полевые пушки до сих пор, вот уже год, не последовало, несмотря на то, что этот вопрос дважды прошел в Военном совете в утвердительном смысле». В записке Общества излагались претензии к правительству также и по поводу препятствий созданию в Царицыне ружейного и крупнопоковочного производств. Давая царю, полгода спустя, объяснение по этому делу, Военное министерство докладывало: из жалобы «можно понять, что дело изготовления трехдюймовых орудий на названном заводе начато и налажено; между тем обследованием на месте установлено», что для изготовления их «выполнена лишь пристройка к зданию, но никаких дальнейших оборудований не имеется», а потому в действительности услугами Царицынского завода «правительство воспользовалось» в полной мере — «насколько позволяло оборудование этого завода». Имелось в виду предоставление заказа на 2500 пушек группе предприятий: завод Лесснера изготовлял затворы, Петроградс-

[166] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 111–114; ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 39, 42, 45, 46, 55; ЖОСО 1915. С. 62–63. В комментарии к журналу Особого совещания по обороне от 13 июня 1915 г. (с. 562, 554) вопрос о заказе 3000 пушек Царицынскому заводу, равносильном отпуску денег на постройку нового частного завода, ошибочно совмещен (как в книге Погребинского) с рассматривавшимся одновременно вопросом о заказе 2500 таких же орудий — через тот же завод — группе предприятий, уже существовавших независимо от данного заказа.

[167] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 64–65. ОЖСМ, утвержден царем 7.IX.1915.

кий металлический — лафеты, Сормовский — тела орудий; Царицынский же завод, передавший Сормовскому выписанные из-за границы станки[168], получал за каждую из пушек барыш по 700 рублей[169]. В конце концов, по август 1917 г., из 2500 пушек, заказанных «царицынской» группе заводов, она сдала 1442 орудия с затворами, из них 602 — без лафетов[170].

Тем временем в политических кругах развертывалась дискуссия о распределении между правительством и «общественностью» ответственности за поражения на фронте. Лидеры различных группировок усмотрели в скандальных делах Царицынского и Путиловского заводов благодатный материал. Выступая 1 августа 1915 г. в Думе, Н.Е. Марков назвал РАОАЗ обществом «тех самых пушечных заводов, которые два года строятся, но никак не могут постройкой окончиться», и напомнил, что договором с ним создано такое положение, когда «частный пушечный завод, который еще ни одной пушки не поставил, ограничивает право русского правительства на развитие своих казенных заводов». Этот контракт, по его мнению, показывал, насколько глубоко проникают интересы частной промышленности: «Даже казенным пушечным заводам мешают развить свою производительность в полной силе, заставляют суживать ее». Тему развил 3 августа другой лидер правых, А.Н. Хвостов, объявивший Путиловское общество наполовину немецким, так что по отношению к нему, по мнению Хвостова, назрела необходимость секвестра[171]. В те дни дело Путиловского завода уже приобрело политическое значение и полгода спустя закончилось переходом завода под казенное управление.

---

[168] Как показало расследование, заказанные через Виккерса осенью 1914 г. станки для изготовления 3-дм полевых пушек частично поступили в Царицын в конце января — начале февраля 1915 г., «как раз в то время», когда в таких станках остро нуждался Путиловский завод, не справлявшийся с заказами на трехдюймовки и пытавшийся завладеть царицынскими станками, что позволило бы ему увеличить выпуск пушек, не прибегая к сокращению выпуска паровозов для МПС. Правление Путиловского общества обратилось к царю и вел. кн. Сергею Михайловичу «с ходатайством реквизировать нужные станки у Царицынского завода ввиду полной неготовности» его. РАОАЗ от этой реквизиции уклонилось, сообщив конкуренту, что требующимися станками не располагает, и Сухомлинов помог обмануть вел. кн. Сергея Михайловича, который уже было поспешил отдать распоряжение о реквизиции. Таким образом, требовавшиеся Путиловскому заводу 77 станков «в течение 7 месяцев без всякой пользы для государственной обороны оставались в бездействии на путях между Царицыном и Сормово» (там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 48. Л. 444об., 445об.). По данным Булатова, из Царицына в Сормово летом–осенью 1915 и в 1916 г. РАОАЗ переправило не то 54 станка, не то 80 (БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 148, 200; ЕГО ЖЕ. Концерн «Виккерс». С. 265). Ген. Дроздов после обследования Царицынской стройки 15 января 1916 г. назвал цифру 77, но добавил, что в Сормово «предположено... передать еще 50 станков, заказанных Обществом за границей» (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 781. Л. 31. Журнал Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам).

[169] Там же. Л. 5об.–6, 45.

[170] БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 171–172.

[171] СОГД IV/4. Ч. 1. Пг., 1915. Стб. 287–288 (Марков), 365–366 (Хвостов).

С живейшим интересом включились в кампанию и оппозиционные деятели. В августе 1915 г. А.И. Гучкову, участвовавшему в расследовании Путиловского дела в качестве председателя Центрального военно-промышленного комитета, был передан донос «одного французского инженера», побывавшего будто бы в Царицыне и обнаружившего там злонамеренное промедление в строительстве завода. Гучков 11 сентября 1915 г. направил копию доноса в Военное министерство, приложив докладную записку Царицынского военно-промышленного комитета, которому поручено было проверить сообщение. Гучков считал, что «отмеченные Царицынским комитетом упущения требуют принятия соответствующих мер». Впрочем, существование такого «французского инженера» может вызывать сомнение, так как в стиле Гучкова было выдвигать обвинения, хотя бы и надуманные, в расчете на то, что дальше все само собой образуется, а для начала важно «ткнуть головешку»[172]. Той же линии держался А.И. Шингарев, еще до войны склонявший товарищей по кадетскому ЦК считать «задачею момента» оппозиционной борьбы вопрос о коррупции власти. 5 августа 1915 г. на соединенном заседании думских Бюджетной и Финансовой комиссий он напомнил о выданных РАОАЗ авансом 10 млн руб. и обратился к участникам заседания: «А вы знаете, что там [в Царицыне] есть? Есть гостиница, жилой городок, недоконченные мастерские, ни одного поставленного станка и несомненно уголовное преступление»[173].

Царицынским заводом заинтересовалась созданная после смещения Сухомлинова «Верховная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии». Царицынское дело изучали в качестве членов комиссии сначала А.Н. Наумов (до назначения его 10 ноября 1915 г. министром земледелия), затем депутат Государственной думы (лидер «прогрессивных националистов») гр. В.А. Бобринский. Как вспоминал позднее Наумов, от председателя комиссии и морского министра он получал замечания, что, занимаясь Царицыном, углубляется в посторонний вопрос, так как «это дело касается флота, а не армии», и привел слова, сказанные ему Григоровичем по поводу Царицынского завода: «Вы меня допекаете письмами, какое вам дело до флота, когда вам поручены совсем иные дела»[174].

В октябре 1915 — начале 1916 г. комиссией был собран обильный материал, почерпнутый из делопроизводств морского, военного и горного ведомств, и показания свидетелей. Между тем Григорович обратился 30 января 1916 г. в Совет министров с предложением о правительственном 17-миллионном «воспособлении» РАОАЗ и

---

[172] См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 97; РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 34. Л. 26–30. 9 и 11 сентября 1917 г. на процессе защитник Сухомлинова А.А. Захарьин сожалел: «Вообще каждый раз, когда мы имели свидетелей по указанию Гучкова, адрес этого свидетеля было трудно найти»; «рассказывается одна история, рассказывается другая история, то совсем нет источников, то источники более чем сомнительные» (там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 151. Л. 64об.; д. 156. Л. 47, 49).

[173] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. Т. 2. М., 1997. С. 261; Прилож. к СОГД IV/4. Пг., 1915. Вып. 1. Прилож. к № 26 и 38. С. 86.

[174] ПЦР. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 359, 384.

Обществу Николаевских заводов и верфей, бравшимся оборудовать свои предприятия для выпуска крупных поковок. Расширению крупнопоковочного отдела на Обуховском заводе морского ведомства препятствовал общий запрет на дальнейшее увеличение столичной военной промышленности. Расширение же Пермского завода требовало по меньшей мере двух лет, тогда как Царицынский завод брался начать выпуск крупных поковок (0,6 млн пудов в год) уже к июлю 1917 г., а Николаевское общество — даже к январю (0,5 млн пудов).

Это предложение рассматривалось в Совете министров 5 февраля 1916 г. Все министры, за исключением Григоровича и Поливанова, высказались против расширения частных заводов, особенно Царицынского: «Речь идет о создании на средства казны, притом по преувеличенным ценам военного времени, частного предприятия»; но «опыт текущей войны с наглядностью... доказал преимущества обеспечения первостепенных интересов государственной обороны производительностью казенных, а не частных заводов». Правда, Николаевское общество вроде бы вернет казне ссуду, испрашиваемую на оборудование нового завода, «но не подлежит, конечно, сомнению, что это обстоятельство будет учтено в цене поковок и в действительности вся стоимость оборудования окажется переложенною на казну». Министр торговли и промышленности Шаховской потребовал, отклонив предложения обоих частных заводов, расширять Пермский[175].

Против очередного царицынского проекта выступил и Наумов. «Я тогда же заявил, — рассказывал он на следствии, — что как бывший член Верховной комиссии... протестую против выдачи каких-либо авансов, так как я познакомился недавно с положением Царицынского завода». Он доложил Совету министров, что собранные Верховной комиссией данные «с полной определенностью устанавливают совершенное неустройство Царицынского завода, рассчитывать на возможность оборудования коего впредь до коренной реформы всей его организации» нельзя. Выявились резкие разногласия, разрешить которые должен был царь. Но через три дня, еще до составления журнала заседания, «повергаемого» на рассмотрение императора, Шаховской предложил компромисс: «Принимая, однако, во внимание категорическое указание морского министра» и сжатый срок, намеченный Николаевским обществом, «я готов, — писал он 9 февраля председателю Совета министров, — не настаивать» на отклонении предложения Николаевского завода, но «при условии, что решение в этом смысле Совета министров отнюдь не останавливает необходимости устройства подобного же казенного оборудования» в Перми, а ссуда Николаевскому заводу будет обставлена серьезными гарантиями, включая неустойку[176].

11 февраля Совет министров вернулся к спорному вопросу и постановил дать ссуду Николаевскому заводу «с тем, конечно, чтобы одновременно с сим беззамедлительно было приступлено к надлежащему в том же направлении оборудованию Пермских заводов, в полном намеченном министром торговли и промышленности объеме». Подчеркивалось при этом, что Николаевскому обществу правительство

[175] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 229. Л. 9–12, 34–44.

[176] ПЦР. Т. 1. С. 440; ВПР. Т. 1. С. 560–562; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 222. Л. 91; ф. 29. Оп. 3. Д. 781. Л. 8; ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 66.

идет навстречу исключительно из-за назначенного им краткого срока. Что касается Царицынского завода, то, несмотря на преимущества его географического расположения[177], ссуда ему нецелесообразна как ввиду обстоятельств, доложенных Наумовым, так и по существу, ввиду «предрешенного оборудования крупнопоковочного производства на Пермском пушечном заводе» мощностью 1,2 млн пудов поковок в год (первоначально намечалось 0,5 млн пудов)[178].

Пока тянулись допросы свидетелей и переписка следователей с ведомствами, стройку в Царицыне дважды осмотрели на месте комиссии Особого совещания по обороне. Первое обследование, продолжавшееся более двух месяцев, показало, что строительство не закончится даже в выпрошенные владельцами льготные продленные сроки. Это объяснялось тем, что, передав имевшиеся пушечные заказы Виккерсу, предприятие лишилось оснований спешить с капиталовложениями в постройку завода в России[179]. Да и сама фирма Виккерс, набрав чрезмерное количество экстренных заказов, «опаздывала с разработкой чертежей» металлургических цехов: детальных чертежей металлургической части завода у РАОАЗ не было даже к октябрю 1915 года[180].

27 ноября состоялось заключительное заседание первой комиссии, 22 декабря в Царицын отправилась другая. 15 января 1916 г. она доложила Особому совещанию по обороне, что РАОАЗ «оказалось неисправным в исполнении принятых на себя по контракту обязательств и потому есть основания считать контракт нарушенным». Вновь было обращено внимание на то, что Царицынский завод, передав имевшиеся заказы Виккерсу, «совершенно не обеспечен заказами на будущее время», а потому администрация завода «лишена всякого побуждения к скорейшему его оборудованию». Отмечалось также, что некоторые мастерские могли бы помогать Обуховскому заводу в изготовлении 12- и 16-дюймовых гаубиц и обтачивать снаряды крупных калибров. Было решено, что, хотя «по имеющимся сведениям, правление завода не особенно сочувствует» использованию предприятия для изготовления снарядов, все же «недопустимо, чтобы при острой нужде в предметах боевого снабжения оставалась неиспользованной возможная производительность Царицынского завода»[181].

---

[177] Николаев проигрывал из-за расположения на берегу, допускающего нападение с моря, и из-за затруднительности железнодорожных перевозок с юга на север; в пользу Царицына говорила близость к Уралу и возможность пользоваться речными путями.

[178] РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 229. Л. 43–44. Навалю и Руссуду совместно была выдана 10-миллионная ссуда из 4% годовых (ШАЦИЛЛО К.Ф. Из истории финансового капитала // Первая мировая война, 1914–1918. М., 1968. С. 197–198).

[179] ЖОСО 1915. С. 274, 574–575; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 132; РГВИА. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 21–26.

[180] БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 156; ЕГО ЖЕ. Концерн «Виккерс» и группа Царицынского завода. С. 268.

[181] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 781. Л. 30–32. К марту 1917 г. на завод были доставлены для ремонта (замена труб, исправление затворов) 12-дм орудия (БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 206).

В тот момент вопрос об использовании завода рассматривался еще под углом зрения дальнейшего сотрудничества. Признавая неготовность завода, морское ведомство и Особое совещание по обороне предполагали ограничиться усилением надзора[182] за деятельностью заводской администрации и даже обеспечить завод новыми заказами на длительный срок, а нарушением с его стороны обязательств воспользоваться для того, чтобы изъять из условий договора невыгодные для казны положения. Однако 22 января начальник Обуховского завода ген. В.В. Чорбо доложил министерству, что необходимо немедленно превратить Царицынский завод в филиал Обуховского, а затем перенести производство крупной артиллерии из Петрограда в Царицын. Предложение Чорбо обсуждалось 5 февраля в Главном управлении кораблестроения и было отклонено: выкуп Царицынского завода считался допустимым «лишь в случае отказа его учредителей от дальнейшего продолжения оборудования и эксплуатации» предприятия. Учредители же, М.С. Плотников и К.П. Федоров, заявили, что отказываться не намерены. Но при этом выяснилось, что они уже поставили перед Морским министерством вопрос об очередном продлении договорных сроков. Поливанов немедленно вмешался и от имени Особого совещания по обороне потребовал, чтобы Григорович повременил вносить подобное ходатайство (о продлении срока) в Совет министров[183], так как согласие на отсрочку лишит казну формального предлога для пересмотра договора. Исключить из контракта спорный параграф, ограничивавший расширение казенных заводов, удастся «лишь при условии, если по формальным причинам Морское министерство найдет возможным объявить существующий контракт утратившим свою силу»[184].

При обсуждении вопроса о постройке сталелитейного завода для артиллерийского ведомства представители Министерства финансов и Государственного контроля предложили использовать Царицынский завод. Военное ведомство поддержало эту мысль, заявив, что если ГАУ придется построить для себя орудийный завод в Саратове и сталелитейный — в станице Каменской (на Дону), то после этого существование частного Царицынского завода окажется трудно поддержать заказами, потому что, имея свои новые заводы, военное ведомство такой поддержки ему не предоставит.

Стремясь не выпустить Царицынский завод из своих рук и оградить его от секвестра, чреватого скандалом с Виккерсом (к решению о секвестре вплотную подошло Особое совещание по обороне), Морское министерство в дальнейшем неизменно выступало за выкуп его в казну для собственных нужд, рассчитывая, что тогда удас-

---

[182] Однако, как показывают материалы архива фирмы Виккерс, еще в ноябре 1915 г. ей дали понять, что ввиду условий военного времени пушечный завод подлежит национализации (GOLDSTEIN E.R. Vickers Limited and the Tsarist Regime // Slavonic and East European Review. Vol. 58. 1980. № 4. P. 568). Это совпало по времени с первой попыткой секвестровать Путиловский завод.

[183] 15 января в Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам упоминалось, что вопрос о продлении срока уже «находится на рассмотрении правительства» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 300. Л. 31-а об.).

[184] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 31об.–32об.; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 222. Л. 37–38.

тся сохранить в силе соглашение с Виккерсом о техническом содействии заводу[185]. Принятое 17 февраля 1916 г. компромиссное решение гласило: «Царицынский орудийный завод приобрести в казну Морским министерством с тем, что потребность военного ведомства в крупнокалиберной артиллерии (пушки) будет удовлетворяться морским ведомством»[186].

Вопрос об условиях выкупа обсуждался 4 и 12 марта в Совещании по судостроению. Предложенная правлением РАОАЗ цена — 42 млн руб., включая 15-процентную капитализированную прибыль, была признана преувеличенной. Участники обсуждения признавали, что с финансовой точки зрения «приобретение завода в казну, по всей вероятности, явилось бы более выгодным, нежели неизбежное и бесконечное субсидирование... бездействующего, до крайней степени задолженного и лишенного оборотных средств предприятия». Но условия выкупа надлежало выработать «на совершенно иных основаниях», чем предлагало правление РАОАЗ, причем «особенное внимание должно быть обращено на неисправность Общества» в исполнении договора с морским ведомством «и на все проистекающие из сего юридические последствия». В том же смысле вынес решение Совет министров, поручивший Министерству финансов учредить междуведомственную комиссию для определения порядка, способа и условий выкупа.

К тому времени владельцы предприятия, стремясь избежать секвестра или принудительного отчуждения, снова представили на рассмотрение правительства свои условия продажи завода казне. 1 мая 1916 г. Григорович обратился к правительству за принципиальным разрешением на сделку с РАОАЗ «по добровольному согласию на выработанных уже с правлением Общества основаниях». Но Совет министров рассматривать эти основания не стал и «счел нужным определенно указать», чтобы создаваемая Министерством финансов комиссия обсудила вопрос об условиях выкупа «во всей его полноте, отнюдь не стесняясь» проектом соглашения, выработанным владельцами завода совместно с Морским министерством[187].

Снова в Царицын нахлынули комиссии, занимавшиеся выяснением технического состояния предприятия; на многочисленных заседаниях юристы и инженеры сравнивали различные способы исчисления стоимости приобретаемого от РАОАЗ имущества и изучали «обстоятельства, могущие послужить основанием к понижению оценки завода». По заключению технических экспертов, к середине июля 1916 г. было закончено строительство большой орудийной мастерской, мастерских средней артиллерии, прицелов, закалочной, чугуно- и меднолитейной, модельной, ремонтно-котельной, ремонтно-механической, электростанции, нефтекачки, нефтехранилищ; заканчивалось сооружение зданий сталелитейной, прессовых и кузнечной мастерских, путей

---

[185] Специалисты Виккерса работали в Царицыне вплоть до весны 1918 г.: А. Джеффри — во главе инструментального цеха, В. Гутчинсон — помощником заведующего артиллерийским цехом, и др. (БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 214).

[186] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 222. Л. 67–68; ф. 29. Оп. 3. Д. 781. Л. 25–28, 21.

[187] Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 222. Л. 86–88об.; ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 15–16. ОЖСМ 26.IV и 6.V.1916 «О приобретении в казну Царицынского артиллерийского завода»; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 48.

сообщения, водопровода, рабочего поселка. На полное приведение в готовность завода могло потребоваться до полугода. Наибольшие пробелы в оборудовании создавало отсутствие двух из трех прессов, включая самый мощный, не отправленных из Англии до конца 1916 г., и передача Сормовскому заводу части полученных станков из мастерских средней артиллерии и прицелов[188]. В большой орудийной ожидалась доставка двух длинных токарных станков взамен захваченных турками.

Комиссия Министерства финансов не согласилась с оценкой завода, данной правлением РАОАЗ (33,6 млн руб. на 1 июля 1916 г.), находя, что правление предлагает казне оплатить такие расходы, которые не являлись обязательными для выполнения контракта. Пересмотрев оценку, эксперты вывели цифру в 26 млн руб. (по другому исчислению — около 24 млн руб.), а затем подготовительное совещание той же комиссии понизило ее до 20 млн руб. Окончательное заключение комиссии установило «стоимость той части имущества, которая ныне выяснена и оценена», в 18 286 тыс. руб., остальные расходы считались требующими уточнения после фактического приема завода в казну. Англичане попытались защитить ущемленные финансовые интересы фирмы Виккерс путем демаршей своего посла, но успеха Дж. Бьюкенен не имел, о чем и доложил в Лондон 14 января 1917 года[189].

К середине мая 1917 г. было закончено оборудование общетехнических сооружений, ремонтных и вспомогательных мастерских. Работали чугуно- и меднолитейная, модельная, кузнечная мастерские. Закончилось строительство сталелитейной и закалочной, в них шло сооружение мартеновских и закалочных печей. Орудийные мастерские частично действовали — с использованием материалов Обуховского завода. Мастерская прицелов изготовляла инструменты и предметы заводского оборудования. Переговоры о выкупе затянулись, а после Февральской революции, когда предпринимательским кругам стало легче защищать свои интересы перед властью, исчисления выкупа изменились в сторону увеличения и приблизились к 50 млн рублей[190], да и сама идея выкупа Царицынского завода была поставлена под сомнение. Министерство финансов по соглашению с морским ведомством 11 августа 1917 г. обратилось к Временному правительству с предложением отменить состоявшееся весной 1916 г. постановление о выкупе. В качестве причин указывались неопределенность политической конъюнктуры, «сокращение ныне казенного военно-морского строительства» и «тяжелые экономические условия». На общем собрании акционеров РАОАЗ, состоявшемся 8 августа, было объявлено, что «предполагавшийся переход в казну Царицынского завода окончательно решен в отрицательном смысле», и группа Петроградского международного банка решила произвести «фузию» (слияние) трех своих основных предприятий, передав в порядке взаимного обмена часть акций РАОАЗ обществам Сормовского и Коломенского заводов[191].

---

[188] Имеющиеся в литературе сведения (ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Указ. соч. С. 179), будто РАОАЗ сумело передать другим заводам все оборудование, заготовленное для Царицынского завода, неточны.

[189] LINKE H. Das zarische Russland und der erste Weltkrieg. München, 1982. S. 72; РГВИА. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 173–212.

[190] БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 204, 208.

[191] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 172–172об.; ГОЛИКОВ А.Г. Первая мировая война и

Однако после падения Риги эвакуация петроградской военной промышленности приобрела экстренный характер. 6 сентября Особое совещание по обороне распорядилось перевезти оптические мастерские Обуховского завода в Царицын и потребовало «выяснить вопрос о приобретении Царицынского завода в казну»; началась перевозка оборудования других морских заводов и Путиловского. 18 сентября Морское министерство ответило, что вопрос о выкупе решен «в утвердительном смысле». Газетам, поторопившимся распубликовать слухи о якобы состоявшемся приобретении Царицынского завода Сормово-Коломенским объединением, пришлось напечатать опровержения. Принципиальное соглашение об условиях продажи предприятия казне было достигнуто 19 сентября, причем в уплату владельцы завода должны были принять облигации Займа Свободы и краткосрочные обязательства Государственного казначейства. Облигации Займа Свободы принадлежали к числу такого рода ценных бумаг, какие Государственный банк навязывал тем своим клиентам, «которые были не в состоянии сопротивляться»[192]. Окончательную выработку условий выкупа Временное правительство 26 сентября возложило на междуведомственное особое совещание при Морском министерстве[193].

После этого владельцам предприятия еще дважды почудилось, что есть возможность вернуть утраченное. После свержения Временного правительства, ввиду неясной обстановки, в ноябре 1917 г. предпринималась попытка провести какую-то операцию с акциями, и Лондон был заново запрошен о согласии на взаимный обмен крупных пакетов акций между РАОАЗ, Сормовским и Коломенским обществами. Не успели директора Виккерса дать ответ, как из России поступила депеша об отмене намеченной операции. Затем, в феврале 1924 г., Лондона достигли, вызвав там живой интерес, неопределенные известия, основанные на неофициальных разговорах в Москве, о готовности большевиков выплатить Виккерсу некоторую компенсацию, если со стороны англичан последует согласие на техническое сотрудничество с Сормово-Коломенским объединением. Проверить эти сообщения не удалось. После этого администрация компании Виккерс закрыла свое делопроизводство по пушечному заводу в Царицыне.

В конце концов оказалось, что по характеру оборудования для изготовления крупнокалиберной артиллерии этот завод (в 1923 г. названный «Баррикады») стал перспективным соперником Пермского, который по сравнению с Царицынским выглядел «старой калошей». Такое сравнение в 1925 г. пришло на ум управляющему Пермским заводом А. Кивгиле, прежде служившему полтора года директором Царицынского завода[194].

российские монополии // Вопросы истории. 1981. № 6. С. 110–111; БУЛАТОВ В.В. Иностранный предпринимательский капитал. С. 202.

[192] STONE N. The Eastern Front, 1914–1917. N. Y., 1975. P. 291; ЖОСО 1917. С. 752; ЖОСО 1916. С. 195; РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 20. Л. 567; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 226; ф. 3348. Оп. 1. Д. 158. Л. 10; ВОЛОБУЕВ П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 277; ГОЛИКОВ А.Г. Российские монополии в зеркале прессы. М., 1991. С. 130–131.

[193] Журналы заседаний Временного правительства. М., 2004. Т. 4. С. 50, 218.

[194] GOLDSTEIN E. Op. cit. P. 568–569; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 84. Д. 924. Л. 93–93об. Ошибался автор, полагавший, что Царицынский завод «так и не был выстроен» (ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Указ. соч. С. 179).

* * *

Ниспосланные обнищавшему правительству в 1909–1913 гг. ресурсы (урожайные годы, выгодные цены на хлеб) открыли перед ним возможность потратить сотни миллионов рублей на подготовку к ожидаемой в 1917 г. войне. Получить артиллерию для армии и флота с отечественных заводов в столь короткий срок считалось немыслимым, поэтому задачу приходилось решать экстренным «насаждением» военных заводов с помощью английских и французских фирм.

История Царицынской концессии РАОАЗ предстает как опыт привлечения в Россию иностранного капитала с его материальной и научно-технической мощью. Но фактический ход и исход дела заставляет смотреть на него и по-другому. России фирма Виккерс обязалась предоставить свою технику и технологию, что же касается финансирования этого проекта, то с самого начала имелось в виду возложить все расходы на казну-заказчика, поскольку обязательным условием были огромные авансы под заказы и гарантированные заказы на десятилетие вперед вне конкуренции.

Таким образом, данное, «западного» происхождения, предприятие с точки зрения источников его существования имело мало общего с тем действительно капиталистическим хозяйственным укладом, который описан Ф. Карстенсеном в монографии о деятельности компаний Маккормика и Зингера в России. Эти две компании в отличие от РАОАЗ обслуживали широкий потребительский рынок и не рассчитывали ни на финансовую поддержку казны, ни на ее заказы, ни на искусственное ограждение их от конкуренции.

Зато РАОАЗ не слишком отличалось от предприятий туземного купечества, принадлежавших к иному экономическому типу. Укореняясь в российской почве, оно приняло условия, соответственно определявшие его социальный облик, ставившие его в обстановку, привычную для тех российских магнатов-монополистов, которые предпочитали свободному рынку спокойное освоение казенных заказов и не могли вести дело без государственной поддержки. Традиционные «старомосковские» черты этого крупнопромышленного уклада обрисованы в исследованиях И.Ф. Гиндина, К.Ф. Шацилло, В.В. Адамова и др. Показательно, с какой тщательностью в контракте с казной РАОАЗ и Виккерс обозначили по пунктам все полученные монопольные привилегии и как цепко держались за них, отнюдь не стремясь с такой же пунктуальностью оправдать возлагаемые на них ожидания царского правительства, связанные с крайне важными военными интересами самодержавия.

Учитывая, что ни одного орудия Царицынский завод правительству к 1917 г. не дал, можно заключить, что и в отношении технических достоинств фирма не успела проявить убедительных преимуществ перед существовавшими помимо нее русскими казенными и частными заводами.

Этот опыт пересадки наиболее, казалось бы, передового иностранного военно-промышленного предпринимательства в российскую хозяйственную обстановку обернулся лишь ввозом неполного комплекта оборудования и частичным сооружением строительных объектов. В полной мере соблюдались при этом такие принципиальные особенности привычного экономического уклада, как изолированность его от конкуренции, искаженное действие в нем рыночных регуляторов, не добав-

лявшие ему сходства с капиталистическим производством. Правительство, как и владельцы РАОАЗ, и не стремилось разрушать традиционный строй взаимоотношений, ставя целью получить от партнера главным образом передовой научно-технический опыт производства и решить свою военно-политическую задачу — хотя бы и дорогой ценой, но в сжатый срок, и для этого не остановилось перед фактическим учреждением еще одной дорогостоящей старокупеческой монополии, правда, с европейским фасадом.

Поглощение Царицынского предприятия РАОАЗ казной, перетаскивание его в другой, еще более «исторический» хозяйственный уклад, сопровождалось длительными и трудоемкими манипуляциями ведомств, напоминающими последовательность действий паука, овладевающего своей добычей. Здесь сначала — заманивание алчущего наживы партнера исключительно выгодными условиями сотрудничества, одновременно — сооружение клейкой сети правовых крючков, начиная от требования к учредителям создать общество на русском уставе. Затем — закулисное взаимодействие с «общественностью», готовившей пропагандистское обоснование решительных мер против наглого пришельца, не оправдавшего ожиданий и не выполнившего обещаний контрагента (выступления в Думе, в печати) и дотошное оформление юридических оснований для наступления на имущественные интересы владельцев РАОАЗ (отказ продлить срок готовности объекта, гучковские фабрикации компрометирующих «документов» по линии военно-промышленных комитетов, терроризирование комиссиями, обследованиями и экспертизами по оценке собственности). Постепенно дело дошло до назначения в состав директоров акционерного правления ведомственных агентов-инспекторов. Наконец, реальная угроза секвестром (т. е. формально правомерным отобранием предприятия у его владельцев) убила у владельцев всякую охоту защищаться от более мягкой формы экспроприации — выкупа в казну.

Уничтожение РАОАЗ, сопоставимого по могуществу представляемых им сил, казалось, только с шнейдер-путиловской монополией, проводилось одновременно с уничтожением и этой конкурирующей монополии. Обе процедуры имели много общего, и принципиальный результат их совпадал: разрастание сферы казенного промышленного производства за счет поглощения частного «бизнеса», приспособленного главным образом для поставок нерыночной продукции казне. Правительству сокрушение прав собственника удавалось облечь в юридически безупречные — по местным условиям — формы. В столкновении имущественных интересов казны и ее партнеров, рискнувших принять эти местные условия во имя ожидаемой выгоды, им не на что было рассчитывать.

Исторические записки. 1979. Т. 104; Вопросы истории. 1995. № 7.

Стратегия процветания крупного бизнеса (к истории Путиловского общества)

Путиловский завод — воплощение российского «крупного бизнеса», лицо целого хозяйственного уклада. С точки зрения государственных интересов — самый важный частный завод, «русский Крупп» с численностью рабочих к 1917 г. более 30 тыс. Это и «колыбель революции» как в 1905, так и в 1917 г. Основным трудом о нем на протяжении 60 лет являлась «История Путиловского завода» (М.; Л., 1939), созданная коллективом архивистов и историков. Их усилия серьезно обесценивались пропагандистской направленностью и беллетризацией изложения.

Появившаяся ныне в США первая монография о Путиловском заводе[1] также не лишена идеологической заданности. Историк Джонатан Грант старается показать на примере Путиловского общества, что российские гиганты тяжелой промышленности конца XIX — начала XX в. не отличались от западноевропейских и что для них в России сложились такие же социальные условия, как на Западе. «Современная корпорация действительно могла сосуществовать с самодержавным государством» и при этом «процветать», проводя собственную «деловую стратегию», нацеленную на обеспечение своей устойчивости и дальнейшее развитие, пишет он (с. 1–5, 137–138, 150). Соответственно, подчеркивается самостоятельность, независимость Путиловского общества как от благоволения власти, так даже и от банков. Решающее значение имел рынок; игрой спроса и предложения, свободной от правительственного воздействия, определялась «общая для всех, независимо от страны, деловая стратегия». По мнению Гранта, «лучше всего бросить любые попытки выявить "национальные" черты в поведении бизнеса. Не было в бизнесе никакого особенного "русского пути" — с большими особенностями, чем те, какие имело развитие бизнеса американского, французского, немецкого или английского» (с. 136).

---

[1] GRANT J.A. Big Business in Russia. The Putilov Company in Late Imperial Russia. 1868–1917. University of Pittsburgh Press (Pa), 1999. Далее страницы этой книги указываются в тексте.

Нашим историкам доводилось получать наставления того же смысла, когда им внушали, что надо «еще раз подтвердить» историческую закономерность Октябрьской революции и опровергнуть утверждения о «невозможности распространения» опыта этой революции «на более развитые (по сравнению с дореволюционной Россией) капиталистические страны». «Л.И. Брежнев, характеризуя заслуги В.И. Ленина в деле разработки революционной теории марксизма, — разъяснял партийную установку В.Я. Лаверычев, — указывает и на значение глубокого научного обоснования им того обстоятельства, что царская Россия развивалась "по тем же законам, как и любая другая капиталистическая страна"». Эту задачу и сейчас решает наиболее влиятельная у нас школа истории российского бизнеса, посвятившая свои усилия раскрытию деловых талантов, патриотических и христианских добродетелей купечества, доказательству «органичности», «нормального развития» российской промышленности «в условиях свободной конкуренции»[2].

Среда, в которой действует капитан индустрии, — стихия рынка. В этом вопросе Грант занимает жесткую позицию. По его мнению, даже если речь идет о правительственных заказах, то это всего лишь особый сегмент той же стихии — «казенный рынок» (с. 15, 60). Правда, автор сам не выдерживает такой логики: итоговая глава книги названа «Между рынком и государством»; если государство — тоже не чуждо рынку, то заголовок теряет смысл. Непоследовательность автора лишает его труд определенной теоретической основы. Ведь у Путиловского общества как раз и преобладали ведомственные заказы. К тому же Гранту не всегда удается разобраться, о каких заказах и предприятиях идет речь в источниках: частных или казенных.

В 1891 г., например, Путиловский завод выполнил крупный заказ Балтийского завода. Для Гранта это результат «новой стратегии»: правление Путиловского общества взяло здоровый курс на переход от казенных к частным заказам (с. 47–48). Но приведенный пример говорит, скорее, против такого вывода. Балтийский завод к тому времени уже не являлся частным заказчиком, так как с 1884 г. принадлежал казне, сохраняя лишь «внешность частного предприятия»[3]. Та же ошибка — с железнодорожными заказами, когда не различаются казенные и частные дороги.

Доказывая независимость Путиловского общества от казны, Грант утверждает, что частные заказы у него преобладали и что оно уже в 1890-х гг. «успешно расширило» выпуск паровозов для Транссибирской магистрали, не прибегая к помощи от правительства (с. 144, 42). Автор, по-видимому, не придает значения тому, что магистраль эта представляла собой казенное предприятие и завод не только пользовался таможенной защитой от конкурентов, но еще и получал от заказчика (Министерства путей сообщения) за каждый локомотив премию в 3 тыс. руб. (10% цены). Так же и за рельсы для Транссиба отечественные производители получали от казны приплату

[2] ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // История СССР. 1977. № 3. С. 64; Новое в советской исторической науке. С. 54, 56.

[3] ВОГК за 1884 год. СПб., 1885. С. 50–52.

(«переплату», в глазах завистников)[4]. Неудивительно, что Грант исчисляет рыночную часть продукции в 72%, затем в 81%, тогда как сама фирма своим основным клиентом считала казенные ведомства (с. 60, 62, 144, 147, 148); отсюда же и «парадокс»: доля казенных заказов в загрузке завода «после 1901 г.» якобы «продолжала падать», а в то же время «артиллерийский бизнес приобретает все большее значение», да и паровозов казне завод поставил свыше 700, а частным заказчикам менее 300 (с. 64, 144).

По Гранту, «ключевой пункт» в том, что уже к 1900 г. завод работал преимущественно на частный спрос и собственная «стратегия компании играла более важную роль, нежели макроэкономические тенденции» (с. 149, 39, 43, 63). Руководители фирмы видели, что в основном своем производстве (рельсы) Путиловский завод, пользовавшийся импортным чугуном, утрачивает конкурентоспособность, поскольку на Юге уже выросла металлургия. В 1887 г. правление доложило собранию акционеров, что надумало «совершенно устранить» производство рельсов (с. 45) и переключиться на машиностроение. В цитируемом Грантом докладе правление ссылалось, однако, на такой макроэкономический фактор, как «почти запретительные» пошлины на ввоз чугуна, ранее установленные правительством с целью насаждения металлургии. В то же время есть сведения, что за 1889–1892 гг. завод не прекратил, а в семь раз увеличил выпуск рельсов[5]. Уже эти детали способны навести на размышление: не была ли собственная стратегия руководителей предприятия, как ее представляет Грант, скорее игрой воображения.

К сожалению, он не знает книги И.Ф. Гиндина о Государственном банке с разделами о правительственной «поддержке» Путиловского завода. Как показал этот автор, переход на выпуск механических изделий зависел от министра финансов, и И.А. Вышнеградский предоставил Обществу поддержку в перестройке его производства, причем в «весьма крупных размерах» (рассрочка долгов казне, новые кредиты). Тем не менее в 1894 г., т. е. уже после «стратегического» решения об отказе от производства рельсов, Общество снова добивалось льгот, позволявших ему остаться на рельсовом «рынке», и заказа на рельсы. Министерство же финансов в ответ поставило условием устройство Путиловским обществом собственного чугунолитейного завода в Олонецком крае — заведомо убыточного, по мнению правления (с. 45), на что, однако, пришлось в 1895–1899 гг. потратить 1,5 млн руб. (акционерный капитал Общества в целом составлял тогда 9 млн). Успеха эта затея не принесла. В 1901 г. нежизнеспособный заводик был закрыт; в 1904–1905 гг. снова пущен, затем продолжал работать с перерывами и в 1908 г. остановлен окончательно[6]. Если не умалчи-

[4] Английские рельсы можно было получить по 75 коп. за пуд, русским заводам казна платила по 2 руб. (ЛЯЩЕНКО П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. 2. С. 195).

[5] Путиловец в трех революциях. Сб. материалов по истории Путиловского завода. [Л.,] 1933. С. 12, 18.

[6] ГИНДИН И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. С. 246–247. См. также: ЖУКОВСКИЙ Я. Экономическое развитие Путиловского завода // Проблемы марксизма. 1932. № 9/10. С. 144–145; КАМЕНСКИЙ В.А. Видлицкий доменный завод // Металлургические заводы на территории СССР. М.; Л., 1937. С. 185.

вать о подобных эпизодах и не верить слепо отчетам хитроумного правления, то где же здесь фирменная «стратегия»?

По мнению Гранта, вся эта отрасль — производство подвижного состава и рельсов — работала на вольный рынок, а в наибольшей степени — Путиловский завод (с. 144–145). Между тем рыночный характер отношений заводов даже с частными железными дорогами-заказчиками небесспорен. Правительство имело основания полагать, что за время существования при Министерстве путей сообщения Комитета по распределению железнодорожных заказов (1902–1914 гг.) отсутствовали «нормальные начала свободной конкуренции»; заводы, подобные Путиловскому, «совершенно не приспособлены... к выработке рыночных изделий», так что «немедленный переход к свободной конкуренции... неминуемо повлек бы за собой разорение» некоторых из них, «и притом, быть может, лучших по своему оборудованию». Так же понимали роль правительственного распределения и заводчики. Обращаясь к министру путей сообщения, они приносили благодарность (1913 г.) за «глубоко государственную прозорливость, которую проявило правительство, не допустив разорения и закрытия заводов и обеспечив железнодорожное хозяйство в течение свыше 12 лет возможностью приобретать подвижной состав и рельсы по ценам, не зависящим от естественного возрастания всех элементов, определяющих эти цены, как-то: материалы, рабочая сила и накладные расходы»[7]. Заказы дорог, таким образом, относились к явлениям скорее распределительной, чем рыночной экономики. Даже частные дороги (а их становилось все меньше) имели возможность расплачиваться с Путиловским заводом по «естественно возраставшим» ценам лишь в силу правительственной гарантии доходности этих дорог. Из-за такой системы «в России в XIX — начале XX в., по существу, не было рыночных цен ни на подвижной состав, ни на рельсы»[8].

Рыночная стихия не достигала и сферы военного производства, куда смещался к началу XX в. центр деятельности Путиловского общества. По мнению Гранта, к Путиловскому заводу «в равной мере подходят» рыночные характеристики деятельности фирмы Виккерс. Но и сам он признает, что Виккерс сбывал свою военную продукцию по всему миру, Путиловский же завод торговал только с царским правительством. Далее, положение Виккерса на рынке вооружений определялось его способностью к самостоятельным исследовательским и конструкторским работам. Путиловский же завод занял положение монопольного поставщика правительства, купив патенты у Круппа в Германии и у французской фирмы Шнейдер (с. 90).

В 1900 г. была принята на вооружение самая массовая система полевой скорострельной пушки, предложенная Путиловским заводом. Грант верит правлению, заявлявшему, что Путиловский завод самостоятельно разработал эту систему; иначе и быть не могло: французы, пионеры в этом деле, «естественно, держали свое тех-

[7] Материалы по истории СССР. М., 1959. Т. 6. С. 259, 263–264. ОЖСМ 14.X. и 29.XII.1911; РГИА. Ф. 1517. Оп. 1. Д. 62. Л. 78. Докладная записка Продпаровоза и Продвагона, 1.VII.1913.

[8] ГИНДИН И.Ф., ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Против некритического и произвольного использования архивных документов // История СССР. 1964. № 5. С. 79. См. подробнее: ВИТТЕ С.Ю. Собр. соч. и документальных материалов. М., 2006. Т. 1. Кн. 2. Ч. 2. С. 571–575.

нологическое преимущество в секрете, так что другим странам приходилось искать собственные решения» (с. 72, 149).

В Путиловском образце 1900 г. скорострельность достигалась благодаря торможению отката ствола с помощью каучуковых буферов, расположенных в лафете, то есть в основу был положен принцип Круппа. Но, едва начавшись, перевооружение российской артиллерии пошло по иному пути: вместо образца 1900 г. был принят Путиловский же новый образец — 1902 года. Новые пушки резко отличались от пушек обр. 1900 г. и представляли сравнительно с ними «совершенно новый тип», причем главное отличие заключалось в устройстве компрессора. Теперь это было более совершенное устройство («в системе пушек обр. 1900 г. компрессор и накатники изготовлялись вместе с лафетами, а не с орудиями, составляя части лафета», в образце же 1902 г. вместо каучуковых буферов применялся воздушный компрессор, размещаемый не в лафете, а при самом стволе), уже принятое во Франции[9]. При этом известно, что договоры, подписанные в 1897–1899 гг. Г. Канэ, директором артиллерийского отдела фирмы Шнейдер, обязывали ее сообщать Путиловскому обществу «новые усовершенствования, вводимые во французской артиллерийской технике». Со своей стороны Путиловское общество обязалось «прилагать все усилия, чтобы обеспечить принятие изделий фирмы» российским правительством, и делиться с нею выручкой от исполняемых заказов на эти изделия (5–7,5%), а по возможности и самими заказами (за тот же процент вознаграждения)[10]. Чтобы учесть в новом образце пушки специальные требования заказчика, заводу пришлось еще немало потрудиться, поэтому ГАУ обоснованно считало, что Путиловский завод все же «участвовал» в выработке образца скорострельной пушки[11].

Правительство расплатилось с Путиловским заводом за патент, предоставив ему по завышенным ценам крупный заказ на такие орудия. Грант считает, что и здесь Путиловский завод действовал в условиях исключительно напряженной конкуренции (с. 71). По его мнению, стихия захлестывала и сам правительственный аппарат, ведавший распределением заказов; хотя Путиловский завод показал свои возможности в артиллерийском производстве, он все же не пользовался никакими гарантиями на получение дальнейших контрактов, а государство не имело определенной линии поведения, каждое ведомство проводило свою. Далеко не сразу пра-

---

[9] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67059. Л. 213, 215об. ГАУ 15.XII.1905 / ВС 7.I.1906; д. 65079. Л. 213, 215; д. 65415. Л. 6; д. 64081. Л. 53.

[10] BEAUD C. De l'expansion internationale à la multinationale. P. 579–580. Собственно, и Грант (с. 67) привел из материалов английской разведки сообщение о том, что Канэ в силу контракта «обязан был держать Путиловское общество в курсе всех новых усовершенствований своей пушки и лафета». Несмотря на существование этих обязательств, русские офицеры, командированные в 1913 г. на французские заводы, обнаружили удивившее их обстоятельство. Французская пушка обр. 1897 г., того же типа, что и путиловский образец 1902 г., имела ряд конструктивных преимуществ, обеспечивавших бóльшую точность и скорострельность, легкость в обслуживании и т. д. (ХАНЖИН М.В. О французской артиллерии в 1913 г. // Артиллерийский вестник, Белград. 1.VII.1934. № 12/45. С. 14, 16–20).

[11] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68665. Л. 4.

вительство осознало, что необходимо заводу «давать заказы, чтобы поддерживать его производительность» (с. 65, 15–16, 74, 76–77).

К этим выводам Грант пришел, обнаружив в архиве материал о разногласиях в 1902 г. между финансовым и артиллерийским ведомствами из-за заказа на орудийные лафеты. Как ни пытался представитель Министерства финансов убедить Комиссию по перевооружению полевой артиллерии, что нельзя оставить в 1903 г. Путиловский завод без заказа на лафеты (потом все равно придется заказывать, но обойдется это дороже, как всякое восстановление прерванного дела), Комиссия нашла цены, запрошенные Путиловским заводом, чрезмерными и предпочла завод Л. Нобеля. Считая рыночный характер военного производства тем самым доказанным, Грант после этого уже не добавляет новых аргументов.

Можно было бы восхититься, как второстепенный вроде бы материал (100 лафетов на год — малозначительный, по масштабам российской артиллерии, заказ) раскрывает исследователю существенные явления, — если бы не недоразумение с источником. Действительно, Военный совет по докладу Комиссии решил заключить контракты с заводом Нобеля и другими, отказав Путиловскому. Но постановления Военного совета получали силу только после утверждения военным министром, а он не дал согласия. «Мнение ГАУ о том, что проектируемое распределение заказов лафетов не дает гарантии в срочности, весьма тревожно, — указал А.Н. Куропаткин в резолюции 12 августа. — Неожиданным представляется устранение Путиловского завода от заказов, в то время когда этот завод вполне надежно поставил выделку лафетов и только один добился срочной (то есть в срок. — *В. П.*) поставки их. Мне кажется, надо еще попытаться, чтобы Путиловский завод сбавил цены»[12]. Таким образом, обнаруживается не разногласие между ведомствами и не неопределенность с заказами для завода, а твердое признание государственным аппаратом необходимости поддерживать заказами важное для армии направление деятельности Путиловского общества. 30 октября Комиссия ГАУ пересмотрела свое ошибочное решение, завод Нобеля «сам» отказался от контракта на 100 лафетов в пользу Путиловского завода[13].

В данном случае недостоверность данных, полученных Грантом, результат торопливого, невнимательного изучения архивного дела. Из-за той же торопливости не удалось ему ознакомиться с протоколами правления Путиловского общества в петербургском архиве. По словам Гранта, в 1994 г., когда он приехал ознакомиться с этим источником, архив закрылся на ремонт. Выход из положения указала ему его чисто американская предприимчивость. «Сравнительная скудость источников» (с. 12) в таком случае не помеха — выручит проницательный анализ уже того материала, какой всегда под руками. Располагая юбилейной историей фирмы (1902 г.) и опубликованными балансами и отчетами, можно и без подлинных протоколов прав-

[12] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62590. Л. 10–15. ГАУ 2.VIII.1902 / ВС 22.VIII.1902.

[13] Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 83. Л. 36; д. 84. Л. 43 и об., 52об., 40, 57об. Завод Нобеля, впрочем, получил отступное: «Механическая работа подъемных и поворотных механизмов к лафетам Путиловского завода будет выполняться заводом Нобеля», — отметил артиллерийский приемщик.

ления «пролить свет» на его стратегию. Эти источники, по сути своей, просто обязаны свидетельствовать о блестящем состоянии предприятия и изображать деятельность его руководящих органов в наилучшем виде. Задача еще упрощается, если отбросить те данные, которые накоплены в историографии, но не укладываются в схему, а саму эту историографию объявить вовсе не существующей. То и дело Грант повторяет, что история российского предпринимательства terra incognita, tabula rasa; ее еще только нужно начинать создавать — ведь «до настоящего беспрецедентного исследования [Гранта] ни одна живая душа не изучала детально ни одну российскую корпорацию» (с. 1–3, 9).

У предшественников Гранта отчеты и балансы вызывали настороженность. Баланс Путиловского общества за 1913 г. Гиндин (в специальной статье о балансах как виде источников) демонстрировал в качестве примера фальсификации, позволившей выдать убыточное предприятие за процветающее. Критикуя Гиндина за то, что тот положился в данном случае на «Историю Путиловского завода» 1939 г. издания, где источник сведений не был указан, а имя главного бухгалтера названо неправильно, Грант отрицает факт фальсификации баланса и восстанавливает репутацию источников этого типа. «Мне представляется обоснованным, — заключает он, — принять опубликованные балансы и отчеты как надежный источник, а не сплошную фальсификацию, точно так же, как их не отвергают историки бизнеса на Западе» (с. 14–15).

Вообще-то Гиндин и не писал о «сплошной фальсификации» балансов. Но и в той книге 1939 г., на которую он ссылался, все же были воспроизведены не выдумки, а данные ревизии, проведенной Министерством финансов в 1916 г. Она показала, что убытки, постепенно накапливавшиеся с 1905 г., правление Общества скрывало в отчетах и балансах, совершая трюки с переоценкой стоимости земли и завышая погашение построек и оборудования. Выявлен был и опровергаемый Грантом эпизод 1913 г. («ошибка» в балансе на 4 млн руб.), а на 1915 г. «сличение балансов с записями в книгах обнаружило несоответствие в общем итоге на 13 221 000 рублей»[14].

Проблема с источниками, таким образом, более серьезна, чем ее представляет Грант, хотя упомянутая ревизия дала еще лишь «щадящую» оценку дел. В предвоенные годы предприятие терзал кризис, вызванный просчетом его руководителей: они затратили огромные средства на сооружение верфи, но не сумели добиться ни морских заказов, достаточных, чтобы оправдать затраты, ни новых вложений от французских партнеров. Сдержанность французов отчасти объяснялась осложнением военно-политической обстановки. Но еще больше влияло как раз понимание тонкостей баланса Путиловского общества. Прежде чем решить вопрос о вложении денег, французские финансисты, преодолев сопротивление правления, произвели обследование предприятия и составили свой, реальный баланс на 31 декабря 1912 г.,

[14] Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 159. Л. 9, 17, 26. Журнал № 10 Междуведомственного совещания по обсуждению вопроса о финансировании некоторых частных металлургических предприятий, работающих на нужды государственной обороны. Заседание 18 марта 1916 г. Ср.: ГИНДИН И.Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник // Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв. М., 1964. С. 108.

проанализированный в сугубо секретном докладе ревизоров французским банкирам. В этом докладе раскрыта картина административного и технического развала, тривиального мошенничества (те же проделки с амортизационными статьями баланса, с оценкой земли, построек и оборудования, качества денежных активов и пр.). «Процветающее» предприятие ежегодно теряло 2–4 млн руб. из-за плохой организации производства; реализуемые активы составляли 35,5 млн руб., а в балансе их оценка была раздута до 52 млн.

Почти год спустя А. Фурнье, представитель фирмы Шнейдер, прислал в Париж пространное донесение о результатах нового обследования. Банкиры интересовались причинами бесконечных финансовых злоключений Путиловского общества, требовавшего все новых денежных вливаний. Одной из причин оказалось неумение администрации устранить раздоры между руководителями Путиловского и Невского заводов из-за ассигнований на расширение и переоборудование. Главный же вывод оставался в силе: «абсолютно бездарное управление», которое требовалось изменить решительно и глубоко (1 февраля 1915 г. директором завода был вместо генерала А.Ф. Бринка поставлен французами генерал А.П. Меллер[15]); следовало бы также избавиться от акций Невского завода и от Путиловской верфи.

Эти данные, выявленные в архивах Банка Парижского союза и фирмы Шнейдер, приведены в статьях «историков бизнеса на Западе» Р. Жиро и К. Бода[16]. Обе статьи Гранту известны, но о результатах обследований он молчит, что и облегчает ему победу над «Историей Путиловского завода» и трудом Гиндина. Направленность избирательного подхода к материалам очевидна: что бы ни содержали источники, Грант гнет свою линию, изображая прожженных махинаторов, присосавшихся к казне и морочивших «публику», дальновидными и независимыми стратегами бизнеса. Удивительно ли, что терпимость власти к махинациям, нарушениям законов Грант рассматривает как признак зрелых условий для сосуществования бизнеса и самодержавия (с. 37).

Из источников Грант извлекает потребный ему результат: в официальном отчете правления собранию акционеров в 1910 г. ему попалась оценка «вдохновляющих перспектив» предприятия. Директора объясняли успех тем, что, помимо артиллерийских заказов, «усиливается работа Путиловского завода на рынок». Предприятие настолько приспособилось к работе на рынок, что умело длительно держаться, даже не получая платежей по казенным заказам. Оно «выживало несмотря на артиллерийские заказы, а не благодаря им», — заключает Грант. Более того, он считает, что именно артиллерийские контракты привели предприятие к «хронической нехватке оборотных средств из-за свойственного военному ведомству порядка расчетов с поставщиками» (окончательный расчет — после полной приемки) (с. 149, 104–105, 147, 134). Отчеты за 1911–1914 гг., правда, слегка озадачивают его. Опять «парадокс» какой-то: «для общей успешности действия Общества доля государс-

[15] Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 257.

[16] GIRAULT R. Finances internationales et relations internationales (à propos des usines Poutiloff) // BOUVIER J., GIRAULT R. L'impérialisme français d'avant 1914. Paris; La Haye, 1976. P. 252, 254; BEAUD C. Op. cit. P. 595.

твенных заказов не играла доминирующей роли», а в то же время «для финансового благополучия она имела стержневое значение» (с. 147–149). Автор настолько старательно воспроизводит в качестве святой истины официальные заявления правления, что не замечает, когда оно, запутавшись, проговаривается, подсказывая разрешение «парадокса». Напоминая о своих прошлых заслугах перед государством, правление ссылалось на отвергнутое правительством в 1909 г. предложение Путиловского общества «расширить и усилить Путиловский завод без какой бы то ни было помощи от правительства, если только заводу будет гарантирован заказ по 100 орудий в месяц» (с. 120). Грант принимает это как должное и, стало быть, тоже полагает, что добиться гарантированных огромных заказов на крупные орудия (ведь не 100 легких лафетов на год!) — это и есть способ обойтись без казенной поддержки.

Деликатные упоминания (с. 17–18, 134–135) о «перенапряжении» Общества, нехватке оборотных средств и его «недостаточной ликвидности» к началу войны, о неувязке с судостроением служат для того, чтобы все это поставить в вину правительству. По Гранту, оно, создав своему поставщику такие проблемы, само же вынуждено было в дальнейшем их расхлебывать, взяв в конце концов Путиловское предприятие под свое управление в 1916 г. Еще при первых крупных заказах на пушки 1902–1903 гг. ГАУ заставило Путиловский завод сбавить цену, оно тем самым «вынудило компанию компенсировать» упущенное — путем снижения заработной платы рабочих (якобы ввиду совершенствования техники). Последствием были «драматические перемены»: забастовки, длительное расстройство производства, срыв контрактов, а главное, «макро»-политические события 1905 г. Кто виноват? Чья стратегия? Заявление правления об убыточности принятых от ГАУ условий (с. 83) как причине финансовых затруднений, хотя Грант ему и поверил, при проверке не подтвердилось[17]. Никто и ничто, кроме собственной жадности, не принуждал правление выжимать в 1902–1904 гг. из рабочих (не останавливаясь перед увольнением квалифицированных специалистов) «компенсацию» в виде прибылей — сначала 28%, потом 33% в отношении к расходам на заработную плату (прибыль за 1904 г. приближалась к 2 млн руб.) (с. 79, 84).

Так же и дело с морскими заказами: и его, считает Грант, в тупик загнало правительство. Ведь «в конце концов Путиловское общество потому потратилось так основательно на расширение судостроительного отдела, что правительство предпочло воссоздание флота более широкому переоснащению армии» (с. 135, 148). Кто же мог знать, сооружая верфь для постройки гигантов-дредноутов, что получение в 1912 г. казенных заказов хотя бы на эсминцы и легкие крейсера придется считать удачей (с. 103)? Кто виноват, что, развертывая судостроение, правление не только не облегчало положение Общества, но еще больше подрывало его устойчивость?[18] В то же время «ключевой пункт в том, что *самодержавный* не обязательно значит *непредсказуемый*... взаимоотношения Путиловского общества с государством показывают,

[17] ДБК III/2. Приложение к №№ 70–75 (стенограмма, 12 и 27.II.1909). С. 36.

[18] Идея возложить на правительство ответственность за просчеты судостроительных компаний встречается в советской литературе. См.: ТОРПАН Н.И. Указ. соч. // Изв. АН ЭстССР. Общественные науки. 1984. Т. 33. № 2. С. 119.

что укреплялось ощущение их упорядоченности и предсказуемости» (с. 16. Курсив Гранта). Что-то здесь не вписывается в схему: или с предсказуемостью при царском режиме было как-то не так, или дальновидность руководителей крупного бизнеса оставляла желать лучшего.

Насколько «напролом» идет по намеченному пути автор, показывает то, какими способами пересматривает он роль банков. Историки всерьез еще «не пытались анализировать, кто принимал решения» в военно-промышленном бизнесе (с. 10, 13). Стратегия акционерного общества определялась его правлением или, скорее, самими акционерами; во всяком случае правление Общества было главным актером в собственной драме, утверждает Грант; «как и повсюду в Европе», банки, владевшие акциями, не имели возможности распоряжаться в делах предприятия (с. 112, 92, 93). В доказательство приведен пример действительно важного решения, принятого собранием акционеров Путиловского общества в мае 1912 г.: приобрести за 6 млн руб. Невский завод, для чего выпустить дополнительные Путиловские акции на те же 6 млн руб. (плюс еще три миллиона — на переоборудование).

В жизни акционерного общества крупное увеличение основного капитала (с 16 до 25 млн руб.) — важная веха. Официальные сообщения о количестве акций, предъявленных к регистрации перед собранием, о количестве акций, принадлежавших каждому из явившихся, о распределении голосов — не всегда бывают надежны. Со знанием дела известный ученый-кораблестроитель А.Н. Крылов, сам возглавлявший в течение нескольких лет крупное предприятие — Русское общество пароходства и торговли, описывал обычную практику, свидетелем которой ему довелось быть. Некий банк желал подчинить своему контролю это предприятие, для чего требовалось обойти запреты в его уставе, ограничивавшие скопление голосов у крупнейших акционеров. Приближалось общее собрание акционеров, и было замечено, что банк «расписал акции на своих артельщиков, мелких служащих, по 15 акций на каждого, и таким образом получил бы на общем собрании гораздо больше голосов, [чем те голоса], на которые он имел право не прибегая к этой полумошеннической, но законной уловке. Имея абсолютное большинство голосов, банк провел бы нужные ему решения и завладел бы обществом РОПиТ». В описанном Крыловым случае дело дошло до Николая II (предприятие было полугосударственное), и только когда царь повелел министру финансов «сказать "цыц" председателю правления банка П[утилову]», подстроенной смены владельца удалось избежать[19].

Тот же способ действий Русско-Азиатского банка отмечала Наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне. Банк, манипулируя большим количеством акций Путиловского общества, «в значительной части ему не принадлежащих, и являясь главным из его кредиторов, поставил во главе его правления своего представителя [А.И. Путилова], который и руководит финансированием», давая банку хорошо нажиться на кредитовании постепенно разоряющегося завода[20].

Грант, представляя ограничительные уставные нормы как непреодолимый барьер, уверяет, что суждения историков о руководящей роли банков «поверхностны».

[19] КРЫЛОВ А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 222–223.

[20] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 157об.

По его подсчету, Русско-Азиатский банк, лично Путилов и союзные с ними владельцы акций совокупно владели слишком малой долей акций, чтобы повлиять на решение собрания акционеров относительно приобретения Невского завода (с. 91–97, 100). Но как же быть, ведь известно, что в 1912 г. майскому собранию акционеров предшествовало — в марте — совещание банкиров (русской и французской групп) в Париже, когда как раз и было решено провести собрание акционеров с той повесткой дня и с теми в точности постановлениями, какие и были приняты в мае. Если считать «чистой доской» и нулем протокол этого совещания и другие исключительно важные документы, опубликованные в 1959 г. Бовыкиным[21], то можно доказать все что угодно. (Как ни проявились в последующие десятилетия личные качества этого советского историка, какое участие ни принимал он в удушении творческой свободы коллег, игнорировать действительно серьезные материалы, выявленные и опубликованные им, не следовало бы.) В свете этих документов бессмысленно отрицать главенствующую роль французских финансистов в решениях о Путиловском и Невском заводах.

Другое дело, что самим возникновением идеи о приобретении Невского завода банкиры были обязаны правительству, Государственному банку, которому этот завод принадлежал с 1899 г. (разорение Мамонтовых). Государственный банк давно мучился вопросом, как сбыть с рук Невский завод, слишком мало загружаемый заказами и отягощающий казну. Как объяснял министр финансов Коковцов в Думе 18 января 1910 г., Невский завод «не ликвидирован, но к тому принимаются все меры... и, может быть, это удастся сделать, но наверное сказать — удастся или не удастся — я еще не могу»; со временем же Государственный банк, конечно, «выйдет из этого предприятия»[22]. Согласно сведениям, добытым германским консульством, правительство, зная острую нужду Путиловского общества в морских заказах для создаваемой огромной верфи, навязало ему приобретение Невского завода, поставив это условием выдачи заказов Путиловской верфи[23]. Но Грант и об этой стороне «драмы» умалчивает, удовлетворяясь видом раскрашенных декораций. В дальнейшем выяснилось, что из средств Общества, зачисленных на баланс в качестве дохода от реализации акций в 1912 г., «в действительности» в кассу Общества вовсе

---

[21] Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 527–538 и далее.

[22] ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 228; ДБК III/3. Приложение к № 41 (стенограмма). С. 23. Подробности того, как Государственный банк делал попытки пристроить в надежные руки Невский завод, к сведению Гранта, описаны в статье: ГИНДИН И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности // Исторические записки. М., 1980. Т. 105. С. 134–143.

[23] Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906–1914. Dokumente. Brl., 1991. S. 377. Государственный банк вознамерился было сократить на 1,5 млн руб. (на 18%) основной капитал Невского товарищества, чтобы привести баланс «в соответствие с действительной стоимостью имущества», но тут начались переговоры с банкирами о продаже Товарищества, в связи с чем постановление совета Государственного банка «не было приведено в исполнение», и соответствующее уменьшение акционерного капитала пришлось проводить уже новым владельцам (РГВИА. Ф. 369. Оп. 10. Д. 11. Л. 79об.–98).

не поступило 6 млн руб.[24], а «невские» акции Путиловского общества оказались в Русско-Азиатском банке на депозите французского банка в качестве залога.

Следующая, не менее важная веха в истории Путиловского общества приходится на первую половину 1914 г., когда правление проводило дальнейшее увеличение основного капитала — с 25 до 40 млн руб. с одновременным выпуском облигаций еще на 13 млн руб. Это событие Грант вообще никак не оценивает. Сама нужда в притоке капитала была связана с продолжавшимся финансовым кризисом предприятия, причем близились сроки крупных платежей по векселям. Стратегия здесь заключалась в том, что требовался заем в 20 млн руб., и получить его можно было либо от французских партнеров (с ними, изучившими положение дел на заводе, бесплодные переговоры продолжались больше года), либо от германских банкиров, готовых дать деньги, если Путиловское общество предпочтет сотрудничество с Круппом, изменив французам. Произошел известный скандал: огласка «германской угрозы», буря в антантовской печати и «общественном мнении».

Центральным действующим лицом в этом скандале оказался глава Русско-Азиатского банка, Путилов, таким «ловким» способом подключивший военно-политические рычаги для давления на скаредных французских финансистов. Но решение вопроса зависело не от Путилова, не от правления Путиловского общества и не от собрания его акционеров. Французское правительство, не желавшее допустить перемещения Путиловского завода под влияние Круппа, оказало нажим на российские власти, как раз в этот момент добивавшиеся от французов огромного «железнодорожного» займа, а Шнейдеру дало понять, что следует «абсолютно и окончательно» прибрать к рукам Путиловский завод[25]. В январе 1914 г. Путиловскому обществу было запрещено брать деньги у немцев, начались переговоры о выпуске на парижскую биржу новых его акций, продолжавшиеся полгода, вплоть до войны.

В последующем, в условиях войны, французское правительство объявило мораторий на платежи по заграничным обязательствам, и Путиловское общество в результате осталось с разрешением правительства внести изменения в свой устав (увеличить основной капитал до 40 млн руб.), но без существенного притока средств, который позволил бы избежать фактического банкротства в конце 1915 г. «Ближайшею причиною создавшихся финансовых затруднений, — констатировала эту неудачу Наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне, — явилось неосуществление Обществом намеченных до войны финансовых операций. Выработав планы расширения заводов, правление в начале 1914 г. вошло в соглашение с группою французских банков о выпуске акций и облигаций на общую сумму около 26 млн руб., каковой договор был утвержден французским правительством 14/27 июля 1914 г. (русским — 29 мая[26]. — *В. П.*). Наступившие военные обстоятельства лишили Общество возможности осуществить как означенное предположение, так и некоторые другие финансовые операции». Ему пришлось употребить «на погашение старых долгов» те авансы, какие удалось получить по заказам военного и

[24] Там же. Ф. 505. Оп. 3. Д. 22. Л. 83об.

[25] BEAUD C. Op. cit. P. 597–598.

[26] Дата утверждения журнала Совета министров царем — 6/19 июня.

морского ведомств, то есть авансы «не были обращены по прямому своему назначению»[27], что в дальнейшем привело Общество к новым осложнениям и, наконец, к секвестру.

Война застала Путиловское общество врасплох (с. 113, 120, 149). Выходит, когда весь финансовый мир оцепенел при виде назревающего европейского военного конфликта, только руководители этого Общества резвились на краю обрыва и, по признанию Путилова, к началу войны довели дефицит до 33 млн руб., после чего им предстояло «или признать Общество несостоятельным, или пойти по пути покрытия произведенных расходов посредством краткосрочных займов»[28]. Таким образом, вновь деловая стратегия руководителей Путиловского общества выступает, вопреки усилиям Гранта, в самом прискорбном виде.

Отметая все те фактические данные, которые говорят о плохой финансовой и организационно-технической работе правления, он не скупится на догадки, предположения, используя их как установленные факты в обоснование той версии событий, какую выдвинули в свое оправдание руководители предприятия. Объясняя произведенный в 1915–1916 гг. секвестр предприятия, Грант «додумывает», например, за начальника ГАУ Маниковского[29] возможные мотивы его (а также военного министра Поливанова и А.И. Гучкова) личной неприязни к Путилову или правлению в целом, строит общие вульгарно-социологизаторские рассуждения насчет сложных отношений между гражданскими и военными деятелями[30], проводит идею о заинтересованности московских промышленников (с. 116)[31], которые, однако, высказывались по-разному — и за и против секвестра.

Если же не подгонять материал под версию, выдвинутую правлением Общества, то придется признать, что проблемой Путиловского общества занимались не только те лица, кому выпало организовывать секвестр, а правительство в целом, причем не с мая 1915 г., а значительно раньше.

На заседании Совета министров 30 сентября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков обратил внимание коллег на «неспокойное настроение среди рабочих ввиду стремления предпринимателей понижать расценки», используя условия

---

[27] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 124.

[28] ЖОСО 1915. С. 400; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 149об.

[29] Выступление Маниковского за секвестр автор объясняет его стремлением к тому, «чтобы руководящая роль в управлении заводом на деле принадлежала квалифицированным военным специалистам, а не политикам без какой-либо технической подготовки» (с. 124, 132).

[30] При этом Грант сначала приводит распределение голосов военных чинов по вопросу о секвестре — 4 против, 2 за, а затем почему-то обобщает этот результат так: «В целом голосование офицеров может быть истолковано как шаг с целью блокировать Думу (то есть усилия представителей Думы в Особом совещании по обороне. — *В. Л.*), и мы можем понять позицию Маниковского как проявление его недоверия к думским деятелям» (с. 116, 124–125). Но ведь Маниковский-то голосовал как раз за секвестр — вместе с частью думцев, а другая их часть (И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, Н.В. Некрасов) голосовала против (ЖОСО 1915. С. 432–433).

[31] Эта идея уже была критически разобрана и отвергнута (см.: HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Königstein, 1980. S. 127, 128).

войны. «Путиловский завод — уменьшение расценок, — записано конспективно его выступление, — слухи о забастовке»; это «вопрос государственный». После дискуссии о политике заработной платы на петроградских предприятиях зафиксировано итоговое заключение: рабочий вопрос — «дело не только фабрик, но и казны»; «ежели что произойдет, возьмем в казенное управление». Такой поворот мысли правительства обосновывал признанный в среде министров мудрец — государственный контролер Харитонов, по мнению которого, требовалась «угроза [владельцам], если не подчинитесь, возьмем в военное управление»[32]. Общая идея использовать против предпринимателей, нарушающих государственные интересы, «в виде крайней меры, принудительный выкуп предприятий в казну» вынашивалась в правительстве еще до войны[33].

Идею секвестра как средства для решения проблем, связанных с крупным бизнесом, Совет министров не оставлял и в дальнейшем. 17 февраля 1915 г. она обсуждалась в связи с финансовыми затруднениями завода быв. Беккера. Когда обрисовалась необходимость оказать заводу казенную поддержку, глава земельного ведомства А.В. Кривошеин предложил: «Пусть, а потом секвеструем»[34]. (Осенью 1916 г. завод и был секвестрован.) 10 марта 1915 г. министр финансов Барк докладывал: «Русско-Азиатский банк имеет большинство акций Путиловского завода... Завод важен для обороны. Придется... поддержать из казны, на что надо до 12 млн руб... Завод в руках [Русско-]Азиатского банка не развивается... выжимают как лимон»; возможно, его купят американцы. Это опять навело Кривошеина на мысль о секвестре: пусть — американцы; казенные миллионы не пропадут, «все равно военное ведомство вооружено и контролем и правом секвестра». 18 ноября, когда дело и подошло к секвестру, Поливанов объяснил, почему он в данный момент против: «Тогда правление уйдет, а новых найти не могу (незадолго перед этим отказался возглавить казенное правление Крылов, приглашенный Поливановым. — *В. П.*). Мера не в пользу, а во вред». 23 февраля 1916 г. Совет министров обсуждал, как быть с забастовавшим Путиловским заводом. Решено: «Закрыть. Взять (призвать в действующую армию. — *В. П.*) младший возраст. Объявить новый набор». И следует конкретная рекомендация по составу правительственного правления после объявления секвестра: «Перемена правления — дело военного министра — но желательно Меллера (действующего директора завода, представителя фирмы Шнейдер. — *В. П.*) заменить генералом Дроздовым»[35]. Так и было сделано.

Отстранение избранного акционерами правления Путиловского общества с заменой его правлением, назначенным от казны, в феврале 1916 г. Грант считает не показательным для оценки положения крупного бизнеса при царизме. Ему «представляется ошибочным истолковывать секвестр Путиловского завода как проявление общего процесса промышленной мобилизации, потому что секвестр был нети-

[32] Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 78–79.

[33] См.: Кризис самодержавия. 1895–1917. С. 440.

[34] Совет министров Российской империи. С. 134.

[35] Там же. С. 148, 301, 320.

пичен, составлял исключение из правил» (с. 116)[36]. Но что же являлось правилом? Путиловский завод, самый крупный поставщик артиллерийского ведомства, подвергся секвестру; той же мере подверглись входившие в русско-французские группы Русско-Азиатского и Частного банков заводы быв. Беккера и Посселя (в последнем случае не секвестр, а конфискация); принудительному выкупу подверглись только еще создаваемые предприятия: Царицынский орудийный завод, входивший в русско-английскую группу Международного банка, и Владимирский пороховой завод, принадлежавший совместно тем же основным банковским группировкам. У группы Международного банка отнят Выксунский металлургический завод. Не допущено создание Кузнецкого металлургического комбината, финансируемого теми же группами. И это если говорить только о крупнейших предприятиях и не касаться подвергнутых воздействию в качестве «немецких».

Взаимоотношения ГАУ, начальника его, Маниковского, с частными предпринимателями Грант изображает так, чтобы они выглядели как обычное для капиталистических порядков взаимодействие крупного бизнеса с государством. По его словам, Маниковский не только не питал вражды к частной индустрии (если он и проявлял неприязнь, то только к банкам и лично Путилову), но и ставил ее выше казенной промышленности и оказывал ей предпочтение. В данном вопросе Грант опирается на труд Маниковского «Боевое снабжение русской армии» — чрезвычайно сложный источник. В нем позиции и взгляды правительственных деятелей и органов, включая ГАУ, поданы крайне тенденциозно, извращен смысл пространно цитируемых документов. Но и при этом начальник ГАУ нарисовал свои взаимоотношения с частными предпринимателями как беспрерывную неравную схватку с алчными заводчиками, подрывавшими главную опору государства — казенную военную промышленность. Нужно активно не понимать содержание книги Маниковского, чтобы представить генерала покровителем частного бизнеса. Создав превратное представление о его позиции, Грант получает еще один «парадокс» и принимается искать объяснений: почему же этот генерал, столь высоко ценивший частную инициативу, настойчиво требовал секвестровать Путиловский завод? За отгадкой не пришлось далеко идти: дело в личной «враждебности» Маниковского к акционерному правлению и Путилову (с. 116, 126–130).

Стоит Гранту от предположений перейти к конкретным источникам — начинаются недоразумения. В докладе комиссии Особого совещания по обороне, положенном в основу первоначального решения о секвестре, обзор выявленных технических непорядков на Путиловском заводе подытоживался следующим образом: «Наконец, по заключению инспекторов завода, его производительность развита далеко не в полной мере и может быть увеличена по некоторым производствам до 50%»[37]. До-

[36] Другой автор, видя, что история с секвестром Путиловского завода ломает его схему, тоже нашел выход из затруднения, назвав происшедшее «отклонением» от «движения вперед», «зигзагом» (ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм. С. 235).

[37] ЖОСО 1915. С. 376. В более полном тексте доклада: «Увеличение ее [производительности] в отдельных мастерских могло бы быть достигнуто в пределах от 10% до 50%» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 146об.).

статочно убрать, как это и делает Грант, слова «по некоторым производствам», чтобы это заключение обрело вид огульного наскока. Между тем в докладе комиссии вывод о 50% касался не Путиловского завода в целом, а главным образом пушечного производства.

Грант заявляет, что «документы не содержат никаких деталей о том, как инспекторы пришли к этой цифре (50%. — *В. П.*), а с учетом существовавших практических целей, по-видимому, ее взяли с потолка» (с. 118). Но детали, насколько это возможно бывает в документах подобного рода, инспекторами приведены, и они весьма конкретны: «Электрическая станция чрезвычайно слаба и снабжена неисправными котлами, причем работают лишь два турбогенератора, третий же, запасный, еще не прибыл, ввиду чего при порче одного из действующих турбогенераторов половина завода останавливается. Мостовые краны не готовы... Мартеновская и кузнечная мастерские недостаточно производительны, и внутренние сообщения между этими мастерскими не отвечают своему назначению. В пушечной мастерской постоянно наблюдается прогул станков, вызываемый исключительно упущениями администрации»; можно повысить «производительность специально пушечных станков для грубого сверления труб, от которых непосредственно зависит выпуск пушек. Простой этих станков колеблется в пределах от 6 до 69%... 14-часовой воскресный перерыв в работах не используется ремонтною бригадою для починки станков. Если же обратить более строгое внимание на надлежащий уход за станками, на своевременную доставку к ним инструмента и поковок и поставить на них лучших рабочих, то они смогут пропускать пушечных труб на 50% более, чем дают теперь»; нужно «увеличить в два-три раза число кранов в пушечной мастерской, в мартеновской и фасонно-литейной. Монтаж... новых станков производится крайне медленно — неделями и месяцами, тогда как мог бы заканчиваться в 10 дней». «Инструментальная мастерская также недостаточна, — находили инспекторы, — и мастера принуждены останавливать работы за неимением инструментов»; из-за этого «не исполняется до крайности нужный заказ 42-линейных пушек».

Может быть, инспекторы проявили придирчивость, тем более что их раздражало противодействие администрации, которая «даже отказывается сообщать им необходимые сведения»? Но слишком совпадает эта их критика с заключением о «технических беспорядках», сделанным незадолго перед тем французскими экспертами. Путилов, ознакомившись с претензиями инспекторов, признал, что имеются «существенные недочеты в устройстве отдельных мастерских», и не привел никаких возражений по каким-либо замечаниям[38].

Опорой для предположений о пристрастном отношении Маниковского к Путиловскому правлению служит анализ «приказа о секвестре». По словам Гранта, этим приказом «Путилову и остальным бывшим членам правления запрещалось снова становиться во главе предприятия даже по его [секвестра] окончании. Этот последний пункт дает особенно вопиющий пример озлобления по отношению к прежнему правлению, поскольку никаких других инструкций по управлению заводом Крылов

[38] Там же. Л. 125 и об., 145, 147об., 148, 150об.

и другие чины не получили от своего начальства» (с. 127). В подтверждение существования «приказа о секвестре» цитируются воспоминания Крылова, из которых, однако, нельзя, как это делает Грант, заключить о запрещении членам отстраняемого правления возвратиться на прежнее место после прекращения секвестра. В указанном Грантом месте Крылов не вполне точно утверждал, что к моменту его назначения председателем правительственного правления еще не было «общего положения[39] об управлении секвестрованными предприятиями, от Комитета обороны Государственного совета[40] имелось лишь указание, «что дело должно быть ведено на "коммерческих началах" и по миновании секвестра вновь возвращено правлению, которое будет избрано общим собранием акционеров».

В памяти Крылова смешались два разновременных события. Одно — предложение Поливанова Крылову возглавить новое правление (31 октября 1915 г.). Тогда Крылов, ссылаясь именно на отсутствие Положения об управлении секвестрованными имуществами, ответил отказом. 3 ноября в обстоятельном рапорте морскому министру (Крылов служил тогда по морскому ведомству и переговоры с ним вел непосредственно военный министр Поливанов, а Маниковский никаких «приказов» отдавать ему не мог) он объяснял, что немедленный секвестр грозит казне разорительной тяжбой: выборное правление с момента наложения секвестра устранится от всякого участия в делах, «ибо оно не уполномочено собственниками, то есть акционерами, на ведение дела при условии секвестра, а также и для того, чтобы не лишить акционеров возможности вчинить к казне иск об убытках»[41]. Его доводы были приняты во внимание. Второе событие произошло после объявления секвестра: Крылов все-таки принял назначение, но к этому моменту Положение об управлении секвестрованными имуществами уже было утверждено царем 12 января 1916 г.; оно защищало казенного управляющего против исков со стороны акционеров.

В этом Положении Совет министров (а не озлобленный Маниковский) как раз устанавливал порядок возвращения секвестрованного имущества его постоянным владельцам. При этом не только не говорилось ни о каких ограничениях для членов прежнего правления, но напротив: правление, ревизионная комиссия и др. избранные акционерами органы «устраняются от управления предприятием, — гласило Положение, — но полномочия их сохраняют силу для представительства интересов акционеров, а также для принятия предприятия по окончании секвестра» (ст. 8)[42]. Какие-либо признаки стремления навсегда убрать старое правление, таким образом, в существующем реально источнике отсутствуют. Грант же, кроме фантастического «приказа», якобы отданного начальником ГАУ Крылову, никаких свидетельств пристрастной «враждебности» Маниковского специально к Путиловскому правлению не приводит.

---

[39] Грант перевел слово «положение» в смысле — позиция, точка зрения.

[40] Так Крылов назвал Наблюдательную комиссию Особого совещания по обороне, которую возглавлял председатель Государственного совета А.Н. Куломзин (КРЫЛОВ А.Н. Указ. соч. С. 229–230).

[41] Там же. С. 734.

[42] СУ. 26.I.1916. № 21. Ст. 118.

Ничто не может освободить автора, пишущего о Путиловском заводе, от необходимости анализировать законы о секвестре от 12 января и 22 октября 1916 г., подытоживавшие политику царского правительства по отношению к частной инициативе. Грант одной из задач своего труда ставил сравнительно-историческое рассмотрение условий существования бизнеса в России и передовых капиталистических странах. Вот где, казалось бы, поле для решающих сравнений. Можно ли отделаться лишь упоминанием о том, что и в других странах — Австро-Венгрии, Германии, Франции — правительство в определенных случаях изымало частные предприятия из управления владельцев и ставило своих управляющих (с. 132)? Вопроса о том, как в подобных случаях обеспечивались интересы собственников, Грант не касается, хотя именно в нем заключается суть предмета. Самой крайней мерой, угрожавшей собственникам в этих странах, являлась экспроприация, реквизиция — принудительное отчуждение у них имущества с возмещением хозяевам его стоимости, определяемой либо по соглашению, либо судебным путем (особо решались дела с подданными враждебных держав).

Цивилист сожалел о «большом недостатке наших законов об экспроприации»: в них определялся только «способ прекращения права собственности *на недвижимость*», тогда как «в современной жизни, в особенности в чрезвычайных обстоятельствах, нередко возникает необходимость в экспроприации *предприятий*... Между тем наши гражданские законы не знают экспроприации предприятий»[43].

С изданием законов о секвестре этот «большой недостаток» российского права отпал; вообще теперь вопрос ставился иначе. Формально дело сводилось к временному отстранению владельцев от управления, причем предприятие оставалось в их собственности, так что повода для требования о возмещении стоимости не создавалось. Зато и убытки, которые они могли обнаружить в своем хозяйстве, возвратившись к управлению, им надлежало принимать примерно как кару всевышнего за алчность и непослушание властям, а дорогу в суд перекрывали упомянутые законы.

Получив назад свое предприятие после секвестра, владельцы могли, например, обнаружить, что за время секвестра новой администрацией уволены особенно ценимые выборным правлением доверенные коммерческие агенты, а вместо них приняты на службу специалисты, состоявшие или состоящие по какому-либо ведомству и зарекомендовавшие себя умением отстаивать денежные интересы государства[44]. Могло также оказаться, что выгодные долгосрочные контракты, положенные владельцами завода в основу деловой стратегии, уже расторгнуты, причем от их же

---

[43] СИНАЙСКИЙ В.И. Русское гражданское право. Киев, 1917. Вып. 1. С. 182.

[44] Здесь воспроизводилась коллизия, которая пронизывала законодательство о собственности, попавшей в распоряжение «понудительной администрации»: с одной стороны, кредиторская администрация представляет именно владельца предприятия (должника). С другой стороны, назначенные кредиторами администраторы, даже если их действия принесли владельцу убыток, но проведены во исполнение постановлений большинства кредиторов, не несут ответственности перед владельцем, предъявить им иск он в таком случае не может (ДОБРОВОЛЬСКИЙ А. Устав судопроизводства торгового. СПб., 1909. Вып. 2. Ст. 384–549. Администрация. Несостоятельность. С. 19–20, § 14).

имени, и какие бы из этого ни вытекали бедственные для предприятия последствия[45], ответственность уже лежит на них, собственниках предприятия. Точно так же от их имени кто-то, поуправлявший предприятием за время секвестра (это могло быть даже совершенно постороннее частное лицо, угодное ведомству), заключил новые договоры, настолько невыгодные, что само правление никогда бы на это не пошло; но теперь оно обязано их выполнять[46]. В числе этих договоров могли быть, например, заказы различных ведомств, предоставленные предприятию на исключительно выгодных для казны условиях, таких, каких она не могла бы себе обеспечить в переговорах с любым другим предприятием.

Как обобщал эту перспективу юрисконсульт Военного министерства, анализировавший закон 12 января 1916 г. под углом зрения обстановки на Путиловском заводе[47], при секвестре личность собственника «совершенно игнорируется». Лицо, поставленное ведомством, управляет «не только игнорируя» интересы хозяина, но «сплошь да рядом как раз обратно его желаниям и воле», считаясь только с директивами ведомства. И если казенные интересы требуют «чего-либо, что находилось бы в явном и резком противоречии с интересами собственника, то эти представители, не колеблясь, должны принять меру, как бы убыточна и вредна она для собственника ни была». Гранту все это может представляться ненужным и нехарактерным. С его точки зрения, лишь при поверхностном взгляде может казаться, «что самодержавие в своих интересах манипулировало правом собственности и другими правовыми гарантиями, необходимыми для предсказуемости и долгосрочных инвестиций» (с. 16). Наоборот, при глубоком взгляде ясно, что интересы акционеров при секвестре «были вполне обеспечены»; в России, где право частной собственности имело мало сторонников, гарантом его являлось самодержавное государство, которое не уважало и попирало все прочие права[48].

---

[45] В этом вопросе правительственное правление («секвестраторы») получило права более широкие, чем те, какими наделялась кредиторская администрация: она, по закону, «не имеет права... отказаться от исполнения договоров, заключенных должником». В этом отношении секвестр приобретал больше сходства с конкурсом, когда речь идет не о восстановлении делового благополучия предприятия, а о его ликвидации (там же. С. 21. § 1, 2).

[46] В данном случае пригодилась и норма, принятая в российском законодательстве о «понудительной администрации»: после закрытия администрации, когда, как считалось, пошатнувшиеся дела предприятия приведены в устойчивое состояние, должник, получив от кредиторов свое предприятие назад, вместе с ним получал и «ответственность по всем обязательствам, не выполненным администрацией или возникающим из ее действий по управлению имуществом, будут ли эти обязательства основаны на договоре или на законе. Вследствие сего по закрытии администрации должник не может быть освобожден от ответственности за убытки, причиненные во время существования администрации» (там же. С. 22. § 10).

[47] РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 44. Л. 8–11 (основные положения, выдвинутые юрисконсультом, воспроизведены в письме Барка помощнику военного министра Фролову от 21 мая 1916 г.); д. 223. Л. 10–26.

[48] HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat. S. 131; WORTMAN R. Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // Civil Rights in Imperial Russia. Oxford. 1989. P. 32.

В российском законодательстве до 1916 г. понятие секвестра не было разработано. Когда с началом войны потребовалось обратить это юридическое орудие против «германских» фирм, начались недоразумения, поскольку законом не были определены ни порядок наложения секвестра, ни его «гражданские последствия» («никаких указаний о силе договоров, имеющихся у предприятий, об отношениях секвестраторов к правлению и другим органам управления предприятием, о вознаграждении и проч.»), «равно как — даже самое понятие секвестра». Вызванный этим произвол заставил Совет съездов представителей промышленности и торговли походатайствовать перед Министерством торговли и промышленности «о необходимости точно установить последствия наложения секвестра» на предприятия. К маю 1915 г. в ведомстве А.В. Кривошеина, на которое была возложена подготовка нового закона, составили «проект общих положений» об управлении секвестрованными имуществами и он проходил шлифовку в совещании при Министерстве юстиции[49]. Первоначально Кривошеин даже не видел необходимости в детализации норм: «Полагаю, что в выработке особого законопроекта по этому предмету не представляется надобности», достаточно и того, что сказано в Положении о местностях, объявленных состоящими на военном положении. Секвестрованные имущества, гласил этот закон (примеч. к ст. 19), «передаются в заведование учреждений государственных имуществ», и при управлении отобранными предприятиями (имуществами) целью «отнюдь не может быть извлечение наибольшего дохода от них, а лишь правильное и целесообразное использование их в интересах государственных»[50].

Но изготовленный в конце концов закон 12 января 1916 г. представлял собой истинный шедевр казуистики и открывал совершенно новые пути воздействия на частные предприятия. Он вызвал ликование юрисконсульта военного ведомства по поводу торжества казенного интереса над зарвавшимся купечеством. Установленные новым законом условия взаимоотношений государства с бизнесом не идут в сравнение с порядками ни реквизиции, ни вообще любой откровенно объявленной экспроприации — даже конфискации, когда собственник теряет все же только само имущество, переходящее к казне.

Практика оказалась еще богаче новых юридических норм. Ссылаясь на полученное по закону 12 января право представлять интересы акционеров, выборное правление сразу после секвестра, 9 марта 1916 г., попыталось добиться, чтобы «в целях ограждения имущественных прав акционеров» был установлен «порядок постоянного наблюдения за ходом дел» на предприятии, и желало для этого иметь доступ к делопроизводству. Несмотря на многократные напоминания, согласие было получено только год с лишним спустя — уже при Временном правительстве[51], а до того

---

[49] РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1102. Л. 10об., 22об. Доклад Министерства торговли и промышленности в Совет министров «По предположениям междуведомственного при МТиП совещания для обследования германских и австрийских торгово-промышленных предприятий о принятии особых мер в отношении некоторых из таковых предприятий», 30.IV.1915.

[50] РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 1. Л. 36 и об. Кривошеин — Поливанову, 18.VII.1915.

[51] ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 4. Д. 63. Л. 59–61, 91.

комиссия, занимавшаяся истолкованием законов о секвестре, отвечала, что «дела могут быть предоставляемы... только за время до наложения секвестра»; впрочем, по усмотрению чиновников-«секвестраторов» — можно и шире, если те сами захотят поручить представителям акционерного общества ведение каких-либо дел[52].

Военный юрисконсульт разглядел в новом законе целую программу ломки отношений собственности — такую, что она встревожила даже министра торговли и промышленности Шаховского, вовсе не склонного потакать заводчикам. Замечалось превращение секвестра «в чрезвычайно сильное и крайне острое орудие промышленной политики государства». «В той форме, в какой применяется ныне секвестр, — предостерегал Шаховской Совет министров, — он серьезнейшим образом затрагивает интересы не только лиц, поместивших свои капиталы в секвестрованные предприятия, но и кредиторов этих предприятий», открывая для них «тяжелые перспективы». Подрывая кредит промышленности, такой секвестр «есть мера для грядущего развития русской промышленности крайне опасная и прямо противоречащая задачам, настоятельно диктуемым современным экономическим и финансовым положением России». Шаховской предлагал «немедленно же приступить к пересмотру закона 12 января 1916 г... в целях большего ограждения [интересов] владельцев и кредиторов предприятий»[53].

Пусть историк бизнеса решает, сводилась ли линия, отраженная в новом законе (и в практике секвестра), к «мобилизации промышленности» для нужд войны или преследовались более далекие цели. На первый взгляд, стремление Шаховского добиться пересмотра закона 12 января 1916 г. встретило отклик, и 12 сентября 1916 г. Совет министров принял постановление «Об изменении действующих правил о порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами». Журнал Совета министров (утвержден царем 22 октября)[54] открывался признанием того, что опыт применения январского закона показал «некоторые его несовершенства, сводившиеся главным образом к недостаточной обеспеченности прав и интересов владельцев и кредиторов». Заканчивался журнал выражением уверенности, что, «конечно», «наложение секвестра не может клониться к разорению предприятия путем возложения на него обязательств, явно для него убыточных».

Тем не менее все изменения закона, направленные на смягчение произвола, не прошли. В частности, Совет министров («в уважение» к соображениям Крылова) отклонил пункт, обязывавший назначаемых управляющих составлять опись секвеструемого имущества: эта мера была сочтена «практически трудно выполнимою, а потому и излишнею». Представитель ведомства юстиции потом об этом сожалел, потому что в «таком большом деле», как Путиловский завод, если растащат части оборудования и материалы, то нечем будет доказать, при возврате предприятия владельцам, что исчезнувшие предметы и материалы пропали до наложения секвестра, а не «в то время, когда собственник был устранен от всякого участия в деле». Но и

[52] РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1259. Л. 16.

[53] Известия Московского военно-промышленного комитета. 1916. № 19–20. С. 142–143.

[54] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4397. Л. 12–18. ОЖСМ.

он признавал, что «для указанного завода в настоящее время уже потерян момент для составления описи», теперь она «совершенно не соответствовала бы состоянию завода во время его приемки, бывшей около года тому назад». В ведомстве же финансов считали, что опись имущества собственнику была вовсе ни к чему, «так как он должен доверять правительственному правлению, являющемуся его [собственника] правопреемником»[55].

Не удалось изменить ст. 11 Положения — о порядке расплаты по долгам секвестрованного предприятия. Министерство торговли и промышленности попыталось лишить «секвестраторов» права не платить по долгам, сделанным до секвестра, но против этого восстали представители министерств морского, военного и юстиции, опасавшиеся, что «никаких правительственных субсидий не хватит», чтобы выплатить такие долги. В результате Совет министров нашел, что нельзя допустить «возложение на казну значительных расходов по оплате срочных долговых требований», а потому можно «не платить никаких долгов, образовавшихся до наложения секвестра». Но многое и здесь зависело от обстоятельств: например, если из-за неуплаты предприятие рискует остаться без сырья, «то, конечно, такие долги следует платить, но это может быть видно только управляющим на местах». Было сведено на нет предложение запретить передачу секвестрованного имущества в аренду третьим лицам. Вообще, что касается «объема прав секвестраторов», то соответствующую статью «Совет министров признал предпочтительным сохранить в действующей ее редакции, в коей указывается, что секвестраторы пользуются по сему управлению всеми правами собственника, за исключением права отчуждения недвижимости или обременения ее залогом или иными вотчинными правами».

Добиваясь юридической определенности отношений, Шаховской между тем сам вел дело к колоссальному расширению применения секвестра. Он уже учредил в своем ведомстве наделенные правом секвестра отраслевые комитеты — по делам хлопчатобумажной, льняной и джутовой, кожевенной промышленности. Подготовлен был и общий законопроект, из текста которого следовало, что отрасли промышленности «и торговли», в отношении которых может потребоваться «применение изъясненных мер», «весьма многочисленны и разнообразны», речь шла не только о предприятиях, снабжавших вооруженные силы, но и об удовлетворявших «существенные нужды населения империи». Законопроект Шаховского «Об упорядочении отдельных отраслей промышленности и торговли» Совет министров утвердил 23 февраля 1916 г. — на том же заседании, что и секвестр Путиловского завода[56].

Увлеченно обсуждавшие формируемое новое учение о секвестре главы ведомств, подкованные в юридических вопросах, не стремились сопоставлять свои идеи о гарантиях собственности с нормами законодательств других стран. Ни малейших попыток в этом смысле не сделал и Грант. Некоторые стороны дела, вызывавшие у них спор, свидетельствуют, что сам подход их к «интересам собственников и кредиторов» при секвестре лежал в особой плоскости, имевшей больше всего точек

[55] Там же. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1259. Л. 9об.–16; ф. 505. Оп. 3. Д. 22. Л. 11 и об., 10.

[56] Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 156. Л. 107–108, 112–113, 122.

соприкосновения с положениями об опеке дворянских имуществ. Это выяснилось в полемике между министром финансов и юрисконсультом военного ведомства[57] из-за разного понимания задач, возлагаемых на правительственное правление.

Помощник военного министра сенатор Н.П. Гарин недоумевал: «С кем же будет заключать договоры [правительственное] правление Путиловского завода, непосредственно подчиненное начальнику ГАУ? Договор предполагает равноправность договаривающихся сторон. Какая же равноправность между начальником и подчиненным?»[58]. Юрисконсульту тоже казалось, что если новые директора примутся заключать контракты с военным ведомством, то казна будет «договариваться» сама с собой — создастся противоестественное положение, которое не согласуется с «основными требованиями права». Ведь в таком случае нет «двух самостоятельных сторон», какие всегда подразумеваются при сделках, даже «отказаться от исполнения заказа... правительственные директора не в праве, и потому и элемент свободного договорного изъявления воли также отсутствует».

Вот тут-то и обнаружилось, что в финансовом ведомстве лучше знают особенности российского имущественного права. «Ни то, что управляющие секвестрованными имуществами должны руководствоваться интересами правительства, — возразил министр финансов Барк[59], — ни то, что они могут получать от него директивы, не может служить основанием для признания этих управляющих — представителями казны». У нас «далеко не всегда лицо, управляющее чьим-либо чужим имуществом, делает это в качестве представителя» того, кто его назначил[60]. Возьмите практику

---

[57] Там же. Оп. 5. Д. 223. Л. 10–26; оп. 16. Д. 126. Л. 252–254.

[58] Там же. Л. 9. Резолюция на докладе Маниковского, 18.V.1916.

[59] В основу этой части письма Барка от 21 мая 1916 г. легло заключение сенатора Н.И. Лазаревского — юрисконсульта Министерства финансов, прикомандированного к правительственному правлению Путиловского завода в качестве эксперта (там же. Ф. 505. Оп. 3. Д. 22. Л. 103об.).

[60] Самобытную традицию отражало законодательство о «понудительной администрации» по делам пошатнувшихся предприятий. Администрация — «явление самобытное, русское, неведомое западноевропейскому законодательству. Там в предотвращение несостоятельности существуют иные способы, а именно, два типа: а) судебная мировая сделка (бельгийский закон) и б) судебная ликвидация (французский закон), — кои, в отличие от нашей администрации, не признают чужого заведования предприятием должника». Юристы считали, что установленная по нормам закона 1836 г. «администрация понудительная является институтом, давно отжившим свой век». В 1912 г. Дума готовила законопроект, по которому администрация понудительная, вводимая с целью «восстановления» (оздоровления) дел должника чужими руками, «уничтожается, а вводится особый вид ликвидации дел должника» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 628. Л. 76, 77). Наглядный пример расхождения юридических традиций привел Р. Жиро: одно и то же разорившееся в 1900–1901 гг. Уральско-Волжское металлургическое общество по французским нормам подлежало ликвидации в судебном порядке, а по российским — переходило под управление кредиторской администрации (GIRAULT R. Emprunts russes et investissements français en Russie. 1887–1914. Paris, 1973. P. 291, 294). При «столкновении ходатайств» кредиторов о признании должника несостоятельным или об учреждении администрации по его делам, по российскому закону, «прежде всего должен быть разрешен вопрос о допущении адми-

дворянской опеки: назначенного дворянским обществом опекуна «нельзя считать... представителем дворянской опеки, хотя он ею назначен и от нее же получает директивы»[61]. Поэтому вопрос, «чьи интересы имеются в виду при заключении договора, совершенно безразличен». «Для того, чтобы управляющий данным (чужим) имуществом мог заключить по этому имуществу договор с другим лицом, — утверждал Барк, — надо, чтобы по закону исполнение договора производилось за счет этого имущества и чтобы прибыль по этому договору досталась его собственнику, а в случае убытка — он падал бы на этого собственника».

В итоге, с одной стороны, юрисконсульт прав, полагая, что правительственный директор Путиловского общества будет действовать вопреки интересам акционеров; с другой же стороны, уважаемый юрист ошибается, считая, что нельзя правительственного директора считать представителем («заступником») тех же акционеров, раз властью поручено ему выступать в таком качестве, хотя мнение акционерного общества об этом никто и не думал спрашивать. На взгляд Барка, таким образом, изгоняемые руководители Путиловского общества, поскольку они не уважают интересы государства, которому всецело обязаны своим благоденствием, и, следовательно, не понимают собственный коренной интерес, подобны спятившему помещику и столь же нуждаются в опеке. Неважно, если «бывшее правление предприятия» откажется от ответственности за ход дел при секвестре, заявив, что «не уполномочено собственниками, то есть акционерами, на ведение дела при условии секвестра». Не уполномочено — и не надо, это даже лучше, правительство само уполномочит, кого следует. Все равно у секвестрованного завода остаются его собственники, «и с этими собственниками, в лице их назначенных управляющих, казна, как и всякое третье лицо, может вступать в договорные отношения».

Понимая, что́ именно тревожит военное ведомство, Барк разъяснял, как будут заключаться контракты: нет «никакой реальной опасности преувеличения цен... если бы на каком-либо заказе случайно получалась чрезмерная прибыль, то правительственное управление, конечно, уравновесит ее, понизив расценки по другим казенным заказам».

Разумеется, при желании и такую систему управления можно истолковать как воплощение «коммерческих начал», к чему и склоняется Грант, встречая в коварных источниках упоминания о прибылях и дивидендах в секвестрованном Путиловском

нистрации» (ДОБРОВОЛЬСКИЙ А. Указ. соч. С. 4, § 2, с. 14, § 4). Новые законы о секвестре открыли дополнительные — в духе той же самобытной традиции — перспективы: «Широко практикуется ныне и принудительное управление предприятиями (секвестр) [1] в чистом виде или [2] с целью *прекратить, ликвидировать* предприятие (*ликвидация не в чистом ее виде*). Понятно, что *секвестр* нельзя смешивать с принудительной ликвидацией как способом прекращения права собственности» (СИНАЙСКИЙ В.И. Указ. соч. С. 185).

[61] Так же и «администрация есть представитель *не* кредиторов, а должника», она «действует именем должника как хозяина, с целью предупредить объявление его несостоятельности, почему сделки администрации следует признавать учиненными именем не кредиторов должника, а его самого как лица еще полноправного» (ДОБРОВОЛЬСКИЙ А. Указ. соч. С. 18. § 3; с. 22, § 10).

заводе. Детальный разбор практики секвестра — работа, которую должен бы был проделать автор книги о Путиловском заводе. Но можно ли получить в итоге реальный научный результат, держась, как держится Грант, за схему о достигнутых «предсказуемости» порядков и «правовой благоустроенности, необходимых корпоративному капитализму» (с. 16), об установившемся благожелательном взаимопонимании между царской властью и крупным бизнесом?

В основу этой схемы Грант положил актуальную идеологическую легенду о процветании российских предпринимателей, усвоивших законы деловой жизни в условиях свободной конкуренции и умевших выработать и провести удачную «стратегию». Признавая существование различий между политико-правовыми структурами царской России и на Западе, Грант, однако, с советским «оптимизмом» держится представления о непреложной исторической закономерности: воздействие «рыночных реалий», придававшее поведению Путиловского общества «сходство с западными компаниями», оказывалось более мощным, чем противоположное воздействие самодержавия (с. 151); все шире открывалась дорога дельцам новой формации. Самодержавию тоже ничего не оставалось, как отступать под натиском этих реалий — «объективных процессов капиталистической эволюции», сказал бы советский историк, — делая шаги по «пути превращения в буржуазную монархию»[62].

«Связь с современностью» в книге Гранта обозначена в «эпилоге» — в виде компиляции сообщений текущей прессы о преобразованиях на «Кировском заводе» за годы перестройки; они должны свидетельствовать о «большом сходстве» процессов тогда и теперь (с. 18). Похоже, Грант склонен рассматривать свою книгу как историческое руководство для туземных практиков. Как будто куда-то туда, в Пенсильванию либо Флориду, переместился некий «отдел науки», озабоченный ныне продвижением идеи о глубоких исторических предпосылках построения в России развитого буржуазного общества.

Вопросы истории. 2002. № 1.

[62] Новое в исторической науке. С. 51–56. Царизм — «дворянская монархия, шаг за шагом разлагаемая капитализмом, идущая на уступки буржуазии» (Преподавание истории в нашей школе // Правда. 27.I.1936).

Путиловский завод в 1915–1917 годах

За год до того, как рухнуло самодержавие, 27 февраля 1916 г., Особое совещание по обороне почти единогласно постановило: секвестровать Путиловский завод. Это означало, что предприятие-гигант, главный поставщик вооружения царской армии, временно изымалось из рук его владельцев и переходило под управление военного ведомства в лице нескольких генералов и чиновников. Решение это было воспринято по-разному. Ряд членов Особого совещания во главе с председателем Государственной думы М.В. Родзянко еще задолго до того убеждал военные власти поскорее передать завод в казенное управление, говоря, что «едва ли не в первый раз» история поставила их всех «лицом к лицу с необходимостью решить вопрос исключительной государственной важности», а после секвестра они же высказывали «сожаление, что мера эта не была принята значительно раньше»[1]. В банковских и промышленных кругах смотрели на дело иначе.

Агент Петроградского охранного отделения, проникший на съезд металлозаводчиков, который состоялся в конце февраля — начале марта, доносил: «На закрытом заседании... было сделано внеочередное заявление, посвященное вопросу о секвестре Путиловского завода». Ораторы говорили о том, что «исключительность настоящего факта заставила всех промышленников взволноваться». «Смертельная опасность, — считали они, — грозит частной промышленности, связанной с работами по обороне страны, и даже самой обороне»; «Это хуже немца... если так пойдет дальше, мы, промышленники, приостановим производство». Негодованием и раздражением была проникнута речь директора правлений Русско-Азиатского банка и еще десятка зависимых от него крупных предприятий (в том числе Путиловского завода) А.И. Путилова: «Нам говорят, что крайние партии жаждут крови и думают использовать Путиловский завод для устройства беспорядков. Секвестр завода, переход завода в казну якобы успокоит рабочих... Но, гг., правительство идет по ложно-

[1] ЖОСО 1915. С. 405; ЖОСО 1916. С. 127.

му пути, по пути социализма». Социалисты же — меньшевики-оборонцы — поспешили откреститься от померещившегося призрака. «Приемы сваливания с больной головы на здоровую были и будут», — успокаивал военно-промышленную «общественность» К.А. Гвоздев, председатель рабочей группы ЦВПК. Власти, говорил он, хотят «вселить мысль», будто в рабочей группе «есть элементы, которые какими-то подвохами вызывают забастовку, содействуют ей». Какая клевета![2] Протесты последовали не только из среды металлозаводчиков (их съезд принял соответствующую резолюцию — обращение к правительству), но и по дипломатическим каналам — от заинтересованных лиц в парижских банках.

Чем же мог реально обернуться секвестр Путиловского завода для «всей промышленности» и «самой обороны»? Путиловское предприятие, на котором трудилось тогда до 26 тыс. рабочих, расположенное «на далекой окраине города, за Нарвской заставой, в центре народной нищеты»[3], отличалось не только исключительными размерами, но и являло собой пример переплетения интересов финансовых групп, которые соединенными усилиями стремились добиться бóльших для себя выгод, чем в конкурентной борьбе друг с другом. Уже к началу мировой войны Общество Путиловских заводов вместе с Русско-Азиатским банком служило центром самой мощной в стране военно-промышленной группы, находившейся в альянсе с таким же французским объединением (Шнейдер и К°, Банк Парижского союза). В 1915 г. эта монополия предложила сотрудничество своему главному конкуренту в России — финансовой группе, возглавляемой Петроградским международным банком. Входивший во вторую группу Коломенский завод был приглашен участвовать в выгоднейшей сделке на поставку фугасных снарядов (гранат). Созданное на этой основе объединение во главе с Гранатным комитетом официально представляло Общество Путиловских заводов, поэтому его называли еще «Путиловской группой»[4].

В декабре 1914 — январе 1915 г. Ставка заявляла, что именно нехватка снарядов и винтовок заставила русскую армию перейти от наступления к обороне, и это истолковывалось в Петрограде как сваливание полевым командованием своей вины на органы снабжения. От начальника ГУГШ М.А. Беляева ген. Е.К. Смысловскому, по его словам, неоднократно приходилось слышать, что, предъявляя заведомо неисполнимые требования, Ставка старается «заручиться для будущего “документом”: “Мы, дескать, требовали, но нам этого не дали, а потому нас и нельзя винить...”»[5].

Стремясь подхлестнуть промышленность, военно-бюрократические верхи в то же время не желали сами прибегать к действиям, которые могли бы вызвать недовольство монополистов. В январе 1915 г. генерал-инспектор артиллерии вел. кн.

---

[2] Путиловец в трех революциях. С. 251–252, 301. Ср.: Изв. Московского военно-промышленного комитета. 1916. № 21–22. С. 107–108, 114–115 (речь Гвоздева).

[3] Новое время. 18.II.1908.

[4] Об истории создания Гранатного комитета см.: КРУПИНА Т.Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. М., 1969. Т. 83. С. 64, 66–67.

[5] РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 24. Л. 261об.–262. Показания 31.XII.1915.

Сергей Михайлович даже нашел необходимым умерить рвение генералов-артиллеристов из своего окружения (Н.Ф. Дроздов, А.А. Маниковский и др.), предлагавших поднять производительность Путиловского завода крутыми мерами. Они намеревались «отобрать» завод у «немецкого» акционерного правления и, «сместив все начальство», передать управление заводом в руки «исключительно военных инженеров-технологов»[6].

Но весной–летом 1915 г. кризис боевого снабжения приобрел такую остроту, что в правительственных кругах одной из тем разговоров и переписки стал вопрос, на кого бы возложить вину за поражения и жертвы[7]. «Вопрос патронов и ружей, скажу, — кровавый»[8], — писал 27 апреля 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич военному министру В.А. Сухомлинову. В мае, в «тяжелые дни» отступления, великие князья Николай Николаевич (верховный главнокомандующий) и Сергей Михайлович решили, что такой популярный шаг, как изъятие известнейшего завода в казенное управление, поможет им выгородить себя, и для исполнения столь острой меры удобными подставными фигурами могут послужить вожди оппозиционной «общественности»: нужно лишь вынудить их «не только критиковать, но и активно действовать». «Родзянко так много шумит, пусть же он теперь сам поработает, а участие его снимет у них возможность потом критиковать сверхмеры, т. е. реквизицию заводов», — пояснял этот замысел Сухомлинову Янушкевич. «Надо все сделать, чтобы Родзянко и всем членам Думы казалось, что это новое и важное дело, и чтобы они сознавали свою ответственность», — развивал ту же мысль А.В. Кривошеин при обсуждении в Совете министров вопроса об учреждении Особого совещания по обороне[9].

В такой атмосфере и родилось «дело» Путиловского завода. Обставлено оно было даже «демократически»: формальное начало ему положил донос черносотенцев (составленный как бы от имени рабочих-путиловцев) на администрацию завода. По распоряжению вел. кн. Николая Николаевича Янушкевич переслал копии доноса председателю Государственного совета (он же председатель Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне, контролировавшей военную промышленность) А.Н. Куломзину и Родзянко[10]. Правые в Думе и через печать вели подготовку «общественного мнения».

Доказать, что завод срывает важнейшие заказы, не составило большого труда, и Наблюдательная комиссия высказалась за секвестр. Предполагалось при этом объявить, что назначаемое Особым совещанием правление, приняв дела, постарается

---

[6] Обосновать возражения генерал-инспектор поручил начальнику Брянского арсенала С.Н. Ванкову, вызвав его в Петроград (НИОР РГБ. 303.1. Л. 162–164. ВАНКОВ С.Н. Мои мемуары. Рукопись 1934 года).

[7] СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение... С. 43–44; ЕГО ЖЕ. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915–1916 гг. // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 46.

[8] Красный архив. 1923. Т. 3. С. 58.

[9] Там же. С. 63; СИДОРОВ А.Л. Экономическое положение. С. 58–60; Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 397.

[10] РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 32. Л. 11–15. Переписка 5–12 августа 1915 г.

не причинять акционерам ущерба, в частности не уменьшит «стоимости вверенного ему имущества»[11].

План Наблюдательной комиссии состоял, далее, в том, чтобы выяснить коммерческие связи Путиловского общества, его финансовое положение и вообще подготовить необходимые данные для предстоящего «объявления Общества несостоятельным». Следующим шагом было бы издание особого закона о принудительном отчуждении завода. Согласно этому замыслу, в случае «доведения Общества до несостоятельности» государство могло приобрести завод с минимальными затратами («за сумму, вероятно, лишь незначительно превышающую его задолженность казне») и не отягощенным прочими долгами. Это оградило бы казну как будущего владельца завода «от предъявления необоснованных требований» со стороны его частных кредиторов[12]. Тем самым на будущее правление возлагалась двоякая задача: обеспечивая бесперебойное исполнение заказов и подготовляя переход завода в собственность государства, не допустить, однако, ущемления «законных» интересов акционерного общества.

28 октября 1915 г. доклад Наблюдательной комиссии был утвержден Особым совещанием. Это решение военный министр А.А. Поливанов 31 октября сообщил Совету министров[13], одновременно началось формирование казенного правления. В его состав нужно было подобрать специалистов, разбирающихся в машиностроительном производстве и в артиллерийском деле. Лица, считавшиеся наиболее подготовленными, полковник князь А.Г. Гагарин и генерал Г.Г. Кривошеин, с октября 1915 г. были прикомандированы к правлению Путиловского общества для надзора. Но, будучи специалистом в технических вопросах, профессор Инженерной академии Кривошеин не имел какого-либо опыта в руководстве предприятиями. Не менее авторитетный инженер и теоретик, один из лучших в России специалистов артиллерийского дела профессор Гагарин (бывший директор Петербургского политехнического института[14]) изучил постановку металлургических и механических производств в Европе и в США, до 1900 г. несколько лет заведовал механической мастерской в Петербургском арсенале, а затем служил помощником начальника казенного Петербургского орудийного завода (и был убежден в преимуществах снабжения вооруженных сил с помощью казенной промышленности, выступал за регулирование на этой основе цен при частных поставках вооружения[15]). Но и ему не приходилось вести крупных коммерческих дел.

---

[11] Там же. Оп. 16. Д. 32. Л. 128–130об.

[12] Там же. Л. 126об., 128–130. Журнал Наблюдательной комиссии № 12, 27.X.1915; ЖОСО 1915. С. 376.

[13] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 31. Л. 81; д. 9. Л. 40 и об.

[14] Удаление его с должности директора с преданием «этого идиота Гагарина» суду («мерзкая история с лабораторией бомб и всякого оружия») состоялось по распоряжению Николая II (Красный архив. 1932. Т. 50–51. С. 176. Николай II — Марии Федоровне, 1.III.1907; КОВАЛЕВ В.И. Обыск 18 февраля 1907 г. // Труды Ленинградского политехнического института. 1957. № 190).

[15] См.: ГЕРБЫЛЕВА Н.П. Князь А.Г. Гагарин, первый директор Санкт-Петербургского политехнического института. СПб., 2002. С. 8–18. Еще в 1898 г. он представил правительству

Во главе создаваемого правления мог быть уместен профессор (в 1916 г. избранный академиком) А.Н. Крылов. В 1915 г. он не занимал на государственной службе никаких должностей, связанных с исполнением чиновничьих функций. Этот крупный специалист военно-морского дела числился генералом для особых поручений при морском министре И.К. Григоровиче и одновременно состоял платным консультантом частных фирм и казенных заводов по техническим вопросам (артиллерия, судостроение), а также директором правления полуказенного Русского общества пароходства и торговли. Эта деятельность дала Крылову знание коммерческих сфер, опыт в юридических и финансовых вопросах. Как бывший председатель Морского технического комитета (1908–1910 гг.), Крылов столь же хорошо знал постановку дела на казенных заводах, их технические возможности и условия деятельности. Государственное значение таких заводов он видел, как и Гагарин, в том, что они конкурировали с частными предприятиями, регулируя производство в интересах казны[16]. Многолетние деловые взаимоотношения связывали его с Гагариным и начальником ГАУ А.А. Маниковским. «Во исполнение полученного мною приказания, — докладывал Крылов Григоровичу, — я имел честь 31 сего октября представиться г. военному министру... Алексей Андреевич изволил предложить мне принять председательствование в правлении Путиловских заводов, *секвестрованных казною*».

Немедленного согласия Крылов не дал, сославшись на неподготовленность к подобной роли, но пообещал подумать. По совету Поливанова он обсудил положение с Гагариным и Кривошеиным, но после этого окончательно пришел к мнению о недопустимости секвестра. Смена правления, писал он в рапорте Григоровичу 3 ноября 1915 г., нарушит коммерческие связи Путиловского завода и «вместо усиления производительности» даст «весьма пагубное умаление ее». Как и Кривошеин, Крылов советовал не прибегать к секвестру, а еще раз поддержать предприятие деньгами и «не вносить расстройства в руководительство делом». Секвестр — это «лишь установление над ним казенного управления. Само же предприятие... составляет по-прежнему *собственность Общества в лице акционеров его*». Объясняя, почему он при таких условиях отказывается принять назначение, Крылов писал, что «при окончании секвестра этому [правительственному] правлению придется дать отчет акционерам... были ли его действия направлены к выгодам предприятия, не принесли ли эти действия убытков предприятию, притом не только прямых, но и в виде *недополучения возможных и законных прибылей*». Если же при возвращении акционерам их имущества (или, наоборот, при окончательном переходе завода в собственность государства) выявится какая-нибудь «нехватка против инвентарей и книг», то

«записки, в которых с цифрами в руках доказывал, что перевооружение полевой артиллерии следует вести на казенных заводах, потому что барыши остаются казне, мастерские и станки — тоже и, наконец, у казны остается сформированный штат мастеров, умеющих делать пушки, — вспоминал Гагарин в 1907 г. — Этими записками я разбудил спавших... моя мысль была принята» (цит. по: ПОЛТОРАК С.Н. Первый директор Санкт-Петербургского политехнического института князь А.Г. Гагарин // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 143–144).

[16] См.: ЛУЧИНИНОВ С.Т. А.Н. Крылов — выдающийся кораблестроитель, математик и педагог. Л. 1959. С. 74; ШАЦИЛЛО К.Ф. Русский империализм. С. 271.

она «будет отнесена к деятельности правления за время секвестра», и у него может не оказаться «никаких доказательств для своего оправдания перед судом»[17].

С подобными соображениями приходилось считаться всем, кто участвовал во временном казенном управлении секвестрованными предприятиями. 3 ноября, в тот же день, когда Григорович и Поливанов прочитали рапорт Крылова, в Совете министров обсуждался проект общего закона о секвестре, предусматривавший, что учреждения, управляющие секвестрованными предприятиями, «не ответственны перед их собственниками за свои распоряжения по управлению»[18]. Но пока существовал лишь проект закона, ничто не ограждало чиновников от ответственности за нарушение материальных интересов частных собственников, так что на место уклонявшихся от управления Путиловским заводом Крылова и Кривошеина Военному министерству нелегко было подыскать добросовестных кандидатов. Таким образом, казенное управление Путиловским заводом распалось, так и не приступив к исполнению своих обязанностей. «Когда дело коснулось проведения в жизнь этого постановления, — писал позднее Поливанов министру финансов, — явился целый ряд затруднений, вызываемых главным образом предположением, что по сложности дела, по запутанности финансовых отношений завода как к акционерам, так и к банкам, члены правления от правительства не будут в состоянии справиться с делами»[19], и вопрос о секвестре пришлось пересмотреть. 18 ноября 1915 г. Особое совещание обсудило два предложенных Наблюдательной комиссией варианта нового решения (что отражало разногласия, возникшие в самой комиссии). Одни считали необходимым отменить постановление о секвестре, другие — предоставить военному министру привести его в исполнение, но «не прежде, чем окажется возможным найти соответствующий состав сведущих должностных лиц» для правления. По докладу комиссии Поливанов решил: «Секвестр Путиловских заводов не производить, оставив в составе правления общества этих заводов нынешних инспекторов... с тем, чтобы расходы по этим заводам не производились без разрешения названных инспекторов»[20].

Первая попытка секвестровать Путиловский завод окончилась безрезультатно не только из-за отсутствия лиц, готовых взяться за управление гигантским предприятием, но и в связи с недопустимостью даже непродолжительного снижения выпуска военной продукции, неизбежного при передаче завода в другие руки.

Директора Путиловского общества, понятно, всеми силами старались не допустить секвестра. И все же не подтверждается пущенная в оборот Родзянко версия о том, будто в их пользу дело решилось благодаря влиянию Г. Распутина. По воспоминаниям Родзянко, первоначальное «решение о наложении секвестра было принято в Совещании почти единогласно, но неожиданно получилось высочайшее приказание вновь пе-

---

[17] КРЫЛОВ А.Н. Указ. соч. С. 730–735.

[18] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 107. Л. 52. Законопроект, внесенный на рассмотрение Совета министров не позднее 30 октября 1915 г.

[19] Там же. Оп. 16. Д. 31. Л. 86об.–87. Поливанов — Барку, 22.XI.1915.

[20] Там же. Д. 32. Л. 156, 162; ЖОСО 1915. С. 433.

ресмотреть вопрос. Это было сделано с помощью того же Распутина, с которым Путилов на всякий случай поддерживал хорошие отношения. Действительно, в следующем заседании все представители министров голосовали против секвестра... Секвестр был отменен, я оказался почти в одиночестве: сила золота меня победила»[21]. Однако, по зафиксированному в журнале от 28 октября 1915 г. поименному голосованию, соотношение голосов было не почти единогласным, а 18 к 20. И 18 ноября, голосуя за сохранение в силе решения о секвестре, Родзянко тоже был не «почти в одиночестве», а в компании еще 14 членов Особого совещания, и для того, чтобы получить перевес, им не хватило двух голосов. В цитированных воспоминаниях, видимо, сказалась склонность их автора к «значительному преувеличению и искажению фактов»[22]. Сам же он признавал, что, помимо собственных впечатлений, воспроизводит в воспоминаниях «и бродившие в русском обществе слухи» и вообще всякие «рассказы», рисующие «настроения умов»[23]. Из таких источников, скорее всего, и почерпнул Родзянко легенду о «высочайшем приказании», продиктованном Распутиным[24].

Хотя от наложения секвестра и пришлось воздержаться, контроль за финансовой жизнью предприятия усилился: в этих целях Министерство финансов запретило Русско-Азиатскому банку выдавать Путиловскому заводу «какие бы то ни было дальнейшие ссуды»[25]. 3 ноября число инспекторов пополнилось представителем Морского министерства Н.Н. Оглоблинским (профессор Морской академии). Затем всех их было приказано ввести в состав правления Общества на равных правах с выборными директорами — доверенными лицами акционеров; 23 ноября Григорович доложил царю о полученном им согласии Крылова «взять на себя труд вступления в правление Путиловских заводов», и Николай II велел «благодарить» его. 5 декабря он был включен в число членов правления[26].

---

[21] РОДЗЯНКО М.В. Крушение империи. Л., 1929. С. 127. Эту версию воспроизвел А.Т. Миндарев (МИНДАРЕВ А.Т. Иллюзии современного ревизионизма и исторический опыт государственно-монополистического капитализма России // Истоки современного ревизионизма и его буржуазная сущность. М., 1961. С. 280). Хауманн, отмечая, что источники такую версию не подтверждают, в то же время считает ее в принципе правдоподобной, учитывая возможную роль влиятельного дельца И.П. Мануса (HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906–1917. Königstein, 1980. S. 126).

[22] ЖОСО 1915. С. 380, 432–433; ДЯКИН В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967. С. 230; ШАЦИЛЛО К.Ф. Из истории экономической политики. С. 216.

[23] РОДЗЯНКО М.В. Указ. соч. С. 9.

[24] Если бы вопрос о секвестре пересматривался действительно по распоряжению царя, то, надо полагать, и представители ведомств и председатель Государственного совета Куломзин голосовали бы именно так, как сообщено в воспоминаниях Родзянко. В действительности против пересмотра голосовали и Куломзин, и представитель Министерства путей сообщения, и начальники главных управлений Военного министерства (никаких специальных «представителей министров» в Особом совещании не было).

[25] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 124об.–125, 150; оп. 4. Д. 16. Л. 48.

[26] Там же. Оп. 16. Д. 32. Л. 66; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 4. Д. 62. Л. 65; КРЫЛОВ А.Н. Указ. соч. С. 874–875.

В тот период, когда представители Особого совещания контролировали деятельность смешанного правления, их взаимоотношения с выборными директорами оставляли желать лучшего[27]. Постоянным источником напряженности служила неспособность завода выполнить в срок военные заказы. На этой почве заводскую администрацию обвиняли в недобросовестности и даже в измене. По предложению инспекторов Особое совещание 28 октября вывело из состава правления К.К. Шпана (вакантное место и занял Крылов; к тому времени Шпан уже был выслан в Вятскую губернию как бывший германский подданный; молва о нем как о шпионе поддерживалась официальными источниками, хотя имеются основания считать его представителем французских интересов в правлении Путиловского общества[28]). С трудом удалось директорам Общества Путилову и Н.Е. Понафидину упросить Поливанова не исключать из членов правления К.М. Соколовского и А.К. фон Дрейера. Понафидин же 28 декабря сам поспешил выйти из его состава (на освободившееся место акционерное общество поставило другого своего представителя — А.Ф. Бринка)[29]. Место еще одного устраненного директора, Л.А. Бишлягера (много сделавшего для упрочения деловых связей Путиловского общества с германской фирмой Блом и Фосс[30]), 11 октября занял представитель Министерства финансов В.Ю. Мебес. В конечном счете число назначенных директоров правления приблизилось к половине всего его состава; без их согласия оно, казалось, не могло предпринять никакого важного шага.

Однако истинные пределы своих полномочий правительственные директора вскоре познали на практике. В ноябре Кривошеин запросил у Министерства финансов разрешения потребовать, чтобы Русско-Азиатский банк вернул доверенность Общества, на основании которой он получал казенные платежи за гранаты (удерживая в свою пользу, согласно контракту с заводом, по 40 коп. за каждый снаряд). Ответ Министерства финансов был получен обескураживающий: инспектора могут контролировать лишь расходование той казенной ссуды, которая послужила поводом для их назначения, во всех же иных вопросах они «не имеют никакого касательства» к коммерческим делам завода, а следовательно, и к платежам по гранатному заказу. Действительно, этот заказ Путиловский завод получил в июле, поводом же для назначения инспекторов послужили ссуда, предоставленная правительством в мае, и только что выявленные «недочеты» в работе предприятия. Разъяснение Министерства финансов, весьма пространное и казуистическое, вызвало со стороны начальника Канцелярии Военного министерства А.С. Лукомского иронические замечания: «Вот так заключение», «Ну и писатели!», но в компетентности этого заключения сомневаться не приходилось.

---

[27] КРЫЛОВ А.Н. Указ. соч. С. 229.

[28] GIRAULT R. Finances internationales et relations internationales (à propos des usines Poutiloff) // BOUVIER J., GIRAULT R. L'impérialisme français d'avant 1914. Paris; La Haye, 1976. P. 251–252; М. Еще курьезы артиллерийского ведомства // Новое время. 26.II. 1912.

[29] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 297–300. Переписка Поливанова; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 4. Д. 62. Л. 65, 67.

[30] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72928. Л. 316.

Единственное, чего, по указанию министерства, следовало добиваться, — это отказа от гарантий (принимая на себя ответственность перед казной за выплаченные ею Путиловскому заводу авансом десятки миллионов рублей, Русско-Азиатский банк брал с него за это 4% годовых от суммы авансов). Кроме того, считалось желательным понизить цены по договорам с Путиловским заводом, но как это сделать, военное ведомство должно было решить само[31]. Эту задачу упростило изданное 12 января 1916 г. положение Совета министров «О порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами». Новый закон наделял чиновников, становившихся во главе секвеструемых предприятий, «всеми правами собственника» (за исключением права отчуждения и залога недвижимости); казенные управляющие могли («если сие вызывается государственными интересами») без согласования с собственниками заключать и расторгать договоры, даже изменять «и самое назначение» предприятия, и становились «не ответственны» перед собственниками «за свои распоряжения по хозяйственному заведованию и управлению»[32].

Закон устранял многие из препятствий, заставивших в октябре–ноябре 1915 г. отказаться от секвестра Путиловского завода. Так, прежде сторонникам секвестра приходилось признавать, что убытки «от нехозяйственных действий» казенного правления «падут только на государственное казначейство»[33]. По новому же закону никаких убытков казна на себя не принимала. Отпала и обязанность казенного правления блюсти имущественные интересы акционеров[34]. Если в ноябре 1915 г. Крылов считал неизбежным понижение производительности завода оттого, что технический персонал в основном будет занят «бесполезной и излишней» работой — учетом имущества для составления передаточного баланса[35], то после издания нового закона полагалось учитывать не имущество, переходящее из частного в казенное управление, а лишь расходы казны за время секвестра, и надобности в составлении особого баланса более не возникало.

Таким образом, январские законы 1916 г. разрешали вопросы, возникавшие в практике взаимоотношений казны с некоторыми военно-промышленными монопо-

---

[31] Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Ч. 2. Л. 275–288.

[32] СУ. 1916. Ст. 118. Закон 16 января 1916 г. об Особом совещании по обороне еще более подкреплял «неответственность» чиновников (там же. Ст. 136).

[33] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 162об. Изложение мнения меньшинства Наблюдательной комиссии в ее журнале от 9–10 ноября 1915 г.

[34] Законом был предусмотрен случай, когда казенное управление будет вести явно убыточное предприятие, относя убытки на счет его владельцев (ст. 7, 13). В официально опубликованном объявлении о секвестре, разумеется, утверждалось, что интересы акционеров «вполне обеспечиваются высочайше утвержденным 12 января этого года законом» (Путиловец в трех революциях. С. 255). Хауманн успокоительное заявление принимает на веру, не анализируя текст закона о секвестре (HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat. S. 131, 257. Anm. 358).

[35] Составление такого баланса считалось средством против возможных в будущем обвинений казенного правления в растрате заводского имущества (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 69 и об., 162об., 128об.–129).

лиями. Путиловскому обществу предстояло первым испытать на себе действенность закона о секвестре. Подготовлен был и личный состав нового правления[36]. Наконец, в феврале 1916 г. отпало и последнее, едва ли не главное препятствие, мешавшее привести замысел в исполнение: на протяжении нескольких недель на заводе шли забастовки, и теперь, каковы б ни были последствия смены администрации, падение производительности легко было истолковать как результат деятельности революционеров.

Между тем были причины торопиться с вмешательством. 15 января Кривошеин доложил Особому совещанию по обороне, что «дело по изготовлению гранатных патронов, сданных Путиловским заводом другим заводам, обстоит неблагополучно». 24 января комиссия по артиллерийским вопросам в секретном заседании выслушала сообщение Гагарина о том, что завод имеет «полную возможность» справиться с программой производства 11-дм бомб, но правление намеренно ограничивает эту работу для того, чтобы усилить выпуск, вместо бомб, полевых орудий, более выгодных по цене. Затем тот же доклад обсуждался в Наблюдательной комиссии. 13 февраля Кривошеин снова доложил, что изготовление снарядов Гранатным комитетом «сильно запаздывает», и Особое совещание признало, что ввиду «такой неисправности» «совершенно не оправдываются те весьма высокие цены, по которым Путиловскому заводу предоставлена эта поставка»[37].

Забастовочное движение началось 3 февраля, когда свыше 200 рабочих электрического цеха потребовали увеличить заработную плату на 70%. Директор завода А.П. Меллер заявил, что нынешний их заработок он находит достаточным. Рабочие возразили: чтобы его получить, приходится трудиться вдвойне, по 17–18 часов в сутки (вместо «нормальных» 10 часов), так что количество рабочих дней в месяце увеличивается. На это директор ответил: «А едите вы все равно 30 дней в месяц!» На заводе было вывешено объявление, что «таких требований Общество Путиловских заводов удовлетворить не в состоянии»[38], хотя полное их удовлетворение вызвало бы увеличение платы едва ли более чем на 200 тыс. руб. в год. Это было бы не так уж разорительно для предприятия по сравнению с тем, что, например, двое из 11 директоров правления, Путилов и Дрейер, получали каждый до 600 тыс. руб. в год только наградных (не считая жалованья, дивидендов и др.). Сверх того, владельцы завода обогащались трудом этих же самых рабочих, получая жалованье и премии как директора тех предприятий, с которыми Путиловскому обществу приходилось делиться прибылями (Шнейдер и К°, Банк Парижского союза, Русско-Азиатский банк и др.)[39]. В то же время, в условиях роста дороговизны, требуемое рабочими

---

[36] Получив 21 января утвержденный Николаем II текст закона о секвестре, Лукомский тотчас доложил Поливанову список лиц, намеченных в члены правления Путиловского завода, и тот беседовал с ними (там же. Оп. 1. Д. 155. Л. 37; ф. 89. Оп. 1. Д. 42. Л. 44).

[37] Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Ч. 1. Л. 139, 258 и об.; оп. 4. Д. 34. Л. 334, 339, 342–343.

[38] Цит. по: ФЛЕЕР М.Г. Петербургский комитет большевиков в годы империалистической войны // Красная летопись. 1927. № 22. С. 121.

[39] Как директор Русско-Азиатского банка Путилов получил премий за 1916 год 900 тыс.

номинальное повышение платы, в сущности, означало лишь восстановление ее довоенного уровня. «Стачки с требованием повышения заработной платы не меньше как на 50–100% — это наш первый ответ на дороговизну»[40], — агитировал ЦК большевиков.

Вызывающее поведение заводской администрации, активное вмешательство на ее стороне военных властей обострили конфликт. К концу февраля путиловская стачка начала перерастать в общегородскую политическую. Петербургский комитет большевиков с самого начала взял руководство забастовочным движением на заводе в свои руки, преодолевая противодействие оборонцев и выдвигая политические лозунги. На совещании представителей (старейшин) думских фракций товарищ председателя ЦВПК А.И. Коновалов рассказал, как меньшевики-гвоздевцы «в отчаянии пришли к нам». «Мы порвали с путиловцами, — жаловались они, — нас отвергли, обратиться некуда»[41]. В дни забастовки на заводе было распространено воззвание Нарвского райкома большевиков к путиловцам. Напомнив, что 9 января завод не участвовал в однодневной политической стачке, комитет призвал их «смыть это пятно со своей революционной чести»: «Нас никто не защитит, если мы сами будем спать... рабочий класс может заставить уважать себя и свои требования»; «Мы не можем позволить погромным шайкам черносотенцев позорить славные традиции Путиловского завода. Вспомним, что начиная с 1905 г. Путиловский завод всегда шел впереди»[42].

Единственное средство против «чрезмерных требований» рабочих, докладывал правлению Общества Меллер, — «закрытие завода на более или менее продолжительный срок», но применить это средство не позволяют обстоятельства военного времени. Окружное военное начальство тоже не брало на себя такой ответственности. Их «мирволенье и пасование» привели в бешенство начальника ГАУ. Он требовал дать рабочим «*урок*», «иначе пойдет такая эпидемия забастовок, с какой уже не справиться никакими силами»[43]. 22 февраля правление с участием правительствен-

---

рублей. Меллер в качестве директора завода за 1915 г. «заработал» лишь «дополнительного вознаграждения» — 59 тыс. руб.; он же являлся акционером компании Шнейдера и получал соответствующие дивиденды; он же представлял интересы этой компании в качестве ее доверенного лица в переговорах с другими участниками финансовых групп, владевших Путиловским обществом (см.: ШАЦИЛЛО К.Ф. Из истории экономической политики. С. 227, 228; ГИНДИН И.Ф. Балансы акционерных предприятий. С. 98; ТЮЛЬПАНОВ С.И. К характеристике русского империализма // Труды Лесотехнической академии. Л., 1939. Т. 55. С. 167; РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 21. Л. 39).

[40] ШЕСТАКОВ С.В. Большевики во главе рабочего движения России в годы первой мировой войны. М., 1961. С. 19–20.

[41] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2461. Л. 3об. Запись П.Н. Милюкова.

[42] Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914–1917 годы. Сб. материалов и документов. Л., 1939. С. 144; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Ч. 2. Л. 289, 292.

[43] РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 38. «Пасование» заключалось, очевидно, в непоследовательности действий: 10 февраля директор принял условия бастующих, включая отмену

ных директоров поставило вопрос о закрытии предприятия[44]. Взвесив ситуацию, военные и гражданские власти Петрограда пришли к мнению, что без локаута, чистки, арестов и террора сладить с рабочими не удастся, и 23 февраля с разрешения Совета министров[45] завод был остановлен.

27 февраля вопрос о забастовках на Путиловском заводе обсуждало Особое совещание по обороне. Докладчик, «бравый морской офицер, специалист по кораблестроению, весьма искусный и знающий» (А.Н. Крылов), по свидетельству Милюкова, начал с того, что заявил: «Относительно качки корабля я могу рассчитать все в подробностях, а рабочим вопросом я никогда не занимался», «однако же, позвольте мне высказать свое мнение»[46].

Изложив последовательность событий, Крылов оправдывал действия заводской администрации (и своего друга Меллера): «Правление не нашло возможным пойти навстречу рабочим, на том основании, что ряд состоявшихся с августа 1915 г. прибавок, вызвавших в общей сумме расход до 7 млн руб., довел до крайнего напряжения бюджет предприятия, а также потому, что забастовки держатся не только на экономической, но и на политической почве, вследствие чего борьба с ними повышением расценок обречена на неуспешность».

«Политическую подкладку» забастовки он видел в социал-демократической агитации и ссылался на речь председателя рабочей группы ЦВПК К.А. Гвоздева на заседании Комитета 3 декабря 1915 г. Гвоздев, по словам Крылова, считал обязанностью рабочей группы «отстаивать интересы рабочих классов против правящих кругов и капитализма», давая рабочим возможность использовать военно-промышленные комитеты для «правильной организации своих сил», и ставил целью созыв Всероссийского рабочего съезда. В целом, подытожил Крылов, «отношение рабочих к войне отрицательное: настоящая война есть борьба правящих классов и противоречит интересам рабочих безотносительно к их национальности, так как интересы эти во всех странах — одинаковы»[47].

Взяв после него слово, Милюков опровергал утверждение докладчика, что стачка имеет революционную «подкладку» (подстроена рабочей группой ЦВПК), и, оправдывая меньшевиков-оборонцев рабочей группы, доказывал, что социал-демократическое течение «отнюдь не выражает собою общего настроения рабочих. Даже крайние представители названного течения учитывают исключительность переживаемого времени и не чужды патриотическому чувству», а забастовка вызвана «патриотическими» настроениями рабочих, их «недоверием к администрации за-

уже произведенной фильтрации, при которой в обратном приеме было отказано 120 рабочим (Путиловец в трех революциях. С. 296).

[44] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Л. 234, 290–291.

[45] Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 320.

[46] Речь. 13.III.1916; СОГД IV/4. Ч. 2. Пг., 1916. Стб. 2863.

[47] Революционной пропагандой объяснял события на заводе также ген. Кривошеин (Путиловец в трех революциях. С. 294).

От Начальника Главнаго Артиллерійскаго Управленія

секретно.

Кому Помощнику В. Министра Г.-Л. Лукомскому

1916 г. 21 дня февраля мѣсяца 2 час. 15 мин. дня. 58

№ 1082. Мѣсто отпр. 2 ГАУ

Докладываю:

Путиловскому заводу опять (второй забастовки (с понедѣльника 22.II.) на почвѣ вновь предъявленных требований объ увеличеніи платы. И хотя эти требованія явно дики и безсмысленны, удовлетворить их правленіе вряд ли сможет однако с ними придется считаться, т.к. в предыдущей схваткѣ — обольем рабочіе и теперь сладить с ними будет нелегко. Как я уже неоднократно доносил, — то мировенье и пассованіе передъ рабочими, какое допускают в Петрогр. г.о., до добра не доведет и пора правительству взяться за умѣ! Прошлый разъ дѣло было остреченъ фестаго: объявленія вывѣсили, но угрозы не исполнили (рабочіе громко праздновали свою побѣду); теперь будет потруднѣе, но урокъ дать надо — иначе пойдет такая эпидемія забастовок, съ какой уже нельзя будет никакими силами! Ген.-лт. Маниковскій

Доклад начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского помощнику военного министра генералу А.С. Лукомскому с требованием репрессий против бастующих путиловских рабочих. 21 февраля 1916 г.

РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 38. Автограф. Помета Лукомского «Военному министру доложено. 21/II».

Расшифровка автографа:

«От начальника Главного артиллерийского управления

Помощнику военного министра г.-л. Лукомскому

Секретно

1916 г. 21 февраля. 2 час. 15 мин. дня.

№ 1082. Место отпр.: ГАУ

Докладываю:

Путиловскому заводу опять угрожает забастовка (с понедельника 22.II.) на почве вновь предъявляемых требований об увеличении платы. И хотя эти требования явно дики и бессмысленны и удовлетворить их Правление вряд ли сможет, однако с ними придется считаться, т.к. в предыдущей схватке — одолели рабочие и теперь сладить с ними будет нелегко. Как я уже неоднократно доносил, — то мирволенье и пасование перед рабочими, какое допускается в Петроградском военном округе, до добра не доведет, и пора Правительству взяться за ум! Прошлый раз дело было испорчено жестоко: объявления вывесили, но угроз не исполнили (рабочие громко праздновали свою победу); теперь будет потруднее, но урок дать надо — иначе пойдет такая эпидемия забастовок, с какой уже не справиться никакими силами!

Ген.-лейт. Маниковский»

вода, подозреваемой в германских симпатиях»[48]. Умеренные настроения в рабочей среде могли бы окрепнуть и «создать опору для правительственных начинаний». «Выход из создавшегося тревожного положения возможен лишь в сторону сближения властей с рабочими на почве переговоров и мирного улаживания возникающих недоразумений».

На закрытом заседании Думы, посвященном этому событию, он разъяснял реакционному большинству суть дела, призывая отличать социал-шовинистов от настоящих революционеров: «Это, гг., не "пораженцы", это люди, которые стоят вместе с нами в одних рядах». Без гвоздевцев рабочие — пыль; из них вы «веревки не совьёте». «Где же начинается *пораженчество*?? Нам показывали *прокламацию, подписанную* "Пб. Комитет РСДРП", *распространявшуюся* в *последние* волнения третий раз». Вот там, указывал Милюков, истинная опасность[49]. Кадетский лидер науськивал черную сотню на большевиков.

В речи на заседании Особого совещания по обороне Милюков, в противоположность Крылову, указывал на корень зла: дело не только в примитивности полицейского подхода к рабочему движению, но и в чрезвычайной жадности хозяев предприятия. По существу, требования рабочих, не свыше 70% прибавки, «нельзя признать чрезмерными, так как доныне Путиловский завод оплачивал своих рабочих ниже, чем другие заводы. Если общая сумма прибавок составит несколько миллионов рублей, то несомненно также, что прибыли завода значительно увеличились за последнее время; благодаря этим прибылям многие лица из состава высшей администрации могли получать чрезвычайно крупные прибавки, которые, становясь известными рабочим, поселяют в них естественное раздражение». Его поддержал Н.В. Савич: «Раздражение рабочих в значительной степени питается теми чрезмерными окладами, какими пользуется ныне высшая администрация завода, причем именно секвестр является единственным средством устранить этот повод недовольства». М.С. Аджемов добавил: «По действующим законам, прибыль, ныне получаемая администрацией завода, сохранится за ней по-прежнему даже и при секвестре его; для того, чтобы лишить администрацию этой прибыли, следует сверх секвестра произвести конфискацию завода казной».

«Если действительно масса рабочих и их депутаты в промышленном комитете настроены умеренно, — говорил член Государственного совета из группы правых В.И. Гурко, — то власть должна отыскать тех отдельных лиц, которые стоят во главе социалистических волнений на заводе, и устранить их». Его мысль развил лидер правых Н.Е. Марков: преступления рабочих «должны быть незамедлительно и сурово покараны военным судом. Что же касается до предупреждения забастовок в будущем, то для этого необходимо секвестровать завод, устранив прежнее правле-

[48] ЖОСО 1916. С. 123.

[49] СОГД IV/4. Ч. 2. Стб. 2867. Упомянутые Милюковым листовки Петербургского комитета большевиков были обращены к путиловцам (см.: Петроградский пролетариат и большевистская организация. С. 148–151. См. также: Путиловец на путях к Октябрю. М.; Л., 1933. С. 43). Слова Милюкова, не пропущенные цензурой в печать, цитируются по его собственноручной записи (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2461. Л. 2).

ние, пересмотреть и повысить расценки рабочим, объявив им, что впредь все попытки нарушения правильной работы будут строго преследуемы». Гурко выразил сомнение в необходимости повышения расценок, но уж если на это придется пойти, сказал он, то нужно сделать «так, чтобы рабочие не усмотрели» в новых расценках «признака слабости власти».

Лукомский напомнил, что в прежнее время секвестр вызывал опасения из-за неизбежной ломки управления. Назначение директоров Особым совещанием не устранило технических непорядков и не воспрепятствовало «появлению рабочих волнений». Переход же завода в полное распоряжение военных властей становился, по заключению Лукомского, «лучшим и единственным решением вопроса, тем более что он прекратит недовольство рабочих чрезмерной наживой акционеров». Перед тем как состоялось голосование, Гурко предложил «спросить членов правления завода от правительства», примут ли они на себя полное управление предприятием «без ущерба для его производительности», но совещание признало это излишним. Гурко удовольствовался личным заверением Кривошеина, что они с делом «справятся». Голосование было почти единогласным[50]. Таким образом, писал А.Л. Сидоров, «несмотря на финансовую мощь А.И. Путилова, ему не удалось отстоять знаменитые Путиловские заводы от государственного вмешательства и назначения правительственных директоров. То же самое было и со многими другими предприятиями»[51].

Секвеструя и милитаризуя Путиловский завод, правительство, конечно, не имело в виду идти «по пути социализма», как утверждал Путилов. Локаут, объявленный 23 февраля, дополнялся арестами. Активная часть рабочих понесла тяжелые потери. Число арестованных достигло 250, среди них оказались члены заводской большевистской организации, ряд работников Нарвского райкома. 19–20-летних рабочих и значительную часть остальных военнообязанных (всего до 2 тыс. человек) отправили в дисциплинарные батальоны. Там, прежде чем послать забастовщиков в окопы, их «перевоспитывали». По свидетельству путиловца, побывавшего в одном из таких батальонов, в с. Медведь, унтер-офицеры, в чье распоряжение попали репрессированные рабочие, отличались «особой жестокостью, выслуживаясь всеми способами, только бы не попасть на фронт», и всячески издевались над мобилизованными. Одним из способов воспитания покорности была порка, после которой истязуемого приводили в чувство, обливая водой, и затем сажали под арест[52].

---

[50] ЖОСО 1916. С. 123–126, 128.

[51] СИДОРОВ А.Л. Экономические предпосылки социалистической революции в России // История СССР. 1957. № 4. С. 31. Противоположный смысл видел в изъятии завода из рук частных владельцев С.И. Тюльпанов: «Крупнейшие заводы и тресты типа Путиловского и др. сами оказывают серьезное влияние на направление общей политики своих правительств» (ТЮЛЬПАНОВ С.И. Указ. соч. С. 165). Б. Бонвеча убедила аргументация К.Ф. Шацилло, также доказывавшего, что правление Путиловского общества было заинтересовано в секвестре, хотя Бонвеч считает, что такое объяснение не является исчерпывающим (BONWETSCH B. Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Düsseldorf, 1973. S. 229. Fn. 149).

[52] СМАГА Ю. Путиловская стальная гвардия революции // Вопросы истории. 1967. № 8. С. 106.

После локаута и секвестра Нарвский комитет большевиков обратился к путиловцам с призывом к стойкости: «Это не должно ослабить нашу боевую энергию в предстоящей борьбе с новым эксплуататором — правительством»[53]. Условия борьбы, однако, осложнились. Каждый военнообязанный (а они еще до локаута составляли примерно половину рабочих) постоянно чувствовал угрозу разделить судьбу своих товарищей. С фронта, из запасных полков, Кронштадтской крепостной артиллерии на завод прибывали тысячи замуштрованных, запуганных военно-полевыми судами солдат, которыми заменяли призванных в армию рабочих. Согласно распоряжению Маниковского от 1 мая 1916 г., прикомандированных «нижних чинов» в случае «умышленного уклонения от возложенных работ» полагалось передавать уездному воинскому начальнику «с письменным изложением обстоятельств дела, для направления их в свою войсковую часть». Такой проступок приравнивался к неисполнению приказа ротного командира[54]. Сначала солдатам разрешалось селиться на частных квартирах, но разместить таким способом всех вблизи предприятия было невозможно, и в июне 1916 г. заводская территория стала обрастать палаточным городком.

В управление делами Общества Путиловских заводов вступили А.Н. Крылов, А.Г. Гагарин, Г.Г. Кривошеин, В.А. Жандр (от Министерства финансов, вместо Мебеса), А.Д. Приселков (от Государственного контроля). Директором завода был назначен профессор Артиллерийской академии, бывший сотрудник Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части генерал Н.Ф. Дроздов, только что закончивший обследование строительства Царицынского орудийного завода.

Первое впечатление, врезавшееся в память новому председателю правления, было полное отсутствие оборотных средств, почти полностью исчерпанный текущий счет в банке. «Приняли мы дело в среду, всех средств 136 руб. 15 коп., а в субботу одной заработной платы предстояло уплатить около 2 500 000 руб., да по счетам других заводов за разные материалы и прочее около 4 000 000», — писал четверть века спустя Крылов. Объяснение нехватки средств он видел в том, что «предыдущее правление, заранее ожидавшее секвестра», перекачало имевшиеся у завода средства в финансировавший Общество Русско-Азиатский банк (Крылов по старой памяти назвал его Северным банком), так что, приняв дела, новые люди вдруг обнаружили, что «денежки-то тю-тю»[55].

По сохранившимся документам, обстоятельства рисуются в несколько ином виде. Отсутствие кредита в Русско-Азиатском банке не должно было удивить руководителей предприятия: к тому времени прошло уже четыре месяца с тех пор, как этот банк отказал Обществу в кредите (не имея разрешения Министерства финансов превысить максимально допустимую по закону сумму), и правление, контролируемое инспекторами, включая Крылова, черпало средства лишь из казенных ссуд. Исчезновение собственных оборотных средств предприятия объяснялось тем, что их приходилось тратить не по назначению — на расширение производства. Таким

[53] Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. М., 1939. Т. 2. С. 208.

[54] РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 20. Л. 188.

[55] КРЫЛОВ А.Н. Указ. соч. С. 230.

образом, текущий счет в Русско-Азиатском банке не мог послужить для перекачивания средств в этот банк.

Другое дело — платежи Путиловского общества по гарантийным контрактам, на основании которых Русско-Азиатский банк взимал 4% со всех платежей за исполненные заводом казенные заказы.

Тем временем искоренением крамолы на предприятии занялась уже и контрразведка, а не только сыскная и охранная полиция. Контрразведывательное отделение в штабе Петроградского военного округа имело «заводское делопроизводство», которое обзавелось собственной агентурой. Достаточно было ложного доноса провокатора, продававшего свои услуги контрразведке за 60 коп. в день, чтобы рабочий был выслан из Петрограда и сдан в солдаты. Февральские события 1916 г. привлекли ее особое внимание. Агентов поощряли за доставление нужных данных, и сами они широко практиковали вымогательство. «Никто не был застрахован от обвинения в германофильстве, хотя бы оно высказалось в форме сомнения в победе России», не исключая и чинов администрации, что вызывало конфликты с артиллерийским ведомством[56]. С марта по май продолжались попытки контрразведки убрать с завода начальника пушечной мастерской Б.П. Федорова, который во время февральской стачки назвал рабочим восьмерых доносчиков (их тут же вывезли с территории завода на тачках)[57].

Контрразведка обвиняла Федорова в том, что он «охотно принимает вновь на работу лиц, уволенных с завода за подстрекательство к забастовкам». Добавлялось, что его мастерская «могла бы с самого начала увеличить свою производительность на 50%», но Федоров оказывает этому «противодействие». Ознакомившись с докладом контрразведки, начальник ГАУ усмотрел в попытках устранить Федорова происки владельцев завода, которые поставили целью любыми средствами «доказать, что секвестр Путиловского завода — мера... явно вредная». Равноценного Федорову специалиста не найти, писал Маниковский военному министру, и если его убрать, то выпуск пушек сразу сократится. В «благонадежности» Федорова Маниковский обещал разобраться сам: «Ведь теперь я, а никто другой, полный хозяин и ответчик за Путиловский завод... Никто не должен вмешиваться в мои дела... Такое положение недопустимо и должно быть немедленно прекращено». В результате протестов ГАУ Военное министерство предписало штабу округа не трогать Федорова[58].

---

[56] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 548. Л. 382–386; Былое. 1924. № 26. С. 222–240. Отчет сотрудника охранки, работавшего в контрразведывательном отделении. Изложение его опубликовано в виде воспоминаний.

[57] МИТЕЛЬМАН М., ГЛЕБОВ Б., УЛЬЯНСКИЙ А. История Путиловского завода. М.; Л., 1941. С. 449. 22 февраля рабочие Пушечной мастерской судили своих товарищей за то, что они указывали администрации лиц, мешавших работать и призывавших к забастовке. В результате этого суда несколько рабочих были вывезены на тачках (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Ч. 2. Л. 290. Протокол правления ОПЗ от 22 февраля 1916 г.). Полиция занялась расследованием «провокационного» поведения Федорова (Путиловец в трех революциях. С. 294).

[58] Там же. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 853, 855. Доклад Маниковского военному министру через его помощника Фролова, 3.V.1916; ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 548. Л. 386.

Резкая реакция Маниковского на вторжения со стороны в дела Путиловского завода становится особенно понятной, если иметь в виду проблемы, возникшие как раз в это время при перестройке управления заводом. 5 апреля подал в отставку Крылов. В рапорте военному министру (председателю Особого совещания по обороне) он формально ссылался на свою некомпетентность — якобы такую, что от него не только нет пользы, но и вред («не могу и не умею»), и это к тому же отвлекает его от науки — дела, «которым я не по принуждению, а с любовью и успехом занимался всю свою жизнь»). 17 апреля Шуваев сообщил Крылову, что он может сдать должность председателя правления генералу Н.Ф. Дроздову[59]. После этого в письме Маниковскому Крылов разъяснил действительную причину своего ухода. Проведенный секвестр он считал «половинчатой мерой»: «Если завод состоит в ведении Военного министерства, то и принцип управления им должен быть чисто *военный*, то есть на началах единовластия, а не коллегиальности». Между тем решения в существующем правлении принимаются «коллегиальными постановлениями правления, согласно уставу (акционерному)», голосованием, отсюда «совершенно напрасные проволочки». «В самом деле, — жаловался Крылов, — мы, военные члены правления, руководствуемся лишь соображениями о нуждах обороны», все остальное ничтожно. Представитель же финансового ведомства «имеет всегда в виду прежде всего денежный интерес или казны, или акционеров, перед которыми так или иначе казне придется отчитываться». Еще один директор, представитель контрольного ведомства, «на первый план ставит чисто формальную сторону дела», а не его сущность и смысл. «Из-за этого приходится выслушивать бесконечные пререкания по самым пустым и мелочным вопросам. Эти пререкания доводят до исступления, так что в конце теряешь не только выдержку и самообладание, а даже приличие», вплоть до нецензурной брани. «Контролю в управлении не место... Чтобы от междуведомственного обсуждения избавиться, способ один: переход заводов в казну... по приказу верховного главнокомандующего», т. е. «по-военному», «не обсуждая порядка его в междуведомственных комиссиях» с участием ведомств вплоть до «ведомства православного исповедания». Тогда во главе управления заводом будет стоять «полномочный и полноправный начальник», не скованный в своих решениях мнениями коллегиальных органов. Но «такое управление может быть установлено лишь после перехода заводов в *собственность казны*». А после этого пусть ведомства финансов, иностранных дел, юстиции и контроля озаботятся «справедливым удовлетворением владельцев предприятия», пусть создают для этого «комиссию, которая может заседать и обсуждать всякие законные формальности хоть десять лет — оборона не пострадает, ибо... деятельность завода от этих суждений зависеть не будет»[60].

Маниковский получил письмо Крылова 20 апреля и в этот же день на заседании Особого совещания по обороне потребовал, чтобы ему «было предоставлено право собственной единоличной властью вести управление Путиловскими заводами, вне зависимости от мнений правления и находящихся в нем членов финансового и

[59] КРЫЛОВ А.Н. Указ. соч. С. 735–736, 875. Вместо Дроздова директором Путиловского завода был назначен генерал А.Г. Дубницкий, переведенный с Ижевского завода.

[60] Там же. С. 736–737. Крылов — Маниковскому, 19.IV.1916.

контрольного ведомств». Как гласит журнал заседания, «исходя из основных начал казенного управления заводом, предоставляющих владеющему им ведомству право полного распоряжения заводом, Совещание не встретило возражений против указанного порядка»[61].

Одновременно приходилось сдерживать натиск и с другой стороны. Еще не успело Особое совещание разослать нотариусам запрещения на секвестрованное имущество Путиловского общества, как помощник военного министра получил заявление (датировано 2 марта 1916 г.) от председателя правления Московского военно-промышленного товарищества на паях 1915 г.: «Ввиду заявленной нам ныне нужды в ремонте орудий... решаемся представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства вопрос о передаче военных цехов Путиловского завода, секвестрованного правительством, в наши руки». Это предложение не вызвало интереса. «Претензии г. Кузнецова и К° просто смешны, — доложил 5 марта военному министру Маниковский. — Люди, в жизни не сделавшие ни одной пушки, хотят взять в свои руки такой завод, как Путиловский, приплетя ни к селу ни к городу "ремонт" орудий... Ясно, что эти гг. говорят о вещах, мало им известных». Их предложение, «как не сериозное, внимания не заслуживает»[62].

Приступившие к управлению заводом чиновники начали перестраивать его взаимоотношения с казной и частными контрагентами. Все важнейшие вопросы, касавшиеся деятельности Путиловского завода, обсуждались, как и раньше, в междуведомственных совещаниях, а решало их правительство. Специальное междуведомственное совещание изучало финансовое положение предприятия. Оно установило, что стоимость заводского имущества еще обеспечивает долг Путиловского общества казне, но о дальнейшей его кредитоспособности и даже жизнеспособности судить трудно. На взгляд же Министерства финансов, тревожиться за устойчивость Путиловского общества не следовало: «Пусть в финансовом положении Общества имеются те или другие неправильности, пусть даже они грозят несостоятельностью Общества, — если они не отражаются на деятельности заводов, они должны быть сейчас безразличны» (действительно, несостоятельность даже облегчила бы для казны операцию выкупа). «Неправильности» эти, как выяснило Совещание, были замаскированы при составлении акционерным правлением баланса (финансовое положение Общества в нем прикрашивалось путем безосновательной переоценки недвижимостей и т.п. бухгалтерских ухищрений)[63].

В соответствии с законом от 12 января 1916 г. новое правление в течение трех месяцев со дня секвестра имело право расторгать договоры, заключенные акционерным

---

[61] ЖОСО 1916. С. 224.

[62] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 33. Ч. 2. Л. 334–335. Кроме А.И. Кузнецова, в числе учредителей Товарищества состояли П.П. Рябушинский, Н.И. Гучков, С.А. Смирнов, А.Н. Коншин, Н.А. Второв, Найденовы, Морозовы, Рабенек и другие представители московского «делового мира». Товарищество предполагало завладеть также орудийным заводом, строившимся в Царицыне, и перевести туда соответствующие цехи Путиловского.

[63] Там же. Ф. 505. Оп. 3. Д. 22. Л. 83 и об., 88об., 89об. Журнал совещания от 29.III., 3.V. и 1.VII.1916.

правлением. 21 мая военный министр Д.С. Шуваев утвердил представленный Маниковским список 40 расторгаемых контрактов[64]. Перечень открывался соглашениями 1912–1914 гг. с Продвагоном, Продпаровозом и синдикатом мостостроительных заводов. Эти контракты, докладывал Маниковский, «направлены к парализованию конкуренции между заводами во вред казенному железнодорожному хозяйству» и поэтому правительственное правление «не считает возможным соблюдать» их[65]. О результате предпринятого шага можно судить по тому, что производство паровозов на связанном с Путиловским обществом Невском заводе, которое в 1915 г. давало прибыль в 24%, после секвестра стало приносить убытки[66]. Русско-Азиатский банк тоже «пострадал» при пересмотре договоров. После секвестра нужда в кредите от этого банка, а равно и в банковской гарантии, «отпадает», доложил председатель правления Крылов, поэтому завод прекращает платить банку проценты и комиссионные, «составляющие ныне лишний расход», и впредь казна будет расплачиваться с заводом без посредников[67]. Жестокий урон понес французский концерн. Фирма Шнейдер и К° не только потеряла своих представителей в правлении и заводской администрации. Порвалось звено, на котором держалась цепь соглашений Гранатного комитета[68], уничтожались выгоднейшие контракты о поставке частей снарядов[69] и о техническом содействии Путиловскому заводу.

---

[64] Там же. Д. 21. Л. 20–21. Примерно в половине из них речь шла о найме прежней администрацией служащих и доверенных лиц. В числе этих лиц были районные представители Общества в столицах, Саратове, Киеве, Харькове, Гомеле и Ташкенте, быв. директор завода Меллер (он же доверенное лицо фирмы Шнейдер и К°). Меллеру все же удалось получить предусмотренное контрактом «дополнительное вознаграждение» за 1915 г. в 59 тыс. рублей (там же. Л. 39).

[65] ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 4. Д. 63. Л. 127–129. Общество Продвагон почти до конца своего существования не теряло надежды восстановить договор и, продлевая в январе 1918 г. свои контракты с оставшимися участниками синдикатского соглашения, предусматривало на случай возвращения Путиловского завода в синдикат возможность соответствующего пересмотра квот (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2135. Оп. 2. Д. 10. Л. 6. Продвагон — Обществу Коломенского завода, 22.1.1918).

[66] КОРЕЛИН А.П. Монополии в паровозо- и вагоностроительной промышленности. С. 162, 170.

[67] РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 21. Л. 7 и об.

[68] Потеряли силу заключенные в июле 1915 г. договоры с Русско-Балтийским судостроительным и механическим обществом, Русским обществом для изготовления снарядов и военных припасов, Российским обществом оптических и механических производств, Обществом Невского судостроительного и механического завода, Обществом механических и трубочных заводов П.В. Барановского, Обществом Коломенского машиностроительного завода, Обществом Тульских меднопрокатных и патронных заводов — вместе с основанными на них обязательствами этих предприятий в отношении Русско-Азиатского банка, фирмы Шнейдер и Общества Путиловских заводов (там же. Л. 20; ф. 369. Оп. 3. Д. 77. Л. 51 и об.).

[69] Каждый из 3 млн снарядов, заказанных казной Гранатному комитету через Путиловское общество, должен был принести французской фирме 50 коп. комиссионного вознаграждения. Путиловскому же обществу и Русско-Азиатскому банку причиталось по 40 коп. (КРУПИНА Т.Д. Указ. соч. С. 66).

Конечно, фирма не была поставлена в какое-то особенно невыгодное положение. Разрушив Гранатный комитет, ГАУ намеревалось лишь избавиться от «уплаты бесцельного комиссионного вознаграждения» Русско-Азиатскому банку, Обществу Путиловских заводов и фирме Шнейдер. С прямыми же исполнителями заказов — бывшими участниками Гранатного комитета — имелось в виду заключить новые договоры[70], минуя посредничество финансовых групп. Военная администрация самого Путиловского завода, принимая от ГАУ новые заказы, под давлением Маниковского соглашалась на цены, пониженные по сравнению с ценами по заказам частным заводам, исключая из калькуляции цен не только «коммерческую прибыль завода», но иногда и расходы производственного характера[71]. Расчет оказался в основе верным: выждав несколько месяцев и убедившись, что уступок не будет, контрагенты Путиловского общества по Гранатному комитету согласились заключить новые договоры непосредственно с казной. А так как острая нужда фронта в гранатах миновала, они согласились понизить цену по сравнению с той, на какую рассчитывали в Гранатном комитете[72]. От фирмы Шнейдер предполагалось — «во избежание международных осложнений[73]» — принять «все недопоставленное» ею по просроченным заказам Гранатного комитета[74]. Однако французы проявили сговорчивость лишь после того, как безуспешно применили все доступные методы нажима на заказчика.

Уже с самим фактом секвестра родственного предприятия фирме трудно было примириться, ее представители постарались дать русской казне почувствовать «отрицательное влияние» случившегося «на прилив капиталов в военную промышленность». Первые же известия о том, что произошло с Путиловским заводом, побудили фирму Шнейдер и парижские банки потребовать возвращения кредита в 8,5 млн руб., предоставленного Обществу в 1913–1914 гг. (вместе с кредитом от Русско-Азиатского банка, также требовавшего свою долю, — 12,5 млн руб.). Лишение кредита у частных банков перевело бы завод «на иждивение казны». Междуведомственное совещание нашло, что это «противоречило бы основным положениям закона о секвестре»[75]. Прави-

[70] ГАУ полагало, что если бы добиться перезаключения договоров не удалось, то те же заказы можно было передать другим предприятиям, и что перестройка отношений «не отзовется на успешности поставки 3-дм патронов» (РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 44. Ч. 1. Л. 510).

[71] Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 969. Л. 69–70. Представление ГАУ в Исполнительную комиссию при военном министре, 12.XII.1916, утв. 11.I.1917; д. 754. Л. 359–360об.; то же, 18.XI., утв. 23.XII.1916. При заказе Путиловскому обществу 1,2 млн 6-дм бомб ГАУ урезало запрошенную заводом цену с 70 до 58 руб. (до «себестоимости»).

[72] Средняя цена корпусов гранат по контрактам обществ Русско-Балтийского, Русского для изготовления снарядов и Коломенского завода с Гранатным комитетом — 12 руб. 50 коп. В конце 1916 г. те же предприятия согласились на цену 12 руб. — тоже, конечно, не убыточную (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 754. Л. 317–320, 345–346, 380–381). Цена на взрыватели от Путиловского завода была таким же путем понижена с 9 руб. 28 коп. до 7 руб. 50 коп. (там же. Ф. 369. Оп. 3. Д. 77. Л. 43–44; д. 74. Л. 393).

[73] В документе явная описка: «освобождений».

[74] РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 44. Ч. 1. Л. 510.

[75] Там же. Оп. 3. Д. 22. Л. 75об.–76.

тельственное правление дало французским финансистам ответ: правление «не имеет в виду» расторгать договор о ссуде 8,5 млн руб., и кредиторы не получат своих денег назад по крайней мере до конца войны[76]. Окончательное решение вопроса последовало 17 мая 1916 г., когда Совет министров постановил считать сохранившими «полную силу» обязательства прежнего правления Путиловского общества перед русско-французской группой кредиторов (в частности о возвращении ей 12,5 млн руб.). Для правительственного же правления эта выплата была «признана необязательной»[77].

В дальнейшем французским капиталистам так и не удалось высвободить вложенные в Путиловское предприятие капиталы и добиться восстановления Гранатного комитета, несмотря ни на визиты по этому поводу посла М. Палеолога к председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру, ни на просьбы министра вооружений французского правительства А. Тома (во время его пребывания в Петрограде), обращенные к царскому военному министру. Штюрмеру Палеолог заявил, что французское правительство «придает самое серьезное значение этому вопросу, в котором заинтересованы как крупнейшее французское металлургическое предприятие Шнейдер, так и французские банки». Не помогли ни угроза ответить на расторжение контрактов прекращением более важных для русской армии поставок (42-линейных пушек и тяжелых снарядов), ни ходатайства других участников Гранатного комитета, ни настойчивые «советы» министра иностранных дел военному министру[78]. Палеолог вступился за Путиловское общество немедленно, даже еще не получив специальных инструкций из Парижа. Из переписки французского Министерства иностранных дел, как сообщают Б. Бонвеч и Х. Хауманн, видно, что французское правительство, стремясь сохранить французское влияние на Путиловское общество, было особенно озабочено судьбой его контракта с фирмой Шнейдера о техническом содействии и опасалось разрушения вследствие секвестра всей Путиловской группы, ибо тогда российские промышленники лишатся «в будущем противовеса тому произволу, который чинит ГАУ», и это затруднит французское влияние в данной сфере. Французское правительство подталкивало фирму Шнейдер к активным действиям[79].

Хотя Гранатный комитет перестал существовать, правительственное правление сохранило в своем распоряжении те деньги, которые были в свое время получены комитетом из казны для распределения между своими участниками и уже рассматривались ими как их собственные[80]. Эта не находившая применения «свободная на-

---

[76] Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 151.

[77] Там же. Ф. 369. Оп. 5. Д. 223. Л. 46об.–47; ф. 505. Оп. 3. Д. 21. Л. 46об.; д. 22. Л. 132об.

[78] Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 150–156, 211–212; ф. 369. Оп. 5. Д. 223. Л. 46–47; LINKE H.G. Das zarische Russland und der erste Weltkrieg. München, 1982. S. 72.

[79] BONWETSCH B. Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Düsseldorf, 1973. S. 147; HAUMANN H. Kapitalismus im zaristischen Staat. S. 131. Хауманн ссылается, в частности, на послание министра иностранных дел А. Бриана (12.VI.1916).

[80] Русско-Балтийское общество жаловалось, что уничтожение Гранатного комитета поставило его в «крайне затруднительное финансовое положение», но его претензия на часть

личность» в 8 791 000 руб., «позаимствованная» у распавшегося Гранатного комитета правительственным правлением, равно как и 12,5 млн руб., не возвращенные кредиторам, оказались как нельзя кстати в мае–июне 1916 г., когда Путиловский завод испытывал нехватку оборотных средств[81]. 1 июля междуведомственное совещание вынесло решение о возвращении «свободной наличности» Путиловской группы в казну.

Максимумом достигнутого кредиторами явилось данное в сентябре 1916 г. согласие правительства («во внимание к высказанным союзною державою пожеланиям») восстановить те договоры с фирмой Шнейдер[82], по которым она сама обязывалась поставить 6 млн капсюлей (на 200 тыс. руб.) и 750 тыс. взрывателей и запальных стаканов (на 8,5 млн рублей)[83]. Жалуясь А. Бриану, что русское правительство сочло возможным применить секвестр к несомненно французским по капиталу предприятиям, торговый атташе в октябре 1916 г. констатировал, что «в действительности» этот секвестр равносилен отчуждению[84].

Оставался еще один расторгнутый контракт. При его заключении в 1913 г. две конкурирующие фирмы — Шнейдер и германская Блом и Фосс — договорились с Обществом Путиловских заводов, что они покупают у него исключительное право оказывать ему техническое содействие в судостроении и поставлять механизмы для судов, строящихся на его верфи. С началом войны германский конкурент лишился своих возможностей и парижская фирма превратилась в монопольного поставщика, которого Путиловский завод не мог обойти, делая какой-либо заказ за границей. По условиям того же контракта фирма лишь за свое согласие оказывать техническую помощь получала от Общества вознаграждение в 100 тыс. руб. в год независимо от того, требовалась ли такая помощь на деле[85]. Против расторжения контракта Палеолог заявлял протесты царским министрам[86]. Военное ведомство, несмотря на оказы-

«свободной наличности» комитета не была удовлетворена (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 6. Л. 14. Журнал Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам № 79, 8.VII.1916).

[81] РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 22. Л. 7, 19, 30об., 132об.

[82] Об этом Палеологу было сообщено нотой от 20 сентября 1916 г.

[83] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1474. Л. 6–6об.

[84] LINKE H.G. Op. cit. S. 73.

[85] ШАЦИЛЛО К.Ф. Иностранный капитал и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. М., 1961. Т. 69. С. 92–93.

[86] Французский военный агент при Ставке ген. Лагиш еще 8(21) декабря 1915 г. возмущался действиями Кривошеина, который добивался расторжения контракта с Шнейдером. «Какой странный способ мышления — отождествлять соглашения между русским и французским обществами с таковыми, существовавшими между ним и неприятельскими обществами»; «соглашения с Круппом и Шкодой нарушены самим фактом войны». Кривошеин «не понимает потребностей данного момента», ведь «русское правительство обращается все с новыми и новыми заказами к Обществу Шнейдер–Крезо»; «он простой бюрократ. Время ли теперь заниматься теоретическими расследованиями? Нет, нет». Лагиш штурмовал и Алексеева, который вынужден был указать Поливанову: «Словесно... Лагишем было сообщено мне, что дело нашего артиллерийского снабжения сильно тормозит ген. Кривошеин». Лагиш его «охарактеризо-

ваемое давление, категорически отказывалось его восстановить. Тогда Министерство иностранных дел, «затрудняясь ответить отказом на повторные по сему предмету представления французского правительства», которое «с крайнею настойчивостью домогается» возобновления контракта, перенесло спор в Совет министров.

На его заседании А.А. Нератов, временно управлявший Министерством иностранных дел, доказывал, что правительственному правлению завода дано право отказываться от договоров только с отечественными фирмами, контракты же «с предприятиями иностранных, тем более союзных, держав» нельзя расторгать «по одностороннему распоряжению русского правительства». Остальные министры, наоборот, считали, что закон 12 января 1916 г. не делает «никаких изъятий» в отношении иностранцев, не ставит их «в привилегированное положение». И все же, «идя навстречу» союзнику, Совет министров, как гласит его журнал от 16 ноября 1916 г. и 17 января 1917 г., «не встретил препятствий к восстановлению вышеупомянутого договора...». Казалось бы, Совет министров «решил восстановить прежний договор о фактически не существовавшем техническом сотрудничестве»[87]. Но в том же журнале далее следовало пояснение, что восстановить договор предполагается «...с одновременною заменою его новым»[88]. Условием «восстановления с одновременной заменой» выдвигалось согласие фирмы дать «подписку», что она добровольно отказывается «от ежегодного вознаграждения в 100 000 руб. за техническое содействие независимо от того, обращалось или нет Общество к ее технической помощи», а в отношении заказов от него фирма Шнейдер может претендовать на преимущества «лишь при равных с другими соискателями условиях, на вполне гарантирующих интересы Путиловских заводов основаниях»[89]. Тем самым контракт 1913 г. пересматривался в решающих пунктах.

Несмотря на некоторые уступки французскому компаньону, правительственные органы руководили предприятием не так, как этого требовали непосредственные интересы международных объединений монополистов. Такие действия, как разрушение Путиловской группы, не были изолированным эпизодом. Одновременно в мае 1916 г. было отклонено предложение той же русско-французской группы взять заказ на 3 млн крупных снарядов и построить новый снарядный завод в Юзовке[90], а

вал злым гением русской артиллерии». 8(21) декабря помощник Поливанова ген. М.А. Беляев принес французам извинения «по поводу неосмотрительности ген. Кривошеина, проявленной им при постановке вопроса о совместной деятельности Путиловских заводов с некоторыми иностранными фирмами»; несомненно, «фирма Шнейдер не может быть поставлена в известном отношении на один уровень с фирмами Круппа и Шкода» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1785. Л. 56, 50, 53).

[87] ИОФФЕ А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль–октябрь). М., 1958. С. 274.

[88] ЛОЗИНСКИЙ З. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929. С. 93–94.

[89] ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1474. Л. 8об.–9. ОЖСМ 16.XI.1916 и 13.I.1917 (представлен на утверждение Николаю II 26 февраля).

[90] Ссылаясь на книгу К.Н. Тарновского, Н.И. Торпан утверждает, что в Юзовке русско-французской группой был «оборудован» «артиллерийский завод для производства снарядов

артиллерийскому ведомству было поручено Особым совещанием строить собственный, еще более мощный снарядный завод. В данном и других подобных случаях проявились те тенденции в политике самодержавия, которые и раньше вызывали недовольство, протесты и противодействие монополий[91]. История с Путиловским заводом показала, что правительство начало переходить от мер сдерживания, запрета, осторожного давления к разрушительным действиям против крупнейших монополистических структур.

Пока тянулись тяжбы между старыми и новыми хозяевами, положение на заводе быстро изменялось в соответствии с общим нарастанием рабочего движения в Петрограде и в стране в целом. Репрессии при подавлении февральской стачки 1916 г., применение труда солдат означали переход к крайним мерам борьбы с забастовщиками. К началу 1917 г. уже каждый шестой путиловец являлся прикомандированным из войск «нижним чином»[92]. Однако, вопреки расчетам властей, в лице солдат рабочее движение получило новый резерв. В политической забастовке 9 января 1917 г. участвовали 178 солдат. Их полагалось вернуть в войска и предать военно-полевому суду. Но теперь такая «распорядительность», видимо, показалась властям чреватой последствиями. 31 января 1917 г. Маниковский предписал директору Путиловского завода Дубницкому наложить на виновных дисциплинарное взыскание.

По заводам артиллерийского ведомства объявили приказ о поведении «нижних чинов» на Путиловском заводе, гласивший, что «на первый раз» таким взысканием дело и кончится, в случае же повторения виновных будут судить. Запугивание военно-полевым судом, впрочем, начинало терять действенность, и Маниковский прибег к демагогии и лести. Сообщив в том же приказе, что часть бастовавших солдат оправдывалась боязнью «угроз» со стороны рабочих («требовавших от нижних чинов прекращения работ»), «популярный генерал» объявлял: «Отговорке этой не верю, так как, во-первых, русский солдат, да еще побывавший в боях, видавший в глаза смерть, не может бояться подобных угроз, а во-вторых, не допускаю мысли, чтобы рабочие, в переживаемую родиной страдную пору, могли оказать насилие над солдатами, честно исполняющими долг присяги»[93]. Но попытки натравить друг на

крупных калибров». Но у Тарновского таких сведений нет (ТОРПАН Н.И. Указ. соч. // Изв. АН Эст. ССР. Общественные науки. 1984. Т. 33. № 2. С. 118; ср.: ТАРНОВСКИЙ К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958. С. 243). Впрочем, строительство снарядного завода в Юзовке все же началось в 1916–1917 гг.

[91] МАНИКОВСКИЙ А.А. Боевое снабжение. Ч. 1. С. 69–75; ЛЯЩЕНКО П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. 2. С. 389; ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Государственно-монополистический капитализм. С. 52–53, 127–131, 137; ЛИВШИН Я.И. Монополии в экономике России. М., 1961. С. 276–281, 323, 344–346; ЛАВЕРЫЧЕВ В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982. С. 53.

[92] По сообщению Гагарина от 13 сентября 1916 г., «число рабочих завода с 27 тыс. доведено до 33 тыс.» (ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 4. Д. 63. Л. 95). По данным же, объявленным в приказе Маниковского от 31 января 1917 г., на заводе числилось 5500 прикомандированных солдат.

[93] Приказ по ГАУ, 31.I.1917 (Военный отдел РГБ).

друга рабочих и солдат не имели успеха. А через 16 дней на заводе началась новая забастовка, которая, подобно январской стачке путиловцев в 1905 г., переросла в мощный революционный кризис.

Авангардная роль путиловских рабочих в феврале 1917 г. — явление чрезвычайно показательное для характеристики их политического развития за 1916 г. Несмотря на локаут, «фильтрацию», постоянные аресты активистов и другие репрессии, путиловцы вновь бросили вызов царизму...

В последние часы старого режима, 27–28 февраля, Дубницкого и ряд других служащих ГАУ постигла трагическая судьба. Шли грабежи, была ограблена малая касса завода. Дубницкий «созывал служащих, посылал главного механика в Государственную думу, — описывала происшедшее его вдова, — но ему не удалось туда доехать. Тогда он позвонил генералу Маниковскому». Между тем шайка, ограбившая накануне малую кассу, приехала снова — грабить большую. «В то время, когда служащие и рабочие были заняты выборами депутатов, муж и генерал Борделиус были на своем посту... Охрана кассы была уже поставлена. Тогда грабители потребовали мужа, они не разрешили мужу даже проститься со мной и ребенком; увезя, они мучили, издевались над обоими генералами и убивали; не удовлетворились этим, а бросили тела в Обводной канал». Грабители выдавали себя за революционных активистов: «убийцы повели обоих генералов якобы в Государственную думу»[94]. Преемник Маниковского в роли начальника ГАУ генерал В.А. Лехович, видимо, прикрывая нераспорядительность, проявленную в те дни в его ведомстве, не обеспечившем охрану и порядок на заводе, докладывал военному министру (через Маниковского) 14 и 24 марта 1917 г., что 27 февраля (из письма вдовы следует, что уже 28-го, ночью) «во время революционного движения» «при исполнении своих служебных обязанностей» якобы «случайно были убиты директор Путиловского завода генерал-майор Дубницкий, начальник Петроградского орудийного завода генерал-майор Матафанов и старший техник Петроградского патронного завода полковник Кирсанов», а также «помощник директора Путиловского завода генерал-майор Бордель фон Борделиус». Но главарь шайки, по прозвищу Ванька Бык, похваляясь своим разбойничьим подвигом, показывал рабочим добычу — снятые с генерала сапоги[95].

Вопросы истории. 1983. № 10.

---

[94] РГВИА. Ф. 505. Оп. 3. Д. 20. Л. 601–602. Письмо приведено в протоколе заседания правительственного правления Общества Путиловских заводов, 21.VIII.1917.

[95] Там же. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1508. Л. 36, 41; Четыре поколения (Нарвская застава). Л., [1933]. С. 278. Воспоминания рабочего В. Ершова.

«Пути монаршего милосердия»

«При старом режиме пленным жилось очень тяжело», — отмечало Польское общество помощи жертвам войны в конце 1917 г. Со всех концов страны поступали сведения «об избиении и мучительствах», которым подвергали военнопленных[1]. Особенно суровой была судьба славян — австро-венгерских подданных, поскольку их правительство не предпринимало в их защиту столь же действенных усилий, как это делало германское. То, что творилось в двух ижевских лесничествах, снабжавших топливом громадные оружейный и сталелитейный заводы, при всей неприглядности картины, мало отличалось от происходившего в сибирских лесах, в донецких копях, под Самарой, Ташкентом и Самаркандом, на постройке Мурманской железной дороги и в других местах.

Лагерь для военнопленных, действовавший в ижевских лесах в 1915–1917 гг., представляет интерес не столько с точки зрения описания установленных в нем порядков, сколько тем, что совокупность относящихся к нему документов раскрывает единый механизм взаимодействия военной бюрократии на всех ступенях служебной лестницы — от потерявшего человеческий облик конвоира — через лиц артиллерийского генералитета — до столь же доброго христианина полковника Н.А. Романова. В действии показан государственный механизм, искореняющий в своих служителях все человеческое.

Ниже приводится основное содержание приговора военного суда по делу лесничего М.Ф. Бабушкина и его помощника А.П. Горшкова и некоторые документы, проливающие дополнительный свет на обстоятельства дела и поведение военной бюрократии, выгораживавшей «своих» негодяев.

В приговоре по делу Бабушкина и Горшкова (8 октября 1916 г.) сказано:

---

[1] Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 274. Заметка о положении военнопленных в России.

«...1916 года октября 8 дня Временный военный суд в г. Перми под председательством военного судьи генерал-майора Калина в закрытом судебном заседании... слушал дело о временно исполнявшем обязанности лесничего 2-го Ижевского артиллерийского лесничества надворном советнике Михаиле Федоровиче Бабушкине и его помощнике по должности лесничего ратнике Александре Платонове Горшкове, преданных Казанскому окружному суду командующим войсками Казанского военного округа, — по обвинению их в преступном деянии, предусмотренном (следует перечисление статей «СВП» — Свода военных постановлений. — *В. П.*)...

По письменным сведениям на подсудимых, значится: надв. сов. Бабушкин происходит из личных почетных граждан Вятской губ., род. 1 октября 1862 г., кончил курс в Ижевской оружейной школе, на военной службе с 30 июля 1885 г., на должности лесничего 2-го Ижевского артиллерийского лесничества с 14 января 1914 г. Имеет орден Св. Станислава 3-й степ., медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых и нагрудный знак в память 50-летнего юбилея в должности генерал-фельдцейхмейстера вел. кн. Михаила Николаевича. Под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался.

Ратник Горшков из крестьян Вятской губ., Сарапульского уезда, Ижевской волости; призывался к исполнению воинской повинности в ноябре 1904 г. и был зачислен в ратники ополчения I разр. до 43-летнего возраста; зачислен на действительную службу с 30 декабря 1914 г., как состоявший ко дню мобилизации на службе на Ижевских заводах по вольному найму. По приказанию командующего войсками переведен на службу в 166-й пех. запасный батальон, куда отправился 5 марта 1916 г. Под судом не был.

Выслушав дело, суд признал подсудимых виновными:

1) В том, что надв. сов. Бабушкин, состоя в должности лесничего 2-го Ижевского артиллерийского лесничества, а ратник Горшков в должности помощника лесничего того же лесничества, и имея в своем распоряжении партию военнопленных славян австрийской армии, присланных для производства лесных работ в названном лесничестве, они, подсудимые, в период времени с апреля 1915 и по февраль 1916 г., хотя без предварительного соглашения, но действуя совместно, держали этих военнопленных полунагими и такими же выгоняли их в лес на работу в зимние холодные дни; выдавали больным пленным, не имевшим сил выйти на работу, только по 1 фунту хлеба в день, лишая их горячей пищи; сажали провинившихся пленных — по несколько человек и на несколько суток — в темные земляные ямы, не имевшие нар, так что пленные за теснотою не могли там ни присесть, ни прилечь; приказывали больных пленных ударами палок выгонять из бараков на работы, привязывать их на несколько часов со скрученными руками к столбам от нар и бить их; избивали сами и через подчиненных им нижних чинов, охранявших пленных и наблюдавших за исполнением пленными работ, — палками тех пленных, которые или не успевали исполнить урочной работы, или же по болезни не выходили на работу; неоднократно секли пленных розгами на снегу, производя таковое избиение до появления у пленных крови из носа и горла и до потери ими сознания, причем, присутствуя при этих избиениях, наступали на головы избиваемых, последствием каковых их насильственных действий и истязаний было причинение многим пленным легких ран.

Сверх того суд признал виновными:

надв. сов. Бабушкина в том:

что он... имея у себя в подчинении команду ратников, прикомандированных к лесничеству для охраны работавших там военнопленных, за отказ ратников Климова, Злобина, Кислухина и других бить по его распоряжению военнопленных, наносил им удары кулаком по лицу;

что там же и при тех же обстоятельствах, зимою 1915 г., за таковой же отказ бить военнопленных, поставил ратника Татаринова в наказание под ружье, приказав подвесить ему на спину мешок с кирпичами весом около 15 фунтов...

По совокупности деяний подсудимые, на основании 152 ст. Улож[ения] о наказ[аниях], подлежат отдаче в исправительные арестантские отделения каждый на 3 года по высшей мере 1-й степ. 31 ст. Улож. о наказ. с исключением из военной службы, с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и сверх того Горшков — воинского звания, а надв. сов. Бабушкин — чинов, ордена Св. Станислава 3-й степ., медали... и нагрудного знака... и с последствиями, определенными в ст. 43, 45, 46, 58 [1], 58 [2] Улож. о наказ., и с заменой сего наказания, согласно 77 ст. того же Уложения. Вместе с тем суд признал уменьшающие вину подсудимых обстоятельства: долголетнюю беспорочную службу подсудимого Бабушкина и полное чистосердечное сознание подсудимого Горшкова, и потому, смягчая назначенное им наказание в мере и сверх того согласно 152 [1] ст. Улож. о наказ., зачел им обоим в срок наказаний часть их предварительного ареста до суда: подсудимому Бабушкину с 7 марта по 9 апреля 1916 г. и с 2 мая по 25 сентября — 5½ мес., а подсудимому Горшкову с 22 февраля по 7 июля 1916 г. и с 22 июля до суда — 6 мес., и окончательно суд назначил подсудимым отдачу в исправительные арестантские отделения — Бабушкину на 2 года и 15 дней и Горшкову на 2 года со всеми вышеуказанными правопомещениями и последствиями...

По обвинению в причинении подчиненным им военнопленным тяжких побоев и истязаний, последствием коих были увечья и смерть, а подсудимого Бабушкина еще в наложении на нижнего чина не установленного законами наказания, с употреблением при этом особенной жестокости, а Горшкова в побеге со службы — по недоказанности сих обвинений — считать их по суду, по этим обвинениям, оправданными. На основании 1097 ст. XXIV кн. СВП настоящий приговор, по вступлении его в законную силу, в отношении надв. сов. Бабушкина представить, через военного министра, на ВЫСОЧАЙШЕЕ усмотрение»[2].

Из текста приговора видно стремление суда по возможности ослабить тяжесть преступлений и облегчить меры наказания, отсюда признание самых острых пунктов обвинения (убийства, причинение увечий, «особенная жестокость») недоказанными. Более достоверную картину происходившего в ижевских лесах дают материалы расследований, проведенных представительницей польского Общества помощи жертвам войны К.И. Малаховской и Вятским губернским жандармским управлением.

В записке Малаховской «Положение военнопленных в Вятской губернии» (10 марта 1916 г.) говорится:

«...г. Вятка. Положение военнопленных в г. Вятке в общем хорошее...

В Глазовском и Сарапульском уездах положение военнопленных гораздо хуже, но самое ужасное положение их — это в Ижевских лесах...

Ижевские леса...

1-е лесничество. Начальник Иван Вячеславович Авдюков. Один из помощников его прапорщик Александр Михайлович Фрязинов.

[2] РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 589–592. Завер. копия. Имеется надпись: «Приговор вошел в законную силу 18 числа октября месяца 1916 г. и срок отбывания наказания должен считаться с 8 октября 1916 г. Подп.: Военный судья генерал-майор Камков».

Это лесничество осмотрено мною беспрепятственно. В нем около 800 военнопленных, которые все были показаны. Они живут в бараках из бревен, без полов и без крыши, а только с потолком из бревен, просыпанных землей. В бараке 23 саж. длины и 3 саж. ширины по две железных печки. Бараки построены на болотистом грунте, так как под снегом в 1,5 арш. толщиною оказалась вода, когда я приказала откопать в январе с.г. снег около одного из этих бараков. В бараках вонь, холод и грязь, масса насекомых. Пленные спят на нарах без соломы, имеют на всем теле пролежни и раны. Последняя раздача мыла, по полфунта на человека, была произведена в июле 1915 г. Платья и белья нет, пленные моются грязным снегом и в баню не ходят, так как в бане, которая лежит в нескольких верстах от бараков, моются также больные... Кроме того, как сказано, у пленных нет смены белья и мыла.

По моей просьбе генерал Дубницкий (начальник завода до 30 апреля 1916 г. — *В. П.*) послал к пленным д-ра Малиновского, часть рапорта которого в копии при сем прилагается.

В 1-м лесничестве я была в лазарете в 36-м Кордон-Карачурском участке. Лазарет отличается от прочих бараков только тем, что имеет пол и крышу. В момент моего посещения в нем было 56 больных пленных (дизентерия, голодный тиф), были пленные с вытекшими глазами, с отвалившимися, отмороженными пальцами, с поломанными ребрами от падения деревьев. Все лежат вместе на голых нарах, без белья. Доктора и лекарств нет.

В бараках со здоровыми есть сумасшедшие, которые не отделяются. Бараки обыкновенно рассчитаны на 50–60 человек, но в них помещают до 240.

В 1-м лесничестве бьют, но реже, не убивают насмерть, так как начальник Авдюков бить не позволяет, хотя приказ не исполняется.

2-е лесничество...

Бараки те же. Пленных около 950, преимущественно русины, немного поляков.

1-е лесничество я осматривала беспрепятственно, но когда я пожелала осмотреть 2-е, ген. Дубницкий, признавая мой пропуск от штаба действительным, все-таки заставил меня прождать три дня для сношения с начальством. Во 2-м лесничестве меня одну не оставляли и показали только 12–15 человек. Сначала показали мне барак с полом и крышею и запасы мяса и хлеба, говоря, что это для пленных, но все оказалось для ратников.

Я собрала сведения о 2-м лесничестве тайком или от свидетелей.

Список свидетелей и их показания:

1) Председатель Сарапульской земской управы Попов — к нему приходили пленные, бежавшие из 2-го лесничества, страшно избитые. Некоторых привозили на земских подводах.

2) Сарапульский воинский начальник Родеус — принимал постоянно бежавших из 2-го лесничества, сильно избитых пленных. Родеус писал по этому поводу ген. Дубницкому 24 сентября 1915 г. за № 68 и 25 сентября 1915 г. за № 70[3].

3) Сарапульский исправник Люминарский тоже послал бумагу за № 6400 от 19 сентября 1915 г. на имя ген. Дубницкого об увечиях, причиняемых пленным во 2-м лесничестве.

4) Крестьяне Сарапульского уезда, Юринской вол., дер. Бобровка, Иван Ермолаевич Красноперов и 30 других, все Красноперовы, работали с 10 по 15 января 1916 г. с пленными во 2-м лесничестве и видели, как Горшков и Бабушкин их били.

---

[3] Приложены отношения Родеуса лесничему 1-го лесничества (1 и 24.IX.1915) и Дубницкому (31.I. и 6.II.1916).

5) Стражник 2-го стана Сарапульского уезда Сазонов (живет на Ижевском заводе) говорит, что они летом только то и делали, что приводили обратно бежавших из 2-го лесничества пленных, и что один из них, когда его стражник вел обратно, бросился на колени, умоляя убить его или дать ему револьвер, чтобы застрелиться. Стражник отказал, и пленный, проходя мимо пруда, бросился в воду и утонул.

6) Прапорщик Александр Михайлович Фрязинов, помощник начальника 1-го лесничества, показывает, что ратники обращались к нему с просьбой отослать их на позиции, так как их заставляют во 2-м лесничестве бить пленных.

7) Николай Евгеньевич Крылов, бывший помощник Бабушкина, ушедший со службы, так как не мог примириться с системой Бабушкина, показывает, что Бабушкин принимал вместе с ним в дер. Мужвай в июле месяце партию пленных в 250 человек, все почти интеллигенты, и объявил им урок: в день на каждых четырех человек приготовить из дерева на пню сажень дров (3 арш. на 1,5 арш.). Пленные отказали, говоря, что они не привыкли к физическому труду и что их труд поэтому не будет продуктивен. Бабушкин приказал загнать их в барак, вмещающий максимум 100 человек, велел закрыть двери и заколотить окна, приказывая страже стрелять во всякого, кто откроет дверь или выломает окно. После 26 часов Бабушкин открыл барак, некоторые пленные были уже в обморочном состоянии от духоты, так как это происходило во время самой сильной жары[4]. Бабушкин выпустил пленных, сам обыскал каждого и каждому дал пощечину. Пленные пошли на работы, и малоуспешных секли до потери сознания.

Тот же Крылов рассказывает, что Бабушкин, встретив в воскресенье партию в 25 пленных униатов, которые под конвоем отправлялись в церковь, посадил их на неделю в "чудовку". Эту "чудовку" я видела во 2-м лесничестве в Пестовке. Это яма, вырытая в земле, без света, в которую сажают голых пленных на 3–5 дней, давая в день по куску хлеба и воду.

Крылов говорит, что пленных били не только на работах, но и в бараках, причем Бабушкин стоял у окна и приказывал бить сильнее. Ратников, которые не хотели сечь или которые не были довольно строги по отношению к пленным, Бабушкин бил или сажал в "чудовку". Объездчик Злобов, бывший стражник, хвалился в моем присутствии, перед Бабушкиным, что он бил пленных, а Бабушкин ему на это сказал, что это так и следует, так как это "наши враги" (далее приводится аналогичное свидетельство ратника Д. Стародумова, участвовавшего в избиениях. — *В. П.*)...

9) Ратник Поторочин (дер. Пестовка) видел, как Горшков бил пленных железным клеймом по лицу. 14 января 1916 г. Поторочин сам убил двух пленных...

11) Конвойный Татаринов (197-й участок) видел, как ратники били пленных, и, так как он сам не хотел бить пленных, его Бабушкин и Горшков побили (далее приводится аналогичное показание Ф. Климова. — *В. П.*)...

20) Фельдшер Городецкий (Ижевский завод, ул. Коншина, № 15) принимал в дер. Мужвай избитых и тяжело искалеченных на работах пленных.

21) Чиновник Чернышев, смотритель Ижевского военного лазарета, слыхал, как Бабушкин просил д-ра Малиновского объяснить увечья и раны пленных несчастными случаями на работе, а не побоями, и доктор отказал.

22) Ратник Иона Пушин (дер. Пестовка) видел, как пленных привязывали к дереву и били.

---

[4] Как рассказывал в одной из лекций Алесь Адамович, четверть столетия спустя в оккупированной Белоруссии полицай по кличке «Лысый доцент», служивший у гитлеровцев, применял точно такую же пытку в отношении советских военнопленных и местных жителей.

23) Иван Тихонов (Ижевск, Базарная ул., собственный дом) привез немного соломы и лекарств для пленных, но Бабушкин не хотел принять привезенных вещей, а Горшков взял солому для себя. Он видел, как Бабушкин бил пленных, и знает, кто убил пленных, с которыми я говорила 11 января. Он видел, как голодные пленные съели пять собак, убитых Горшковым, и как делались соответственные приготовления к моему приезду, как запретили пленным говорить между собою на их родном языке в моем присутствии и как объявили, что за всякий разговор со мною засекут до смерти. Я видела на 36-м участке 12–15 пленных, с которыми говорила. Один из них, рыдая, сказал, что, вероятно, слезы их матерей и детей вызвали мой приезд. Горшков бросился на него с кулаками. Другой пленный сказал по-русски, что их здесь избивают по приказанию начальства; Бабушкин это слыхал. Я говорила с ними 11 января, а когда вернулась из Сарапула, мне сказали, что они уже убиты 14 января. Я, к сожалению, не знаю их фамилий, но знаю, где находятся их могилы, и могу их указать.

Ген. Дубницкий обещал мне устранить все злоупотребления, и как будто приступили к некоторому ремонту бараков и стали выдавать белье. Обещали убрать палачей, но когда я вернулась из Сарапула, все оставались на местах и избиения продолжались. Оказывается, после моего отъезда Горшков запретил бить пленных и приказал не принуждать их к работе. Но одновременно он подал через Бабушкина рапорт ген. Дубницкому о том, что после моего отъезда пленные бунтуют, не хотят работать и дров для завода в нужном количестве не будет. Прапорщик Фрязинов, производивший расследование по этому поводу, доказал, что все обвинения Горшкова ложны. Вследствие этого доноса приказано снова применять все строгости и вынуждать работать»[5].

Свое расследование провели жандармские власти. 22 марта 1916 г. начальник Вятского губернского жандармского управления доносил Департаменту полиции:

«По 6-му д[елопроизводст]ву. № 4095. Секретно.

В дополнение к надписи моей от 9 минувшего февраля за № 2048[6], докладываю...

---

[5] РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 567–569. Подлинник.

[6] Начальник ГЖУ писал начальнику штаба Казанского военного округа 9 февраля (№ 2047) как о фактах, требующих проверки, об издевательствах и убийствах военнопленных во 2-м лесничестве. В письме, в частности, говорится: «В случае невыработки двумя пленными в течение дня полусажени дров он [Бабушкин] лишает их нормальной выдачи довольствия, сокращая таковое до 1 фунта хлеба; если пленные и на следующий день не выработают положенного количества дров, то их будто бы избивают черемуховыми розгами, предварительно распариваемыми для этого в бане, причем бьет пленных нередко и сам лесничий Бабушкин со своим помощником Горшковым. По тем же сведениям, пять человек пленных якобы уже умерло от нанесенных им розгами побоев, что в общем помещении военнопленных находятся двое тяжело больных, которым никакой медицинский помощи не оказывается; что на снегу у барака военнопленных уже несколько дней валяется труп умершего военнопленного; и что на разъезде № 2 Ижевской ветки в настоящее время проживает 130 почти полунагих пленных, так как одежду с них сняли для экипировки военнопленных, отправляемых в г. Сарапул». «Одновременно с сим, — добавил он, — мною предписано помощнику моему в г. Сарапуле ротмистру Добромыслову произвести тщательную негласную проверку вышеприведенных сведений, о результате коей будет донесено дополнительно». Копию этого отношения он и направил в Департамент полиции за № 2048 (там же. Л. 555 и об.).

Названный лесничий Бабушкин и его помощник Горшков, установив определенную норму работ (сперва полсажени на 1 человека, а с ноября ¾ сажени на двоих), требовали от ратников, окарауливающих на работах пленных, выполнения последними этого урока во что бы то ни стало, при этом ратникам разрешалось даже прибегать к побоям в случае невыполнения пленными указанной нормы; тех пленных, кои все же не могли исполнить требуемой от них работы, приказано было выдерживать в лесу до позднего времени.

Вполне установлено, что конвоирам и ратникам Бабушкин и Горшков приказывали пленных, не выполнивших норму работ, бить "вицами" (палки в палец толщиной) или розгами, перед поркой распаренными в бане, при этом Бабушкин и Горшков нередко сами лично били пленных, указывая ратникам и конвоирам, как надо выполнять подобное воздействие. Наказание пленных "вицами" производилось весьма часто и введено было в особую систему: за невыполнение урочной работы давали пленным по 5–7 ударов; за побеги ратники, по приказанию Бабушкина и Горшкова, били пленных "вицами" без счета. Причем были случаи, когда пленные после такого наказания болели, а некоторые даже умирали.

Конвоиры, которые отказывались бить пленных, были за это наказываемы Бабушкиным и Горшковым арестом или постановкой под ружье. Конвоир Татаринов за отказ наказывать пленных "вицами" был поставлен под ружье на морозе, причем в его вещевой мешок было положено полтора пуда кирпичей (в приговоре груз уменьшен вчетверо. — *В. П.*)[7]. Иногда ратники пытались отказываться бить пленных, тогда Бабушкин стал их штрафовать и сажать под арест в баню. Причем Бабушкин и Горшков иногда позволяли себе бить ратников кулаком. Некоторые из ратников, тяготясь таким режимом во 2-м лесничестве, просили у Бабушкина перевода на другие работы, за что последний их наказывал. Тех же ратников, которые отличались особой жестокостью в обращении с пленными, Бабушкин награждал и поощрял...

Бабушкин и Горшков, не доверяя заявлению пленных об их болезни, не только не принимали мер для их лечения, но приказывали выгонять таких пленных на работу в лес, а тех из них, которые отказывались идти, приказано было бить. Причем пленным, не вышедшим на работу по болезни и оставшимся в бараке, горячей пищи не выдавалось и вместо положенных двух фунтов хлеба выдавался один фунт. Пленным, которые болели продолжительное время, совершенно не выдавалось пищи, почему даже тяжело больные пленные вынуждены были выходить на работу, дабы не умереть голодной смертью. Нередко сами конвоиры уже от себя давали больным пленным свой хлеб. Опрошенные ратники сознались, что пленных они били по приказанию своего начальства, Бабушкина и Горшкова, и большею частью в присутствии их. Кроме того, те же ратники утверждают, что пленных они били и по своему собственному произволу, и притом часто били их без всякой видимой причины — "для поощрения на будущее время".

Точно так же достоверно установлено, что Бабушкин не только не стремился улучшить быт пленных, но своим жестоким с ними обращением, частыми наказаниями "вицами", изнурением их непосильными работами и голодом довел их до того, что они стали убегать из лесничества десятками (всего за лето убежало 148 человек). Причем некоторых подвергнутых истязанию пленных пришлось отправить в Ижевский военный госпиталь, где, по сообщению старшего врача лазарета ст. сов. Андреева, из 19 пленных, умерших в лазарете, 16 были присланы от Бабушкина...

---

[7] Тот же способ воздействия применялся к пленным в Минской губернии: «За малейшее провиноваение ставят пленных под мешок с камнями весом в полтора пуда» (Протоколы заседаний Совета народных комиссаров, с. 277).

Произведенное по сему делу помощником моим в Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах ротмистром Добромысловым подробное расследование, по личному приказанию командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого, передано им военным властям для производства предварительного следствия»[8].

Через ГУГШ, ведавшее военнопленными, сведения поступали и в ГАУ. В пересланной туда 28 апреля 1916 г. «Выписке из показаний о жестоком обращении с пленными» ГУГШ сообщало:

«Из показаний бывшего помощника лесничего во 2-м Ижевском артиллерийском лесничестве Крылова видно, что жестокое обращение с военнопленными, находящимися на лесных работах, было возведено в систему, ничем, однако, не вызванную самими пленными.

Из всех показаний, как Крылова, так и опрошенных 12 конвоиров, видно, что пленные (почти все славяне) ведут себя тихо и скромно, на работы ходят охотно и что уклонения от работы бывают только вследствие крайней физической слабости, истощения или болезни.

Каждому пленному давалась определенная задача, которую он обязан был непременно выполнить к вечеру этого дня. Если пленный по указанным выше причинам не выполнял задачи, то Бабушкин и Горшков лично прибегали к репрессиям, выражавшимся в том, что они пленных били руками или палками, как по лицу, так и по другим частям тела. Большею частью Бабушкин отдавал приказание бить и пороть розгами пленных ратникам, состоящим в его распоряжении и числящимся на учете [по призыву в действующую армию]. Целый ряд ратников, из коих Поторочин, Безносов, Шибанов и Рябов, по показаниям свидетелей, отличались особенной жестокостью с пленными, старались в этом превзойти самого Бабушкина.

Из показаний опрошенных видно, что:

1) Пленных раздетыми (в одних курточках) и полубосых выгоняли на мороз, где они должны были стоять два часа; окарауливающие их русские солдаты чуть не замерзали.

2) Пленных бросали на снег и били палками или прутьями, а если они сопротивлялись, то им на голову и на ноги становились люди, а третий бил.

3) Однажды около 25 пленных, по распоряжению Горшкова, были посланы в баню и там их всех, голых, распаренными розгами высекли так, что они с воем и плачем выбегали из бани.

4) Пленные, которые по состоянию своего здоровья не могли выйти на работы или не выполняли ее всю, по распоряжению Бабушкина оставлялись или совсем без пищи или получали по 1 фунту хлеба и 1 фунту воды в день; большею частью такая кара постигала истощенных или совсем больных в течение двух–трех дней.

5) Бабушкин сажал пленных в карцер длиною в два аршина и шириною в полтора аршина, в такое помещение сразу сажалось по 4–5 человек, так что они могли только стоять.

По показаниям опрошенных, около 12 пленных умерло от истощения вследствие голода и от побоев, а один, не получавший какой бы то ни было теплой одежды, замерз в лесу на работах и был найден случайно только на следующий день.

[8] РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 556–557. Завер. копия.

Все конвоиры показали, что Бабушкин объяснял им, что он их "ротный командир" и поэтому они должны безусловно исполнять все его приказания.

Неоднократно Бабушкин приказывал конвойным бить и пороть пленных, причем в доказательство этого показывал вырезки из газет, в которых описывалось жестокое обращение немцев с нашими пленными.

Некоторые нижние чины, по незнанию, действительно били пленных, но большинство протестовало, и таких Бабушкин, в свою очередь, также наказывал, сажая в темный (указ. выше) карцер по два-три человека, ставил под ружье на 4 часа (по 2 часа с перерывом) на самый сильный мороз.

Одного конвоира Бабушкин поставил под ружье на 2 часа, повесив ему на одно плечо груз из кирпичей в полтора пуда.

Больные пленные только тогда отправлялись в лазарет, когда уже было ясно, что смерть неминуема»[9].

13 ноября 1916 г. Дубницкий (как видно из записки Малаховской, неплохо осведомленный о «системе Бабушкина»), с 8 мая вступивший в должность директора уже другого, Путиловского завода, представил в ГАУ рапорт[10], направленный на оправдание действий своих бывших подчиненных. Начальник 1-го отдела Технических артиллерийских заведений ГАУ ген. М.Н. Орлов поддержал его ходатайство своей резолюцией: «В Юридическую часть. Вполне сочувствую данным, приведенным г.-м. Дубницким в оправдание поведения надв. сов. Бабушкина, также считаю нужным ходатайствовать о помиловании его, ибо убежден, что Бабушкин обращался с пленными строго не по злобе, но в полной уверенности в неизбежности такого обращения и зная о жестокости обращения немцев с нашими пленными».

Наконец дело поступило к начальнику ГАУ. Ген. А.А. Маниковский, докладывая его военному министру 22 ноября 1916 г., в своем рапорте воспроизвел текст оправдательных объяснений Дубницкого, устранив из него неосторожные, с точки зрения выгораживания зарвавшихся истязателей, пассажи[11], и придал документу более отвечающий задаче вид.

«22 ноября 1916 г. № 187487/3440.

Рапорт

...Бабушкин получил в свое заведование военнопленных при следующих условиях.

---

[9] Там же. Л. 578 и об. Завер. копия.

[10] Там же. Л. 585–586об. Автограф Дубницкого.

[11] У Дубницкого, в частности, некстати (расширение «системы»!) упоминалось о следующем решении военного министра: «Ходатайство мое... от 10 августа 1915 г., — писал Дубницкий, — № 22560 об увеличении отпуска мяса до ¾ фунта и хлеба до 3 фунтов в день на человека, имея в виду важность этой меры для работ, а также о снабжении теплою одеждою, было отклонено военным министром». В другом месте Дубницкий опять оправдывал лишение военнопленных у Бабушкина теплой одежды («не все пленные могли быть хорошо одеты и своевременно») решениями окружного интендантства, которое вместо одежды отпустило на ее заготовление деньги, слишком скупо, а кроме того, по его словам, «явилась необходимость организовать шитье одежды в лесу теми же пленными».

Заведуя заготовкой дров, надв. сов. Бабушкин с 1915 г., когда эти заготовки в связи с войной увеличились почти в три раза против прежних лет, должен был принимать самые энергичные меры к тому, чтобы заготовка дров была выполнена своевременно и в назначенном количестве, так как неисполнение этого неукоснительно вело к тому, что Ижевские заводы должны будут прекратить работу из-за недостатка топлива; конечно, это недопустимо вообще, а в особенности во время войны, так как Ижевские заводы являются единственным поставщиком винтовочных стволов и коробок для трех оружейных заводов России и пулеметных стволов для Тульского оружейного завода.

Надв. сов. Бабушкин прекрасно понимал важность лежащей на нем задачи по заготовлению топлива для дела обороны Государства. Между тем присланные для лесных работ военнопленные, хотя и славянской национальности, обнаруживали в большинстве полное нежелание работать и всячески старались избавиться от работы в лесу, которую они находили тяжелою для себя, непривычною и скучною [!].

Это происходило оттого, что, до присылки на лесные работы, военнопленные, получая полное пищевое довольствие, которое полагалось нижним чинам русской армии, ничего почти не делали и полагали, что пребывание в плену сводится к спокойной и сытой жизни на отдыхе.

По приходе в лес на работы ими было сделано коллективное заявление, что кормить их должны хорошо и что за это заплатит их король, но что работать они не обязаны и не будут. Много стоило труда внушить им о неправильности такого их мышления, что, однако, мало помогло делу.

Положениями Военного совета от 28 мая и 29 июня 1915 г. военнопленным установлена дача ¼ фунта мяса в день на человека, прекращено чайное довольствие; затем приказом по Казанскому военному округу от 16 сентября 1915 г. № 983 приварочный оклад уменьшен до 7,3 коп. на человека вместо бывшего в 16 коп.

Такие уменьшения довольствия пленным вызывали среди них крайнее недовольство; началось усиленное уклонение от работ и побеги пленных.

Надв. сов. Бабушкин, имея в лесу около 1000 человек пленных и сознавая всю важность заготовки дров, должен был принуждать их к работе[12]. К тому же для него был обязателен приказ по Казанскому военному округу от 24 июня 1915 г. за № 617, которым установлено:

1) что пленных, отказавшихся от работ, надлежит выделять в особые группы и содержать на строгом тюремном режиме, с применением к ним особо строгих правил содержания в дальнейшем на все время пребывания их в плену, и

2) что всякое неповиновение пленных дает право на применение к ним необходимых мер строгости[13].

---

[12] Этой фразой Маниковский заменил циничное обоснование «системы» Бабушкина — обобщение Дубницкого о драматическом выборе, перед которым якобы оказался Бабушкин: «Ввиду массового уклонения пленных от работ и невозможности всех их сажать под арест, так как невозможно иметь в лесу такое количество карцеров, которое для этого нужно, а так как, с другой стороны, при сидении в карцере пленные не работают», Бабушкину «оставалось выбирать из двух мер: 1) или обращаться вполне гуманно, не принуждать к работе, а следовательно, и не заготовить дров ("гуманничание", сказал бы Маниковский. — *В. П.*), или 2) принуждать силой работать и налагать иногда, для особо упрямых, наказания, не установленные Уставом дисциплинарным».

[13] Приказ в основе воспроизводит суждения Совета министров по поводу и в развитие повеления Николая II.

Имея в виду распоряжения об уменьшении довольствия пленных, приказ по Казанскому военному округу № 617, зная о варварском обращении с нашими пленными в Германии и Австрии и имея в виду пользу дела, надв. сов. Бабушкин, естественно, мог считать, что принимаемые им меры не будут в противоречии с создавшимся положением, и был глубоко убежден, что он этим соблюдает интересы русского государства в отношении обороны его.

В деле снабжения пленных одеждой и бельем надв. сов. Бабушкиным было проявлено много энергии и заботы, и обвинение его в недостаточном снабжении пленных одеждою не могло бы иметь места, если бы Казанское окружное интендантство отпускало готовые вещи, а не ограничилось отпуском денег по нормам 1915 г., совершенно не соответствующим действительным ценам для постройки одежды, и если бы не было отказано в отпуске теплых вещей, о чем своевременно возбуждался вопрос.

Необходимо также отметить, что благодаря заботам надв. сов. Бабушкина среди пленных почти не было заразных заболеваний[14].

Обстоятельства данного дела устанавливают, что надв. сов. Бабушкин при исполнении своего служебного долга имел в виду прежде всего соблюдение в высшей мере интересов [государства], но проявлял в некоторых случаях излишнюю строгость и, может быть, жестокость по отношению к пленным, оправдываемые, однако, как поведением самих пленных, так и малой его культурностью, в связи с тем поистине варварским обращением, которое проявляют по отношению к нашим военнопленным наши враги[15]. Установленное по делу полное отсутствие каких-либо корыстных мотивов или иных преступных видов, а также безупречная 30-летняя военная служба надв. сов. Бабушкина дают мне право признать возможность возбуждения ходатайства о помиловании его или о смягчении наказания по суду в путях МОНАРШЕГО милосердия, тем более что он сидит под арестом с 10 марта с. г.»[16].

Ходатайство о помиловании встретило у Николая II полное понимание; он сам 20 и 25 августа 1914 г. отдал Совету министров распоряжение об ужесточении обращения с военнопленными (пересмотреть — «не теряя времени» — Положение о военнопленных, действовавшее с 13 мая 1904 г., слишком, на его взгляд, либеральное[17]). 17 декабря 1916 г. за военного министра, начальник Главного военно-судного управления генерал А.С. Макаренко сообщил Маниковскому: «ГОСУДАРЬ ИМ-

---

[14] Факты гибели военнопленных вследствие распространения заразных заболеваний военное начальство официально отрицало и скрывало, заставляя медиков указывать в документах ложный диагноз: по предписанию Генерального штаба от 3 сентября 1915 г., уже оформленные свидетельства о смерти военнопленных, в которых упоминалось о тифе, скарлатине, дизентерии, туберкулезе «и т. д.», заменялись новыми, с указанием на такие невинные, но и неправдоподобные в качестве причины смерти заболевания, как «колит и энтерит», что вызывало возмущение и протесты медицинского персонала (см.: Вопросы истории. 1994. № 9. С. 140).

[15] Объяснением злодейств Бабушкина его собственной дикостью и варварством «наших врагов» Маниковский заменил выставленный Дубницким столь благородный мотив («единственным стремлением к поставленной им себе высокой цели — пользы родины»), что ходатайство о помиловании превращалось уже чуть ли не в представление к награде.

[16] РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 587–593об. Завер. отпуск.

[17] ОЖСМ 1914. С. 304, 417.

ПЕРАТОР, рассмотрев приговор временного военного суда в г. Перми о надворном советнике Михаиле Бабушкине и Ваше ходатайство о нем, 14 сего декабря ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил в облегчение участи надворного советника Бабушкина ограничиться заменою определенного ему судом наказания содержанием на гауптвахте на 6 месяцев с ограничением некоторых прав и преимуществ по службе. О таком ВЫСОЧАЙШЕМ повелении, сообщенном для исполнения Казанскому военно-окружному суду, уведомляю вас»[18].

Сидеть на гауптвахте Бабушкину пришлось недолго: революционная власть 17 марта 1917 г. освободила его по амнистии, а с июня «оба изверга», как выяснил Совет польских организаций помощи жертвам войны (Центральный отдел по оказанию помощи полякам военнообязанным, военнопленным и административно-ссыльным), снова служили на Ижевском заводе, «занимая должности: Бабушкин по хозяйственной части, а Горшков в слесарной мастерской»[19].

Плачевная судьба военнопленных, оказавшихся в полной зависимости от таких поклонников «палки», как чиновники артиллерийского ведомства — от Маниковского («Наш вопль: дайте нам если не диктатора, то хотя просто хорошую ПАЛКУ... палка, палка нужна до зареза!!»; «Все идет прежнее "гуманничание"»)[20] до Горшкова, не составляла чего-либо исключительного. Принципиально такое обращение с пленными не отличалось от того, какое практиковалось и по другую сторону линии фронта. По материалам Ижевского и других заводов можно также убедиться, что с такой же свирепостью заводские власти обращались и с местным населением, принудительно сгоняемым для таких же работ по заготовке леса. То же варварство, та же палка, то же бесправие и антисанитария[21]. Зимой в 30-градусные морозы люди спали у костров, заболевали.

С января 1915 г. на заготовку леса для Ижевского и Воткинского заводов принудительно командировалось население 10 волостей Глазовского уезда — тысячи крестьян, многие со своими подводами. Согласно инструкции вятского губернатора, устанавливалось, что «при отказе населения от выполнения принудительных нарядов виновные должны нести суровую ответственность по законам военного времени». К заводам, как в XVI или XVIII в., приписали крестьян не только Глазовского,

---

[18] РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 594 и об. Подлинник.

[19] Там же. Л. 805.

[20] Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 17. Л. 7, 10; д. 3. Л. 49–53об., 5об.

[21] В рапорте, датированном 11 января 1916 г., младший врач Ижевских заводов Малиновский помимо сведений, повторенных в других документах, докладывал: «Большинство военнопленных австрийских должны быть немедленно удалены из леса, так как продуктивность их работы сводится к нулю, а общее их истощение, как истощение довольно затяжное, легко делает их жертвами того или иного заболевания... В противном случае место пребывания военнопленных может сделаться очагом разноса всевозможных заболеваний и грозит опасностью... и всей окружающей местности, так как в бараках помещаются также рабочие-возчики принудительные Малмыжского, Сарапульского и Елабужского уездов. Этот рабочий элемент находится в непосредственном сообщении с военнопленными-австрийцами. Отсюда так возможен и опасен путь заражения» (РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 532. Л. 566 и об.).

но и Елабужского, Малмыжского, Осинского, Оханского, Сарапульского уездов. Заводская контора выражала недовольство тем, что на заготовку дров для Ижевских заводов власти направляли «лиц, неспособных для таких работ, а именно: дряхлых стариков, подростков, больных и женщин, причем среди последних бывают с грудными детьми». 60-летним инвалидам (12-летняя болезнь рук, паралличное состояние ног) назначали задание «вырубить и вывезти по 8 [куб.] саженей дров. Если нанять вместо себя, — жаловались старики, Н.М. Наговицын и У.И. Ившин, — то придется заплатить самое меньшее по 70 руб., что граничит с полным разорением хозяйства. Остальные же члены семьи малолетние, а сыновья наши мобилизованы в армию». Солдатка, мать троих детей И.С. Хохрякова сетовала: «Детей моих малых оставить не с кем, богатые соседи постоянно осыпают меня оскорблениями и принудили меня насильным образом уплатить в пользу богатых соседей 10 руб. за вывозку дров».

В те же дни, когда Казимира Малаховская побывала в ижевских лесничествах у военнопленных, «реквизированные» крестьяне Елабужского уезда взбунтовались и отказались выехать в лес на принудительные работы. Полиция получила приказание «выгнать крестьян для работы по заготовке дров на Ижевский завод». 17 января 1916 г. полицейская стража под руководством земского начальника порками принуждала крестьян отправиться на лесозаготовку. Против отказавшихся работать крестьян в лес посылали вооруженных стражников. В Глазовском уезде в 1916 г. было зарегистрировано до 20 вспышек возмущения крестьян, «реквизированных» на лесозаготовку для заводов. Полиции удавалось силой выгонять их, но они разбегались[22].

При составлении «плана принудительных гужевых перевозок» на зиму 1916–1917 гг. Заводское совещание Уральского района (местный орган Особого совещания по обороне) нашло, что «порядок производства перевозок не требует никаких особых указаний», так как этот порядок использования крестьян-возчиков из Пермской и Вятской губерний уже испытан, освоен местной администрацией на Ижевском, Воткинском и Омутнинском заводах[23].

Вопросы истории. 2007. № 2.

[22] САДАКОВ М.А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2. С. 190–192.

[23] РГВИА. Ф. 369. Оп. 13. Д. 95. Л. 25об. Копия плана.

Русский рабочий вопрос весной 1916 года

23 февраля 1916 г. военные власти закрыли на неопределенный срок бастовавший Путиловский завод — самое крупное в империи предприятие. На улицы Петрограда были выброшены свыше 26 тыс. рабочих; начались многочисленные забастовки солидарности, грозя беспорядками в столице и срывом снабжения фронта.

Грубая репрессивная тактика военного начальства[1] вызвала беспокойство думского большинства, пытавшегося содействовать умиротворению рабочих. В Думе предстояло обсуждение запроса о Путиловском конфликте военному министру и министру торговли и промышленности, внесенного 26 февраля по инициативе меньшевиков-оборонцев.

Собравшиеся в среду 2 марта на заседание сеньорен-конвента (совета старейшин) представители наиболее влиятельных в Думе течений[2] сделали попытку сов-

---

[1] Решение о мерах против забастовки принималось с ведома Совета министров, но распоряжения делались от лица главного начальника Петроградского военного округа инженер-генерала князя Н.Е. Туманова. «Общее пугало», «жестокий, бешеный человек», он был известен «своим диким, необузданно-вспыльчивым характером... Попытки к забастовкам... подавлялись им самым решительным образом, причем в мерах князь не стеснялся, и стоустая молва упорно говорила о крайней жестокости, проявленной им в этих случаях... По своим убеждениям крайне правый» (ДРУЦКОЙ-СОКОЛИНСКИЙ В.А. На службе отечеству. Записки русского губернатора. Орел, 1994. С. 104–106).

[2] Судя по записи выступлений, сделанной П.Н. Милюковым (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2461), свои соображения высказали председатель Думы М.В. Родзянко и два его товарища — А.Д. Протопопов и С.Т. Варун-Секрет (все трое земцы-октябристы), председатели фракций: правых — Н.Е. Марков, октябристов — С.И. Шидловский (и товарищ председателя бюро фракции земцев-октябристов Н.В. Савич), прогрессистов — И.Н. Ефремов (и член ЦК, товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И. Коновалов); кадетов — Милюков, а также националист Д.Н. Чихачев и М.А. Караулов, именовавший себя

местно наметить некое подобие сценария предстоявшего заседания. Обсуждалось прежде всего предложение Д.Н. Чихачева выступить по поводу события с официальным обращением Думы в виде «внеочередного заявления» Родзянко. Октябристы высказались против, сомневаясь в способности Думы положительно повлиять на рабочих. «Причина заварухи — сложная: и экономическая, и политическая, и революционная, и пораженческая. Нельзя выработать обращение, не зная, какая доля превалирует», — говорил С.И. Шидловский. В том же смысле высказался Н.В. Савич: «Нельзя подействовать на все элементы. Убедить большинство нельзя: не знаем, где большинство и какие аргументы могут убедить. Боюсь неосторожного прикосновения... Наше выступление может быть опасно — если не попасть в тон... Лучше предоставить течению вещей». «Чем меньше вмешательства, чем меньше касаться вопроса, тем меньше трения, — убеждал коллег А.Д. Протопопов. — ...Надо оставить в покое. Чем меньше говорить, тем лучше». С.Т. Варун-Секрет предостерегал: после выступления председателя могут и другие потребовать слова для внеочередных заявлений, и тогда «нельзя не дать слова. Путь обсуждения в Думе недопустим. [В газетах появятся] белые полосы[3]. Рабочие не удовлетворятся. [Вообще следует] прекратить речи, которые могли бы волновать и раздражать».

М.В. Родзянко заявил, что «не вполне согласен с Варуном. Критика ожидается страной и вносит успокоение». Но «если бы совет старейшин сказал: выступать и осуждать забастовки, то это вызвало бы контрвыступление, [которое] трудно было бы запретить... Это вовлекло бы [Думу] в борьбу с рабочими». «Вначале, в совещании по обороне, мысль мне показалась удачной, — продолжал Родзянко. — [Но] еще до обмена мнений я переменил мнение. Абсолютный вред. Выступать не следует». Октябристы, таким образом, считали обсуждение Путиловского инцидента недопустимым.

Представители прогрессистов думали иначе: «Авторитетное выступление [от имени Думы], призывающее к успокоению, ценно, — возражал октябристам А.И. Коновалов. — В вечерних газетах [напечатают] — произведет впечатление. Согласен с П.Н. [Милюковым], что глубока разница мировоззрений, [отсюда] величайшие трудности. Психология — иная, чем наша. Но — члены рабочей группы [Центрального военно-промышленного комитета] в отчаянии пришли к нам. "Мы порвали с путиловцами, нас отвергли, обратиться некуда". Если бы социал-демократы в порядке внеочередного заявления призвали стать на работу. Сожалею, что их здесь нет. С ними возможно было бы и обращение председателя Государствен-

представителем «независимой народной группы». Присутствовали и участвовали в дискуссии также члены ряда думских комиссий граф Л.С. Путткамер и В.И. Стемпковский (фракция земцев-октябристов, член бюро Прогрессивного блока). О ходе этой дискуссии Милюков кратко рассказал членам кадетского ЦК на заседании 4 марта (Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 228–229).

[3] «Является следующий вопрос: после заседания успокоительные речи депутатов, конечно, будут пропущены военной цензурой, а что будет с речами социал-демократов — неизвестно. Замалчивание же их будет волновать рабочих», — передавал эту мысль Милюков (Протоколы Центрального комитета. Т. 3. С. 228).

ной думы, после социал-демократа и, может быть, какого-либо другого оратора». И.Н. Ефремов считал выступление Думы необходимым: «Трудно в Думе остаться в стороне». Конечно, выступление председателя Думы еще не покончит с забастовками. «Если [высказать] косвенное осуждение, будет отчужденность, если потворство или поддержка, это — заигрывание... Надо обратиться к другой стороне — правительству, чт[обы] тумановские мероприятия не продолжались... Но если разойдемся, не отменим [тумановские распоряжения], а утвердим, — подольет масла в огонь». Коновалов готов был идти и дальше: «С этой властью мы идем к поражению. Не сказать этого... — значит не ответить рабочим».

С наибольшим пониманием было встречено обобщение ситуации в выступлении Маркова: «Только два выхода: или стать Государственной думе во главе движения и помочь им [революционерам] сотворить до конца, или переменить тактику, перестать гвоздить правительство», «[допустимо] нападать на министров исключительно в закрытом заседании. Хуже всего — убеждать: не делайте того, к чему мы вас логически призываем. Или примыкайте к революции, или прекратите опасное движение, которое Дума начала». «Логика на стороне Маркова 2-го», — признал Коновалов. «Согласен с Марковым, — заявил и Варун-Секрет. — Ежедневное подхлестывание вызывает политические резолюции. Пора прекратить речи по внутренней политике и говорить только в закрытых заседаниях».

Состоявшийся обмен мнений отразил не только давно сложившиеся партийные разногласия, но и готовность различных политических сил к взаимодействию, а также некоторую общность подхода к «рабочему вопросу» — характерное для идеологов цензовой общественности, щедринское по сути, представление о рабочих как о нуждающейся во вразумлении массе, «меньшом брате», которого можно наставить на путь, если доходчиво объяснить, как важна беспрерывность работ для фронта, насколько непатриотично бастовать.

Привлекла внимание мысль, осенившая Милюкова: последовать примеру британского военного министра Ллойд Джорджа — поиграть на самых чувствительных струнах души простого народа. «Речь Ллойд Джорджа: значение снарядов для победы и значение работы для снарядов»[4]. «Описать картину выигранной битвы, — поддержал его Савич, — спасенных жизней: все для получения снарядов». (Когда Протопопов усомнился в эффективности такого хода — «Единственный аргумент Савича: из-за вас гибнут братья» — Савич Милюкову пояснил: «Так бы я не сказал. Надо нарисовать картину».) В.И. Стемпковский добавил: «Обопремся на "оборонцев"! Надо развернуть картину последствий германского завоевания — для промышленности грозят бедствия, рабство».

Запись Милюкова никак не подытожена. Судя же по тому, как проходило закрытое заседание Думы 7 марта, принято было соломоново решение: признать неизбеж-

[4] Милюков считал, что нет смысла влиять на массы рационалистическими доводами «вследствие сложности политических проблем и недоступности их деталей для массы», и видел «эмпирическое искусство политики» в «умении пользоваться подсознательными и нерациональными мотивами» (МИЛЮКОВ П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. Сб. ст. СПб., 1910. С. 184).

ность постановки запроса на обсуждение, но отложить с завтрашнего дня, четверга, на понедельник (Коновалов уверял, что в три дня брожение уляжется) и к тому же объявить заседание закрытым. В пользу именно такого решения должно было повлиять и то обстоятельство, что свою речь с ответом на запрос уже готовил военный министр А.А. Поливанов. «Запрос этот будет завтра предъявлен в закрытом заседании Думы и, конечно, большинством голосов будет принят, — писал он. — Чувствуя же видимую непрочность своего положения в должности министра, я не желаю пользоваться 30-дневным сроком для ответа на запрос, а намерен отвечать немедленно»[5].

Заключительные слова речи Поливанова привели слушателей в восторг. «Гг., вы следите за боями под Верденом, — сказал он, — и вы видите, какие результаты достигаются преобладанием числа орудий и числа снарядов. Из нашей армии идет к нам бодрый клич: только усильте подвоз пушек и снарядов, а мы с немцем справимся. И вот, когда наши родные там, в окопах, раскинувшись на 1000 верст вдоль рубежа родной страны, жаждут прихода времени, чтобы помериться силами с врагом, как с ним уже померилась доблестная французская армия, в эту минуту нашим воинам занесен удар в спину. И от кого же, гг., этот удар? От своих»[6].

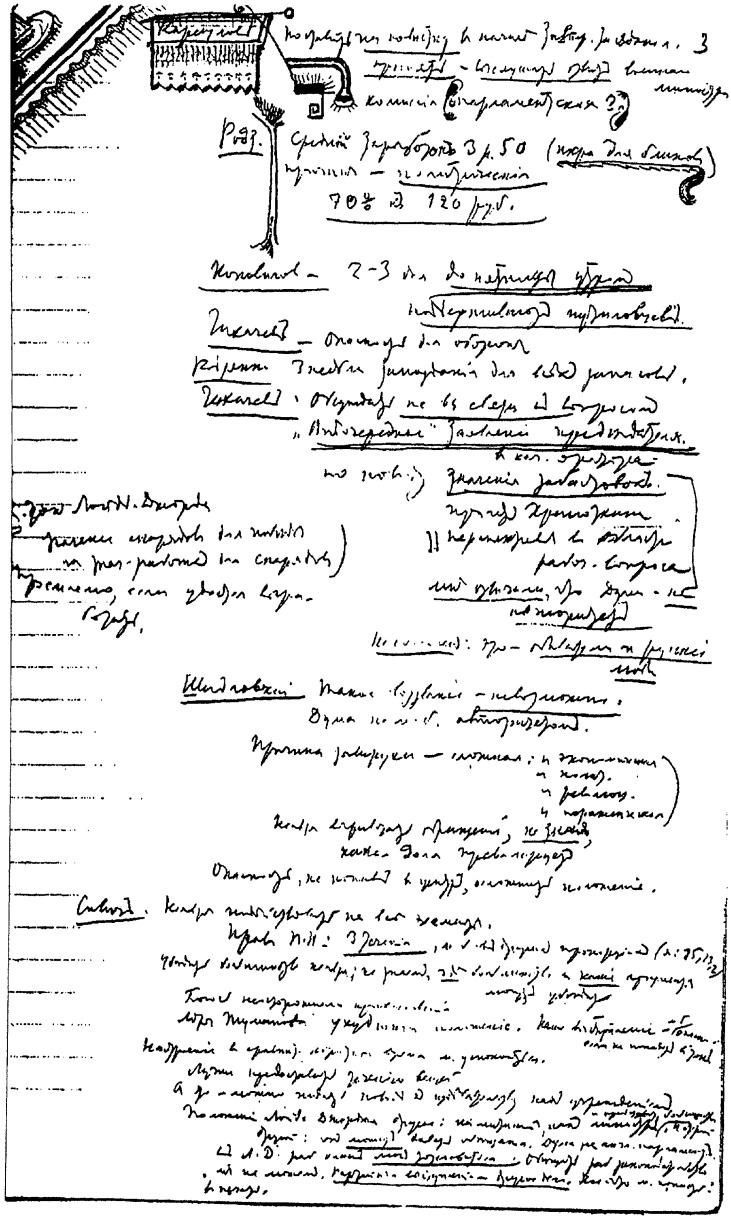
Однако речь Милюкова, говорившего в том же духе после министра, как раз этот пункт сделала уязвимым для критики. Честно сославшись на свой — и Поливанова — образец, Ллойд Джорджа[7], он дал повод меньшевику М.И. Скобелеву поспорить с министром. Знает ли военный министр, «что там [в Англии] стачечников не называют изменниками за их попытки улучшить свое экономическое положение... что там не в тюрьмы сажают рабочих, а министр является на рабочие съезды и го-

---

[5] ПОЛИВАНОВ А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 127, 130. Записи Поливанова имеют форму дневника (цитируемая —за 6 марта), но сделаны фактически задним числом, в 1919 г., с опорой на газетные и документальные материалы и собственные записные книжки.

[6] СОГД IV/4. Пг., 1916. Ч. 2. Стб. 2858–2859.

[7] Речь Ллойд Джорджа восторженно пропагандировал возвратившийся из Англии в ноябре 1915 г. начальник Морского генерального штаба А.И. Русин, пересказывая его слова: «Чем скорее и в большем числе мы изготовим припасов и снабдим ими наши войска, тем менее израсходуем средств и больше сбережем жизней и уменьшим страдания, причиняемые всему населению войной» (СИДОРОВ А.Л. Миссия в Англию и Францию по вопросу снабжения России предметами вооружения // Исторический архив. 1949. № 4. С. 361). Доклад Русина произвел сильное впечатление на Родзянко, предложившего «огласить в печати наблюдения вице-адмирала Русина о единении между правительством и обществом в союзных странах, находя, что пример последних может способствовать пробуждению в России народного подъема и ускорить победу» (ЖОСО 1916. М., 1977. С. 21). Агитационные приемы Ллойд Джорджа находили подражателей и ценителей в России и раньше (см.: SIEGELBAUM L.H. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–17. N. Y., 1983. P. 59, 235, fn. 62 — сопоставление сообщений «Биржевых ведомостей» 1 и 7 июля 1915 г. о речах Ллойд Джорджа и Г.Е. Львова) и позже. См. исключительно высокую оценку пропагандистских качеств Ллойд Джорджа, знатока «механики политической демократии», умевшего проводить агитацию «именно среди рабочих... там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы» (ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 30. С. 176).

Конспект выступлений в Совете старейшин Государственной думы 2 марта 1916 г. о забастовочном движении.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2461. Л. 3–4. Автограф П.Н. Милюкова.

Караулов. Поставить на повестку в начале завтр[ашнего] заседания
принять — выслушать ответ военного министра
комиссия (парламентская?)
Родз[янко] средний заработок 3 р. 50 (икра для блинов)
причины — политические
[требуют прибавить] 70 % к 120 руб.
Коновалов — [забастовка продлится] 2—3 дня до пятницы утром
поддерживают путиловцев.
Чихачев — опасность для обороны
Родзянко — 3 недели запоздания для всех запасов.
Чихачев — Обсуждать не в связи с вопросом
«Внеочередное» заявление председателя.
в качестве оратора
по поводу значения забастовок
приезд Кропоткина
перспективы в области
рабочего вопроса
мне отвечали, что Дума — не
авторитет
не случайно: это — обыватели и русские
люди
Я. речь Ллойд-Джорджа
значение снарядов для победы
и знач[ение] работы для снарядов
приемлемо, если удастся выра-
ботать.

Шидловский. Такое воззвание — невозможно.
Дума не м[ожет] б[ыть] авторитетом
Причина заварухи — сложная: и экономическая,
и полит[ическая]
и революц[ионная]
и пораженческая
Нельзя выработать обращения, не зная,
какая доля превалирует.
Опасность, не попав в центр, осложнить положение.
Савич. Нельзя подействовать на все элементы.
Прав П. Н. [Милюков]: 3 течения, м[ожет] б[ыть,] в других пропорциях (я: 85, 13, 2)
Убедить большинство нельзя: не знаем, где большинство и какие аргументы
могут убедить.
Боюсь неосторожного прикосновения.
Меры Туманова ухудшили положение. Наше выступление — м. б. опасно,
если не попасть в тон.
Настроение в сравнит[ельно] короткое время м[ожет] успокоиться.
Лучше предоставить течению вещей
А то — можно подать повод к издевательству над учреждением
Положение Ллойд Джорджа другое: на митинге, как министр /и представит. большинства/. И строй
другой: он может давать обещания. Дума не англ[ийский] парламент.
С Л. Д[жорджем] раб[очий] класс мог торговаться. Обещать раб[очее] законодательство
мы не можем. Партийные выступления — другое дело. Кое-что м[ожет] попасть
в печать.

Описать картину выигранной битвы, спасенных жизней — все для получения снарядов.

Марков 2-й Г[осударственная] Дума с июля в лице большинства постоянно утверждает, что соврем[енное] правительство непригодно к управлению Р[оссией] и не способно к победе — неспособен и царь: более левые г[ово]рят прямо, более умеренные — скрыто. Кто г[ово]рит А, д. сказать Б. Правит[ельство] д[олжно] уйти: но оно не уходит. Рабочие делают логич. вывод: мы поддержим Думу. Поддерживают работу, к[ото]р[ую] Дума начала с июня. Дума г[ово]рит, но не делает. А мы сделаем, т[о] е[сть] произведем революцию. Ваш мозг признает правильным, а руки исполняют. Только 2 выхода: или стать Г[осударственной] Думе во главе движения и помочь им сотворить до конца, или переменить тактику, перестать гвоздить правит[ельство], к-рое не уходит, нападать на министров исключит. в закрытом заседании. Хуже всего — убеждать: не делайте того, к чему мы вас логически призываем. Или примыкайте к революции, или прекратите опасное движение, к[ото]р[ое] Дума начала.

Родзянко. Прокламация призывает к другому.

Марков 2. Они сделают логич[еский] вывод!

Ефремов. Трудно Г[осударственной] Думе остаться в стороне. Но завтра — ~~нас~~ желание наше прекратить эту забастовку. Не верю, чт[обы] выступление председ[ателя] могло достигнуть этой цели. Если косвенное осуждение, будет отчужденность; если потворство или поддержка, это — заигрывание, к[ото]р[ое] подорвет автор[итет] Думы. Надо обратиться к друг[ой] стороне, правительству, чт[обы] Тумановские мероприятия не продолжались. В сфере отмены (87 ст.) вотум д[олжен] б[ыть] окончательный. Аннулировать завтра. Но если разойдемся, не отменим, а утвердим, — подольет масла в огонь. Возражает против заявления, связывающего Г[осударственную] Думу.

Протопопов. Чем меньше вмешательства, чем меньше касаться вопроса, тем меньше трения. Единств[енно правильное] вмешат[ельство] — законодат[ельная] реглам[ентация] труда. Все другое — [означало бы] посылки на забастовки — крайне вредно. Говорилось много, вводились рабочие в военно-промышл[енный] комитет, — какие результаты? Моя 30-летн[яя] практика с 7 тыс. рабочих убедила: надо оставить в покое. Чем меньше говорить, тем лучше. Серьезное средство — возвращение с фронта рабочих. Я видел влияние раненых, к[ото]р[ые] пришли на фабрику ко мне — и имели влияние. Согласен с П.Н.: вы не удовлетворите, не научите, а дадите повод критиковать себя. Контрразведка военных властей, упрощенное понимание рабоч[его] вопроса приводит к эт[ому]. Единств[енный] аргумент Савича: из-за вас гибнут братья. (Савич мне: Так бы я не сказал. Надо нарисовать картину).

Стемпковский. Очень логично рассуждение Маркова 2. Но уверены ли вы, что если бы мы молчали, то рабочие не знали [?] бы политики правительства. Обопремся на «оборонцев»! Надо развернуть картину последствий германского завоевания — для промышленности грозят бедствия, рабство.

Коновалов. Момент перелома. Верю, что в пятницу рабочие встанут на работу (поддерживающие путиловцев). Авторитет[ное] выступ[ление,] призывающее к ~~бодр~~ успокоению, ценно. В «Веч[ерних]» газетах [появится] — произведет впечатление. Соглас[ен] с П.Н., что глуб[ока] разница мировоззрений, велич[айшие] трудности. Психология — иная, чем наша. Но — члены раб[очей] группы в отчаянии пришли к нам. Мы порвали с путиловцами, нас отвергли, обратиться некуда.
Если бы с.-д. в порядке внеочередного заявления призвали стать на работу. Сожалею, что их здесь нет. С ними возможно было бы и обращение председ. Г[осударственной] Думы, после с.-д[емократов] и м[ожет] б[ыть] к[акого]-л[ибо] другого оратора. Из общения с рабочими прих[одится] выносить положит[ельное] впечатление. Необходимо оборудов[ание] власти; с этой властью мы идем к поражению. Не сказать этого предс[едателю] Г. Думы и другим — значит не ответить рабочим. Логика на стороне Маркова II. 3) организация труда — вопрос полож[ения] рабочих — принято.

Председатель д. упомянуть о профес[сиональной] организации, о милитаризации (единогласно — отрицат. отношение съезда). Раздражающая политика — «окопная»: нельзя в наказание посылать на фронт. Nonsense. Объявление Туманова: 12 тыс. призвать к воинск[ому] начальнику. Возвращ[ение] квалифицир[ованных] рабочих (450 000 взято на фронт) —

паллиатив: никакой [успокоительной] струи из армии не вольется... —

Чихачев. Возвр[ащение] рабочих с фронта — утопия. Фракционные выступления внесут разноголосицу. Если признать, что никакие выступл[ения] не нужны, отбросим. Но если нужны — это д[олжно] б[ыть] выступление председателя Думы.

Варун-Секрет. Против выступлений фракционных и председателя. ~~Пра~~ М[огут] б[ыть] другие внеочер[едные] заявления после председателя: нельзя не дать слова. Какая роль фракции? Они в контакте с ЦК? Иначе д[олжно] б[ыть] опровержение. Путь обсужд. в Думе недопустим. [В газетах будут] белые полосы. Рабочие не удовлетворятся. Соглас[ен] с Марковым: ежедневное подхлестывание вызывает политич[еские] резолюции. Пора прекратить речи по внутр. политике и г[ово]рить т[олько] в закрытых заседаниях. Речи вроде мансыревской недопустимы: прекратить речи, к[ото]р[ые] могли бы волновать и раздражать.

Я. Марков 2 обвиняет врача за диагноз болезни.

Марков 2. Я никого не обвинял. Другого выхода, кроме революции, нет: надо менять власть, к[ото]р[ая] неспособна победить и не хочет уходить. Если у большинства это — увлечение,

то оставьте это. Это сгущение красок, ч[то]б добиться практич[еского] результата, отравляет массу. Если действит[ельно] власть так плоха, то у вас другого выхода нет. Вы наговорили массу лишнего, а масса приняла как истину. Надо переменить тактику и ограничиться необходимым, в закрытых заседаниях, не бросая в толпу.

Вы предсказывали, а Р[оссия] разваливается.

Путткамер. Очевидно, если военачальник неспособен, его надо переменить. Тумановские циркуляры показывают, что начальн[иком] Петр. округа поставлен человек некомпетентный. Подать совет правительству — переменить его. Произвело бы хорошее впечатление.

Родзянко. Сначала, в совещании по обороне, мысль мне показалась удачной. Еще до обмена мнений я переменил мнение. Абсолют[ный] вред. Если бы совет старейшин сказал: выступать и осуждать забастовки, — то это вызвало бы контрвыступление. Трудно было бы запретить. 2) невозм. п[отому,] ч[то] это вовлекло бы в борьбу с рабочими. Они хотят забастовки, а предс. Г. Д[умы] — 3) Выступ[ления] с.-д. сперва: но с.-д. даже в Думе разбились

на 3 группы. Туляков и Хаустов — пораженцы, Бурьянов и Маньков — стор[онники] победы, Чхеидзе посередке. Выступать не следует. Закрыт[ое] заседание надо отложить.

Не вполне согласен с Варуном. Критика ожидается страной и вносит успокоение. Но — вы не критикуете, а ведете партийную борьбу: Марков, Савенко — это роняет достоинство Г. Думы. Из Москвы люди, располож. к Думе, начинают г[ово]рить: много болтают. — В июле только благодаря тактике Фролова удалось: забастовки прекратились. Разумное — приказ Рузского. Фролов пострадал, за недостат[очно] строгое отношение к рабочим. На Туманова ничего не действует.

ворит как равный с равными; знает ли он о тех социальных мероприятиях, которые в Германии за месяцы войны приняты в самых широких размерах? Здесь часто, да и сегодня справа говорили о том, что все должны приносить жертвы на алтарь общего дела. Всегда этот призыв направляется по адресу рабочих...»[8]. Скобелев словно подслушал, как 2 марта возражал Милюкову на совещании старейшин Савич: «Положение Ллойд Джорджа другое: [он может выступить] на митинге как министр и представитель большинства, и строй другой: он может давать обещания. Дума не английский парламент. С Л. Д. рабочий класс мог торговаться. [Он мог] обещать рабочее законодательство; мы не можем». И на заседании кадетского ЦК в том же смысле говорил Н.В. Некрасов[9].

Тем не менее именно Милюков сформулировал в своей речи ту осевую линию пропаганды, которая пронизывала все выступления в Думе 7 марта 1916 г. Это была идея о том, что у рабочих, недовольных своим положением, но патриотически выполняющих свой долг, есть могучий и справедливый защитник — государство, которое в лице Думы и Особого совещания по обороне не оставит их один на один в тяжбах с корыстными капиталистами. «Гг., для того чтобы наши убеждения дошли до цели, надо постараться понять и другую сторону... — сказал Милюков. — Рабочие до сих пор являлись только объектом воздействия, и естественно, что у наиболее неустойчивых элементов этого класса явилось самочувствие не "своего" человека (нам говорили, что "свой человек" нанес удар), а какого-то чужака, по отношению к которому государство есть какая-то посторонняя сила... Человек чувствует себя чужим в государстве... Нужно, чтобы человек не чувствовал себя чужим, чтобы он чувствовал себя в самом деле "своим", тогда и "ударов в спину", может быть, не будет. Тогда поймут, что этих вещей нельзя делать... Приобщите рабочего к общей равноправной семье, дайте ему средство цивилизованными способами считаться с работодателями... Нужно призывать тех, которые участвовали в этих событиях, к исполнению их патриотического долга. Но, гг., дайте им возможность так же спокойно стоять за своим станком, как солдат сидит в своем окопе»[10].

Упование на вмешательство государства на стороне рабочего люда причудливо совпало в аргументации черносотенца Маркова и меньшевика И.Н. Тулякова. Когда Марков, доказывая правомерность крайних средств, примененных против путиловцев, поставил им в вину то, что они, решаясь бастовать, не испытали прежде путь ходатайства перед властью, не обратились к правительственным инспекторам и к правительственным директорам, введенным в состав правления акционерного общества Путиловского завода, то Туляков уличил его в искажении обстоятельств дела: такие попытки делались, но рабочим не пошли навстречу.

---

[8] СОГД IV/4. Стб. 2874.

[9] Милюков рискованность сравнения с Ллойд Джорджем признавал и говорил на заседании своего ЦК 4 марта: «Вмешательство Думы могло бы быть полезно, если бы за ним следовало то, что сделал в аналогичных условиях Ллойд Джордж в Англии, без этого же невысокий в глазах рабочих авторитет Думы пал бы еще ниже и ей поставили бы на счет все прорехи, все ошибки власти» (Протоколы Центрального комитета. Т. 3. С. 228).

[10] Там же. Стб. 2862, 2869–2870.

Один за другим ораторы всех политических оттенков заявляли, что «следует охранять свободный труд рабочих и следует государственной власти в этом отношении содействовать рабочим» (гр. Д.П. Капнист, октябрист); надо рассмотреть требования рабочих «с особым вниманием и благожелательством» (А.А. Бубликов, прогрессист); «с полною серьезностью вникнуть во все нужды рабочих и повести их по мирному пути» (П.Н. Крупенский); в требованиях рабочих «есть правда... Администрация до сих пор не входила, гг., в интересы рабочего люда» (П.В. Новицкий, правый); «ведь и вся оборона страны страдает... мы должны итти на все возможные меры для того, чтобы удовлетворить те справедливые экономические требования» тружеников на заводах (Стемпковский, октябрист); «требования рабочих, вызванные дороговизной, причиной уважительной, и крайним повышением доходности заказов, были требованиями, остающимися в пределах благоразумия» (Милюков); «надо власти самым благожелательным образом обсудить и рассмотреть вопросы о заработной плате как на Путиловском, так и на других заводах» (Марков).

Дискуссия закончилась голосованием за декларацию, внесенную от имени Прогрессивного блока и содержавшую как формулировку в духе агитации Ллойд Джорджа, так и призыв к государственной власти «относиться беспристрастно и внимательно» к столкновениям интересов труда и капитала. При этом тут же отмечалось, что «значительно увеличившаяся доходность предприятий, работающих на нужды обороны, дает возможность соответствующего увеличения заработной платы», а «насильственное, одностороннее разрешение столкновений на экономической почве» только разжигает «внутреннюю рознь» на радость врагу. Регулирование заработной платы возлагалось на Особое совещание по обороне, наделенное в отношении предпринимателей правом принуждения.

Сложность разыгранного спектакля требовала от актеров значительного элемента импровизации, чреватой откликами с «улицы» в виде новых забастовок и беспорядков, почему заседание и проводилось при закрытых дверях, но когда все закончилось, устроители действа сочли, что оно прошло благополучно, и Родзянко совместно с Поливановым приняли решение стенограмму закрытого заседания опубликовать (вычеркнув цитаты из листовок и агитационные пассажи в речах меньшевиков).

Первым последствием этого шага был взрыв негодования в правительстве. Когда министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской показал стенограмму председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру, тот «был крайне поражен» и «заявил, что он немедленно пошлет в Ставку всеподданнейший доклад... Доклад этот не успел дойти до Ставки, как был получен указ об увольнении Поливанова» [11]. В докладе царю Штюрмер указывал на вред, причиненный публикацией стенограммы закрытого заседания: «Таким образом, настоящее дело получило самую широкую огласку», тогда как «Совет министров до последнего времени всемерно предупреждал появление в печати каких-либо сведений о забастовочном движении». Имея в виду также принятое 9 марта Особым совещанием по обороне под предсе-

[11] ШАХОВСКОЙ В.Н. Sic transit gloria mundi... Париж, 1952. С. 159–160.

дательством Поливанова постановление в развитие думской формулы перехода, Штюрмер усматривал опасность того, что тем самым делается попытка «подойти к осуществлению задачи, которая не получила еще разрешения ни в одной стране, а именно, к введению государственной нормировки заработной платы», что «неизбежно приведет к самым грозным последствиям, так как рабочие, в надежде на благоприятное для их интересов вмешательство государственной власти, тем самым наталкиваются на дальнейшие забастовки», причем «претензии рабочих будут обращены уже не к промышленникам, а к самой правительственной власти, которая взяла на себя регулирование вопроса о заработке» [12]. Дума и правительство словно поменялись ролями в их отношении к зубатовской традиции в «рабочем вопросе».

Поначалу организаторы спектакля не давали себе столь же ясного отчета в происшедшем. На заседании Особого совещания по обороне 9 марта им пришлось уделить внимание вопросу, как исполнить возложенную Думой на Совещание задачу регулирования заработной платы в интересах успокоения рабочих. Шингареву казалось, что дело сводится сначала к «разработке соответствующих данных», а затем «правительство должно пойти навстречу рабочим, согласовывая — еще до возникновения недовольства — размер заработной платы с ценами жизненных продуктов». Милюков даже находил, что это в России окажется легче, чем в Англии: «У нас же, где общий строй жизни благоприятствует вмешательству государственной власти, нормировка будет тем более уместной».

В.И. Гурко построил иную схему: нельзя, сказал он, браться за столь коренную ломку всего рабочего вопроса, заменять «принудительным началом свободное действие спроса и предложения». Это было бы разрушение всех договоров между рабочими и предпринимателями, «попытка изменить весь социальный строй», пришлось бы дойти до «полной милитаризации производства». Путь должен быть иной: «Уже ныне казна имеет много своих заводов; в дальнейшем, с секвестром тех частных заводов, где наметятся беспорядки, число казенных предприятий еще более увеличится, и таким образом казна будет располагать мощным регулятором заработной платы для всей промышленности». Воздействие подобным косвенным способом, по схеме Гурко, не нарушало бы сложившегося строя отношений в промышленности.

Столь широкие планы смутили других участников обсуждения, призадумался даже Марков. Мнения разделились, и «ввиду недостаточной ясности представших перед Совещанием вопросов» решить их не удалось. Рекомендацию большинства

---

[12] СЕМЕННИКОВ В.П. Монархия перед крушением. М.; Л., 1927. С. 119–121. Шаховской видел опасность в том, что «наложение секвестра как следствие забастовки не может не вызвать у рабочих убеждения, что в секвестре они имеют серьезнейшее орудие в борьбе с хозяевами... И чем нужнее для государства данное предприятие, тем более вероятным будет представляться рабочим вмешательство правительства и секвестр в качестве конечного результата. Распространение этого убеждения между рабочими развело благоприятную почву для забастовок», оно «отразится на других заводах той же отрасли и вызовет аналогичное требование со стороны рабочих» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 36. Ч. 2. Л. 533 и об.).

членов Совещания о создании «особого органа» при нем, на который и была бы переложена ответственность за выработку мер, Поливанов не утвердил[13].

Тем временем государственническая и антибуржуазная демагогия, военно-патриотическая риторика повлияли на поведение рабочих, со вниманием наблюдавших по всей стране за развитием конфликта вокруг Путиловского завода. Но не зря Милюков сетовал на отсутствие взаимопонимания с фабричными: «Мы слишком мало знаем друг друга и слишком редко говорим друг с другом; поэтому мы друг друга не понимаем, а когда нужно говорить, так выходит, что мы говорим на разных языках»[14]. Проповедь веры в государственное заступничество преломилась в поведении рабочих несколько неожиданным образом, наслоившись на антибуржуазную пропаганду зубатовского пошиба, которую вели в рабочей среде агенты Департамента полиции и военной контрразведки.

Результатом выказанного властью — Думой и Особым совещанием по обороне — отеческого попечения о нуждах рабочих оказалось явление, отмеченное фабричной инспекцией, но настолько неожиданное, что сообщения источников вызвали недоверие выдающегося знатока истории рабочего движения. «Промышленники отнеслись к секвестру Путиловского завода, понятно, отрицательно, — писал М.С. Балабанов, — такой почин открывал возможность перехода и других заводов в казенное управление. С целью опорочить эту меру они во многих случаях объясняли забастовки желанием рабочих добиться секвестра заводов... Объяснение это не имело за собой, конечно, никаких оснований: заработная плата на казенных заводах не была выше, а режим на них был во много раз хуже, и рабочие меньше всего могли жаждать перехода предприятий в казну»[15].

Но царским «специалистам» по рабочему вопросу картина представлялась иной. Все большее значение в развитии стачечного движения приобретало не только собственно стремление рабочих улучшить свое материальное положение, но и моральные мотивы — отрицание права хозяев бессовестно наживаться на народном бедствии, войне, на казенных военных заказах. Эта сторона вопроса плохо усваивалась сторонниками репрессивных способов прекращения стачек, особенно в среде правых. Яснее видели ее представители «общественности». В Особом совещании по обороне 26 марта произошла характерная дискуссия. Против мнения Наблюдательной комиссии, предлагавшей, в соответствии с рекомендациями крайних правых, направлять бастующих в окопы, выступили представитель ЦВПК П.П. Козакевич, члены Государственной думы М.С. Аджемов, А.И. Шингарев, А.А. Добровольский, член Государственного совета М.А. Стахович. Они считали, что «меры угроз и репрессий не достигнут своей цели» и что «борьба с забастовками должна быть перенесена на почву мирного улаживания — путем вникания в материальные нужды рабочих» (Козакевич, Шингарев). Дело еще в том, разъяснял Аджемов, что репрессии означают воздействие «на один лишь элемент производства — на труд, оставляя без

[13] ЖОСО 1916. С. 149–150.

[14] СОГД IV/4. Стб. 2862–2863.

[15] БАЛАБАНОВ М. От 1905 к 1917 году. Массовое рабочее движение. М.; Л., 1927. С. 375.

внимания второй элемент его — капитал, причем такая односторонность политики может лишь развить недовольство... и в окончательном итоге приведет к остановке всей заводской деятельности», что уже учитывалось Думой в решении о Путиловском заводе. (А к чему приведут репрессии, если произойдет новая катастрофа на фронте, в обстановке «той усиленной тревоги, какая возникла бы при дальнейших потерях нашей территории»? Это будет подарок врагу, — добавил Шингарев.) Да и практически невозможно «казнить тысячи рабочих, причем эту невозможность поймут, конечно, и сами рабочие. Единственный путь борьбы с забастовками — вмешательство государства во взаимоотношения рабочих и владельцев, с секвестром заводов в казну, буде способ переговоров оказался бы безуспешен».

Мысль Аджемова развил начальник ГАУ А.А. Маниковский. По отношению к рабочим нужно сочетать «живое общение на почве их нужд, не выжидая проявлений недовольства» (как это практикуется на ведомственных заводах); когда начинаются угрозы и принуждение, то рабочие «все же подпадают влиянию агитации и предъявляют чрезмерные требования». Администрация казенных заводов «не заинтересована в понижении заработка рабочих, которые сознают это и тем охотнее вступают в переговоры». Но что касается частных заводов, то, конечно, «следует прежде всего умерить алчность капиталистов и в этих видах, установив себестоимость производства, ограничить прибыль известной процентной нормой»[16].

Размышления представителей власти не поспевали за ходом событий. «Со времени передачи Путиловского завода в казенное управление, — гласит обзор фабричной инспекции за апрель 1916 г., — ...в рабочей среде стало распространяться мнение, что предприятия, в которых возникают забастовки, будут взяты в управление казны и заработки рабочих будут значительно повышены». Таков был, в частности, мотив 19-дневной забастовки, проходившей на Невском судостроительном заводе с середины апреля 1916 г. Отдел промышленности вынужден был опубликовать специальное «разъяснение, в котором указывал, что забастовки ни в коем случае не являются основанием для взятия предприятий в управление казны»[17].

Одновременно движение наблюдалось в других центрах. 27 апреля Н.Ф. фон Дитмар, председатель Совета съездов горнопромышленников Юга России, приглашенный на заседание Особого совещания по обороне, «сообщил данные о забастовке на крупнейшем в Екатеринославском районе Днепровском металлургическом заводе: забастовка возникла от агитации, использовавшей мотивы экономического свойства, предлагавшей настаивать на секвестре завода казной, но применявшей также и политические прокламации. Член Государственного совета Ф.А. Иванов сообщил, что волнения начинают нарождаться также и в Уральском районе, при содействии приезжих и местных агитаторов». Результатом обсуждения тревожных событий было постановление Особого совещания по обороне: «Просить Министерство внутренних

[16] ЖОСО 1916. С. 184–188. 3 августа Особое совещание по обороне обратило внимание министра финансов на необходимость выработки «законодательных норм, направленных против получения чрезмерной прибыли предпринимателями и комиссионерами по заказам на государственную оборону» (там же. С. 443–444, 446).

[17] Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 148–149.

дел принять меры против ведения среди рабочих агитации на экономической почве в пользу забастовок и секвестра заводов казною»[18]. На другой же день из Особого совещания по обороне в Министерство внутренних дел было направлено сообщение о происходящей агитации. «Одним из основных требований рабочих, подстрекаемых этими агитаторами, — писал помощник военного министра Н.П. Гарин (бывший директор Департамента полиции) товарищу министра внутренних дел А.В. Степанову, — выставляется необходимость секвестра»; рабочие рассчитывают, перейдя в казенное управление, больше зарабатывать, в то же время меньше трудясь. Военные власти считали «подобное явление чрезвычайно опасным и могущим самым пагубным образом отразиться на деле нашей государственной обороны»[19].

На Днепровском заводе такая забастовка длилась три недели, так как «рабочие были убеждены, что при трехнедельной забастовке завод берут в казенное управление»[20]. Менее терпеливые рабочие металлургического завода Никополь-Мариупольского общества держались мнения, что достаточно и 10 дней, и «завод будет секвестрован, и всю прибыль от предприятия будет получать казна, а не акционеры» и администраторы, которые за 1915 г. получили большие дивиденды и наградные, «и только положение рабочих осталось почти без изменения»[21]. Лишь 3,5 дня (18–21 апреля) длилась забастовка на уральском Усть-Катавском заводе, где рабочие также считали, «что завод будет, по примеру Путиловского завода, взят в казну» «и тогда заработок их увеличится»[22].

18 апреля во время переговоров исправника с толпой забастовавших рабочих Веровского рудника (Бахмутский уезд Екатеринославской губ.) слышались возгласы: «Мы готовы до последней капли крови работать на защиту царя и родины, но кормите, поите нас, обеспечьте наши семьи от голода, передайте рудник в распоряжение военных властей». Рабочие Петровского завода (Енакиево Бахмутского уезда) пришли к убеждению, что администрация предприятия им мошеннически недоплачивает, но решили забастовки не делать по примеру Петрограда; если же администрация не пойдет навстречу, то возбудить ходатайство об устранении ее, как на Путиловском заводе, на все время военных действий[23].

---

[18] ЖОСО 1916. С. 243–245. На заседании 26 марта Марков поделился с членами Особого совещания по обороне сведениями о том, что «рабочие-депутаты Путиловских заводов за последнее время разъезжают по России, в частности, посещали Екатеринославскую губернию, и, видимо, стремятся организовать всероссийскую забастовку... Необходим немедленный арест подстрекателей и наказание их» (там же. С. 185).

[19] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 125. Л. 54; ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 341. Л. 3.

[20] РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 39. Л. 1. Доклад А.Н. Митинского в МПС, 1.V.1916.

[21] КИРЬЯНОВ Ю.И. Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917 г. М., 1971. С. 257; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 282. Донесение горного инженера П. Богословского Екатеринославскому районному заводскому совещанию, конец мая 1916 г. Забастовка закончилась локаутом и фильтрацией.

[22] Рабочее движение в годы войны. С. 154–155; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 47 и об.

[23] Рабочее движение на Украине в период Первой мировой империалистической войны. Киев, 1966. С. 189, 179–181.

Заводское совещание Московского района (местный орган Особого совещания по обороне) 30 апреля провело заседание «по вопросу о мерах к регулированию забастовочного движения в фабрично-заводских предприятиях, работающих на оборону»[24]. Участники дискуссии отметили, что рабочее движение получило «сильный толчок вмешательством государства в забастовку на Путиловском заводе»; движение «продолжает разрастаться и серьезнейшим образом угрожает делу обороны». «Вопреки всяким полицейским мерам, которые в этом отношении фактически бессильны, в забастовочное движение вносится объединение, и его успехи в одном месте вызывают отзвуки в других местах; в этом отношении дело Путиловского завода сыграло немалую роль» (В.И. Гриневецкий, от Союза городов). Путиловский секвестр «породил слухи о возможности получить крупные прибавки к заработку за счет жалованья отстраненного правления», что «поселило в рабочей среде большое смятение». Этот опыт удачно использован «крайними группами рабочих элементов» (Ю.И. Поплавский, от Московского ВПК; он же — вице-председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов).

В качестве причин наблюдаемого движения Поплавский жаловался на два обстоятельства. Во-первых, вредную роль сыграли газеты: в них «в последнее время односторонне освещается получение чрезмерных прибылей промышленностью», что дает «повод к брожениям». Ему представлялось, что этот вред вызван, собственно, не самими сообщениями о прибылях, а умолчанием газетчиков о важном «факте»: высокими прибылями создается «твердая база для чрезвычайных налогов [покрывающих расходы] на нужды войны». Во-вторых, вредно поведение другой группы общественности: «Правительству надлежало бы обратить внимание на промышленные предприятия, созданные общественными организациями без коммерческого основания»: в них оплата рабочих «стремительно повышается, что действует развращающе на рабочих частной промышленности». Иначе смотрел на дело представитель Земгора Н.Ф. Чарновский: «если не будет проявлено инициативы в освобождении дела обороны от явлений хищнической спекуляции», то и результатов в виде «решения споров» и «твердого успокоения» нечего ждать.

Несколько обнадеживала подмеченная в поведении рабочих черта: к представителям военных учреждений, участвовавших в ликвидации забастовок, например, к заводским совещаниям, рабочие относились с доверием, они сами обращались в эти органы при возникновении конфликтов, причем «не только письменно, но и лично, вплоть до депутаций, встречая здесь внимание и быстрое разрешение дела» (Поплавский). Чарновский соглашался, что «за последнее время сами рабочие стремились к разрешению своих споров с хозяевами при участии представителей военного ведомства в лице военного министра или уполномоченных Особого совещания [по обороне]; по-видимому, наиболее авторитетным учреждением должны явиться: для наиболее важных конкретных случаев — Особое совещание, а для менее крупных и важных — какое-либо подчиненное особое учреждение по районам».

[24] РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 36. Ч. 2. Л. 524–536. Журнал заседания.

Но представитель Министерства торговли и промышленности А.Н. Опацкий охладил эти надежды: участие заводских совещаний «лишь замедляет разрешение недоразумений»; у рабочих «создается представление, что установление размера заработной платы зависит от заводского совещания, то есть от органа правительственной власти, а не от хозяина. Укрепление в умах рабочих такого мнения крайне нежелательно»: заводское совещание «не в состоянии разрешить общий вопрос об установлении справедливых размеров заработной платы». Предлагаемые выезды комиссий на заводы для разбора претензий рабочих допустимы «лишь в исключительных случаях и каждый раз с разрешения председателя Особого совещания по обороне».

Применимость секвестра оценивалась на заседании по-разному. По мысли Гриневецкого, после создания «примирительных камер или заменяющих их учреждений может быть применен в подлежащих случаях или секвестр предприятий впредь до окончания военных заказов, или переложение прибавки рабочим с государства на стоимость заказов, вычетом из договорной цены». Вообще, он думал, что «в предприятиях, работающих на оборону... государство может взять на себя прибавки рабочим на дороговизну». Поплавский же считал, что надо рассеивать ложные слухи, и для этого «надлежало бы пресечь» их «путем широкой огласки действительных последствий секвестра завода в изменении условий труда». Также и представитель МПС А.И. Котельников утверждал, что «взятие в руки казны управления заводами с выработкой продуктов по заранее фиксированным ценам не может принести пользы, ибо все равно прибавки рабочим будут неизбежны, а коммерческая сторона только ухудшится». Ослабить рабочее движение он предлагал другим способом (совещание с ним согласилось) — стеснить свободу перемещения недовольных рабочих с одних предприятий на другие, что зависело от единства действий заводчиков.

Забастовка на Брянском заводе (Бежица, Орловская губ.) началась 21 марта. «Весь завод стоял», доложил Особому совещанию по обороне его уполномоченный ген. С.И. Чердынцев, «рабочие требуют вмешательства военных властей, как на Путиловском заводе, и ни с кем переговоры вести не хотят»[25]. С перерывом, стачка продолжалась почти до июня. Рабочие «ходатайствуют о выполнении обещанной прибавки, об увольнении директора и о передаче завода в ведение военного ведомства», — сообщал министру юстиции местный прокурор[26]. «Рабочие ждут какого-то вмешательства властей, ждут перехода завода в казну по примеру Путиловского, — доносил в Петроград 26 мая Чердынцев, — устанавливают срок перехода через 21 день забастовки, причем этот переход связывают с крупными прибавками; указывают на наградные и премии, получаемые мастерами и начальниками цехов за счет работы рабочих». «Легенду о переходе завода в казну после 21 дня забастовки пришлось рассеять объявлением телеграммы министра торговли и промышленности, — продолжал Чердынцев, — ...но так как рабочие ждали секвестра со стороны

[25] Там же. Л. 330.

[26] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 82. Д. 155. Л. 4.

военного ведомства, то эту телеграмму я счел необходимым подтвердить своею подписью»[27]. Слухам о 21-дневном сроке, согласно донесению губернатора от 12 мая, «рабочие придают значение, а потому вполне возможно, что рабочие не приступят к работе до истечения 21 дня их забастовки, т. е. до 16 мая». Особое совещание по обороне 1 июня предписало Чердынцеву «принять меры к опровержению упомянутых вздорных слухов»[28]. Департамент полиции во исполнение просьбы Особого совещания по обороне 6 мая разослал полицейским и жандармским учреждениям циркуляр с требованием «к розыскным органам» «напречь все усилия на борьбу с указанной агитацией»[29].

Приложенные усилия, очевидно, увенчались успехом, так как каких-либо сведений о повторении после мая 1916 г. забастовок с требованием изъятия предприятий в казну не встречается. Единственным исключением выглядит упоминание в истории Сормовского завода о таком требовании, якобы выставленном во время стачки 25–27 июля 1916 г.: «Перечень требований был дополнен революционным требованием изъятия завода из рук акционеров и передачи его в ведение казны, по примеру Путиловского завода, — писал К.П. Маслов. — Таким образом, требования сормовских рабочих перешагнули рамки экономических отношений с хозяевами»[30].

В использованном Масловым источнике, однако, о таком «требовании» в собственном смысле слова не говорится, не фигурирует оно и в известных поныне пере-

---

[27] РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 38. Л. 255–260. «Телеграммой министра» Чердынцев назвал циркулярно разосланное чинам фабричной и горной инспекции «для вывешивания в промышленных предприятиях» объявление Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности. Оно было опубликовано и в газетах (Биржевые ведомости. 18.V.1916. Вечерний выпуск). В этом объявлении, вывешенном Чердынцевым 13 мая, говорилось: «За последнее время среди рабочих распространяются ложные слухи о том, что предприятия, в которых возникают забастовки, будут взяты в управление казны, секвестрованы. Настоящим Отдел промышленности... доводит до сведения рабочих, что эти слухи являются совершенно лишенными каких-либо оснований. Забастовки ни в коем случае не признаются основанием для взятия завода в казенное управление. Известный случай, когда завод был секвестрован, произошел отнюдь не потому, что рабочие бастовали, а по чисто военным соображениям». Слухи эти распускают враги. «Со своей стороны, — гласила приписка Чердынцева, — подтверждаю, что Брянский завод не будет взят в казенное управление» (там же. Л. 117).

[28] Там же. Д. 39. Л. 52, 89 и об. Забастовка кончилась тем, что часть рабочих была отправлена на фронт, часть разъехалась на заработки, а прочим началось повышение заработной платы — через созданное специально «расценочное бюро» с участием рабочих (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 82. Д. 258. Л. 9).

[29] ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 341. Л. 7 и об.; ТАНЯЕВ А. Рабочее движение на Урале. Свердловск; М., 1931. С. 38. Цитируя этот циркуляр, Таняев опустил его суть — характерный предмет «указанной агитации»: «...причем одним из основных требований рабочих выставляется необходимость секвестра предприятий с введением казенного управления».

[30] МАСЛОВ К.П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение // «Красное Сормово» на великом рубеже. Горький, 1964. С. 57. «Революционность» такого требования, разумеется, сомнительная (см.: КИРЬЯНОВ Ю.И. Рабочие Юга России. С. 239).

чнях требований, предъявленных бастующими. Правда, в объявлении Чердынцева, вывешенном в Сормове уже после ликвидации стачки, 29 июля, на которое и ссылается К.П. Маслов, сказано: «Я уполномочен разъяснить вам, рабочие, что временный переход в казенное управление Путиловского завода, вызванный не забастовкой, а неправильным расходованием казенных авансов, не будет применяться к другим заводам, несмотря ни на какие забастовки, и что последствием забастовок будет прекращение работ и закрытие завода. Военнообязанных же предупреждаю, что труд их здесь, на заводе, дарован им взамен службы на позициях и что отказ от работы неизбежно повлечет за собою призыв их... в войска для отправления на фронт»[31]. Но появление этого заключительного абзаца в объявлении Чердынцев объяснял не прямо предъявленными требованиями бастующих, а, скорее, распространенностью такого умонастроения в среде рабочих. Докладывая о положении на заводе после ликвидации (с помощью двух батальонов пехоты) забастовки, он доносил Особому совещанию по обороне: «Наблюдавшееся мною при обходе моем завода 28 и 29 июля настроение рабочих можно признать вполне доброжелательным... В целях достижения возможно полного успокоения, по выраженному мне губернатором, заводоуправлением и [военными] приемщиками желанию дать рабочим некоторые разъяснения, 29 июля мною было выпущено объявление (копия прилаг.), в котором я счел нужным также указать на исключительные условия, вызвавшие переход Путиловского завода в Казенное Управление, неправильное представление о котором все еще продолжает волновать рабочих некоторых крупных заводов»[32].

О том, что «неправильное представление», несмотря на опровержения властей, оказалось весьма живучим, свидетельствует то, что в 1917 г. та же проблема встала перед Временным правительством. «Неверно понимаемые лозунги социализации производства нередко... выливаются в требования передачи в казну тех фабрик и заводов, владельцы коих отказываются удовлетворять в полной мере претензии рабочих, — отмечало Министерство торговли и промышленности в датированной 8 июня 1917 г. объяснительной записке к Проекту декларации об экономической политике правительства. —...Чрезвычайно важно рассеять неосновательные надежды, связанные с предложением передач фабрик и заводов в ведение казны, то есть совершить некоторое "огосударствление" промышленности. Помимо слабой подготовленности правительственного персонала к эластичной практической деятельности, казна в качестве работодателя не располагает какими-либо особенными источниками удовлетворения чрезмерных требований рабочих... Расчеты же на обильную раздачу бумажных денег неизбежно приведут к экономическому и финансовому банкротству страны»[33].

---

[31] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 82. Д. 157. Л. 6; опубл.: Материалы по истории революционного движения. Нижний Новгород, 1920. Т. 1. С. 80.

[32] РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 115. Л. 172–173.

[33] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 220–221.

Между тем рабочие продолжали выдвигать те же требования, и под этим давлением 13 июля Совет товарищей министров, «рассмотрев дело завода АМО, принципиально решил передать завод АМО военному ведомству и учредить для заведования заводом особое правление из пяти членов»[34]. 28 июля длительная государственная поддержка Русско-Балтийского судостроительного общества закончилась секвестром его предприятий, а в августе два секвестрованных ревельских судостроительных завода (Русско-Балтийского общества и Общества Северо-Западных заводов, б. Беккер) были намечены к «приобретению их в казну и соединению в одно целое»[35]. 29 сентября 1917 г. чиновники Министерства труда, занимавшиеся в Харькове урегулированием конфликтов на паровозостроительном заводе, заводах Всеобщей компании электричества и Гельферих Саде, отмечали «всюду преувеличенные надежды на секвестр: рабочие Гельфериха составили уже требования на случай секвестра»[36]. На Сормовском заводе это требование упорно выдвигалось во время забастовки в июне–июле 1917 г., а затем возродилось весной 1918 г. и учитывалось при решении Совета народных комиссаров о национализации этого и ряда других заводов[37].

Имеются неясного происхождения сведения о том, что во время забастовки на судостроительном заводе «Наваль» (Николаев) пожелания о «реквизиции» предприятия высказывались и до секвестра Путиловского завода[38]; в феврале 1914 года 1500 рабочих Переяславской бумагопрядильной фабрики 11 дней бастовали, требуя, в частности, сменить всю администрацию, включая директоров, а фабрику передать правительству[39]; рабочие и служащие Нижнетагильского округа добивались такого решения в отношении своего предприятия в 1909 г.[40].

Идеи «казенного социализма» служили излюбленным предметом споров в Думе. Агитацию в том же смысле вели зубатовцы. 19 февраля 1902 г. во время

---

[34] РГВИА. Ф. 369. Оп. 2. Д. 55. Л. 108об.

[35] Там же. Оп. 1. Д. 203. Л. 24.

[36] ГАРФ. Ф. 4100. Оп. 1. Д. 120. Л. 73–74. Телеграмма.

[37] См.: ВОЛОБУЕВ П.В., ДРОБИЖЕВ В.З. Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР // Вопросы истории. 1957. № 9. С. 119–121.

[38] См.: КИРЬЯНОВ Ю.И. Рабочие Юга России. С. 239. В ссылке на источник (ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 347. Л. 248. Записка Глобачева, 28.II.1916) в данном случае, к сожалению, какое-то недоразумение: Глобачев в указанной записке именно о таком требовании рабочих не упоминает. Она посвящена обзору данных об агитационной деятельности рабочей группы ЦВПК. То, что представители группы, должно быть, агитировали и за секвестр, косвенно подтверждается письмом товарища министра внутренних дел А.В. Степанова Н.П. Гарину от 10 мая. В письме он, пересылая копию цитированного выше (см. примеч. 29) циркуляра «розыскным органам» от 6 мая, одновременно предупреждал Военное министерство, что полиция лишена возможности воздействовать на членов рабочих групп, поскольку они ведут эту «преступную деятельность» используя свой легальный статус (ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1916 г. Д. 341. Л. 9).

[39] СИДОРОВ К.Ф. Рабочее движение в России в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 281.

[40] ВЯТКИН М.П. Горнозаводский Урал. С. 136–137.

монархической манифестации по случаю открытия памятника Александру II их предводитель Ф.А. Слепов всю вину за тяжелое положение рабочих возложил на иностранных капиталистов, завладевших русской промышленностью, и обещал, что «фабрики у хозяев отберут в казну», и это сделает царь, без всякой конституции, революционеры же лишь хотят использовать недовольство рабочих в своих корыстных целях[41]. Ту же мысль зубатовцы проповедовали на собрании своего Общества взаимопомощи рабочих текстильных производств 15 марта 1902 г., и на другой день ее заинтересованно обсуждали рабочие Трехгорной мануфактуры: «В небольших группах велись разговоры о том, что рабочие будут требовать следующих пунктов: ...что фабрики перейдут в ведение и владение рабочих, причем правительство будто бы окажет им свое содействие выдачею им капитала на ведение дела», а до передачи фабрик рабочим им будут выплачивать «известный процент с чистой прибыли фабрики», докладывала перепуганная администрация Трехгорки фабричному инспектору, а тот осведомлял Московское охранное отделение, ведавшее зубатовцами[42]. В XVIII в. на этой почве случались восстания[43].

Среди рабочих, выдвигавших это требование в 1916 г., преобладали, видимо, верноподданнические настроения, они рассчитывали, что переход в казенное управление поведет к повышению заработков и лишит частных владельцев несправедливой наживы. И напрасно генералы именовали все это «вздорными слухами»: перед глазами рабочих были многочисленные примеры уже состоявшегося перехода крупнейших частных заводов в казну. Они могли бы вспомнить, что, помимо Путиловского, этот путь уже прошли Обуховский и Балтийский заводы, большая часть железных дорог.

В переломную эпоху войны и революции патриархально-патерналистский, не обязательно царистский, но государственнический в основе строй мышления все

---

[41] См.: КОРЕЛИН А.П. Русский «полицейский социализм» // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 50; МИЦКЕВИЧ С.И. Революционная Москва. М., 1940. С. 301.

[42] ГАРФ. Ф. 63. Оп. 22. 1902 г. Д. 25. Ч. 2. Л. 140 и об.; ЧААДАЕВА О. Рабочие Трехгорной мануфактуры в революции 1905 года // Русский рабочий в революционном движении. М., 1930. Сб. 1. С. 31–32; SCHNEIDERMAN J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. Ithaca; London, 1976. P. 142.

[43] Липецкий, Козминский и Боринский заводы, принадлежавшие Адмиралтейству и изготовлявшие вооружение для флота, армии и крепостей, в 1755 г. были отданы князю П.И. Репнину. Вскоре работные люди стали волноваться и заявлять, что «хотят отбыть от вечного владения князя Репнина» и вернуться в казну — «желают быть при оных заводах как прежде бывали казенными». Они ссылались при этом не только на злоупотребления князя при использовании их труда, но и на важное государственное значение заводов и волю Петра Великого. Переубедить работных людей не удалось ни уговорами, ни поркой, ни применением войск. На протяжении девяти лет они раз за разом останавливали заводы, посылали челобитчиков к Петру III и Екатерине II и, наконец, в 1769 г. добились возвращения заводов в казну. Любопытно, что эта история, подобно сормовским волнениям 1916 г. у К.П. Маслова, оценивалась как пример «революционного движения» (в диссертации 1951 г.) (ГАРАНИЧЕВ В.А. Волнения работных людей на Липецких заводах князя П.И. Репнина в 60-х гг. XVIII в. // Ученые записки Смоленского пединститута. 1953. Вып. 2. С. 42, 45–57).

еще заметно влиял на поведение рабочих масс, порождая в верхах соблазн использовать в своих целях неизжитое доверие к власти[44]. Но на первый план выступило моральное негодование, вызванное наглым своекорыстием хозяев.

Россия в XIX–XX вв. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина (СПб., 1998).

[44] У. Розенберг появление подобных требований о национализации предприятий почему-то связывает со стачками костромских и ивановских текстильщиков летом 1915 года (РОЗЕНБЕРГ У. Регулирующее государство и проявления «функциональной легитимности» на закате старого режима // На пути к революционным потрясениям. СПб.; Кишинев, 2001. С. 212–213). Указанные им источники (Рабочее движение в годы войны. Подгот. к печати ФЛЕЕР М.Г. М., 1925. С. 211–217) поводов для этого не дают. Сложнее с его же ссылкой на статью Л. Хеймсона. Розенберг указал с. 389–452 в издании: HEIMSON L., SAPELLI G., eds. War, Strikes and Revolution: The Impact of the War Experience on Italy, Germany, France, England and Russia. Milan, 1992. Такого издания, однако, не существует. Имеется сборник «Strikes, Social Conflict and the First World War. An International Perspective» (HAIMSON L., SAPELLI G., eds. Milano, 1992), в котором именно на страницах 389–452 помещена статья: HAIMSON L.H., BRIAN E. Labor Unrest in Imperial Russia during the First World War: A Quantitative Analysis and Interpretation, — название, которое и фигурирует у Розенберга в качестве источника сведений о требованиях отобрать заводы. У Хеймсона действительно говорится о стачках костромских и ивановских рабочих, но о выдвижении ими требований указанного специфического характера сведений нет.

22–23 февраля 1917 года в Петрограде

23 февраля 1917 г. считается первым днем революции. Размышляя о пережитом, эсер В.М. Зензинов удивлялся тому, что «нигде в литературе... не упомянуто» о делегациях путиловских рабочих — «очень важном эпизоде, свидетелем которого я был»[1]. Речь идет об обращении представителей путиловцев к председателю думской фракции трудовиков А.Ф. Керенскому с предупреждением о том, что настал момент расчета с самодержавием.

Решение рабочего коллектива послать к Керенскому своих уполномоченных выглядит естественным ввиду ряда его выступлений в Думе с критикой думского большинства за антирабочую политику и с настойчивыми упреками и угрозами: «Терпение масс начинает истощаться», — сказал, в частности, Керенский; уже «перед вами появляется призрак подлинного настроения широких народных кругов»; вопрос о власти «в близком будущем... будет поставлен весьма решительно», так что «вам нужно дать себе определенный ответ на вопрос, с кем вы», и «немедленно перейти от слов к делу»; но «вы не хотите слышать никого, кроме себя», и скоро «вы не услышите предостерегающих голосов» и «встретитесь уже не с предупреждением, а с фактами»[2].

Вот как описан визит рабочих в воспоминаниях Зензинова, изданных в 1919 г.

> «Помню, как однажды вечером — это было 23 или 24 февраля — к нам в редакцию (в "Северных записках" Зензинов был секретарем редакции. — *В. Л.*) пришли двое рабочих, выборные представители... Путиловского завода. Они просили устроить им свидание с Керенским. Я немедленно поехал за Керенским, привез его в редакцию и затем присутствовал при этом свидании... Рабочие считали своим долгом заявить о причинах, вынудивших их на забастовку. Оказывается, после недоразумений в одной из мастерских завода между рабочими этой мастерской и администрацией, закрыт был весь завод, у которого ощущался недостаток угля и которому поэтому закрытие было только выгод-

---

[1] ЗЕНЗИНОВ В.М. Февральские дни // Новый журнал. 1953. № 34. С. 198, 196.

[2] Русские ведомости. 16, 19.II.1917.

но, так как работы, благодаря недостатку угля, шли очень плохо. На улицу выбрасывалось несколько тысяч рабочих, а их семьи — при дороговизне продуктов и недостатке в городе хлеба — обрекались на голод. Обо всем этом рабочие считали необходимым рассказать популярному депутату, слагая с себя ответственность за могущие произойти последствия»[3].

Через 30 с лишним лет Зензинов снова изложил события тех дней в мемуарном очерке в «Новом журнале». В некоторых деталях новая версия расходится с первоначальной. Чувствуется знакомство автора с появившейся с тех пор литературой о Феврале, удивившей его молчанием о важных действиях путиловцев. Сделаны дополнения, частью уточняющие фактический ход событий.

Появление, спустя десятки лет, дополнений, детализирующих содержание беседы, требует особой оценки их достоверности. Судя по тому, что Зензинов внес вполне обоснованную корректировку в отношении даты события (она подтверждается выступлением Керенского на заседании Думы 23 февраля), а также хода забастовки на заводе и др., он за прошедшее после 1919 г. время постарался уточнить свои воспоминания (по его словам, «позднее я часто вспоминал о нем» — о разговоре с делегатами).

Самые существенные уточнения касаются даты свидания в редакции «Северных записок» (Керенский сотрудничал в этом издании): не 23 и не 24, а «это было вернее всего — 22 февраля» («в семь часов вечера... назначенное свидание рабочих депутатов с Путиловского завода с А.Ф. Керенским состоялось»), а также того, что, оказывается, одновременно другая делегация путиловцев искала встречи с председателем социал-демократической фракции Чхеидзе («не знаю, впрочем, удалось ли их товарищам повидаться с Н.С. Чхеидзе»).

В новом варианте несколько подробнее изложены развитие конфликта на Путиловском заводе и сущность заявления делегатов Керенскому, что можно объяснить стремлением Зензинова устранить замалчивание «эпизода», влияющего на понимание связи событий. Рабочие (их, по новой версии, было не двое, а «пять-шесть человек»[4]) сказали Керенскому, что

«считали своим общественным долгом предупредить обоих депутатов (к А.Ф. Керенскому они каждый раз обращались со словами — "гражданин депутат") о серьезности создавшегося положения и о том, что они "слагают с себя ответственность за могущие произойти последствия". Таковы были буквально их слова. О себе сказали, что поручение это "к обоим депутатам" им дано забастовавшими рабочими. Весьма отчетливо и очень серьезно рабочие делегаты заявили А.Ф. Керенскому, что начавшаяся забастовка не носит частного характера и что дело тут не в экономических требованиях, также и не в продовольственных затруднениях — рабочие сознают, что это начало ка-

[3] ЗЕНЗИНОВ В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 81–82.

[4] Возможно, расхождение вызвано тем, что, судя по рассказу Зензинова в «Новом журнале», он не сразу «привез» Керенского в редакцию; Керенский в разговоре по телефону назначил встречу в редакции в 7 вечера. К этому времени на встречу могли явиться уже не двое, как днем, а пять-шесть представителей рабочих.

кого-то большого политического движения, и они считают своим долгом предупредить об этом депутата. Чем это движение кончится, они не знают, но для них, по настроению окружающих рабочих, ясно, что произойти может что-то очень серьезное. Так говорили делегаты, говорили спокойно и твердо, и это спокойствие лишь подчеркивало серьезность сообщаемого... То были настоящие *вестники грядущей революции*».

Зензинов чистосердечно признал, что тогда «этому визиту не придал особого значения», не увидел сразу, что сделанное предупреждение было «в полном смысле слова *историческим*», а вспоминая позднее, «удивлялся пониманию момента, проявленному тогда путиловскими рабочими», и объяснял это «тем, что они были у самых истоков начавшегося движения и чувствовали, насколько уже тогда была раскалена атмосфера в рабочих кругах Петрограда»[5]. А.Г. Шляпников (в Феврале — фактический руководитель Русского бюро ЦК большевиков), имевший лучшее представление об этой атмосфере, в 1920 г. свидетельствовал, что «для многих, особенно для руководителей революционной работой в Петрограде, для членов Петроградского комитета, становилось ясно, что эта стачка крупнейшего завода не только Петрограда, но и всей России будет иметь громадные последствия»[6].

Содержание беседы изложил и Керенский. Согласно его рассказу (речь в Думе 23 февраля), делегаты от рабочих, «представлявшие сливки петербургского Путиловского завода», обратили его внимание на то, что движение на заводе переходит в новую стадию: «Они просили меня передать вам», что «сделали все, чтобы этого закрытия завода вчера не последовало... они даже согласились вернуться на работу на старых условиях». Из этого можно заключить, что в рабочей среде имелись разногласия, более умеренно настроенная часть («сливки») путиловцев в то время не желала останавливать завод забастовкой; чтобы не допустить этого, они «провели по всем мастерским ряд организованных собраний, где доказывали по тем или другим соображениям несвоевременность сегодня развивать это рабочее движение, и они просили меня вам [это] передать». Умеренное настроение владело «руководящими рабочими массами» (как выразился Керенский). Но как раз «в тот момент... они прочитывают объявление о закрытии Путиловского завода и о том, что 36 000 петербургского населения, самого обездоленного и голодающего, выбрасывается на улицу»[7].

От умеренности не осталось следа. Даже собеседники Керенского, представлявшие тех, которые «сделали все» для умиротворения рабочих, теперь, по свидетельству Зензинова, явились к Керенскому и искали Чхеидзе лишь для того, чтобы поставить их в известность о серьезности надвигавшихся событий.

В воспоминаниях Керенский вне прямой связи с визитом делегатов отметил, что 22 февраля путиловские рабочие «решили обратиться за поддержкой ко всем другим рабочим Петрограда и для координации действий создали стачечный комитет»[8].

---

[5] Новый журнал. 1953. № 34. С. 198.

[6] ШЛЯПНИКОВ [А.Г.] Мартовские дни 1917 года // Петроградская правда. 12.III.1920.

[7] СОГД IV/5. Пг., 1917. Стб. 1651–1652.

[8] KERENSKY A. Russia and History's Turning Point. N. Y. 1965. P. 188. Остается неясным происхождение сведений о стачечном комитете и обращении к рабочим Петрограда. Возмож-

Остановка Путиловского и Ижорского заводов обсуждалась на заседании Думы 23 февраля: утром был внесен запрос; вечером, после перерыва, с 5 часов 19 мин. до 6 часов 22 мин., состоялись прения; в это время уже происходили, как сказал, выступая, М.И. Скобелев, «более грозные события... не только на территории заводов, но и на рабочих улицах и даже уже в центре города»[9]. На этом заседании Керенский и рассказал о состоявшемся 22-го визите рабочих.

В самом запросе «по поводу прекращения работ на Путиловском и Ижорском заводах» некоторые детали событий очерчены яснее, чем рассказал Керенский. Похоже, что текст запроса составлен непосредственно со слов самих делегатов, все-таки разыскавших если не Чхеидзе (он выступал в Думе 24 февраля), то другого руководителя социал-демократической фракции — Скобелева, который наряду с Керенским выступал 23-го с обоснованием запроса (М. Мелансон утверждает, что у делегатов была встреча с Чхеидзе, но источников не называет[10]). О событиях на Ижорском заводе, происходивших одновременно с движением на Путиловском, в запросе говорилось в общих чертах, что Ижорский завод в Колпине был «несколько дней тому назад закрыт при аналогичных обстоятельствах» (подразумеваются, очевидно, экономические требования, частичные забастовки, переговоры с начальством); «22 февраля внезапно вывешено объявление о расчете с 24 февраля» в основных мастерских завода. О конфликте на Путиловском сказано значительно подробнее.

Из текста запроса видно, что началу движения предшествовал распространившийся «слух о возможном сокращении производства и частично[м] расчет[е] рабочих в связи с недостатком топлива и сырья». «Подавляющей массой рабочих» с «мизерными заработками» (т. е. не «сливками») в условиях «царящей продовольственной разрухи» овладело «тревожное настроение». 18 февраля (в субботу) требование о 50-процентной прибавке выдвинула лафетно-штамповочная мастерская (забастовка в этой мастерской, где работало 478 человек, началась, согласно докладу Глобачева, 17 февраля)[11] — это произошло «неожиданно для остальных рабочих». Директор (Дубницкий) отказал, и «рабочие, не покидая мастерской, прекратили работы». К понедельнику 20 февраля администрация едва не пошла на частичную уступку и

но, Керенский, сообщая об этом факте в мемуарах, узнал о нем от тех же делегатов. Но он мог воспользоваться и хроникой Шляпникова, составленной 26 февраля 1917 г. в виде Осведомительного листка (№ 2) Бюро ЦК РСДРП и опубликованной в этом качестве в 1924 г. (ШЛЯПНИКОВ А.Г. Семнадцатый год. М., 1924. Кн. 1. С. 243). Ц. Хасегава, ссылаясь на книгу Бурджалова, возводит известие об избрании стачечного комитета к воспоминаниям рабочего А. Григелевича. Но у Бурджалова не так: данное известие приведено без ссылки на источник и, видимо, взято у Шляпникова (HASEGAWA Ts. The February Revolution. Seattle; London. 1981. P. 211; ср.: БУРДЖАЛОВ Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 116).

[9] СОГД IV/5. Пг., 1917. Стб. 1640–1660 (Скобелев — стб. 1642).

[10] MELANCON M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917. Ohio State University Press, 1990. P. 322. Встреча с Керенским состоялась не в Думе, а в редакции.

[11] МИНЦ И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 420; ГАРФ. Ф. ДП. 4-е д-во. 1917 г. Д. 61. Ч. 2. Т. 1. Лит. «А». Л. 53; ф. 111. 1917 г. Д. 669-а. Л. 53, 51.

уже заявила о готовности прибавить (хотя 20%, а не 50), но когда утром «к директору явились вместе с делегатами лафетно-штамповочной делегаты других мастерских, вмешавшиеся в целях мирной ликвидации конфликта», позиция начальства резко изменилась, рабочим было объявлено, что лафетно-штамповочная, раз она все еще не приступила к работам, должна получить расчет с утра 21 февраля. На это рабочие ответили, что встанут на работу сейчас же, то есть с обеда 20-го, но им разъяснили, что расчет все равно будет: таким способом «администрация считает нужным избавиться от нежелательного элемента». И действительно, с утра 21-го лафетно-штамповочная мастерская была закрыта. Тогда прекратили работу и «некоторые другие мастерские», но у рабочих все еще не было единодушного намерения бастовать; они «с разрешения директора» провели вечером 21 февраля по мастерским собрания; в итоге, как уже говорилось, настроение сложилось в пользу примирения. И все же «утром 22 февраля было объявлено о закрытии всего завода на неопределенное время»[12]. (В ином свете поведение рабочих в эти сутки представлено в литературе. После закрытия лафетно-штамповочной «возмущению 27-тысячного коллектива путиловцев не было предела. Вечером [21-го] забастовка стала всеобщей... Полная приостановка работ на 30-тысячном промышленном гиганте не могла не встревожить военно-полицейские власти. Утром 22 февраля администрация закрыла завод»[13].)

Выступая 23 февраля, Скобелев, Керенский и ряд других депутатов, осведомленных о кризисе продовольственного снабжения в губерниях, поставили обсуждаемые события в связь с уже начавшимися волнениями и в других местах, в частности на Тульском оружейном заводе (также свыше 30 тыс. рабочих). Свою речь Керенский закончил упреками в бездействии тем лицам в военном командовании, которые ничего не предпринимают против власти, потому что «не имеют мужества, не имеют сознания гражданского долга» потребовать от правительства, «чтобы немедленно вы ушли с ваших мест». Они, эти «многие лица, высоко стоящие на ступенях военной администрации», видят надвигающуюся опасность и «говорят: что вы думаете, разве мы сами не знаем, что с тем, что поднимается, с этим движением мы никакими штыками не справимся». Так «когда же еще слова о том, что вы хотите спасти государство, — призывал он теперь уже думцев, — когда еще эти слова могут и должны превратиться в дело, как не сейчас, когда появляется этот симптом, этот Невский проспект, который сейчас заполнен толпой из пригородов, разгоняемой солдатами в настоящий момент, когда я говорю с этой кафедры (т. е. около 6 часов вечера. — *В. П.*) ...будьте гражданами, встаньте на защиту того, что вы должны сберечь... Если этого не будет, я буду прав, когда говорил рабочим — между этими людьми и вами нет общего языка! Докажите, что он есть!»[14].

[12] СОГД IV/5. Стб. 1640–1641.

[13] ЛЕЙБЕРОВ И.П., РУДАЧЕНКО С.Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 57; ЯКОВЛЕВ Я.А. Февральские дни 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 81; HASEGAWA Ts. Op. cit. P. 210.

[14] СОГД IV/5. Стб. 1653. 22 февраля делегатам Керенский, по его словам, ответил: «Я сомневаюсь, чтобы большинство Государственной думы поняло вас: кажется, общего языка между вами и ими нет никакого», «но я обязанность свою (передать заявление рабочих-деле-

Произнесенные в связи с запросом речи в те дни не были пропущены в газетные отчеты[15], о чем и сообщили «Русские ведомости» 24 февраля. В этой газете лишь 25-го было упомянуто, что обсуждался запрос социал-демократов и трудовиков («о расчете рабочих на некоторых заводах») и была принята формула перехода, предложенная П.Н. Милюковым (от Прогрессивного блока), с поправкой Керенского. Газеты, по цензурным условиям, не могли упоминать о забастовках, излагалось лишь требование к правительству об урегулировании продовольственного снабжения с привлечением к этому делу общественных организаций. Корреспондент «Русских ведомостей» отметил присутствие в зале заседаний многочисленной публики. «Вот вчера мы говорили с этой трибуны, — сказал Керенский на следующем заседании, — ...но ведь, кроме говорящих и слушающих в этом зале, никто в России о том, что здесь происходило, не узнал, так что даже заголовок запроса — о том, что это был запрос о Путиловском заводе, вычеркнут, и никаких сведений о происходящем в думском зале до населения не дошло»[16].

Но и самим Керенским на следующий день после обсуждения запроса, 24 февраля, овладел испуг перед лицом событий на улице. Теперь уже он увещевал депутатов соблюдать сдержанность: «Не время уже теперь парламентским разговорам... эти слова о двенадцатом часе, которые остаются у нас в среде парламентского большинства только словами, ...воспринимаются массами как правда»; опасно «бросать упреки массам в измене и провокации. Остерегайтесь слов, если вы сами не хотите превратить их в дело». «Вопрос дальнейшего пролития крови... жертв на фронте не безразличен для той массы... Будьте осторожны, не трогайте теперь той массы, настроения которой вы не понимаете». Он указывал на необходимость создать «оплот против стихии разнузданных страстей», организовать «массы, которые сейчас ходят в затмении по улицам». 25-го он снова пытался провести в Думе формулу о том, «что дальнейшее пребывание у власти настоящего Совета министров совершенно нетерпимо»[17].

В конечном счете 23 февраля Дума отозвалась на предупреждение самым банальным способом: приняла очередной запрос к правительству о продовольственном положении. Керенский, правда, настоял на том, чтобы предложенная Прогрессивным блоком формулировка решения о продовольственном снабжении была дополнена пунктом с требованием принять обратно уволенных рабочих Путиловского и Ижорского заводов и восстановить деятельность заводов, то есть отменить локауты. Но

гатов Думе. — *В. П.*) исполняю» (там же. Стб. 1651–1653). Керенский, таким образом, 22–23 февраля 1917 г. почти дословно повторил то, что годом раньше сказал П.Н. Милюков, когда обсуждались аналогичные события — забастовка на Путиловском заводе с последовавшим локаутом и секвестром: «Мы слишком мало знаем друг друга, — сказал тогда Милюков, — и слишком редко говорим друг с другом; поэтому мы друг друга не понимаем, а когда нужно говорить, так выходит, что мы говорим на разных языках» (СОГД IV/4. Пг., 1916. Ч. 2. Стб. 2862–2863).

[15] Родзянко употребил свою цензурную власть председателя Думы, памятуя, как в 1916 г. разрешенные им сообщения газет о забастовке и секвестре Путиловского завода всю весну вызывали отклики в виде забастовок в разных районах империи.

[16] СОГД IV/5. Стб. 1657–1660, 1725.

[17] Там же. Стб. 1726–1728, 1756.

остроту момента думцы не уловили. Поправка Керенского едва прошла (117:111); отвести ее пытался В.В. Шульгин, выдвинув характерное возражение: «По простой причине: никакого представления о том, какие рабочие, за что и почему уволены с Путиловского завода, ни я лично и, я думаю, никто из вас не имеем; при таких условиях вмешиваться в жизнь Путиловского завода, который руководится, как известно, к тому же военными властями и к тому же генералом, к которому я лично питаю доверие, я считаю невозможным». Ясно, что для 110 голосовавших с Шульгиным события за Нарвской заставой представлялись одним из многих, заурядным и уже исчерпанным конфликтом. Об Ижорском заводе Шульгин даже не упомянул[18].

В поведении рабочих делегатов обращает на себя внимание то, что, судя по их высказываниям, несмотря на локаут, путиловцы, оказавшиеся за воротами завода, не считали свою стачку законченной, а себя не переставали считать рабочими. Собеседники Зензинова и Керенского называли себя «делегацией путиловских рабочих», выполняющей, вместе со второй делегацией, «важное поручение» «к обоим депутатам», которое им «дано забастовавшими рабочими»: они утверждали, что «начавшаяся забастовка не носит частного характера»[19]. Казалось бы, ничего необычного в таком понимании обстоятельств нет; для рабочих, подвергнутых локауту, естественно добиваться восстановления своего положения и не считать свою забастовку оконченной, а себя безработными. Но на это приходится обратить внимание, имея в виду, что, с точки зрения полиции, администрации — и, как ни странно, позднейших исследователей, — локаут закрывал неприятную страницу со всеми этими путиловцами и «ликвидировал» их стачку.

Историографический парадокс заключается в том, что две основные конфликтующие схемы февральских событий — господствующая советская и новейшая в западной литературе — по разным мотивам, но одинаково отрицают серьезное значение происходившего за Нарвской заставой 22 и 23 февраля, приписывая решающую роль в развитии революционных событий движению исключительно на противоположном конце города — в Выборгском районе — и выдающейся активности женщин-работниц.

Свои мотивы исключать из поля зрения путиловский локаут имеют энтузиасты третьего — масонско-закулисного объяснения Февральского переворота. Фиксация интереса преимущественно на домыслах о закулисной стороне событий лишила их

[18] Там же. Стб. 1658–1660. Между тем движение на Ижорском заводе в Колпине по-своему многозначительно. Рабочие этого «городка с почти 20-тысячным населением», как отмечено в докладе Морского министерства за 1911 год, получая высокие заработки, пользовались хорошим медицинским обслуживанием, включая бесплатные лекарства для членов семей; отдавали детей в бесплатное училище; у них были свои сберегательные кассы, библиотека. Морское начальство долгие годы пребывало в убеждении, что улучшение рабочего быта «внесло здоровый, нормальный характер в ход заводской жизни»; потомственные мастеровые настолько чувствуют «связь с заводом... имея свои дома, привязанные к месту», что все это обеспечивает спокойствие, «создает необостренное, ровное отношение всего состава мастеровых к заводу, и потому, вообще, всех мастеровых Ижорского завода можно считать много спокойнее их товарищей по другим заводам» (ВПР. Т. 1. С. 409).

[19] ЗЕНЗИНОВ В.М. Февральские дни. С. 196–198.

уникальной возможности значительно украсить свои мистификации. Речь идет о действиях 22–23 февраля не только Керенского, Н.В. Некрасова (председательствовавшего в Думе 23-го), а также отсутствовавшего (закулиса!) Чхеидзе, Скобелева, но и генерала Маниковского — начальника Главного артиллерийского управления, в чьем ведении находился Путиловский завод. Его Н.Н. Яковлев записал тоже в масоны. По уверению Яковлева, «имя генерала А.А. Маниковского всегда открывало список военных, входивших в масонскую организацию». Как полагал Старцев, свидетельство о том, что Маниковский «был привлечен масонами к планам военного переворота», дают показания Некрасова 1939 года[20]. Что-то помешало масоноведам довести до логического конца доказательство того, что бунт против российской государственности устроили масоны: «масон» Маниковский дал команду о локауте на Путиловском заводе — и случилось непоправимое. Как видно, они сами не верят тому, что пишут, зная, что источников о масонстве Маниковского — кроме домыслов Яковлева и Берберовой — нет.

Единственный повод для разгула фантазий о масонстве Маниковского давало сообщение мемуаристов о том, что при обсуждении думцами (в частном совещании 27 февраля) вопроса о введении диктатуры, чтобы унять «улицу», Некрасов предложил Маниковского на роль диктатора. Не мог же Некрасов, этот отъявленный масон, протежировать кому-нибудь кроме «брата» по ложе! Но и тут неувязка: из ныне опубликованного О.А. Шашковой и С.М. Ляндресом протокола обсуждения видно, что Некрасов сразу же и отказался от своей идеи, встретив возражения со стороны не только Шульгина и Милюкова, но и «братьев» — Чхеидзе (неверно утверждение Старцева, будто против предложения о диктатуре Маниковского возразил «лишь Н.С. Чхеидзе»), Ржевского, Волкова. Всем было ясно, что этот стосковавшийся по «палке» и «виселице» для либералов генерал, противник «гуманничания», «мирволенья и пасования» перед забастовщиками, всегда готовый «дать урок» им, да и всему «организованному кагалу», не задумается «затопить Петроград кровью».

В советской литературе принято было обходить молчанием какие-либо факты, свидетельствующие о контактах с рабочими массами и революционных действиях других партий, кроме большевиков, поэтому в ней нечасто встречаются упоминания о посещении 22 февраля путиловцами Керенского. По той же причине, с целью насаждения представлений о руководящей роли большевиков во всех революционных событиях, максимально подчеркивалась активность рабочих в Выборгском районе — единственном, где сохранилась к Февралю и хоть как-то заявила о себе большевистская организация. Действия путиловцев и вообще события за Нарвской заставой оценивались по достоинству лишь в сочинениях 20-х гг., до установления суровых историко-партийных стандартов к середине 30-х гг.

---

[20] ЯКОВЛЕВ Н. 1 августа 1914 [года]. М., 1974. С. 198. См. также: БЕРБЕРОВА Н. Люди и ложи. N. Y. 1986. С. 38, 140; БРАЧЕВ В.С. Между мистикой и политикой. СПб., 2005. С. 327; СТАРЦЕВ В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 130, 126. В.И. Старцев так и не смог признать, что имеет дело не со «свидетельством Некрасова», а с фальшивкой, изготовленной НКВД–КГБ.

Но и в иных случаях, когда источники используются без помех, значение описанного Зензиновым и Керенским «эпизода» скрадывается. В «энциклопедической» монографии Ц. Хасегавы (по оценке Д.А. Лонгли, «она содержит практически все, что мы знаем о Февральской революции»[21]) при изложении прений 23 февраля в Думе опущено все, что связано с обсуждением запроса о локаутах и действиями путиловцев. З. Галили в исследовании о меньшевиках, описывая визит путиловцев к Керенскому, приглушает значение этого события: делегатов называет «пятью забастовщиками с Путиловского завода», которые «видимо» стремились наладить контакты с депутатами-социалистами; об обсуждении локаутов в Думе 23 февраля не упоминается, и постепенно все сводится к привычному заключению, что «решающую роль в нараставшем движении протеста сыграли рабочие металлообрабатывающих заводов Выборгского и Петроградского районов» столицы, которые «имели давние традиции забастовочной борьбы и находились под сильным влиянием большевиков, не ослабевшим и в годы войны»[22].

В исследованиях о Февральской революции в Петрограде ныне господствует мнение, что в Нарвском районе, где находился Путиловский завод, 23 февраля не было стачек и демонстраций, что «в отличие от выборжцев основная масса бастовавших путиловцев активных действий 23 февраля не предпринимала», что после локаута они не смогли «сохранить наступательный порыв» и, как и весь Нарвский район, «не участвовали активно в стачках и демонстрациях 23 февраля»[23]. Б. Бонвеч, в частности, соглашается с Хасегавой в том, что «даже локаутирование почти 27 тыс. путиловских рабочих 22 февраля не вызвало начала революции... Путиловцы присоединились к восстанию лишь на третий день, 25 февраля. Революцию развязали, скорее, выборгские текстильщицы». В те дни действия рабочих Выборгского района, как считает Хеймсон, «отличались от поведения рабочих других районов Петербурга своей решительностью и упорством». Иное представление Хасегава и Бонвеч считают типичной ошибкой[24].

---

[21] LONGLEY D.A. Iakovlev's Question, or the Historiography of the Problem of Spontaneity and Leadership in the Russian Revolution of February 1917 // Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge (England). 1992. P. 380.

[22] ГАЛИЛИ З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С. 18–19 (оценку влиятельности большевиков автор берет у Лейберова).

[23] ЛЕЙБЕРОВ И.П. Начало Февральской революции (события 23 февраля 1917 г. в Петрограде) // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967. С. 18; ЕГО ЖЕ. На штурм самодержавия. М., 1979. С. 127, 130 (на с. 140, однако, сказано, что 24 февраля предприятия Нарвской заставы включались в движение «по примеру пролетариев Путиловского завода и судоверфи»); HASEGAWA Ts. Op. cit. P. 211, 221, 222, 237, 251; ХАЙМСОН Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 19.

[24] BONWETSCH B. Die Russische Revolution 1917. Darmstadt, 1991. S. 126. По недоразумению И.М. Пушкарева и Хасегаву упрекает за то, что он будто бы «предложил считать началом революции 22 февраля — объявление локаута на Путиловском заводе». В действительности Хасегава рас-

Такой шаблон появился 5 марта 1917 г., когда газета «Правда», публикуя в первом же своем номере хроникальную сводку о развитии борьбы в Петрограде, отредактировала исходный материал — «Осведомительный листок», предоставленный Шляпниковым, так, что поведение путиловских рабочих 22–23 февраля выглядит пассивным, проникнутым чуть ли не безразличием к собственной судьбе: «...Состоялись митинги по всем мастерским. Избрана делегация к дирекции для предъявления требований. Делегация ходила к директору, который грозил расчетом. 21-го митинги были по всему заводу... Рабочие к работе не приступили, а 22-го, когда они явились на работу, увидели объявление о том, что завод закрыт на неопределенное время». И далее — сразу о Женском дне, о том, как 23-го переломили ситуацию работницы, сумевшие поднять «революционную температуру» в столице.

«Осведомительный листок», составленный Шляпниковым 26 февраля, — один из важнейших источников. При описании волнений 23 февраля Х.М. Астрахан воспроизвел оттуда «самые главные события» этого дня: «В связи с женским днем, по требованию организованных женщин, был организован ряд митингов на Выборгской стороне, закончившихся стачкой и съемкой с работ рабочих других районов». На этом цитата о «главных событиях» обрывается. Между тем у Шляпникова в «Осведомительном листке» тут же следовало опущенное историком и «Правдой» объяснение активности работниц: «Обращение путиловцев за поддержкой, отсутствие хлеба создали в массе боевое настроение, вылившееся в демонстрации, митинги и схватки с полицией»[25].

Вследствие такого использования хроники Шляпникова «Правдой» и историками, всегда знавшими, что на Путиловском заводе большевики не имели сильной организации, исключительное внимание уделяется Выборгскому району. Считается недостатком, если при освещении событий 23 февраля окажется «не выявлен удельный вес пролетариев-выборжцев как застрельщиков революции»[26].

сматривает в качестве «общепринятого» положение, согласно которому «начало и происхождение Февральской революции следует вести от 23 февраля, связывая его с забастовкой женщин-работниц Выборгского района», и далее называет вопросы, которые «дебатируются» среди историков; в этом смысле он и упоминает попытку Лонгли поставить «под вопрос общепринятое положение». По Хасегаве, Лонгли не удовлетворен «интерпретацией событий, которая связывает центр революции исключительно с Выборгским районом. Более того, он высказал предположение, что забастовка на Путиловском заводе 22 февраля [?] может с не меньшими основаниями рассматриваться в качестве исходного момента революции». Изложив позицию Лонгли, Хасегава от своего имени утверждает то же, что писал и в 1981 г.: «Революция началась 23 февраля 1917 г. с забастовок женщин-работниц текстильных фабрик Выборгского района» (ПУШКАРЕВА И.М. Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х годов XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 258–259; ХАСЕГАВА Ц. Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. М., 1997. С. 97–99).

[25] АСТРАХАН Х.М. О тактике «снятия с работы» в Петрограде в первые дни Февральской революции 1917 г. // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 127. Ср.: ШЛЯПНИКОВ А.Г. Семнадцатый год. Кн. 1. С. 244.

[26] ЛЕЙБЕРОВ И.П. Начало Февральской революции. С. 6. Речь идет о статье Э.Н. Бурджалова.

Закреплению шаблона в трактовке событий немало поспособствовали сами выборгские большевистские работники. Помимо естественного стремления работников Выборгского районного комитета подчеркнуть значимость собственной роли в событиях, на их воспоминаниях сказалась слабая осведомленность о происходившем в городе: Н.Ф. Свешников жаловался на «плохую информацию из других районов», причем, по его словам, именно столь плохо информированный Выборгский комитет и держал «через исполнительную комиссию Петербургский комитет, а через него и всю [партийную] организацию, в курсе всех надежд и чаяний широких рабочих кругов»[27].

Результатом же оказывается традиционное умолчание относительно событий за Нарвской заставой. Вошло в обычай проходить мимо всего, что говорит об участии путиловских рабочих в наступательных, политических действиях первого дня революции. Утверждая, что 23 и 24 февраля путиловские рабочие в событиях вовсе не участвовали и лишь 25-го «впервые после начала движения 23 февраля присоединились к движению»[28], Хасегава, в отличие от других авторов, делает попытку опереться на источник. Однако ссылка его, единственная, на свидетельство начальника Петроградского военного округа генерала С.С. Хабалова, ничего не дает. В Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Хабалову задали вопрос, не на Путиловском ли заводе начались «беспорядки». Он ответил: «Нет, на Путиловском заводе ничего не было — там даже было дольше спокойно, чем где-нибудь». Сославшись на эти слова, Хасегава упускает сделанное Хабаловым тут же пояснение: «Беспорядки начались в первый день, 23-го, в двух местах, на Выборгской и на Нарвском тракте». «В первый день, — свидетельствовал Хабалов, — за исключением одного эпизода, где были красные флаги с революционными надписями — по Нарвскому тракту при пересечении с Балтийской ж.д. — [волнения] носили характер скоплений на улицах толпы, которая кричала: “хлеба!!!”»[29]. Именно так и вели себя «скопления» на Выборгской стороне 23 февраля. А «исключение» — «эпизод» с флагами — связано с рабочими Нарвского района, т. е. прежде всего путиловцами[30]. Показания Хабалова подтверждаются рассказом корреспонденту «Утра России» московского профессора Н.Д. Кузнецова, наблюдавшего петроградские события: «Первые дни толпы народа ходили с криками “хлеба” и движение носило хаотический характер. В четверг [23-го] появились флаги и плакаты с надписью “Долой правительство” и “Долой войну”. Последняя надпись вызвала тяжелое недоумение

[27] СВЕШНИКОВ Н.Ф. Отрывки из воспоминаний // Петроградская правда. 14.III.1923.

[28] HASEGAWA Ts. Op. cit. P. 251, 221.

[29] ПЦР. Т. 1. С. 243, 213.

[30] Лонгли придает преувеличенное значение свидетельству О.А. Ерманского о том, что 23 февраля «знамен или флагов не было, по крайней мере я их не видел». Ерманский видел только то, что его окружало при движении вместе с толпой по Литейному проспекту в сторону Невского. Он сделал оговорку: «Что было в тот день на улицах других частей города, я не знаю» (ЛОНГЛИ Д. Некоторые нерешенные вопросы истории Февральской революции 1917 г. // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 243–244; ЕРМАНСКИЙ О.А. Из пережитого. М.; Л., 1927. С. 139–140).

у высланных для усмирения войск, и некоторые части и патрули стреляли в народ. В пятницу и субботу подписи "Долой войну" исчезли, и настроение войск сразу изменилось в пользу революционеров»[31].

Упоминание Кузнецова о стрельбе 23 февраля, казалось бы, находит подтверждение: в ночь на 25-е, читаем в коллективной монографии, «межрайонка» «выпустила листовку, в которой призывала петроградский пролетариат всего лишь к трехдневной стачке протеста против арестов и расстрелов рабочих Путиловского завода»[32]. Но в указанном там источнике — воспоминаниях И. Юренева — говорится не о листовке, а о постановлении Межрайонного комитета. В самой же листовке, обнаруженной Бурджаловым, содержится в тех же выражениях призыв поддержать путиловцев, однако упоминание о расстрелах 23-го или 24-го отсутствует. Возможно, сообщение Кузнецова, как и постановление Комитета межрайонцев, отразило распространившийся преувеличенный слух. Прибывший через несколько дней в Самару свидетель событий рассказывал знакомым, «что делалось в Петрограде с 23 февраля: "На улицах — стрельба! Массы рабочих заполнили улицы столицы. На знаменах надписи: "Долой Николая!", "Долой самодержавие!", "Да здравствует республика!"»[33]. Полковник Д. Ходнев (Финляндский гвардейский полк), описывая происходившее то по хроникам журналистов Н.Ф. Акаемова и Е.П. Семенова, то ссылаясь на «полицейские сводки», от себя вписывал упоминания о стрельбе, которых в указанных им источниках, однако, нет. Их следует, таким образом, рассматривать как наблюдения самого Ходнева. Он писал о «сильной стрельбе» и баррикадах еще 19 февраля и о том, что с 23 февраля «начались крупные уличные беспорядки... в разных районах шла стрельба». Но он же (с нескрываемым сожалением) вспоминал о том, что «употреблять против демонстрантов оружие отнюдь не позволялось»[34]. Балк утверждал, что «оружие в ход не употреблялось», и Протопопов — что «стрельбы не было»[35].

---

[31] Утро России. 2.III.1917.

[32] Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1971. С. 150. Ср.: «В этот день огнестрельное оружие в борьбе с демонстрантами еще не применялось», — пишет Г.Л. Соболев (Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 44).

[33] ЮРЕНЕВ И. «Межрайонка» (1911–1917) // Пролетарская революция. 1924. № 2 (25). С. 140; ХРУНИН Г. Первые дни революции в самарском гарнизоне // Революция 1917–18 гг. в Самарской губернии. [Самара, 1918.] Т. 1. С. 7. Ср. воспоминания студентки сельскохозяйственного института, участвовавшей в подготовке уличных событий 23 февраля, связанных с «Женским днем»: «Утром 22-го... Олина мать, ушедшая из дому достать хлеба, вернулась взволнованная. Магазины закрыты, трамваи не ходят. На улице — толпы народа. Кто-то стреляет» (ОЛИЦКАЯ Е. Мои воспоминания. Frankfurt / Main, 1971. Т. 1. С. 69).

[34] ХОДНЕВ Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. С. 262–263. Ходнев при описании действий своей части 23 и 24 февраля старательно отмечал, что его солдаты «энергично» орудовали при разгоне демонстрантов прикладами, «а иногда даже и штыками», выстрелы же, одиночные, делались из толпы, тогда как «полиция и войска воздерживались от стрельбы».

[35] Цит. по: БУРДЖАЛОВ Э.Н. Вторая русская революция. С. 129, 134.

Учитывая возможность хронологической размытости в свидетельствах мемуаристов, приходится полагать, что источники в целом не дают твердых оснований считать, что 23 февраля войска стреляли в путиловских рабочих или вообще шла сколько-нибудь значительная стрельба на улицах Петрограда. А.М. Горький, утверждавший, что события после 14 февраля ему «особенно запомнились», рассказывал И.И. Минцу, что «начали стрелять — и сильно — уже 25 февраля... на третий день после дружной массовой стачки 23 февраля»[36].

М. Мелансон[37], не склонный высоко оценивать руководящую роль большевиков, в то же время оспаривает представление о стихийности происходившего в первые дни революции и подчеркивает активность других революционных партийных и межпартийных организаций. С его точки зрения, события 21–22 февраля могли бы представлять интерес как материал для доказательства маловлиятельности большевиков, но нужды в этом, по мнению Мелансона, уже нет, так как и без того установлено, что даже и в Выборгском районе большевики не пользовались тем влиянием, какое им по привычке приписывают, а потому для уяснения их роли «сдвиг акцента с 23-го на 21–22-е, с Выборгского на Нарвский район, ничего не дает». Таким образом, как ни изменяется направленность интереса к деятельности партий, Нарвский район с его Путиловским заводом в любом случае выпадает из поля зрения. Несмотря на свои упреки другим авторам, игнорирующим определенные группы фактов и источников, Мелансон в специальной работе о февральских днях не упоминает ни о делегациях путиловских представителей к Керенскому и Чхеидзе, ни о заседании Государственной думы 23 февраля. Сказано лишь, что вечером 23-го происходило общегородское собрание рабочих групп военно-промышленных комитетов (представителей Выборгского района там не было), «на котором меньшевики выступали за оказание поддержки Думе» (тогда как эсеры и большевики требовали назавтра политических демонстраций), но что именно произошло в Думе, автор не разъясняет. Зато последующие события, 24–27 февраля, поглощают его внимание, так как в эти дни «члены социалистических групп вели себя активно в каждый ответственный момент».

В принципе «эпизод» с посещением рабочими Керенского 22 февраля не укладывается в выстроенную Мелансоном цепь событий. Делегаты, как заметил Зензинов, именовали Керенского «гражданин депутат» и, выполняя поручение рабочего коллектива, не добивались ни от него, ни от другого «гражданина депутата», Чхеидзе, какого-либо содействия, тем более партийного руководства, цель посещения была чисто информационная. Для автора, убежденного в решающей роли социалистов, такое внепартийное поведение рабочей массы — сомнительная «стихийность», этот факт, если его не обходить, пришлось бы опровергать. Мелансон выходит из положения, называя делегатов «группой эсеровских рабочих с Путиловского завода» и даже «эсеровскими активистами»[38]. При этом он оставляет без ответа выдвинутый

[36] «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 30–31. Запись беседы 14.XII.1935.

[37] MELANCON M. Rethinking Russia's February Revolution: Anonymous Spontaneity or Socialist Agency? Pittsburgh, 2000. P. 16, 20, 36, 43.

[38] MELANCON M. The Socialist Revolutionaries. P. 209–210.

Лонгли, вслед за Я.А. Яковлевым и Ю.С. Токаревым, вопрос: как же получилось, что, при предполагаемом мощном партийном руководстве, в состав Петроградского совета рабочие несколько дней спустя избрали в основном беспартийных[39] — тех, кто вывел их на улицу и проявил себя запоминающимися действиями.

Не соглашаясь с тем, что «действительное начало революции отмечено стачками и локаутом на Путиловском заводе»[40], Мелансон приводит в опровержение два аргумента. Во-первых, лишь 23-го забастовочное движение развернулось настолько широко, что демонстрантам удалось овладеть центром города, Невским проспектом (to occupy central space both symbolically and geographically)[41]. Но нет ли здесь преувеличения: 23-го до полудня на Невском было сравнительно мало рабочих; что же касается выборжцев, то их до 4 или 5 часов дня полиция сдерживала, не пропуская «с Выборгской стороны на другую сторону Невы», а к 7 вечера полиция считала, что в районе Выборгской части порядок восстановлен[42]. Во-вторых, именно 23-го полиция отняла у задержанного рабочего экземпляры листовки, выпущенной межрайонцами по случаю Международного женского дня, что «указывает на возможную роль революционной агитации». Фактическая сторона обоих аргументов, надо полагать, достоверна (хотя на Невском успех в этот день не был долговременным), но цели они не достигают.

«В событиях, которые ознаменовали начало Февральской революции», работницы Выборгского района (на этот раз хлопчатобумажных фабрик) сыграли «каталитическую роль», которую, как уверен Л. Хеймсон, «трудно было бы переоценить»[43]. Тем не менее завышенная оценка сложилась и получила распространение.

---

[39] ТОКАРЕВ Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л., 1976. С. 120–125. К этому вопросу подводят подсчеты Токарева, показывающие, что лишь десятая часть депутатов Совета оказалась партийной.

[40] Такого утверждения у Лонгли, с которым спорит Мелансон, нет. Но Лонгли ставит вопрос о пересмотре того, что называет (безосновательно) схемой Шляпникова, приписывающей Выборгскому району исключительную роль, и не соглашается, когда Хасегава «неубедительно» оспаривает «важную роль Путиловского завода в движении». Лонгли также указывает, что сторонникам версии о большевистском руководстве событиями невыгодно было считать началом революции происходившее на Путиловском заводе, где большевики не пользовались серьезным влиянием (LONGLEY D.A. Op. cit. P. 382, 371).

[41] Этому же обстоятельству почему-то придает значение поворотного события также и Хеймсон: рабочие-металлисты Выборгского района, по его оценке, 23 февраля «прорвались в центр города и тем самым начали события Февральской революции»; «так эти рабочие Выборгского района положили начало февральским событиям 1917 г.» (ХАЙМСОН Л. Развитие политического и социального кризиса. С. 19, 31–32). Г.Л. Соболев отрицает факт «овладения центром города»: «В этот вечер в центральную часть города пробилось около 6 тыс. демонстрантов, которые, однако, не смогли стать еще там хозяевами положения, хотя им и удалось остановить трамвайное движение» (Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 44).

[42] ГАНЕЛИН Р.Ш. Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. 1999. № 8/9. С. 66–67, 70; Революционный Петроград, год 1917. Л., 1977. С. 28; ЛЕЙБЕРОВ И.П. На штурм самодержавия. С. 124–125, 128–129.

[43] ХЕЙМСОН Л., БРИАН Э. Стачечное движение в России во время первой мировой вой-

В освещении деятельности выборгской большевистской организации мемуарные источники противоречивы. Один ее участник сообщал, что «в двадцатых числах райком принял решение принять меры к снятию с работ работниц на фабриках 23 февраля, когда празднуется Международный женский день», из чего вытекает, что райком 20–22 февраля был занят подготовкой выступления работниц. (Соответственно, в петербургском университетском учебном пособии говорится о том, что перед Международным днем работниц «большевики вели активную агитацию на Выборгской стороне с целью организации забастовок»[44].) Однако другой работник той же организации вспоминал совершенно противоположное. Оказывается, Выборгский райком считал «текущий момент» неподходящим для «частичных выступлений», призывал работниц проявить «выдержку и дисциплину», «действовать исключительно по указаниям партийного комитета». С этой целью — предотвратить забастовки — «в ночь на 23 февраля» В.Н. Каюров даже «был командирован в Лесной на собрание женщин». Очевидно, о событиях на Путиловском заводе и обращении стачечного комитета к рабочим города он ничего еще не знал. Каюров наутро испытал «удивление и возмущение», получив сообщение «о забастовке на некоторых текстильных фабриках» и «поддержке нами металлистов». Это выступление текстильщиц «означало явное игнорирование постановления районного комитета партии». Сам Каюров только что ночью призывал работниц к выдержке и дисциплине, «и вдруг забастовка»[45]. Выходит, что обращение 22 февраля стачечного комитета путиловцев к петроградским рабочим за поддержкой перевесило призывы к сдержанности со стороны Выборгского райкома.

В новейшей литературе традиционная трактовка событий иногда излагается с перемещением акцента: начало движению положили не собственно большевики («ни одна из политических фракций не могла утверждать, что ей принадлежит заслуга зачинщиков революции»), а руководимые большевиками выборгские рабочие, причем момент для выступления выбрали работницы-текстильщицы: «Февральские события не были просто стихийным голодным бунтом, — пишет Х. Вада. — Февральская революция началась с демонстрации женщин-работниц пяти текстильных фабрик Выборгского района, вышедших на улицу с плакатами “Дайте хлеба!”

ны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М., 1992. С. 102–105. Определение «каталитическая», пожалуй, избрано неудачно, поскольку вещество-катализатор само не участвует в реакции.

[44] Новейшая история России. 1914–2005. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 48.

[45] СВЕШНИКОВ Н.Ф. Указ. соч.; КАЮРОВ В. Шесть дней Февральской революции // Пролетарская революция. 1923. № 13. С. 158; ГАНЕЛИН Р.Ш. О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000. С. 176. Не опирается на источники утверждение (проникшее в научную литературу из пропагандистской истории Путиловского завода) о том, что «22 февраля Выборгский районный комитет большевиков поддержал путиловцев и решил остановить 23 февраля работу на предприятиях» почему-то «двух районов города, Нарвского и Выборгского, провести митинги солидарности с путиловцами, а заодно отметить и Международный женский день» и что «большевикам накануне Февраля удалось взять под свой контроль рабочее движение в Петрограде» (ХОЛЯЕВ С.В. Три Февраля 1917 года // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 27).

Поскольку именно предприятия Выборгской стороны (такие, как контролируемый большевиками завод "Новый Лесснер") в годы войны стали инициаторами солидарных выступлений рабочих, выборгские текстильщики, в отличие от других, имели опыт объединенной борьбы». То, что для выступления женщины выбрали именно этот день, 23 февраля, Международный женский день, «свидетельствовало о существовании некоторой инициативы». С пяти текстильных фабрик движение распространилось на «весь Выборгский район», затем «выступление рабочих Выборгского района 23 февраля быстро охватило и другие районы. Уже на следующий день число участников выступления достигло 158 583 человек»[46].

Акцент на праздновании 23 февраля / 8 марта для части историков особенно ценен тем, что придает повышенную значимость «возможной роли» социалистических партий в организации и руководстве движением рабочих. Это «обстоятельство», как признает Мелансон, — «символизирует центральную роль деятельности социалистов в Февральской революции» (a symbol of the central reality of socialist involvement in the February Revolution)[47].

В западной литературе, помимо обычного некритического повторения «общепринятых» выводов советских историков, в ту же сторону сдвигалась оценка роли выборжцев в силу ревизионистского увлечения актуальностью гендерного аспекта. «*Женщины Выборгского района*... особенно работницы хлопчатобумажных мануфактур, внесли свой *решающий вклад в начало Февральской революции*»; они, «*как и работницы* металлообрабатывающих предприятий Выборгского района, начали забастовку *в международный женский день, 23 февраля*» и втянули в борьбу рабочих того же района. Тут уже и выборгские металлисты с их каталитической ролью оказались на второстепенном месте[48].

В новых обобщающих трудах гендерный аспект представлен в очищенном от большевистско-выборгского начала виде: 23 февраля «отмечался Международный женский день. Тысячи работниц питерских предприятий вышли на улицы... К ним присоединились мужчины забастовавших в городе заводов»[49]. Не проходит мимо этого аспекта и свежее учебное пособие, правда, ограничивая его проявление первой половиной дня: с этого момента «женщины уже не составляли большинства» из тех якобы 90 тыс. бастовавших, которые числятся по «данным

---

[46] ВАДА Х. Россия как проблема всемирной истории. Избр. труды. М., 1999. С. 33–34.

[47] MELANCON M. The Socialist Revolutionaries. P. 276.

[48] ХЕЙМСОН Л., БРИАН Э. Указ. соч. С. 105. Курсив мой. Ср.: «Как известно, Февральская революция началась 23 февраля (8 марта по новому стилю) с выступления женщин на Выборгской стороне» (СОКОЛОВ А.В. Русское политическое масонство 1910–1918 годов в отечественной историографии // Отечественная история. 2004. № 1. С. 148; АКСЮТИН Ю.В. Рабочие массы и политические партии в феврале 1917 года // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1992. С. 107; КОВАЛЕНКО Н.А. 1917 год. Новые подходы и взгляды. М., 2001. С. 14; КРАСИКОВ С.И. Россия в условиях первой мировой войны и общенационального кризиса 1914–1920 гг. М., 2002. С. 26).

[49] История России XX — до начала XXI в. М., 2006. С. 248; Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2005. С. 382.

полиции»[50]. Последовательность событий в результате одностороннего отбора источников оказалась перевернутой на 180 градусов: говорится о «революционном движении, начатом рабочими Выборгского района 23 и 24 февраля», причем это «движение, которое началось среди рабочих Выборгского района 23 февраля», проходило «со значительной помощью со стороны уже закрытого Путиловского завода»[51]. Участник событий, наоборот, писал о стремлении городского комитета большевиков и межрайонцев «оказать всемерную поддержку всем питерским пролетариатом локаутированным рабочим Путиловского завода»[52].

Сказалось и неудачное применение математических методов при попытке выяснить соотношение забастовок в Выборгском районе с движением в других районах. Понятно стремление Хеймсона и Э. Бриана использовать для подсчетов однородные, сопоставимые данные, вследствие чего они оперируют только сводками фабричной инспекции. Но по отношению к Петрограду с его крупными казенными военными предприятиями, неподотчетными фабричным инспекторам (включая и секвестрованный Путиловский и Ижорский заводы, а всего на казенных заводах Петрограда к 1917 г. насчитывалось 165 тыс. рабочих), такая методика абсолютно не годится, так как из расчетов исключена примерно треть рабочего состава столицы, не подведомственная фабричным инспекторам[53].

«Какое-то беспокойство относительно отсутствия муки в Петрограде», по впечатлению министра земледелия А.А. Риттиха, выступавшего в Думе позднее, переросло 23 февраля в «панику», причем в тот день посланный им чиновник обследовал состояние запасов муки в пекарнях, посетив «именно те кварталы, где началось это беспокойство по поводу отсутствия черного хлеба... эти кварталы Выборгской стороны — главным образом там это началось». Но, по его же словам, «нечто подобное было недели две тому назад», а революции тогда не последовало. Происхождение паники 23 февраля министр отказывался понять: «Отчего такая причина этой паники — это трудно точно разъяснить, это нечто стихийное... в эти дни для нее не было оснований». Риттих, таким образом, совершенно проглядел связь событий. Также и градоначальник генерал А.П. Балк и начальник столичного охранного отделения генерал К.И. Глобачев «не могли указать мотивы выступления» в этот день, признавали, что «причина народного движения непонятна»[54]. До всех них, как и до думцев, не доходило то понимание кризиса, какое безуспешно старались донести до

---

[50] Новейшая история России. 1914–2005. М., 2007. С. 48.

[51] ХЕЙМСОН Л. Рабочий класс в революционных процессах. С. 108–109.

[52] ШЛЯПНИКОВ [А.Г.] Мартовские дни. Листовка межрайонцев, выпущенная 24 февраля, содержит призыв объявить трехдневную стачку протеста против путиловского локаута, устроить сборы в пользу путиловцев и поднимать на борьбу против правительства солдат (БУРДЖАЛОВ Э.Н. Вторая русская революция. С. 155–156).

[53] См.: Материалы по статистике труда. Пг., 1919. Вып. 5. С. 42. Табл. 9. Отсюда и «удивительный результат квантитативного анализа данных» (ХЕЙМСОН Л. Рабочий класс в революционных процессах. С. 108).

[54] СОГД IV/5. Стб. 1743; ГАНЕЛИН Р.Ш. Петроград 23 февраля 1917 г. С. 68–69.

сознания политических вождей путиловские делегаты: не «паника» развивается из-за нехватки ржаной муки в магазинах, а мука исчезла из-за панического ожидания небывалых «беспорядков» выведенным из терпения народом.

Еще более искажены события 23 февраля в полицейских документах, приведенных Ю.И. Кирьяновым — также в подтверждение исключительной роли Выборгского района: «В остальных частях города [здесь подразумевается и Нарвский район] забастовок и демонстраций со стороны рабочих не было»[55]. Действительно, военные и полицейские власти после объявленного 22 февраля локаута считали, что с забастовкой путиловцев покончено, и поэтому в официальных сводках эти 36 тыс. путиловских рабочих не фигурировали, и получалось, что 23 февраля в Петрограде бастовало всего 90 тыс. человек. «Цифровые данные этой полицейской сводки... неточны, — с полным основанием писал Шляпников. — В списках предприятий, бастовавших в этот день, не значится ряд заводов... Прибавление к этим числам одного только Путиловского завода и верфи увеличивает число бастовавших на 32 тыс. человек»[56]. Странно ведь писать о стачке на Путиловском заводе как о «*закончившейся* 22 февраля»[57]. «Нетрудно представить, — пишет А.А. Искендеров, — что означало для 30-тысячной массы (озлобленной, сплоченной и не привыкшей сидеть без дела) не просто оказаться на улице, но и лишиться продовольственного снабжения» через рабочие потребительские лавки Путиловского общества, а не по недоступным ры-

---

[55] Рабочий класс капиталистической России (Сб. обзоров). М., 1992. С. 96–97.

[56] ШЛЯПНИКОВ А. Февральская революция в документах // Пролетарская революция. 1923. № 1(13). С. 289. Численность рабочих Путиловского завода указана Шляпниковым неточно. На 31 декабря 1916 г. на заводе имелась 31 тыс. рабочих (РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 6. Л. 21об. Журнал Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам, 7 и 11.IX.1917). К февралю 1917 г., по сообщению Маниковского (в приказе по ГАУ от 31 января), там числилось еще «5,5 тыс. нижних чинов, прикомандированных к заводу». Это совпадает с цифрой у Керенского (около 36 тыс.). Зензинов же, преувеличивая, дает цифру 50 тысяч. У Я.А. Яковлева — «20 с лишним тысяч». В то же время Путиловская верфь 23 февраля, видимо, бастовала не полностью: по донесению полицейского надзирателя Петергофского участка, «рабочие Турбинной мастерской Путиловской верфи после обеда, придя на работу, не приступая к таковой, все 500 человек разошлись по домам» (ГАРФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 669. Л. 171об.). В противоречии с этим записка Петроградского охранного отделения, составленная 24 февраля для сведения полицейских приставов, сообщает, что Путиловская верфь была «23 февраля с утра... по распоряжению администрации закрыта, и рабочим объявлен расчет» (АКАЕМОВ Н.Ф. Агония старого режима // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. VIII; Былое. 1918. № 1(29). С. 164). На Путиловском заводе, по свидетельству одного из прикомандированных солдат, эти солдаты не были отстранены от работ 23 февраля, а явились на службу. Их «сгруппировали в шрапнельной мастерской, произвели разбивку по сменам», и 24–25-го они также являлись на завод. «Работать — не работали», но и не уходили, а 26-го были «распущены до первого требования» (Четыре поколения. С. 267–268. Интервью Петра Данилова).

[57] БОБЫШЕВ С.В., СЕРЕГИН С.В. Первая мировая война и перспективы общественного развития России. Комсомольск-на-Амуре, 1995. С. 27. «22 февраля забастовки на Путиловском заводе *закончились* локаутом» (ГАЛИЛИ З. Указ. соч. С. 18). Курсив в обоих случаях мой. — *В. П.*

ночным ценам[58]. Для них локаут означал немедленное начало голодовки, для молодежи — отправление в окопы. «После начала путиловской стачки весь ход событий шел навстречу революции», — припоминал Горький[59].

Можно, конечно, держаться сугубо формальной позиции и не признавать бастующими путиловцев после локаута. Но что же, тогда и путиловцами их не считать с момента локаута? Кто были те, кто приходил к Керенскому 22 февраля? Они именовали себя представителями путиловских рабочих. Кто обратился к рабочим Петрограда за поддержкой?

Если в целом по Петрограду 23 февраля бастовало до трети всех рабочих (в том числе около 60 тыс. на Выборгской стороне)[60], то путиловцы — все 30 с лишним тысяч — оказались за воротами завода. Хроника событий, напечатанная в «Биржевых ведомостях» 5 марта (утренний выпуск), засвидетельствовала, что 22 февраля в связи с закрытием Путиловского завода «в районе этого завода и затем на всех окраинах, где расположены фабрики, огромные толпы ходили с криком "хлеба, хлеба". 23 февраля характер выступлений толпы изменился. Рабочие массы не оставались более в своих районах, а огромными толпами устремились в центральные части города, но серьезные демонстрации начались только 24 февраля»[61]. Главное, что сделало 23 февраля первым днем революции, пишет Г.Л. Соболев, — это то, что «забастовавшие вышли со своими требованиями на улицу». Вышли на улицу — или оказались за воротами завода — в данном случае уже не составляет разницы с точки зрения развития политических событий. Но считая, что забастовочное движение началось «на передовых предприятиях 23 февраля», ошибочно было бы подразумевать лишь выборгские мануфактуры[62]. На Путиловском заводе оно началось еще в январе, забастовкой был вызван и локаут 22-го февраля. Правда, в думском запросе, в речи Скобелева, воспоминаниях Зензинова и Керенского высказано предположение, что, объявляя локаут, администра-

---

[58] ИСКЕНДЕРОВ А.А. Закат империи. М., 2001. С. 532; ПАЯЛИН Н. Путиловский завод в 1917 году // Красная летопись. 1932. № 3(48). С. 167.

[59] «Из памяти выплыли воспоминания...» С. 30.

[60] История рабочих Ленинграда. Л. 1972. Т. 1. С. 514–515. По материалам фабричной инспекции Хеймсон называет цифру рабочих-металлистов в Выборгском районе — 30 с лишним тысяч (HAIMSON L. «The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution» Revisited // Slavic Review. Vol. 59. № 4. Winter 2000. P. 866fn), то есть почти столько же, сколько их было на Путиловском заводе. Таким образом, и здесь количественные методы не подтверждают версию об исключительной роли выборгских металлистов; нельзя сказать, что в Петрограде рабочие-металлисты были сконцентрированы «особенно в Выборгском районе» (ХАЙМСОН Л. Развитие социального и политического кризиса. С. 27).

[61] Это совпадает с наблюдениями Н.Н. Суханова и Е.П. Семенова: «в среду и четверг, 22–23 февраля, уже ясно определилось движение на улицах, выходящее из пределов обычных заводских митингов»; «мирные манифестации толпы, требовавшей "хлеба", происходили уже 22-го», причем полицейские документы об этом молчат (см.: ГАНЕЛИН Р.Ш. Петроград 23 февраля. С. 71–72).

[62] СОБОЛЕВ Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973. С. 27; HASEGAWA Ts. Op. cit. P. 203.

ция стремилась использовать забастовку как предлог для остановки завода, вызванной в действительности прежде всего нехваткой угля, т. е., в конечном счете, транспортным кризисом. По сообщению «Биржевых ведомостей», локаут последовал «под предлогом беспорядков. Этому объяснению в городе не поверили, так как беспорядков никаких не происходило, и раздражение стало принимать все более острые формы»[63].

Забастовкам на Ижорском и Путиловском заводах Лейберов придает значение «непосредственного толчка, приведшего в движение рабочие массы в февральско-мартовские дни». В противоречии с этим он одновременно пишет: «Однако распространять влияние» этих забастовок «на весь петроградский пролетариат будет неправомерно. Это было бы преувеличением. Влияние их носило все-таки локальный характер и не распространялось далее внутризаводских и внутрирайонных масштабов»; «Все началось с Выборгской стороны»[64].

«Биржевые ведомости» и шляпниковский «Осведомительный листок» совокупно дают более ясную и логичную картину, в которой Путиловский и Ижорский локауты занимают ключевое место. «Это был крайне неосторожный шаг властей, — указывал В.И. Старцев. — Путиловский завод всегда был барометром настроения всех рабочих города. Появление безработных путиловцев в рабочих районах стало своеобразным революционным бродилом, мгновенно поднявшим политическую температуру на рабочих окраинах»[65].

23 февраля путиловцы участвовали в «снятии» Орудийного завода[66] (в начале Литейного проспекта; там за Невой, через мост — как раз Выборгский район), оказывали сопротивление полиции, разгонявшей демонстрацию на Литейном проспекте, проводили антивоенный митинг вместе с рабочими и работницами Тентелевского завода. От Нарвской заставы на южной окраине столицы вплоть до Выборгского района на севере — всюду в тот же день дали они о себе знать. Шляпников, которого Лонгли считает ответственным за выработку преувеличенной оценки событий в Выборгском районе, от имени Русского бюро ЦК РСДРП признавал, что «столкновения, перешедшие в демонстрации и революцию», были связаны в первую очередь с борьбой путиловцев[67].

---

[63] Биржевые ведомости. 5.III.1917. Утренний выпуск. «Говорят, на Путиловском заводе были эксцессы, — сообщал А.И. Шингарев на заседании Думы 23 февраля, — мастера побили там, вывезли, что ли, его на тачке, я не знаю... Но вина в этих эксцессах не на них [рабочих]» (СОГД IV/5. Стб. 1654, 1655).

[64] ЛЕЙБЕРОВ И.П., РУДАЧЕНКО С.Д. Указ. соч. С. 51, 58, 70.

[65] СТАРЦЕВ В.И. Россия в годы первой мировой войны // История СССР. 1861–1917. М., 1990. С. 391; WADE R.A. The Russian Revolution. 2nd ed. Cambridge University Press, 2006. P. 29.

[66] И, видимо, не только его. По сообщению пристава Портового участка Нарвской части, 24 февраля рабочие Гутуевской верфи бросили работу, «мотивируя это тем, что придут путиловские рабочие и силой могут снять с работы» (цит. по: АСТРАХАН Х.М. Указ. соч. С. 129). На улице в этот день говорили, что «путиловцы собираются с Трубочного завода снять рабочих» (СТЕПНОЙ Н. (АФИНОГЕНОВ Н.) Этапы Великой Русской Революции. Самара, 1918. С. 8).

[67] ШЛЯПНИКОВ А.Г. Семнадцатый год. Кн. 1. С. 65; БУРДЖАЛОВ Э.Н. Вторая русская революция. С. 121.

При всех усилиях раскрыть «удельный вес» выборжцев-большевиков в событиях 23 февраля, И.П. Лейберов скрупулезно рассчитал по часам движение колонн демонстрантов и создал объективную фактическую картину[68]. По свидетельству градоначальника А.П. Балка, «уже утром выяснилось стремление народа, явное и неуклонное, со всех частей города на Невский проспект», чему противодействовала полиция, и особенно успешно — движению выборжцев. Даже та часть демонстрантов, которая около 5 часов вечера сумела прорваться из Выборгского района через Литейный мост, конными нарядами войск и полиции «была оттеснена обратно». В Выборгском районе после снятия Арсенала и присоединения Патронного завода, вспоминал И.И. Мильчик, «объектов деятельности больше нет. Толпа выдыхается» и, «не зная, куда применить свою энергию, редеет и тает, растекаясь по Безбородкину и по боковым переулкам и чайным»[69].

А на Невском в эти же часы вели борьбу рабочие пригородных районов. Последовательность событий видна из корреспонденции «Нового времени» (задержанной цензурой): «Около 5 часов дня на Невском проспекте появились огромные толпы народа, которые прибывали из пригородных мест на трамваях», и рассеивать эти толпы рабочих принялись «казачьи сотни, драгунские и конные части», наряды полиции[70].

Попытка выборжцев проникнуть из своего района за Неву через Петроградскую сторону по Троицкому мосту (около 3 часов дня) также была пресечена конными городовыми. Лишь колонна численностью около тысячи рабочих с Выборгской и Петроградской сторон примерно в 5 вечера подошла «к Казанскому мосту на Невском проспекте со стороны Михайловской улицы». За час 152 пеших и конных полицейских разогнали этих демонстрантов, после чего «центральная часть Невского проспекта патрулировалась конными разъездами», «пешие городовые охотились за отдельными рабочими, появлявшимися на Невском проспекте», а через Литейный мост рабочих больше не пропускали. Утверждение, что сил полиции не хватало, чтобы сдержать движение народа к Невскому, в принципе, таким образом, верно. Но это не означает, что полицейская власть была застигнута «врасплох», а «спешно вызванные казаки» вели себя пассивно[71]. «На мостах Николаевском, Троицком, Литейном, на перекрестках больших улиц Выборгского и Петроградского районов... были поставлены усиленные наряды, причем особенно много полиции было расставлено на Литейном проспекте»[72].

Тем не менее «к 7 часам вечера толпа рабочих прошла с Литейного моста» (с Выборгской стороны), но затем она разделилась: часть ее «повернула на Серги-

---

[68] См.: ЛЕЙБЕРОВ И.П. Начало Февральской революции. С. 25, 14, 15, 17–22. См. также: ГАНЕЛИН Р.Ш. Петроград 23 февраля 1917 г. С. 70.

[69] МИЛЬЧИК И.И. Февральские дни на Выборгской стороне // Ленинградская правда. 12.III.1927; ЕГО ЖЕ. За Николаевским шлагбаумом. Л.; М., 1933. С. 395–396.

[70] Цензурное изъятие из корреспонденции «Нового времени». Цит. по: БАЛАБАНОВ М. От 1905 к 1917 году. М.; Л., 1927. С. 434.

[71] Новейшая история России. 1914–2005. С. 48.

[72] БАЛАБАНОВ М. Указ. соч. С. 434 (цит. «Новое время»).

евскую» (то есть в сторону от Невского), «а другая направилась к Литейному проспекту, где у здания Мариинской больницы была встречена нарядом конной стражи, которая быстро рассеяла толпу»[73]. После упорных попыток пробиться к Невскому проспекту небольшой колонне выборжцев и рабочих Петроградской стороны это удалось — на очень короткое время, и уж конечно не идет речи об «овладении» центром города. При максимальном допущении, рабочие-демонстранты, по Лейберову, «с четырех и до семи часов вечера» были «хозяевами положения в различных частях» Невского проспекта разновременно. Выборжцам довелось там демонстрировать в последнюю очередь и едва ли больше часа. «К семи часам вечера порядок на Невском проспекте, на Выборгской стороне и в других частях города был восстановлен».

Между тем путиловцы «приняли участие в демонстрациях в центральной части города». При разгоне 23 февраля 300–400 рабочих, двигавшихся с пением революционных песен со стороны Выборгского района («от Литейного моста по направлению к Невскому проспекту»), единственный конкретно названный задержанный полицией рабочий — А.А. Ядринцев с Путиловского завода. Ядринцев был схвачен «за демонстративный отказ расходиться», «за подстрекательство к уличным беспорядкам, клонящимся к нарушению государственного порядка»; он «ослушался приказа вернуться, завлекая других за собой»[74]. У Лейберова речь идет об «отдельных малочисленных группах», «не более нескольких десятков путиловской рабочей молодежи», но по каким признакам и источникам удалось установить именно такую численность путиловцев в тысячных толпах и колоннах, не сообщается. Выборжцы, сумевшие к 4 часам дня попасть на левый берег, либо проникали через полицейские наряды на мостах по одиночке, либо переходили «по льду р. Невы на большом ее протяжении» — не колоннами и не толпами, и лишь затем им «удалось сгруппироваться в боковых, прилегающих к набережной улицах»[75]. Даже в начале движения 23 февраля, еще в пределах Выборгского района, толпы рабочих с разных заводов перемешались так, что получилась «одна сплошная масса», в которой «рабочие отдельных заводов теряют связь между собой»; «какой завод — не разберешь — может быть, Металлический, может, Патронный или Розенкранц», и рабочие, «не видя знакомых лиц, не имея руководства, двигаются уже стихийно», «идут кто куда», — вспоминал участник событий[76]. Описание упорядоченного, в заводских колоннах, движения в воспоминаниях другого свидетеля, Свешникова, выглядит как позднейшее изображение того, чему следовало бы быть с точки зрения большевистского руководства; фактически же заводские колонны создавались только в начальный момент демонс-

[73] Там же.

[74] ГАРФ. Ф. 111. 1917 г. Д. 669. Л. 170об. Телефонные сообщения, принятые 23 февраля дежурным по Петроградскому охранному отделению; АКАЕМОВ Н.Ф. Указ. соч. С. IX; ШЛЯПНИКОВ А.Г. Семнадцатый год. М., 1924. Кн. 1. С. 65; БУРДЖАЛОВ Э.Н. Вторая русская революция. С. 129.

[75] АКАЕМОВ Н.Ф. Указ. соч. С. VII.

[76] МИЛЬЧИК И.И. За Николаевским шлагбаумом. С. 395; ЕГО ЖЕ. Февральские дни на Выборгской стороне.

трации. Заключение Лейберова, что пролетариат пригородов (значит, и Ижорского завода) «в движении участия еще не принял», остается неподтвержденным.

Стачки и локаут на Путиловском заводе и затем выступление работниц в «женский день» 23 февраля подтолкнули рабочих к открытой борьбе с правительством[77], которая послужила прологом крушения самодержавия. В самый же день 23-го существовало два «исходных потока февральских событий», «наряду с рабочими Выборгской стороны путиловцы шли в авангарде»; но оба потока слились воедино к 24 февраля[78]. «Весть о локауте на Путиловских заводах разнеслась по всему городу, вызывая всеобщее возмущение рабочих во всех районах», — свидетельствовал Шляпников. 24 февраля «стачки, митинги и демонстрации стали разливаться по всем районам. Выборгский район и Путиловский завод уже не были одиноки в борьбе с правительством»[79]. Очевидная противоречивость существующих в литературе истолкований взаимосвязи событий в Петрограде 22–23 февраля свидетельствует о необходимости критического пересмотра работы, проделанной с источниками.

Вопросы истории. 2005. № 10.

[77] ГЕНКИНА Э.Б. Февральский переворот // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 43; ПУШКАРЕВА И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 141–142; MANDEL D. Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime. London, 1983. P. 63.

[78] ЯКОВЛЕВ Я.А. Указ. соч. С. 83; ЛЕЙБЕРОВ И.П. Свержение царизма. Л., 1967. С. 30. К сожалению, до сих пор остается не освещенным поведение в те дни рабочих колпинского Ижорского завода. Глухое упоминание — в словах Керенского о «толпе из пригородов» 23 февраля на Невском проспекте.

[79] ШЛЯПНИКОВ А. Февральские дни в Петрограде // Пролетарская революция. 1923. № 1(13). С. 82–83.

ФЕВРАЛЬ: СТРАШНАЯ МАСОНСКАЯ ТАЙНА

Из следственных дел Н.В. Некрасова

Необходимость обнародования документов следствия 1939 г. по делу Н.В. Некрасова — как бы ни оценивались они в качестве источника — существует с 1974 г., когда КГБ СССР с сенсационным антуражем напечатал фрагменты показаний двух масонов, Н.В. Некрасова и Л.А. Велихова. Введение их в оборот составляло звено идеологической операции, нацеленной на укрепление мнимо-оппозиционной национал-коммунистической альтернативы диссидентству, пропагандировавшему демократические и общечеловеческие ценности.

По свидетельству непосредственного исполнителя данной акции, Н.Н. Яковлева[1] (оно вполне правдоподобно по сути, подтверждается самим характером использованных им документов КГБ — вплоть до оперативных, и никем не опровергалось; имеются и косвенные подтверждения), текст показаний Некрасова и прочие «масонские» материалы он получил из рук председателя КГБ Ю.В. Андропова и генерал-майора Ф.Д. Бобкова — тогдашнего заместителя начальника 5-го управления, ведавшего идеологическими спецоперациями КГБ, борьбой с диссидентством. Втолковывая смысл даваемого поручения, Андропов, по словам Яковлева, «многократно повторял мне (судя по четким формулировкам, он постоянно делал это многократно в другой обстановке)», что «извечная российская традиция — противостояние гражданского общества власти — в наши дни нарастает»; «объявились диссиденты», которые подрывают «политическую стабильность страны», и это при том, что «внутренние проблемы нашей страны» дают повод «для вмешательства Запада». Их мало судить — «слову нужно противопоставить слово». «Дело не в демократии, он [Андропов] первый стоит за нее, — передает Яковлев слова председателя КГБ, — а в том, что позывы к демократии неизбежно вели к развалу традиционного российского государства».

---

[1] ЯКОВЛЕВ Н. 1 августа 1914 [года]. Изд. 3-е. Дополненное. М., 1993. Приложение: О «1 августа 1914», исторической науке, Ю.В. Андропове и других. С. 288, 290–295, 298, 301, 312.

В качестве конкретного противника на этот раз рассматривался автор «Архипелага ГУЛАГ» (тогда еще рукописного) и «Августа 1914 года», где, с точки зрения КГБ, Россия была изображена слишком «безотрадно», недостаточно патриотично. Андропов «со смаком говорил об идеологии... настаивал, что нужно остановить сползание к анархии в делах духовных, ибо за ним [сползанием] неизбежны раздоры в делах государственных». Официальная идеология изжила себя (даже Бобкову, по наблюдению Яковлева, «обрыдла») и не выдерживала спора с диссидентами; требовались «книги должного направления» — помогающие борьбе с нынешними «нигилистами», «демократами» и «русофобами». Со своей стороны генерал Бобков преподал такие «основополагающие посылки: 1) не навязывать читателю своей точки зрения... 2) писать так, чтобы книги покупались, а не навязывались читателю». При этом Бобков «охотно делился своими пугающе-громадными познаниями» в области истории России накануне революции 1917 г., «в том числе о масонах», и «дружески» посоветовал Яковлеву «попробовать силы на этом поприще».

Появившаяся в результате в 1974 г. книга Яковлева «1 августа 1914» не содержала каких-либо действительно новых истолкований истории 1917 г. Он воспроизвел те трактовки роли масонов, которые распространялись в черносотенной, а затем эмигрантской литературе и были собраны вместе и привязаны к общеизвестным фактическим сведениям Дж. Катковым в его книге 1967 г. о Февральской революции; книги обоих авторов претендовали на сенсационность именно акцентированием масонских влияний. Свержение монархии изображалось Яковлевым как результат козней хитроумных вездесущих русофобов-масонов, задавшихся целью погубить великую могучую державу. К версии Каткова Яковлев добавил лишь, что масонским происками положили конец большевики, истинные русские патриоты, перехватившие инициативу и власть у масонского Временного правительства. «Меч революции поразил гадину в тот самый момент, когда она только-только становилась на ноги»[2].

Фантасмагории Каткова Яковлев подкреплял «документами». С загадочно-многозначительным видом он процитировал отрывки из записанных Некрасовым «в тридцатые годы» «рассказов» о прошлом, в полном виде известных лишь данному уникально осведомленному смелому исследователю, несравненному знатоку масонских тайн.

В целом проводимой операцией подавался сигнал к легализации ультранационалистической пропаганды: привычные официальные интернационалистские оценки революционных событий 1917 г. теряли монопольный статус и даже подменялись сугубо шовинистскими с камуфляжным коммунистическим налетом. Как и их исторические предшественники, новые, советские черносотенцы обвиняли во всех бедах России масонов, которые якобы служили орудием всемирного «жидо-масонского заговора»[3]. Низкопробная во всех отношениях работа Яковлева годилась толь-

[2] ЯКОВЛЕВ Н. 1 августа 1914 [года]. Изд. 2-е. М., 1974. С. 226.

[3] СЕРКОВ А.И. История русского масонства. СПб., 1997. С. 23. Ср.: ПОПОВ А.И. Попытка реанимации одиозных идей // Вопросы истории. 1989. № 2.

ко для того, чтобы произвести эффект идеологического шока; цель операции была бы достигнута только в том случае, если бы в разработку «подброшенной» версии включились менее сомнительные, чем Яковлев, как бы независимые авторы. И это в значительной мере удалось: «Среди части литераторов и историков вдруг вспыхнул острый интерес к русскому масонству начала XX в. ...Одна за другой стали выходить статьи и книги, в которых на все лады расписывалось могущество масонских организаций, коварство их замыслов и приемов, огромная отрицательная роль, которую они сыграли в ходе Февральской и Октябрьской революций»[4]. Однако не всякий историк, соприкоснувшийся со столь неожиданно взорвавшейся масонской темой, проявлял готовность идти по стопам Яковлева.

Существовало два препятствия. Многие сознавали, что обращение к ней чревато риском подыграть черносотенцам, антисемитам[5]. Что касается Яковлева, то он шествовал по грязи гордо, с удовольствием, демонстративно именуя И.И. Минца и Г.А. Арбатова (директора Института США и Канады, вынужденного держать «масоноведа» на службе) «Исааком и Абрашей», чтобы не оставалось сомнений насчет национальной принадлежности тех, кто совал ему палки в колеса. Но другие авторы оказывались перед определенным моральным выбором.

Имелась и иная, не менее серьезная причина сдержанности специалистов. Вся обстановка появления книги Яковлева и зримое присутствие в ней материалов КГБ породили в научных кругах убеждение в том, что масонскую проблему вызвало к жизни именно это учреждение, преследуя собственные цели, что и стало «главной причиной, отпугивающей исследователей от масонской проблемы»[6].

Мало кто из историков долго ломал голову, какого жанра повествования довелось писать и подписывать в тридцатые годы деятелям старого режима, сгинувшим в застенках НКВД. Например, Е.Д. Черменский, как не без досады отмечал позднее В.И. Старцев, «отказался даже обсуждать степень достоверности многочисленных доказательств, приведенных в книге Н.Н. Яковлева»[7]. Нелишне, однако, задаться вопросом: а кто позволил бы в 1976 г. Черменскому обсуждать степень достоверности протоколов допросов НКВД, опубликованных с оперативными целями Андроповым и Бобковым? В то время было по слухам известно (и Яковлев теперь это подтвердил), что Черменский в соавторстве с В.М. Шевыриным и В.И. Бовыкиным пытался-таки опубликовать разбор книги Яковлева в виде рецензии размером в печатный лист, предназначенной для «Вопросов истории КПСС». Рецензию сняли уже из сверки,

---

[4] АВРЕХ А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 11–12.

[5] Красноречивое «совпадение»: на обороте титульного листа 3-го изд. своей книги Яковлев объявил, что «часть средств от реализации тиража будет перечислена в фонд восстановления Храма Христа Спасителя». Выходящие в последние годы «труды» в том же стиле другого американиста-масоноведа, О.А. Платонова, издаются за счет того же фонда.

[6] От редакции // Из глубины времен. 1992. Вып. 1. С. 171–172.

[7] СТАРЦЕВ В.И. «Заговор буржуазии» перед Февралем 1917 года в новейшей советской исторической литературе // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 — февр. 1917 г.). Межвуз. сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 137.

«то есть, — торжествовал Яковлев, — схватили за считанные дни» до выхода в свет, «и подарили мне»[8]. Неудивительно, что Черменский в издававшейся одновременно монографии не взялся «серьезно рассматривать источники, на которые опираются сторонники противоположной точки зрения»[9].

Однако тому, кто уж очень соблазнился бы редкостными материалами, нарочитая неопределенность Яковлева в вопросе об их происхождении (цитировалось «просто» то, что Некрасов «рассказал» кому-то, неизвестно кому, в 30-е гг.) оставляла формальную возможность «не понять», с каким источником приходится иметь дело. Даже отнесшийся критически к работе Яковлева А.Я. Аврех придавал подсунутому Бобковым материалу «определенную научную ценность», видел в нем «реальный вклад в науку», считая, что «на этот раз Н. Яковлев имеет в своем распоряжении действительный, реальный козырь» («Недаром Некрасов в своих воспоминаниях...»; «Что же нам поведал Некрасов...»; «Названная Некрасовым цифра в 300–350 человек...»)[10].

Аврех смерил Яковлева по своей мерке и не задался вопросом, что же за козыри один за другим появляются из его рукава: «Яковлев приводит еще свидетельство кадета Л.А. Велихова, депутата IV Думы». Речь идет о той выдержке из допроса Велихова, которая подшита в следственном деле Некрасова. (Этим показанием Некрасов изобличался в том, что и после июля 1917 г. участвовал в кадетской деятельности.) Аврех так и остался при убеждении, что Яковлев «ввел в научный оборот еще один документ, за который мы должны ему быть признательны, хотя, к сожалению, он не датирован и неизвестно, что это такое — воспоминания, письмо или что-либо другое»[11]. Святая простота![12]

---

[8] ЯКОВЛЕВ Н. Указ. соч. (1993). С. 298.

[9] СТАРЦЕВ В.И. «Заговор буржуазии». С. 142.

[10] АВРЕХ А.Я. Указ. соч. С. 134, 193, 142, 184. И Л. Хасс, легко распознавший в этом материале «следственные показания», однако, нашел возможным сослаться на них как на некое «сообщение Н.В. Некрасова» (ХАСС Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 29, 31). Ряд авторов предпочитает брать те же показания не из первых, одиозных, рук Яковлева, а косвенно, ссылаясь на цитаты, приведенные Аврехом (БАСМАНОВ М.И., ГЕРАСИМЕНКО Г.А., ГУСЕВ К.В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 64).

[11] АВРЕХ А.Я. Указ. соч. С. 150–151. И А.И. Серков в недавней работе считает, что яковлевские источники, хотя и неизвестно, откуда они взялись, — результат «поиска новых свидетельств» о масонстве и принадлежат к числу «свидетельств», которые исследователю «позволяют восстановить жизнь» масонских сообществ (СЕРКОВ А.И. Указ. соч. С. 12).

[12] Точно так же Аврех излишне поторопился удостоверить «стопроцентную подлинность» документов, опубликованных в 1966 г. в английском журнале Б. Элькиным и полученных последним от какого-то «русского друга», вскоре якобы скончавшегося. Как показал разбор этих «источников», вопрос об их подлинности на деле настолько сложен, что уважающий свое ремесло историк «не имеет права использовать их» ни для чего, кроме «специальной научной экспертизы» (ОСТРОВСКИЙ А.В. Осторожно! Масоны! // Из глубины времен. 1996. Вып. 6. С. 172).

Характерно, что и Н.Н. Берберова, ознакомившись с теми же «документами», насторожилась, но моментально подавила в себе инстинктивное недоверие. Она знала, что НКВД уничтожал остатки недобитых ОГПУ небольшевистских деятелей, видела, что в цитированных Яковлевым отрывках «фамилии близких друзей Некрасова и его братьев по масонской ложе полны ошибок, которые Некрасов сделать не мог» — и не попыталась найти этому объяснение. Наткнувшись на примечание «слово неясно в документе», она как будто спохватилась: «В каком документе? И почему этот документ не описан?» Но, уже попавшись на «подброшенную» приманку, тут же сглаживает впечатление и, дав волю своей богатой фантазии, уходит от сути дела: «Читателю предложен кусок прошлого, и он не прочь узнать о нем побольше, даже если оно слегка искажено и приукрашено». Более того, ей показалось, что приводимые сведения о масонстве Яковлев получил путем личного общения с Некрасовым: «Автор встречал министра Временного правительства Н.В. Некрасова (имеется пример прямой речи героя)» — хотя Яковлев нигде не упоминает о встречах и разговорах с этим «масоном», да и не мог упоминать, зная, где он обретался в 1939 г., когда 12-летний Коля еще ходил в школу, а не к «друзьям» на Лубянку. «В конце 1930-х гг. он [Некрасов] исчез», — отмечает Берберова и продолжает: «Впрочем, небольшой след остался: он положил в архивы одну бумагу, где изложил кое-что о самом себе, о 1917 годе, о масонстве», и эту «бумагу» «"художественно" подал» «беллетрист» Яковлев[13].

Берберова еще и строит предположения, не говорил ли Некрасов Яковлеву «о каких-то своих записках, мемуарах и документах, не то где-то зарытых, не то им замурованных». Очень не хочется писательнице признаться самой себе, что загадка решается проще, — ведь тогда неловко будет использовать этот «источник», изготовленный сержантом госбезопасности, перевравшим фамилии всех этих «массонов» — «Колюбякиных», «Гогечкорий», «Чхенкелий».

Автор комментариев к русскому изданию книги Берберовой, отметив некоторые ее натяжки и ошибки, обходит молчанием явно неадекватное восприятие ею показаний Некрасова. По его оценке, «содержательная книга Берберовой не имеет себе равных и надолго останется необходимейшим первоисточником для всех историков», «книга Берберовой... остается первостепенным источником информации по истории XX века... Концепции видоизменяются... а факты остаются»[14]. Факты эти, однако, по компетентному заключению, таковы, что «нельзя говорить об ошибках и искажениях в работе, которая из них только и состоит»[15].

Показания Некрасова, труд Берберовой и «документы» Элькина заняли центральное место в источниковой базе народившегося советского масоноведения. Как решающий аргумент рассматривает показания Некрасова Старцев в своем споре с И.И. Минцем: Минц, как и Черменский, «игнорировал извлеченные из со-

[13] БЕРБЕРОВА Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. N. Y., 1986. С. 47, 265–266.

[14] КОРОСТЕЛЕВ О. Книга «Люди и ложи» и ее автор // БЕРБЕРОВА Н. Люди и ложи. Харьков; М., 1997. С. 387–388. Что ж, известно: и шило брест.

[15] СЕРКОВ А.И. Указ. соч. С. 43.

ветских архивов (так!) показания Н.В. Некрасова 20–30-х гг., воспроизведенные в книге Н.Н. Яковлева»[16]. То, что Старцев предпочел датировать сей источник не слишком определенно, 20–30-ми гг., можно понять, объяснить. Но все же Яковлев ясно (и верно) писал только о 30-х гг.: в более ранних показаниях Некрасов о масонстве якобы намеренно умалчивал. Особую ценность его показаний Старцев усматривает в том, что они «даны дважды в 20-е и 30-е гг. и совершенно независимо от зарубежных публикаций»[17]. Между тем и для утверждения о «независимости» показаний Некрасова от литературных и иных источников, имевшихся к тому времени в распоряжении следователей госбезопасности[18], также вовсе нет оснований.

«Я лично старался в своих высказываниях о масонах соблюдать осторожность и держаться в рамках известных и поддающихся проверке любого заинтересованного исследователя документов», — объясняет Старцев[19]. Подводя в 1987 г. итог своим занятиям масонской темой, он писал, что в процессе подготовки книги «Революция и власть» (1978 г. изд.) ему удалось подвергнуть «проверке по первоисточникам свидетельства ряда бывших русских масонов из организации "Верховный Совет народов России" 1911–1917 гг., часть которых была использована и Н.Н. Яковлевым»[20]. Значит ли это, что тогда, в 70-х гг., Старцев тоже ознакомился со следственным делом Некрасова и, стало быть, видел, что в этих документах тот принял на себя вину не только за «масонские» увлечения, но и за покушение на Ленина в январе 1918 г., и за участие в подрывной работе сфабрикованных ОГПУ, никогда в действительности не существовавших Трудовой крестьянской партии, Союзного бюро РСДРП (меньшевиков), и во вредительской организации Г.Г. Ягоды, орудовавшей на таких стройках социализма, как Беломорско-Балтийский канал, канал Москва–Волга? Без санкции Бобкова эти документы не могли быть предоставлены кому-либо хранителями архивов НКВД. В изданной в 1978 г. книге Старцева пути этой «проверки по

---

[16] СТАРЦЕВ В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 123. Речь идет о статье: МИНЦ И.И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4.

[17] СТАРЦЕВ В.И. Внутренняя политика Временного правительства. С. 122.

[18] Как стало теперь известно, еще ОГПУ в 20-е гг., а затем НКВД старательно собирали и создавали сами «масонские» материалы и начали какую-то крупную по масштабам организационную возню, что видно из документов, использованных О.Ф. Соловьевым и — совершенно некритически — В.С. Брачевым и «литератором Олегом Шишкиным» (СОЛОВЬЕВ О.Ф. Рец. на кн. О.А. Платонова и А.И. Серкова // Вопросы истории. 1998. № 9; БРАЧЕВ В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена. Первая треть XX в. СПб., 1997; ШИШКИН О. Пламенный человек // ВЕЛИДОВ А. Похождения террориста. М., 1998). Таинственный «русский друг» Элькина, предоставивший ему крайне сомнительные масонские «документы», изложил при этом такую версию их появления, которая не выдерживает критики. См.: ОСТРОВСКИЙ А.В. Указ. соч. С. 167 сл.

[19] СТАРЦЕВ В.И. Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 119.

[20] СТАРЦЕВ В.И. «Заговор буржуазии». С. 144.

первоисточникам» никак не разъяснены[21], дело свелось лишь к отсылке все к той же книге Яковлева, причем с устойчивой ошибкой относительно датировки показаний Некрасова о масонах, данных им якобы «дважды», в 20-е и 30-е гг. Дальше — больше. Теперь уже этот источник именуется «воспоминаниями»: Некрасов не любил сам писать мемуары, он «делился своими воспоминаниями лишь со следователями ГПУ и НКВД»[22].

И Старцев, и Берберова, и В. Пикуль, и многие другие заинтригованные авторы подчинились правилам игры, навязанным Бобковым; в чужом пиру приняли похмелье и споривше с ними Аврех, Минц, О.Ф. Соловьев. По сути, для успеха операции КГБ неважно было, кто из спорящих выглядит убедительнее, она развивалась по законам не науки, а пропаганды: чем больше шума поднимали спорящие, тем больше внимание общественности, изнывающей от казенной железобетонной пропаганды и склонной к вольномыслию, отвлекалось от жизненных коллизий, обсуждаемых в диссидентских кругах, в «должном направлении» — к масонской «проблеме», а тем самым она уже и решалась в определенном духе: русский патриот не может быть либералом, демократом, евреем, космополитом, пацифистом — словом, масоном. Опыт Авреха показывает, насколько обращение к вызвавшей шумиху теме провоцировало даже искушенного в работе с источниками автора на отход от рациональной научной методики, опыт же Черменского и его соавторов показывает, какие пределы «свободе научного поиска» устанавливал КГБ.

Использование таких источников, какими являются следственные материалы ОГПУ–НКВД, требует выработки особой методики их анализа. Едва ли в данном случае может быть эффективной та методика, которую предлагает Н.Н. Покровский, основываясь на опыте работы с материалами средневековых процессов и дознаний. «Для этого типа источников, — полагает он, — хорошо действует то общее источниковедческое правило», согласно которому «в глубоко тенденциозном источнике наиболее достоверны сведения, противоречащие основной тенденции этого документа, а наименее достоверны — совпадающие с ней»[23]. В нашем случае, однако, источник принципиально иного качества: в нем фиксируются не тенденциозно препарированные показания и свидетельства, а полностью сфабрикованные — в соответствии с заранее выработанным сценарием — измышления; тенденция не лежит на поверхности. Такие документы заговорят всерьез тогда, когда окажется доступным для исследования не только конечный результат костоломной работы, но и задачи, поставленные авторами инсценировки, когда архивы

---

[21] СТАРЦЕВ В.И. Революция и власть. М., 1978. С. 254. Точно так же до сих пор не опубликованы и данные его «источниковедческого, текстологического и графологического анализа» документов Элькина. По заявлению Старцева, этот анализ «подтверждает несомненную подлинность» их (см.: За кулисами видимой власти. М., 1983. С. 100; ср.: ОСТРОВСКИЙ А.В. Указ. соч. С. 166–167).

[22] КОЗЛОВА К.В., СТАРЦЕВ В.И. Николай Виссарионович Некрасов — радикальный политик (1905–1917 гг.) // Из глубины времен. 1996. Вып. 7. С. 80, 87.

[23] Споры вокруг судьбы академика С.Ф. Платонова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 145.

ОГПУ–НКВД откроются для нормальной исследовательской деятельности, не исключая материалов оперативного планирования, внутренней переписки, денежной отчетности и т. д.

Волей случая заглянуть в эту «кухню» ныне позволяет окно, проделанное самодовольными откровениями Яковлева, — и только потому, что появилась, наконец, возможность сопоставить их с использованными им «первоисточниками». Но этим не решается более общий вопрос: какую цель преследовали Ягода и Берия, фабрикуя для своих жертв «масонскую» легенду. Масштаб этой деятельности, судя по отрывочным данным, позволяет предполагать существование колоссальных заделов, причем в 1974 году Бобков пустил в ход лишь крохотную долю всего заготовленного ежовскими «масоноведами».

Публикуемые ниже материалы взяты из уголовных дел Н.В. Некрасова 1931 г. (дело № Н-7824, или т. 31 в составе делопроизводства по «Союзному бюро РСДРП») и 1939 г., в пяти томах, где подшиты (в томах 3-м и 4-м, являющемся делом ВЧК) также и материалы, относящиеся к аресту Некрасова в 1921 году. Часть документов уголовного дела № Р-45579 3-го управления ГУЛАГа (листы 278–442 тома 5-го) остается и теперь недоступной для изучения (эта часть досье опечатана). Не оказалось возможным ознакомиться также и с относящимися к Некрасову делом по надзорному производству № 13-215-97 и следственным делом № 102976 1-го отделения Секретно-политического отдела.

Писанные следователями протоколы допросов и собственноручно записанные показания 1939 г., как правило, соседствуют с машинописными авторизованными копиями. Отдавая при отборе для публикации приоритет материалам, содержащим показания по вопросу о «масонстве», мы не видели смысла воспроизводить десятки других протоколов с однообразными «свидетельствами» о вредительской деятельности Некрасова и его товарищей по несчастью на строительстве каналов в системе ГУЛАГа, об организации покушения на Ленина, связях с Троцким, тем более что подобные темы представлены и в материалах, отобранных для публикации.

К сожалению, почти все изъятые у Некрасова при аресте в 1939 г. материалы — 190 писем, записные книжки, фото — числятся в описи на уничтожение (т. 1, л. 13), для установления его вины они оказались излишними, все доказательства сводятся исключительно к признаниям и свидетельствам жертв НКВД.

Какие методы воздействия применялись к арестованным, ныне хорошо известно. Любопытный казус стоит отметить в одном случае: в томе 1-м подшиты протоколы допросов Некрасова 1939 г. (не публикуемые по указанным выше причинам), в которых зафиксировано точное время начала и окончания процедуры. Внимание привлекают два таких «подлинных документа». Один допрос, согласно этим «документам», продолжался якобы с 21.00 1 октября 1939 г. до 2.00 2 октября (т. 1, л. 192–202). Другой допрос того же Н.В. Некрасова, начатый в 23.40, по мистическому совпадению, того же 1 октября, закончился в 1.20 2 октября (л. 203–206об.). К сожалению, при реабилитации, поскольку Некрасов прошел ее без индивидуального нового изучения обстоятельств дела, видимо, не были исследованы другие особенные приемы «работы» следователей.

Текст воспроизводится применительно к правилам публикации исторических документов. В тех документах, отрывки из которых Яковлев опубликовал в трех изданиях своей книги «1 августа 1914», а также в своей «Книге для учителя» «Последняя война старой России» (М.: Просвещение, 1994), допущенные им неточности исправляются без оговорок. Публикацию подготовили доктор исторических наук В.В. Шелохаев и кандидат исторических наук В.В. Поликарпов. Редакция выражает признательность сотрудникам Центрального архива ФСБ за предоставленные для опубликования материалы и родственникам Н.В. Некрасова, давшим согласие на ознакомление с этими материалами.

Вопросы истории. 1998. № 11 12.

Рукопись, найденная на Петроградском фронте

Роль масонов в событиях предреволюционного времени и 1917 г. остается мало и плохо изученной. Сохраняет силу наблюдение, принадлежащее А.Я. Авреху: в большинстве масоноведы «используют только те публикации, которые работают на их концепцию. Свидетельства, противоречащие ей, просто игнорируются». Делать «то, что в исторической науке принято называть критикой источников», считается излишним[1]. А когда, в виде исключения, попытки в этом смысле предпринимаются, то приносят только плачевный результат. Обычно же анализ заменяется традиционными штампами: «признал позднее» такой-то «масон», «откровенно признал», «по мнению ряда историков» — таких, как Берберова, Яковлев... В литературе господствует абсолютно не отвечающая трагическому содержанию происходившего в России авантюрно-опереточная стилистика, привлекательная для любителей остросюжетной дешевки и удобная для пропаганды черносотенства.

Опубликование сфабрикованных НКВД показаний Некрасова не оставило равнодушными историков, занимающихся масонской темой. Ранее они удовлетворялись обрывками «воспоминаний», внедренными «в научный оборот» в 1974 г. Андроповым–Бобковым–Яковлевым. Теперь некоторые из них, не ведая сомнений, используют полную публикацию, хотя природа «известий» Некрасова вполне очевидна. Без такого рода источников масоноведение ныне уже не мыслит своего существования. Появились и возражения по поводу критических замечаний, высказанных в статье «Из следственных дел Н.В. Некрасова».

Выдвинут аргумент в пользу достоверности показаний Некрасова[2]. Не отрицая ложность их основного содержания (признания в антисоветской террористической

---

[1] АВРЕХ А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 68–69, 176.

[2] РОЗЕНТАЛЬ И.С. Масоны и попытки объединения политической оппозиции в России начала XX в. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 65.

и вредительской деятельности), И.С. Розенталь в то же время усматривает «познавательную ценность» протоколов в их «масонской части». То, что сообщил Некрасов на допросах, по мнению Розенталя, заслуживает доверия потому, что совпадает «со свидетельствами на ту же тему, достоверность которых вне сомнений». В том же смысле высказался В.И. Старцев: «Сопоставление каждого факта, упоминаемого Некрасовым, с аналогичными (?) материалами, опубликованными или хранящимися за рубежом, показывает полное соответствие. Это я и называю проверкой его показаний по первоисточникам».

Такая методика не выдерживает критики. Если сведения о масонах имеются в надежном (допустим) источнике и те же сведения — в источнике заведомо фальсифицированном, то «познавательную ценность» фальшивка от этого не приобретает. Выдвигается на очередь лишь вопрос, как достигнуто это совпадение, делающее фальшивку правдоподобной. Отсюда и дальнейший вопрос: какими материалами о масонстве располагало ОГПУ–НКВД.

Ложными представлениями в этом вопросе руководствовался В.И. Старцев. Утверждая независимость своих (и Л. Хеймсона) занятий масонской темой от интересов КГБ, отрицая здесь связь с яковлевской провокацией 1974 г., В.И. Старцев ссылался на хронологию: на поприще масонских исследований он сам явился еще за семь лет до 1974 г. (Хеймсон так даже за десять лет), а не по призыву КГБ. Но никто и не собирался подозревать Старцева, как и Хеймсона, в секретном сотрудничестве с КГБ. Другое дело, что успешное внедрение масонской темы в середине 1960-х гг. в американскую академическую литературу должно было вдохновить андроповское ведомство на проведение той идеологической спецоперации, к которой и были привлечены Яковлев и другие подобные масоноведы. Приведенные же Старцевым хронологические расчеты значения не имеют, поскольку не решают вопроса о приоритете. Принять их — значит думать, что до 1974 г. чекисты стояли в стороне, масонство их не интересовало.

Возьмем, к примеру, показание некоего «розенкрейцера» (А.В. Барченко), данное в 1937 г., о том, что Я.Г. Блюмкин (расстрелян 3 ноября 1929 г.), желая его запугать, сообщил — «истерично орал», по элегантному выражению «литератора Олега Шишкина», — «об их [сотрудников ОГПУ Г.И. Бокия и Я.С. Агранова] связях с масонами с дореволюционных времен»[3]. Иному масоноведу покажется, что «известие» об этих связях не лишено «познавательной ценности» (худо ли: Бокий, один из руководителей Октябрьского переворота, — то ли сам из масонов, то ли их сообщник). Объективный же смысл данного источника лишь в том, что в 1937 г. (не за семь и не за десять лет до провокации 1974 г.) на Лубянке, свойственными тому ведомству методами, вплотную занимались масонской проблемой. «ГПУ теперь особенно внимательно интересуется масонством и может пытаться искать

[3] См.: ВЕЛИДОВ А.С. Похождения террориста. Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. С. 255, 266. Приложение. Это показание Барченко о масонстве Бокия даже «подтверждается» вполне «аналогичным материалом», столь же надежным источником — показаниями самого Бокия на допросе в мае 1937 г. (см. АНДРЕЕВ А. Оккультист Страны Советов // БЕРЕЖКОВ В., АНДРЕЕВ А. Оккультисты Лубянки. М., 2006. С. 396).

непосредственные нити от прошлого к настоящему», — писал в январе 1931 г. Б.И. Николаевский М.А. Алданову[4]. Из материалов ОГПУ второй половины 20-х гг. следует, что Управление «особенно интересовалось заграничными связями российских масонов»[5]. При реабилитации в 1956 г. начальника 9-го управления НКВД Г.И. Бокия прокуратура нашла, что он «действительно занимался изучением структуры и идейных течений масонства»[6]. Как установлено французскими и отечественными специалистами, русское масонство в эмиграции в 1930-е гг. обслуживало разведку. Масонскую штаб-квартиру в Париже на улице Иветт они аттестуют как «центр шпионажа русской эмиграции... на советское посольство». Доклад, представленный одним из таких «масонов» на Лубянку в 1933 г., содержит «развернутые характеристики» 92 «братьев» вплоть до указания на их «чисто человеческие струны», на чем можно было бы сыграть при их последующей вербовке. Контакты с советскими агентами поддерживались и позднее и раньше; «органы» не раз проводили операции «по заманиванию масонских шефов в свои сети». В «агентах Коминтерна» состоял «метр венерабль» ложи «Великий Восток Италии». Масонов, проводивших свою конференцию в Брюсселе в 1935 г., агенты «советских кругов» уверили, что уже «приближается время, когда Россия созреет для масонской деятельности», и «братья» радовались этим попыткам контактов, устанавливавшихся «всегда по инициативе советских кругов»[7]. Груду материалов, предоставленных ФСБ и отражающих напряженную работу ОГПУ в 1920-е гг. с масонскими и иными подобными организациями, опубликовал (не умея, впрочем, использовать ее в исследовательских целях) В.С. Брачев; их дополняют материалы, изданные А.Л. Никитиным[8].

Все это лишает почвы утверждения, будто те или иные масонские материалы, хранящиеся за рубежом, в силу самого этого обстоятельства якобы делались «недоступными НКВД», а значит, могут служить независимым источником для анализа сведений о масонах, вписанных в показания Некрасова[9]. Анализ источников по этой линии — задача более сложная, чем иногда представляется. Факт, не оспоренный, но и не учитываемый Розенталем, заключается в том, что ОГПУ и НКВД разными способами энергично обзаводились «масонскими» материалами и сами их плодили. В 1937 г. формула обвинения: «создание масонской контрреволюционной террористической организации и шпионаж в пользу Англии» уже «звучала совершенно стандартно»[10] (вариант: «руководитель ленинградского отделения ордена розенк-

[4] НИКОЛАЕВСКИЙ Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 121.

[5] АНДРЕЕВ А. Указ. соч. С. 412

[6] СОЛОВЬЕВ О. Русские масоны. М., 2006. С. 397–400, 425.

[7] СОЛОВЬЕВ О.Ф. [Рец. на книги О.А. Платонова и А.И. Серкова] // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 158–159; ЕГО ЖЕ. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 146; ЕГО ЖЕ. Русские масоны. С. 397–400.

[8] НИКИТИН А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. М., 2000.

[9] РОЗЕНТАЛЬ И.С. Указ. соч. С. 52, 65; СТАРЦЕВ В.И. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 173–176; СОЛОВЬЕВ О.Ф. Русские масоны. С. 238.

[10] АНДРЕЕВ А. Указ. соч. С. 418, 420

рейцеров, связанного с заграничным центром масонской организации», плюс шпионаж в пользу Японии). До 1941 г. нацисты и Лубянка, состязаясь, делали в Берлине, Париже и Москве одно общее дело, а сформированная их усилиями коллекция материалов о масонстве досталась в конечном счете советским спецслужбам. Десятки лет спустя КГБ их эффективно использовал[11].

Нет никаких признаков осведомленности Розенталя относительно того, какими же материалами о масонстве в действительности «органы» владели (и какими — нет). Старцев, нужно отдать ему должное, попытался через Яковлева добраться до некрасовских свидетельств, но его ждало фиаско. «Я очень добивался встречи с Яковлевым после выхода в свет его книги, — вспоминал Старцев, — а когда встреча состоялась, то просил показать текст этих показаний. Он привел меня в кладовку, на полтора метра от пола набитую копиями разных документов, и сказал, что найти в этой куче нужные копии невозможно»[12]. Этим и закончилась археографическая экспедиция. У Старцева пропал интерес к критике источника, даже детального сопоставления «воспоминаний» Некрасова с доступными материалами Николаевского он не произвел, хотя в общей форме высказал убеждение в их совпадении.

Почему-то Розенталь считает, что в не удовлетворившей его статье «Из следственных дел Н.В. Некрасова» обязательно нужно было использовать «материалы, собранные в эмиграции Б.И. Николаевским» и опубликованные Старцевым в 1989–1990 гг. Старцев в той же связи проводил мысль, что отсутствие ссылок на этот его труд (действительно, только одна!) — признак вопиющего незнакомства с предметом; незнанием такого важнейшего источника и объясняется полное отрицание существования масонства — «попытки вновь представить масонство как нечто выдуманное и несуществующее». Но где же, кто делает такие попытки? Не слишком ли легкий избирается способ полемики, когда подменяют предмет обсуждения? Речь ведь шла о правомерности использования вполне конкретного источника сведений о масонах — показаний Некрасова. Здесь Родос! Какие именно известия в материалах Николаевского настолько существенны для подтверждения достоверности протоколов допросов, что заслуживают, по мнению Розенталя, обязательного упоминания? Отсылка к названной публикации Старцева in corpore, каким бы ценным ни считался в масоноведении этот материал, имеет, по сути, безадресный характер.

Возможно, оценка протоколов допросов плохо подытожена в статье «Из следственных дел Н.В. Некрасова», раз она вновь и вновь порождает впечатление об «огульном отрицании» этих документов как источника[13]. Подобное отрицание было бы неверно: это полезный источник, проливающий свет на занятия ОГПУ–НКВД в

---

[11] Понимание характера источника — показаний следователям НКВД — не устраняет соблазна. Х. Вада, например, упрекает Хасегаву за то, что тот не использовал материал Яковлева (показания Некрасова) и «не придал значения масонским связям». «Хотя этот человек [Яковлев] одиозный из-за связей с КГБ, эти показания были важными... Я поддерживаю концепцию Старцева» (ВАДА Х. Указ. соч. С. 46).

[12] СТАРЦЕВ В.И. Письмо в редакцию. С. 173.

[13] МАКУШИН А. Узловые проблемы истории российского либерализма // Исторические исследования в России. II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 358.

1920–1930-х гг. (разработка «масонства»). Но «познавательная ценность» того же источника для изучения самого масонства начала XX в. нуждалась бы в серьезном обосновании, а пока это не сделано — близка к нулю.

С масонскими источниками вечно какие-то тайны да недоразумения — вспомним, например, исчезнувшее интервью о масонах А.И. Гучкова[14], доживавшего свой век в Париже в окружении агентов советских спецслужб. Все прочие мемуарные записи Гучкова, по самым разным вопросам, сохранились, лишь именно эта куда-то запропастилась. Или, наоборот, загадочное обретение рукописи «Красной симфонии» доктора И. Ландовского с разоблачениями заговора «мировой иудейской закулисы». Опять, как у Элькина, приобретение от таинственного покойника: концы в воду![15] Прежде использования материалов Николаевского также следовало бы разрешить некоторые археографические вопросы, которые они вызывают.

«Подлинность всех этих документов не вызывает никаких сомнений», — уверял скептиков публикатор этих материалов, ознакомившись с ними в Колумбийском университете. Масонский устав «обследован и идентифицирован лично мною, интервью даны свободно и под условием их неопубликования». Со Старцевым соглашается Б. Витенберг: по его мнению, документы эти дают «вполне убедительные свидетельства»[16]. Другой специалист по масонам, О.Ф. Соловьев, однако, все же посеял сомнения. Его «настораживает... признание публикатора об использовании машинописных копий, не оригиналов». Тут «не спасает и ссылка его [Старцева] на то, что "машинописные копии, а потом и ксерокопии" якобы "фактически сохраняют весь внешний вид оригиналов". Как удалось произвести такое сличение публикатору, не видевшему подлинника, да еще умалчивающему о том, подписаны ли копии, какую имели правку и т. д., остается неизвестным»[17].

Все эти источниковедческие премудрости О.Ф. Соловьев ныне отбрасывает и, не вдаваясь в объяснения, становится на противоположную точку зрения. Теперь те же материалы Николаевского–Старцева уже не только не вызывают у него сомнений, наоборот, сами они годятся для того, чтобы подкрепить познавательную ценность показаний Некрасова. Но и без этого, по мнению О.Ф. Соловьева, поставить под сомнение протокол допроса — значит «походя бросить тень на безвинно расстрелянного» «видного отечественного деятеля Н.В. Некрасова»[18]. («Безвинно»? А ведь в том же протоколе он все признал? При этом «узник Некрасов ничего не выду-

---

[14] Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 140, примеч. 70 и 67, 131.

[15] ВИНОГРАДОВ А. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 451 сл.; БРАЧЕВ В.С. Масоны, мистики и богоискатели в России. XX век. СПб., 2003. С. 189–190; ЕГО ЖЕ. Чекисты против оккультистов. М., 2004. С. 147; ЛАНДОВСКИЙ И. Красная симфония. (Откровения троцкиста Раковского). Новосибирск, 2000.

[16] ВИТЕНБЕРГ Б. Между мистикой и политикой: российское масонство в начале XX века (обзор новых книг о русском масонстве) // НЛО. 2004. № 70. С. 388.

[17] СОЛОВЬЕВ О.Ф. Русское масонство. 1730–1917. М., 1993. С. 216.

[18] СОЛОВЬЕВ О. Русские масоны. С. 238. Впрочем, в другом месте О.Ф. Соловьев и сам оспаривает утверждения Некрасова в его показаниях (с. 264).

мывал» и никакого сценария не было, потому что «невежественные следователи не могли разработать» его?) Это веха в науке, неслыханная доселе, новейшая по духу современности, постановка вопроса!

Суть ранее высказанных соображений О.Ф. Соловьева все же сохраняет свою силу, в объективированном, так сказать, виде историографического факта, существующего, получается, теперь уже независимо от автора.

Критические указания Соловьева в отношении «материалов Николаевского» Старцев не принял во внимание. Но нельзя видеть в них мелочную придирку, памятуя, как Старцев выяснял у Яковлева достоверность «воспоминаний» Некрасова. А как исполнено им обещание обнародовать данные собственного «источниковедческого, текстологического и графологического анализа» документов Б. Элькина? Крохоборы (А.В. Островский в первую очередь [19]) привязались, не раз напомнили об этом обещании, и оно было исполнено Старцевым так: «Кстати, документы этой публикации (факсимильные копии!) подлинные. Это подтверждается наличием на них (все-таки: подлинники или копии? — *В. П.*) входящих штампов "Великого Востока Франции", типографскими формулярами списков, подписями Сеншоля и Буле».

Вот и вся текстология и графология. Да и к чему все это. Чекистская совесть разве позволила бы сфабриковать факсимильные копии, да еще с подписями двух «венераблей». К тому же не всегда приходилось подделывать оттиск печати: подлинной печатью ложи «Астрея» чекисты обзавелись еще в 1919 г. (отняли у С.П. Мельгунова)[20]. По поводу имеющихся в документах Элькина десятков несоответствий действительно независимым источникам, на что указал Островский, Старцев высказался столь же лаконично — что «наблюдения А.В. Островского относительно нахождения или отсутствия тех или иных людей в Москве в период составления списков... нисколько не опровергают подлинность этих делопроизводственных источников "Великого Востока Франции"».

Категоричность ответа не снимает проблему.

Во-первых, сомнения, высказанные Островским, не сводятся к составу списков «братьев», а относятся также и к особенностям формуляра делопроизводственных документов, к удостоверяющим их подлинность элементам, а также к происхождению. Все это оставлено Старцевым в стороне.

Во-вторых, и в списках Островский обратил внимание не только на путаницу с московскими адресами, но также на расхождения в указании дат и мест (Париж или Петербург?) приема ряда лиц в масоны, нелепости в обозначенных датах рождения; на ошибочно проставленную «подлинную» подпись одного лица (Баженов) вместо другого — однофамильца, с соответственно перепутанным указанием адреса. Скептику — повод подумать, что составитель списка (не сержант ли госбезопасности опять?) в спешке и небрежно списывал на типографский бланк сведения о Баженове из дореволюционного городского справочника. Сплошной перечень подобных «недоразумений», обнаруженных в документах Элькина, занимает у

[19] ОСТРОВСКИЙ А.В. Указ. соч. С. 167.

[20] МЕЛЬГУНОВ С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 199.

Островского девять страниц, и это вовсе не такие пустяки, какими они представлены в возражениях Старцева.

Подлинные тетради Николаевского отсутствуют в архиве Колумбийского университета. Старцев объяснял это предположением, что они, «видимо», «были проданы в 60-х гг.» Николаевским кому-то. Известно, однако, что какая-то часть бумаг Николаевского поступила в Москву еще до войны. Независимость же показаний Некрасова от тетрадей Николаевского или каких-либо «заграничных» материалов, сфабрикованных на Лубянке, — даже не гипотеза, а лишь произвольное допущение. Оно и останется в том же качестве до тех пор, пока не откроется возможность свободно работать с архивами этого ведомства и выяснится, чем оно располагало и какие ставило цели, запасаясь подобными «источниками». Упование на такую возможность в будущем, вопреки мнению Розенталя, не пессимизм в отношении источников, — скорее, неуемный оптимизм[21]. На нынешний день известно, что бывшие Центральный партийный архив и ЦГАОР (ныне РГАСПИ и ГАРФ) получили часть бумаг Николаевского из Оперативного архива госбезопасности (ЦГОА) «без указания источника» их поступления. При этом ЦГОА жертвовал в посторонние хранилища не огульно те или иные фонды, а лишь такой материал, какой, по заключению начальника архива, «не может быть использован для оперативно-чекистской работы»[22]. И поныне лишь отдельные документы такого рода Служба внешней разведки предоставляет отдельным исследователям[23].

Бесчисленные протоколы допросов, имеющих «масонскую часть», сочинены следователями по нехитрой схеме, воспроизводящей, в основе, образцовый шаблон наставления по тактике допроса: подследственный сначала все отрицает, пытается увести следствие от сути дела к пустякам. Но проницательный чекист выбирает нужный момент и, вооруженный знанием истинных обстоятельств (поскольку располагает признательными показаниями, уже полученными от других «братьев»), ловко припирает вражину к стене[24]: «Это неправда. Где в настоящее время находится имярек?» («брат» допрашиваемого). Застигнутому врасплох незадачливому «масону» ничего не остается, как пролепетать: да, его «брат» и сообщник был расстрелян как английский шпион. «Я признаю, что мне были известны факты, указывающие на шпионскую деятельность "брата"». От следствия, видно, ничего не скроешь, деваться некуда, надо сознаваться и дальше: «Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа». Итог: умелой тактикой допроса следователь

---

[21] А до тех пор, пока новые возможности не откроются, действительно, «вряд ли можно рассчитывать на что-то большее, чем незначительное уточнение масонских списков», а оно «дает не очень много» «для изучения собственно масонской деятельности» (ВИТЕНБЕРГ Б. Указ. соч. С. 388).

[22] ГРИМСТЕД П.К. Дважды захваченные или «дважды спасенные»? Розыск российских «трофейных» архивов и добычи Главного управления имперской безопасности // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 430–431.

[23] См. СОЛОВЬЕВ О. Русские масоны. С. 400.

[24] БЕРЕЖКОВ В., АНДРЕЕВ А. Указ. соч. С. 90–91, 478.

вынудил сознаться еще одного упорного и хитрого врага, а меры «физического воздействия» — это уже не вопрос тактики, это регулируется инструкцией и в протокол не попадает.

От утверждения о недоступности для НКВД тетрадей Николаевского Розенталь переходит к попытке провести собственный анализ показаний Некрасова, сводящийся на практике к авторским предположениям о смысле действий «ежовских масоноведов». И вот, оказывается, как «легко заметить» (конечно! вот же протокол!), на допросе Некрасов проявил такую исключительную стойкость, выносливость (или Ландовский отдыхал в отпуску?), что «не выполнил требование следователя» и не выдал чекистам страшные масонские тайны. Но в то же время следствие, по мнению Розенталя, получило «достаточное количество (достаточное для чего — не сказано. — *В. П.*) вырванных пытками "*признаний*" Некрасова». Из этого Розенталь заключает, что как по одной причине (Некрасов не рассказал), так и по другой (рассказал «достаточно») «масонская *легенда* не была использована в 1939 г. в качестве обвинительного материала».

Если «масонская часть» показаний Некрасова — легенда, выдумки; если его «признания» заслуживают красноречивых кавычек, то против чего же спор?

Если такова устоявшаяся — и рекомендуемая в кругу части специалистов — «традиционная» методика критики источника, то перед нами наглядное свидетельство незавидного, вопреки самооценкам, состояния масоноведения. Трудно ожидать, что ему удастся преодолеть собственную пристрастность, побуждающую злоупотреблять источниками темного происхождения и более чем сомнительного качества.

Масоноведы, как правило, избегают выяснять те недоразумения, которые обнаруживаются в подобных источниках, порождая недоверие к ним, и повторяют, вместо аргументов, нечто вроде заклинания: примите на веру этот источник, «в точности которого нет оснований сомневаться». Например, М.В. Назаров из тетрадей Николаевского (запись беседы с А.Я. Гальперном) «узнал» о масонстве А.В. Карташева (Гальперн-де представил его как одного из «руководящих деятелей Верховного Совета»[25]). Когда же Назаров в последующем встретил опровержение этих сведений самим Карташевым, то ему показалось «странным» не указание Гальперна, а заявление Карташева: «Я масоном не был и не буду, как человек сознательно отдавший свою волю церковной дисциплине и не могущий вместить какого-то духовного двоеподданства». Объясняя эту «странность», Назаров в духе Берберовой строит предположения, противоречащие одно другому: либо Карташев к этому времени «отошел от масонства», либо просто вводил в заблуждение и пытался «отмежеваться» от «думского» масонства, используя некие «формальные моменты», какие-то «внутримасонские проблемы», которые, опять же, «вряд ли можно считать существенными для нашей темы»[26], т. е. и тут — предположения, загадки, намеки, понятные только посвященным в сугубые тайны «настойчивой работы масонов и евреев».

---

[25] См.: История СССР. 1990. № 1. С. 149, 142.

[26] См.: НАЗАРОВ М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. С. 130, 131.

Спор масоноведением решается в пользу Гальперна: это «достоверное свидетельство», оно к тому же «частично подтверждено менее полным» — но не менее надежным! — «свидетельством Н.С. Чхеидзе» в тех же копиях тетрадей Николаевского; так считает патриарх масоноведения, изучавший этот источник на протяжении 50 с лишним лет[27].

Для разоблачения заговора «мировой иудейской закулисы» пользуется популярностью в «патриотических» кругах и такой «документ», как протокол допроса Х.Г. Раковского 26 января 1938 г. Его используют по тексту, приведенному в «Красной симфонии» — сочинении, опубликованном от имени «доктора Ландовского», якобы служившего с 1936 г. в токсикологической лаборатории НКВД. (Рукопись «Красной симфонии» будто бы была обнаружена «на трупе» Ландовского где-то «на Петроградском фронте» второй мировой войны.) Показания о своем участии во всемирном масонском заговоре Раковский дал, как сообщается в «Красной симфонии» от лица Ландовского, под воздействием наркотического средства, незаметно введенного ему самим этим «доктором». У «Ландовского» не без основания вся описанная процедура именуется «пыткой». Масоноведов определенного сорта («группа русских ученых патриотов» во главе с генералом спецслужбы) такая подробность не озадачивает, в их глазах «познавательная ценность» «документа» оттого едва ли не возрастает. Да, собственно, с точки зрения этого генерала и не видна разница между допросом-пыткой и «непринужденно» проходившим «разговором»: ведь была «закуска и выпивка», «обстановка была создана уютная», а пилюля в рюмку — это лишь средство, «возбуждающее энергию и поддерживающее бодрое настроение»[28].

Порочное происхождение «Красной симфонии», задуманной как подтверждение «Протоколов Сионских мудрецов», очевидно. Единственное в этой фашизоидной легенде похожее на конкретный факт обстоятельство — личность «доктора И. Ландовского», поскольку указаны место, время его службы в таком ведомстве, где о людях должно быть все известно. Таким образом, хотя бы этот факт поддается объективной проверке. Редакция журнала «Вопросы истории» и обратилась в компетентное ведомство с просьбой дать возможность «проверить некоторые фактические сведения» о Раковском, «появившиеся в печати за последние годы». Требовалось установить, «достоверны ли сведения о том, что с 1936 г. в НКВД работал некто И. Ландовский, медик и химик (фармацевт) по профессии, участвовавший в подготовке допроса Х.Г. Раковского 26 января 1938 г.»; «если да, то что известно о судьбе этого Ландовского». В ответном письме ведомство исчерпывающе прояснило вопрос: «Какими-либо сведениями о И. Ландовском Центральный архив ФСБ России не располагает».

Биограф Раковского М.Г. Станчев получил возможность ознакомиться со следственным делом своего героя. Протокола, напечатанного в «Красной симфонии», в

---

[27] ХЕЙМСОН Л. Проблема социальной стабильности в городской России 1905–1914 гг. // Между двух революций. 1905–1917. СПб., 2005. С. 156. Авторизованный перевод статьи 1964/1965 гг. из «Slavic Review».

[28] ЛАНДОВСКИЙ И. Красная симфония. (Откровения троцкиста Раковского). Новосибирск, 2000. С. 5, 6.

нем, разумеется, не оказалось. Зато есть два других протокола, имеющих свою «масонскую часть». При очной ставке Раковского с К.К. Юреневым, проведенной в присутствии Н.И. Ежова 22 сентября 1937 г., Раковский, подобно Некрасову и Бокию, рассказывал о своей и Юренева преступной деятельности: об участии в «троцкистско-пораженческом течении», в работе на английскую разведку, в подрыве обороноспособности СССР путем ослабления борьбы с распространением венерических заболеваний (по заданию японцев) и пр. Заодно он «вспомнил» еще и о том, что якобы видел письмо Юренева Пятакову, в котором Троцкий именовался «венераблем», а Пятаков — «мастером», и пояснил: «Это клички, обычно применяемые в масонских ложах... "Венерабль" — это старшина ложи, "мастер" — это первый ранг, а потом идут братья». (ЮРЕНЕВ: «В сознании не умещается этот своеобразный бред»; «Это просто бред сумасшедшего»; «Письма не было, покажите мне его...») Между тем Раковский ранее, 8 сентября, не имея перед собой Юренева, привел те же сведения (в собственноручно написанном показании) и, ссылаясь на то же письмо, где Троцкий якобы именовался «венераблем», на этот раз произвел в «мастера» не Пятакова, а самого Юренева: из письма «я узнал, что подпольная кличка Юренева, под которой он известен Пятакову, "мастер"». Следователь, проводивший очную ставку, не исправил показания Раковского. В результате — еще одна непостижимая масонская тайна: то ли сержант снова напутал, кто «мастер» — Пятаков или Юренев, то ли сам «железный нарком» запасался, как умел, «уликами» на любые возможные варианты сценария о всемирном масонском заговоре[29]. Так что, кому — «бред сумасшедшего», а кому — «познавательная ценность». По словам первого заместителя Ежова М.П. Фриновского, на допросах и очных ставках «очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные». Ежов и Фриновский «поощряли» такую практику[30]. Сопоставление двух показаний Раковского о «мастере» Юреневе/Пятакове обнаруживает образчик подобного литературного творчества. «Познавательную ценность» придает протоколам как раз то, что и является «показаниями следователя».

Читая показания «брата» Бокия, масоновед не слишком затрудняется в оценке источника: «Хотя мы хорошо знаем цену подобных признаний, все же в показаниях Бокия наряду с явным самооговором можно найти и немало достоверных сведений»[31]. Действительно, ведь нет оснований считать познавательную ценность «масонской части» показаний Раковского или Бокия меньшей, чем «масонской части» показаний Некрасова. Фальшивка, конечно, ясно как божий день, но местами чудо как достоверно выглядит!

«Академическое», так сказать, масоноведение мало заботится о чистоте ремесла, отчасти, видимо, потому, что тогда пришлось бы отказаться от существенных элементов собственной источниковой базы. Думается, что еще одна из причин его

---

[29] См. СТАНЧЕВ М.Г. Христиан Раковский в застенках НКВД // Bulgarian Historical Review. 2005. № 1–2. P. 222; № 3–4. P. 167, 169.

[30] ВИКТОРОВ Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 229–230.

[31] АНДРЕЕВ А. Указ. соч. С. 396.

изначального кризиса заключается в узком определении самого изучаемого предмета. Идя по «масонскому следу», историк нередко смотрит на «братьев» через призму их собственных специфических представлений, и на первый план выступают маргинальные детали, никак не влиявшие на ход грандиозных событий[32], маниловские увлечения (вот бы навести мосты сотрудничества между враждующими группировками!), простительные, может быть, в благополучные времена в процветающей стране. Мельгунов, который «объединению оппозиции очень всегда сочувствовал», считал увлечения «отжившими формами масонства» — «смешными и ненужными вещами»[33]. К чести некоторых из видных фигур, в свое время приобщившихся к столь «пошлому... предприятию», мистические грани их политических биографий позднее порождали у них чувство «неловкости и даже некоторого стыда перед своей публикой»[34], — отметил Аврех.

Серьезная же сторона «масонской проблемы» — в меру ее реальности — обращена к состоянию российской политической культуры. На этом материале раскрывается истинный калибр многих деятелей, столпившихся на авансцене общественной жизни и не знавших, как с пользой употребить свои дарования. О времяпрепровождении на заседаниях лож мало что конкретно известно. Как свидетельствует один из немногих источников, проливающих на эту важную сторону вопроса свет, «братья» при встрече старательно избегали обсуждения «внутреннего положения» и «настроения трудового народа», что могло вызвать разлад в их среде, но зато с упоением делили Европу — Константинополь, проливы. Таким способом они «получали ощущение причастности к высокой политике, не выходя из помещения собраний ложи»[35]. Не находя в себе воли и разума сосредоточить усилия на насущных задачах, они растрачивали иссякающий запас времени на политическое столоверчение[36]. Масштабу исторического действа, в котором им довелось играть роль, не отвечали их интеллектуальные и моральные ресурсы.

То, что в исторической литературе, в согласии со стандартами политологии, именуется элитой русского общества, в Феврале держало экзамен на такое звание. Как оказалось, эти деятели не уловили появления «предпосылок стихийных революционных выступлений рабочих и солдатских масс Петрограда» и вообще пребывали в плену «совокупности мифов», «неадекватно представляли истоки революции и реальную степень ее “созревания”»; эта «элита» и в дальнейшем оказалась

---

[32] В 1917 г. масонство на ход событий «не оказывало никакого влияния» (РОЗЕНТАЛЬ И.С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С. 188).

[33] МЕЛЬГУНОВ С.П. Указ. соч. С. 198.

[34] АВРЕХ А.Я. Указ. соч. С. 190.

[35] См.: СОКОЛОВ А.В. Еще раз о Великом Востоке народов России // Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 110, 114.

[36] Витенберг обращает внимание на перспективность «изучения феномена масонства в связи с общей психологической атмосферой эпохи... с характерными для нее мистическими и оккультными настроениями» (ВИТЕНБЕРГ Б. Указ. соч. С. 388–389).

неспособной выполнить свою функцию[37]. Для нее было характерно «общее непонимание» жизненных интересов России, народа[38]. В морально-политическом смысле действительной элитой, понимающей ход событий и сознающей интерес своего народа, выглядит, скорее, та анонимная общественная группа, которая, не посещая ни Яхт-клуба, ни Национального клуба, ни масонских лож, ни даже думских заседаний, была занята тяжелым и необходимым повседневным трудом. Ее представители 22 февраля пытались подать сигнал партийным вождям, претендовавшим на руководство страной, но те не поняли, с кем имеют дело, и, к сожалению для историков, даже не сохранили в памяти имен «вестников грядущей революции».

[37] АРХИПОВ И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917 [года]: Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 320, 331.

[38] ГАЙДА Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 378–380, 352.

Список сокращений

а.о.	— акционерное общество
АОН	— Академия общественных наук при ЦК КПСС
ВДММ	— Всеподданнейший доклад по Морскому министерству
вел. кн.	— великий князь
ВОГК	— Всеподданнейший отчет государственного контролера
ВОММ	— Всеподданнейший отчет по Морскому министерству
ВПР	— История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы. Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). М., 2004. Т. 1
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАУ	— Главное артиллерийское управление Военного министерства
ГВТУ	— Главное военно-техническое управление Военного министерства
ГУГШ	— Главное управление Генерального штаба
ДБК IV/5	— Доклады Бюджетной комиссии Государственной думы (Созыв IV/Сессия 5-я)
ЖОСО 1915	— Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год. М., 1975
ЖОСО 1916	— Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 год. М., 1977
ЖОСО 1917	— Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 год. М., 1978
ИМЛ	— Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
МГШ	— Морской генеральный штаб
МКНП	— Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. Л., 1973
МПС	— Министерство путей сообщения
МТК	— Морской технический комитет

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОЖСМ 1908 — Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. М., 1988

ОЖСМ 1909 — Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 год. М., 2000

ОЖСМ 1910 — Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 год. М., 2001

ОЖСМ 1911 — Особые журналы Совета министров Российской империи. 1911 год. М., 2002

ОЖСМ 1912 — Особые журналы Совета министров Российской империи. 1912 год. М., 2004

ОЖСМ 1913 — Особые журналы Совета министров Российской империи. 1913 год. М., 2005

ОЖСМ 1914 — Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006

ОЗГД — Объяснительная записка по смете Горного департамента

ГАУ 1.I.1900 / ВС 2.II.1900 — Представление (доклад) ГАУ в Военный совет от 1 января 1900 г., утвержденное Военным советом 2 февраля 1900 г.

Прил. — Приложение

ПЦР — Падение царского режима: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1926. Т. 1–7

РАОАЗ — Русское акционерное общество артиллерийских заводов

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

РГИА — Российский государственный исторический архив

СГО — Совет государственной обороны

СОГД III/2 — Государственная дума (Созыв III/Сессия 2-я). Стенографические отчеты

Стеногр. — Стенограмма

СУ — Собрание узаконений и распоряжений правительства

ТАОН — Тяжелая артиллерия особого назначения

Упарт — Управление полевого генерал-инспектора артиллерии

Утв. — Утвержден

ЦВПК — Центральный военно-промышленный комитет

Jhrb.f.GO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas

Именной указатель

Авдюков И.В. — 453, 454
Авелан Ф.К. — 269
Аврех А.Я. — 84, 106, 110, 111, 127, 515, 516, 519, 522, 532
Агранов Я.С. — 523
Адамов В.В. — 88, 99, 102, 110, 120, 122, 130, 189, 217, 240, 242, 265, 397
Адамович А.М. — 455
Аджемов М.С. — 313, 438, 477, 478
Акаемов Н.Ф. — 498, 504, 508
Аксютин Ю.В. — 502
Алданов М.А. — 524
Александр II — 485
Александр Михайлович, вел. кн. — 274
Александра Федоровна, имп. — 334
Александров А.А. — 255
Александров В.Я. — 349
Алексеев (Брут) В.А. — 223, 274, 285
Алексеев Е.А. — 247
Алексеев М.В. — 314, 447
Алексей Александрович, вел. кн. — 267–269, 279
Ананьич Б.В. — 174, 370
Андреев А.И. — 523, 524, 528, 531
Андреев В.Я. — 457
Андреева Н.А. — 33
Андреевский В.М. — 247
Андрей Владимирович, вел. кн. — 385
Андроников М.М. — 364–366
Андропов Ю.В. — 103, 115, 513–515, 522
Антонов Н.Р. — 179
Анфимов А.М. — 18, 24–27, 38, 84, 101, 102, 240
Арандаренко В.И. — 355
Арбатов Г.А. — 515
Арутюнов Г.А. — 120
Архипов И.Л. —533
Астафьев И.И. — 285
Астрахан Х.М. — 496, 506
Афанасьев Ю.Н. — 36, 115
Ашурков В.Н. — 188, 218
А-Ч С. — 225

Бабичев Д.С. — 184
Бабушкин М.Ф. — 451–462
Бабянский А.Ф. — 261
Баженов Н.Н. — 527
Балабанов М.С. — 477, 507
Балинский П.И. — 345, 355, 360, 361, 366, 371, 374, 382, 386, 387
Балк А.П. — 498, 503, 507

Барк П.Л. — 56, 63, 64, 75, 76, 178, 296, 299, 300, 302, 337, 339, 357, 383, 384, 412, 417, 421, 422, 429
Баркер Ф. (Barker F.) — 374, 378
Барсуков Е.З. — 170, 185–187, 192, 214, 292–294, 313–316, 334, 338, 341
Барченко А.В. — 523
Басилая Ш.И. — 201
Басманов М.И. — 516
Басов Н.П. — 180, 183, 377
Башкиров В.Г. — 57
Безносов, ратник — 458
Беляев М.А. — 180, 208, 379, 381, 425, 447
Беляев С.Г. — 56, 178, 299, 300, 337, 370
Бенкендорф А.К. — 289
Берберова Н.Н. — 310, 494, 517, 519, 522, 529
Бережков В.И. — 523, 528
Берия Л.П. — 520
Берлин П.А. — 363
Бескровный Л.Г. — 129, 155, 161, 175, 191, 192
Бехтеев С.С. — 247
Бирилев А.А. — 270, 272–276, 278, 283
Битков А.А. — 384
Бишлягер Л.А. — 431
Блинов Н.В. — 103
Блюмкин Я.Г. — 523
Бобков Ф.Д. — 103, 115, 513–516, 518–520, 522
Бобринский В.А. — 353, 360, 390
Бобышев С.В. — 504
Бовыкин В.И. — 12–33, 35–39, 43–45, 47–49, 72, 73, 76, 81–83, 88, 89, 95, 96, 98, 101, 102, 106, 107, 109–113, 116, 129–131, 134, 136–140, 146, 148, 149, 152–154, 188, 195, 200, 208, 217, 218, 264, 354–357, 409, 515
Богородский С.А. — 364
Богословский П. — 479
Бод К. (Beaud C.) — 356, 406
Бокарев Ю.П. — 34, 195
Бокий Г.И. — 523, 524, 531
Боклевский П.П. — 231–235, 243, 246, 261
Бонапарт Л. — 312
Бонвеч Б. (Bonwetsch B.) — 35, 79, 84, 104, 439, 446, 495
Бордель фон Борделиус С.Е. — 450
Бородин А.П. — 248
Бострем И.Ф. — 274
Боханов А.Н. — 171, 363
Брачев В.С. — 311, 494, 518, 524, 526
Брежнев Л.И. — 49, 400
Брейтерман А.Д. — 195
Бриан А. (Briand A.) — 446, 447
Бриан Э. (Brian E.) — 500–503
Бринк А.Ф. — 349, 371, 406, 431
Брусилов Л.А. — 279
Брут — см. Алексеев В.А.
Брюн Ж. (Brun J.) — 279
Бубликов А.А. — 475
Бубнов А.Д. — 289
Бубнов М.В. — 367
Буганов В.И. — 129
Булатов В.В. — 188, 347, 353, 355, 358–361, 373–375, 389, 392, 394–396
Буле Ж. (Bouley Georges) — 527
Бунге Н.Х. — 230
Бурджалов Э.Н. — 490, 496, 498, 503, 506, 508
Бурьянов А.Ф. — 473
Бьюкенен Дж. (Buchanan G.W.) — 366, 395
Бык Ванька — 450
Быстрых Ф.П. — 131

Ваганов Ф.М. — 13
Вада Харуки — 113, 501, 502, 525
Вайнштейн А.Л. — 194, 199, 204
Вальтер Л.В. — 229
Ванаг Н.Н. — 48, 83, 85, 90, 92, 102, 204
Ванков С.Н. — 57, 426
Варга Е.С. — 23, 80, 81
Варзар В.Е. — 195–197, 202, 203
Варун-Секрет С.Т. — 367, 464–466, 473
Васильев А.В. — 178, 179, 219, 220, 231
Васильев А.Т. — 98
Васильев Б.Н. — 194, 195
Васильчиков И.С. — 312
Васильчикова Л.Л. — 311–313
Васюков В.С. — 110, 128, 129
Васюхнов Л.К. — 207
Вексельман М.И. — 75
Велидов А.С. — 518, 523
Велихов Л.А. — 513, 516
Венедиктов А.В. — 57, 66
Вернадский В.И. — 269
Вернандер А.П. — 212, 213, 377, 379, 381
Виккерс А. (Vickers A.) — 366
Викторов Б.А. — 531
Викторов И. — 83
Вильсон Х. (Wilson H.W.) — 289, 290
Виноградов А.Е. — 526
Виноградов С.Е. — 189
Витенберг Б.М. — 526, 528, 532
Витте С.Ю. — 23, 58, 109, 176, 180, 220, 281, 402
Воеводский С.А. — 368
Волин М.С. — 119, 121, 125, 127, 130
Волков Н.К. — 313, 494
Волобуев П.В. — 16–19, 36, 39, 42, 43, 50, 53, 66, 74, 78, 81, 82, 84, 102, 104, 106, 110, 112, 119, 121–123, 130, 188, 396, 484
Вормс А.Э. — 347, 348
Воробьев Н.Я. — 195, 200
Воронкова С.В. — 188, 195, 205, 210–212, 217, 292, 293, 338
Воронцов В.П. — 165
Второв Н.А. — 53, 443
Вышнеградский А.И. — 191, 371
Вышнеградский И.А. — 178, 401
Вяземский Д.Л. — 312
Вяземский Л.Д. — 247
Вяткин М.П. — 188, 218, 227, 234–237, 242, 245, 248, 254, 259–261, 263, 349, 352, 484

Гаврилов Д.В. — 218, 219, 254, 263
Гагарин А.Г. — 427, 428, 433, 440, 449
Гайда Ф.А. — 533
Гайер Д. (Geyer D.) — 35, 109, 282
Галилей Г. — 38
Галили З. (Galili Z.) — 495, 504
Галлямова Л.И. — 198, 203
Галузо П.Г. — 79
Гальперн А.Я. — 529, 530
Ганелин Р.Ш. — 12, 35, 64, 109, 111, 267, 486, 500, 501, 503, 505, 507
Гапоненко Л.С. — 203
Гараничев В.А. — 488
Гарафутдинов Р.А. — 339
Гардинг Ч. (Хардинг) (Hardinge Ch.) — 288
Гарин Н.П. — 56, 293, 421, 479, 484
Гафуров Б.Г. — 46, 118
Гвоздев К.А. — 425, 435
Гегечкори Е.П. — 517
Гекшер Э. (Heckscher E.F.) — 159
Генкина Э.Б. — 509
Герасименко Г.А. — 516
Гербылева Н.П. — 427
Гермониус Э.К. — 235
Гефтер М.Я. — 42, 67, 84, 85, 103, 114, 228, 229, 236, 254

Гиндин И.Ф. — 12, 18, 19, 21–23, 43–45, 51, 52, 55, 58, 72, 73, 75, 79, 84, 85, 87, 89–100, 103–107, 109, 110, 176, 188, 189, 218, 238, 240, 263, 291, 397, 401, 402, 405, 406, 409, 434
Гиндин С.И. — 109
Гладков И.А. — 23
Глебов Б.Д. — 441
Глобачев К.И. — 484, 490, 503
Голеевский Н.Л. — 183
Голиков А.Г. — 74, 395, 396
Голицын Ю.П. — 65
Головин К.Ф. — 247
Голуб П.А. — 105, 119–121, 131, 145, 154
Горбачев М.С. — 49
Горбов А.И. — 169
Гордон М.Я. — 203
Горемыкин И.Л. — 247, 378, 379
Городецкий Е.Н. — 43, 120
Городецкий К.И. — 455
Горшков А.П. — 451–458, 462
Горький М. — 499, 505
Горюшкин Л.М. — 25, 134, 154
Грант Дж. (Grant J.) — 399–417, 420–423
Грей Э. (Grey E.) — 288, 366
Григелевич А., рабочий — 490
Григорович И.К. — 345, 350, 357, 363, 367–373, 390, 391, 393, 394, 428–430
Григорович М.Н. — 370
Гримстед П.К. (Grimsted P.K.) — 528
Гриневецкий В.И. — 480, 481
Гурко Вас. Иос. — 281
Гурко Вл. Иос. — 247, 438, 439, 476
Гусев К.В. — 155, 516
Гутнова Е.В. — 79
Гутчинсон В. — 394
Гучков А.И. — 234, 280, 281, 340, 341, 390, 411, 526
Гучков Н.И. — 443
Гэтрел П. (Gatrell P.) — 113, 159, 161, 163, 190, 200, 235, 282

Давыдов В.Ф. — 214
Даниельсон Н.Ф. — 134
Данилов А.И. — 13
Данилов В.П. — 105
Данилов Е.А. — 213
Данилов Н.А. — 222
Данилов Петр — 504
Данилов Ю.Н. — 312
Данилова Л.В. — 84, 103, 105, 110
Делькассе Т. (Delcassé Th.) — 354
Деренковский Г.М. — 125, 127, 130
Джеффри А. — 394
Дзержинский Ф.Э. — 192
Диков И.М. — 274, 276
Дитмар Н.Ф. фон — 478
Дмитриев А.В. — 357
Дмитриев В.В. — 361
Дмитриев Н.И. — 369
Дмитрюков И.И. — 229
Добромыслов, ротмистр — 456, 458
Добровольский А.А. — 418, 422, 477
Драшусов В.Н. — 247
Дрейер А.К. фон — 431, 433
Дробижев В.З. — 484
Дроздов Н.Ф. — 389, 412, 426, 440, 442
Дружинин Н.М. — 16, 27–29, 38, 107
Дружинина Е.И. — 39, 43
Друцкой-Соколинский В.А. — 464
Дубасов Ф.В. — 222, 266–268
Дубницкий А.Г. — 442, 449, 450, 454, 456, 459, 460, 490
Дубровский А.М. — 78–80, 82
Дубровский С.М. — 26, 86
Дурново П.Н. — 247
Дыбенко П.Е. — 186
Дэвис Р. (Davies R.W.) — 200, 204
Дякин В.С. — 54, 58, 65, 83, 111, 174, 178, 194, 217, 430

Егоров Ю.В. — 12
Егорьев В.Н. — 280
Ежов Н.И. — 531
Езиоранский Л.К. — 197, 198, 377
Екатерина II — 286, 485
Емец В.А. — 105, 377
Ерманский О.А. — 497
Ермолов А.С. — 231, 245, 247, 248
Еропкин А.В. — 163, 222
Ерошкин Н.П. — 111
Ершов В., рабочий — 450
Ерыкалов Е.Ф. — 120, 121, 123
Ефремов И.Н. — 411, 464, 466, 471

Жаков М.П. — 86
Жандр В.А. — 440
Жарков М.Г. — 47
Жданов З.П. — 369, 370
Жилин П.А. — 118
Жилинский Я.Г. — 211
Жильский А.Г. — 47
Жиро Р. (Girault R.) — 83, 406, 421
Жуков Е.М. — 46
Жуковский Я. — 288, 401
Журавлев С.В. — 215

Забелин А.Ф. — 384
Забелин Л.В. — 188
Заболотный Е.Б. — 42
Забудский Г.А. — 376
Завьялов С.И. — 220, 225
Зайончковский А.М. — 181
Залюбовский А.П. — 216, 299, 312, 336, 339, 341, 376, 386
Засулич В.И. — 133, 134
Захаров Б. (Zaharoff B.) — 363, 371, 374
Захарьин А.А. — 365, 390
Зеленин И.Е. — 42, 43
Зензинов В.М. — 487–489, 493, 495, 499, 504, 505
Зиберт Б. фон — 289
Злобин, ратник — 452
Злобов, объездчик — 455
Знаменский О.Н. — 120, 122
Зубатов С.В. — 485
Зырянов П.Н. — 38, 110, 128

Иванов В.М. — 371, 374
Иванов Л.М. — 18, 84, 107, 125
Иванов Н.И. — 313
Иванов П.Г. — 55
Иванов Ф.А. — 478
Иванова Н.А. — 97, 98, 113, 204
Ившин У.И. — 463
Игнатьев А.А. — 364
Игнатьев А.В. — 264, 279, 280
Извольский А.П. — 278, 288
Ильинский И. — 372
Индова Е.И. — 155
Ионичев Н.П. — 212
Иосса Н.А. — 233
Иоффе А.Е. — 448
Ипатьев В.Н. — 295, 336, 338
Искендеров А.А. — 504, 505

Каган А. (Kahan A.) — 202
Калин, генерал, военный судья — 453
Каменский В.А. — 401
Камков, генерал, военный судья — 453
Камынин В.Д. — 42
Каннегисер И.С. — 370
Каннегисер Т.Л. — 370
Канэ Г. (Canet G.) — 403
Капнист Д.П. — 475
Караулов М.А. — 464, 469
Карстенсен Ф. (Carstensen F.V.) — 397
Карташев А.В. — 529
Катков Дж. (Katkov G.) — 514
Каутский К. (Kautsky K.) — 123
Кафенгауз Л.Б. — 194, 247
Кашарский Л. — 86
Каюров В.Н. — 501

К-в А. — 348
Кейнс Дж.М. (Keynes J.M.) — 72
Керенский А.Ф. — 487–195, 499, 504, 505, 509, 516
Керсновский А.А. — 306
Кивгила А. — 396
Ким М.П. — 118
Кинкулькин М.И. — 86
Кирсанов, полковник — 450
Кирьянов Ю.И. — 84, 103, 120, 125, 127, 482, 484, 504
Кислухин, ратник — 452
Клименко К.И. — 201, 212
Климов Ф., ратник — 452, 455
Клячко Л.М. (Л., Л.Л.) — 208, 347
Ковалев В.И. — 427
Ковалевский М.М. — 177
Коваленко Д.А. — 120, 122
Коваленко М.И. — 313
Коваленко Н.А. — 502
Ковальченко И.Д. — 15, 19, 22, 25, 27, 28, 30, 33, 34, 36–38, 47, 84, 100–102, 106, 111, 218, 240
Козакевич П.П. — 477
Козенко Б.Д. — 170
Козлов А.И. — 12
Козлова К.В. — 519
Коковцов В.Н. — 90, 160, 170–173, 175, 177, 180, 224, 258, 266–271, 275–279, 345, 349–351, 354, 357, 371, 409
Колесниченко Д.А. — 127
Колосок С.В. — 160
Колюбакин А.М. — 517
Кондюрин Г.С. — 237
Коновалов А.И. — 411, 434, 464–467, 469, 471
Коновалов Д.П. — 228, 232, 235, 243, 244, 347, 348
Конотопов М.В. — 215
Коншин А.Н. — 443
Коняев А.И. — 306
Корелин А.П. — 52, 53, 125, 177, 444, 485
Королев А.А. — 191
Коростелев О.А. — 517
Коршунова З.П. — 155
Костырко П.З. — 169
Косульников А.П. — 13, 14, 135, 136, 148, 154
Котельников А.И. — 481
Котляревский С.А. — 164
Кошуро И.Л. — 189
Кравченко Г.С. — 159, 160
Красиков С.И. — 502
Красноперов И.Е. — 454
Крестовников Г.А. — 210, 234, 247, 250, 260
Кривоногов В.Я. — 131, 218
Кривошеин А.В. — 174, 236, 412, 418, 426
Кривошеин Г.Г. — 427, 429, 431, 433, 435, 439, 440, 447, 448
Кропоткин П.А. — 469
Крукстон Дж.Ф. (Crookstone J.Th.) — 371
Крупенский П.Н. — 230, 475
Крупина Т.Д. — 425, 444
Крылов А.Н. — 275, 368, 408, 412, 414, 415, 419, 428–432, 435, 438, 440, 442, 444
Крылов Н.Е. — 455, 458
Ксюнин А.И. — 367
Кувшинов В.А. — 215
Кузнецов А.И. — 53, 443
Кузнецов И.В. — 131, 139–146, 149, 155
Кузнецов К.А. — 220
Кузнецов Н.Д. — 497, 498
Кузьмин-Караваев Д.Д. — 166, 175, 181, 209, 222, 297, 300, 364, 380, 382, 386
Кузьминов И.И. — 23, 72
Кузьминский В.В. — 56, 295, 296, 382

Кукин Д.М. — 118
Кукушкин Ю.С. — 34
Куликов В.И. — 155
Куломзин А.Н. — 415, 426, 430
Купер Дж. (Cooper J.M.) — 210
Куракин А.А. — 247
Курдюмов И.В. — 193
Куропаткин А.Н. — 175, 176, 282, 404
Кучкин А.П. — 119, 120, 123
Кшесинская М.А.-Ф. — 363, 364
Кюнье М.Ф. — 365

Л., Л.Л. — см. Клячко Л.М.
Лаверычев В.Я. — 12, 14, 17, 24, 30, 44, 45, 47, 49, 51–55, 57, 65–73, 75, 76, 89, 96, 97, 111, 131, 137, 145, 153, 154, 200, 260, 306, 400, 413, 449
Лагиш П. де (Laguiche P. de) — 447
Лазаревский Н.И. — 421
Ламздорф В.Н. — 266
Ландовский И. — 526, 529, 530
Ланской Г.Н. — 42
Ланц Г. — 255
Лапина С.Н. —25
Лаппо-Данилевский А.С. — 108
Лаптев И.Д. — 23
Лауэ Т. фон (Laue Th. von) — 50, 92
Лебедик Н.И. — 120
Левитский А.С. — 163, 237
Левыкин К.Г. — 131, 132, 135, 148
Лейберов И.П. — 120, 491, 495, 496, 500, 506–509
Лелюхина Н.Д. — 255
Ленин В.И. — 13, 15–17, 21, 22, 25–27, 29–32, 37, 38, 77, 78, 80, 83, 85, 87, 88, 90, 95, 100, 105, 106, 115, 120–123, 126, 133, 134, 137, 138, 143–146, 148, 151–154, 400, 467, 518, 520
Лесенко Н.Д. — 374
Лехович В.А. — 214, 450
Лившин Я.И. — 65, 69, 188, 253, 449
Лившиц Л.З. — 220
Литваков Б.М. — 30
Лихолат А.В. — 120
Ллойд Джордж Д. (Lloyd George D.) — 466, 467, 469, 474, 475
Лобанова Е.В. — 97
Лобко П.Л. — 178, 268
Лодыженский И.Н. — 60, 61, 63
Лозинский З.Б. — 448
Ломен Н.Н. — 275, 276
Лонгли Д.А. (Longley D.A.) — 495–497, 500, 506
Лукин А.А. — 57
Лукомский А.С. — 283, 297, 298, 309, 366, 367, 379–382, 385, 431, 433, 436, 437, 439
Лучининов С.Т. — 428
Львов Г.Е. — 467
Львов С.Е. — 236
Льюис Р. (Lewis R.A.) — 210
Лысый доцент — 455
Люминарский, исправник — 454
Ляндрес С.М. (Lyandres S.M.) — 311, 494
Ляпин В.А. — 220, 259
Лященко П.И. — 187, 401, 449

М. —231, 431
Маевский И.В. — 187, 192, 193, 292, 306
Мазур А. (Mazour A.G.) — 80
Макаревич Э.Ф. — 104, 115
Макаренко А.С. — 461
Макаров А.А. — 56
Маккей Дж. (McKay J.P.) — 69, 237
Маккормик С. (McCormick C.) — 255
Маклаков Н.А. — 58, 411
Макнил Р. (McNeal R.H.) — 94
Макушин А.В. — 525

Малаховская К.И. — 453, 459, 463
Малиновский, доктор — 454, 455, 462
Мамонтовы — 409
Маниковский А.А. — 70, 163, 167, 170, 175, 181, 183–186, 191, 216, 291–293, 295–302, 304, 307–313, 315, 316, 334, 338, 340–342, 384–386, 411, 413–415, 421, 426, 428, 436, 437, 440–445, 449, 450, 459–462, 478, 494, 504
Мансырев С.П. — 311, 473
Манус И.П. — 430
Маньков И.Н. — 473
Мария Павловна, вел. кн. — 366
Мария Федоровна, имп. — 427
Марков Н.Е. — 234, 298, 308, 310, 389, 438, 464, 466, 471, 473–476, 479
Маркс К. — 16, 21, 23, 123, 133, 134, 144, 240
Маслов К.П. — 482, 483, 485
Матафанов Н.И. — 450
Матюгин А.А. — 120
Мебес В.Ю. — 431, 440
Мелансон М. (Melançon M.) — 490, 499, 500, 502
Меллер А.П. — 228, 347, 351, 354, 406, 412, 433–435, 444
Мельгунов С.П. — 527, 532
Мельников Р.М. — 189, 275
Мельянцев В.А. — 208
Меньшиков М.О. — 164, 177, 219, 223, 236, 255, 307, 346–348
Мерзляков Л.И. — 75, 76
Милов Л.В. — 84, 100, 101, 240
Милова О.Л. — 261
Мильчик И.И. — 507, 508
Милюков П.Н. — 42, 309, 315, 434, 435, 438, 464–469, 471, 473–477, 492, 494
Минарик Л.П. — 84
Миндарев А.Т. — 430
Минц И.И. — 68, 86, 108, 118–120, 122, 123, 306, 490, 499, 515, 517–519
Мительман М.И. — 441
Митинский А.Н. — 57, 260, 479
Мифтиев Г.А. — 189
Михаил Михайлович, вел. кн. — 366
Михаил Николаевич, вел. кн. — 452
Михайлов В.С. — 186, 192, 238
Мицкевич С.И. — 485
Морган Дж. (Morgan J.P.) —268
Морозовы — 443
Мулен Л.Э. (Moulin L.E.) — 279
Муравьев П.П. — 56, 297
Мурзинцева С.В. — 198
Мусихин В.Е. — 54
Мышлаевский А.З. — 282, 284

Наговицын Н.М. — 463
Назаров М.В. — 529
Назаровский Б.Н. — 237
Найденовы — 443
Нарочницкий А.Л. — 13, 35, 46, 110, 131, 136, 140, 153–155
Нарышкин А.А. — 247
Наумов А.Н. — 60, 390–392
Наумов В.П. — 120
Некрасов Н.В. — 311–313, 411, 474, 494, 513, 514, 516–529, 531
Некрич А.М. — 80, 81, 105, 112
Нелсон К. (Neilson K.) — 280
Нератов А.А. — 448
Нетесин Ю.Н. — 88, 193
Неупокоев В.И. — 153
Нечкина М.В. — 106–108
Никитин А.Л. — 524
Николаев А.Б. — 311–313
Николаевский Б.И. — 524–530
Николай II — 59, 64, 166, 169, 178, 180, 182, 185, 220, 221, 227, 230, 231, 235, 245, 263, 266, 267, 272, 274, 277–279, 289, 290, 313, 314,

334, 364, 372, 377, 378, 386, 388, 389, 408, 415, 427, 430, 433, 448, 451, 460–462, 471, 475, 498
Николай Николаевич, вел. кн. — 270, 426
Нилов К.Д. — 372
Нифонтов А.С. — 26, 27
Нобель Э. (Nobel E.) — 370, 371
Новицкий П.В. — 475
Новомбергский Н.Я. — 164
Новосельцев А.П. — 84, 129
Норман О. (Normand A.) — 371
Носович В.П. — 365, 366
Ньютон И. — 46

Оглоблинский Н.Н. — 430
Озеров И.Х. — 232, 243, 347, 370
Ознобишин А.А. — 174
Олицкая Е.Л. — 498
Ольховая Л.В. — 134, 261
Опацкий А.Н. — 481
Орлов М.Н. — 459
Осокина Е.А. — 34
Островский А.В. — 516, 518, 519, 527, 528
Оуэн Т. (Owen Th.C.) —110
Ошарин А.В. — 189

Павленко Н.И. — 36, 84, 103
Пайпс Р. (Pipes R.) — 74, 78
Палеолог М. (Paléologue M.) — 354, 446, 447
Палицын Ф.Ф. — 279, 283, 285
Панкин А.В. — 57, 58
Парсонс (Parsons Ch.A.) — 275, 285
Паялин Н.П. — 505
Педосов А.Д. — 135, 148, 149, 154
Персов М.С. — 86
Першин П.Н. — 25, 26
Петр I — 232, 485
Петр III — 485
Петров И.Ф. — 119–123
Петров М.А. — 185, 269, 282
Петров Ю.А. — 177, 215
Пешехонов А.В. — 23
Пикар М.-Ж. (Picquart G.) — 279
Пикуль В.С. — 519
Пионтковский С.А. — 306
Плансон К.А. — 286, 287
Платонов О.А. — 515, 518, 524
Платонов С.Ф. — 519
Плеханов Г.В. — 42
Плотников М.С. — 374, 393
Плясунов В.И. — 220
Погодин С.Н. — 108
Погребинский А.П. — 45, 51, 52, 57, 68, 73, 75, 76, 93, 95, 187, 188, 191, 227, 306, 373, 375, 388, 395, 396, 449
Покровский М.Н. — 83, 92, 204
Покровский Н.Н., министр — 56, 185, 337, 340
Покровский Н.Н., академик — 519
Поливанов А.А. — 60, 170, 173, 196, 212, 213, 234, 277, 294, 309, 311, 379, 385, 386, 388, 391, 393, 411, 412, 415, 418, 427–429, 431, 433, 447, 467, 475–477
Полторак С.Н. — 428
Поляков Ю.А. — 109, 118, 129
Понафидин Н.Е. — 431
Пономарев Б.Н. — 119
Поплавский Ю.И. — 480, 481
Попов А.И. — 514
Попов А.П. — 454
Португалов Н.М. — 368, 369
Поспелов П.Н. — 13, 46
Поткина И.В. — 112
Поторочин, ратник — 455, 458
Преображенский А.А. — 131, 153
Преображенский Е.А. — 86
Пригожин А.Г. — 86
Приселков А.Д. — 382, 440
Притула А.Ф. — 338
Пробст А.Е. — 232

Прокопенко Н.Р. — 187
Протопопов А.Д. — 56, 464–466, 471, 498
Пуанкаре Р. (Poincaré R.) — 280
Пузырев В.П. — 289
Пузырев И.П. — 210
Пуришкевич В.М. — 223
Путилов А.И. — 191, 345, 347, 350, 351, 408, 409, 410, 411, 413, 414, 424, 430, 431, 433, 439
Путткамер Л.С. — 465, 473
Пушин И., ратник — 455
Пушкарева И.М. — 495, 496, 509
Пятаков Г.Л. — 531

Рабенек — 443
Рабинович Г.Х. — 50
Раев Н.П. — 56
Разумов Н.И. — 347
Раковский Х.Г. — 526, 530, 531
Ракуса-Сущевский К.К. — 347
Распутин Г.Е. — 370, 429, 430
Рафиков И.К. — 203
Редигер А.Ф. — 166, 169, 170, 179, 196, 223, 239, 276, 384
Рейман М. (Reiman M.) — 104, 105, 113
Рейхардт В.В. — 65, 66
Ренненкампф П.К. — 289
Репнин П.И. — 485
Ржевский В.А. — 313, 494
Рибер А. (Rieber A.J.) — 73, 74, 254
Ривкин Б.Б. — 306
Риттих А.А. — 503
Рогожников В.А. — 349
Родеус, воинский начальник — 454
Родзевич В.М. — 163
Родзянко М.В. — 424, 426, 429, 430, 464, 465, 467, 469, 471, 473, 475, 492
Родионов А.Р. — 265
Рожественский З.П. — 266, 267
Розенберг У. (Rosenberg W.G.) — 486
Розенталь И.С. — 522–525, 528, 529, 532
Розенталь Э.М. — 279,
Розенфельд Я.С. — 109, 110, 201, 212
Розовский Л.Б. — 195
Романовы — 357, 452
Ронин С.Л. — 92
Ростовщиков А.В. — 207
Рубец А.Д. — 210
Рубинштейн Н.Л. — 85, 128
Рудаченко С.Д. — 491, 506
Руза Р. (Roosa R.A.) — 58
Рузский Н.В. — 473
Румянцев Е.Д. — 339
Русин А.И. — 467
Рухлов С.В. — 66
Рэлей Д. (Raleigh D.) — 113
Рыбаков Б.А. — 46, 131, 139, 140
Рындзюнский П.Г. — 15, 19, 22, 23, 27, 28, 38, 44, 84, 107, 109, 218, 220
Рябов, ратник — 458
Рябушинские — 53, 215
Рябушинский П.П. — 215, 443
Рябушинский С.П. — 214, 215

Саблер В.К. — 247
Сабуров П.А. — 266
Саввин Н.Н. — 200, 201
Савенко А.И. — 473
Савич Н.В. — 223, 13, 362, 438, 464–466, 469, 471, 474
Садаков М.А. — 463
Сает Л.Я. — 192
Сазонов, стражник —455
Сазонов С.Д. — 280, 354, 356
Саксонов О.В. — 168
Самсонов А.В. — 289
Сандецкий А.Г. — 458
Сапоговская Л.В. — 242
Сапожников А.В. — 209, 216
Сахаров В.В. — 167–169
Свешников Н.Ф. — 497, 501, 508

Святловский Е.С. — 159
Селицкий В.И. — 120
Селунская Н.Б. — 30
Семенников В.П. — 476
Семенов Е.П. — 498, 505
Сеншоль Б. (Sincholle B.) — 527
Сергей Михайлович, вел. кн. — 168, 191, 284, 294, 334, 359, 362–364, 368, 372, 379–381, 389, 425, 426
Серебряков В. — 48, 86
Серегин С.В. — 504
Серков А.И. — 514, 516–518, 524
Сиволобов А.М. — 131, 132, 135, 148
Сидоров А.Л. — 12, 16, 18, 24, 38, 50, 64, 74, 77, 79–82, 84–86, 89, 92–94, 96, 97, 103, 134, 161, 167, 171, 183, 185, 187, 188, 191, 201, 204, 291–294, 296, 299, 306, 335, 336, 338, 358, 360, 361, 373, 375, 382–384, 386, 392, 426, 439, 467
Сидоров К.Ф. — 484
Симонова М.С. — 110, 125, 127, 129
Синайский В.И. — 416, 422
Скобелев М.И. — 467, 474, 490, 491, 494, 505
Слепов Ф.А. — 485
Смага Ю. — 439
Сметанин С.И. —210, 215
Смирнов П.С. — 120, 121
Смирнов С.А. — 443
Смирнова Ю.Б. — 75, 76
Смысловский Е.К. — 180, 183, 338, 379, 425
Соболев Г.Л. — 498, 500, 505
Соболев П.Н. — 120, 123, 129, 131, 145, 154
Совокин А.М. — 119, 120
Созин И.В. — 104, 155
Соколов А.В. — 502, 532
Соколовский К.М. — 431
Солженицын А.И. — 514
Соловьев В.С. — 165
Соловьев Л.З. (Эль-Эс) — 284
Соловьев М.В. — 382
Соловьев О.Ф. — 518, 519, 524, 526–528
Соловьев Ю.Б. — 111, 217
Сольский Д.М. — 269, 270
Сондерс Д. (Saunders D.) — 112
Сорокин А.К. — 50, 65
Спирин Л.М. — 119, 120, 122
Сралик — см. Нарочницкий А.Л.
Сталин И.В. — 13, 15, 23, 49, 78, 81, 82, 85, 86, 90, 102, 107, 115, 188, 254
Станчев М.Г. — 530, 531
Стародумов Дм., ратник — 455
Старцев В.И. — 120, 310, 311, 494, 506, 515–519, 523–528, 532
Стахович М.А. — 477
Стемпковский В.И. — 465, 466, 471, 475
Степанов А.В. — 479, 484
Степной Н. (Афиногенов Н.) — 506
Стивенсон Д. (Stevenson D.) — 277, 280, 282
Стишинский А.С. — 234, 247
Стишов М.И. — 81
Столыпин П.А. — 38, 173, 174, 177, 236, 288
Стоун Н. (Stone N.) — 73, 282
Стремоухов П.П. — 62
Строганов С.А. —236, 237
Струве П.Б. — 182
Струк Н.К. — 192
Струков А.П. — 247
Субботин Ю.Ф. — 167, 189, 218
Суслов М.А. — 48
Суханов Н.Н. — 505
Сухов В.А. — 174, 188
Сухомлинов В.А. — 166, 172, 173, 175, 192, 208, 211, 284, 296, 297, 360
Сухомлинова Е.В. — 365
Сухотин Н.Н. — 247

Т.А.У. — 251
Таганцев Н.Н. — 365
Таняев А.П. — 482
Тарновский К.Н. — 12, 14, 15, 17–27, 30, 31, 33, 42, 43, 45, 50, 51, 57, 58, 69, 72, 73, 77, 81, 83, 84, 91–95, 101, 103–105, 107, 110, 111, 114, 116, 117–155, 161, 187–189, 191, 200, 237, 448, 449
Тарховский И.И. — 365
Татаринов, ратник-конвоир — 453, 455, 457
Темкин Я.Г. — 119
Теннисон К.А. — 369, 370
Терещенко М.И. — 312
Тимашев С.И. — 58, 174, 196, 208, 228, 233, 243, 248–252, 254, 255, 258, 260, 263, 346, 349, 350–352
Тимирязев В.И. — 247, 248, 255, 260
Тимофеев Т.Т. — 119
Тимошенко В.В. — 84, 100
Тимрот А.К. — 377
Тинченко Я.Ю. — 186
Тиханович-Савицкий Н.Н. — 185
Тихвинский С.Л. — 34, 42
Тихонов И., ижевский обыватель — 456
Токарев Ю.С. — 500
Толь С.А. — 247
Тома А. (Thomas A.) — 446
Торке Г. (Torke H.-J.) — 107
Торпан Н.И. — 70, 73, 407, 448
Трапезников С.П. — 12–14, 20, 21, 45, 79, 106, 108, 131, 132, 135, 148, 149, 153, 155
Трепов В.Ф. — 56, 247
Троцкий Л.Д. — 23, 520, 531
Трукан Г.А. — 120
Туган-Барановский Л.С. — 376
Тулисов Е.С. — 243
Туляков И.Н. — 473, 474
Туманов Н.Е. — 464, 469, 471, 473
Тюкавкин В.Г. — 25
Тюльпанов С.И. — 434, 439
Тютюкин С.В. — 127, 130, 153, 154

Угаров И.Ф. — 195
Ульянова С.Б. — 258
Ульянский А.Г. — 441
Урбанский И.Н. — 366
Урибес Э.Э. — 188
Утин Я.И. — 366, 371, 374, 386
Ушаков А.В. — 120, 122

Фабричный П.Н. —160
Федоров Б.П. — 441
Федоров В.Г. — 312, 341
Федоров К.П. — 374, 393
Ферро М. (Ferro M.) — 82
Филд Д. (Field D.) — 33, 34
Филиппов А.Ф. — 369, 370
Филиппов Т.И. — 245
Философов Д.А. — 263
Финн-Енотаевский А.Ю. — 22, 23, 48
Фирле Р. (Firle R.) — 290
Фишер Дж. (Fisher J.) — 288
Флеер М.Г. — 433, 486
Фрелих В.Г. — 376
Фриновский М.П. — 531
Фролов П.А. — 184, 185, 293, 299, 300–302, 339, 417, 441, 473
Фрязинов А.М. — 453, 455, 456
Фуллер С. (Fuller C.) — 290, 364, 369
Фурнье А. (Fournier A.) — 406

Хабалов С.С. — 497
Хаген М. (Hagen M.) — 112
Хальгартен Г. (Hallgarten G.W.F.) — 363
Ханжин М.В. — 403
Харитонов П.А. — 296, 300, 302, 339, 357, 383, 384, 412
Харусь О.А. — 164

Хасегава Ц. (Hasegawa Ts.) — 490, 495–497, 500, 525
Хасс Л. (Hass L.) — 516
Хауманн Х. (Haumann H.) — 73, 430, 432, 446
Хвостов А.А. — 60, 61
Хвостов А.Н. — 389
Хвостов Н.А. — 247
Хвостова К.В. — 205
Хейвуд Э.Дж. (Heywood A.J.) — 206
Хеймсон Л., Хаймсон Л. (Heimson, Haimson L.) — 486, 495, 500, 502, 503, 505, 523, 530
Хёслер И. (Hösler J.) — 113
Хильдермайер М. (Hildermeier M.) — 84, 113
Хованский Я.И. — 255
Ходнев Д.И. — 498
Ходский Л.В. — 165
Холяев С.В. — 501
Хохрякова И.С. — 463
Хромов С.С. — 13, 123
Хрунин Г. — 498

Цамутали А.Н. — 12
Цветков И.Ф. — 189
Циунчук Р.А. — 112
Цукерник А.Л. — 236, 242

Чаадаева О.Н. — 485
Чарновский Н.Ф. — 52, 201, 480
Червинская Н.И. — 365, 366
Чердынцев С.И. — 481–483
Черепнин Л.В. — 100, 106–108, 155
Черменский Е.Д. — 515–517, 519
Чернуха В.Г. — 165
Чернышев, смотритель лазарета — 455
Черчилль У. (Churchill W.) — 289, 290
Чесноков Д.И. — 72
Чихачев Д.Н. — 464, 465, 569, 473
Чихачев Н.М. — 271
Чой Доккю — 266
Чорбо В.В. — 393
Чугреев Н.Н. — 189
Чхеидзе Н.С. — 473, 488–490, 494, 499, 530
Чхенкели А.И. — 517

Шамбаров В.Е. — 210
Шанин Т. (Shanin Th.) — 113
Шапиро А.Л. — 100
Шарапов Г.В. — 13, 121, 131, 135, 148
Шаховской В.Н. — 56, 60, 62–64, 75, 76, 263, 337, 391, 419, 420, 475, 476
Шацилло К.Ф. — 75, 82, 84, 87, 94, 96, 99, 100, 125, 161, 174–176, 188–190, 194, 197, 201, 202, 207–209, 218, 219, 240, 242, 243, 250, 264, 265, 268–270, 272, 278, 279, 282, 284, 285, 288, 290, 351, 353, 370–372, 392, 397, 428, 430, 434, 439, 447
Шашкова О.А. — 494
Шванебах П.Х. — 275, 276
Шведе Е.Е. — 280
Шебалдин Ю.Н. — 87
Шебалов А.В. — 235
Шевырин В.М. — 515
Шелохаев В.В. — 105, 111, 127, 521
Шепелев Л.Е. — 59, 63–65, 73, 75, 94, 194, 240, 291, 402
Шереметев С.Д. — 236
Шестаков А.В. — 86
Шестаков С.В. — 434
Шибанов, ратник — 458
Шидловский С.И. — 311, 312, 464, 465, 469
Шингарев А.И. — 390, 476–478, 506
Ширшов В.П. — 210
Шишкин В.А. — 239, 241
Шишкин О.А. — 518, 523

Шляпников А.Г. — 489, 490, 496, 500, 503, 504, 506, 508, 509
Шляхтинский К.В. — 210, 212
Шостакович Д.Д. — 95
Шпан К.К. — 431
Штюрмер Б.В. — 56, 62, 63, 247, 301, 302, 309, 314, 315, 446, 475, 476
Шуваев Д.С. — 196, 300, 301, 337, 339, 442, 444
Шувалова Е.В. — 236
Шугуров Л.М. — 210–212, 214, 215
Шульгин В.В. — 493, 494
Шумкин Г.Н. — 189, 228, 256, 257, 259, 353, 357

Щагин Э.М. — 122

Эбергард А.А. — 284
Эль-Эс. — см. Соловьев Л.З.
Элькин Б.И. (Elkin B.) — 516–518, 526, 527
Энгельгардт Б.А. — 362, 363, 367, 368
Энгельс Ф. — 16, 21, 23, 80, 103, 134, 141, 144, 240

Юренев И. (Кротовский К.К.) — 498, 531
Юрий М.Ф. — 168
Юрковский К.Е. — 367
Юхт А.И. — 263
Юшкин В.М. — 68

Яблонский И. — 198
Ягода Г.Г. — 518, 520
Ядринцев А.А. — 508
Якимович А.А. — 386
Яковлев Я.А. — 491, 495, 500, 504, 509
Яковлев Н.Н. — 115, 310, 311, 494, 513–522, 525
Янушкевич Н.Н. — 426
Яхонтов А.Н. — 185, 412, 426, 435

Acton E. — 113
Ascher A. — 113
Baron S.H. — 80
Beaud C. — 354, 356, 403, 406, 410
Bösch F. — 363
Bonwetsch B. — 65, 79, 83, 104, 113, 439, 446, 495
Bouvier J. — 406, 431
Brian E. — 486
Carstensen F.V. — 67, 255
Davies R.W. — 200, 210
Enteen G. — 83
Fuller C. — 290, 364, 369
Funken K. — 113
Gatrell P. — 65, 113, 159, 163, 190, 200, 220, 223, 235, 282, 285, 288, 346
Geyer D. — 84, 109, 111, 282, 289
Girault R. — 406, 421, 431
Goldstein E.R. — 189, 393, 396
Gorn T. — 83
Gourko B. — 281
Grant J.A. — 399
Hagen M. — 113
Hasegawa Ts. — 490, 491, 495, 497, 505
Haumann H. — 65, 68, 73, 113, 193, 306, 411, 417, 430, 432, 446
Heer N.W. — 80
Heimson L. (Haimson L.) — 486, 505
Herrmann D.G. — 177
Hildermeier M. — 84, 85, 113
Hölzle E. — 289
Hösler J. — 113
Kahan A. — 202
Keep J. — 96, 113
Kern Ch. — 83
Kirchner W. — 363
Langhorne R.T.B. — 288
Laqueur W. — 47
Laue Th. von — 50
Lemke H. — 288

Linke H.G. — 395, 446, 447
Löhr B. — 65
Longley D.A. — 495, 500
Lyandres S. — 311, 313
Mandel D. — 509
McKay J. — 238
Mcneal R.H. — 94, 110
Mcneill W.H. — 177
Mazour A.G. — 80
Melançon M. — 490, 499, 502
Miller M. — 220
Neilson K. — 191, 280, 362, 366
Peeters W. — 83
Portal R. — 193
Reiman M. — 104
Rieber A.J. — 65, 73–75, 113, 242, 254
Roosa R.A. — 58, 82, 110, 268
Rosenfeldt N.E. — 78
Sapelli G. — 486
Saunders D. — 113
Scanlan J.P. — 80
Schneiderman J. — 485
Scott J. — 363
Siegelbaum L.H. — 51, 56, 65, 68, 72, 76, 308, 467
Stevenson D. — 277, 280–282
Stone N. — 73, 209, 282, 396
Sumida J.T. — 267
Sweet D.W. — 288
Torke H.-J. — 113
Trebilcock C. — 363, 366, 372
Vickers, br. —372
Wade R.A. — 506
Westwood J.N. — 289
Wilson J. — 83
Wittram R. — 109
Wortman R. — 417

Научное издание

Владимир Васильевич Поликарпов

От Цусимы к Февралю.
Царизм и военная промышленность
в начале XX века

Издательство «Индрик»

Корректор *Т.И. Томашевская*
Оригинал-макет *И.В. Заика*
Оформление *А.С. Старчеус*

Исключительное право оптовой реализации книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
тел./факс: **(495) 959-21-03**

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 70×106$^{1}/_{16}$. Гарнитура «Таймс» Печать офсетная.
34,5 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 2385

Отпечатано с оригинал-макета
В ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д.6